

История Греции, том 03 (из 12)

Джордж Гроут

HISTORY OF GREECE.

BY

GEORGE GROTE, Esq.

VOL. III.

The Project Gutenberg eBook of История Греции, том 03 (из 12).

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История Греции, том 03 (из 12)

Автор: Джордж Гроут

Дата выхода: 29 декабря 2018 [eBook #58565]

Язык: Английский

Credits: Продюсеры: Генри Флауэр, Адриан Мастронарди, Рамон Пахарес
Бокс и командой онлайн-распределенной корректуры по адресу
<http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений
щедро предоставленных Интернет-архивом/Американскими
Libraries).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK HISTORY OF GREECE, VOLUME 03 (OF 12) ***

[Примечание транскриптора](#)

[Оглавление](#)

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ.

BY GEORGE GROTE, Esq.

VOL. III.

ПЕРЕПЕЧАТАНО СО ВТОРОГО ЛОНДОНСКОГО ИЗДАНИЯ.

NEW YORK:

ХАРПЕР И БРАТЬЯ, ИЗДАТЕЛИ

329 И 331 ПЕРЛ-СТРИТ

СОДЕРЖАНИЕ.

VOL. III.

ЧАСТЬ II.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ГРЕЦИИ.

ГЛАВА IX.

КОРИНФ, СИКИОН И МЕГАРА. - ЭПОХА ГРЕЧЕСКИХ ДЕСПОТОВ.

Ранняя торговля и предприимчивость коринфян. - Олигархия вакхиадов. - Раннее состояние Мегары. - Раннее состояние Сикиона. - Возвышение деспотов. - Самые ранние смены власти в Греции. - Особенность Спарты. - Отказ от царской власти в Греции в целом. - Сравнение со средними веками Европы. - Антимонархические настроения Греции - мистер Митфорд. - Причины, которые привели к росту этих настроений. - Переход к олигархическому правлению. - Такая перемена указывает на прогресс в греческом сознании. - Недовольство олигархиями - способами, с помощью которых деспоты приобретали власть. - Примеры. - Тенденция к более организованному гражданству. - Характер и деятельность деспотов. - Демагог-деспот ранних времен в сравнении с демагогом более поздних времен. - Контраст между деспотом и ранним героическим королем. - Положение деспота. - Хорошее правление для него невозможно. - Конфликт между олигархией и деспотией предшествовал конфликту между олигархией и демократией. - Ранние олигархии включали в себя множество различных секций и объединений. - Правительство геомори - тесный орден настоящих или прошлых собственников. - Сословия народа. - Военная сила ранних олигархий состояла из конницы. - Возникновение тяжеловооруженной пехоты и свободной морской пехоты - оба эти явления неблагоприятны для олигархии. - Дорийские государства - дорийские и недорийские жители. - Династия деспотов в Сикионе - Ортагорида. - Насильственные действия Клейстенеса. - Классы сикионского населения. - Падение Ортагоридов - состояние Сикиона после него. - Сикионские деспоты, не усмиренные Спартой. - Деспоты в Коринфе - Кипсел. - Периандр. - Великое могущество Коринфа при Периандре. - Падение династии Кипселидов. - Мегара - деспот Теагенес. - Беспокойное правление в Мегаре - поэт Феогнис. - Аналогия Коринфа, Сикиона и Мегары.

стр. 1-47

ГЛАВА X.

ИОНИЙСКАЯ ЧАСТЬ ГЕЛЛАДЫ. - АФИНЫ ДО СОЛОНА.

История Афин до Драко - только список имен. - Нет царя после Кодруса. - Пожизненные архонты. - Десятилетние архонты. - Годовые архонты, девять человек. - Архонтство Креона. 683 г. до н. э. - начало аттического летоисчисления. - Неизвестность гражданского состояния Аттики до Солон. - Предполагаемое двенадцатиричное деление Аттики в ранние времена. - Четыре ионических племени - гелеонты, гоплиты, эгикореи, аргадеи. - Эти имена не являются названиями каст или профессий. - Составные части четырех племен. - Триттис и Наукрари. - Фратрии и гены - то, что составляло гены или языческую общину. - Искусственное расширение первобытного семейного объединения. Идеи поклонения и происхождения объединяются. - Вера в общего божественного предка. - Эта родословная сказочная, , но все

же аккредитованная. - Аналогии с другими народами. - Римское и греческое язычество. - Права и обязанности братьев и сестер из язычников и фратрий. - Род и фратрия после революции Клейстенеса стали внеполитическими. - Множество отдельных политических общин, первоначально существовавших в Афинах. - Тесей. - Долгое сохранение кантонального чувства. - Какие демы были первоначально независимы от Афин. - Элевсис. - Евпатриды, Гефморя и Демииурги. - Евпатриды первоначально обладали всей политической властью. - Сенат Ареопага. - Девять архонтов - их функции. - Драко и его законы. - Различные трибуналы по делам об убийстве в Афинах. - Постановления Драко об эфетах. - Местные суеверия в Афинах по поводу суда над убийцами. - Попытка узурпации Килона. - Его неудача и расправа над его сторонниками по приказу Алкмеонидов. - Суд и осуждение Алкмеонидов. - Мор и страдания в Афинах. - Мистические секты и братства в VI веке до н. э. - Эпименид из Креты. - Эпименидес посещает и очищает Афины. - Его жизнь и характер. - Контраст его эпохи с эпохой Платона.

48-88

ГЛАВА XI.

ЗАКОНЫ И КОНСТИТУЦИЯ СОЛОНИИ.

Жизнь, характер и поэмы Солон. - Война между Афинами и Мегарой за Саламин. - Приобретение Саламины Афинами. - Разрешение спора спартанским арбитражем в пользу Афин. - Состояние Афин непосредственно перед принятием закона Солон. - Внутренние раздоры - страдания беднейшего населения. - Рабство должников - закон о должнике и кредиторе. - Несправедливость и алчность богачей. - Всеобщий мятеж и необходимость масштабной реформы. - Солон становится архонтом и наделяется всеми законодательными полномочиями. - Он отказывается стать деспотом. - Его сейсахтея, или закон о помощи бедным должникам. - Обесценивание денежного стандарта. - Всеобщая популярность меры после частичного недовольства. - Различные последующие заявления о характере и масштабах сейсахтеи. - Необходимость этой меры - опасные договоры, к которым приводил прежний закон. - Закон Солон окончательно решил вопрос - никаких последующих жалоб на частные долги - уважение к договорам сохранилось и при демократии. - В раннем обществе проводилось различие между основной суммой и процентами по займу - проценты не одобрялись *в целом*. - Это мнение было сохранено философами после того, как оно перестало преобладать в обществе в целом. - Солоновская сейсахтея так и не была имитирована в Афинах - денежный стандарт честно сохранился и впоследствии. - Солон уполномочен изменять политическую конституцию. - Его перепись - четыре шкалы имущества. - Градуированная ответственность по подоходному налогу трех богатейших классов, один в сравнении с другим. - Соизмерение политических прав и привилегий в соответствии с этой шкалой - тимократия. - Четвертый, или беднейший класс, осуществлял власть только в собрании - выбирал магистратов и привлекал их к ответственности. - Сенат четырехсот - про-булевтический или предварительно обдумывающий. - Сенат Ареопага - его полномочия расширились. - Часто наблюдается путаница между солонскими и постсолонскими институтами. - Свободный язык афинских ораторов в этом вопросе. - Солон никогда не задумывался о будущем изменении или пересмотре своих законов. - Солон заложил основы афинской демократии, но его институты не являются демократическими. - Настоящая афинская демократия начинается с Клейстенеса. - Афинское правление после Солон остается олигархическим, но смягченным. - Архонты продолжают оставаться судьями вплоть до времени Клейстенеса. - Последующие изменения в афинской конституции, не замеченные ораторами, но понятые Аристотелем и сильно ощущаемые в Афинах во времена Периклеса. - Генты и фратрии по солоновской конституции - статус лиц,

не включенных в них. - Законы Солона. - Драконий закон об убийстве сохранен, остальные отменены. - Разнообразный характер законов Солона: нет видимости классификации. - Он запрещает вывоз из Аттики продуктов земледелия, за исключением масла - запрет малоэффективен или вообще неэффективен. - Поощрение ремесленников и промышленности. - Право завещания - впервые санкционировано Солоном. - Законы, касающиеся женщин. - Постановления о похоронах. - О злословии и оскорбительных выражениях. - Награда победителям на священных играх. - Воровство. - Порицание, объявленное Солоном гражданам, нейтральным в мятеже. - Необходимость в греческих городах-правителях положительных настроений со стороны граждан. - Контраст в этом отношении между эпохой Солона и последующей демократией. - Та же идея нашла свое продолжение в последующем остракизме. - Отношение Солона к гомеровским поэмам и драме. - Трудности Солона после принятия законов. - Он удаляется из Аттики. - Посещает Египет и Кипр. - Предполагаемая беседа и разговор Солона с Крёзом в Сардах. - Моральный урок, вытекающий из этого повествования. - Состояние Аттики после солонского законодательства. - Возвращение Солона в Афины. - Возвышение Писистрата. - Его памятная уловка, чтобы получить охрану от народа. - Пейсистрат захватывает Акрополь и становится деспотом - мужественное сопротивление Солона. - Смерть Солона - его характер. - Приложение, посвященное процедуре римского права в отношении основной суммы и процентов по денежному займу.

88-162

ГЛАВА XII.

ЮБМЕЯ. - КИКЛАДЫ.

Острова, называемые Кикладами. - Эвбея. - Шесть или семь городов - Халкис, Эретрия и т.д. - Население. - Раннее могущество Халкиса, Эретрии, Наксоса и т.д. - Ранний ионийский праздник в Дкlose; многолюдность и богатство. - Его упадок около 560 г. до н. э. - причины. - Гомеровский гимн Делийскому Аполлону - свидетельство о ранней ионийской жизни. - Война между Халкисом и Эретрией в ранние времена - обширные союзы каждого из них. - Торговля и колонии Халкиса и Эретрии - эвбейская шкала денег и веса. - Три различные греческие шкалы - эгинейская, эвбейская и аттическая - их соотношение друг с другом.

163-172

ГЛАВА XIII.

АЗИАТСКИЕ ИОНИЙЦЫ.

Двенадцать ионийских городов в Азии. - Легендарное событие, названное ионийской миграцией. - Эмигранты в эти города - разнообразные греки. - Большие различия в диалектах между двенадцатью городами. - Ионические города, действительно основанные разными миграциями. - Последствия смешения жителей в этих колониях - больше активности - больше нестабильности. - Мобильность, приписываемая ионической расе по сравнению с дорической, возникает по этой причине. - Ионические города в Азии - смешанные с коренными жителями. - Поклонение Аполлону и Артемиде - существовало на азиатском побережье до греческих эмигрантов - перенято ими. - Пан-ионический фестиваль и Амфикифия на мысе Микале. - Положение Милета - других ионических городов. - Территории, перемежающиеся с азиатскими деревнями. - Магнесия на Мæандре - Магнесия на горе Сипилус. - Эфес - Андрокл СЕкист - первое поселение и распространение. - Увеличение и приобретение Эфеса. - Колофон, его происхождение и история. - Храм

Аполлона в Кларусе, близ Колофона - его легенды. - Лебедус, Теос, Клазомены и т. д. - внутреннее распределение жителей Теоса. - Эритрея и Хиос. - Клазомены - Фокея. - Смирна.

172-189

ГЛАВА XIV.

ЭОЛИЙСКИЕ ГРЕКИ В АЗИИ.

Двенадцать городов эолийских греков. - Их положение - одиннадцать рядом друг с другом на берегу Элейского залива. - Легендарная эолийская миграция. - Киме - самый ранний и самый могущественный из двенадцати. - Магнезия в Сипилуме. - Лесбос. - Ранние жители Лесбоса до эолийцев. - Эолийские поселения в районе горы Ида. - Континентальные поселения Лесбоса и Тенедоса. - Антиэллинские жители в районе горы Ида - мисийцы и теукрийцы. - Тевкрийцы из Горгиса. - Митилен - его политические разногласия - его поэты. - Власть и заслуги Питтакуса. - Поэт Алкей - его бегство из боя. - Ожесточенное противостояние Питтака и Алкея во внутренней политике. - Питтакус становится эсимнетом, или диктатором Митилена.

190-201

ГЛАВА XV.

АЗИАТСКИЕ ДОРИЙЦЫ.

Азиатские дорийцы - их Гексаполис. - Другие дорийцы, не вошедшие в Гексаполь. - Исключение Галикарнаса из Гексаполиса.

201-203

ГЛАВА XVI.

КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ МАЛОЙ АЗИИ, С КОТОРЫМИ ГРЕКИ ВСТУПИЛИ В СВЯЗЬ.

Коренные народы Малой Азии - гомеровская география. - Особенности страны. - Имена и положение различных народов. - Первоначально не объединялись в крупные царства или города. - Река Халис - этнографическая граница - сир-арабы к востоку от этой реки. - Фракийская раса - на севере Малой Азии. - Этническое родство и миграции. - Частичная идентичность легенд. - Фригийцы. - Их влияние на ранних греческих колонистов. - Греческая музыкальная шкала - частично заимствована у фригийцев. - Фригийская музыка и культ у греков в Малой Азии. - Характер фригийцев, лидийцев и мисийцев. - Первобытный фригийский царь или герой Гордий - Мидас.

203-218

ГЛАВА XVII.

ЛИДИЙЦЫ. - МЕДЕС. - ЦИММЕРИЙЦЫ. - СКИФЫ.

Лидийцы - их музыка и инструменты. - Они и их столица Сарды неизвестны Гомеру. - Ранние лидийские цари. - Кандаулес и Гигес. - Династия Мермнадов наследует Гераклидам. - Легенда о Гигесе у Платона. - Женское влияние, прослеживающееся в легендах Малой Азии. - Разделение Лидии на две части - Лидию и Торрхебию. - Деятельность Гигеса. - Его сын и преемник Ардис. - Ассирийцы и медяне. - Первый медийский царь - Деиокес. - Его история

составлена из греческих, а не восточных материалов. - Фраортес - Киаксарес. - Осада Ниневии - вторжение скифов и киммерийцев. - Киммерийцы. - Скифы. - Греческие поселения на побережье Эвксинского моря. - Скифия по описанию Геродота. - Племена скифов. - Нравы и культ. - Скифы, грозные по численности и отваге. - Сарматы. - Племена к востоку и северу от Палус Мейотис. - Тавры в Крыму - массагеты. - Вторжение скифов и киммерийцев в Азию. - Киммерийцы изгнаны скифами из своей страны. - Трудности в повествовании Геродота. - Киммерийцы в Малой Азии. - Скифы в Верхней Азии. - Изгнание этих кочевников после временной оккупации. - Лидийские цари Садиятес и Алятес - война с Милетом. - Святотатство, совершенное Алятесом - прорицание - он заключает мир с Милетом. - Долгое правление - смерть - и гробница Алятеса. - Крѣс. - Он нападает на азиатских греков и завоевывает их. - Отсутствие сотрудничества между ионическими городами. - Безуспешное предложение Талеса - объединить двенадцать ионических городов в один пан-ионический город Теос. - Взятие Эфеса. - Крѣс становится царем всей Азии к западу от Галиса. - Новая и важная эра для эллинского мира - начинается с завоеваний Крѣза. - Действия Лидийской империи продолжают в еще больших масштабах персами.

219-263

ГЛАВА XVIII.

ФЕНИКИ.

Феники и ассирийцы - представители семитской семьи человеческого рода. - Раннее присутствие феникийских кораблей в греческих морях - в гомеровские времена. - Положение и города Феникии. - Феникийская торговля процветала больше в ранние, чем в поздние времена Греции. - Феникийские колонии - Утика, Карфаген, Гадес и т.д. - Торговля феникийцев из Гадеса - в сторону Африки с одной стороны и Британии с другой. - Продуктивная область вокруг Гадеса, называемая Тартесс. - Феники и карфагеняне - учреждения последних объединяли представления об империи с представлениями о торговле. - Феники и греки на Сицилии и Кипре - последние частично вытесняют первых. - Иберия и Тартесс - не посещались греками примерно до 630 г. до н. э. - Памятное путешествие саамца Колеуса в Тартесс. - Исследовательские плавания фокейцев, между 630 и 570 гг. до н. э. - Важное дополнение к греческим географическим знаниям и стимул для греческой фантазии, переданные таким образом. - Кругосветное плавание фениев по Африке. - Было ли это кругосветное путешествие действительно осуществлено - сомнения критиков, древних и современных, рассмотрены. - Сухопутная караванная торговля, которую вели фенийцы.

264-289

ГЛАВА XIX.

АССИРИЙЦЫ. - ВАВИЛОН.

Ассирийцы - их имя связано главным образом с Ниневией и Вавилоном. - Халдейцы в Вавилоне - орден жрецов. - Их астрономические наблюдения. - Вавилония - ее трудоемкое возделывание и плодородие. - Город Вавилон - его размеры и стены. - Вавилон - известен только в период своего упадка, но даже тогда он был первым городом в Западной Азии. - Безграничная власть над человеческим трудом, которой обладали вавилонские цари. - Коллективная цивилизация в Азии, без индивидуальной свободы и развития. - Градуированный контраст между египтянами, ассирийцами, финикийцами и греками. -

Пустыни и хищные племена, окружавшие вавилонян. - Приложение "Ниневия и ее остатки", автор мистер Лэйард.

290-307

ГЛАВА XX.

ЕГИПЕТЯНЕ.

Феники - торговое звено между Египтом и Ассирией. - Геродот - самый ранний греческий информатор о Египте. - Нил во времена Геродота. - Фивы и Верхний Египет - в ранние времена имели большее значение, чем Нижний Египет, но не так во времена Геродота. - Египетские касты или наследственные профессии. - Жрецы. - Военный орден. - Различные утверждения о кастах. - Большое городское население Египта. - Глубокая покорность народа. - Разрушительный труд, налагаемый великими монументами. - Поклонение животным. - Египетские цари - выходцы из разных частей страны. - Отношения Египта с Ассирией. - История Египта не известна до Псамметиха. - Первое введение греков в Египет при Псамметихе - истории, связанные с этим. - Значение греческих наемников для египетских царей - каста переводчиков. - Открытие Канопического рукава Нила для греческой торговли - греческое поселение в Наукратисе. - Недовольство и мятеж в египетском военном строю. - Некос, сын Псамметиха, - его активные действия. - Поражение от Навуходоносора при Кархемише. - Псамметих, сын Некоса. - Априс. - Амасис - свергает Априкса с помощью туземных солдат. - Он поощряет греческую торговлю. - Важная фабрика и религиозное учреждение для греков в Наукратисе. - Процветание Египта при Амасисе. - Приложение, посвященное египетской хронологии, приведенной Манефо, в изложении М. Бёкха.

308-342

ГЛАВА XXI.

УПАДОК ФЕНИКОВ. - РОСТ КАРФАГЕНА.

Упадок феникийцев - рост греческого мореплавания и торговли. - Влияние феников, ассирийцев и египтян на греческий ум. - Алфавит. - Шкала денег и веса. - Гномон - и деление суток. - Карфаген. - Эпоха Карфагена. - Господство Карфагена. - Дидо. - Первое известное столкновение греков и карфагенян - Массалия. - Примирительные отношения между Тиром и Карфагеном.

342-348

ГЛАВА XXII.

ЗАПАДНЫЕ КОЛОНИИ ГРЕКОВ - В ЭПИРЕ, ИТАЛИИ, СИЦИЛИИ И ГАЛЛИИ.

Ранняя эмиграция из Греции, не подтвержденная документально. - Антигреческое население Сицилии - сикелы - сиканы - элимы - феники. - Oenotria - Italia. - Пеласги в Италии. - Латины - Oenotrians - Epirots - этнически однородны. - Аналогия языков - греческого, латинского и осканского. - Греческая колонизация на Сицилии, дата которой установлена - начинается в 735 году до н. э. - Кумæ в Кампании - раньше - дата неизвестна. - Процветание Кумæ между 700-500 гг. до н. э. - Упадок Кумæ с 500 г. до н. э. - Революция - деспотия Аристодека. - Вторжение в Кумæ тосканцев и самнитов из внутренних районов. - Быстрое увеличение греческих колоний в Сицилии и Италии, начиная с 735 г. до н. э. - Основание Наксоса в Сицилии Феоклесом. - Место, где греки впервые высадились на Сицилии - памятное впоследствии. - Распространение Сицилии в доэллиническое время. - Основание Сиракуз. -

Леонтины и Катана. - Мегара на Сицилии. - Гела. - Занкл, впоследствии Мессен (Мессина). - Субколонии - Акраэ, Касменæ, Камарина и т. д. - Агригентум, Селинус, Гимера и т. д. - Процветание сицилийских греков. - Смешанный характер населения. - Особенности денежно-статистической системы у сицилийских и итальянских греков. - Сикелы и сиканы постепенно эллинизируются. - Разница между греками Сицилии и греками собственно Греции. - Коренное население Сицилии недостаточно многочисленно, чтобы стать грозным для греческих поселенцев. - Сикельский князь Дукетий. - Греческие колонии в Южной Италии. - Туземное население и территория. - Сибарис и Кротон. - Территория и колонии Сибариса и Кротона. - Эпизефирийский Локри. - Первопоселенцы Локри - их характер и обстоятельства. - Вероломство по отношению к коренным сикелам. - Смещение сикелов на их территории - принятие сикельских обычаев. - Локрийский законодатель Залеукус. - Строгость его законов - управление Локри. - Рогиум. - Халкидские поселения в Италии и Сицилии - Регий, Занкл, Наксос, Катана, Леонтины. - Каулония и Скиллетия. - Сирус или Гераклея. - Метапontiум. - Тарентум - обстоятельства его основания. - Парфений - Фалант Экист. - Положение и территория Тарентума. - Иапиги. - Мессапийцы. - Процветание итальянских греков в 700-500 гг. до н. э. - преобладание над населением *Ænotrian*. - Кротон и Сибарис - максимум 560-510 гг. до н. э. - Сибариты - их роскошь - их организация, промышленность и власть. - Греческий мир около 560 г. до н. э. - Ионические и итальянские греки становятся наиболее заметными среди греков. - Последствия падения Сибариса. - Кротониаты - их приветливость, сила, успехи в Олимпийских играх и т. д. - Массалия.

349-402

ГЛАВА XXIII.

ГРЕЧЕСКИЕ КОЛОНИИ В ЭПИРЕ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ.

Коркира - Раннее основание Коркиры из Коринфа. - Отношения Коркиры с Коринфом. - Отношения с Эпиром. - Амбракия, основанная Коринфом. - Совместные поселения Коринфа и Коркиры - Леукас и Анакториум. - Аполлония и Эпидамн. - Отношения между этими колониями - торговля.

402-410

ГЛАВА XXIV.

АКАРНАНИЙЦЫ. - ЭПИРОТЫ.

Акарнанцы. - Их социальное и политическое состояние. - Эпироты - состоят из различных племен, практически не имеющих этнического родства. - Некоторые из этих племен этнически связаны с племенами южной Италии; - другие, с македонцами - невозможно определить границы. - Территория разделена на деревни - значительных городов нет. - Побережье Эпира препятствует греческой колонизации. - Некоторые эпирские племена управлялись царями, другие - нет.

411-419

ЧАСТЬ II.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ГРЕЦИИ.

ГЛАВА IX.

КОРИНФ, СИКИОН И МЕГАРА. - ЭПОХА ГРЕЧЕСКИХ ДЕСПОТИЙ.

В предыдущем томе история Спарты была доведена до периода, отмеченного правлением Писистрата в Афинах; в это время она достигла максимальной территории, была, по общему признанию, самым могущественным государством Греции и пользовалась соразмерным почтением со стороны остальных. Теперь я перехожу к рассмотрению трех дорийских городов на перешейке и вблизи него - Коринфа, Сикиона и Мегары - в том виде, в каком они существовали в этот же период.

Даже среди скудных сведений, дошедших до нас, мы можем проследить следы значительной морской энергии и торговли среди коринфян еще в восьмом веке до н. э. Основание Коркиры и Сиракуз в 11-ю Олимпиаду или 734 г. до н. э. (о которых я буду говорить дальше в связи с греческой колонизацией в целом) экспедициями из Коринфа служит хорошим доказательством того, что они знали, как использовать прекрасное положение, которое занимали на море. (о которых я буду говорить дальше в связи с греческой колонизацией в целом) экспедициями из Коринфа, служит хорошим доказательством того, что они знали, как использовать в своих интересах прекрасное положение, которое связывало их с морем по обе стороны Пелопоннеса: И Фукидид,^[1] хотя и отмечает их как главных освободителей моря в ранние времена от пиратов, также говорит нам, что первое большое усовершенствование в кораблестроении, - строительство триремы, или военного корабля, с полной палубой и тройными банками для гребцов, - было плодом коринфской изобретательности. Именно в 703 году до н. э. коринфянин Амейноклюс построил для саамийцев четыре триремы, первые, которыми когда-либо обладали эти островитяне: упоминание об этом факте свидетельствует как о важности нового изобретения, так и о скромных масштабах, в которых оснащались военно-морские силы в те ранние времена. Не менее важным фактом, подтверждающим морскую мощь Коринфа в седьмом веке до нашей эры, является то, что самым ранним морским сражением, известным Фукидиду, было сражение между коринфянами и коркирянами в 664 году до нашей эры^[2].

В предыдущем томе уже говорилось, что линия царей Гераклидов в Коринфе постепенно, через ряд пустых имен, переходит в олигархию под названием Вакхиады, или Вакхиады, при которых начинаются наши первые исторические знания о городе. Все названные лица считались потомками Геракла и составляли правящую касту в городе; они обычно вступали в браки между собой и ежегодно выбирали из своего числа пританиса, или президента, для управления делами. Об их внутреннем управлении мы не имеем никаких сведений, кроме рассказа об Архее, основателе Сиракуз,^[3] одном из них, который вызвал к себе такое отвращение актом грубого насилия, закончившимся смертью прекрасной девушки Актеон, что был вынужден изгнать ее. То, что такой человек был назначен на высокий пост экиста сиракузской колонии, не дает нам благоприятного представления об олигархии Вакхидов: мы не знаем, на каком оригинальном авторитете основана эта история, и не можем быть уверены в точности ее изложения. Но Коринф при их правлении уже был мощным торговым и морским городом, как уже говорилось.

Мегара, последнее дорийское государство в этом направлении на восток, граничащее с Аттикой в том месте, где горы под названием Керата спускаются к Элевсису и Фракийской равнине, как утверждается, была первоначально заселена дорийцами из Коринфа и некоторое время оставалась зависимой от этого города. Далее говорится, что сначала это была всего лишь одна из пяти отдельных деревень - Мегара, Герей, Пейреа, Киносира, Триподиск, - населенных родственным населением и, как правило, находившихся в дружеских отношениях, но иногда отвлекаемых ссорами, а в этих случаях ведущих войну с мягкостью и рыцарским доверием, которые опровергают пресловутое утверждение о кровопролитном характере вражды между родственниками. Оба эти высказывания переданы нам (мы не знаем, из какого первоисточника) как объяснение некоторых современных фраз:[4] автор второго не мог согласиться с автором первого, считая коринфян хозяевами Мегариды, поскольку он представляет их разжигающими войны между этими пятью деревнями с целью овладеть этой территорией. Какова бы ни была истина в отношении этого предполагаемого раннего подчинения Мегары, мы знаем ее[5] в историческую эпоху, и притом уже в 14-ю Олимпиаду, только как независимый дорийский город, сохранивший целостность своей территории под руководством своего лидера Орсиппа, знаменитого олимпийского бегуна, против неких могущественных врагов, вероятно, коринфян. Он обладал территорией, простиравшейся через гору Геранею до Коринфского залива, на котором находился укрепленный город и порт Пегæ, принадлежавший мегарянам; он был матерью ранних и отдаленных колоний, а во времена Солона был компетентен вести длительную борьбу с афинянами за обладание Саламином, в которой, хотя последние в конце концов одержали победу, не обошлось без промежуточного периода неудач и отчаяния.

О ранней истории Сикиона, начиная с периода, когда он стал дорийским, и заканчивая седьмым веком до нашей эры, нам ничего не известно. Первые сведения о нем относятся к установлению деспотии Ортагора, примерно в 680-670 годах до н. э. И стоит отметить, что все три вышеупомянутых города - Коринф, Сикион и Мегара - претерпели в течение этого же столетия аналогичную смену правительства. В каждом из них утвердился деспот: Ортагор в Сикионе, Кипсел в Коринфе, Теагенес в Мегаре.

К сожалению, мы располагаем слишком скудными сведениями о состоянии дел, в котором происходила эта смена правительства, чтобы в полной мере оценить ее значение. Но что особенно привлекает наше внимание, так это то, что подобное явление, похоже, происходило одновременно в большом количестве городов, континентальных, островных и колониальных, в самых разных частях греческого мира. Период между 650 и 500 годами до н. э. был свидетелем взлета и падения многих деспотов и деспотических династий, каждая из которых была в своем отдельном городе. В последующий период между 500 и 350 годами до н. э. новые деспоты, хотя и появляются время от времени, становятся более редкими; политические споры принимают другой оборот, и вопрос ставится непосредственно и якобы между многими и немногими, народом и олигархией. Но в более поздние времена, последовавшие за битвой при Херонее, по мере того как Греция, падающая в гражданском духе не меньше, чем в военном, вынуждена постоянно использовать наемные войска и смиряется с повелительным вмешательством иностранцев, деспот со своим постоянным иностранным телохранителем снова становится характерной чертой времени; тенденция частично противодействует, но никогда полностью не покоряется Арату и Ахейской лиге третьего века до нашей эры.

Было бы поучительно, если бы мы располагали точными записями об этих изменениях в правительстве некоторых из наиболее значительных греческих городов; но в отсутствие

таких свидетельств мы можем сделать не более, чем собрать краткие предложения Аристотеля и других авторов относительно причин, которые их вызвали. Поскольку подобная смена правительства была обычной, примерно в одно и то же время, для городов, очень разных по местоположению, по расе жителей, по вкусам и привычкам, по богатству, она должна была частично зависеть от некоторых общих причин, которые могут быть установлены и объяснены.

В предыдущем томе я попытался разъяснить героическое правительство Греции, насколько оно было известно из эпических поэм, - правительство, основанное (если можно использовать современную фразеологию) на божественном праве в противовес суверенитету народа, но требующее в качестве существенного условия, чтобы король обладал силой, как телесной, так и умственной, недостойной возвышенного рода, к которому он принадлежит.^[6] В этом правительстве власть, которая пронизывает все общество, вся принадлежит царю; но в важных случаях она осуществляется через формы публичности; он советуется и даже обсуждает с советом вождей или старейшин, - он общается после таких консультаций с собравшейся агорой, - которая слышит и одобряет, возможно, слышит и ропщет, но не понимает, чтобы осуществлять выбор или отвергать. Рассказывая о ликургской системе, я отметил, что старые первобытные Rhetraë, или хартии договора, указывали на существование тех же элементов; царь сверхчеловеческого рода (в данном случае два соправителя), сенат из двадцати восьми стариков, помимо царей, которые заседали в нем, и экклесия, или общественное собрание граждан, созданное с целью одобрения или отклонения представленных им предложений, с небольшой свободой обсуждения или вообще без нее. Элементы героического правительства Греции, таким образом, оказываются в основном теми же, что и в примитивной ликургской конституции: в обоих случаях преобладающая сила принадлежит царям, а функции сената и тем более общественного собрания сравнительно узки и ограничены; в обоих случаях царская власть поддерживается определенным религиозным чувством, которое стремится исключить соперничество и обеспечить покорность народа до определенного момента, несмотря на проступки или недостатки правящего лица. Среди основных эпиротических племен такое правительство просуществовало вплоть до третьего века до нашей эры^[7], хотя некоторые из них вышли из него и имели привычку ежегодно избирать президента из рода, к которому принадлежал царь. Отталкиваясь от этих моментов, общих для греческого героического правительства и первоначальной ликургской системы, мы обнаруживаем, что в греческих городах в целом царь заменяется олигархией, состоящей из ограниченного числа семей, - в то время как в Спарте царская власть, хотя и сильно урезанная, никогда не упраздняется. И такой поворот событий в Спарте можно частично объяснить. Так случилось, что в течение пяти веков ни одна из двух соправительственных линий спартанских царей никогда не обходилась без представителей мужского пола, так что чувство божественного права, на котором основывалось их главенство, всегда шло по неизменному руслу. Это чувство никогда полностью не угасало в упорном сознании Спарты, но оно стало достаточно слабым, чтобы вызвать потребность в гарантиях от злоупотреблений. Если бы сенат был более многочисленным органом, состоящим из нескольких главных семей и включающим в себя людей всех возрастов, он, возможно, расширил бы свои полномочия настолько, что поглотил бы полномочия царя: но совет из двадцати восьми очень старых мужчин, выбранных без разбора из всех спартанских семей, был, по сути, вспомогательной и второстепенной силой. Он был недостаточен даже для того, чтобы сдерживать царя, и тем более не мог стать его соперником; косвенно он даже служил ему опорой, препятствуя формированию любого другого привилегированного порядка, достаточно мощного, чтобы стать соперником для его власти. Эта недостаточность сената была одной из причин, вызвавших образование ежегодно обновляемого Совета пяти, называемого Эфорами;

первоначально это был оборонительный совет, подобно римским трибунам, предназначенный для сдерживания злоупотребления властью королей, но затем расширившийся до первостепенной и неподотчетной исполнительной директории. В результате бесконечных разногласий между двумя королями-соправителями эфоры со всех сторон посягали на их власть, ограничивали их некоторыми специальными функциями и даже делали их подотчетными и подлежащими наказанию, но никогда не стремились к упразднению сана. То, что царская власть потеряла в объеме (по справедливому замечанию царя Теопомпа)[8], она приобрела в долговечности: потомки близнецов Эврисфена и Проклеса продолжали владеть своим двойным скипетром с самых ранних исторических времен вплоть до революций Агиса Третьего и Клеомена Третьего, - генералы военных сил, становившиеся все богаче и богаче, почитаемые и влиятельные в государстве, хотя директория эфоров была их начальством. И со временем эфоры стали столь же деспотичными в отношении внутренних дел, как и цари до них; ведь спартанский ум, глубоко одержимый чувствами командования и повиновения, оставался сравнительно невосприимчивым к идеям контроля и ответственности и даже не любил открытое обсуждение и порицание государственных мер или должностных лиц, которые такие идеи подразумевают. Мы должны помнить, что спартанская политическая конституция была и упрощена по своему характеру, и облегчена в своей работе всеобъемлющим диапазоном ликурговской дисциплины, с ее строгим равным давлением на богатых и бедных, что предотвращало многие из причин, которые в других местах приводили к беспорядкам, - приучая самых гордых и непримиримых граждан к жизни в беспрекословном повиновении, - удовлетворяя спрос, который существовал на систему и регулярность, - делая спартанские личные привычки жизни намного более равными, чем даже демократические Афины могли параллельно; но в то же время способствовало формированию презрения к болтунам и неприязни к методичным и продолжительным речам, что само по себе было достаточным для исключения любого регулярного вмешательства коллективных граждан в политические или судебные дела.

Таковы были факты в Спарте; но в остальной Греции первобытное героическое правительство было изменено совершенно иным образом: народ перерос, гораздо более решительно, то чувство божественного права и личного почтения, которое первоначально давало власть царю. Добровольно подчиняться перестали люди, а тем более низшие вожди, а вместе с ними и героическая царская власть. Стало требоваться нечто вроде системы или конституции.

Причину этого прекращения царской власти, столь универсального в политическом шествии Эллады, несомненно, следует искать в малочисленности и концентрированности каждого отдельного эллинского общества. Единый вождь, вечный и безответственный, ни в коем случае не был необходим для поддержания союза. В современной Европе, по большей части, различные политические общества, выросшие после исчезновения Римской империи, охватывали каждое значительное население и обширную территорию, и монархическая форма представляла собой единственное известное средство объединения частей, единственный видимый и внушительный символ национальной идентичности. Как военный характер тевтонских захватчиков, так и традиции Римской империи, которую они расчленили, склоняли к установлению монархического вождя, упразднение достоинства которого рассматривалось бы как эквивалент и действительно было равносильно распаду нации, поскольку поддержание коллективного союза посредством общих собраний было настолько обременительным, что сами короли тщетно пытались добиться этого силой, а представительное правление было тогда неизвестно.

История Средних веков, хотя и демонстрирует постоянное сопротивление со стороны могущественных подданных, частое низложение отдельных королей и периодическую смену династий, содержит мало примеров попыток сохранить крупное политическое объединение без короля, как наследственного, так и выборного. Даже в конце прошлого века, в период формирования федеральной конституции Соединенных Штатов Америки, многие рассуждающие считали[9] невозможным применение любой другой системы, кроме монархической, на территории большого размера и населения, чтобы сочетать объединение всего с равными привилегиями и гарантиями для каждой из частей. И это, возможно, было бы настоящей невозможностью среди любого грубого народа, с сильными местными особенностями, трудными средствами коммуникации и еще не приобретенными привычками представительного правления. Поэтому во всех крупных государствах средневековой и современной Европы, за редким исключением, преобладали настроения, благоприятные для монархии; Но везде, где какой-либо отдельный город, или округ, или скопление деревень, будь то на равнинах Ломбардии или в горах Швейцарии, обретал независимость, - везде, где какая-либо малая фракция отделялась от общей массы, - обнаруживались противоположные настроения, и естественной тенденцией была некоторая модификация республиканского правительства;[10] из которого, правда, как и в Греции, часто возникал деспот, но всегда посредством неестественной смеси силы и обмана. Феодальная система, развившаяся из неупорядоченного состояния Европы между XI и XIII веками, всегда предполагала наличие постоянного сюзерена, наделенного большими правами смешанного личного и имущественного характера над своими вассалами, хотя и подчиненного определенным обязательствам по отношению к ним Непосредственные вассалы короля имели собственных подчиненных вассалов, к которым они находились в таком же отношении: И в этой иерархии[11] власти, собственности и территории, слитых воедино, права вождя, будь то король, герцог или барон, всегда воспринимались как отдельный статус, не дарованный изначально по пожалованию и не отменяемый по желанию тех, над кем они осуществлялись. В этом взгляде на сущность политической власти сходились три великих элемента современного европейского общества - тевтонский, римский и христианский, - хотя каждый по-своему и с разными изменениями; результатом этого стали разнообразные попытки подданных пойти на компромисс со своим вождем, без какой-либо идеи заменить его делегированной исполнительной властью. На отдельных участках этих феодальных монархий постепенно вырастали города с концентрированным населением, среди которого наблюдалось удивительное сочетание республиканского чувства, требовавшего коллективного и ответственного управления своими местными делами, с необходимостью объединения и подчинения великому монархическому целому; и таким образом снова возникала новая сила, стремящаяся как сохранить форму, так и предопределить движение королевского правительства.[12] И в практике было найдено возможным достичь этой последней цели, - сочетать царское правительство с фиксированностью администрации, равным законом, беспристрастно исполняемым, безопасностью для личности и собственности, и свободой обсуждения в представительных формах, - в степени, которую мудрейший древний грек счел бы безнадежной.[13] Такое улучшение практической работы этого вида правительства, всегда сравнительно с королями древних времен в Сирии, Египте, Иудее, греческих городах и Риме, - в сочетании с возросшей силой всех установленных рутин, и большей прочностью всех институтов и верований, которые однажды получили опору на любой обширной территории и в народе, привело к тому, что монархические настроения остаются преобладающими в европейском уме, хотя и не без энергичных случайных несогласий, на протяжении увеличения знаний и расширенного политического опыта последних двух столетий.

Важно показать, что монархические институты и монархические тенденции, распространенные в средневековой и современной Европе, были порождены и увековечены причинами, свойственными этим обществам, в то время как в эллинских обществах такие причины не имели места, - чтобы мы могли подойти к эллинским явлениям в правильном духе и беспристрастно оценить всеобщее чувство греков к идее короля. Первобытное чувство, испытываемое к царю-герою, угасло, перейдя сначала в безразличие, а затем, после знакомства с деспотами, в решительную антипатию.

Такому историку, как мистер Митфорд, полному английских представлений о правительстве, это антимонархическое чувство кажется сумасшествием, а греческие общины - безумцами без сторожа: если величайший из всех благодетелей - наследственный царь, покоряющий их извне, то второй по силе - домашний деспот, который захватывает акрополь и принуждает своих сограждан. Невозможно найти более верный способ неверно истолковать и исказить греческие явления, чем читать их в этом духе, который переворачивает максимы благоразумия и морали, существовавшие в античном мире. Ненависть к царям в том виде, в каком она существовала у греков, что бы ни думали о подобном чувстве сейчас, была выдающейся добродетелью, вытекающей непосредственно из самой благородной и мудрой части их натуры: она была следствием их глубокого убеждения в необходимости всеобщей правовой сдержанности, она была прямым выражением той регулируемой социальности, которая требовала контроля индивидуальных страстей от каждого без исключения, и более всего от того, кому была доверена власть. Представление греков о безответственном Едином или о царе, который не может сделать ничего плохого, можно выразить словами Геродота:^[14] "Он нарушает обычаи страны: он насилует женщин: он предаёт мужчин смерти без суда". Никакая другая концепция вероятных тенденций царствования не оправдывается ни общим знанием человеческой природы, ни политическим опытом, начиная с Солона и ниже: никакое другое чувство, кроме отвращения, не может вызывать такой характер: никто, кроме человека с беспринципными амбициями, никогда не стремился бы вложить себя в него.

Наш более обширный политический опыт научил нас изменять это мнение, показывая, что в условиях монархии в лучших правительствах современной Европы не происходят описанные Геродотом преступления, - и что возможно, с помощью представительных конституций, действующих под определенной силой нравов, обычаев и исторических воспоминаний, предотвратить многие беды, которые могут возникнуть в результате провозглашения обязанности императивного повиновения наследственному и безответственному королю, которого нельзя сменить без внеконституционной силы. Но столь масштабное наблюдение не было открыто Аристотелю, мудрейшему и осторожнейшему из античных теоретиков; а если бы оно и было открыто, он не смог бы с уверенностью применить его уроки к правительствам отдельных городов Греции. Теория конституционного короля, особенно в том виде, в каком она существует в Англии, показалась бы ему неосуществимой: Создать короля, который будет царствовать, не управляя, - от чьего имени осуществляется все управление, но чья личная воля на практике практически не имеет силы, - освобожденного от всякой ответственности, но не пользующегося этим освобождением, - получающего от каждого безмерные демонстрации почтения, которые никогда не переходят в действия, кроме как в рамках известного закона, - окруженного всеми атрибутами власти, но действующего как пассивный инструмент в руках министров, выделенных для его выбора указаниями, которым он не имеет права сопротивляться. Это удивительное сочетание фикции сверхчеловеческого величия и свободы с реальностью невидимого смиренного жилета - вот что имеет в виду англичанин, когда говорит о конституционном короле: события нашей истории привели его в Англию, среди аристократии, самой могущественной, какую

только видел мир, - но нам еще предстоит узнать, можно ли заставить его существовать в других местах, или появление одного короля, одновременно способного, агрессивного и решительного, может оказаться недостаточным, чтобы разрушить его. Аристотелю, конечно, она не могла показаться иначе, чем непонятной и неосуществимой: неправдоподобной даже в единичном случае, но совершенно немыслимой в качестве постоянной системы и со всеми различиями нравов, присущими сменяющим друг друга членам наследственной династии. Когда греки думали о человеке, освобожденном от юридической ответственности, они представляли его действительно таковым, как на деле, так и во имя, с беззащитным обществом, подверженным его притеснениям;^[15] и их страх и ненависть к нему измерялись их благоговением перед правительством равного закона и свободы слова, с возвышением которого были связаны все их надежды на безопасность, - в афинской демократии, возможно, больше, чем в любой другой части Греции. И это чувство, как одно из лучших в греческом сознании, было также одним из самых распространенных, - точка единодушия, очень ценная среди стольких точек раздора. Мы не можем интерпретировать или критиковать его, ссылаясь на чувства современной Европы, тем более на очень своеобразные чувства Англии, касающиеся королевской власти: и именно применение, иногда явное, а иногда молчаливое, этого неподходящего стандарта делает оценку мистером Митфордом греческой политики столь часто неверной и несправедливой.

Если мы попытаемся объяснить ход греческих дел, исходя не из обстоятельств других обществ, а из обстоятельств самих греков, то увидим веские причины как для прекращения, так и для неприязни к царской власти. Если бы греческий ум был таким же неподвижным и неусовершенствованным, как восточный, то недовольство отдельными царями могло бы привести не к каким-либо иным изменениям, кроме как к низложению плохого царя в пользу того, кто обещал быть лучше, не расширяя взглядов народа до какой-либо более высокой концепции, чем концепция личного правления. Но греческий ум был прогрессивным, способным задумывать и постепенно реализовывать измененные социальные комбинации. Кроме того, в природе вещей заложено, что любое правительство - царское, олигархическое или демократическое, - которое включает в себя только один город, гораздо менее стабильно, чем если бы оно охватывало более обширную территорию и большее население: И когда полурелигиозная и механическая покорность, компенсировавшая личные недостатки героического короля, стала слишком слабой, чтобы служить действующим принципом, мелкий князь оказался в слишком тесном контакте со своим народом и слишком скромно обставлен во всех отношениях, чтобы создать престиж или иллюзию другого рода: у него не было средств поразить их воображение сочетанием пышности, уединения и тайны, которые Геродот и Ксенофонт так хорошо оценили среди хитроумных приемов королевской власти.[Как не было нового чувства, на котором вечный вождь мог бы опереться в своей власти, так не было ничего в обстоятельствах сообщества, что делало бы поддержание такого достоинства необходимым для видимого и эффективного союза:^[17] в одном городе и небольшом прилегающем сообществе коллективное обсуждение и общие правила, с временными и ответственными магистратами, были осуществимы без труда.

Сохранение безответственного короля, а затем создание сопутствующих элементов, которые извлекали бы из него преимущества ответственного правления, - на самом деле очень сложная система, хотя, как уже отмечалось, в современной Европе мы с ней знакомы: более простым и очевидным изменением является замена одного или нескольких временных и ответственных магистратов на место самого короля. Именно так обстояли дела в Греции. Низшие вожди, которые первоначально служили советом при короле, нашли возможность сместить его и чередовать функции управления между собой, сохранив, вероятно, периодический созыв общего собрания, как это было раньше, и с такой же малой

практической эффективностью. Таков, в сущности, был характер той мутации, которая произошла в целом во всех греческих государствах, за исключением Спарты: царская власть была упразднена, и на ее месте возникла олигархия - совет, совещающийся коллективно, решающий общие вопросы большинством голосов и выбирающий некоторых лиц из своего собственного тела в качестве временных и подотчетных администраторов. Это всегда была олигархия, возникшая после поражения героического царства: век демократического движения был еще далек, и состояние народа - общей массы свободных людей - не было сразу изменено революцией ни в лучшую, ни в худшую сторону; небольшое число привилегированных лиц, среди которых распределялись и чередовались царские атрибуты, были ближайшими по рангу к самому королю, возможно, членами одного большого рода с ним и претендовали на общее божественное или героическое происхождение. Насколько мы можем судить, эти изменения происходили естественным путем и без насилия. Иногда царский род угасал и не заменялся; иногда, после смерти царя, его сын и преемник признавался^[18] только архонтом, а может быть, и вовсе отстранялся, чтобы освободить место для пританиса, или президента, из числа окружающих его людей высокого ранга.

В Афинах нам говорят, что последним царем был Кодр и что его потомки признавались только пожизненными архонтами; через несколько лет пожизненные архонты были заменены архонтами на десять лет, взятыми из числа евпатридов, или знати; впоследствии срок архонства был еще более сокращен до одного года. Говорят, что в Коринфе древние цари подобным образом перешли в олигархию вакхиадов, из которых ежегодно выбирался пританис. Мы можем лишь констатировать общий факт такой перемены, не зная, как она произошла, - наше первое историческое знакомство с греческими городами начинается с этих олигархий.

Такие олигархические правительства, различающиеся в деталях, но аналогичные в общих чертах, были распространены в городах как самой Греции, так и колоний, на протяжении всего седьмого века до н. э. Хотя они не имели непосредственной тенденции принести пользу массе свободных людей, но, если сравнить их с предшествующим героическим правительством, они указывают на важный прогресс - первое принятие продуманной и заранее продуманной системы в управлении общественными делами.^[19] Они демонстрируют первые свидетельства новых и важных политических идей в греческом сознании - разделение законодательной и исполнительной власти; первая возложена на коллективный орган, не только обсуждающий, но и принимающий окончательные решения, - в то время как вторая доверена временным отдельным магистратам, ответственным перед этим органом по окончании срока их полномочий. Мы впервые знакомимся с сообществом граждан, согласно определению Аристотеля, - людей, способных и считающих себя способными поочередно командовать и подчиняться: так образуется коллективный суверен, называемый Городом. Правда, в это первое сообщество граждан входила лишь малая часть лично свободных людей, но идеи, на которых оно основывалось, постепенно начали проникать в умы всех. Политическая власть утратила свой небесный характер и стала атрибутом, который можно было передавать по закону, а также определять для достижения определенных целей; таким образом, была заложена почва для тысячи вопросов, которые волновали многие греческие города в течение последующих трех веков, частично в отношении ее распределения, частично в отношении ее использования, - вопросов, которые иногда возникали между членами привилегированной олигархии, иногда между этим порядком в целом и непривилегированными многими. Семена этих народных движений, вызвавших столько глубоких эмоций, столько ожесточенной антипатии, столько энергии и таланта во всем греческом мире, с различными модификациями в каждом конкретном

городе, могут быть, таким образом, прослежены назад к той ранней революции, которая воздвигла примитивную олигархию на руинах героического царства.

Как управлялись эти первые олигархии, у нас нет прямых сведений; но узкие и антинародные интересы, естественно принадлежащие привилегированным немногим, вместе с общей жестокостью частных нравов и страстей, не оставляют нам оснований для благоприятного предположения об их благоразумии или добрых чувствах; а факты, которые мы узнаем о состоянии Аттики до солонского законодательства (о них будет рассказано в следующей главе), наводят на неблагоприятные выводы.

Первое потрясение, которое они получили и благодаря которому многие из них были низвергнуты, исходило от узурпаторов, называемых деспотами, которые использовали распространенное недовольство и как предлог, и как средство для своих личных амбиций, а их очень частый успех, кажется, подразумевает, что эти недовольства были как широко распространенными, так и серьезными. Эти деспоты возникали из лона олигархий, но не все одинаковым образом.^[20] Иногда исполнительный магистрат, которому олигархия передавала важные административные полномочия на определенный временный период, становился неверным своим избранникам и приобретал достаточный авторитет, чтобы сохранить свое достоинство навсегда, несмотря на них, - возможно, даже передать его своему сыну. В других местах, и, кажется, чаще, возникал тот известный персонаж, называемый демагогом, которого историки, как древние, так и современные, обычно рисуют в столь отталкивающем виде:^[21] энергичный и честолюбивый человек, иногда даже член самой олигархии, который выступал в качестве защитника жалоб и страданий непривилегированных многих, приобретал их расположение и использовал их силу настолько эффективно, чтобы свергнуть олигархию силой и сделать себя деспотом. Третья форма деспота - какой-нибудь самонадеянный богач, как Килон в Афинах, даже не претендующий на популярность, - время от времени подбадриваемый успехом подобных авантюр в других местах, нанимал войска и захватывал акрополь; Были и примеры, хотя и редкие, четвертой разновидности - прямой потомок древних королей, который, вместо того чтобы терпеть ограничения или подчинение со стороны олигархии, находил средства подчинить их себе и силой добиться такого же превосходства, как и то, которым его предки пользовались по согласию. К ним следует добавить в некоторых греческих государствах эсимнетов, или диктаторов, - граждан, формально наделенных верховной и безответственной властью, поставленных во главе военных сил и вооруженных постоянной гвардией, но только на определенное время и для того, чтобы справиться с какой-нибудь неотложной опасностью или губительным внутренним раздором.^[22] Возвышенный таким образом человек, всегда пользовавшийся большим доверием и, как правило, обладавший способностями, иногда добивался такого успеха или становился настолько важным для общества, что срок его полномочий продлевался, и он становился практически пожизненным деспотом; или, даже если общество не было расположено уступить ему это постоянное главенство, он часто был достаточно силен, чтобы сохранить его против их воли.

Таковы были различные способы, с помощью которых многочисленные греческие деспоты седьмого и шестого веков до нашей эры обретали свою власть. Хотя мы знаем многое в общих чертах из кратких высказываний Аристотеля, но, к сожалению, у нас нет современной картины какой-либо из этих общин, которая позволила бы нам оценить изменения в деталях. Из тех лиц, которые, обладая наследственным царским достоинством, простирали свою отцовскую власть настолько далеко, что становились деспотами, Аристотель приводит в пример Фидона Аргосского, о правлении которого уже рассказывалось в предыдущем томе: из тех, кто стал деспотом с помощью официальной власти, ранее принадлежавшей

олигархии, он называет Фалариса в Агригентуме, деспотов в Милете и других городах ионийских греков: Из тех, кто возвысился, став демагогом, он называет Панэтия в сицилийском городе Леонтини, Кипсела в Коринфе и Пейсистрата в Афинах;[23] из эсимнетов, или избранных деспотов, выдающимся примером является Питтак из Митиленка. Военный и агрессивный демагог, свергающий олигархию, которая унизила и плохо использовала его, правящий как жестокий деспот в течение нескольких лет, и наконец свергнутый и убитый, далее изображен Дионисием Галикарнасским в истории Аристодема из италийских Кумæ[24].

Из общих положений Фукидида и Аристотеля мы узнаем, что седьмой и шестой века до н. э. были веками прогресса греческих городов в целом, в богатстве, власти и населении; а многочисленные колонии, основанные в этот период, о которых я расскажу в одной из следующих глав, послужат еще одной иллюстрацией таких прогрессивных тенденций. Только что упомянутые изменения в греческих правительствах, несовершенные, какими мы их знаем, в целом убедительно свидетельствуют о развитии гражданственности. Ведь героическое правительство, с которого начинаются греческие общины, - это самое грубое и младенческое из всех правительств; лишенное даже претензии на систему или безопасность, неспособное быть каким-либо образом предсказанным и зависящее только от случайных изменений в характере царствующего лица, которое в большинстве случаев далеко не служило защитой для бедных от богатых и великих, а могло потакать своим страстям так же безудержно, как и последние, и с еще большей безнаказанностью.

Деспоты, которые во многих городах сменяли и вытесняли это олигархическое правительство, хотя и управляли по принципам, обычно узким и эгоистичным, а часто и деспотически жестоким, "не думая, говоря словами Фукидида, ни о чем, кроме собственного тела и собственной семьи", - но поскольку они не были достаточно сильны, чтобы подавить греческий разум, запечатлели в нем болезненный, но полезный политический урок и внесли большой вклад в расширение круга опыта, а также в определение последующей россыпи чувств.[25] Они частично разрушили стену различий между народом - так правильно называть общую массу свободных людей - и олигархией; более того, демагоги-деспоты интересны как первое свидетельство растущего значения народа в политических делах. Демагог выступал как представитель чувств и интересов народа против правящей верхушки, возможно, пользуясь особыми случаями жестокого обращения и стараясь быть примирительным и великодушным в своем личном поведении; и когда народ, с помощью вооруженной помощи, позволял ему свергнуть существующих правителей, он получал удовлетворение от того, что его собственный вождь обладает верховной властью, но не приобретал никаких политических прав и не увеличивал для себя ценные бумаги. Какую меру положительного преимущества они могли извлечь, помимо того, что увидели унижение своих прежних угнетателей, мы слишком мало знаем, чтобы определить;[26] но даже худший из деспотов был более грозен для богатых, чем для бедных, и последние, возможно, выиграли от перемены в сравнительном значении, несмотря на их долю в строгостях и поборах правительства, которое не имело другого постоянного основания, кроме голого страха.

Замечание Аристотеля заслуживает особого внимания, поскольку оно иллюстрирует политический прогресс и образование греческих общин. Он проводит четкое различие между ранними демагогами седьмого и шестого веков и поздними демагогами, свидетелями которых были он сам и предшествующие поколения: Первый был военным вождем, смелым и полным находчивости, который взял в руки оружие во главе группы повстанцев, сверг правительство силой и сделал себя хозяином как тех, кого он сверг, так и тех, с чьей

помощью он их сверг; в то время как второй был оратором, обладавшим всеми талантами, необходимыми для того, чтобы увлечь аудиторию, но не склонным к вооруженному нападению и не способным к нему, - он достигал всех своих целей мирными и конституционными методами. Это ценное изменение - замена обсуждения и голосования собрания вместо призыва к оружию, а также обеспечение для выраженного решения собрания такого влияния на умы людей, чтобы сделать его окончательным и уважаемым даже для несогласных, - является следствием продолжающегося практического действия демократических институтов. В более поздний период этой истории мне представится случай оценить значение той безмерной клеветы, которая обрушилась на афинских демагогов Пелопоннесской войны - Клеона и Гипербола; Но если предположить, что все это обоснованно, то не менее верно и то, что эти люди были существенным улучшением по сравнению с более ранними демагогами, такими как Кипсел и Писистрат, которые использовали вооруженную силу народа с целью подрыва установленного правительства и приобретения деспотической власти для себя. Демагог был, по сути, лидером оппозиции, который приобретал свое влияние, обличая людей, занимающих реальную власть, и реальные исполнительные функции. В ранних олигархиях его оппозиция могла проявляться только в вооруженном восстании, и оно вело его либо к личному суверенитету, либо к гибели; но рост демократических институтов обеспечил и ему, и его политическим противникам полную свободу слова и верховное собрание для решения между ними; в то же время оно ограничило диапазон его амбиций и отложило в сторону обращение к вооруженной силе. Афинский демагог во время Пелопоннесской войны (даже если мы примем дословно представления его злейших врагов) был, таким образом, гораздо менее злонамеренным и опасным человеком, чем боевой демагог предыдущих веков; и "рост привычки к публичным выступлениям"[27], по выражению Аристотеля, был причиной разницы: противостояние языка было благотворной заменой противостоянию меча.

Возникновение этих деспотий на руинах прежних олигархий было, на первый взгляд, возвращением к принципам героического века - восстановлением правительства личной воли вместо того систематического устройства, которое известно как город. Но греческий ум настолько перерос эти ранние принципы, что никакое новое правительство, основанное на них, не могло встретить добровольного согласия, разве что в условиях временного возбуждения. Вначале, несомненно, популярность узурпатора - в сочетании с пылкостью его сторонников, изгнанием или запугиванием противников, а также с наказанием богатых угнетателей - была достаточной для того, чтобы добиться его повиновения; и благоразумие с его стороны могло продлить это неоспоримое правление на значительный период, возможно, даже на всю его жизнь. Но Аристотель отмечает, что такие правительства, даже если они начинались хорошо, имели постоянную тенденцию становиться все хуже и хуже: недовольство проявлялось и скорее усугублялось, чем подавлялось насилием, применяемым против него, пока в конце концов деспот не становился жертвой недоверчивого и злобного беспокойства, теряя всякую меру справедливости или благожелательного сочувствия, которые когда-то могли его одушевить. Если ему посчастливилось завещать свою власть сыну, последний, воспитанный в развращенной атмосфере и окруженный паразитами, приобрел еще более пагубные и необщительные склонности: его юношеские аппетиты стали еще более неуправляемыми, в то время как он был лишен благоразумия и энергичности, которые были необходимы для самодостаточного возвышения его отца.[28] Для такого положения наемная гвардия и укрепленный акрополь были единственным выходом, - гвардия, кормившаяся за счет граждан и требовавшая постоянных поборов с тех, кто был ничем не лучше враждебного гарнизона. Для безопасности деспота было важно сдерживать дух свободных людей, которыми он управлял; изолировать их друг от друга и препятствовать тем встречам и общению, которые греческие города обычно представляли в школе, леске

или палестре; срывать на поле (по греческому выражению) переспелые колосья кукурузы или подавлять возвышенные и предприимчивые умы.[Аристотель считает, что обширные постройки, предпринятые Поликратом на Самосе, как и богатые пожертвования Периандра на храм в Олимпии, вымогались этими деспотами с целью занять время и истощить средства своих подданных.

Не следует думать, что все они были одинаково жестоки или беспринципны; но вечное господство одного человека и одной семьи стало настолько оскорбительным для ревности тех, кто считал себя равным ему, и для общего чувства народа, что репрессии и суровость были неизбежны, независимо от того, были ли они задуманы изначально или нет. И даже если узурпатор, однажды начав эту карьеру насилия, становился больным и не желал ее продолжать, отречение лишь оставляло его в неизбежной опасности, подвергаясь мести тех, кого он обидел, - если только, конечно, он не облакал себя в мантию религии и не договаривался с народом, чтобы стать священником какого-нибудь храма и божества; в этом случае его новая функция защищала его, как постриг и монастырь защищали свергнутого принца в Средние века.[31] Некоторые из деспотов были покровителями музыки и поэзии и добивались расположения современных интеллектуалов как приглашениями, так и наградами; были и такие случаи, как случай Пейсистрата и его сыновей в Афинах, когда была предпринята попытка (аналогичная попытке Августа в Риме) примирить реальность личного всемогущества с определенным уважением к существовавшим ранее формам.[32] В таких случаях правление, хотя и не лишено вины, никогда не было иначе как непопулярным и осуществлялось с помощью иностранных наемников, несомненно, было практически более мягким. Но такие случаи были редки, и максимы, свойственные греческим деспотам, были воплощены в Периандре, Кипселиде из Коринфа, - суровом и жестоком человеке, но не лишенном ни силы, ни ума.

Положение греческого деспота, изображенное Платоном, Ксенофонтom и Аристотелем,[33] а также подтвержденное свидетельствами Геродота, Фукидида и Исократа, хотя и всегда желанное для честолюбцев, достаточно ясно показывает "те раны и душевные терзания", которыми внутренние эриннии мстили общине за узурпатора, попиравшего их. Отнюдь не считая успех узурпации оправданием попытки (в соответствии с теориями, распространенными сейчас в отношении Кромвеля и Бонапарта, которых часто обвиняют в том, что они убрали законного короля, но никогда - в том, что они захватили несанкционированную власть над народом), эти философы рассматривают деспота как одного из величайших преступников: человек, убивший его, был объектом общественного почета и награды, и добродетельный грек редко побрезговал бы носить с собой меч, спрятанный в миртовых ветвях, подобно Гармодию и Аристогейтону, для исполнения этого деяния.[34] Должность, которая превышала ограничения и обязательства, связанные с гражданством, в то же время означала потерю всех прав на общее сочувствие и защиту,[35] так что деспоту было небезопасно лично посещать великие панэллинские игры, на которых его собственная колесница, возможно, получила бы приз, и на которых с показной помпой выступали теодоры, или священные посланники, которых он отправлял как представителей своего эллинского города. Правительство, действующее в таких неблагоприятных обстоятельствах, никогда не могло быть иным, кроме как недолговечным. Хотя человек, достаточно смелый, чтобы захватить власть, часто находил средства, чтобы сохранить ее на срок собственной жизни, все же деспот, доживший до старости, был редкостью, а передача власти сыну - тем более[36].

Среди множества спорных моментов греческой политической морали эта укоренившаяся антипатия к постоянному наследственному правителю выделялась как почти единодушное

чувство, в котором сходились и жажда господства, испытываемая богатыми немногими, и любовь к равной свободе в груди многих. Впервые она зародилась среди олигархий седьмого и шестого веков до нашей эры, полностью противоположная тем ярко выраженным монархическим настроениям, о которых мы читаем в "Илиаде"; от них она перешла к демократиям, которые возникли лишь в более поздний период. Конфликт между олигархией и деспотией предшествовал конфликту между олигархией и демократией, и в обоих случаях лакедемоняне активно выступали в поддержку олигархического принципа: смешанные чувства страха и отвращения заставили их свергнуть деспотизм в нескольких городах Греции в шестом веке до н. э., так же как во время их борьбы с Афинами в следующем веке они помогали олигархической партии, где только могли, свергнуть демократию. Таким образом, демагог-деспот этих ранних времен, используя имя народа как предлог, а оружие народа как средство достижения своих честолюбивых замыслов, послужил прологом к реальности демократии, которая проявилась в Афинах за некоторое время до Персидской войны, как развитие семени, посаженного Солоном.

Насколько позволяют проследить наши несовершенные сведения, ранние олигархии греческих государств, против которых боролись первые узурпировавшие власть деспоты, содержали в себе гораздо более отталкивающие элементы неравенства и более злонамеренные барьеры между составными частями населения, чем олигархии более поздних времен. То, что было верно для Эллады как совокупности, было верно, хотя и в меньшей степени, для каждой отдельной общины, которая составляла эту совокупность: каждая включала в себя множество кланов, орденов, религиозных братств, местных или профессиональных секций, которые были очень плохо сцементированы вместе: и олигархия не была, как правительство, названное так в последующие времена, правительством богатых немногих над менее богатыми и бедными, но правительством особого ордена, иногда патрицианского, над всем остальным обществом. В таком случае в подвластном множестве могут быть такие же богатые и значительные собственники, как и в управляющем множестве; но само это множество будет разбито на различные разнородные фракции, не симпатизирующие друг другу, возможно, не вступающие в браки и не принимающие участия в одних и тех же религиозных обрядах. Сельское население, или деревенские жители, обрабатывавшие землю, в те ранние времена, похоже, находились в болезненной зависимости от собственников, живших в укрепленном городе, и отличались собственной одеждой и привычками, что часто вызывало у них недружелюбное прозвище. Эти городские собственники, похоже, часто составляли правящий класс в ранних греческих государствах, в то время как их подданные состояли: 1. Из зависимых земледельцев, живших в окрестностях, которые обрабатывали их земли. 2. Некоторое количество мелких самозанятых собственников (αἰτοῦροῖ), чьи владения были слишком скудны, чтобы содержать больше, чем они сами, трудом своих рук на собственном участке земли, проживая либо в деревне, либо в городе, в зависимости от обстоятельств. 3. Из тех, кто жил в городе, не имея земли, но занимаясь ремеслом, искусством или торговлей.

Владельцы, занимавшиеся управлением, назывались гамори или геомори, в зависимости от того, дорический или ионический диалект можно использовать для их описания, поскольку они встречались как в государствах, принадлежащих к одной расе, так и к другой. Они, по-видимому, составляли тесный орден, передавая свои привилегии детям, но не допуская новых членов к участию, ибо принцип, называемый греческими мыслителями тимократией, назначение политических прав и привилегий в соответствии со сравнительным имуществом, похоже, мало применялся, если вообще применялся, в прежние времена, и мы не знаем ни одного примера его применения ранее Солона. Таким образом, в результате естественного умножения семей и мутации собственности появилось бы множество отдельных гамори, не

владельцев земель вообще, и, возможно, находящихся в худшем положении, чем мелкие землевладельцы, не принадлежащие к ордену; в то время как некоторые из этих последних, а также некоторые ремесленники и торговцы в городах могли бы в то же время расти в богатстве и значении. При подобной политической классификации, в которой отталкивающее неравенство усугублялось грубыми нравами и которая не могла гибко реагировать на изменения в относительном положении отдельных жителей, недовольство и вспышки были неизбежны, и самый ранний деспот, обычно богатый человек из бесправного класса, становился защитником и лидером недовольных.[37] Каким бы деспотичным ни было его правление, по крайней мере, это был гнет, который без разбора обрушивался на все слои населения; и когда наступал час реакции против него или против его преемника, так что общий враг изгонялся объединенными усилиями всех, вряд ли было возможно возродить ранее существовавшую систему исключения и неравенства без некоторых значительных послаблений.

Как правило, каждый греческий город-община включал в свое население, независимо от купленных рабов, три вышеупомянутых элемента: крупных землевладельцев с деревенскими иждивенцами, мелких самозанятых собственников и городских ремесленников, причем эти три элемента встречались повсюду в разных пропорциях. Но ход событий в Греции, начиная с седьмого века до н. э., постоянно повышал сравнительную значимость двух последних, в то время как в те ранние времена господство первых достигло своего максимума и сменилось лишь упадком. Военные силы большинства городов сначала находились в руках крупных собственников и формировались ими; они состояли из конницы, их самих и их приближенных, с лошадьми, вскормленными на их землях. Таково было первобытное олигархическое ополчение, как оно было сформировано в седьмом и шестом веках до н. э.,[38] в Халкисе и Эретрии в Эвбее, а также в Колофоне и других городах Ионии, и как оно продолжало существовать в Фессалии вплоть до четвертого века до нашей эры. Но постепенный рост мелких собственников и ремесленников ознаменовался заменой тяжеловооруженной пехоты на кавалерию; и еще одно не менее важное изменение произошло, когда сопротивление Персии привело к большому увеличению греческих военных кораблей, укомплектованных множеством моряков, которые жили в приморских городах. Все изменения, которые мы можем проследить в греческих общинах, были направлены на разрушение тесных и исключительных олигархий, с которых начинаются наши первые исторические знания, и на переход либо к олигархиям более открытым, охватывающим всех людей с определенным количеством имущества, либо к демократиям. Но переход в обоих случаях обычно достигался через интерлюдию деспота.

Перечисляя отдельные и негармоничные элементы, из которых состояло население этих ранних греческих общин, мы не должны забывать еще один элемент, который можно было найти в дорийских государствах в целом, - людей дорийской расы, в отличие от людей не дорийской расы. Дорийцы во всех случаях были эмигрантами и завоевателями, обосновавшимися вместе с прежними жителями и за их счет. На каких условиях устанавливалось совместное проживание, в каких пропорциях сходились захватчики и завоеватели, мы не знаем; и как бы ни было важно это обстоятельство для истории дорийских общин, мы знаем его только как общий факт и не можем проследить его результаты в деталях. Но мы видим достаточно, чтобы убедиться, что в тех революциях, которые свергли олигархии в Коринфе и Сикионе, - возможно, также в Мегаре, - дорийские и недорийские элементы общины вступили в конфликт более или менее непосредственно.

Сикионские деспоты - самые ранние из тех, о ком мы имеем отчетливые упоминания: их династия продолжалась сто лет, дольше, чем у всех греческих деспотов, известных Аристотелю; говорят,[39] что они правили мягко и с большим практическим уважением к существовавшим ранее законам. Орфагор,[40] родоначальник династии, возвысился до положения деспота около 676 года до н. э., свергнув существовавшую до этого дорийскую олигархию; но причины и обстоятельства этой революции не сохранились. Говорят, что изначально он был поваром. В ряду его преемников упоминаются Андреас, Мирон, Аристоним и Клейстенес, но ни о ком из них до последнего мы ничего не знаем, кроме того, что Мирон одержал победу на колеснице в Олимпии в 33-ю Олимпиаду (648 г. до н. э.) и построил в том же священном месте тезаурус, содержащий два украшенных алькова из меди для приема памятных подношений от себя и своей семьи.[41] Что касается Клейстенеса (чей возраст должен быть помещен между 600-560 гг. до н.э, но вряд ли его можно точно определить), нам сообщают некоторые факты, весьма любопытные, но не совсем удобные для отслеживания и проверки.

Из рассказа Геродота мы узнаем, что племя, к которому принадлежал сам Клейстенес[42] (и, конечно, его прародители Ортагор и другие Ортагорида), отличалось от трех дорийских племен, которые уже были названы в моей предыдущей главе о ликургской конституции в Спарте, - хиллеи, памфилы и диманы. Мы также узнаем, что эти племена были общими для сикионцев и аргейцев; а Клейстенес, находясь в состоянии ожесточенной вражды с Аргосом, пытался различными способами упразднить точки соприкосновения между ними. Сикион, первоначально заселенный переселенцами из Аргоса, был включен в "жребий Темена", или в число городов Аргейской конфедерации: сплоченность этой конфедерации становилась все слабее и слабее, отчасти, без сомнения, под влиянием предшественников Клейстенеса; но аргейцы, возможно, пытались возродить ее, тем самым поставив себя в состояние войны с последним и побудив его отсоединить Сикион от Аргоса, ощутимо и насильственно. Связь держалась на двух якорях: во-первых, на легендарной и религиозной симпатии; во-вторых, на гражданских обрядах и вероисповеданиях, существовавших среди сикионских дорийцев: оба они были разорваны Клейстенесом. Он изменил названия как трех дорийских племен, так и того недорийского племени, к которому принадлежал сам: последних он назвал комплиментарным титулом *archelai* (военачальники народа); первых трех он назвал оскорбительными именами *hyatae*, *oneatae* и *choeatae*, от трех греческих слов, означающих кабана, осла и маленькую свинью. Крайняя горечь этого оскорбления может быть оценена только тогда, когда мы представим себе, с каким благоговением племена в греческом городе относились к герою, у которого они позаимствовали свое имя. То, что эти новые названия, данные Клейстенесом, означали намеренное унижение дорийских племен, а также признание превосходства своих собственных, утверждает Геродот, и, кажется, это заслуживает доверия.

Но жестокость, на которую был способен Клейстенес в своей антиаргейской антипатии, проявляется еще более отчетливо в его действиях по отношению к герою Адрасту и к легендарным чувствам народа. Об этом примечательном инциденте уже было сказано в моем предыдущем томе[43], однако здесь следует еще раз кратко остановиться на нем. Герой Адраст, чью часовню Геродот видел в Сикионской агоре, был общим для Аргоса и Сикиона, и в обоих был предметом особого почитания: в легенде он фигурирует как царь Аргоса, а также как внук и наследник Полиба, царя Сикиона. Он был несчастным предводителем двух осад Фив, столь известных в древнем эпосе, - и сикионцы с восторгом слушали как подвиги аргейцев против Фив, воспетые эпическими рапсодами, так и скорбные рассказы об Адрасте и его семейных несчастьях, воспетые трагическим хором. Клейстенес не только запретил рапсодам приезжать в Сикион, но и решил изгнать из страны самого

Адраста - таково дословное греческое выражение,[44] считалось, что герой действительно присутствует и обитает среди людей. Сначала он обратился к дельфийскому оракулу за разрешением провести это изгнание в жизнь, но пифийская жрица ответила возмущенным отказом: "Адраст - царь сикионцев, а ты - грубиян". Потерпев неудачу, он прибег к хитрости, чтобы склонить Адраста к отъезду по собственной воле. 45] Он послал в Фивы с просьбой разрешить ему ввести в Сикион героя Меланиппа, и разрешение было получено. Меланипп прославился в легенде как могучий защитник Фив от Адраста и аргейских осаждающих, а также как убивший и Меккистея, брата, и Тидея, зятя Адраста; поэтому он был крайне неприятен последнему. Клейстенес ввел этого антинационального героя в Сикион, выделив ему освященную землю в пританее, или правительственном доме, и даже в той части, которая была наиболее сильно укреплена[46] (поскольку Адраст, видимо, считался готовым напасть и сразиться с незванным гостем); кроме того, он отнял у Адраста трагические хоры и жертвоприношения, приписав первые богу Дионису, а вторые - Меланиппу.

Таким образом, религиозные проявления Сикиона перешли от Адраста к его смертельному врагу, а дело аргейцев при осаде Фив - к фиванцам, Адраст, как полагают, добровольно удалился, и задуманная Клейстенесом цель - разрушить общность чувств между Сикионом и Аргосом - была отчасти достигнута.

Правитель, способный совершить такое насилие над религиозными и легендарными чувствами своей общины, вполне может быть признан способным нанести умышленное оскорбление дорийским племенам, которое подразумевается в их новых названиях. Однако, не зная о предшествующем положении дел, мы не знаем, насколько это могло быть возмездием за предыдущее оскорбление в противоположном направлении. Очевидно, что дорийцы Сикиона держали себя и свои древние племена совершенно отдельно от остальной общины, хотя что представляли собой другие составляющие населения и в каком отношении они находились к этим дорийцам, мы не в состоянии выяснить. Действительно, мы слышим о том, что на территории Сикиона, а также Аргоса и Эпидавра существовало зависимое сельское население, аналогичное гелотам в Лаконии. В Сикионе это сословие называлось коринфянами (Korynêphorî), или катонакофорами, по толстой шерстяной мантии, которую они носили, с овчиной, пришитой к юбке; в Аргосе их называли гимнесиями, по причине того, что они не обладали военной одеждой или регулярным оружием; в Эпидавре - кониподами, или пыльноногими.[47] Мы можем заключить, что подобный класс существовал в Коринте, в Мегаре и в каждом из дорийских городов Аргонической Акте. Но кроме дорийских племен и этих деревенских жителей, вероятно, существовали и не дорийские владельцы и жители городов, и на них, как мы можем предположить, была основана власть Ортагоридов и Клейстенеса, возможно, более дружественная и снисходительная к деревенским крепостным, чем та, что была у дорийцев ранее. Умеренность, которую Аристотель приписывает Ортагоридам в целом, опровергается действиями Клейстенеса: Но мы, вероятно, можем считать, что его предшественники, довольствуясь сохранением реального преобладания недорийского населения над дорийским, мало вмешивались в отдельное положение и гражданские обычаи последних, - в то время как Клейстенес, спровоцированный или встревоженный попыткой с их стороны укрепить союз с аргейцами, прибегал как к репрессивным мерам, так и к той оскорбительной номенклатуре, которая была приведена выше. Сохранение власти Клейстенеса было обусловлено его военной энергией (согласно Аристотелю) даже в большей степени, чем его умеренностью и популярным поведением; этому способствовали, вероятно, его великолепные выступления на публичных играх, ведь он был победителем в гонках на колесницах на Пифийских играх 582 года до н. э., а также на Олимпийских играх. Более того, он был фактически последним представителем этой расы и не передал свою власть ни одному преемнику[48].

Таким образом, правление первых Ортагоридов можно рассматривать как свидетельство преобладания, недавно приобретенного, но спокойно осуществляемого, не-дорийцев над дорийцами в Сикионе: Царствование Клейстенеса, как проявление сильного взрыва антипатии первых к последним; и хотя эта антипатия и применение тех отвратительных племенных названий, в которых она выражалась, приписываются лично Клейстенесу, мы можем видеть, что не-дорийцы в Сикионе разделяли ее в целом, поскольку эти же племенные названия продолжали применяться не только во время правления этого деспота, но и еще в течение шестидесяти лет после его смерти. Разумеется, нет необходимости отмечать, что подобные обозначения никогда не могли быть признаны или использоваться среди самих дорийцев. По прошествии шестидесяти лет со дня смерти Клейстенеса сикионцы пришли к полюбовному урегулированию вражды и поставили названия племен на удовлетворительную для всех сторон основу; Старые дорийские названия (хиллеи, памфилы и диманы) были восстановлены, а название четвертого племени, не дорийцев, было изменено с архелаев на эгиалеев, - эгиалей, сын Адраста, был избран их эпонимом.^[49] Этот выбор сына Адраста в качестве эпони́ма, по-видимому, показывает, что поклонение самому Адрасту было возрождено в Сикионе, так как оно существовало во времена Геродота.

О войне, которую Клейстенес вел против Кирры ради защиты Дельфийского храма, я расскажу в другом месте. Его смерть и прекращение династии, насколько можно судить по хронологии, произошли около 650 г. до н. э.^[50] То, что он был низложен спартанцами, как полагают К. Ф. Герман, О. Мюллер и д-р Тирвол,^[51] вряд ли можно признать согласующимся с рассказом Геродота, который упоминает о сохранении оскорбительных имен, навязанных им дорийским племенам, в течение многих лет после его смерти. Теперь, если бы спартанцы насильственно вмешались для пресечения его династии, мы можем с полным основанием предположить, что, даже если бы они не восстановили решительное преобладание дорийцев в Сикионе, они, по крайней мере, избавили бы дорийские племена от этого очевидного бесчестия. Но сомнительно, что у Клейстенеса был сын, а чрезвычайное значение, придаваемое браку его дочери Агаристки, которую он выдал за афинянина Мегаклеса из великого рода Алкмеонидов, скорее указывает на то, что она была наследницей - не его власти, а его богатства. Факт этого брака, от которого родился афинский лидер Клейстенес, впоследствии автор великой демократической революции в Афинах после изгнания Писистратидов, не вызывает сомнений; но живые и забавные подробности, которыми Геродот окружил этот брак, несут на себе печать скорее романтики, чем реальности. Придуманная, очевидно, каким-то изобретательным афинянином в качестве комплимента роду Алкмеонидов в его городе, в который входили и Клейстенес, и Периклес, история повествует о брачном соперничестве между этим родом и другим знатным афинским домом, и в то же время дает мифическое объяснение фразе, кажущейся пословицей в Афинах - *"Гиппоклейдесу все равно"*^[52].

Плутарх причисляет Эскинеса из Сикиона^[53] к деспотам, низложенным Спартой: в какой период это произошло и как это связать с историей Клейстенеса, приведенной Геродотом, мы не можем сказать.

Одновременно с Орфагоридами в Сикионе, но несколько позже и несколько раньше, в Коринфе действуют деспоты Кипсел и Периандр. Первый предстает как ниспровергатель олигархии под названием Вакхиады. О том, как он добился своей цели, мы не находим никаких сведений, и этот исторический пробел неадекватно заполняется различными религиозными предсказаниями и оракулами, предвещающими возвышение, суровое правление и свержение с престола через два поколения этих могущественных деспотов.

Согласно глубоко укоренившейся в греческом сознании идее, гибель великого князя или великой державы обычно предвещается ему богами заранее, хотя по черствости сердца или по неосторожности к этому предупреждению не прислушиваются. Что касается Кипсела и Вакхиадов, то нам сообщают, что Мелас, предок первого, был одним из первых поселенцев в Коринфе, сопровождавших первого дорийского вождя Алетеса, и что Алетес напрасно был предупрежден оракулом не принимать его;^[54] опять же, непосредственно перед рождением Кипсела, Вакхиады получили извещение, что его мать собирается родить того, кто станет их гибелью: Опасный младенец избежал гибели лишь на волосок от смерти, будучи спасен от намерений своих губителей удачным сокрытием в сундуке. Лабба, мать Кипсела, была дочерью Амфиона, принадлежавшего к роду, или септу, вакхиадов; но она была хромой, и никто из рода не согласился бы взять ее в жены с таким уродством. Эетион, сын Эхекратеса, ставший ее мужем, принадлежал к другой, но не менее выдающейся героической генеалогии: он был из рода лапитов, происходил от Кеней и жил в коринфском деде под названием Петра. Таким образом, мы видим, что Кипсел был не только высокородным человеком в городе, но и вакхиадом по полукровке; оба эти обстоятельства должны были сделать отстранение от управления непереносимым для него. Он пользовался большой популярностью в народе, с его помощью сверг и изгнал вакхиадов и оставался деспотом в Коринфе тридцать лет до своей смерти (655-625 гг. до н. э.). Согласно Аристотелю, он всю жизнь сохранял ту же примирительную манеру поведения, с помощью которой была приобретена его власть; его популярность поддерживалась настолько эффективно, что ему никогда не требовалась телохранителей. Но коринфская олигархия века Геродота, чей рассказ этот историк воплотил в оратории коринфского посланника Сосиклеса^[55] к спартанцам, дала совсем другое описание и изобразила Кипсела жестоким правителем, который изгонял, грабил и убивал оптом.

Его сын и преемник Периандр, хотя и энергичный как воин, выдающийся как поощритель поэзии и музыки, и даже причисленный некоторыми к семи мудрецам Греции, тем не менее, единодушно представлен как деспотичный и бесчеловечный в своем обращении с подданными. Отвратительные истории, которые рассказывают о его личной жизни, отношениях с матерью и женой, по большей части можно рассматривать как клевету, вызванную неприятными ассоциациями с его памятью; но есть все основания приписывать ему тиранию самого худшего характера, а кровожадные максимы предосторожности, так часто применяемые греческими деспотами, по общему мнению, восходят к Периандру^[56] и его современнику Фрасибулу, деспоту Милетскому. Он содержал мощную телохранителей, пролил много крови и был непомерен в своих поборах, часть которых уходила на вотивные жертвы в Олимпии; и эта щедрость богам рассматривалась Аристотелем и другими как часть преднамеренной системы, направленной на то, чтобы держать своих подданных как в тяжелом труде, так и в бедности. В одном случае нам рассказывают, что он пригласил женщин Коринфа собраться для празднования религиозного праздника, а затем лишил их богатых нарядов и украшений. Некоторые поздние авторы изображают его как сурового противника роскоши и распутных привычек, побуждающего к промышленности, заставляющего каждого человека отчитываться о средствах к существованию и заставляющего бросать в море коринфских проституток.^[57] Хотя на общие черты его характера, его жестокую тиранию в не меньшей степени, чем на его энергичность и способности, можно вполне положиться, все же конкретные происшествия, связанные с его именем, крайне сомнительны: наиболее достоверным из всех представляется рассказ о его необъяснимой ссоре с сыном и жестоким обращении со многими знатными коркирскими юношами, о чем повествует Геродот. Пери андер, как говорят, предал смерти свою жену,

Мелиссу, дочь Проклеса, деспота Эпидавра; его сын Ликофрон, узнав об этом поступке, воспыал к нему неизлечимой антипатией. После тщетных попыток, как суровыми, так и примирительными мерами, покорить это чувство сына, Периандр отправил его жить в Коркиру, которая тогда находилась под его властью; но когда он обнаружил, что состарился и стал инвалидом, он отозвал его в Коринф, чтобы гарантировать продолжение династии. Ликофрон по-прежнему упорно отказывался от личного общения с отцом, и тогда тот попросил его приехать в Коринф, а сам отправился на Коркиру. Коркиряне были так напуганы мыслью о визите этого грозного старика, что предали Ликофрона смерти, за что Периандр отомстил, схватив триста юношей из самых знатных семей и отправив их к лидийскому царю Аляттесу в Сарды, чтобы тот кастрировал их и заставил служить евнухами. Коринфские корабли, на которых были отправлены юноши, к счастью, по пути зашли на Самос, где саамцы и книдяне, потрясенные поступком, возмущившим все эллинские чувства, сумели спасти юношей от предназначенной им жалкой участи и, после смерти Периандра, отправили их обратно на родной остров[58].

Пока мы с неудовольствием отворачиваемся от политической жизни этого человека, мы в то же время знакомимся с огромными масштабами его власти - большей, чем та, которой когда-либо обладал Коринф после прекращения его династии. Коркира, Амбракия, Леука и Анакториум, все коринфские колонии, но в следующем веке ставшие независимыми государствами, в его время оказываются зависимыми от Коринфа. Амбракия, как говорят, находилась под властью другого деспота по имени Периандр, вероятно, тоже кипселида по происхождению. Похоже, что города Анакторий, Леукас и Аполлония в Ионическом заливе были основаны Кипселидами или получили подкрепление из коринфских колонистов во время их династии, хотя Коркира была основана значительно раньше[59].

Правление Периандра продолжалось сорок лет (625-585 гг. до н. э.): Псамметих, сын Гордия, сменивший его, царствовал три года, и на этом династия Кипселидов, как говорят, закончилась, просуществовав семьдесят три года.[60] По могуществу, пышности и широким связям как в Азии, так и в Италии они, очевидно, занимали высокое место среди греков своего времени. Их подношения, освященные в Олимпии, вызывали восхищение, особенно позолоченная колоссальная статуя Зевса и большой сундук из кедрового дерева, посвященный храму Геры, покрытый различными фигурами из золота и слоновой кости: фигуры были заимствованы из мифических и легендарных историй, а сундук был памятником как имени Кипсела, так и истории о его чудесном сохранении в младенчестве.[Если Плутарх прав, то эта могущественная династия должна быть причислена к деспотам, свергнутым Спартой;[62] однако такое вмешательство спартанцев, если допустить, что оно было фактическим, вряд ли было известно Геродоту.

Совпадая по времени с началом правления Периана в Коринфе, мы находим Феагенеса деспотом в Мегаре, который, как говорят, также приобрел свою власть с помощью демагогических искусств, а также жестоких нападений на богатых владельцев, чей скот он уничтожал на пастбищах у берега реки. Мы не знаем, каким предыдущим поведением богачей была вызвана эта ненависть народа, но Феагенес полностью увлек народные чувства за собой, получил путем общественного голосования корпус стражников якобы для своей личной безопасности и использовал их для свержения олигархии.[63] Но ему не удалось сохранить свою власть даже ради собственной жизни: Вторая революция свергла и изгнала его; по этому случаю, после короткого промежутка умеренного правления, народ, как говорят, возобновил в еще более заметной форме свою антипатию к богачам; изгнал некоторых из них с конфискацией имущества, вторгся в дома других с требованиями принудительного гостеприимства и даже принял официальный указ о палитокнии, чтобы

потребовать от богачей, ссудивших деньги под проценты, возврата всех прошлых процентов, выплаченных им их должниками.[64] Чтобы правильно оценить такое требование, мы должны помнить, что практика получения процентов за деньги, взятые в долг, рассматривалась значительной частью раннего античного общества с чувством безоговорочного осуждения; и когда мы перейдем к законодательству Солона, станет ясно, насколько такие бурные реакционные чувства против кредитора были спровоцированы предшествующим действием сурового закона, определяющего его права.

В общих чертах мы слышим о более чем одной революции в правительстве Мегары - беспорядочной демократии, подорванной вернувшимися олигархическими изгнанниками, которые снова не смогли долго продержаться;[65] но мы в равной степени не осведомлены о датах и деталях. Что же касается одной из этих битв, то нам доступны излияния современника и страдальца - мегарийского поэта Феогниса. К сожалению, его элегические стихи в том виде, в котором они дошли до нас, настолько разорваны, бессвязны и интерполированы, что мы не можем составить четкого представления о событиях, которые их вызвали, и тем более мы не можем обнаружить в стихах Феогниса той силы и особенности чисто дорийского чувства, которые, после публикации "Истории дорийцев" О. Мюллера, стало модно искать так широко. Но мы видим, что поэт был связан с олигархией, родовой, а не богатой, которая недавно была низвергнута в результате проникновения в нее деревенского населения, ранее подвластного и деградировавшего, - что эти подданные были довольны подчиниться одноглавому деспоту, чтобы спастись от своих прежних правителей, - и что сам Феогнис был предан своими друзьями и товарищами, лишен своего имущества и сослан по вине "врагов, кровь которых он надеется однажды получить возможность пить".[66] Состояние подданных-земледельцев до этой революции он изображает в печальных красках; они "жили за городом, одетые в козы шкуры, и не знали ни судебных санкций, ни законов"[67], после нее они стали гражданами, и их значение значительно возросло. И вот, по его впечатлению, мерзкая порода попирает благородную, - плохие становятся хозяевами, а хорошие больше не имеют никакого значения. Горечь и унижение, которые сопровождают бедность, и неоправданное превосходство, которое богатство дает даже самым ничтожным из людей,[68] являются среди основных предметов его жалоб, и его острого личного чувства в этом вопросе было бы достаточно, чтобы показать, что недавняя революция никоим образом не отменила влияние собственности; вопреки мнению Велькера, который безосновательно заключает из отрывка с неопределенным смыслом, что земля государства была формально переделена.[69] Мегарийская революция, насколько мы понимаем ее из слов Феогниса, похоже, существенно улучшила положение земледельцев вокруг города и усилила определенный класс, который он считает "плохими богачами", - в то же время она уничтожила привилегии того правящего порядка, к которому он сам принадлежал, называемого на его языке "хорошими и добродетельными", что губительно сказалось на его собственных судьбах. Насколько этот правящий порядок был исключительно дорийским, мы не можем определить. Политические перемены, от которых пострадал Теогнис, и новый деспот, которого он указывает как уже установленного или почти готового, должны были произойти значительно позже деспотии Феагенеса; ведь жизнь поэта, похоже, приходится на период между 570-490 гг. до н. э., В то время как Феагенес, должно быть, правил около 630-600 гг. до н. э. Из неблагоприятной картины, которую поэт дает в качестве своего собственного раннего опыта о состоянии сельских земледельцев, очевидно, что деспот Феагенес не предоставил им никаких постоянных льгот и не дал им доступа к судебной защите города.

Таким образом, деспоты Коринфа, Сикиона и Мегары служат образцами тех революционных влияний, которые в начале VI века до н. э., похоже, поколебали или опрокинули

олигархические правительства в очень многих городах греческого мира. Между деспотами Коринфа и Сикиона существовала определенная симпатия и союз:[70] насколько это чувство распространялось на Мегару, мы не знаем. Последний город, очевидно, был более густонаселенным и могущественным в седьмом и шестом веках до нашей эры, чем в последующие два блестящих века греческой истории: ее колонии, расположенные так далеко, как Вифиния и фракийский Босфор с одной стороны, и как Сицилия с другой, утверждают, что торговый размах, а также морская сила когда-то не уступали Афинам: так что мы будем менее удивлены, когда, приблизившись к жизни Солона, обнаружим, что она владеет островом Саламином и долго удерживает его, в одно время со всеми обещаниями триумфа, против всех сил афинян.

ГЛАВА X. ИОНИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ ЭЛЛАДЫ. - АФИНЫ ДО СОЛОНА.

Проследив в предыдущих главах скудный поток пелопоннесской истории от первого начала достоверной хронологии в 776 году до н. э. до максимума спартанских территориальных приобретений и общего признания спартанского первенства до 547 года до н. э., я перехожу к изложению всего, что можно сделать в отношении ионической части Эллады за тот же период. Эта часть включает в себя Афины и Эвбею, Кикладские острова и ионические города на побережье Малой Азии с их различными колониями.

В случае с Пелопоннесом нам удалось выявить нечто похожее на порядок реальных фактов в указанный период: Спарта делает большие успехи, а Аргос падает. В случае с Афинами, к сожалению, наши материалы менее поучительны. Количество исторических фактов, предшествующих солонскому законодательству, действительно очень мало; промежуток между 776 г. до н. э. и 624 г. до н. э., эпоха законодательства Драко за короткое время до попытки узурпации Килона, дает нам просто список архонтов, лишенный всяких происшествий.

В знак признательности за героизм Кодруса, пожертвовавшего жизнью ради безопасности своей страны, нам говорят, что после него никому не разрешалось носить титул царя:[71] его сын Медон и двенадцать преемников - Акаст, Архипп, Терсипп, Форбас, Мегаклес, Диогнет, Фереклес, Арифрон, Феспий, Агаместор, Эсхил и Алкмæон - все были пожизненными архонтами. Во второй год правления Алкмена (752 г. до н. э.) архонтское достоинство было ограничено десятью годами, и семь из этих десятилетних архонтов - Харопс, Есимидес, Клейдикус, Гиппоменес, Леократес, Апсандр, Эриксий - были пожизненными. С приходом Креона, сменившего Эриксия, архонство стало не только ежегодным, но и было введено в эксплуатацию и распределено между девятью лицами, и эти девять архонтов, ежегодно сменяясь, продолжают в течение всего исторического периода, прерываясь лишь на несколько промежутков, связанных с политическими беспорядками и иноземными сжатыми. До Клейдика и Гиппоменеса (714 г. до н. э.) сан архонта принадлежал исключительно Медонтидам или потомкам Медона и Кодруса:[72] в этот период он был открыт для всех Евпатридов, или ордена знати в государстве.

Таков ряд имен, по которым мы спускаемся с уровня легенды на уровень истории. Все наши исторические знания об Афинах ограничиваются периодом ежегодных архонтов; этот ряд

одноименных архонтов, начиная с Креона и ниже, заслуживает полного доверия.^[73] Начиная с 683 года до н. э., аттические антиквары предоставили нам ряд имен, которые мы должны воспринимать так, как мы их находим, не будучи в состоянии ни обосновать целое, ни отделить ложное от истинного. Нет причин сомневаться в том, что Афины, как и многие другие общины Греции, в первобытные времена управлялись наследственным родом царей и что от этой формы правления они перешли к содружеству, сначала олигархическому, а затем демократическому.

Мы не в состоянии определить гражданскую классификацию и политическую конституцию Аттики даже в период архонтства Креона, 683 г. до н. э., когда впервые начинается подлинная афинская хронология, - тем более мы не можем претендовать на какие-либо знания о предшествующих веках. Большие политические изменения были внесены сначала Солоном (около 594 г. до н. э.), затем Клейстенесом (509 г. до н. э.), затем Аристидом, Периклесом и Эфиальтесом в период между персидской и пелопоннесской войнами: таким образом, старая досолоновская, а может быть, и настоящая солоновская, полиция все больше и больше устаревала и выходила за рамки знаний. Но все сведения, которыми мы располагаем относительно этого старого полиса, получены от авторов, живших после всех или большинства этих великих перемен, - и, которые, не найдя ни записей, ни чего-либо лучшего, чем современные легенды, объясняли предшествующее время, как могли, с помощью более или менее гениальных догадок, обычно прикрепляемых к доминирующим легендарным именам. Иногда они могли основывать свои выводы на религиозных обычаях, периодических церемониях или общих жертвоприношениях, все еще существовавших в их собственное время; и это, несомненно, были лучшие свидетельства, которые можно было найти в отношении афинской древности, поскольку такие практики часто оставались неизменными при всех политических изменениях. Только таким образом мы получаем частичное представление о досолоновском состоянии Аттики, хотя в целом она все еще остается темной и непонятной, даже после многочисленных иллюстраций современных комментаторов.

Филохор, писавший в третьем веке до христианской эры, утверждает, что Кекропс первоначально разделил Аттику на двенадцать районов - Кекропию, Тетраполис, Эпакрию, Декелею, Элевсис, Афиднэ, Торикус, Браурон, Кифрус, Сфеттус, Кефисию, Фалекрус, - и что эти двенадцать были объединены в одно политическое общество Тесеем.^[74] Этот раздел не включает Мегариду, которая, согласно другим утверждениям, представлена как объединенная с Аттикой и как часть распределения, сделанного царем Пандионом между его четырьмя сыновьями, Нисусом, Эгеем, Палласом и Ликусом, - история, по крайней мере, древняя, как Софокл.^[75] В других рассказах также применяется четырехкратное деление племен, которые, как утверждается, состояли из четырех, начиная с Кекропса, называвшегося в его время Кекропис, Автохтон, Актея и Паралия. При царе Кранае эти племена, как нам говорят, получили имена Кранаис, Аттис, Месогæа и Диакрия,^[76] при Эрихтонии - Диас, Афинаис, Посейдоний, Гефæстиас: наконец, вскоре после Эрехтея, они стали называться по имени четырех сыновей Иона (сына Креусы, дочери Эрехтея, от Аполлона): Гелеонта, Гоплота, Игикорея, Аргадея. Четыре аттических или ионических племена под этими последними названиями продолжали составлять классификацию граждан до революции Клейстенеса в 509 году до н. э., в результате которой были введены десять племен, как мы видим, вплоть до периода македонского господства. Утверждается, и с некоторым этимологическим правдоподобием, что названия этих четырех племен первоначально должны были иметь отношение к роду занятий тех, кто их носил: гоплиты - *воинский класс*, игикорейцы - *козопасы*, аргадеи - *ремесленники*, гелеонты (телеонты или гедонты) - *земледельцы*: И поэтому некоторые авторы приписывают древним жителям

Аттики[77] фактически первобытное распределение по наследственным профессиям, или кастам, подобное тому, что преобладало в Индии и Египте. Если даже допустить, что такое деление на касты могло существовать изначально, оно должно было устареть задолго до времен Солона: однако нет достаточных оснований полагать, что оно когда-либо преобладало. Названия племен могли быть первоначально заимствованы из определенных профессий, но из этого вовсе не следует, что реальность соответствовала этой деривации или что каждый человек, принадлежавший к какому-либо племени, был членом той профессии, от которой первоначально произошло название. Из этимологии названий, будь она хоть сколько-нибудь ясной, мы не можем с уверенностью предположить историческую реальность классификации по профессиям. И это возражение (которое было бы весомым, даже если бы этимология была ясна) становится непреодолимым, когда мы добавляем, что даже этимология не является бесспорной;[78] что сами имена написаны с разнообразием, которое невозможно примирить; и что четыре профессии, названные Страбоном, опускают козопасов и включают жрецов; в то время как указанные Плутархом, опускают последних и включают первых.[79]

Все, что представляется несомненным, - это то, что это были четыре древних ионийских племен, аналогичные гилеотам, памфилам и диманам у дорийцев, которые преобладали не только в Афинах, но и в нескольких ионийских городах, происходящих от Афин. Гелеонты упоминаются в сохранившихся надписях, относящихся к Теосу в Ионии, и все четверо названы в надписях Кизикуса в Пропонтиде, который был основан ионийским Милетом.[Таким образом, четыре племен и четыре имени (если допустить некоторые различия в чтении) исторически достоверны; но ни время их появления, ни их первобытный смысл не поддаются определению, и нельзя верить различным построениям легенд об Ионе, Эрехтее и Кекропсе, предложенным современными комментаторами.]

Эти четыре племен можно рассматривать либо как религиозно-социальную совокупность, в которой каждое из них состояло из трех фратрий и девяноста гентов, либо как политическую совокупность, с точки зрения которой каждое из них включало три тритти и двенадцать наукрарий. Каждая фратрия содержала тридцать гентов; каждая триттия - четыре наукрарии: таким образом, общее число составляло триста шестьдесят гентов и сорок восемь наукрариев. Кроме того, каждый генс, как утверждается, содержал тридцать глав семейств, которых, таким образом, было десять тысяч восемьсот.

Сравнивая эти два распределения одно с другим, мы можем отметить, что они различны по своей природе и идут в противоположных направлениях. Тритти и наукрари являются, по сути, дробными подразделениями племен и опираются на племя как на высшее единство; Наукрари - это местный округ, состоящий из наукраров, или главных домохозяев (так, кажется, указывает этимология), которые взимают в каждом соответствующем округе квоту общественных взносов, которая ему принадлежит, и следят за ее расходованием, - обеспечивают военную силу, приходящуюся на округ, а это для каждого наукрари два всадника и один корабль, - и снабжают главных окружных чиновников, прытанов наукрари.[81] Определенное количество пеших воинов, варьирующееся в зависимости от потребностей, вероятно, следует понимать как сопровождающих этих всадников, но квота не указана, поскольку, возможно, было сочтено излишним точно ограничивать обязанности всех, кроме более состоятельных мужчин, служивших верхом, - в период, когда олигархическое господство было главным, а основная масса народа находилась в состоянии сравнительного подчинения. Таким образом, сорок восемь наукрарий - это систематическое подразделение четырех племен, охватывающее всю территорию, население, взносы и

военную силу Аттики, - подразделение, созданное исключительно для целей, связанных со всем государством.

Но *phratrries* и *gentes* - это совершенно иное распределение. Они представляют собой агрегацию мелких примитивных единиц в более крупные; они независимы от племени и не предполагают его; они возникают отдельно и спонтанно, без заранее установленного единообразия и без привязки к общей политической цели; законодатель находит их уже существующими и адаптирует или модифицирует их в соответствии с какой-либо национальной схемой. Мы должны отличать общий факт классификации и последовательного соподчинения в шкале: семьи - роду, генты - фратрии, фратрии - племени, - от точной числовой симметрии, с которой это соподчинение вложено, как мы читаем, - тридцать семей - роду, тридцать гентов - фратрии, три фратрии - каждому племени. Если бы такое приятное равенство чисел когда-либо было достигнуто законодательным принуждением[82], действующим на уже существующие природные элементы, пропорции не могли бы сохраняться постоянно. Но мы можем обоснованно сомневаться в том, что оно когда-либо существовало: это больше похоже на выдумку автора, который порадовал себя предположением о первоначальном систематическом творении в дописьменные времена, умножив вместе количество дней в месяце и месяцев в году. То, что каждая фратрия содержала равное количество гентов, а каждый генс - равное количество семей, - предположение, едва ли допустимое без более веских доказательств, чем те, которыми мы располагаем. Но если не считать этой сомнительной точности численного масштаба, сами фратрии и генты были реальными, древними и долговечными объединениями афинского народа, очень важными для понимания.[83] Основой всего был дом, очаг или семья, число которых, больше или меньше, составляло род, или генос. Таким образом, этот род представлял собой клан, септ или расширенное, а отчасти и фактическое братство, связанное воедино: 1. Общими религиозными обрядами и исключительной привилегией жречества в честь одного и того же бога, предполагаемого первопредка и характеризуемого особой фамилией. 2. Общим местом погребения. 3. Взаимными правами наследования имущества. 4. Взаимными обязательствами по оказанию помощи, защите и возмещению ущерба. 5. Взаимным правом и обязанностью вступать в брак в некоторых определенных случаях, особенно если имелась дочь-сирота или наследница. 6. Владение, по крайней мере в некоторых случаях, общим имуществом, архонтом и казначеем. Таковы были права и обязанности языческого союза:[84] фратрийский союз, связывавший несколько родов, был менее тесным, но все же включал некоторые взаимные права и обязанности аналогичного характера, и особенно общение особых священных обрядов и взаимные привилегии преследования в случае убийства фратрии. Каждая фратрия считалась принадлежащей одному из четырех племен, и все фратрии одного племени периодически общались между собой священными обрядами под председательством магистрата, называемого фило-басилеем, или царем племени, выбранным из Евпатридов; Зевс Гелеон был таким образом богом-покровителем племени Гелеонтов. Наконец, все четыре племени были связаны общим поклонением Аполлону Патросу, как их божественному отцу и покровителю; ведь Аполлон был отцом Иона, а эпонимы всех четырех племен считались сыновьями Иона.

Таков был первобытный религиозный и социальный союз населения Аттики в его постепенно возрастающем масштабе, в отличие от политического союза, вероятно, более позднего, представленного сначала триттиями и наукрами, а в последующие времена - десятью клейстенскими племенами, подразделявшимися на триттии и демы. Религиозные и семейные узы объединения являются более ранними из двух: но политические узы, хотя и начались позже, приобретут постоянно растущее влияние на протяжении большей части этой истории. В первом случае личная связь является основной и преобладающей

характеристикой,[85] а местная связь - подчиненной: во втором случае собственность и место жительства становятся главными соображениями, а личный элемент имеет значение только в зависимости от этих сопутствующих факторов. Все эти братские и языческие объединения, как более крупные, так и более мелкие, были основаны на одних и тех же принципах и тенденциях греческого ума[86] - слиянии идеи поклонения с идеей происхождения, или общения в определенных особых религиозных обрядах с кровным общением, реальным или предполагаемым. Бог или герой, которому собравшиеся приносили свои жертвы, воспринимался как первобытный предок, которому они обязаны своим происхождением; часто через длинный список промежуточных имен, как в случае с милійским Гекатеем, о котором так часто упоминалось ранее.[87] У каждой семьи были свои священные обряды и поминки предков, совершаемые хозяином дома, на которые не допускались никто, кроме членов семьи: исчезновение семьи, влекущее за собой прекращение этих религиозных обрядов, греки считали несчастьем не только из-за потери составляющих ее граждан, но и потому, что семейные боги и маны умерших граждан лишались таким образом своих почестей[88] и могли с неудовольствием посещать страну. Более крупные объединения, называвшиеся gens, phratry, tribe, были сформированы по тому же принципу - семья рассматривалась как религиозное братство, поклонявшееся какому-то общему богу или герою с соответствующей фамилией и признававшее его своим общим предком; А праздники Феония и Апатурия[89] - первый аттический, второй , общий для всей ионийской расы, - ежегодно собирали членов этих фратрий и родов для поклонения, празднеств и поддержания особых симпатий; таким образом, укрепляя большие связи, они не стирали меньшие.

Таковы были проявления греческой социальности, о которых мы читаем в ранних конституциях не только Аттики, но и других греческих государств. Для Аристотеля и Дикеарха было интересным исследованием проследить все политическое общество до неких предполагаемых элементарных атомов и показать, по каким причинам и с помощью каких средств первоначальные семьи, каждая из которых имела свою отдельную кормушку и камин[90], были объединены в более крупные агрегаты. Но историк должен принимать за окончательный факт самое раннее состояние вещей, о котором ему сообщают свидетели; а в рассматриваемом нами случае союзы язычников и фратрий - это вопросы, в начало которых мы не можем претендовать на проникновение.

Поллукс - вероятно, из утраченной работы Аристотеля "Конституции Греции" - ясно сообщает нам, что члены одного и того же рода в Афинах не были обычно связаны кровным родством, - и даже без каких-либо прямых свидетельств мы могли бы заключить, что это факт: в какой степени род, в неизвестную эпоху его первого формирования, был основан на фактических отношениях, мы не имеем возможности определить ни в отношении афинского, ни римского рода, которые были во всех основных пунктах аналогичны. Джентилизм - это связь сама по себе, отличная от семейных уз, но предполагающая их существование и расширяющая их с помощью искусственной аналогии, частично основанной на религиозной вере и частично на позитивном договоре, чтобы охватить чужих по крови людей. Все члены одного рода или даже одной фратрии считали себя происходящими не от одного деда или прадеда, но от одного божественного или героического предка: все современные члены фратрии Гекатея имели общего бога для своего предка в шестнадцатой степени; и это фундаментальное убеждение, в которое греческий ум перешел с такой легкостью, было принято и преобразовано позитивным договором в языческий и фратрийский принцип союза. Именно потому, что такое переливание, не признаваемое христианством, противоречит современным привычкам мышления, и потому, что мы не можем понять, как такая юридическая и религиозная фикция могла глубоко проникнуть в греческие чувства, фратрии

и гентилы кажутся нам загадочными: но они гармонируют со всеми легендарными генеалогиями, которые были изложены в предыдущем томе. Несомненно, Нибур в своем ценном обсуждении древнеримских родов прав, полагая, что они не были настоящими семьями, произошедшими от какого-либо общего исторического предка: но не менее верно, хотя он, кажется, полагает иначе, что идея рода подразумевала веру в общего первого отца, божественного или героического, - генеалогию, которую мы можем правильно назвать сказочной, но которая была освящена и аккредитована среди членов самого рода и служила одной из важных уз союза между ними.^[91] И хотя аналитический ум, подобный Аристотелю, мог бы заметить разницу между родом и семьей, чтобы выделить первый как потомство какого-то особого договора, все же это не является справедливой проверкой чувств, обычных среди ранних греков; и нет уверенности, что сам Аристотель, сын врача Никомаха, принадлежавшего к роду Асклепиадов, ^[92] согласился бы отрицать детородное происхождение всех этих религиозных семей без исключения. Естественные семьи, конечно, менялись от поколения к поколению, одни расширялись, другие уменьшались или вымирали; но род не претерпевал никаких изменений, кроме как через порождение, исчезновение или разделение этих составных семей; соответственно, отношения семей с родом находились в вечном колебании, и генеалогия языческих предков, приспособленная, несомненно, к раннему состоянию рода, со временем стала частично устаревшей и непригодной. Мы слышим об этой генеалогии нечасто, потому что она выносятся на всеобщее обозрение только в некоторых случаях, когда речь идет о высокопоставленных и почтенных особах. Но у более скромных родов были свои общие обряды, общий сверхчеловеческий предок и генеалогия, так же как и у более знаменитых: схема и идеальная основа были одинаковы у всех.

Аналогии, заимствованные у самых разных народов и частей света, доказывают, насколько легко эти укрупненные и фиктивные семейные союзы согласуются с представлениями ранней стадии развития общества. Горный клан, ирландский септ,^[93] древние юридически оформленные семьи во Фрисландии и Дитмарше, *phis*, или *phara*, у албанцев - примеры подобной практики:^[94] а усыновление пленников североамериканскими индейцами, равно как и всеобщая распространенность и действенность церемонии усыновления в греческом и римском мире, демонстрируют нам торжественную формальность при определенных обстоятельствах, порождающую союз и привязанность, сходные с родственными. Такую же природу имели фратрии и генты в Афинах, курии и генты в Риме, но они были особым образом изменены религиозным воображением древнего мира, которое всегда прослеживало прошлое время до богов и героев: и религия, таким образом, обеспечивала и общую генеалогию как основу, и привилегированное общение специальных священных обрядов как средство памяти и увековечивания. Род, как в Афинах, так и в других частях Греции, носил патронимическое имя, печать их предполагаемого общего отцовства: Асклепиады во многих частях Греции, Алеуады в Фессалии, Мидилиды, Псалихиды, Блепсиады, Эвксениды в Игине, Бранхиды в Милете, Небриды в Косе, Иамиды и Клитиады в Олимпии, -Акесторидæ в Аргосе, -Кинирадæ на Кипре, -Пентилидæ в Митилене,^[95]-Талтибиадæ в Спарте, - не менее Кодридæ, Эвмолпидæ, Фиталидæ, Ликомедæ, Бутадæ, Евнеидæ, Хесихидæ, Бритиадæ, и др.с., в Аттике.^[96] К каждому из них примыкал мифический предок, более или менее известный и являющийся как первым отцом, так и одноименным героем рода, - Кодр, Эвмолп, Бутес, Фитал, Гесихид и т. д.

Революция Клейстенеса в 509 году до н. э. упразднила старые племена для гражданских целей и создала десять новых племен, оставив фратрии и генты без изменений, но введя местное распределение по демам, или кантонам, как основу новых политических племен. Каждому из десяти клейстенских племен принадлежало определенное количество демов

(демов в одних и тех же племенах обычно не было, так что племя не совпадало с определенной окружностью), и дем, в котором был зарегистрирован каждый человек, продолжал быть тем, в котором были зарегистрированы и его потомки. Но gentes как таковые не были связаны с этими новыми племенами, и члены одного и того же gens могли принадлежать к разным демам.[97] Следует, однако, отметить, что в определенной степени в старом устройстве Аттики деление на генты совпадало с делением на демы; то есть нередко случалось, что геннеты или члены одного и того же рода жили в одном кантоне, так что название рода и название демы было одним и тем же: более того, похоже, что Клейстенес признал некоторое количество новых демов, которым он дал названия, происходящие от некоторых важных родов, живших поблизости от места. Именно этим мы должны объяснить большое количество клейстенских демов, которые носят патронимические имена[98].

Между римскими и греческими генами есть одно замечательное различие, вытекающее из разной практики именования. Римский патриций обычно носил три имени: имя язычника, за которым следовало одно имя, обозначающее его семью, и еще одно, присущее ему самому в этой семье. Но в Афинах, по крайней мере после революции Клейстенеса, языческое имя не использовалось: человек описывался одним именем, за которым следовало имя его отца, а затем имя дема, к которому он принадлежал, - например, *Æschinês, сын Амрома êtus, котокид*. Такая разница в привычной системе именования способствовала тому, что в Риме связь с язычниками была более заметна, чем в греческих городах.

До введения Солоном имущественной классификации аттиков фратрии и генты, а также триттии и наукрарии были единственными признанными связями между ними и единственной основой юридических прав и обязательств, помимо естественной семьи. Род представлял собой тесную инкорпорацию, как имущественную, так и личностную. До времен Солона ни один человек не обладал правом завещательного распоряжения: если он умирал, не имея детей, его имущество наследовали *genpêtes*, [99] и так продолжалось даже после Солона, если он умирал завещателем. Девушку-сироту мог требовать в жены по праву любой член рода, причем предпочтение отдавалось ближайшим родственникам; [100] если она была бедна и он не решал жениться на ней сам, закон Солона обязывал его обеспечить ее приданым, пропорциональным его зачисленной шкале имущества, и выдать ее замуж за другого; И величина приданого, которое требовалось дать, - большая, даже установленная Солоном, а впоследствии удвоенная, - кажется доказательством того, что законодатель косвенно намеревался принудить к фактическому браку. [Если человека убивали, то сначала его ближайшие родственники, затем его геннеты и фраторы могли и должны были преследовать преступление по закону; [102] его товарищи-демоты, или жители того же дема, не обладали подобным правом преследования. Все, что мы слышим о древнейших афинских законах, основано на делении на язычников и фратрий, которые рассматриваются как продолжение семьи. Следует отметить, что это деление совершенно не зависит от имущественного ценза: в один род включались как богатые, так и бедные люди. [103] Более того, различные роды были очень неравны по своему достоинству, что объяснялось главным образом религиозными церемониями, которыми каждый из них распоряжался наследственно и исключительно, и которые, будучи в некоторых случаях признаны священными для всего города, были поэтому национализированы. Таким образом, Эвмолпиды и Керы, которые обеспечивали Иерофанта и руководили мистериями Элевсинского Дкеметра, и Бутады, которые обеспечивали жрицу Афины Полиас, а также жреца Посейдона Эрехтея в акрополе, - похоже, почитались выше всех других родов. [104] Когда название *Butadæ* было принято в Клейстенее в качестве названия дема, священный род, называемый так, принял отличительное обозначение *Eteobutadæ*, или "Истинные *Butadæ*" [105].

Многие из древних гентов Аттики известны нам по именам; но до нас дошла только одна фратрия (ахνιαды).^[106] Эти фратрии и генты, вероятно, никогда не включали в себя все население страны, и доля не включенных в них людей становилась все больше и больше, как во времена до Клейстенеса,^[107] так и после него. По его конституции и на протяжении всей последующей истории они оставались религиозными квазисемьями или корпорациями, дававшими права и налагавшими обязательства, которые исполнялись в регулярных дикастериях, но не связанными напрямую с гражданством или политическими функциями: человек мог быть гражданином, не будучи зачисленным ни в один из родов. Сорок восемь наукраий перестали существовать для каких-либо важных целей по его конституции: дем вместо наукраии стал элементарным политическим делением, для военных и финансовых целей, а демарх стал рабочим местным президентом, вместо начальника наукраий. Однако дема не совпадала с наукраией, а демарх - с предыдущим начальником наукраии, хотя они были аналогичны и создавались для одной цели.^[108] Если наукраий было всего сорок восемь, то демы образовывали более мелкие подразделения и, по крайней мере в более поздние времена, насчитывали сто семьдесят четыре.^[109]

Но хотя это раннее четырехстороннее деление на племена само по себе вполне объяснимо, очень трудно примирить его с той множественностью форм правления, которая, как мы узнаем, изначально преобладала среди жителей Аттики. От Кекропса до Тесея, говорит Фукидид, в Аттике было много разных городов, каждый из которых был автономным и самоуправляемым, со своим пританеем и своими архонтами; И только в случае общей опасности эти разные общины собирались вместе под властью афинских царей, чей город в то время состоял всего лишь из священной скалы Athênê на равнине,^[110] впоследствии столь заметной как акрополь расширенных Афин, - вместе с узкой областью под ней на южной стороне. Именно Тесей, по его словам, совершил тот великий переворот, в результате которого вся Аттика была объединена в единое правительство, а все местные магистратуры и советы были сосредоточены в Афинском сенате и пританеях: его проницательность и власть заставили всех жителей Аттики признать Афины единственным городом в стране, а свои собственные жилища занять просто как составные части афинской территории. Этот важный шаг, который, естественно, привел к значительному расширению центрального города, афиняне на протяжении всей истории отмечали периодическим праздником под названием Synœkia, в честь богини Athênê^[111].

Таков рассказ Фукидида о первоначальной раздробленности и последующем объединении различных частей Аттики. В общем факте нет оснований сомневаться, хотя причина, приписываемая историком, - сила и проницательность Тесея - относится к легенде, а не к истории. Мы также не можем претендовать на то, чтобы определить ни реальные шаги, с помощью которых было осуществлено такое изменение, ни его дату, ни количество частей, которые составили полноценные Афины, - еще более расширенные в какой-то ранний период, хотя мы не знаем, когда именно, за счет добровольного присоединения беотийского или полубеотийского города Элевтера, расположенного среди долин Китхерана между Элевсисом и Платеей. Население Аттики вплоть до Пелопоннесской войны имело обыкновение жить в своих кантонах, где сохранялись древние праздники и храмы как реликвии прежней автономии; в город они приезжали только в особые часы, для религиозных или политических целей, и все же считали загородную резиденцию своим настоящим домом. Насколько глубоко укоренилось в них это кантональное чувство, можно судить по тому факту, что оно пережило временное изгнание, навязанное им персидским нашествием, и возобновилось, когда изгнание этого губительного войска позволило им отстроить свои разрушенные жилища в Аттике^[113].

Сколько из признанных Клейстенесом демов имели первоначально отдельные правительства или в какие локальные совокупности они объединялись, мы сейчас не можем выяснить; вспомним, что сам город Афины содержал несколько демов, а Пирей также составлял отдельный дем. Некоторые из двенадцати областей, которые Филохор приписывает Кекропсу, имеют вероятные признаки древнего существования: Кекропия, или область, окружающая город и акрополь; тетраполис, состоящий из Σεποῖ, Трикорита, Пробалинфа и Марафона;[114] Элевсис; Афиднаэ и Декелея,[115] оба отличающиеся особой мифической связью со Спартой и Диоскурами. Но трудно представить, что Фалекрум, который является одним из отдельных подразделений, названных Филохором, мог когда-либо пользоваться автономией отдельно от Афин. Более того, в некоторых демах, о которых Филохор не упоминает, мы находим свидетельства постоянной вражды и запреты на браки, которые, казалось бы, могут указывать на то, что когда-то это были отдельные маленькие государства.[116] Хотя в большинстве случаев мы мало что можем заключить из легенд и религиозных церемоний, которые почти в каждом дема[117] были присущи только ему, все же те, что в Элевсисе, настолько примечательны, что позволяют утверждать о вероятной автономии этого города вплоть до сравнительно позднего периода. Гомеровский гимн Деметре, повествующий о посещении богиней Элевсиса после похищения ее дочери и о первом установлении Элевсинских церемоний, указывает на одноименного принца Элевсиса и различных вождей этого места - Келеоса, Триптолема, Диоклеса и Эвмолпа; В нем также упоминается Рарийская равнина по соседству с Элевсисом, но нет ни малейшего намека на Афины или на какое-либо участие афинян в присутствии или поклонении богине. Есть основания полагать, что в то время, когда был написан этот гимн, Элевсис был независимым городом: что это было за время, мы не можем установить, хотя Восс относит его к 30-й Олимпиаде.[Доказательство, полученное таким образом, тем более ценно, что Гимн Деметру имеет строго специальную и местную окраску; кроме того, история, рассказанная Солоном Крёзу, об афинянине Теллусе, погибшем в битве с жителями соседнего города Элевсиса,[119] предполагает, подобным образом, независимость последнего в более ранние времена. Нелишне заметить, что даже в 300 г. до н. э. наблюдательный посетитель Дикеарх утверждает, что между родными афинянами и аттиками есть разница как в физиономиях, так и в характерах и вкусах[120].

В дошедшей до нас истории действий Тесея эти четыре ионических племена не упоминаются; но до нас дошло другое, совершенно иное распределение людей на евпатридов, гефморов и демиургов, которое, как говорят, он ввел первым; Дионисий Галикарнасский дает только двойное деление - евпатридов и зависимых земледельцев, что соответствует его представлению о патрициях и клиентах в раннем Риме.[121] Насколько мы можем понять это тройное разделение, оно кажется разрозненным и не связанным с четырьмя вышеупомянутыми племенами. Евпатриды - это богатые и влиятельные люди, принадлежащие к самым знатным семьям во всех различных родах и живущие главным образом в городе Афины после объединения Аттики: от них отличаются люди среднего и низшего звена, условно разделяемые на земледельцев и ремесленников. Евпатридам приписывается религиозное, а также политическое и социальное превосходство; они представляются источником всех авторитетов в вопросах как священных, так и профанных;[122] они, несомненно, составляли те генты, такие как бутады, на священные церемонии которых народ смотрел с величайшим почтением; и мы можем представить себе Эвмолпа, Келеоса, Диокла и т. д., как они описаны в гомеровском гимне Деметре, в образе евпатридов Элевсиса. Более скромные роды и более скромные члены каждого рода оказались бы в этой классификации смешаны с той частью народа, которая вообще не принадлежала ни к какому роду.

Исключительно из этих эвпатридов и, несомненно, по их выбору, были взяты девять годовых архонтов - возможно, также и пританы наукраии. Естественно предположить, что сенат ареопага состоял из членов того же порядка: все девять архонтов переходили в него по истечении года пребывания в должности, при условии, что они должным образом прошли испытание на подотчетность; они оставались членами сената пожизненно. Это единственные политические органы, о которых мы слышим в самый ранний, несовершенно известный период афинского правления, после прекращения правления царя и принятия ежегодной смены архонтов. Сенат ареопага, похоже, представляет собой гомеровский совет стариков;^[123] и, несомненно, в отдельных случаях проводились общие собрания народа с тем же формальным и пассивным характером, что и гомеровская агора, - по крайней мере, мы обнаружим следы таких собраний до солоновского законодательства. Некоторые античные писатели приписывали Солону первое учреждение сената ареопага, как и те, кто считал Ликурга первым собравшим спартанскую герусию. Но можно не сомневаться, что это ошибка, и что сенат ареопага - это первобытное учреждение, имеющее незапамятную древность, хотя его конституция и функции претерпели множество изменений. Сначала он стоял один как постоянный и коллегиальный орган власти, первоначально рядом с царями, а затем с архонтами: тогда он, конечно, был известен под названием "Буле", "Сенат" или "Совет"; его отличительное название "Сенат Ареопага", заимствованное от места, где проходили его заседания, не давалось до образования Солоном второго Сената, или Совета, от которого его нужно было отличать.

Это, по-видимому, объясняет причину, по которой он никогда не упоминается в постановлениях Драко, чье молчание служит одним из аргументов в пользу мнения, что в его время его не существовало и что он был впервые учрежден Солоном.^[124] Мы слышим о сенате ареопага главным образом как о судебном трибунале, поскольку он постоянно действовал в этом качестве на протяжении всей афинской истории и поскольку ораторы чаще всего ссылались на его решения по судебным вопросам. Но изначально его функции носили самый широкий сенаторский характер, как директивный, так и судебный. И хотя постепенный рост демократии в Афинах, как будет объяснено далее, и сократил его полномочия, и способствовал еще большему их снижению, расширив непосредственную работу народа в собрании и судебной власти, а также сената пятисот, который был постоянным дополнением и администратором общественного собрания, - все же он, кажется, был, даже вплоть до времен Перикла, самым важным органом в государстве. И после того как политические реформы этого великого человека отодвинули его на задний план, мы все еще видим, как в определенных случаях он выходит вперед, чтобы подтвердить свои древние полномочия и на время взять на себя то неопределенное вмешательство, которым он бесспорно пользовался в древности. Привязанность афинян к своим древним учреждениям давала ареопагу постоянную и сильную власть над их умами, и это чувство скорее укреплялось, чем ослабевало, когда он переставал быть предметом народной ревности, - когда его уже нельзя было использовать в качестве вспомогательного средства для олигархических притязаний.

Из девяти архонтов, число которых оставалось неизменным с 638 года до н. э. и до конца свободной демократии, трое носили особые титулы: архонт-эпоним, от имени которого происходило обозначение года, и о котором говорили как об *архонте*; архонт-базилевс (царь), или, чаще, базилевс; и полемарх. Остальные шесть носили общее название Тесмотетæ. Из первых трех каждый обладал исключительной судебной компетенцией в отношении некоторых специальных вопросов: в этом отношении тесмотеты были все на равных, действуя иногда как коллегия, иногда индивидуально. Архонт эпоним решал все споры, касающиеся семьи, языческих и брачных отношений: он был законным защитником

сирот и вдов.[125] Архонт базилей, или царский архонт, обладал компетенцией по жалобам на преступления против религиозных чувств и на убийство. Полемарх, если говорить о временах до Клейстенеса, был предводителем военных сил и судьей в спорах между гражданами и негражданами. Кроме того, за каждым из этих трех архонтов были закреплены определенные религиозные праздники, которые он должен был курировать и проводить. Шесть тесмотетов, по-видимому, были судьями в спорах и жалобах, как правило, против граждан, за исключением особых вопросов, отнесенных к компетенции первых двух архонтов. Согласно правильному смыслу слова *thesmothetæ*, все девять архонтов имели право так называться,[126] хотя у первых трех были свои особые обозначения: слово *thesmoî*, аналогичное *themistes*[127] Гомера, включает в свое значение как общие законы, так и конкретные приговоры, - эти две идеи еще не были разграничены, и общий закон понимался только в его применении к какому-то конкретному случаю. Драко был первым тесмотетом, которого призвали изложить свои тесмои в письменном виде, придав им, таким образом, характер большей или меньшей общности.

В более поздние и более известные времена афинского права мы видим, что эти архонты в значительной степени лишены полномочий судить и решать, и ограничиваются задачей сначала выслушать стороны и собрать доказательства, а затем передать дело на рассмотрение в соответствующий дикастерий, над которым они председательствовали. Первоначально не было разделения властей: архонты и судили, и управляли, разделяя между собой те привилегии, которые когда-то были объединены в руках царя, и, вероятно, отчитываясь в конце года своего пребывания в должности перед сенатом ареопага. Вероятно также, что функции этого сената и функции пританов-наукраров имели одинаковую двойную и запутанную природу. Все эти функционеры принадлежали к эвпатридам, и все они, несомненно, действовали в большей или меньшей степени в узких интересах своего ордена: кроме того, у архонтов было достаточно возможностей для фаворитизма, как попустительства, так и антипатии. О том, что дело обстоит именно так и что недовольство стало носить серьезный характер, можно судить по обязанности, возложенной на тесмотета Драко в 624 г. до н. э., изложить в письменном виде тесмои, или постановления, чтобы их можно было "показать публично" и узнать заранее.[Он не вмешивался в политическую конституцию, и в его постановлениях Аристотель не находит ничего достойного внимания, кроме крайней суровости[129] назначенных наказаний: мелкие кражи или даже доказанная праздность жизни карались смертью или лишением гражданских прав.

Но мы не должны рассматривать это замечание как свидетельство особой бесчеловечности характера Драко, который не был наделен той большой властью, которой впоследствии пользовался Солон, и не может быть представлен навязывающим обществу суровые законы своего собственного изобретения. Будучи, разумеется, эвпатридом, он изложил в письменном виде те постановления, которые эвпатридные архонты до этого имели обыкновение исполнять без письменного изложения в конкретных случаях, поступавших на их рассмотрение; а общий дух уголовного законодательства за два последующих столетия стал настолько мягче, что эти старые постановления показались Аристотелю невыносимо строгими. Вероятно, ни Драко, ни локрийский Залевк, который несколько предшествовал ему по дате, не были более строгими, чем настроения эпохи: действительно, те немногие фрагменты драконовских таблиц, которые дошли до нас, отнюдь не демонстрируют неизбирательную жестокость, а впервые вводят в афинское законодательство смягчающие различия в отношении убийств;[130] основанные на разнообразии сопутствующих обстоятельств. Говорят, что он учредил судей, называемых эфетами, - пятьдесят одного старейшину, принадлежавшего к какому-нибудь уважаемому роду или занимавшего возвышенное положение, которые проводили свои заседания по делам об убийстве в трех

разных местах, в зависимости от различия представленных им дел. Если обвиняемый, признавая факт, отрицал свое преступное намерение и ссыался на случайность, дело рассматривалось в месте, называемом палладиум; если его признавали виновным в случайном убийстве, его приговаривали к временному изгнанию, если он не мог умиротворить родственников умершего, но его имущество оставалось нетронутым. Если же, признав факт, он защищался каким-либо веским основанием для оправдания, например, самообороной или вопиющим прелюбодеянием с женой со стороны покойного, суд проходил на земле, посвященной Аполлону и Артемиде, называемой Дельфиниум. Особое место, называемое Фретис, недалеко от морского берега, было также названо для суда над человеком, который, будучи приговорен к изгнанию за непреднамеренное убийство, мог быть обвинен во втором убийстве, совершенном, конечно, вне пределов территории: считаясь нечистым от последствий прежнего приговора, он не имел права ступить на землю, а вершил суд на лодке, причаленной к берегу. В самом *pytaneium*, или доме правительства, заседали четыре *phylo-basileis*, или царя племени, чтобы судить любой неодушевленный предмет (кусок дерева, камень и т. д.), который стал причиной смерти кого-либо без доказанного вмешательства человеческой руки: дерево или камень, когда факт был подтвержден, официально бросали за границу.^[131] Все эти различия, конечно, подразумевают предварительное расследование дела, называемое анакризисом, со стороны царя-архонта, чтобы выяснить, в чем состоит дело и где должны состояться заседания эфета.

Так тесно был связан способ рассмотрения дел об убийстве с религиозными чувствами афинян, что эти старые правила никогда не были официально отменены на протяжении всего исторического времени и читались выгравированными на их колонне современниками Деместенека. [Ареопаг продолжал действовать, и об эфетах говорят как о таковых даже в эпоху Деместенека, хотя их функции были молчаливо узурпированы или сужены, а их достоинство умалено^[133] более популярными дикастериями, созданными впоследствии. Именно таким образом они стали известны нам, в то время как другие драконские институты погибли: но в их отношении много неясного, особенно в том, что касается отношений между эфетами и ареопагитами. Действительно, даже афинским историкам было так мало известно по этому вопросу, что большинство из них полагало, что совет ареопага получил свое первое начало от Солона: и даже Аристотель, хотя он и опровергает это мнение, выражается не очень позитивно.^[134] То, что судьи заседали в ареопаге для суда над убийцами до Драко, кажется, подразумевается в договоренностях этого законодателя относительно эфетов, поскольку он не делает никаких новых положений для рассмотрения прямого вопроса об умышленном убийстве, которое, по всем данным, входило в компетенцию ареопага: но были ли эфеты и ареопагиты одними и теми же лицами, полностью или частично, наши сведения недостаточны, чтобы выяснить. До Драко не существовало трибунала для рассмотрения дел об убийствах, кроме сената, заседавшего в ареопаге, и мы можем предположить, что с этим местом было связано что-то - легенды, церемонии или религиозные чувства, - что заставляло судей, заседавших там, осуждать каждого человека, признанного виновным в убийстве, и запрещало им принимать во внимание смягчающие или оправдывающие обстоятельства. [Драко назначил эфетов заседать в разных местах; эти места так четко обозначены и так неизменно соблюдались, что мы можем видеть, каким особым образом те специальные вопросы, связанные с убийством при определенных обстоятельствах, которые он приписал каждому, были приспособлены, по афинскому убеждению, к новым выбранным священным местам,^[136] каждое из которых имело свой особый церемониал и процедуру, назначенные самими богами. То, что религиозные чувства греков были самым тесным образом связаны с конкретными местами, уже неоднократно отмечалось; и Драко действовал в соответствии с ними, принимая меры для смягчения огульного осуждения

каждого человека, уличенного в убийстве, которое было неизбежным до тех пор, пока ареопаг оставался единственным местом суда. Человек, признавшийся или доказавший, что пролил кровь другого, не мог быть оправдан или приговорен к меньшей мере, чем полное наказание (смерть или вечное изгнание с конфискацией имущества) судьями на холме Арес, какие бы оправдания он ни приводил: но судьи у палладия и дельфиниума могли выслушать его и даже признать его вину, не запятнав себя иррелигией. Драко не вмешивался напрямую в дела судей, заседающих в ареопаге, и даже никогда не упоминал о них.

Таким образом, в отношении убийств постановления Дракония были отчасти реформой узкого, отчасти смягчением строгости старой процедуры; и это все, что дошло до нас, сохранившись в неизменном виде благодаря религиозному уважению афинян к древности в этом особом вопросе. Остальные его постановления, как говорят, были отменены Солоном из-за их невыносимой суровости. Такими они, несомненно, казались и афинянам более позднего времени, которые пришли к измерению преступлений по другой шкале; и даже Солону, которому пришлось успокаивать гнев страдающего народа во время фактического мятежа.

То, что при этой олигархии и суровом законодательстве народ Аттики был достаточно несчастен, мы увидим позже, когда я расскажу о действиях Солона: но век демократии еще не начался, и правительство получило первый удар от рук честолюбивого евпатрида, стремившегося к деспотизму. Именно через такой этап, как было отмечено в предыдущей главе, в течение рассматриваемого нами столетия прошла большая часть греческих правительств.

Килон, афинский патриций, который к большому семейному положению прибавил личную известность победой в Олимпии в качестве бегуна на двойном стадионе, задумал захватить акрополь и стать деспотом. Случилось ли дома какое-нибудь особое событие, послужившее толчком к осуществлению этого проекта, мы не знаем: но он получил поддержку и ценную помощь от своего тестя Теагенека из Мегары, который, благодаря своей популярности в народе, уже сверг мегарийскую олигархию и стал деспотом своего родного города. Однако перед столь опасной попыткой Кайлон обратился к дельфийскому оракулу, и в ответ бог посоветовал ему воспользоваться возможностью "величайшего праздника Зевса" для захвата акрополя. Такие выражения, в естественном для каждого грека толковании, обозначали Олимпийские игры в Пелопоннесе, - Кайлону, к тому же самому победителю Олимпийских игр, это толкование рекомендовалось с видимой особой уместностью. Но Фукидид, небезразличный к достоверности оракула, напоминает своим читателям, что не было задано ни вопроса, ни прямого указания, где искать предполагаемый "величайший праздник Зевса" - в Аттике или где-либо еще, - и что общественный праздник Диасии, периодически и торжественно отмечавшийся в окрестностях Афин, также назывался "величайшим праздником Зевса Мелихия". Вероятно, подобные экзегетические угрызения совести не приходили никому в голову вплоть до жалкого провала заговора; менее всего это касалось самого Килона, который во время повторения следующих Олимпийских игр встал во главе войска, частично предоставленного Теагеном, частично состоящего из его друзей дома, и внезапно завладел священной скалой Афин. Но эта попытка вызвала всеобщее возмущение афинского народа, который стекался со всей страны, чтобы помочь архонтам и пританам-наукрари отбить ее. Килона и его спутников блокировали в акрополе, где они вскоре оказались в затруднительном положении из-за нехватки воды и провизии; и хотя многие афиняне вернулись в свои дома, было оставлено достаточно осаждающих сил, чтобы довести заговорщиков до последней крайности. После того как сам Килон скрылся, а несколько его спутников умерли от голода, остальные, отказавшись от всякой надежды на

защиту, сели в качестве сторонников у алтаря. Архонт Мегаклес, вернувшись в цитадель, обнаружил этих сторонников на грани голодной смерти на священной земле и, чтобы предотвратить такое загрязнение, уговорил их покинуть это место, пообещав пощадить их жизни. Однако не успели они удалиться на оскверненную землю, как обещание было нарушено и их предали смерти: некоторые даже, видя, какая участь им грозит, ухитрились броситься на алтарь почтенных богинь, или эвменид, возле ареопага, и получили смертельные раны, несмотря на эту нерушимую защиту[137].

Хотя заговор был подавлен, а правительство поддержано, эти прискорбные инциденты оставили за собой длинный шлейф бедствий, - глубокие религиозные угрызения совести смешались с обостренными политическими антипатиями. Все еще оставалась если не значительная килонская партия, то, по крайней мере, большое количество людей, возмущенных тем, как килонцы были преданы смерти, и ставших в результате этого злейшими врагами архонта Мегаклеса и великой семьи Алкмæонидаэ, к которой он принадлежал. Не только сам Мегаклес и его личные помощники были осуждены как пораженные проклятием, но предполагалось, что пятно передалось его потомкам, и впоследствии мы обнаружим, что рана вновь открылась не только во втором и третьем поколении, но и через два столетия после первоначального события.[138] Когда мы видим, что впечатление, оставленное этим делом, было настолько серьезным, даже по прошествии времени, мы вполне можем поверить, что сразу после этого было достаточно, чтобы полностью отравить спокойствие государства. Алкмæониды и их сторонники долгое время бросали вызов своим противникам, сопротивляясь любому публичному суду, - и раздоры продолжались без надежды на прекращение, пока Солон, пользовавшийся в то время высокой репутацией за благоразумие и патриотизм, а также за храбрость, не убедил их подчиниться суду, - в момент, столь отдаленный от события, что несколько действующих лиц были мертвы. Они предстали перед специальным судом из трехсот эвпатридов, обвинителем которых был Мирон из дема Флеис. Защищаясь от обвинения в том, что они погрешили против почитания богов и освященного права убежища, они утверждали, что килонские сторонники, когда их уговаривали покинуть священную землю, обвязали веревкой статую богини и прижались к ней для защиты во время своего похода; Но когда они приблизились к алтарю эвменидов, шнур случайно порвался, и это критическое событие, как утверждали обвиняемые, доказывало, что богиня сама отстранила от них свою защитную руку и бросила их на произвол судьбы.[139] Их аргумент, замечательный как иллюстрация чувств того времени, не был, однако, принят в качестве оправдания: они были признаны виновными, и пока те, кто был жив, уходили в изгнание, тех, кто уже умер, выкопали и бросили за границу. Однако их изгнание, продолжавшееся лишь некоторое время, не было признано достаточным для искупления нечестия, за которое они были осуждены. Алкмæониды, один из самых могущественных родов Аттики, долгое время продолжали считаться запятнанной расой[140], и в случаях общественных бедствий их можно было выделить как тех, кто своим святотатством навлек суд богов на своих соотечественников[141].

Изгнание виновных не помогло восстановить спокойствие и в других отношениях. Преобладали не только эпидемии, но и религиозные чувства и опасения афинской общины оставались плачевно возбужденными: они были подавлены печалью и унынием, видели призраки и слышали сверхъестественные угрозы, без конца ощущали на себе проклятие богов[142]. В частности, похоже, что умы женщин, религиозные порывы которых древние законодатели в целом признавали требующими тщательного контроля, были взволнованы и неистовы. Жертвоприношения, принесенные в Афинах, не смогли рассеять эпидемию, как и пророки на родине, хотя они и признавали необходимость специальных очищений, не могли определить, какие новые церемонии способны умиротворить божественный гнев.

Дельфийский оракул посоветовал им обратиться к высшему духовному влиянию из-за рубежа, что и привело к памяtnому визиту в Афины критского пророка и мудреца Эпименидса.

Век между 620 и 500 годами до н. э., по-видимому, был отмечен первым распространением и сильным влиянием отдельных религиозных братств, мистических обрядов и искупительных церемоний, ни одна из которых, как я уже отмечал в предыдущей главе, не нашла признания в гомеровском эпосе. К этой эпохе относятся Талетс, Аристей, Абарис, Пифагор, Ономакрит и самые ранние из известных представителей орфической секты. [Эпименидес, уроженец Фестуса или Кносса в Крете, [144] был одним из самых знаменитых людей, и старая легендарная связь между Афинами и Кретом, которая проявилась в сказаниях о Тесее и Миносе, здесь снова проявляется в том, что афиняне прибегали к этому острову для удовлетворения своих духовных потребностей. Эпименидес, по-видимому, был связан с поклонением критскому Зевсу, в чьей благосклонности он стоял настолько высоко, что получил титул нового курукта [145] - курукты были первыми служителями и организаторами этого поклонения. Говорили, что он был сыном нимфы Балте; что нимфы постоянно снабжали его пищей, так как никогда не видели, чтобы он ел; что в юности он уснул в пещере и пребывал в этом состоянии без перерыва пятьдесят семь лет; хотя некоторые утверждали, что все это время он оставался странником в горах, собирая и изучая лекарственную ботанику в качестве иатроманта, или пиявки и пророка вместе. Подобные рассказы накладывают отпечаток на представление античности об Эпимениде, Очистителе, [146] который был призван исцелить эпидемию и душевный недуг, распространенный среди афинского народа, подобно тому как его соотечественник и современник Талетас за несколько лет до этого был приглашен в Спарту, чтобы утихомирить мор с помощью своей музыки и религиозных гимнов. [Благосклонность Эпименида к богам, его знание умиловительных церемоний и способность воздействовать на религиозное чувство полностью восстановили здоровье и душевное спокойствие в Афинах. Говорят, что он вывел несколько черных и белых овец на ареопага, приказав сопровождающим следить за ними и воздвигать новые алтари соответствующим местным божествам на местах, где лежали животные. [148] Он основал новые часовни и установил различные люстральные церемонии; и особенно он регулировал поклонение, воздаваемое женщинами, таким образом, чтобы успокоить бурные импульсы, которые прежде будоражили их. Мы почти ничего не знаем о деталях его действий, но общий факт его визита и его благотворное влияние на устранение религиозного уныния, угнетавшего афинян, хорошо засвидетельствованы: утешительные заверения и новые ритуальные предписания из уст человека, который, как предполагалось, высоко стоял в благосклонности Зевса, были тем средством, которое требовалось этому несчастному беспорядку. Более того, Эпименидесу хватило благоразумия объединиться с Солоном, и хотя он, несомненно, получил много ценных советов, он косвенно помог возвысить репутацию самого Солона, чья карьера конституционной реформы теперь быстро приближалась. Он оставался в Афинах достаточно долго, чтобы полностью восстановить более комфортный тон религиозного чувства, а затем уехал, унося с собой всеобщую благодарность и восхищение, но отказываясь от всех других наград, кроме ветки священного оливкового дерева в акрополе. [149] Его жизнь, как говорят, была продлена до необычного периода в сто пятьдесят четыре года, согласно утверждению, которое было актуально во времена его младшего современника Ксенофана Колофонского; [150] а критяне даже осмелились утверждать, что он прожил триста лет. Они прославляли его не только как мудреца и духовного очистителя, но и как поэта - ему приписывались очень длинные сочинения на религиозные и мифологические темы; по некоторым сведениям, они даже поклонялись ему как богу. Платон и Цицерон рассматривали Эпименида в том же свете, в каком его считали современники, - как пророка, получившего божественное вдохновение и

предсказывающего будущее в приступах временного экстаза; но, по словам Аристотеля, сам Эпименид исповедовал, что получил от богов не более высокий дар, чем способность прорицать неизвестные явления прошлого[151].

Религиозная миссия Эпименида в Афинах и его действенное, а также целительное влияние на общественное сознание заслуживают внимания как характерные черты эпохи, в которую они произошли. [Если перенестись на два столетия вперед, к Пелопоннесской войне, когда рациональное влияние и позитивные привычки мышления прочно закрепились за высшими умами и когда практические дискуссии по политическим и судебным вопросам были знакомы каждому афинскому гражданину, ни одно такое неконтролируемое религиозное несчастье не могло бы покорить всю общественность; а если бы и могло, ни один живой человек не смог бы привлечь к себе такого всеобщего почитания, чтобы быть способным на исцеление. Платон, [153] признавая реальное целительное влияние обрядов и церемоний, полностью верил в Эпименида как вдохновенного пророка в прошлом; но по отношению к тем, кто предпочитал претензии на сверхъестественную силу в его собственное время, он не был столь легковерен. Он, так же как Еврипид и Теофраст, относился с безразличием и даже презрением к орфеотелестам более позднего времени, которые рекламировали себя как обладателей такого же явного знания церемониальных обрядов и таких же средств, позволяющих направлять волю богов, какими до них владел Эпименид. Эти орфеотелесты, несомненно, насчитывали значительное число верующих и с большим успехом, а также с выгодой для себя, спекулировали на робкой совести богатых людей:[154] но они не пользовались уважением ни у широкой публики, ни у тех, на чей авторитет эта публика привыкла обращать внимание. Однако, какими бы дегенератами они ни были, они были законными представителями пророка и очистителя из Кносса, присутствию которого афиняне были так обязаны за два столетия до этого: их изменившееся положение объяснялось не столько падением их самих, сколько улучшением той массы, на которую они пытались воздействовать. Если бы Эпименидес сам приехал в Афины в те дни, его визит, вероятно, был бы столь же бесполезен для всех общественных целей, как и повторение стратагемы Фика, одетого и снаряженного как богиня Athênê, которая так преуспела во времена Пейсистрата,-стратагему, которую даже Геродот считает невероятно абсурдной, хотя за столетие до него и город Афины, и демоны Аттики подчинились, как божественному мандату, приказу этой великолепной и величественной женщины восстановить Пейсистрата".[155]

ГЛАВА XI. ЗАКОНЫ И КОНСТИТУЦИЯ СОЛОНИИ.

Мы приближаемся к новой эпохе в греческой истории - первому известному примеру подлинной и бескорыстной конституционной реформы и первому фундаменту той великой структуры, которая впоследствии стала типом демократии в Греции. Архонтство евпатрида Солона датируется 594 годом до н. э., через тридцать лет после правления Драко и примерно через восемнадцать лет после заговора Килона, если правильно отнести последнее событие к 612 году до н. э.

Жизнь Солона, написанная Плутархом и Диогеном, особенно первая, являются нашими основными источниками информации об этом замечательном человеке; и хотя мы благодарны им за то, что они нам рассказали, невозможно не выразить разочарование тем,

что они не рассказали нам больше. Ведь Плутарх, несомненно, имел перед собой и оригинальные стихи, и оригинальные законы Солона, и те немногие расшифровки, которые он приводит из одного или другого, составляют главное очарование его биографии: но такие ценные материалы должны были быть доступны для более поучительного результата, чем тот, который он вывел. Вряд ли среди утраченных сокровищ греческого разума есть что-то более достойное сожаления, чем поэмы Солона; ведь по сохранившимся фрагментам мы видим, что они содержали заметки об общественных и социальных явлениях, которые он был вынужден внимательно изучать, - в сочетании с трогательным выражением его личных чувств на почетном и трудном посту, на который его вознесло доверие соотечественников.

Солон, сын Эксестидеса, был евпатридом среднего достатка[156], но чистейшей героической крови, принадлежал к роду или семейству Кодридов и Нелеидов и вел свое происхождение от бога Посейдона. Его отец, как говорят, уменьшил свое состояние из-за расточительности, что вынудило Солона в раннем возрасте прибегнуть к торговле, и в этом стремлении он посетил многие части Греции и Азии. Таким образом, он смог расширить сферу своих наблюдений и получить материал для размышлений, а также для сочинений: его поэтические таланты проявились в очень раннем возрасте, сначала на легкие, а затем на серьезные темы. Следует помнить, что в то время не существовало греческой прозы, а приобретения и излияния интеллектуального человека, даже в самой простой форме, подстраивались не под ограничения периода и точки с запятой, а под ограничения гекзаметра и пентаметра: в сущности, стихи Солона не стремятся к большему эффекту, чем мы привыкли ассоциировать с серьезной, трогательной и назидательной прозой. Советы и призывы, с которыми он часто обращался к своим соотечественникам[157], были изложены в этом легком метре, несомненно, гораздо менее сложном, чем замысловатая проза последующих писателей или ораторов, таких как Фукидид, Исократес или Демосфен. Его поэзия и репутация стали известны во многих частях Греции, и его причисляли к Талесу Милетскому, Биасу Приенскому, Питтаку Митиленскому, Периандру Коринфскому, Клеобулу Линдскому, Хейлону Лакедемонскому, - в общем, к созвездиям, впоследствии прославленным как Семь мудрецов.

Первое конкретное событие, в связи с которым Солон выступает как активный политик, - это обладание островом Саламином, который в то время оспаривали Мегара и Афины. Мегара в то время могла оспаривать у Афин и некоторое время успешно оспаривать занятие этого важного острова, - примечательный факт, который, возможно, можно объяснить, предположив, что жители Афин и их окрестностей вели борьбу лишь с частичной помощью остальной Аттики. Однако, как бы то ни было, оказывается, что мегаряне фактически утвердились в Саламине в то время, когда Солон начал свою политическую карьеру, и что афиняне понесли в этой борьбе такие потери, что официально запретили кому-либо из граждан когда-либо вносить предложение о его повторном завоевании. Уязвленный этим бесчестным отречением, Солон, притворившись, что находится в состоянии экстатического возбуждения, бросился на агору и там, на камне, который обычно занимал официальный глашатай, произнес перед собравшимися короткую элегическую поэму,[158] которую он ранее сочинил на тему Саламины. Он навязал им позорный отказ от острова и так сильно подействовал на их чувства, что они отменили запретительный закон: "Лучше, - воскликнул он, - я лишусь родного города и стану гражданином Филегандра, чем буду по-прежнему называться афинянином, заклеянным позором сдавшегося Саламиса!" Афиняне снова вступили в войну и поручили ему командование ею - отчасти, как нам говорят, по наущению Пейсистрата, хотя тот, должно быть, был в это время (600-594 гг. до н. э.) совсем молодым человеком или скорее мальчиком[159].

Рассказы Плутарха о том, как был возвращен Саламин, противоречивы, а также апокрифичны и приписывают Солону различные уловки, чтобы обмануть мегарских оккупантов; к сожалению, ни один из них не подтверждается. Согласно наиболее правдоподобной версии, дельфийский бог велел ему сначала умиловить местных героев острова, и он переправился на него ночью, чтобы принести жертву героям Перифему и Кихрею на саламинском берегу. Тогда для нападения на остров были собраны пятьсот афинских добровольцев с условием, что в случае победы они получают его в собственность и гражданство. [160\]](#) Они благополучно высадились на дальнем мысу, а Солон, которому посчастливилось захватить корабль, посланный мегарянами для наблюдения за ходом событий, укомплектовал его афинянами и отплыл прямо к городу Саламину, к которому направились и пятьсот высадившихся афинян. Мегаряне вышли из города, чтобы отразить их, и в самый разгар схватки Солон со своим мегарянским кораблем и афинским экипажем подплыл прямо к городу: мегаряне, истолковав это как возвращение своего экипажа, позволили кораблю подойти без сопротивления, и город был захвачен врасплох. После того как мегарянам было разрешено покинуть остров, Солон вступил во владение им для афинян, воздвигнув на мысе Скирадий, близ города Саламис, храм богу войны Эниалию[\[161\]](#).

Однако жители Мегары предпринимали различные попытки вернуть столь ценное владение, так что началась долгая и губительная для обеих сторон война. Наконец, они договорились передать спор на рассмотрение Спарты, и для его решения были назначены пять спартанцев: Критолайдас, Амомфарет, Гипсохидас, Анаксилас и Клеоменес. Вердикт в пользу Афин был основан на доказательствах, которые любопытно проследить. Обе стороны пытались доказать, что тела, похороненные на острове, соответствуют их собственному способу погребения, и обе стороны, как говорят, цитировали стихи из каталога Илиады[\[162\]](#), обвиняя друг друга в ошибке или интерполяции. Но афиняне имели преимущество по двум пунктам: во-первых, существовали оракулы из Дельф, где Саламис упоминался с эпитетом "ионийский"; Далее, Филей и Эврисакес, сыновья тельамонского Аякса, великого героя острова, приняли афинское гражданство, передали Саламин афинянам и перенесли свои резиденции в Браурон и Мелиту в Аттике, где дем или род Филаиды все еще поклонялся Филею как своему одноименному предку. Такой титул был признан достаточным, и Саламис был отнесен пятью спартанцами к Аттике,[\[163\]](#) с которой он впоследствии оставался в составе до времен македонского господства. Два с половиной века спустя, когда оратор Эсхинес отстаивал право афинян на Амфиполь против Филиппа Македонского, легендарные элементы титула были действительно выдвинуты, но скорее в качестве предисловия или введения к существенным политическим основаниям. [164\]](#) Но в 600 году до н. э. авторитет легенды был более глубоким и действенным, и сам по себе достаточным для вынесения положительного вердикта.

Помимо завоевания Саламины, Солон укрепил свою репутацию, вступившись за дельфийский храм против вымогательств жителей Кирры, о чем будет сказано в одной из следующих глав; и благосклонность оракула, вероятно, не могла не привести к тому, что он получил обнадеживающее пророчество, с которого началась его законодательная карьера.

Именно в связи с законодательной деятельностью Солона мы получаем первое представление - к сожалению, только представление - о фактическом состоянии Аттики и ее жителей. Это печальная и отталкивающая картина, представляющая нам политический разлад и частные страдания вместе взятые.

Среди жителей Аттики царили жестокие разногласия, которые разделялись на три фракции: педизы, или жители равнины, включавшие Афины, Элевсис и прилегающие территории, среди которых было больше всего богатых семей; горцы на востоке и севере Аттики,

называемые диакритами, которые были в целом беднейшей партией; и паралии в южной части Аттики, от моря до моря, чьи средства и социальное положение были промежуточными между этими двумя фракциями.^[165] По каким именно пунктам разворачивались эти междоусобные споры, мы точно не знаем; однако они не были свойственны периоду, непосредственно предшествовавшему архонтату Солона; они преобладали и раньше, и вновь появились после деспотии Писистрата, причем последний выступал как лидер диакритов и как защитник, реальный или мнимый, более бедного населения.

Но во времена Солона эти междоусобные распри усугублялись чем-то гораздо более сложным - всеобщим мятежом бедного населения против богатого, вызванным несчастьем в сочетании с угнетением. Феты, чье состояние мы уже рассматривали в поэмах Гомера и Гесиода, теперь представлены нам как основная масса населения Аттики - земледельческие арендаторы, метайеры и мелкие собственники страны. Они показаны как обремененные долгами и зависимостью, в большом количестве выведенные из состояния свободы в рабство, - вся их масса, как нам говорят, была в долгу у богачей, владеющих большей частью земли. ^{166]} Они либо занимали деньги на свои нужды, либо обрабатывали земли богачей как зависимые арендаторы, выплачивая оговоренную часть урожая, и в этом качестве они были в значительной степени задолжавшими.

Все бедственные последствия старого сурового закона о должниках и кредиторах, некогда распространенного в Греции, Италии, Азии и во многих других странах мира, сочетались с признанием рабства как законного статуса и права одного человека продавать себя, равно как и другого покупать его. Каждый должник, неспособный выполнить свой договор, должен был стать рабом своего кредитора до тех пор, пока не найдет средства либо выплатить долг, либо отработать его; и не только он сам, но и его несовершеннолетние сыновья, незамужние дочери и сестры, которых закон давал ему право продавать.^[167] Таким образом, бедняк брал в долг под залог своего тела, если перевести греческую фразу буквально, и под залог всех членов своей семьи; и эти деспотичные договоры так строго соблюдались, что многие должники были низведены из свободы в рабство в самой Аттике, многие другие были проданы на вывоз, а некоторые до сих пор сохраняли свою свободу только за счет продажи своих детей. Кроме того, огромное количество мелких владений в Аттике находилось под залогом, который обозначался - в соответствии с формальностью, принятой в аттическом праве и сохранившейся в исторические времена, - каменным столбом, установленным на земле, с надписью имени заимодавца и суммы займа. Владельцы заложенных земель в случае неблагоприятного развития событий не имели иной перспективы, кроме безвозвратного рабства для себя и своих семей, либо в родной стране, лишенной всех ее прелестей, либо в каком-нибудь варварском регионе, где аттический говор никогда не встретится им на слух. Некоторые бежали из страны, чтобы избежать судебного разбирательства в отношении их личности, и зарабатывали на жалкое существование в чужих краях унижительными занятиями: на других этот плачевный жребий пал из-за несправедливого осуждения и продажности судей; поведение богачей в отношении денег, священных и непристойных, в вопросах как общественных, так и частных, было совершенно беспринципным и хищным.

Многочисленные и длительные страдания бедняков при этой системе, ввергнутых в состояние унижения не более терпимое, чем галльский плебс, и несправедливость богачей, которым тогда принадлежала вся политическая власть, - факты, хорошо подтвержденные стихами самого Солона, даже в сохранившихся до нас коротких фрагментах:^[168] и, судя по всему, непосредственно перед временем его архонства зло достигло такой степени, - а решимость массы страдальцев добиться для себя какого-то облегчения стала настолько

выраженной, - что существующие законы уже не могли быть исполнены. Согласно глубокому замечанию Аристотеля о том, что смуты возникают по большим причинам, но из мелких происшествий,^[169] мы можем предположить, что какие-то недавние события послужили непосредственным стимулом для вспышки возмущения должников, подобно тем, которые придают столь яркий интерес ранним римским летописям, как зажигательные искры бурных народных движений, для которых уже давно был заложен фундамент. Осуждения архонтами несостоятельных должников могли быть необычайно многочисленными, или жестокое обращение с каким-то конкретным должником, когда-то уважаемым свободным человеком, в его рабском состоянии, могло ярко воздействовать на общественные симпатии, как в случае со старым плебейским центурионом в Риме,^[170] - сначала обедневшего от грабежа врага, затем доведенного до состояния займа и, наконец, приговоренного к своему кредиту как несостоятельного, - который требовал защиты народа на форуме, возбуждая его чувства до наивысшего предела следами рабского кнута, видневшимися на его лице. Некоторые подобные случаи, вероятно, имели место, хотя у нас нет историков, которые могли бы рассказать о них; кроме того, небезосновательно полагать, что общественный душевный недуг, для успокоения которого был призван очиститель Эпименидес, как частично происходил от моровой язвы, так частично имел своей причиной бесплодные годы, что, конечно, должно было усугублять бедственное положение мелких земледельцев. Как бы то ни было, но в 594 году до н. э. положение дел было таково, что из-за мятежа бедных вольноотпущенников и фетов и беспокойства средних граждан правящая олигархия, неспособная ни взыскать свои частные долги, ни сохранить политическую власть, была вынуждена прибегнуть к известной мудрости и честности Солона. Хотя его энергичный протест - что, несомненно, делало его приемлемым для массы народа - против беззакония существующего строя уже был провозглашен в его поэмах, они все еще надеялись, что он послужит им помощником, поможет преодолеть трудности, и поэтому выбрали его номинально архонтом вместе с Филомбротом, но по существу с диктаторской властью.

В ряде греческих государств случалось, что правящие олигархии либо из-за ссор среди своих членов, либо из-за общего плохого состояния народа, находящегося под их управлением, лишались той опоры на общественное мнение, которая была необходима для их власти; Иногда, как в случае с Питтаком Митиленским, предшествовавшим архонству Солона, и часто во фракциях итальянских республик в Средние века, столкновение противоборствующих сил делало общество невыносимым и заставляло все стороны соглашаться с выбором какого-нибудь диктатора-реформатора. Обычно, однако, в ранних греческих олигархиях этот конечный кризис предвосхищался каким-нибудь амбициозным человеком, который пользовался общественным недовольством, чтобы свергнуть олигархию и узурпировать полномочия деспота; и так, вероятно, могло бы произойти в Афинах, если бы недавняя неудача Килона со всеми ее плачевными последствиями не послужила сдерживающим мотивом. Любопытно прочитать в словах самого Солона, как его назначение было истолковано значительной частью общества, но особенно его собственными друзьями: и мы помнить, что в этот ранний период, насколько нам известно, демократическое правительство было неизвестно в Греции, - все греческие правительства были либо олигархическими, либо деспотическими, масса свободных людей еще не вкусила конституционных привилегий. Его собственные друзья и сторонники первыми стали призывать его к тому, чтобы он, устраняя распространенное недовольство, умножил сторонников для себя лично и захватил верховную власть: они даже "укоряли его как безумца за то, что он отказался вытащить сеть, когда рыба уже запуталась в ней". "Масса народа, отчаявшись в своей участи, с радостью поддержала бы его в такой попытке, и многие даже среди олигархии могли бы согласиться на его личное правление, просто опасаясь худшего, если бы они сопротивлялись ему. То, что Солон мог легко стать деспотом,

не вызывает сомнений; и хотя положение греческого деспота всегда было опасным, у него было больше возможностей поддерживать себя в нем, чем у Пеисистрата после него; так что ничто, кроме сочетания благоразумия и добродетели, которыми отмечен его возвышенный характер, не ограничивало его в рамках специально оказанного ему доверия. К удивлению всех, к неудовольствию собственных друзей, под нареканиями, как он говорит, различных крайних и раскольнических партий, которые требовали от него принятия мер, губительных для мира в обществе,^[172] он честно взялся за решение поставленной перед ним сложной и критической задачи.

Из всех недовольств самым насущным было положение беднейшего класса должников, и на их облегчение была направлена первая мера Солона, приснопамятная сейсахтея, или снятие бремени. Облегчение, которое она принесла, было полным и немедленным. Она сразу же отменяла все договоры, по которым должник брал в долг под залог своей личности или земли: запрещала все будущие займы или договоры, в которых в качестве залога выступала личность должника; лишала кредитора в будущем всякой власти заключать в тюрьму, порабощать или вымогать работу у своего должника и ограничивала его действительным судебным решением, разрешавшим наложение ареста на имущество последнего. Он смахнул все многочисленные закладные столбы с земельных владений в Аттике и оставил землю свободной от всех прошлых претензий. Он освободил и восстановил в правах всех тех должников, которые фактически находились в рабстве по предыдущему судебному решению; и даже предоставил средства - мы не знаем, каким образом - для выкупа в чужих землях и возвращения к новой свободной жизни в Аттике многих неплательщиков, которые были проданы для вывоза за границу.^[173] И если Солон запретил каждому афинянину закладывать или продавать в рабство своего человека, то он сделал еще один шаг в том же направлении, запретив закладывать или продавать своего сына, свою дочь или незамужнюю сестру, находящуюся под его опекой, - за исключением лишь случаев, когда кто-то из них мог быть уличен в безбрачии. ^[174] Было ли это последнее постановление принято одновременно с сейсахтеей или последовало в качестве одной из его последующих реформ, представляется сомнительным.

Благодаря этой широкой мере бедные должники - тэты, мелкие арендаторы и собственники - вместе со своими семьями были спасены от страданий и опасностей. Но это были не единственные должники в государстве: кредиторы и домовладельцы освобожденных от долгов тхет, несомненно, были, в свою очередь, должниками других людей и были менее способны выполнить свои обязательства из-за убытков, причиненных им сейсахтеей. Именно для того, чтобы помочь этим более богатым должникам, чьи тела не подвергались опасности, - но не освобождая их полностью от ответственности, - Солон прибег к дополнительной мере - понижению денежного стандарта; он понизил стандарт драхмы в пропорции, превышающей двадцать пять процентов, так что сто драхм нового стандарта содержали не больше серебра, чем семьдесят три старого, или сто старых были эквивалентны ста тридцати восьми новым. В результате этого изменения кредиторы этих более значительных должников были вынуждены терпеть убытки, в то время как должники получили освобождение от уплаты налогов в размере около двадцати семи процентов^[175].

Наконец, Солон постановил, что все, кто был приговорен архонтами к атимии (гражданскому лишению прав), должны быть восстановлены в своих гражданских правах, за исключением, однако, тех, кто был осужден эфетом, или ареопагом, или филобасилеями (четырьмя царями племен) после суда в пританеях по обвинению в убийстве или измене.^[176] Столь масштабная амнистия дает веские основания полагать, что предыдущие приговоры архонтов

были невыносимо суровыми; к тому же следует помнить, что в то время действовали драконийские постановления.

Таковы были меры помощи, которыми Солон ответил на опасное недовольство, распространенное в то время. То, что богатые люди и вожди народа, чью наглость и беззаконие он сам так резко обличал в своих стихах и чьи взгляды при выдвижении его кандидатуры сильно разочаровали,^[177] должны были отвергнуть предложения, лишавшие их без компенсации многих законных обрядов, легко представить. Но утверждение Плутарха, что бедные освобожденные должники также были недовольны, поскольку ожидали, что Солон не только вернет им долги, но и переделит землю Аттики, кажется совершенно невероятным; оно не подтверждается ни одним отрывком из сохранившихся соловых поэм. [Плутарх представляет бедных должников как имеющих в уме сравнение с Ликургом и равенство собственности в Спарте, что, как я уже пытался показать,^[179] является вымыслом; и даже если бы это было правдой, то, будучи делом давно прошедшей и древней истории, не могло бы подействовать на умы жителей Аттики таким сильным образом, как предполагает биограф. Сейсахтея, должно быть, обострила чувства и уменьшила состояние многих людей; но она дала большому количеству фетов и мелких собственников все, на что они могли надеяться. И нам рассказывают, что через некоторое время она стала очень приемлемой в общественном мнении и обеспечила Солону большой рост популярности - все сословия объединились в общей жертве благодарности и согласия.^[180] Произошел один случай, вызвавший взрыв негодования. Три богатых друга Солона, все люди из большого рода в государстве и носящие имена, которые впоследствии будут вновь встречаться в этой истории в виде их потомков, - Конон, Клейниас и Гиппоник, - получив от Солона какой-то предварительный намек на его планы, воспользовались этим, сначала заняв деньги, а затем сделав покупки земель; и это корыстное нарушение доверия опозорило бы самого Солона, если бы не оказалось, что он лично оказался в большом проигрыше, одолжив деньги в размере пяти талантов. Мы были бы рады узнать, какой авторитет имеет Плутарх для этого анекдота, который вряд ли мог быть записан в стихах самого Солона^[181].

Что касается всей меры сейсахтеи, то, хотя поэмы Солона были открыты для всех, древние авторы по-разному излагали как ее суть, так и ее размеры. Большинство из них трактовали его как отмену всех денежных договоров без разбора; Андротион же и другие считали, что он лишь снизил процентную ставку и обесценил валюту на двадцать семь процентов, оставив букву договоров неизменной. Как Андротион пришел к такому мнению, нам нелегко понять, поскольку фрагменты, сохранившиеся от Солона, кажется, ясно опровергают его, хотя, с другой стороны, они не заходят так далеко, чтобы обосновать в полной мере противоположное мнение, которого придерживаются многие авторы, - что все денежные контракты без разбора были отменены:^[182] против этого есть еще причина, что, если бы это было так, у Солона не могло бы быть мотива для девальвации денежного стандарта. Такое ослабление предполагает, что должны были существовать, по крайней мере, *некоторые* должники, чьи контракты оставались в силе, и которым, тем не менее, он хотел частично помочь. В его стихах отчетливо упоминаются три вещи: 1. Снятие закладных столбов. 2. О предоставлении права собственности на землю. 3. Защита, освобождение и восстановление лиц должников, находящихся под угрозой или в рабстве. Все эти выражения явно указывают на феодалов и мелких собственников, чьи страдания и опасности были самыми насущными, и чье дело требовало немедленного и полного исправления: мы видим, что его отречение от долгов было достаточно далеко, чтобы оправдать их, но не более того.

По-видимому, именно уважение к личности Солона отчасти стало причиной этих различных заблуждений относительно его постановлений об облегчении положения должников:

Андротийон в древности и некоторые выдающиеся критики в наше время стремятся утверждать, что он давал помощь без ущерба и несправедливости для кого бы то ни было. Но это мнение совершенно неприемлемо: убытки кредиторов, связанные с отменой многочисленных ранее существовавших контрактов и частичным обесцениванием монеты, - факт, который нельзя скрывать. Сейсахтея Солона, несправедливая в той мере, в какой она отменяла предыдущие соглашения, но весьма полезная по своим последствиям, должна быть оправдана, если показать, что никаким другим способом нельзя было бы скрепить облигации правительства или облегчить страдания народа. Мы должны рассмотреть, во-первых, огромную личную жестокость этих предсуществующих контрактов, которые обрекали тело свободного должника и его семью на рабство; во-вторых, глубокое отвращение, созданное такой системой в большой массе бедняков, как против судей, так и против кредиторов, которыми она была навязана, что делало их чувства неуправляемыми, как только они собирались вместе под чувством общей опасности и с решимостью обеспечить друг другу взаимную защиту. Более того, закон, наделяющий кредитора властью над личностью должника, чтобы превратить его в раба, может породить целый ряд займов, не вызывающих ничего, кроме отвращения, - деньги, даваемые в долг с осознанием того, что заемщик не сможет их вернуть, а также с убеждением, что ценность его личности как раба возместит потери; таким образом, он доведен до состояния крайнего страдания, с целью иногда возвеличить, иногда обогатить заимодавца. Основа, на которой зиждется уважение к контрактам при хорошем законе о должнике и кредиторе, прямо противоположна этому; она зиждется на твердом убеждении, что такие контракты выгодны для обеих сторон как класса, и что разрушение доверия, необходимого для их существования, приведет к большим бедам во всем обществе. Человек, чье благоговение перед обязательностью договора сегодня является самым глубоким, испытал бы совсем другие чувства, если бы стал свидетелем сделок кредитора и заемщика в Афинах в соответствии со старым досолоновским законом. Олигархия изо всех сил старалась провести в жизнь этот закон о должнике и кредиторе с его катастрофической серией контрактов, и единственная причина, по которой они согласились обратиться за помощью к Солону, заключалась в том, что они потеряли возможность проводить его в жизнь вследствие вновь пробудившегося мужества и объединения народа. То, что они не могли сделать сами, Солон не смог бы сделать за них, даже если бы захотел; у него не было средств ни освободить, ни компенсировать кредиторов, которые, взятые по отдельности, не заслуживали упреков; более того, проследив его действия, мы ясно видим, что он считал компенсацию причитающейся не кредиторам, а прошлым страданиям поработанных должников, поскольку он выкупил нескольких из них из чужого рабства и вернул их на родину. Несомненно, что никакие меры, просто и исключительно перспективные, не были бы достаточны для чрезвычайной ситуации: существовала абсолютная необходимость в отмене всего того класса ранее существовавших прав, которые вызвали столь жестокую социальную лихорадку. Поэтому, хотя в этой степени сейсахтея не может быть оправдана несправедливостью, мы можем с уверенностью утверждать, что причиненная несправедливость была необходимой ценой, уплаченной за поддержание мира в обществе и за окончательную отмену губительной системы в отношении несостоятельных.^[183] И чувство, и законодательство, универсальное в современном европейском мире, запрещая заранее все договоры о продаже человека или его детей в рабство, далеко санкционирует практически солоновское отречение.

В связи с этой мерой, в сочетании с сопутствующими изменениями, внесенными Солоном в закон, никогда не следует забывать об одном: она окончательно разрешила вопрос, которого касалась. Больше мы никогда не услышим, чтобы закон о должниках и кредиторах нарушал спокойствие афинян. Общее настроение, царившее в Афинах и при солоновском денежном праве, и при демократическом правительстве, заключалось в высоком уважении к

святости договоров. В афинской демократии не только никогда не требовали новых таблиц или снижения денежного стандарта, но и формальный отказ от подобных проектов был включен в торжественную клятву, которую ежегодно давали многочисленные диакасты, составлявшие народный судебный орган, называемый *hêliæa*, или *hêliastic jurors*, - та же клятва, которая обязывала их поддерживать демократическую конституцию, также обязывала их отвергать все предложения об отмене долгов или о переделе земель.^[184] Можно не сомневаться, что при солоновском законе, который позволял кредитору захватывать имущество должника, но не давал ему власти над личностью, система денежного кредитования приняла более благотворный характер: старые вредные договоры, просто ловушки для свободы бедного свободолюбца и его детей, исчезли, а на их место пришли денежные займы, основанные на имуществе и будущих доходах должника, которые были в основном полезны для обеих сторон и поэтому сохранили свое место в моральном настроении общества. И хотя Солон был вынужден отменить все существовавшие в его время закладные на землю, мы видим, как на протяжении всей истории Афин деньги свободно выдаются под ту же самую гарантию, а доказательные столбы ипотеки остаются непоколебимыми.

В чувствах раннего общества, как и в старом римском праве, обычно проводится различие между основной суммой и процентами по займу, хотя кредиторы стремились слить их воедино. Если заемщик не может выполнить свое обещание вернуть основную сумму, общество будет рассматривать его как совершившего ошибку, которую он должен исправить своей личностью; но нет такого же единодушия в отношении его обещания выплатить проценты: напротив, само взимание процентов будет рассматриваться многими в том же свете, в котором английский закон рассматривает ростовщический процент, как порочающий всю сделку. Но в современном сознании основная сумма долга и проценты в пределах ограниченной ставки настолько срослись, что мы с трудом понимаем, как вообще можно было назвать недостойным почтенного гражданина давать деньги в долг под проценты; тем не менее таково мнение Аристотеля и других выдающихся людей древности; а римский цензор Катон зашел так далеко, что осудил эту практику как отвратительное преступление.^[185] Они относили ее к худшим из торговых уловок, и считали, что всякая торговля или прибыль, получаемая от обмена, противоестественна, поскольку производится одним человеком за счет другого: такие занятия, следовательно, не могут быть одобрены, хотя их можно терпеть до определенной степени как дело необходимости, но они по существу принадлежат к низшему сословию граждан.^[186] Что примечательно в Греции, так это то, что антипатия к торговцам и ростовщикам в очень раннем состоянии общества сохранялась дольше среди философов, чем среди массы людей, - она больше гармонировала с социальным *идеалом* первых, чем с практическими инстинктами вторых.

В таком грубом состоянии, как у древних германцев, описанном Тацитом, ссуды под проценты были неизвестны: привычно не заботясь о будущем, германцы получали удовольствие, даря и принимая подарки, но не представляя, что тем самым они налагают или заключают обязательство.^[187] Для людей в таком состоянии чувств ссуда под проценты представляет собой отвратительную идею извлечения прибыли из беды заемщика; кроме того, стоит отметить, что первые заемщики, должно быть, в большинстве своем были людьми, доведенными до этой необходимости давлением нужды, и вступали в долг как отчаянное средство, не имея никаких надежд на возможность вернуть долг: долг и голод идут рука об руку, по мысли поэта Гесиода.^[188] Заемщик в этом несчастливом состоянии - скорее бедствующий человек, просящий помощи, чем платежеспособный, способный заключить и исполнить договор; и если в первом случае он не может найти друга, который сделал бы ему бесплатный подарок, то во втором он не получит ссуду от незнакомца, кроме как под

обещание непомерных процентов[189] и под самую полную власть над своей персоной, которую он в состоянии предоставить. Со временем появляется новый класс заемщиков, которые требуют деньги для временного удобства или выгоды, но с полной перспективой возврата, - отношения кредитора и заемщика, совершенно отличные от тех, что были в более ранний период, когда они представлялись в отталкивающей форме страдания с одной стороны, в противовес перспективе очень большой прибыли с другой. Если бы германцы времен Тацита посмотрели на состояние бедных должников в Галлии, попавших в рабство к богатому кредитору и сотнями пополнявших толпу его прислужников, они не были бы склонны сожалеть о своем невежестве в отношении практики денежного кредитования.[190] Насколько сильно денежный процент в то время рассматривался как неоправданная прибыль, вымогаемая из беды, убедительно иллюстрирует старый еврейский закон; еврею разрешалось брать процент с иностранцев (которых законодатель не считал себя обязанным защищать), но не со своих соотечественников.[191] Коран последовательно придерживается этой точки зрения и полностью запрещает брать проценты. В большинстве других стран были приняты законы, ограничивающие процентную ставку, а в Риме, особенно в Риме, законная ставка последовательно снижалась, хотя, как и следовало ожидать, ограничительные постановления постоянно уклонялись от исполнения. Все подобные ограничения были направлены на защиту должников; этот эффект, как показывает богатый опыт, они никогда не давали, если только не называть защитой то, что делало получение денег в долг невозможным для самых бедствующих заемщиков. Но был и другой эффект, к которому они *все же привели*: они смягчили примитивную антипатию к этой практике в целом и ограничили одиозное название ростовщичества займами, выдаваемыми сверх установленной законом ставки.

Только таким образом они могли действовать благотворно, и их тенденция противодействовать прежним чувствам была в то время немаловажной, совпадая с другими тенденциями, возникающими в результате промышленного прогресса общества, который постепенно выставлял отношения кредитора и заемщика в свете более взаимовыгодном и менее отвратительном для симпатий стороннего наблюдателя[192].

В Афинах более благоприятная точка зрения преобладала на протяжении всех исторических времен, - движение промышленности и торговли в рамках смягченного закона, который преобладал впоследствии, после Солона, было достаточным, чтобы добиться этого в очень ранний период и подавить всю общественную антипатию к заимодавцам под проценты.[193] Мы можем также отметить, что этот более справедливый тон мнения вырос спонтанно, без какого-либо юридического ограничения процентной ставки, - такого ограничения никогда не было, и ставка была прямо объявлена свободной законом, приписываемым самому Солону.[194] То же самое, вероятно, можно сказать и об общинах Греции в целом, - по крайней мере, нет никаких сведений, заставляющих нас предполагать обратное. Но чувство неприятия ссуды денег под проценты сохранялось в душах философствующих людей еще долго после того, как оно перестало составлять часть практической морали граждан, и еще долго после того, как оно перестало оправдываться видимостью дела, как это было вначале. Платон, Аристотель, Цицерон[195] и Плутарх рассматривают эту практику как отвращение духа коммерции и вымогательства денег, которому они стремятся воспрепятствовать; одним из следствий этого было то, что они были менее склонны решительно отстаивать нерушимость существующих денежных договоров. Консервативное чувство в этом вопросе было сильнее среди массы, чем среди философов. Платон даже жалуется на то, что оно неудобно преобладает[196] и тормозит законодателя во всех всеобъемлющих проектах реформ. В большинстве своем схемы отмены долгов и передела земель не приходили в голову только людям с отчаянными и эгоистичными амбициями, которые делали их

ступеньками к деспотической власти. Таких людей осуждали как практичные люди, так и умозрительные мыслители; Но если мы обратимся к примеру спартанского царя Агиса Третьего, который предложил полностью уничтожить долги и поровну переделить земельную собственность государства, руководствуясь не корыстными или личными соображениями, а чистыми идеями патриотизма, хорошо или плохо понятыми, и с целью восстановить утраченное превосходство Спарты, - мы находим у Плутарха[197] выражения самого безоговорочного восхищения этим молодым царем и его проектами, а противодействие ему рассматривается как проистекающее не из лучших чувств, чем подлость и скупость. Философские мыслители о политике считали - и в значительной степени справедливо, как я покажу далее, - что условия безопасности в древнем мире налагали на граждан абсолютную необходимость поддерживать воинский дух и готовность в любое время мужественно переносить личные лишения и неудобства; поэтому рост богатства, из-за привычки к самообольщению, которую он обычно порождает, рассматривался ими с большей или меньшей степенью презрения. Если, по их мнению, какая-либо греческая община становилась развращенной, они были готовы санкционировать значительное вмешательство в существующие права, чтобы приблизить ее к своему идеальному стандарту: и реальная гарантия сохранения этих прав лежала в консервативных чувствах граждан в целом, гораздо больше, чем в мнениях, которые высшие умы впитывали от философов.

В последующей афинской демократии эти консервативные чувства укоренились особенно глубоко: масса афинского народа неразрывно отождествляла сохранение собственности во всех ее различных формах с соблюдением законов и конституции. Примечательно, что, хотя восхищение Солоном в Афинах было всеобщим, принцип его сейсахтеи и обесценивания денег не только никогда не имитировался, но и находил сильнейшее молчаливое порицание; В то время как в Риме, как и в большинстве королевств современной Европы, мы знаем, что одно обесценивание монеты сменяло другое, - соблазн, таким образом частично избежать давления финансовых затруднений, оказался, после одного успешного испытания, слишком сильным, чтобы сопротивляться, и привел монету к последовательному обесцениванию от полного фунта в двенадцать унций до стандарта в половину унции. Обратит внимание на этот факт очень важно, если вспомнить, насколько "греческая вера" была унижена римскими писателями до словесного обозначения двуличия в денежных делах.[198] Афинская демократия - да и вообще города Греции, как олигархии, так и демократии, - стоит намного выше римского сената и намного выше современных королевств Франции и Англии, вплоть до сравнительно недавних времен, в том, что касается честного обращения с монетой:[Более того, если в Риме произошло несколько политических изменений, которые привели к появлению новых таблиц[200] или хотя бы к частичному обесцениванию контрактов, то в Афинах за три века между Солоном и концом свободного функционирования демократии не произошло ни одного явления подобного рода. Несомненно, в Афинах были должники-мошенники, и система частного права, хотя и не попустительствовала их делам, была слишком несовершенна, чтобы пресечь их так эффективно, как хотелось бы. Но общественные настроения в этом вопросе были справедливыми и решительными, и можно с уверенностью утверждать, что денежный заем в Афинах был настолько надежным, насколько он был надежным в любое время и в любом месте древнего мира, - несмотря на огромное и важное превосходство Рима в отношении накопления авторитетного юридического прецедента, источника того, что в конечном итоге сформировалось в римскую юриспруденцию. Среди различных причин смуты или бедствий в греческих общинах[201] мы почти не слышим о давлении частных долгов.

Описанные выше меры по облегчению бремени[202] принесли Солону результаты, превзошедшие его собственные лучшие надежды. Он излечил преобладающее недовольство; и такое доверие и благодарность, которые он внушил, что теперь его призвали разработать конституцию и законы для лучшей работы правительства в будущем. Его конституционные изменения были велики и ценны: что касается его законов, то то, что мы слышим, скорее любопытно, чем важно.

Уже говорилось, что до времен Солона в Аттике была принята классификация четырех ионических племен, включавшая в себя в одной шкале фратрии и генты, а в другой - три триттии и сорок восемь наукраий, в то время как эвпатриды - несколько особо уважаемых гентов и, возможно, несколько знатных семей во всех гентах - имели в своих руках все полномочия правительства. Солон ввел новый принцип классификации, названный по-гречески тимократическим. Он распределил всех граждан племен, без привязки к их гентам или фратриям, на четыре класса в зависимости от размера их имущества, которое было оценено и занесено в публичную таблицу. Тех, чей годовой доход равнялся пятистам медимнам кукурузы (около семисот имперских бушелей) и выше, - один медимн считался эквивалентным одной драхме в деньгах, - он отнес к высшему классу; те, кто получал от трехсот до пятисот медимнов, или драхм, составляли второй класс; а те, кто получал от двухсот до трехсот, - третий.[203] Четвертый и самый многочисленный класс включал всех, кто не имел земли, приносящей урожай, равный двумстам медимнам. Первый класс, называвшийся пентакосиомедимни, один имел право на архонтство и на все командования; второй назывался рыцарями или всадниками государства, как обладавший достаточными средствами, чтобы держать коня и нести военную службу в этом качестве; третий класс, называвшийся цеугитæ, составлял тяжеловооруженную пехоту и был обязан служить, каждый со своей полной амуницией. Каждое из этих трех сословий было внесено в государственную таблицу как обладатель облагаемого налогом капитала, рассчитанного с учетом его годового дохода, но в пропорции, уменьшающейся в зависимости от масштаба этого дохода, - и человек платил государству налоги в соответствии с суммой, на которую он был оценен в таблице; таким образом, это прямое налогообложение действовало фактически как градуированный подоходный налог. Имущество граждан, принадлежащих к самому богатому классу, пентакосиомедимну, исчислялось и вносилось в государственную таблицу в размере капитала, равного двенадцатикратному годовому доходу; имущество гиппея, или рыцаря, - в размере десятикратного годового дохода; имущество цеугита - в размере пятикратного годового дохода. Таким образом, пентакосиомедимн, чей доход составлял ровно пятьсот драхм, минимальный критерий его класса, оценивался в расписании в шесть тысяч драхм, или один талант, что в двенадцать раз больше его дохода, - если бы его годовой доход составлял тысячу драхм, он оценивался бы в двенадцать тысяч драхм, или два таланта, при той же пропорции дохода к облагаемому капиталу. Но когда мы переходим ко второму классу, или рыцарям, пропорция между ними меняется: рыцарь, имеющий доход всего в триста драхм, или триста медимни, будет оценен в три тысячи драхм, или в десять раз больше своего реального дохода, и так же в той же пропорции для любого дохода выше трехсот и ниже пятисот. В третьем классе, или ниже трехсот, пропорция изменяется во второй раз: цеугит, имеющий ровно двести драхм дохода, оценивается по еще более низкому расчету в тысячу драхм, или в сумму, равную пятикратной величине его дохода; а все доходы этого класса, от двухсот до трехсот драхм, таким же образом умножаются на пять, чтобы получить величину нормируемого капитала. С этих соответствующих сумм планового капитала взимался весь прямой налог: если государство требовало один процент прямого налога, то самый бедный пентакосиомедимн платил (с шести тысяч драхм) шестьдесят драхм; самый бедный гиппеус - тридцать; самый бедный цеугит - десять драхм (с одной тысячи драхм). Таким образом, этот способ обложения

действовал бы как *градуированный* подоходный налог, если рассматривать его применительно к трем различным классам, - но как *равный* подоходный налог, если рассматривать его применительно к различным лицам, входящим в один и тот же класс"[204].

Все лица в государстве, чей годовой доход составлял менее двухсот медимни, или драхм, были отнесены к четвертому классу, и они должны были составлять подавляющее большинство общества. Они не облагались прямым налогом и, возможно, сначала даже не были внесены в налоговую ведомость, тем более что мы не знаем, взимались ли какие-либо налоги по этой ведомости во времена Солонии. Говорят, что все они назывались тэтами, но это название не обосновано и не может быть принято: четвертое отделение в нисходящей шкале действительно называлось тетической переписью, потому что в него входили все тэты и потому что большинство его членов были представителями этого скромного сословия; но невозможно представить себе, чтобы собственник, чья земля приносила ему чистый годовой доход в сто, сто двадцать, сто сорок или сто восемьдесят драхм, мог когда-либо обозначаться этим именем[205].

Таковы были деления в установленной Солоном политической шкале, названной Аристотелем тимократией, в которой права, почести, функции и обязательства граждан измерялись в соответствии с оцененным имуществом каждого. И хотя шкала составлена так, как будто в ней измерялось только земельное имущество, мы скорее можем предположить, что в нее было включено и имущество других видов, поскольку оно служило основой для налоговых обязательств каждого человека. Высшие государственные почести, то есть места девяти ежегодно избираемых архонтов, а также места в сенате ареопага, в который всегда входили прошлые архонты, - возможно, также должности пританов наукрариев - были зарезервированы для первого сословия: бедные евпатриды становились непригодными, а богатые люди, не евпатриды, допускались. Другие должности низшего разряда занимали представители второго и третьего сословий, которые, кроме того, были обязаны нести военную службу: одни - верхом, другие - пешие тяжеловооруженные солдаты. Кроме того, государственные литургии, как их называли, - неоплачиваемые функции, такие как триерархия, хорархия, гимнасиархия и т. д., которые влекли за собой расходы и хлопоты для их обладателя, - были так или иначе распределены между членами трех классов, хотя мы не знаем, как происходило это распределение в столь ранние времена. С другой стороны, члены четвертого, или низшего, класса были лишены права занимать какую-либо отдельную достойную должность, не совершали литургий, служили в случае войны только в качестве легковооруженных или с панагией, предоставляемой государством, и ничего не платили в прямой налог на имущество, или эйсфору. Было бы неверно сказать, что они *не платили никаких* налогов; ведь косвенные налоги, такие как пошлины на импорт, падали на них вместе с остальными, и мы должны помнить, что эти последние на протяжении долгого периода афинской истории действовали постоянно, в то время как прямые налоги взимались лишь в редких случаях.

Но хотя этот четвертый класс, составлявший подавляющее численное большинство свободного народа, был лишен возможности занимать индивидуальные должности, его коллективная значимость значительно возросла в другом отношении. Они были наделены правом выбирать ежегодных архонтов из числа пентакосиомедимни; и что было еще важнее, архонты и магистраты вообще после года пребывания в должности вместо того, чтобы быть подотчетными сенату ареопага, становились формально подотчетными обществу собранию, судящему их прошлое поведение. Им могли объявить импичмент, призвать к

защите, наказать в случае проступка и лишить обычной чести занять место в сенате ареопага.

Если бы общественное собрание было призвано действовать в одиночку, без помощи и руководства, эта подотчетность была бы лишь номинальной. Но Солон превратил ее в реальность с помощью другого нового института, который в дальнейшем будет иметь большое значение для становления афинской демократии. Он создал пробулевтический, или предварительный, сенат, имеющий непосредственное и особое отношение к общественному собранию, - для подготовки вопросов к обсуждению, созыва и руководства его заседаниями, а также для обеспечения исполнения его постановлений. Этот сенат, впервые созданный Солоном, состоял из четырехсот членов, взятых в равных пропорциях от четырех племен, - не выбранных по жребию, как это было на более продвинутой стадии демократии, а избранных народом так же, как тогда были архонты, - люди из четвертого или беднейшего класса переписи, хотя и способствовали избранию, сами не имели права голоса.

Но хотя Солон и создал новый предварительный сенат, отождествляемый с народным собранием и являющийся его вспомогательным органом, он не проявил ревности к существовавшему ранее ареопагитическому сенату: напротив, он расширил его полномочия, предоставил ему широкий надзор за исполнением законов в целом и возложил на него цензурную обязанность наблюдать за жизнью и занятиями граждан, а также наказывать людей праздных и беспутных привычек. Сам он, будучи в прошлом архонтом, был членом этого древнего сената и, как говорят, предполагал, что с помощью двух сенатов государство будет держаться, как на двойном якоре, против всех потрясений и бурь[206].

Таковы единственные новые политические институты, не считая законов, о которых мы еще будем говорить, и которые есть основания приписывать Солону, если мы правильно отделим то, что действительно принадлежит Солону и его эпохе, от афинской конституции в ее последующем измененном виде. Это была практика, характерная для многих способных толкователей греческих событий, которой отчасти следовал даже д-р Тирлуолл.

Тирволлом,[207] чтобы связать имя Солона со всем политическим и судебным состоянием Афин, каким оно было в период между эпохой Перикла и эпохой Деместенека, - с постановлениями сената из пятисот человек, многочисленными общественными дикастами или присяжными, которые выбирались по жребию из народа, а также с органом, ежегодно избираемым для пересмотра законов и называемым номотетами, и с обвинением, называемым *graphê paranomôn*, открытым для возбуждения против сторонника любой меры, незаконной, неконституционной или опасной. Этому смешению солонских и постсолонских Афин есть некоторое оправдание в обычаях самих ораторов; Например, поразительная и характерная клятва гелиастических присяжных, которую Демосфен[208] приписывает Солону, во многом свидетельствует о принадлежности к эпохе после Клейстенеса, особенно упоминанием о сенате из пятисот, а не из четырехсот человек. Среди граждан, служивших присяжными или дикастами, Солон почитался как автор афинских законов; поэтому оратор вполне мог использовать его имя для акцента, не вызывая критических вопросов о том, действительно ли конкретное учреждение, которое он в тот момент внушал своей аудитории, принадлежит самому Солону или последующим эпохам. Многие из тех институтов, которые доктор Тирлуолл упоминает в связи с именем Солона, являются последними усовершенствованиями и разработками демократического ума Афин, - постепенно подготовленными, несомненно, в промежутке между Клейстенесом и Периклесом, но не введенными в действие до периода последнего (460-429 гг. до н. э.); ибо вряд ли можно представить себе эти многочисленные дикастерии и собрания в регулярном, частом и

длительном функционировании без гарантированной оплаты дикастов, которые их составляли. Такие выплаты впервые стали производиться примерно во времена Перикла, если не по его инициативе,[209] и у Деместенека были веские основания утверждать, что, если бы они были приостановлены, судебная и административная система Афин сразу бы развалилась на куски.[210] И было бы удивительно, если бы мы поверили, что в эпоху, когда даже частичная демократия еще не была испробована, Солон мог додуматься до идеи таких институтов: Еще большим изумлением было бы то, что полуэмансипированные феодалы и мелкие собственники, для которых он издавал законы, - еще дрожащие под жезлом эвпатридов-архонтов и совершенно неопытные в коллективных делах, - вдруг оказались компетентными в выполнении этих возвышенных функций, как, например, граждане завоеванных Афин во времена Перикла, - полные чувства силы и активно отождествляющие себя с достоинством своей общины, - постепенно стали компетентными, а не более чем компетентными, чтобы эффективно осуществлять их. Полагать, что Солон планировал и предусматривал периодический пересмотр своих законов путем создания номотетического жюри или дикастерии, подобной той, что действовала во времена Деместенека, было бы, на мой взгляд, несовместимо с любой разумной оценкой как этого человека, так и эпохи. Геродот рассказывает, что Солон, потребовав от афинян торжественной клятвы, что *они* не отменят ни один из его законов в течение десяти лет, покинул Афины на этот срок, чтобы не быть вынужденным отменить их самому: Плутарх сообщает нам, что он придал своим законам силу на целое столетие.[211] Сам Солон и Драко до него были законодателями, вызванными и уполномоченными чрезвычайными обстоятельствами времени; идея частого пересмотра законов органом дикастов, выбранных по жребию, относится к гораздо более поздней эпохе и не могла прийти в голову ни одному из них. Деревянные валики Солона, как и столы римских децемвиров,[212] несомненно, предназначались в качестве постоянного "fons omnis publici privatique juris".

Если мы изучим обстоятельства дела, то увидим, что Солону можно с полным основанием приписать не более чем голый фундамент афинской демократии в том виде, в каком она существовала во времена Перикла. "Я дал народу, - говорит Солон в одном из своих коротких сохранившихся фрагментов,[213] - столько силы, сколько хватало для его нужд, не увеличивая и не уменьшая его достоинства: для тех же, кто обладал властью и был отмечен богатством, я позаботился о том, чтобы не было недостойного обращения. Я стоял с крепким щитом над обеими сторонами, чтобы не допустить несправедливого триумфа ни одной из них". Опять же, Аристотель говорит нам, что Солон предоставил народу не больше власти, чем это было необходимо,[214] чтобы избирать магистратов и держать их в подчинении: если бы народ имел меньше, чем это, нельзя было бы ожидать, что он останется спокойным, - он был бы в рабстве и враждебно настроен к конституции. Не менее отчетливо Геродот говорит об этом, когда описывает революцию, осуществленную впоследствии Клисфеном - последний, по его словам, нашел "афинский народ отстраненным от всего"[215]. Эти отрывки, кажется, положительно опровергают предположение, само по себе достаточно невероятное, что Солон является автором особых демократических учреждений Афин, таких как постоянные и многочисленные дикасты для судебных разбирательств и пересмотра законов. Подлинное и поступательное демократическое движение в Афинах начинается только с Клейстенеца, с того момента, когда этот выдающийся Алкмеонид, либо спонтанно, либо оказавшись в тяжелой партийной борьбе с Исагором, большими народными уступками приобрел сердечное содействие толпы в очень опасных обстоятельствах. В то время как Солон, по его собственному утверждению, а также по утверждению Аристотеля, предоставлял народу столько власти, сколько было необходимо, но не более, - Клейстенец (по знаменательному выражению Геродота), "потерпев поражение в партийной борьбе со своим соперником, взял народ в партнеры". "Таким образом, именно интересам слабой

части в борьбе соперничающей знати афинский народ был обязан своим первым признанием политического превосходства - по крайней мере, частично, хотя действия Клейстенеса свидетельствуют о горячем и спонтанном народном настроении. Но такое конституционное признание народа не принесло бы столь поразительных положительных результатов, если бы ход общественных событий в течение полувека после Клейстенеса не стимулировал самым мощным образом его энергию, его уверенность в себе, его взаимные симпатии и его честолюбие. В одной из следующих глав я расскажу о тех исторических причинах, которые, воздействуя на афинский характер, придали такую эффективность и расширение великому демократическому импульсу, сообщенному Клейстенеком: сейчас же достаточно отметить, что этот импульс начинается именно с Клейстенека, а не с Солона.

Но солоновская конституция, хотя и была лишь основой, все же стала необходимым фундаментом последующей демократии; и если бы недовольство несчастного афинского населения, вместо того чтобы испытать на себе его бескорыстное и целительное управление, сразу же попало в руки эгоистичных искателей власти, таких как Килон или Пейсистрат, памятное расширение афинского разума в течение последующего столетия никогда бы не произошло, и вся последующая история Греции, вероятно, пошла бы другим путем. Солон оставил основные полномочия государства в руках олигархии, и борьба партий между Писистратом, Ликургом и Мегаклесом, которая закончилась деспотией Писистрата через тридцать лет после принятия его закона, покажется такой же чисто олигархической, какой она была до его назначения архонтом. Но олигархия, которую он установил, сильно отличалась от олигархии, которую он нашел, столь кишасшей угнетением и лишенной средств защиты, как свидетельствуют его собственные стихи.

Именно он впервые предоставил гражданам среднего достатка и общей массе *locus standi* против евпатридов; он позволил народу частично защитить себя и познакомил его с идеей защиты путем мирного осуществления конституционного права. Новой силой, с помощью которой эта защита осуществлялась, было общественное собрание, называемое *heliæa*,^[217] упорядоченное и вооруженное расширенными прерогативами, и еще более усиленное своим незаменимым союзником - про-булевтическим или предварительно рассматривающим сенатом. При солоновской конституции эта сила была лишь второстепенной и оборонительной, но после обновления Клейстенеса она стала главенствующей и суверенной; она постепенно разветвилась на те многочисленные народные дикастерии, которые так сильно изменили общественную и частную жизнь афинян, привлекли к себе безраздельное почитание и подчинение народа и постепенно сделали отдельные магистратуры по сути подчиненными функциями. Народное собрание, созданное Солоном, появившееся в измененном виде и подготовленное к тому, чтобы рассматривать и оценивать общее поведение прошедшего магистрата, - это промежуточная ступень между пассивной гомеровской агорой и теми всемогущими собраниями и дикастериями, которые слушали Перикла или Деместенека. По сравнению с последними, в нем есть лишь слабая полоска демократии, - и таким он, естественно, показался Аристотелю, который писал, имея практический опыт Афин времен ораторов; но по сравнению с первыми или с досолоновской конституцией Аттики, он, несомненно, должен был показаться уступкой в высшей степени демократической. Навязать эвпатриду-архонту необходимость быть избранным или подвергнуться испытанию на подотчетность со стороны *сброта* свободных людей (так бы выразились в эвпатридском обществе) было бы горьким унижением для тех, среди кого она была впервые введена; ведь мы должны помнить, что это была самая обширная схема конституционной реформы, которая была предложена в Греции, и что деспоты и олигархи делили между собой в то время весь греческий мир. Как видно, Солон, создавая народное собрание с его пробулевтическим сенатом, не испытывал

ревности к сенату ареопага и даже расширил его полномочия, - мы можем сделать вывод, что его главной целью было не ослабление олигархии в целом, а улучшение управления и пресечение проступков и нарушений отдельных архонтов; И то не за счет уменьшения их полномочий, а за счет того, что определенная степень популярности была условием как их вступления в должность, так и их безопасности или чести после нее.

По моему мнению, ошибочно полагать, что Солон передал судебную власть архонтов народному дикастерии; эти магистраты по-прежнему оставались самостоятельными судьями, принимали решения и выносили приговоры без апелляции, а не просто председателями собравшихся присяжных, как это произошло в следующем веке.^[218] За общее осуществление такой власти они отвечали после года пребывания в должности; и эта ответственность была гарантией от злоупотреблений, - весьма недостаточной, но не полностью недейственной гарантией. Однако вскоре мы увидим, что эти архонты, хотя и были сильны, чтобы принуждать и, возможно, угнетать мелких и бедных людей, не имели возможности сдерживать мятежных вельмож своего ранга, таких как Пейсистерат, Ликург и Мегаклес, каждый со своими вооруженными последователями. Если сравнить схватки этих честолюбивых соперников, закончившиеся деспотией одного из них, с ожесточенными парламентскими распрями между Фемистоклесом и Аристидесом впоследствии, мирно решенными голосованием народа и никогда не нарушавшими общественного спокойствия, то мы увидим, что демократия последующего столетия отвечала условиям порядка, а также прогресса, лучше, чем солонийская конституция.

Отличие солонской конституции от последовавшей за ней демократии необходимо для правильного понимания прогресса греческого разума и особенно афинских дел. Эта демократия была достигнута постепенными шагами, которые будут описаны далее: Деместенес и Эсхинес жили при ней как при системе, достигшей своего завершения и находящейся в полной активности, когда этапы ее предыдущего роста уже не были предметом точного воспоминания; и дикастам, собравшимся тогда на суд, было приятно слышать, как конституция, к которой они были привязаны, отождествляется с именами то Солона, то Тесея, к которым они были не менее пристрастны. Их любознательный современник Аристотель не был введен в заблуждение: но даже самые заурядные афиняне предыдущего столетия избежали бы такого же заблуждения. Ведь на протяжении всего демократического движения от персидского нашествия до Пелопоннесской войны, и особенно во время изменений, предложенных Периклесом и Эфиальтесом, всегда существовала активная партия сопротивления, которая не позволяла народу забыть, что он уже отступил и готов был отступить еще больше от орбиты, намеченной Солоном. Прославленный Периклес подвергался бесчисленным нападкам как со стороны ораторов в собрании, так и со стороны комиков в театре; и среди этих сарказмов на политические тенденции того времени мы, вероятно, должны назвать жалобу поэта Кратина на безволие, в которое впали и Солон, и Драко. "Клянусь,^[219] сказал он во фрагменте одной из своих комедий, Солоном и Драко, чьи деревянные скрижали (законов) теперь используются людьми для жарки ячменя". Законы Солона об уголовных преступлениях, о наследовании и усыновлении, о частных отношениях в целом и т. д., по большей части оставались в силе; его четырехчастная перепись также продолжалась, по крайней мере в финансовых целях, до архонства Наусиника в 377 году до н. э.; так что Цицерон и другие могли бы с полным основанием утверждать, что его законы все еще преобладали в Афинах: но его политические и судебные механизмы претерпели революцию^[220], не менее полную и запоминающуюся, чем характер и дух афинского народа в целом. Выбор по жребию архонтов и других магистратов, а также распределение по жребию общего корпуса дикастов или присяжных по каналам для судебных дел можно с уверенностью считать не принадлежащим Солону, а

принятым после революции Клисфена;^[221] вероятно, по жребию выбирались и сенаторы. Жребий был симптомом ярко выраженного демократического духа, который мы не должны искать в солонских институтах.

Нелегко точно определить, каково было политическое положение древних гентов и фратрий, какими их оставил Солон. Четыре племени состояли из гентов и фратрий, так что ни одно из племен не могло быть включено в состав того, кто не был также членом какого-либо гена или фратрии. Новый пробулевтический или предварительный сенат состоял из четырехсот членов - по сто от каждого из племен: лица, не включенные в какой-либо род или фратрию, не могли, таким образом, иметь в него доступ. Аналогичные условия были, согласно древнему обычаю, и для девяти архонтов, а также, разумеется, и для сената ареопага. Таким образом, оставалось только общественное собрание, в котором мог принимать участие афинянин, не принадлежавший к этим племенам: все же он был гражданином, так как мог подавать свой голос за архонтов и сенаторов и принимать участие в ежегодном решении их отчетности, кроме того, он имел право требовать от архонтов возмещения ущерба от своего лица, тогда как иностранец мог сделать это только через посредство ручающегося гражданина или простата. Поэтому кажется, что все люди, не входящие в четыре племени, независимо от их состояния, находились на том же уровне в отношении политических привилегий, что и четвертый, самый бедный класс солонийской переписи. Уже отмечалось, что еще до Солона число афинян, не входивших в генты и фратрии, было, вероятно, значительным: оно становилось все больше и больше, поскольку эти органы были тесными и нераспространенными, а политика нового законодателя была направлена на привлечение в Афины трудолюбивых поселенцев из других частей Греции. Такое огромное и все возрастающее неравенство политических привилегий помогает объяснить слабость правительства в отражении агрессии Писистрата и показывает важность революции, которую впоследствии совершил Клейстенес, упразднив (для всех политических целей) четыре старых племени и создав вместо них десять новых всеобъемлющих племен.

Что касается правил сената и народного собрания, как они были созданы Солоном, то мы совершенно лишены информации: небезопасно переносить на солоновскую конституцию сравнительно обширную информацию, которой мы располагаем в отношении этих органов при более поздней демократии.

Законы Солона были начертаны на деревянных валиках и треугольных табличках, в виде письма, называемого бустрофедон (строки чередовались сначала слева направо, а затем справа налево, как ход пахаря), и сохранялись сначала в акрополе, а затем в пританеях. На табличках, называемых кирбеями, были записаны главным образом законы, касающиеся священных обрядов и жертвоприношений;^[222] на столбах, или валиках, которых было не менее шестнадцати, помещались предписания, касающиеся профанных дел. До нас дошли столь незначительные фрагменты, а ораторы приписывают Солону так много того, что действительно относится к последующим временам, что вряд ли можно составить какое-либо критическое суждение о законодательстве в целом или определить, какими общими принципами или целями он руководствовался.

Он оставил без изменений все прежние законы и обычаи, касающиеся преступления убийства, которые были тесно связаны с религиозными чувствами народа. Законы Драко по этому вопросу, таким образом, остались, но по другим вопросам, согласно Плутарху, они были полностью отменены;^[223] однако есть основания полагать, что отмена не могла быть столь широкой, как представляет этот биограф.

Солонские законы, похоже, в большей или меньшей степени затрагивали все важнейшие сферы человеческих интересов и обязанностей. Мы находим политические и религиозные, общественные и частные, гражданские и уголовные, коммерческие, сельскохозяйственные, судебские и дисциплинарные предписания. Солон предусматривает наказания за преступления, ограничивает профессию и статус гражданина, предписывает подробные правила брака и погребения, общего пользования источниками и колодцами, а также взаимного интереса сопредельных фермеров в посадке или огораживании своих владений. Насколько мы можем судить по тому, в каком совершенном виде дошли до нас его законы, похоже, не было сделано ни одной попытки систематического упорядочивания или классификации. Некоторые из них представляют собой лишь общие и расплывчатые указания, в то время как другие снова впадают в крайности специализации.

Самым важным из них было изменение закона о должниках и кредиторах, о котором мы уже упоминали, и отмена права отцов и братьев продавать своих дочерей и сестер в рабство. Запрещение всех договоров под залог тела само по себе было достаточным для того, чтобы произвести значительное улучшение характера и состояния более бедного населения, - результат, который, кажется, был настолько ощутимо получен от законодательства Солона, что Боэций и некоторые другие выдающиеся авторы полагают, что он отменил сельский надел и наделил бедных арендаторов правом собственности на их земли, аннулировав сеньориальные права землевладельца. Но это мнение не опирается ни на какие позитивные доказательства, и мы не имеем оснований приписывать ему более сильные меры в отношении земли, чем аннулирование прежних закладных[224].

Первый столп его законов содержал постановление, касающееся экспортируемых продуктов. Он запретил вывоз всех продуктов аттической земли, кроме оливкового масла, и санкция, использованная для обеспечения соблюдения этого закона, заслуживает внимания как иллюстрация идей того времени; архонт был обязан под страхом лишения ста драхм произносить торжественные проклятия в адрес каждого нарушителя.[225] Мы, вероятно, должны рассматривать этот запрет в сочетании с другими целями, которые, как говорят, были задуманы Солоном, особенно для поощрения ремесленников и производителей в Афинах. Наблюдая, как нам говорят, что многие новые эмигранты стекались в Аттику в поисках места жительства из-за ее большей безопасности, он стремился обратить их скорее к обрабатывающей промышленности, чем к возделыванию бедной от природы почвы.[Он запретил предоставлять гражданство любым эмигрантам, кроме тех, кто безвозвратно покинул свое прежнее место жительства и прибыл в Афины для занятия какой-либо трудовой деятельностью; а чтобы предотвратить безделье, он поручил сенату ареопага следить за жизнью граждан в целом и наказывать каждого, кто не занимается регулярным трудом, чтобы поддержать его. Если отец не обучал сына какому-либо искусству или профессии, Солон освобождал его от обязанности содержать сына в старости. И именно для того, чтобы поощрить умножение числа таких ремесленников, он застраховал или попытался застраховать для жителей Аттики монополию на все ее земельные продукты, кроме оливкового масла, которое выращивалось в изобилии, более чем достаточном для их нужд. Он желал, чтобы торговля с иностранцами велась за счет экспорта продуктов ремесленного труда, а не земельной продукции[227].

Этот торговый запрет основан на принципах, во многом схожих с теми, которые применялись в ранней истории Англии как в отношении кукурузы, так и шерсти, а также в других европейских странах. В той мере, в какой он вообще действовал, он был направлен на уменьшение общего количества продукции, выращенной на почве Аттики, и, таким образом, на удержание цен на нее от роста, - цель менее предосудительная - если мы предположим,

что законодатель вообще вмешивается, - чем цель наших поздних законов о кукурузе, которые были призваны предотвратить падение цен на зерно. Но закон Солона, должно быть, был совершенно недейственным в отношении основных предметов человеческого пропитания; ведь Аттика постоянно и в больших количествах импортировала зерно и соль, возможно, также шерсть и лен для прядения и ткачества женщин, и, конечно, древесину для строительства. Сомневаться в том, что закон когда-либо соблюдался в отношении инжира и меда, не приходится; по крайней мере, эти продукты Аттики в последующие времена широко употреблялись и славились по всей Греции. Вероятно, во времена Солона серебряные рудники Лавреума еще только начинали разрабатываться: впоследствии они стали очень продуктивными и обеспечили Афины товаром для внешних платежей, не менее удобным, чем выгодным[228].

Интересно отметить, что и Солон, и Драко стремились привить своим согражданам трудолюбие и привычку к самообеспечению[229], и мы найдем те же настроения, провозглашенные Периклесом, в то время, когда афинское могущество достигло своего максимума. Мы также не должны упускать из виду это раннее проявление в Аттике справедливого и терпимого отношения к оседлому труду, который в большинстве других частей Греции считался сравнительно бесчестным. Общий тон греческих настроений не признавал никаких занятий, достойных свободного гражданина, кроме оружия, сельского хозяйства, атлетических и музыкальных упражнений; и действия спартанцев, которые держались в стороне даже от сельского хозяйства, оставляя его своим гелотам, вызывали восхищение, хотя и не могли быть скопированы в большей части эллинского мира. Даже такие умы, как Платон, Аристотель и Ксенофонт, в значительной степени разделяли это чувство, которое они обосновывали тем, что сидячая жизнь и непрерывная работа по дому ремесленника несовместимы с военными способностями: городские занятия обычно описываются словом, которое несет в себе презрительные идеи, и, хотя они признаются необходимыми для существования города, считаются подходящими только для низшего и полупривилегированного сословия граждан. Это мнение, распространенное как среди греков, так и среди иностранцев, встретило сильную и растущую оппозицию в Афинах, как я уже говорил, - подтвержденную также аналогичным чувством в Коринфе.[230] Торговля Коринфа, как и Халкиса в Эвбее, была обширной в то время, когда Афины почти не существовали. Но если деспотизм Периандра вряд ли мог не послужить препятствием для развития промышленности в Коринфе, то современное законодательство Солона предоставило торговцам и ремесленникам новый дом в Афинах, дав первый толчок тому многочисленному городскому населению как в городе, так и в Пирее, которое, как мы видим, фактически поселилось там в следующем веке. Увеличение числа горожан, как граждан, так и метисов, или несвободных, было важным фактом в продвижении Афин вперед, поскольку оно определяло не только расширение ее торговли, но и превосходство ее военно-морских сил, - и, как дальнейшее следствие, придавало необычайную силу ее демократическому правительству. Кроме того, похоже, что это был отход от примитивного нрава аттицизма, который склонялся как к кантональному проживанию, так и к сельским занятиям. Поэтому мы с большим интересом отмечаем первое упоминание о нем как о следствии солоновского законодательства.

Именно Солону принадлежит признание в Афинах права завещания во всех случаях, когда у человека не было законных детей. Согласно существовавшему ранее обычаю, можно предположить, что если умерший не оставил ни детей, ни кровных родственников, его имущество переходило, как в Риме, к его роду и фратрии.[231] В большинстве грубых общественных государств право завещания неизвестно, как у древних германцев, у римлян до двенадцати таблиц, в старых законах индусов,[232] и т. д. Общество ограничивает

интерес или право пользования человека его жизнью и рассматривает его родственников как имеющих совместные возвратные права на его имущество, которые вступают в силу, в определенных пропорциях, после его смерти; и этот взгляд был более вероятным для преобладания в Афинах, так как вечность семейных священных обрядов, в которых дети и ближайшие родственники принимали участие по праву, рассматривалась афинянами как вопрос общественной, так и частной заботы. Солон разрешил каждому мужчине, умирающему без детей, завещать свое имущество по своему усмотрению, и завещание сохранялось, если только не было доказано, что оно было получено по принуждению или неправомерному соблазну. Если говорить в целом, то этот закон сохранялся на протяжении всей истории Афин. Сыновья, где бы они ни были, наследовали имущество своего отца в равных долях, с обязательством выдать сестер замуж вместе с определенным приданым. Если сыновей не было, то наследниками становились дочери, хотя отец мог по завещанию, в определенных пределах, определить лицо, за которое они должны быть выданы замуж, с приложенными к ним правами наследования; или мог, с согласия дочерей, сделать по завещанию некоторые другие распоряжения относительно своего имущества. Человек, не имевший детей или прямых потомков, мог завещать свое имущество по своему усмотрению: если он умирал без завещания, то сначала наследовал его отец, затем его брат или дети брата, затем сестра или дети сестры; если таковых не было, то двоюродные братья по отцовской линии, затем двоюродные братья по материнской линии, причем мужская линия наследования имела предпочтение перед женской. Таков был принцип солонских законов о наследовании, хотя детали их в некоторых отношениях неясны и сомнительны.^[233] Солон, судя по всему, был первым, кто предоставил право заменять по завещанию права агнатов и язычников на наследование, что соответствовало его плану поощрения трудолюбивого занятия и последующего умножения индивидуальных приобретений.^[234]

Уже упоминалось, что Солон запретил продавать дочерей или сестер в рабство отцам или братьям - запрет, который показывает, насколько раньше женщины рассматривались как предмет собственности. И похоже, что до его времени нарушение прав свободной женщины должно было наказываться по усмотрению магистратов; ведь нам говорят, что он был первым, кто ввел штраф в сто драхм против преступника и двадцать драхм против соблазнителя свободной женщины.^[235] Более того, говорят, что он запретил невесте, выдаваемой замуж, носить с собой любые личные украшения и принадлежности, за исключением трех одеяний и некоторых предметов мебели, не представляющих особой ценности.^[236] Кроме того, Солон наложил на женщин ряд ограничений в отношении действий во время похорон умерших родственников: он запретил пышные демонстрации скорби, пение сочиненных дирхемов, дорогостоящие жертвы и пожертвования; он строго ограничил количество мяса и напитков, допустимых для погребального банкета, и запретил выходить ночью, кроме как в машине и с фонарем. Оказывается, что и в Греции, и в Риме чувство долга и привязанность оставшихся в живых родственников побуждали их к разорительным расходам на похороны, а также к безмерным излишаниям как горя, так и веселья; о всеобщей необходимости вмешательства закона свидетельствует замечание Плутарха, что запреты, подобные тем, что были приняты Солоном, действовали и в его родном городе Херонее^[237].

Остается упомянуть и другие уголовные постановления Солона. Он запретил злословить по отношению к умершим: он запретил это делать и по отношению к живым, в храме, перед судьями или архонтами, или на любом общественном празднике, - под страхом штрафа в три драхмы для обиженного и еще две драхмы в общественную казну. Насколько мягким был общий характер его наказаний, можно судить по этому закону против нецензурной брани, не менее чем по упомянутому ранее закону против изнасилования: как одно, так и другое из

этих преступлений гораздо более сурово каралось последующим законом демократических Афин. Императивный эдикт, запрещающий говорить плохо об умершем человеке, хотя, несомненно, в значительной степени проистекает из бескорыстного отвращения, частично объясняется страхом перед гневом усопших, который сильно владел умами ранних греков.

В целом, кажется, что Солон законодательно определил расходы на общественные жертвоприношения, хотя мы не знаем, каковы были его конкретные указания: нам говорят, что он считал овцу и медимну (пшеницу или ячмень?) эквивалентными драхме, и что он также предписал цены, которые должны были быть уплачены за первоклассных быков, предназначенных для торжественных случаев. Но нас удивляет большое вознаграждение, которое он назначал из государственной казны победителю Олимпийских или Истмийских игр: первому - пятьсот драхм, равных годовому доходу высшего из четырех классов по переписи населения; второму - сто драхм. Величина этих вознаграждений поражает нас еще больше, когда мы сравниваем их со штрафами за изнасилование и злословие; и мы не можем удивляться тому, что философ Ксенофан с некоторой долей суровости заметил экстравагантную оценку этого вида совершенства, распространенную среди греческих городов.^[238] В то же время мы должны помнить, что эти общегреческие священные игры были главным видимым свидетельством мира и симпатии среди многочисленных общин Греции, и что во времена Солона для их поощрения все еще требовалось фактическое вознаграждение. Что касается земли и сельского хозяйства, то Солон объявил общественное вознаграждение в размере пяти драхм за каждого приведенного волка и одной драхмы за каждого волчонка: в Аттике во все времена были значительные площади диких земель. Он также установил правила пользования колодцами между соседями и посадки на прилегающих оливковых плантациях. Продолжало ли действовать какое-либо из этих правил в более известный период афинской истории, утверждать с уверенностью нельзя.

Что касается воровства, то, как мы видим, Солон отменил смертную казнь, которую Драко назначил за это преступление, и ввел в качестве наказания компенсацию в размере, вдвое превышающем стоимость украденного имущества. Простота этого закона, возможно, дает основание предположить, что он действительно принадлежит Солону, но закон, преобладавший во времена ораторов в отношении воровства^[240], должен быть введен в какой-то более поздний период, поскольку он вводит различия и упоминает как места, так и формы процедуры, которые мы не можем обоснованно отнести к 46-й Олимпиаде. Общественные обеды в пританеях, в которых участвовали архонты и немногие избранные, также были либо впервые установлены, либо, возможно, лишь более строго регламентированы Солоном: он предписал ячменные лепешки для обычных трапез и пшеничные хлебы для праздничных дней, предписав, как часто каждый человек должен обедать за столом.^[241] Честь обедать за столом пританеев сохранялась на протяжении всего времени как ценная награда, находящаяся в распоряжении правительства.

Среди различных законов Солона есть несколько, которые привлекли больше внимания, чем тот, который объявляет человека, который во время смуты стоял в стороне и не принимал участия ни в одной из сторон, обещенным и лишенным гражданских прав.^[242] Строго говоря, это, скорее, имеет характер резкого морального осуждения или религиозного проклятия, чем правовой санкции, которая может быть формально применена в индивидуальном случае и после судебного разбирательства, - хотя приговор аtimi, в соответствии с более разработанной аттической процедурой, был определенным по своим уголовным последствиям, а также вынесен в судебном порядке. Однако мы можем проследить, под влиянием каких идей Солон написал этот приговор на своих таблицах, и

проследить влияние подобных идей на более поздние аттические институты. Очевидно, что его осуждение относится к тому особому случаю, когда мятеж уже вспыхнул: мы должны предположить, что Килон захватил акрополь или что Пейсистрат, Мегаклес и Ликург вооружены во главе своих сторонников. Если предположить, что эти лидеры были богатыми и могущественными людьми, что, по всей вероятности, было бы фактом, то сформированная власть - такая, какую Солон видел перед собой в Аттике, даже после его собственных органических поправок - не была достаточно сильна, чтобы поддерживать мир; она, по сути, сама становилась одной из враждующих сторон. При таких обстоятельствах, чем скорее каждый гражданин публично заявит о своей приверженности к одной из них, тем раньше закончится эта приостановка законной власти. Ничто не было так пагубно, как безразличие масс или их склонность позволить сражающимся решить вопрос между собой, а затем подчиниться победителю:^[243] ничто так не способствовало агрессии со стороны честолюбивого недовольного, как уверенность в том, что, если ему удастся одолеть небольшую физическую силу, окружавшую архонтов, и выставить себя в вооруженном владении пританеем или акрополем, он может немедленно рассчитывать на пассивное подчинение со стороны всех свободных людей без него. При том состоянии чувств, которое внушает Солон, вождь восстания должен был бы рассчитывать, что каждый человек, который не был активно настроен в его пользу, будет активно против него, и это сделало бы его предприятие гораздо более опасным; действительно, он никогда не мог бы надеяться на успех, кроме как при двойном предположении о чрезвычайной популярности его собственной персоны и всеобщем отвращении к существующему правительству. Таким образом, он окажется под влиянием мощных сдерживающих мотивов, и простое честолюбие с гораздо меньшей вероятностью соблазнит его на путь, который не грозит ничем, кроме разорения, разве что под влиянием такого поощрения со стороны уже существующего общественного мнения, которое сделает его успех результатом, желательным для общества. Среди небольших политических обществ Греции, особенно в эпоху Солона, когда число деспотов в других частях Греции, похоже, достигло максимума, каждое правительство, какой бы ни была его форма, было достаточно слабым, чтобы его свержение было делом сравнительно легким. Если только не прибегнуть к помощи иностранных наемников, что превратило бы его в правительство голых сил, и о чем афинский законодатель, конечно, никогда бы не подумал, - для этого не было другого средства, кроме положительного и ярко выраженного чувства привязанности со стороны массы граждан: безразличие с их стороны сделало бы их добычей любого смельчака с богатством, который решил бы стать заговорщиком. То, что они должны быть готовы выступить не только с голосом, но и с оружием, - и то, что они должны быть заранее осведомлены об этом, - было необходимо для поддержания любого хорошего греческого правительства. Это было полезно для предотвращения просто личных попыток революции и умиротворяюще по своей тенденции, даже если революция действительно разразилась, - потому что в большинстве случаев пропорция партизан, вероятно, была бы очень неравной, и уступающая партия была бы вынуждена отказаться от своих надежд.

Следует заметить, что в этом постановлении Солон существующее правительство рассматривается лишь как одна из противоборствующих сторон. Добродетельному гражданину предписывается не выступать в его поддержку, но в любом случае - либо за него, либо против него: позитивные и скорые действия - это все, что предписывается ему в качестве долга. В эпоху Солон еще не существовало ни одной политической идеи или системы, которую можно было бы принять за непреложную данность, - ни одного выдающегося стандарта, которому граждане могли бы обязаться следовать при любых обстоятельствах. Выбор был только между смягченной олигархией во владении и деспотом в возможности; соревнование, в котором симпатии народа редко можно было рассчитывать в

пользу установленного правительства. Но этот нейтралитет по отношению к конституции закончился после революции Клейстенеса, когда идея суверенного народа и демократических институтов стала привычной и ценной для каждого отдельного гражданина. В дальнейшем мы увидим, что афиняне связывают себя самыми искренними и торжественными клятвами поддерживать свою демократию против всех попыток ее подрыва; мы обнаружим в них настроения, не менее позитивные и бескомпромиссные в своем направлении, чем энергичные в своих побуждениях. Но, обратив внимание на это важное изменение в их характере, мы в то же время поймем, что мудрая рекомендация Солона предотвратить смуту путем раннего объявления беспристрастной общественности между двумя спорящими лидерами не была для них потеряна. Именно такова, по сути, была цель того спасительного и защитного института, который называется остракизмом. Когда на ранних этапах афинской демократии две партии-лидеры, каждая из которых обладала мощной рентой и влиянием, вступали в ожесточенную и длительную оппозицию друг с другом, такая оппозиция могла довести одного или другого до насильственных мер. Помимо надежд на победу партии, каждый мог опасаться, что, если он сам будет оставаться в рамках законности, он может стать жертвой агрессивных действий со стороны своих антагонистов. Чтобы предотвратить эту грозную опасность, было назначено общественное голосование, которое должно было определить, кто из них отправится во временное изгнание, сохранив свое имущество и не подвергаясь никаким позорам. В голосовании должны были принять участие не менее шести тысяч граждан, голосовавших тайно и потому независимо друг от друга, которые вынесли одному или другому из этих выдающихся соперников приговор о ссылке на десять лет: тот, кто оставался, становился, конечно, более влиятельным, но менее склонным к антиконституционным действиям, чем прежде. В одной из следующих глав я еще раз расскажу об этой мудрой предосторожности и оправдаю ее перед некоторыми ошибочными толкованиями, которые она вызвала; Сейчас же я просто отмечаю его аналогию с предыдущим законом Солона и его тенденцию к достижению той же цели - прекращению ожесточенной партийной вражды путем искусственного привлечения голосов массы беспристрастных граждан против одного или другого лидера, - с тем важным отличием, что в то время как Солон предполагал, что враждебные партии фактически сцепились, остракизм предотвратил это серьезное общественное бедствие, применив свое средство против предвещающих симптомов.

В предыдущей главе я уже рассматривал указания, данные Солоном для более упорядоченного пересказа гомеровских поэм; любопытно сравнить его благоговение перед старым эпосом с безоговорочным отвращением, которое он проявлял к Феспису и драме, тогда еще только зарождавшейся и мало обещавшей своего последующего совершенства. Трагедия и комедия начали прививаться к лирике и хорической песне. Сначала для разгрузки хора выделялся один актер, затем вводились два актера, которые играли вымышленных персонажей и вели диалог так, что песни хора и речи актеров составляли непрерывное произведение. Солон, услышав, как Феспис играет (как это делали все ранние композиторы, как трагические, так и комические) в своей комедии, спросил его после этого, не стыдно ли ему произносить такую ложь перед столь многочисленной аудиторией. И когда Феспис ответил, что нет ничего плохого в том, чтобы говорить и делать такие вещи только для развлечения, Солон возмущенно воскликнул, ударив палкой по земле: "Если мы однажды станем хвалить и уважать такое развлечение, как это, то быстро обнаружим его последствия в наших повседневных делах". За подлинность этого анекдота было бы опрометчиво ручаться, но мы можем, по крайней мере, рассматривать его как протест какого-то раннего философа против обманов драмы; к тому же он интересен как

свидетельство зарождающейся борьбы той литературы, в которой Афины впоследствии достигли такого непревзойденного совершенства.

Похоже, что все законы Солона были провозглашены, записаны и приняты без обсуждения и сопротивления. Говорят, что он описал их не как лучшие законы, которые он сам мог себе представить, а как лучшие, которые он мог побудить народ принять; он дал им силу на десять лет, и на этот срок[245] как сенат в целом, так и архонты в отдельности поклялись соблюдать их с верностью, под страхом, в случае несоблюдения, золотой статуи, размером с жизнь, которая должна быть воздвигнута в Дельфах. Но хотя принятие законов прошло без затруднений, оказалось, что ни народу нелегко понять и соблюдать их, ни создателю объяснить их. Каждый день к Солону приходили люди то с похвалами, то с критикой, то с предложениями различных улучшений, то с вопросами по поводу конструкции тех или иных законов; в конце концов он устал от этого бесконечного процесса ответов и оправданий, который редко приводил к успеху как в устранении неясностей, так и в удовлетворении жалобщиков. Предвидя, что, если он останется, то будет вынужден вносить изменения, он получил от своих соотечественников отпуск на десять лет, полагая, что до истечения этого срока они привыкнут к его законам. Он покинул родной город в полной уверенности, что его законы останутся не отмененными до его возвращения; ведь, говорит Геродот, "афиняне *не могли* отменить их, поскольку были связаны торжественной клятвой соблюдать их в течение десяти лет". Безоговорочная манера, в которой историк говорит о клятве, как будто она создает некую физическую необходимость и исключает всякую возможность противоположного результата, заслуживает внимания как иллюстрация греческих настроений[246].

Выехав из Афин, Солон первым делом посетил Египет, где много общался с Псенофисом из Гелиополя и Сонхисом из Саиса, египетскими жрецами, которые могли многое рассказать о своей древней истории, и от которых он узнал реальные или мнимые сведения, намного превосходящие по предполагаемой древности самые старые греческие генеалогии, особенно историю огромного затопленного острова Атлантиды и войны, которую предки афинян успешно вели против него девять тысяч лет назад. Говорят, что Солон начал эпическую поэму на эту тему, но не дожил до ее окончания, и сейчас от нее ничего не осталось. Из Египта он отправился на Кипр, где посетил небольшой город Эрейя, который, как говорят, был первоначально основан Демофоном, сыном Тесея; в то время он находился под властью князя Филокипра, - каждый город на Кипре имел своего мелкого князя. Он располагался у реки Клариус, в обрывистом и безопасном месте, но неудобном и плохо снабжаемом; и Солон убедил Филокипруса оставить старое место и основать новый город на плодородной равнине под ним. Сам он остался и стал экипировщиком нового поселения, приняв все необходимые меры для его безопасного и процветающего развития, что и было продемонстрировано столь решительно, что многие новые поселенцы стекались на новую плантацию, названную Филокипрусом *Соли*, в честь Солона. К нашему глубокому сожалению, нам не дано знать, каковы были эти правила; но общий факт подтверждается стихами самого Солона, и строки, в которых он прощается с Филокипсом, покидая остров, еще дошли до нас. В своей поэме он безоговорочно одобряет нравы этого принца[247].

Помимо посещения Египта и Кипра, ходила история о его беседе с лидийским царем Крёзом в Сардах; общение между ними Геродот превратил в своего рода нравоучительную историю, которая является одним из самых красивых эпизодов во всей его истории. Хотя эту историю рассказывали и пересказывали, как если бы она была подлинной историей, в ее нынешнем виде она не согласуется с хронологией, хотя, вполне возможно, Солон в то или иное время мог посетить Сарды и увидеть Крёза в качестве наследственного принца[248].

Но даже если бы не существовало хронологических возражений, моральная цель рассказа настолько заметна и так систематически пронизывает его от начала до конца, что эти внутренние основания сами по себе достаточно сильны, чтобы поставить под сомнение его достоверность как факта, если только эти сомнения не перевешиваются, чего в данном случае не происходит, благодаря хорошим свидетельствам современников. Рассказ о Солоне и Крёзе можно принять не за что иное, как за иллюстративный вымысел, заимствованный Геродотом у какого-то философа и облеченный в свойственную ему красоту выражения, которая в данном случае более явно поэтична, чем обычно у него. Я не могу его пересказать и едва ли осмелюсь сократить. Тщеславный Крёз, находясь на вершине своих завоеваний и богатства, пытается добиться от своего гостя Солона мнения, что он счастливейший из людей. Тот, дважды предпочтя ему скромных и достойных греческих граждан, в конце концов напоминает ему, что его огромное богатство и власть - это слишком шаткое положение, чтобы служить доказательством счастья, - что боги ревнивы и нетерпеливы и часто делают видимость счастья лишь прелюдией к крайнему бедствию, - и что жизнь человека нельзя назвать счастливой, пока она не разыграна до конца, чтобы было видно, что она недостижима для несчастий. Крёс считает это мнение абсурдным, но "после ухода Солона на него обрушилась великая кара божья, возможно (замечает Геродот), потому что он считал себя самым счастливым из всех людей". Во-первых, он потерял своего любимого сына Атиса, храброго и умного юношу, - его единственный второй сын был немым. Мисийцы с Олимпа, разоренные разрушительным и грозным кабаном, которого они не смогли одолеть, обратились за помощью к Крёзу, который отправил на место отборную охотничью дружину и разрешил, хотя и с большой неохотой, из-за тревожного сна, чтобы его любимый сын сопровождал их. Молодой принц был непреднамеренно убит фригийским изгнанником Адрастом, которого Крёс приютил и защищал;^[249] и он едва оправился от мук этого несчастья, когда быстрый рост Кира и персидской державы побудил его вступить с ними в войну, вопреки советам своих мудрейших советников. После трехлетней борьбы он потерпел полное поражение, его столица Сарды была взята штурмом, а сам он попал в плен. Кир приказал приготовить большую кучу и поместил на нее Крёза в оковах вместе с четырнадцатью молодыми лидийцами, намереваясь сжечь их заживо либо в качестве религиозного жертвоприношения, либо во исполнение обета, "а возможно (говорит Геродот), чтобы посмотреть, не вмешается ли кто-нибудь из богов, чтобы спасти столь благочестивого человека, как лидийский царь".^[250] В этой печальной ситуации Крёс вспомнил о предостережении, которое он прежде презрел, и трижды произнес с глубоким стоном имя Солона. Кир попросил переводчиков спросить, к кому он обращается, и узнал в ответ анекдот об афинском законодателе, а также торжественный памятный подарок, который тот преподнес Крёзу в более благополучные дни, свидетельствуя о недолговечности всего человеческого величия. Это замечание глубоко запало в душу персидского монарха, как предвестие того, что может случиться с ним самим: он раскаялся в своем намерении и приказал немедленно погасить уже разожженный костер. Но приказ пришел слишком поздно; несмотря на самые рьяные усилия посторонних, пламя оказалось неугасимым, и Крёс так бы и сгорел, если бы не взмолился со слезами и молитвами к Аполлону, храмам которого в Дельфах и Фивах он сделал такие щедрые подарки. Его молитвы были услышаны, светлое небо сразу же омрачилось, и пошел обильный дождь, достаточный для того, чтобы погасить пламя. ^[251] Жизнь Крёза была спасена, и впоследствии он стал доверенным другом и советником своего завоевателя.

Таков краткий набросок повествования, которое Геродот дал с полным развитием и впечатляющим эффектом. Она могла бы служить показательной лекцией для афинской молодежи, не менее замечательной, чем известная басня о выборе Геракла, которую философ Продик,^[252] младший современник Геродота, произнес с такой популярностью.

Она убедительно иллюстрирует религиозные и этические идеи античности; глубокое чувство ревности богов, которые не терпят гордости ни за кого, кроме себя;[253] невозможность для любого человека реализовать для себя больше, чем очень умеренную долю счастья; опасность со стороны реакционной заклётой вражды, если в какой-то момент он превысил этот предел; и необходимость расчетов, охватывающих всю жизнь, в качестве основы для рационального сравнения различных индивидуумов; и как практическое следствие этих чувств - постоянный протест со стороны моралистов против бурных порывов и необузданных стремлений. Чем более ценным представляется это повествование с точки зрения его иллюстративного характера, тем меньше мы можем рассчитывать на то, чтобы рассматривать его как историю.

К большому сожалению, мы не располагаем информацией о событиях в Аттике сразу после принятия солоновских законов и конституции в 594 году до н. э., чтобы лучше понять практический эффект этих изменений. То, что мы слышим о Солоне в Аттике, относится к периоду, непосредственно предшествующему первой узурпации Писистрата в 560 году до н. э., и после возвращения Солона из долгого отсутствия. Здесь мы снова сталкиваемся с теми же олигархическими разногласиями, которые, как сообщается, преобладали до солонского законодательства: педии, или богатые владельцы равнины вокруг Афин, при Ликурге; паралии юга Аттики, при Мегаклесе; и диакрии, или горцы восточных кантонов, беднейшие из трех классов, при Писистрате, находятся в состоянии жестокого междоусобного спора. Плутарх рассказывает, что Солон вернулся в Афины во время разгара этих волнений. Все партии относились к нему с уважением, но его рекомендаций больше не слушались, а сам он по возрасту был лишен возможности эффективно действовать на публике. Он прилагал все усилия, чтобы смягчить вражду между партиями, и особенно старался сдержать честолюбие Писистрата, чьи скрытые проекты он быстро распознал.

Говорят, что будущее величие Писистрата было предзнаменовано чудом, которое произошло еще до его рождения с его отцом Гиппократом на Олимпийских играх. Оно осуществилось, отчасти благодаря его храбрости и поведению, проявленным при взятии Нисей у мегарцев,[254] отчасти благодаря его популярной речи и манерам, его поддержке бедных[255] и демонстративному отказу от всех корыстных притязаний, отчасти благодаря искусному сочетанию стратагемы и силы. Солон, обратившись с бесплодными уговорами к самому Писистрату, публично осудил его замыслы в стихах, обращенных к народу. Обман, с помощью которого Писистрат осуществил свой замысел, памятен греческой традиции. 256] Однажды он появился на афинской агоре в своей колеснице с парой мулов: он намеренно ранил и себя, и мулов, и в таком состоянии бросился на сострадание и защиту народа, притворившись, что на него жестоко напали политические враги. Он умолял народ предоставить ему охрану, и в тот момент, когда симпатии народа были вновь возбуждены как в его пользу, так и против его предполагаемых убийц, Аристо про официально обратился к экклесии - пробулевтический сенат, состоявший из друзей Писистрата, предварительно одобрил это предложение[257] - с предложением выделить роту из пятидесяти дубинщиков в качестве постоянной телохранителей для защиты Писистрата. На это предложение Солон оказал упорное сопротивление,[258] но его одолели и даже отнесли к нему, как к потерявшему рассудок. Бедные горячо поддерживали его, а богатые боялись выразить свое несогласие; и после того как роковое голосование было проведено, он мог лишь утешать себя, восклицая, что он мудрее первых и решительнее вторых. Это был один из первых известных случаев, когда эта памятная уловка была разыграна против свободы греческой общины.

Беспредельное народное благоволение, обеспечившее принятие этого гранта, еще больше проявилось в отсутствии всех мер предосторожности, чтобы не допустить превышения его пределов. Численность телохранителей недолго оставалась на уровне пятидесяти человек, и, вероятно, их дубинки вскоре были заменены на более острое оружие. Таким образом, Пейсисрат оказался достаточно силен, чтобы сбросить маску и захватить акрополь. Его главные противники, Мегаклес и Алкмæониды, немедленно бежали из города, и только почтенный возраст и непоколебимый патриотизм Солона оставили его почти в одиночестве в тщетной попытке противостоять узурпации. Он публично выступил на рыночной площади, используя ободрение, увещевание и упреки, чтобы поднять дух народа. Предотвратить наступление деспотии, говорил он, было бы легко; поколебать ее теперь было труднее, но в то же время славнее. [259] Но он говорил напрасно, ибо все, кто не был благосклонен к Писистрату, слушали только свои страхи и оставались пассивными; никто не присоединился к Солону, когда он в качестве последнего призыва надел доспехи и встал в военную позу перед дверью своего дома. "Я выполнил свой долг, - воскликнул он наконец, - я защитил в меру своих сил свою страну и законы", после чего отказался от дальнейшей надежды на сопротивление, хотя и сопротивлялся просьбам друзей бежать и отвечал, когда его спрашивали, на что он полагается в защите: "На мою старость". Он даже не считал нужным подавить вдохновение своей Музы: сохранилось несколько стихотворений, написанных, по-видимому, в тот момент, когда сильная рука нового деспота начала остро ощущаться, в которых он говорит своим соотечественникам: "Если вы терпите горе от собственной подлости души, не вменяйте в вину это богам. Вы сами отдали силу и власть в руки этих людей и тем самым навлекли на себя жалкое рабство".

Приятно узнать, что Писистрат, чье поведение на протяжении всей его деспотии было сравнительно мягким, оставил Солона нетронутым. Как долго этот выдающийся человек пережил практический подрыв своей собственной конституции, мы не можем точно определить; но, согласно наиболее вероятному утверждению, он умер уже на следующий год, в преклонном возрасте восьмидесяти лет.

Нам остается только сожалеть, что мы лишены возможности более подробно проследить его благородный и образцовый характер. Он олицетворяет лучшие тенденции своего века в сочетании со многими личными достоинствами; улучшенная этическая чувствительность; жажда расширенных знаний и наблюдений, не менее сильная в старости, чем в молодости; концепция упорядоченных народных институтов, заметно отходящая от типа и духа правительств, окружавших его, и рассчитанная на то, чтобы основать новый характер афинского народа; Искреннее и искреннее сочувствие к бедным слоям населения, стремление не только избавить их от притеснений богатых, но и создать у них привычку полагаться на себя; наконец, во время временного обладания властью, полностью произвольной, не только отсутствие эгоистических амбиций, но и редкое благоразумие в выборе среднего между противоречивыми потребностями. Читая его стихи, мы всегда должны помнить, что то, что сейчас кажется обыденным, когда-то было новым, так что для его сравнительно неграмотного возраста социальные картины, которые он рисует, были еще свежи, а его увещевания рассчитаны на то, чтобы жить в памяти. Стихи, написанные на моральные темы, обычно прививают дух мягкости по отношению к другим и умеренности в личных вещах; они представляют богов как неодолимых, возвращающихся, благосклонных к добрым и наказывающих злых, хотя иногда и с большим опозданием. Но его сочинения на особые и текущие случаи обычно задуманы в более энергичном духе; обличая притеснения богатых в одно время, и робкую покорность Пейсистрату в другое, - и выражая, в эмфатических выражениях, его собственное гордое сознание того, что он выступил вперед как защитник массы народа. Из его ранних стихов почти ничего не сохранилось; те немногие

строки, которые остались, свидетельствуют о веселом нраве, который, как мы можем предположить, был наложен на политические трудности, с которыми ему приходилось бороться, - трудности, возникавшие последовательно в результате мегарской войны, килонского святотатства, общественного уныния, излеченного Эпименидом, и задачи арбитра между хищной олигархией и страдающим народом. В одной из своих элегий, обращенных к Мимнерму, он выделил шестидесятый год как самый долгий желаемый период жизни, предпочтя его восьмидесятому году, которого поэт выразил желание достичь;^[260] но его собственная жизнь, насколько мы можем судить, кажется, достигла более длительного из этих двух периодов, и не самая почетная ее часть - сопротивление Писистрату - происходит непосредственно перед его смертью.

Существует история о том, что его прах был собран и развеян вокруг острова Саламис, которую Плутарх считает абсурдной, хотя в то же время он говорит нам, что в нее верили и Аристотель, и многие другие известные люди: она по крайней мере такая же древняя, как и поэт Кратин, который упоминал о ней в одной из своих комедий, и я не склонен ее отвергать.^[261] Надпись на статуе Солона в Афинах описывает его как саламинца: он был большим средством приобретения острова для своей страны, - и кажется весьма вероятным, что среди новых афинских граждан, которые отправились туда селиться, он мог получить участок земли и быть зачисленным в число саламинских демотов. Рассеивание его праха в разных частях острова связывает его с ним как своего рода экиста; и мы можем истолковать этот инцидент если не как выражение общественного мнения, то, по крайней мере, как проявление ласкового тщеславия со стороны его оставшихся в живых друзей^[262].

Мы достигли периода узурпации Писистрата (560 г. до н. э.), чья династия управляла Афинами - с двумя временными перерывами при жизни самого Писистрата - в течение пятидесяти лет. История этого деспотизма, более мягкого, чем греческий деспотизм в целом, и имевшего важные последствия для Афин, будет описана в следующей главе.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Объяснение, которое дает М. фон Савиньи относительно *Nexi* и *Addicti* по старому римскому праву должника и кредитора (после того, как он опроверг разъяснения Нибура по тому же вопросу), хотя и бросает большой свет на исторические изменения в римском законодательстве по этому важному вопросу, в то же время устанавливает заметное различие в процедуре Рима между требованием кредитора о возврате *основной суммы* и требованием об уплате *процентов*.

Первобытное римское право отличало долг, возникший из денег, взятых взаймы (*pecunia certa credita*), от долгов, возникших из договора, деликта, купли-продажи и т. д. или из любого другого источника: кредитор на первом основании имел быстрый и легкий процесс, посредством которого он получал полную власть над личностью и имуществом своего должника. После признания или доказательства долга перед магистратом должнику давалось тридцать дней для уплаты: если в течение этого времени уплата не производилась, кредитор накладывал на него арест (*manûs injectio*) и снова приводил его к магистрату. Теперь от должника снова требовали либо заплатить, либо найти поручителя (*vindex*); если ни одно из этих требований не было выполнено, кредитор завладевал им и вез его домой, где держал в цепях в течение двух месяцев; в этот промежуток времени он публично приводил его к претору на три последовательных *nundinæ*. Если долг не выплачивался в течение этих двух месяцев, выносился приговор о зависимости, и кредитор получал право либо предать своего должника смерти, либо продать его в рабство (р. 81), либо держать его на

принудительных работах, без каких-либо ограничений в отношении степени жестокого обращения, которое могло быть применено к нему. Кроме того, по решению магистрата он мог арестовать имущество должника, где бы он его ни нашел, в пределах, достаточных для уплаты: это один из пунктов, который отрицал Нибур.

Таково было старое римское право в отношении последствий иска по полученным и имеющимся деньгам в течение более чем столетия после Двенадцати таблиц. Но закон не применял этого строгого личного исполнения ни к какому долгу, кроме долга, возникшего из займа, - и даже в этом долге только к основным деньгам, а не к процентам, - которые должны были взыскиваться по более мягкой и менее эффективной процедуре, применяемой только к имуществу, а не к личности должника. Соответственно, кредитору было выгодно придумать средства для того, чтобы его требование о процентах подпадало под тот же строгий процесс, что и требование об основной сумме долга; ему также было выгодно, если его требование возникало не из денег, взятых в займы, а из продажи, компенсации за ущерб или любого другого источника, придать ему *форму* иска о деньгах, взятых в займы. Теперь *пехит*, или *пехі obligatio*, был искусством - фиктивным займом, с помощью которого достигалась эта цель. Суровый процесс, который по закону относился только к взысканию основных денег, был расширен с помощью *пехит*, чтобы охватить проценты; и чтобы охватить также требования на деньги, возникающие из всех других источников (так же как и из займа), где закон не давал прямого обращения, кроме как против имущества должника. С помощью этой юридической хитрости должник становился зависимым, либо вообще не занимая денег, либо выплачивая проценты и основную сумму долга.

Lex Poetelia, принятый около 325 г. до н. э., освободил всех *пехі*, находившихся тогда под обязательством, и навсегда запретил *пехі obligatio* (Cicero, *De Republ.* ii, 34; Livy, viii, 28). Здесь, как и в сейсахтеии Солона, существующие договоры аннулировались, в то же время целый класс подобных договоров запрещался на будущее.

Но хотя *пехі obligatio* была таким образом отменена, старое строгое средство защиты все еще сохранялось в отношении должника по займу, *что касается основной суммы займа*, не считая процентов. Были введены некоторые смягчения: в *Lex Julia* было добавлено еще более важное положение, согласно которому должник с помощью *cessio bonorum* мог спасти свою личность от ареста. Но эта *cessio bonorum* была сопряжена с условиями, которые не всегда можно было выполнить, и должник не мог воспользоваться ею, если был виновен в неосторожности или нечестности. Таким образом, старый строгий процесс и зависимость, которой он заканчивался, хотя и стали менее частыми, все еще продолжались на протяжении всего правления императорского Рима и даже до времен Юстиниана. Частная тюрьма, в которой содержались осужденные должники, все еще была приложением к дому римского ростовщика, даже в третьем и четвертом веках после христианской эры, хотя эта практика, кажется, становилась все реже и реже. О статусе *зависимого должника* с его особыми правами и обязанностями говорит Квинтилиан (vii, 3), а Аулус Геллий замечает: "*Addici namque nunc et vinciri multos videmus, quia vinculorum poenam deterrimi homines contemnunt*," (xx, 1.)

Если *зависимый должник* был приговорен к выплате нескольким кредиторам, то согласно Двенадцати таблицам им разрешалось разделить его тело между собой. Не было известно ни одного примера, когда бы это право было реализовано, но закон понимался так, что он четко давал это право.

Полезно иметь перед глазами старый римский закон о должнике и кредиторе, отчасти для сравнения с досолоновской практикой в Аттике, отчасти для иллюстрации различий,

проводимых в раннем обществе между требованием основного долга и требованием процентов.

См. Abhandlung фон Савиньи в "Трудах Берлинской академии" за 1833 г., с. 70-103; эта тема также рассматривается тем же замечательным исследователем в его "Системе новейших римских законов", т. V, разд. 219, и в Beilage xiv, 10-11 этого тома.

Тот же особый строгий процесс, который был доступен в случае иска о *pecunia certa credita*, был также специально распространен на поручителя, который внес деньги для ликвидации чужого долга; должник, если он был платежеспособен, становился его *addictus*, - это и было *actio depensi*. Я уже отмечал в одной из предыдущих заметок, что в аттическом праве случай, аналогичный этому, был единственным, в котором всегда сохранялось первоначальное средство защиты против личности должника. Когда человек платил деньги, чтобы выкупить гражданина из плена, последний, если не возвращал их, становился рабом того, кто дал деньги.

Вальтер (Geschichte des Römischen Rechts, sects. 583-715, 2d ed.) ставит под сомнение вышеприведенное объяснение фон Савиньи, на основаниях, которые не кажутся мне достаточными.

О том, как долго сохранялось мнение, что получать какие-либо проценты за ссуженные деньги безнравственно и нерелигиозно, можно судить по следующему сообщению о состоянии законодательства во Франции вплоть до 1789 г.: - "До революции".

"До Французской революции (1789 г.) процент не был признан в различных частях страны. В странах, где существует писаное право, разрешалось оговаривать право собственности на предыдущие преты: однако судебная практика парламентов часто сопротивлялась такому использованию. В соответствии с общим правом купеческих стран, нельзя оговаривать никакую заинтересованность в прете, заявленном в рамках *droit mutuum*. Он считал, что, не получая ничего от самого себя, такой прет должен быть безвозмездным: восприятие претов было ростовщичеством: в этом случае он в полной мере учитывал принципы канонического права. В остальном законодательство и судебная практика варьировались в зависимости от местностей и характера противоречий и обязательств". (Carette, Lois Annotées, ou Lois, Décrets, Ordonnances, Paris 1843; Note sur le Décret de l'Assemblée Nationale concernant le Prêt et Intérêt. Août 11, 1789).

Национальное собрание заявило о законности всех займов под проценты "suivant le taux déterminé par la loi", но при этом не установило никакой специальной ставки. "Декрет от 11 апреля 1793 г. запрещает продажу и приобретение нумераторов". "В законе от 6 флореаля III года говорится о том, что ор и аргенты являются марками; однако он был принят на основании декрета от 2 прериала. Статьи 1905 и 1907 Гражданского кодекса разрешают передачу имущества в собственность, но в размере, установленном или разрешенном законом. Закон от 3 сентября 1807 года установил ставку залога в размере 5 процентов по гражданским делам и 6 процентов по коммерческим делам".

Статья "Кредитные дома" в "Истории изобретений" Бекмана (т. iii, с. 9-50) весьма интересна и поучительна по тому же вопросу. В ней прослеживается постепенное ослабление, смягчение и исчезновение древней антипатии к получению процентов за деньги, которая долгое время санкционировалась как церковниками, так и юристами. Кредитные дома, или Мон-де-Пьете, были впервые открыты в Италии в середине XV века некоторыми францисканскими монахами с целью избавить бедных заемщиков от непомерных поборов евреев: Папа Пий Второй (Инеас Сильвий, один из самых выдающихся пап, около 1458-1464 гг.) первым

одобрил одну из них в Перудже, но даже папская санкция долго сопротивлялась значительной части церковников. Сначала они должны были быть чисто благотворительными: не только не давать проценты тем, кто вносил деньги, и не брать проценты с заемщиков, но даже не обеспечивать фиксированное жалованье администраторам: проценты молчаливо брались, но папы долго не хотели официально одобрять такую практику. "В Виченце, чтобы избежать упреков в ростовщичестве, прибегли к хитрости: не требовали никаких процентов, но увещевали заемщиков, что они должны давать вознаграждение в соответствии со своим благочестием и способностями" (с. 31). Доминиканцы, приверженцы старой доктрины, называли эти заведения *Montes Impietatis*. Францисканский монах Бернадинус, один из самых активных поборников Мон-де-Пьете, не осмелился защищать, а лишь оправдывал как неизбежное зло выплату жалованья клеркам и администраторам: "*Speciosius et religiosius fatebatur Bernardinus fore, si absque ullo penitus obolo et pretio mutuum daretur et commodaretur libere pecunia, sed pium opus et pauperum subsidium exiguo sic duraturum tempore. Non enim (inquit) tantus est ardor hominum, ut gubernatores et officiales, Montium ministerio necessarii, velint laborem hunc omnem gratis subire: quod si remunerandi sint ex sorte principali, vel ipso deposito, seu exili Montium ærario, brevi exhaurietur, et commodum opportunumque istud pauperum refugium ubique peribit.*" (р. 33.)

В следующем столетии Трентский собор высказался в пользу законности и полезности этих ссудных домов, и с тех пор это стало считаться настроением католической церкви в целом.

Проследить это постепенное изменение нравственного чувства весьма поучительно, тем более что та общая основа настроений, в которой антипатия к ссуде денег под проценты является лишь частным случаем, все еще в значительной степени преобладает в обществе и направляет течение морального одобрения и неодобрения. У некоторых народов, как, например, у древних персов до Кира, эти настроения дошли до того, что они отвергали и презирали всякую куплю-продажу (Herodot. i, 153). Для многих принцип взаимности в человеческих отношениях представляется, если его теоретически осмыслить, одиозным и презрительным, и называется дурными именами, такими как эгоизм, себялюбие, расчет, политическая экономия и т. д.: единственное чувство, которое они допускают в теории, это то, что человек, у которого есть, должен быть готов в любое время отдать то, что у него есть, тому, у кого этого нет; в то время как последний поощряется ожидать и требовать такого безвозмездного пожертвования.

ГЛАВА XII. ΕΥΒΟΕΑ. - ЦИКЛАДЫ.

К ионической части Эллады относятся (помимо Афин) Эвбея и многочисленная группа островов, расположенных между самым южным Эвбейским мысом, восточным побережьем Пелопоннеса и северо-западным побережьем Крета. Некоторые из этих островов следует рассматривать как вытянутые в юго-восточном направлении продолжения горной системы Аттики, другие - Эвбеи, а некоторые лежат отдельно от обеих систем и, по-видимому, имеют вулканическое происхождение.^[263] К первому классу относятся Кеос, Кифнус, Серифус, Фолегандр, Сикинус, Гиарус, Сира, Парос и Антипарос; ко второму - Андрос, Тенос, Микonos, Делос, Наксос, Аморгос; к третьему - Кимолус, Мелос, Тера. Эти острова носили у древних

общее название Киклады и Спорады; под первым понимались те, что непосредственно окружали священный остров Делос, а под вторым - те, что лежали более разбросанно и обособленно. Но даже в древние времена эти названия не были единообразными и устойчивыми: в настоящее время вся группа островов обычно известна под названием Киклады.

Население этих островов называлось ионическим, за исключением Стиры и Кары в южной части Эвбеи и острова Кифн, которые были заселены дриопами,^[264] тем же племенем, что и те, что уже упоминались на Арголическом полуострове; а также за исключением Мелоса и Феры, которые были колониями Спарты.

Остров Эвбея, длинный и узкий, как Крэтэ, и представляющий собой непрерывный хребет высоких гор с северо-запада на юго-восток, отделен от Беотии в одном месте проливом, настолько узким (прославленным в древности под именем Эврипа), что в течение значительной части исторического периода Греции они были соединены мостом, возведенным в поздние времена Пелопоннесской войны жителями Халкиса.^[265] Недостаточная ширина острова оставляет мало места для равнин: его территория состоит в основном из гор, скал, лощин и оврагов, во многих местах пригодных для пастбищ, но редко удобных для выращивания зерна или строительства городов. Некоторые равнины, однако, отличались большим плодородием, особенно Лелантум,^[266] граничащий с морем возле Халкиса и продолжающийся от этого города в южном направлении к Эретрии. Халкис и Эретрия, расположенные на западном побережье и занимавшие часть этой плодородной равнины, были двумя главными местами на острове: владения каждого из них, похоже, простирались через весь остров от моря до моря.^[267] На северном конце острова находилась Гистиея, впоследствии названная Ореем, - а также Кринф и Диум; на северо-западном побережье, напротив Локриса, также упоминаются Атене Диадес, Идекпсус, Игæ и Оробиеæ. Дистус, Стира и Карыстус известны нам в части острова, расположенной к югу от Эретрии, - два последних напротив аттических владений Халэ, Арафениды и Прасиеæ.^[268] Таким образом, большая территория острова Эвбея была распределена между шестью или семью городами, причем большая и центральная часть принадлежала Халкису и Эретрии. Но обширные горные земли, пригодные для пастбищ только летом, - по большей части государственные, сдаваемые под пастбища тем владельцам, которые имели возможность обеспечить зимнее пропитание своего скота в другом месте, - никогда не посещались никем, кроме пастухов, и вряд ли были лучше известны гражданам, проживающим в Халкисе и Эретрии, чем если бы они находились на другом берегу Эгейского моря^[269].

Все перечисленные выше города Эвбеи, за исключением Афины Диады, упоминаются в "Илиаде". Об их истории нам ничего не известно до 776 года до н. э., и впервые они представлены нам как ионические, хотя у Гомера их жители называются абантами. Греческие авторы никогда не упускают возможности сообщить нам этимологию названия. В то время как Аристотель говорит нам, что абанты были фракийцами, перешедшими на остров из Абæ в Фокисе, Гесиод выводит название Эвбеи от коровы Ио.^[270] Эллопию, район близ Гистиеи, как говорят, основал Эллопс, сын Иона: по мнению других, основателями были Иklus и Котус, два афинянина^[271], первый - в Эретрии, второй - в Халкисе и Кринфе; нам говорят, что среди владений Аттики было два с названиями Гистиея и Эретрия, откуда, как утверждают некоторые, и произошли названия двух эвбейских городов. Хотя Геродот представляет население Стиры как дриопийцев, были и другие, которые утверждали, что она была первоначально заселена из Марафона и тетраполиса Аттики, частично из дема под названием Стейрейс. Основные авторы, с которыми советовался Страбон, считают, что население Эвбеи, так или иначе, имело аттическое происхождение, хотя в эретрийском

диалекте были особенности, дающие основания предполагать, что к ним присоединились переселенцы из Элиды или из трифилийского Макиста.

Самые ранние исторические свидетельства представляют Халкис и Эретрию как самые богатые, могущественные и предприимчивые ионические города в Европейской Греции, превосходящие Афины и не уступающие Самосу и Милету. Помимо плодородия равнины Лелантум, Халкис обладал преимуществом медной и железной руды, добываемой в непосредственной близости от города и моря, - которую его граждане выплавляли и превращали в оружие и другие орудия труда с очень выгодным результатом: халкидский меч приобрел особую известность.^[272] В этом минеральном источнике богатства участвовали и другие острова: железная руда найдена на Кеосе, Кифнусе и Серифе, причем на последнем острове до сих пор видны следы обширной плавки, которую раньше практиковали.^[273] Кроме того, на Сифнусе в ранние времена находились жилы серебра и золота, благодаря которым жители значительно обогатились; хотя их крупные приобретения, подтвержденные величиной десятины^[274], которую они приносили в Дельфийский храм, были лишь временными и относятся, в частности, к седьмому и шестому векам до христианской эры. Остров Наксос также рано стал богатым и многолюдным. Андрос, Тенос, Кеос и некоторые другие острова в свое время были поставлены в зависимость от Эретрии:^[275] другие острова, похоже, так же зависели от Наксоса, который во времена, непосредственно предшествовавшие восстанию ионийцев, обладал значительными морскими силами и мог собрать восемь тысяч тяжеловооруженных граждан^[276] - очень большое войско для любого греческого города. Военные силы Эретрии также не уступали; в храме амаринфской Артемиды, расположенном почти в миле от города, к которому эретрийцы имели обыкновение шествовать торжественной процессией в честь праздника богини, стояла древняя колонна, на которой было указано, что в шествии участвовало не менее трех тысяч гоплитов, шестьсот всадников и шестьдесят колесниц.^[277] Дата этой надписи неизвестна, но вряд ли она может быть раньше 45-й Олимпиады, или 600 года до н. э., - близко ко времени принятия солонийского законодательства. Халкис был еще более могущественным, чем Эретрия; оба города в ранние времена управлялись олигархией, которая среди халкидцев называлась гиппоботами, или конокрадами, - владельцами, вероятно, большей части равнины под названием Лелантум и использовавшими прилегающие горы в качестве летнего пастбища для своих стад. О размерах их владений свидетельствует большое количество четырех тысяч клерухов, или вольноотпущенников, которых Афины поселили на их землях после победы над ними, когда они помогали изгнанному Гиппию в его попытках вернуть себе афинский скипетр^[278].

Если ограничить наше внимание первыми двумя веками греческой истории, или промежутком между 776 и 560 гг. до н. э., то мы не сможем привести почти никаких фактов, которые позволили бы нам определить состояние этих ионических островов. Однако можно назвать два или три обстоятельства, которые подтверждают наше представление об их раннем богатстве и значении.

1. Гомеровский "Гимн Аполлону" представляет нам остров Делос как центр великого периодического праздника в честь Аполлона, который отмечали все ионические города, как островные, так и континентальные. Дату написания этого гимна мы определить не можем: Фукидид цитирует его, не колеблясь, как произведение Гомера, и, несомненно, в его время он был общепризнанным, - хотя современные критики сходятся во мнении, что и этот, и другие гимны гораздо позже "Илиады" и "Одиссеи": вероятно, он не может быть позже 600 года до н. э. Описание ионийских гостей, представленное нам в этом гимне, великолепно и впечатляюще: количество их кораблей, демонстрация их нарядов, красота их женщин,

атлетические выставки, а также состязания в песнях и танцах - все это производит неизгладимое впечатление на зрителя: [279] "собравшиеся ионийцы выглядят так, как будто им не под силу ни старость, ни смерть". Таково было великолепие периодического театра в Делосе, который вызывал голоса и поэтический гений не только странствующих бардов, но и делийских дев в храме Аполлона в течение столетия, предшествующего 560 году до н. э. В то время это был великий центральный праздник ионийцев в Азии и Европе; его посещали двенадцать ионийских городов в Малой Азии и вблизи нее, а также Афины и Халкис в Европе: он еще не был вытеснен Эфесией как исключительным праздником первых, и афинские Панафинеи не достигли того значения, которое приобрели впоследствии во время расцвета афинской власти.

Мы видим, что и Поликратес Самосский, и Пейсистрат Афинский проявляли горячий интерес к святости Дклоса и знаменитости этого праздника. [280] Но отчасти возвышение этих двух великих ионийских деспотов, отчасти завоевания персов в Малой Азии, которые подорвали независимость многочисленных мелких ионийских городов в последней половине шестого века до христианской эры; поэтому значение великого праздника в Дклосе постепенно уменьшалось. Хотя он никогда не прекращался полностью, он лишился многих из своих прежних украшений, и особенно того, что составляло первое из всех украшений, - толпы радостных посетителей. И Фукидид, отмечая попытку афинян во время Пелопоннесской войны, в период их морского превосходства, возродить Делийский праздник, цитирует гомеровский гимн Аполлону, как свидетельство его ушедшего и давно забытого великолепия. Мы видим, что даже он не смог найти лучшего свидетельства, чем этот гимн, для греческих операций столетия до Пеисистрата, - и поэтому мы можем судить, насколько несовершенна была история этого периода, известная людям, участвовавшим в Пелопоннесской войне. Гимн очень ценен как исторический документ, потому что он свидетельствует нам о временной славе и обширном объединении ионийских греков по обе стороны Эгейского моря, которое было уничтожено завоеваниями сначала лидийцев, а затем персов, - о времени, когда волосы богатого афинянина были украшены золотым орнаментом, а его туника была сшита из льна, [281] как у милезийцев и эфесцев, вместо более трезвого костюма и шерстяной одежды, которые он впоследствии скопировал у Спарты и Пелопоннеса, - в то время и ионическое имя еще не покрылось тем пятном женолюбия и трусости, которое запечатлелось на нем во времена Геродота и Фукидида, и которое выросло отчасти из-за покорения азиатских ионийцев Персией, отчасти из-за антипатии пелопоннесских дорийцев к Афинам. Автор гомеровского гимна, описывая гордых ионийцев, которые в его время толпились на Делийском празднике, вряд ли мог предвидеть, что настанет время, когда имя *ионийца* станет упреком, от которого европейские греки, которым оно действительно принадлежало, захотят отказаться [282].

2. Другой показательный факт, касающийся как ионийцев в целом, так и Халкиса и Эретрии в частности, в течение столетия до Пеисистрата, можно найти в войне между этими двумя городами за плодородную равнину Лелантум, которая лежала между ними. В целом, судя по всему, эти два важных города поддерживали гармоничные отношения, но бывали случаи споров, и один из них, в частности, когда между ними началась грозная война. Несколько союзников присоединились к каждому из них, и примечательно, что это была единственная война, известная Фукидиду до персидского завоевания, которая возвысилась над достоинством простой ссоры между соседями; и в которую вмешалось столько различных государств, что это придало ей полуэллинский характер. [О союзниках каждой из сторон по этому случаю мы знаем только то, что милезийцы оказали помощь Эретрии, а саамийцы, а также фессалийцы и халкидские колонии во Фракии - Халкису. На колонне, которую еще можно было увидеть во времена Страбона в храме амаринфской Артемиды близ Эретрии,

записан договор, заключенный обеими воюющими сторонами, о воздержании от ракет и использовании только ручного оружия. Говорят, что эретрийцы превосходили их в лошадях, но в битве они были побеждены; в агоре Халкиса была воздвигнута гробница Клеомаха из Фарсала, выдающегося воина, погибшего за халкидцев. Мы ничего не знаем ни о дате, ни о продолжительности, ни об особенностях этой войны;^[284] но, похоже, эретрийцы потерпели поражение, хотя их город всегда сохранял свое достоинство как второе государство на острове. Халкис, безусловно, был первым и продолжал оставаться процветающим, густонаселенным и торговым, долгое время после того, как утратил свое политическое значение, на протяжении всего периода независимой греческой истории^[285].

3. О важности Халкиса и Эретрии в течение седьмого и части восьмого веков до христианской эры свидетельствуют и другие факты, в частности, основанные ими многочисленные колонии, о которых я расскажу в одной из последующих глав, а также распространенность в значительной части Греции эвбейских весов для измерения веса и денег. О том, какими были величины и пропорции этих весов, впервые рассказал М. Бёх в своей "Метрологии". Она была восточного происхождения, и золото, собранное Дареем в виде дани по всей огромной Персидской империи, было приказано поставлять в эвбейских талантах. Его деления - талант, равный шестидесяти минам, мина, равная ста драхмам, драхма, равная шести оболам, - были такими же, как и в шкале, называемой эгинейской, введенной Фидоном Аргосским; Но шесть оболов эвбейской драхмы содержали вес серебра, равный только пяти эгинейским оболам, так что эвбейские номиналы - драхма, мина и талант - были равны лишь пяти шестым от тех же номиналов в эгинейской шкале. Именно эвбейская шкала преобладала в Афинах до обесценивания, введенного Солоном; это обесценивание, составлявшее около двадцати семи процентов, как уже говорилось в [предыдущей главе](#), - привело к появлению третьей шкалы, названной аттической, отличной как от эгинейской, так и от эвбейской, - с первой в соотношении 3 : 5, а со второй - в соотношении 18 : 25. Кажется очевидным, что эвбейская шкала была принята ионийцами в результате их общения с лидийцами^[286] и другими азиатами и что она утвердилась среди их городов под названием эвбейской, поскольку Халкис и Эретрия были самыми активными торговыми государствами в Эгейском море, - точно так же, как превосходство торговли Эгины среди дорийских государств дало шкале, введенной Фидоном из Аргоса, название эгинейской. Сам факт такого названия указывает на то время, когда эти два эвбейских города превосходили Афины в морском могуществе и расширении торговых связей, и когда они стояли в первых рядах ионических городов по всей Греции. Эвбейские весы, после того как Солон их унизил для чеканки монет и денег, продолжали использоваться в Афинах для товаров: аттическая торговая мина сохранила свой примитивный эвбейский вес^[287].

ГЛАВА XIII. АЗИАТСКИЕ ИОНИЙЦЫ.

К началу истории Греции, в 776 году до н. э., помимо ионийцев в Аттике и на Кикладах, существовало двенадцать примечательных ионийских городов на побережье Малой Азии или вблизи него, а также несколько других, менее значимых. Перечисленные с юга на север, они выглядят так: Милет, Миус, Прикен, Самос, Эфес, Колофон, Лебед, Теос, Эритрея, Хиос, Клазомен, Фекея.

В том, что эти города, являющиеся главным украшением ионического имени, были основаны эмигрантами из европейской Греции, нет причин сомневаться. Как и когда они были основаны, нам не может рассказать история; легенда, которая уже была изложена в предыдущей главе, дает нам великое событие, называемое ионическим переселением, отнесенное хронологами к одному особому году, через сто сорок лет после Троянской войны. Эта массивная группировка носит характер легенды: эолийская и ионийская эмиграции, а также дорийское завоевание Пелопоннеса наделяются единством и запечатлеваются в воображении как результаты единого великого импульса. Но не таков характер исторических колоний: когда мы перейдем к рассказу об италийской и сицилийской эмиграции, окажется, что каждая колония имеет свое собственное происхождение и причины существования. В случае с ионической эмиграцией этот масштаб легендарной концепции более чем обычно бросается в глаза, поскольку этому событию приписывается основание или повторное заселение как Киклад, так и азиатских ионических городов.

Еврипид считает Иона, [288] сына Креусы от Аполлона, основателем этих последних городов: но более современная форма легенды возлагает эту честь на сыновей Кодруса, двое из которых названы особо, что соответствует двум величайшим из десяти континентальных ионических городов: Андроклус, как основатель Эфеса, и Нилей из Милета. Эти два города описываются как основанные непосредственно в Афинах. Остальные представляются скорее отдельными поселениями, не состоящими из афинян и не происходящими из Афин, но перенявшими характерный ионический праздник Апатурии и, по крайней мере частично, ионических племен, - и принимавшими принцев из семей Кодридов в Эфесе или Милете, как условие быть допущенными к общеионическому конфедеративному празднику. Поэт Мимнерм приписывает основание своего родного города Колофона эмигрантам из Пилуса в Пелопоннесе под предводительством Андрэмона: Теос был заселен минийцами из Орхомена при Атамасе: Клазоменæ - переселенцами из Клеонæ и Флиуса, Фокаæ - фокийцами, Приенк - в значительной части кадмейцами из Фив. Что же касается мощных островов Хиос и Самос, то не похоже, чтобы их авторы - хиосский поэт Ион или саамский поэт Асий - приписывали им население, происходящее из Афин: Павсаний не мог понять из стихов Иона, как случилось, что Хиос вошел в состав ионической федерации. [289] Геродот особенно подробно останавливается на количестве греческих племен и рас, которые способствовали пополнению населения двенадцати ионических городов: минийцы из Орхомена, кадмейцы, дриопийцы, фокийцы, молосцы, аркадские пеласги, дорийцы из Эпидавра и "несколько других частей" греков. Более того, он особенно выделяет милезийцев, как претендующих на истинно ионийскую кровь и ведущих свое происхождение из пританея в Афинах; таким образом, он явно намекает на свою уверенность в том, что большинство, по крайней мере, остальных поселенцев отправились не от того же очага [290].

Но самая поразительная информация, которую передает нам Геродот, - это различия в языке, или диалекте, которыми отличались эти двенадцать городов. Милет, Миус и Приенк, расположенные на земле карийцев, имели один диалект: Эфес, Колофон, Лебед, Теос, Клазомен и Фокей имели общий для всех диалект, но отличались от трех предыдущих: Хиос и Эритрея демонстрировали третий диалект, а Самос, сам по себе, - четвертый. Историк не довольствуется простым констатацией такого четырехкратного разнообразия речи; он использует очень сильные термины, чтобы выразить степень несходства. [291] Свидетельство Геродота об этих диалектах, конечно, неоспоримо.

Таким образом, вместо одной великой ионической эмиграции приведенные выше высказывания скорее заставляют нас предположить наличие множества отдельных и

последовательных поселений, образованных греками из разных частей, смешивавшихся с существовавшими ранее лидийцами и карийцами и видоизмененных ими, а впоследствии объединившихся с Милетом и Эфесом в так называемую ионическую амфикионию. В качестве условия этого союза их побуждают принять в число своих вождей принцев из рода или семьи Кодридов, которых называют сыновьями Кодруса, но которые по этой причине не обязательно должны быть современниками Андроклуса или Нилея.

Говорят, что вожди, выбранные некоторыми городами, были ликийцами,^[292] из героического рода Глаука и Беллерофона: в некоторых случаях Кодриды и Глаукиды были вождями вместе. О датах возникновения этих отдельных поселений мы не можем дать никакого отчета, поскольку они лежат за пределами начала достоверной истории: есть основания полагать, что большинство из них существовало некоторое время до 776 года до н. э., но когда началось федеративное торжество, объединившее двенадцать городов, мы не знаем.

Рассказ Геродота показывает нам, что эти колонии состояли из смешанных слоев греков - важное обстоятельство для оценки их характера. Так обычно происходило в большей или меньшей степени во всех эмиграциях, и поэтому основанные таким образом учреждения сразу же, в общем, отличались большей активностью и большей нестабильностью, чем те греки, которые остались дома и среди которых старой привычной рутине не противодействовала никакая заметная смена места или социальных отношений. Ведь в новой колонии необходимо было принять новую классификацию граждан, объединить их в новые военные и гражданские подразделения, а также принять новые характерные жертвоприношения и религиозные церемонии в качестве скрепляющих союз между всеми гражданами вместе. Кроме того, на первых порах существования колонии неизбежно возникали трудности, которые налагали на ее руководителей необходимость проявлять энергию и предусмотрительность, особенно в отношении морских дел, от которых зависела не только их связь с соотечественниками, которых они оставили позади, но и способы установления выгодных отношений с населением внутренних районов. В то же время новые договоренности, необходимые колонистам, далеко не всегда работали гармонично: нередко были раздоры и частичные отделения. И то, что называют подвижностью ионийской расы по сравнению с дорийской, в значительной степени можно приписать этому смешению рас и внешним стимулам, возникающим в результате экспатриации: ведь в Аттике до Солона нет никаких следов этого; с другой стороны, дорийские колонии Коркира и Сиракузы демонстрируют население не менее возбудимое, чем ионийские города вообще,^[293] и гораздо более, чем ионийская колония Массалия. Замечательная коммерческая предприимчивость, которая, как мы увидим, характерна для Милета, Самоса и Фокеи, мало связана с ионическим темпераментом.

Все ионические города, за исключением Клазомен и Фокеи, основаны на уже существовавших поселениях карийцев, лелегов, критян, лидийцев или пеласгов.^[294] В одних случаях эти прежние жители были побеждены, убиты или изгнаны, в других - приняты как соотечественники, и основанные таким образом греческие города приобрели значительный оттенок азиатских обычаев и чувств. То, что рассказывает Геродот о первом поселении Нилея и его эмигрантов в Милете, с этой точки зрения примечательно. Они не взяли с собой женщин из Афин (говорит историк), но нашли жен в местных карийских женщинах, мужей и отцов которых они победили и предали смерти; и женщины, захваченные таким образом, продемонстрировали свое отвращение, дав торжественную клятву между собой, что они никогда не будут есть со своими новыми мужьями и никогда не будут называть их по именам. Этот же обет они налагали на своих дочерей; но как долго

продолжалась эта практика, нам не известно: скорее, судя по языку историка, следы ее были заметны даже в его время в семейных обычаях милезийцев. Таким образом, население этого величайшего из ионических городов должно было наполовину состоять из карийцев. Можно предположить, что то, что верно о Нилее и его спутниках, будет верно и в отношении большинства морских колоний Греции, и что суда, на которых они отплывали, были скудно укомплектованы женщинами. Но на этот счет, к сожалению, мы остаемся без информации.

Поклонение Аполлону Дидимею в Бранхиде, близ Милета, Артемиде в Эфесе и Аполлону Клариусу в Колофоне, по-видимому, существовало среди коренного азиатского населения еще до основания одного из этих трех городов. Сохранение этих ранее существовавших местных обрядов было не только благоприятно для чувств, но и выгодно для интересов греков: все три учреждения приобрели большую известность при ионийском правлении и способствовали процветанию городов, к которым они были прикреплены. Милет, Миус и Прион были расположены на плодородной равнине реки Мæандер или вблизи нее; Эфес же, подобным образом, был посажен у устья Кайстера, таким образом, непосредственно сообщаясь с плодородной полосой земли, отделяющей горы Тмолус на севере от горы Мессогис на юге, через которую протекает эта река: Колофон находится всего в нескольких милях к северу от той же реки. Обладая наилучшими путями сообщения с внутренними районами, эти три города, по-видимому, развивались быстрее остальных; они, вместе с соседним островом Самос, составляли в ранние времена мощь пан-ионической амфикионии. Расположение священного участка Посейдона (где отмечался этот праздник) на северной стороне мыса Микале, недалеко от Прикна, между Эфесом и Милетом, свидетельствует о том, что эти города были первобытным центром, к которому постепенно примыкали другие ионийские поселения. Ибо это место отнюдь не было центральным по отношению ко всем двенадцати, так что Талес из Милета, который в последующий период рекомендовал более тесный политический союз между двенадцатью ионическими городами и создание общего правительства для управления их коллективными делами, указал на Теос,^[295] а не на Прион, как на подходящее место для этого. Более того, похоже, что пан-ионический фестиваль,^[296] хотя формально он еще продолжался, утратил свое значение еще до времени Фукидида, и был практически вытеснен более пышным фестивалем в Эфесе, близ Эфеса, где города Ионии нашли более привлекательное место для встречи.

Остров, примыкающий к побережью, или удаленный участок суши, соединенный с континентом узким перешейком и представляющий собой холм, достаточный для возведения акрополя, по-видимому, считался наиболее благоприятным местом для греческого колониального поселения. Тому или иному из этих описаний соответствует большинство ионических городов.^[297] Город Милет на пике своего могущества имел четыре отдельные гавани, образованные, вероятно, с помощью острова Ладэ и одного или двух островков, которые лежали близко к нему: Карианское или Кретское поселение, которое ионические колонисты нашли по прибытии и завоевали, было расположено на возвышенности, нависающей над морем, и стало впоследствии известно под названием Старый Милет, в то время, когда новый ионический город был расширен до берега воды и стал морским. [Территория этого важного города, по-видимому, охватывала как южный мыс, называемый Посейдием, так и большую часть северного мыса Микале,^[299] простираясь по обе стороны реки Мæандер: Незначительный город Миус^[300] на южном берегу Мæандера, образовавшийся, по-видимому, в результате отделения некоторых милезийских недовольных под руководством члена рода Нелеидов по имени Кидрек, некоторое время сохранял свою автономию, но в конце концов был поглощен большим единством Милета; его болотистая территория стала непригодной для жизни из-за чумы мошек. Приэнка приобрела большее значение, чем естественно, благодаря непосредственной близости к священному

Пан-ионическому храму и функции отправления священных обрядов,[301] - достоинство, которым она, вероятно, могла наслаждаться только из-за ревности своих более крупных соседей Милета, Эфеса и Самоса.[302] Территории этих греческих городов, похоже, перемежались с карийскими деревнями, вероятно, находившимися в состоянии подданных.

Редко можно встретить настоящую греческую колонию, основанную на каком-либо расстоянии от моря; но два азиатских города, называемые Магнесиями, составляют исключение из этого положения: один расположен на южной стороне Мæандера, или, скорее, на реке Летфей, которая впадает в Мæандер; другой - более северный, примыкающий к эолийским грекам, на северном склоне горы Сипила и недалеко от равнины реки Хармус. Оба эти города были основаны до начала истории: в рассказе[303], который мы читаем, утверждается, что они были поселениями магнетов в Фессалии, образованными эмигрантами, которые сначала прошли в Крэт по приказу дельфийского оракула, а затем в Азию, где они, как говорят, вызволили ионических и эолийских колонистов, которые тогда недавно прибыли, из опасного и бедственного положения. В дополнение к этой истории, которую нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, следует упомянуть мнение Нибура, что оба эти города Магнезии являются остатками первобытного пеласгического населения, сходного с фессалийскими Магнетами, но не являющегося их эмигрантами, - пеласгов, которые, по его мнению, занимали долину Гермуса и Кайстера до переселения эолийцев и ионийцев. В поддержку этого мнения можно сказать, что города с пеласгическим названием Лариса существовали как у Гермуса, так и у Месандра: Менеократес Элейский считал, что пеласги когда-то занимали большую часть этого побережья; и О. Мюллер даже полагают, что тирренцы были пеласгами из Тирры, города во внутренней части Лидии к югу от Тмолуса. Это тот вопрос, по которому у нас нет достаточных доказательств, чтобы продвинуться дальше предположений[304].

Из ионических городов, с которых начинается наше настоящее знакомство с Малой Азией, Милет был самым могущественным[305]; его известность объяснялась не только его собственным богатством и населением, но и чрезвычайным количеством его колоний, основанных главным образом в Пропонтиде и Эвксине и насчитывавших, как нам сообщают некоторые авторы, не менее семидесяти пяти или восьмидесяти. Об этих колониях я расскажу позже, когда буду рассматривать общую колониальную экспансию Греции в VIII и VII веках до н. э., а сейчас достаточно отметить, что острова Икар и Лерус,[306] расположенные недалеко от Самоса и ионического побережья в целом, были в числе мест, заселенных милезийскими поселенцами.

Колонизация Эфеса Андроклусом, по-видимому, связана с ионийской оккупацией Самоса, насколько нам позволяют судить сбивчивые высказывания. Андрокл, как утверждает, долгое время оставался на острове, пока оракул не указал ему, какое именно место на континенте следует занять; в конце концов указание было дано, и он поселил своих колонистов у фонтана Гипелеона и на части холма Корекса, на небольшом расстоянии от храма и святилища Артемиды; их непосредственных жителей он уважал и принимал как братьев, а окружающих лелегийцев и лидийцев по большей части изгнал. Население нового города Эфеса было разделено на три племени: прежних жителей, или собственно эфесцев, беннийцев и эвнимейцев, названных так (как нам говорят) от дема Эвним в Аттике.[307] Власть Андрокла настолько возросла, что он смог завоевать Самос и изгнать оттуда князя Леогора: часть ушедших саамитов, как говорят, отправилась в Самофракию и там обосновалась, а другая часть овладела Маратезиумом близ Эфеса, на соседнем континенте Малой Азии, откуда через некоторое время они вернули свой остров, вынудив Андрокла вернуться в Эфес. Однако, судя по всему, в результате последовавшего компромисса и

договора они уступили Маратесиум Андроклусу[308] и ограничились Анэей, более южным районом, удаленным от эфесского поселения и расположенным прямо напротив острова Самос. Считается, что Андрокл погиб в битве при защите Приенки, куда он прибыл, чтобы оказать помощь при нападении карийцев. Его тело принесли с поля боя и похоронили у ворот Эфеса, где гробницу показывали еще во времена Павсания; но после него вспыхнула смута против его сыновей, и недовольные усилили свою партию, пригласив подкрепление из Теоса и Карины. Последовавшая за этим борьба закончилась прекращением царского рода и установлением республиканского правительства, потомкам Андроклуса было позволено сохранить как значительные почетные привилегии, так и наследственное жречество Элевсинского Деметра. Вновь принятые жители были зачислены в два новых племени, составив в все пять племен, которые, по-видимому, существовали в Эфесе на протяжении всего исторического времени.[309] Оказывается также, что некоторое число беглых собственников с острова Самос нашли приют среди эфесцев и получили свободу города; часть города, в которой они жили, получила название Саморна, или Смирна, под этим именем она была еще известна во времена поэта-сатирика Гиппонакса, около 530 года до н. э.[310]

Таковы рассказы, которые мы находим о младенчестве ионического Эфеса. Факт его роста и значительных территориальных приобретений за счет соседних лидийцев[311], по крайней мере, неоспорим. Похоже, что он никогда не был очень сильным или предприимчивым на море, и лишь немногие морские колонии обязаны своим происхождением его гражданам; но его положение вблизи устья и плодородной равнины Кайстера благоприятствовало как умножению его внутренних зависимостей, так и торговле с внутренними районами. Деспот по имени Пифагор, как говорят, подмял под себя хитростью предыдущее правительство города в какой-то период до Кира и некоторое время осуществлял власть с большой жестокостью.[312] Стоит отметить, что мы не находим никаких следов существования четырех ионических племен в Эфесе; и это, в сочетании с тем фактом, что ни Эфес, ни Колофон не праздновали особый ионический праздник Апатурии, является одним из других признаков того, что население Эфеса имело мало общности с Афинами, хотя экист мог быть из героического афинского рода. Гул пытается на ошибочных основаниях показать, что греческие поселенцы в Эфесе были в основном аркадского происхождения[313].

Колофон, расположенный в пятнадцати милях к северу от Эфеса и отделенный от территории последнего обрывистой горной грядой под названием Галлесий, хотя и входил в состав пан-ионической амфикионии, но, похоже, не имел ионического происхождения: он не признавал ни афинского экиста, ни афинских жителей. Колофонский поэт Мимнермус рассказывает, что экистом этого места был пилиец Андрæмон, а поселенцами - пилийцы из Пелопоннеса. "Мы покинули (говорит он) Пилус, город Нелея, и на своих кораблях отправились в столь желанную Азию. Там с наглостью превосходящей силу и применяя с самого начала жестокое насилие, мы обосновались в заманчивом Колофоне".[314] Это описание первобытных колофонских поселенцев, данное с гомеровской простотой, убедительно иллюстрирует рассказ Геродота о действиях Нилея в Милете. Основание Андрæмона, должно быть, было осуществлено силой и путем изгнания прежних жителей, оставив, вероятно, их жен и дочерей в качестве добычи для победителей. Город Колофон, по-видимому, располагался примерно в двух милях вглубь материка, но имел укрепленный порт Нотиум, не соединенный с ним длинными стенами, как Пирей с Афинами, а совершенно отдельный. В времена этот порт служил колофонцам убежищем, когда их верхний город подвергался нападению персов изнутри; но жители Нотиума время от времени проявляли склонность действовать как отдельная община, и между ними и колофонцами возникали

разногласия,^[315] - так трудно было греческому уму поддерживать постоянное чувство политического объединения за пределами городских стен.

Приходится сожалеть, что до нас не дошло ничего, кроме нескольких строк Мимнермуса, и совсем ничего из длинной поэмы Ксенофана (написанной, похоже, почти через столетие после Мимнермуса) об основании Колофона. В кратких изложениях Павсания нет и намек на то насилие, которое коренной колофонский поэт так ярко подчеркивает в своих предках: они почерпнуты скорее из храмовых легенд о соседнем Кларианском Аполлоне и из отрывков эпической поэзии, относящихся к этому святому месту, которые связаны с поклонением Аполлону в Крте, в Дельфах и в Фивах. В древней гомеровской поэме под названием "Фебаи" рассказывается, что Манто, дочь фиванского пророка Тейресия, была представлена Аполлону в Дельфах в качестве подношения победоносными эпигонами: бог велел ей переселиться в Азию, и она прибыла в Кларус, где вышла замуж за критянина Ракия. Потомством этого брака был знаменитый пророк Мопсус, которого гесиодовский эпос описывает как одержавшего победу в пророческом мастерстве над Калхасом; последний прибыл в Кларус после Троянской войны в компании с Амфилохом, сыном Амфиарая.^[316] Такие рассказы свидетельствуют о раннем значении храма и оракула Аполлона в Кларусе, который, по-видимому, был в некотором роде эманацией великого святилища Бранхид близ Милета, поскольку нам говорят, что верховный жрец Кларуса был назван милезийцами. [Павсаний утверждает, что Мопсус изгнал коренных карийцев и основал город Колофон; и что ионийские поселенцы под руководством Прометея и Дамасихтона, сыновей Кодруса, были дружелюбно приняты в качестве дополнительных жителей:^[318] история, вероятно, исходившая из храма, и сильно отличавшаяся от рассказа колофонских горожан во времена Мимнерма. Кажется очевидным, что не только аполлинийское святилище в Кларусе, но и аналогичные учреждения на юге Малой Азии в Фазелисе, Маллусе и т. д. имели свои собственные легенды об основании (помимо тех, что были созданы различными группами переселенцев), в которых они связывали себя лучшей нитью, которую они могли придумать, с эпической славой Греции^[319].

Пройдя вдоль Ионического побережья в северо-западном направлении от Колофона, мы сначала попадаем в небольшое, но независимое ионическое поселение Лебедус, а затем в Теос, который занимает южную сторону узкого перешейка, а Клазомены - северную: этот перешеек, низкая узкая долина около шести миль в поперечнике, образует восточную границу очень значительного полуострова, содержащего гористые и лесистые области, называемые Мимасом и Корикусом. Считается, что Теос был впервые основан орхоменскими минийцами при Атамасе, а затем по согласию принял различные рои поселенцев, орхоменцев и других, при вождях Кодридов Апекусе, Наукле и Дамасе.^[320] Ценные тейские надписи, опубликованные в большом собрании Боэция, хотя и упоминают некоторые имена и почетные титулы, которые связывают с этим орхоменским происхождением, в то же время открывают нам некоторые подробности, касающиеся внутреннего распределения тейских граждан. Территория города была распределена между определенным количеством башен, каждой из которых соответствовала симмория или секция граждан, имевшая свой общий алтарь и священные обряды, а часто и свой героический эпоним. Сколько было племен в Теосе, мы не знаем: имя Гелеонтов, одного из четырех старых ионических племен, сохранилось в надписи, но остальные, как по именам, так и по количеству, неизвестны. Симмории или башенные товарищества Теоса, похоже, аналогичны фратриям древних Афин - каждый из них представляет собой фиктивный род, признающий общего мифического предка и связанный общением одновременно религиозным и политическим. Индивидуальное имя, прикрепленное к каждой башне, в некоторых случаях скорее азиатское, чем эллинское, что указывает на смешение в Теосе не только ионических и

эолийских, но и карийских или лидийских жителей, о которых говорит Павсаний.^[321] Геррхейдæ, или Черрхейдæ, порт на западной стороне города Теос, имел своим одноименным героем Герреса Беотийца, который, как говорят, сопровождал Кодридов в их поселении.

Поклонение Афине Полиас в Эритрее, вероятно, может быть связано с Афинами, а поклонение тирийскому Хераклесу (о котором Павсаний рассказывает необычную легенду), кажется, указывает на смешение с финикийскими жителями. Но близкое соседство Эритреи с островом Хиос и заметная аналогия диалекта, которую Геродот^[322] подтверждает между ними, показывают, что элементы населения должны были быть одинаковыми в обоих случаях. Хиосский поэт Ион упоминает о поселении абантов с Эвбеи на своем родном острове при Амфикле, смешавшихся с ранее существовавшими карийцами: Гектор, четвертый потомок Амфикла, по преданию, включил этот остров в пан-ионическую амфиктионию. Именно Ферекидесу мы обязаны упоминанием имени Эгертия, который привел на Хиос разношерстную колонию; и именно через Эгертия (хотя Ион, местный поэт, похоже, не заметил его) этот логограф установил связь между хиосцами и другой группой поселений Кодридов.^[323] В Эритрее Кнопус или Клеопус упоминается как кодридский экист, который добился для себя, частично силой, частично по согласию, суверенитета над существовавшим ранее поселением смешанных жителей. Эритрейский историк Гиппиас поведал, как Кноп был вероломно умерщвлен на корабле Ортыгесом и другими лжеприверженцами, которые, получив несколько помощников от хианского царя Амфикла, стали хозяевами Эритреи и установили в ней деспотичную олигархию. Некоторое время они сохраняли власть, отличавшуюся разнузданным и жестоким нравом, не допуская в стены города никого, кроме избранного населения; в конце концов Гиппотес, брат Кнопа, прибыв извне во главе нескольких отрядов, нашел достаточную поддержку в недовольстве эритрейцев, чтобы свергнуть тиранию. Одолев в разгар народного праздника, Ортыгес и его соратники были преданы смерти с помощью жестоких пыток, и тем же пыткам подверглись их невинные жены и дети,^[324] - степень жестокости, которая ни за что не нашла бы места в обществе европейских греков: даже в убийственных партийных распрях Коркиры во время Пелопоннесской войны смерть не усугублялась предварительными пытками. Аристотель^[325] упоминает об олигархии Басилидов, существовавшей в Эритрее и свергнутой демократической революцией, хотя и благоразумно управляемой: к какому периоду это следует отнести, мы не знаем.

Клазомены, как говорят, были основаны странствующей группой ионийцев или жителей Клеона и Флиуса под руководством Парфора или Парала, а Фокея - группой фокийцев под руководством Филогенеза и Дамона. Этот последний город был построен на конце полуострова, который был частью территории эолийского Кима: кимврийцев убедили уступить его по дружбе и разрешить строительство нового города. Фокийцы попросили и получили разрешение присоединиться к пан-ионической амфиктионии; но разрешение, как говорят, было дано только при условии, что они примут членов семьи Кодридов в качестве своих экистов; и они, соответственно, пригласили из Эритреи и Теоса трех вождей, принадлежащих к этой семье или роду, - Деитеса, Перикла и Абарта^[326].

Смирна, первоначально эолийская колония, основанная в Киме, впоследствии попала в руки ионийцев из Колофона. Партия изгнанников из этого города, изгнанная во время междоусобной ссоры, была принята смирянцами в свой город, - услуга, за которую они отплатили тем, что закрыли ворота и захватили место для себя, в тот момент, когда смирянцы отправились всей толпой праздновать религиозный праздник. Другие эолийские города послали своих помощников, чтобы восстановить своих лишенных собственности собратьев;

но они были вынуждены пойти на соглашение, по которому ионийцы сохранили за собой город, вернув прежним жителям все их имущество. Эти изгнанники были распределены как граждане между другими эолийскими городами[327].

После этого Смирна стала полностью ионийской, а ее жители в более поздние времена, если судить по ритору Аристеидесу, похоже, забыли об ионийском происхождении своего города, хотя этот факт подтверждают и Геродот, и Мимнерм. [328] В какое время произошла эта перемена, мы не знаем, но Смирна, похоже, стала ионийской до празднования 23-й Олимпиады, когда смирнеянин Ономаст получил приз.[329] У нас также нет информации о том, когда город был принят в члены Пан-Ионической амфикионии, так как утверждение Витрувия, очевидно, неприемлемо, что он был принят по приказу Атталы, царя Пергама, вместо предыдущего города под названием Мелитка, исключенного остальными за плохое поведение.[330] Так же мало мы можем доверять утверждению Страбона, что город Смирна был разрушен лидийскими царями, и что жители были вынуждены жить в рассеянных деревнях до его восстановления Антигоном. Фрагмент Пиндара, в котором говорится об "изящном городе смирнцев", указывает на то, что он, должно быть, существовал в его время.[331] Город Эрæ, расположенный недалеко от Лебедуса, хотя и кажется автономным,[332] не был в числе авторов Пан-Ионийского сборника: Мионнес, по-видимому, был зависим от Теоса, как Пигела и Маратесиум - от Эфеса. Нотиум, после его реколонизации афинянами во время Пелопоннесской войны, по-видимому, оставался отдельным от Колофона и независимым от него: по крайней мере, Скилакс отмечает эти два города как отдельные[333].

ГЛАВА XIV. ÆОЛИЧЕСКИЕ ГРЕКИ В АЗИИ.

На побережье Малой Азии, к северу от двенадцати ионических городов, находились двенадцать эолийских городов, очевидно, объединенных подобным образом. Кроме Смирны, судьба которой уже описана, это были еще одиннадцать городов: Темнос, Лариса, Неон-Тейхос, Кима, Игера, Мирина, Гринеум, Килла, Нотиум, Игиросса, Питана. Эти двенадцать городов Геродот особо отмечает как двенадцать древних континентальных эолийских городов и отличает их, с одной стороны, от островных эолийских греков на Лесбосе, Тенедосе и Гекатоннесосе, а с другой - от эолийских поселений на горе Ида и вокруг нее, которые, по-видимому, возникли впоследствии и произошли от Лесбоса и Кима[334].

Из этих двенадцати эолийских городов одиннадцать были расположены очень близко друг к другу, сгруппировавшись вокруг Элейского залива: их территории, все умеренной протяженности, похоже, также были сопредельны друг с другом. Двенадцатая Смирна располагалась к югу от горы Сипила и на большем расстоянии от остальных, что стало одной из причин, по которой она так быстро лишилась своих первобытных жителей. Эти города занимали в основном узкую, но плодородную полосу территории, лежащую между основанием лесистого горного хребта, называемого Сарденом, и морем.[335] В Гринеуме, как и в Колофоне и Милете, находилось почитаемое святилище Аполлона, более древнее, чем эолийская эмиграция. Ларисса, Темнос и Эге находились на небольшом расстоянии от моря: первый - на небольшом расстоянии к северу от реки Гермус, которая орошала его

территорию и иногда затапливала, что делало необходимым строительство насыпей;^[336] два последних на скалистых горных участках, настолько недоступных для нападения, что жители могли, даже во времена расцвета персидской державы, постоянно сохранять значительную независимость.^{[Элæа, расположенная в устье реки Каикус, стала в более поздние времена портом сильного и процветающего города Пергама; Питана, самая северная из двенадцати, располагалась между устьем Каикуса и возвышенным мысом Кане, который закрывает Элейский залив с северной стороны. Говорят, что недалеко от этого мыса когда-то существовал небольшой город Канæ^[338].}

Уже говорилось, что легенда приписывает происхождение этих колоний какому-то особому событию, называемому эолийской эмиграцией, точную дату которой хронологи утверждают, что она произошла через много лет после Троянской войны, значительно раньше ионийской эмиграции.^[339] В то, что эолийские и ионийские жители Азии были эмигрантами из Греции, мы можем вполне обоснованно верить, но относительно времени или обстоятельств их эмиграции мы не можем претендовать на достоверное знание. Название города Ларисса, а возможно, и Магнесия на горе Сипила (в соответствии с тем, что было отмечено в предыдущем отрывке), дало повод предположить, что прежние жители были пеласгами, которые, заняв плодородные берега Гермуса, а также Каистеры близ Эфеса, использовали свою промышленность для строительства насыпей.^{[Кимке был самым ранним и самым мощным из двенадцати эолийских городов, Неон-Тейхос был основан киммерийцами как крепость для захвата пеласгической Лариссы. И Кимке, и Ларисе был присвоен эпитет "Фриконис": некоторые связывали его с горой Фрикий в Локрисе, откуда, как утверждалось, эолийские эмигранты начали пересекать Эгейское море; другие, по-видимому, связывали его с одноименным героем Фриконом^[341].}

Вероятно, именно из Кима и родственных ему городов на берегу Элейского залива эллинские жители проникли в небольшие города на внутренней равнине Кайкуса - Пергам, Халисарну, Гамбрейон и т. д.^[342] На более южной равнине Гермуса, на северном склоне горы Сипил, находился город Магнесия, называемый Магнесия ад Сипилум, чтобы отличать его от Магнесии на реке Мæандер. Оба эти города, называемые Магнесиями, находились внутри страны: один граничил с ионическими греками, другой - с эолийскими, но, похоже, не входил ни в одну из амфикистий ни с теми, ни с другими. Каждый из них относится к отдельной и ранней эмиграции либо из Магнетов в Фессалии, либо из Крета. Как и многие другие ранние города, Магнесия-ад-Сипилум, по-видимому, первоначально была основана выше на горе - вблизи Смирны, от которой ее отделял Сипиленский хребет, - и впоследствии была перенесена ближе к равнине с северной стороны, а также к реке Гермус. Первоначальное место, Палæ-Магнесия,^[343] все еще было занято как зависимый город, даже во времена царей Атталидов и Селевкидов. Подобный перенос положения с труднодоступной высоты на более низкую и удобную позицию происходил и с другими городами в этом регионе и рядом с ним, такими как Гамбрейон и Скепсис, которые имели свои Палæ-Гамбрейон и Палæ-Скепсис недалеко друг от друга.

Из этих двенадцати эолийских городов все, кроме Кима, были небольшими и неважными. Фукидид, перечисляя зависимых союзников Афин в начале Пелопоннесской войны, не считает их достойными перечисления.^[344] Мы также не вправе заключать, что из-за общего названия "эолийцы" все их жители принадлежали к родственной расе, хотя значительная их часть, как говорят, была беотийцами, и чувство братства между беотийцами и лесбиянцами сохранялось на протяжении всего исторического времени; одна этимология названия, действительно, основана на предположении, что они были разнородного происхождения.^{[Кроме того, мы не слышим о каких-либо значительных поэтах, созданных}

эолийскими континентальными городами; в этом отношении Лесбос стоял особняком - остров, который, как говорят, был самым ранним из всех эолийских поселений, предшествовавших даже Киму. Первоначально на Лесбосе было основано шесть городов: Митилена, Мефимна, Эресус, Пирра, Антисса и Арисбе: последний из них впоследствии был поработен и разрушен метимнезийцами, так что всего осталось пять городов.[346] Согласно обычному в Греции политическому делению, остров имел, таким образом, сначала шесть, а затем пять независимых правительств, из которых, однако, Митилена, расположенный в юго-восточной четверти и обращенный к мысу Кане, был, безусловно, первым, а Метимна, на севере острова напротив мыса Лектон, была второй. Как и многие другие греческие колонии, первоначальный город Митилена был основан на островке, отделенном от Лесбоса узким проливом; впоследствии он был расширен до самого Лесбоса, так что гавань представляла собой два разных входа[347].

Похоже, что туземные поэты и баснописцы, взявшиеся излагать археологию Лесбоса, останавливались не столько на эолийских поселенцах, сколько на различных героях и племенах, которые якобы владели островом до этого поселения, начиная с потопа Девкалиона и ниже, - точно так же, как хианские и саамские поэты, похоже, останавливались в основном на доионических древностях своих островов. После пеласгийца Ксанфа, сына Триопаса, появляется Макар, сын Кринакуса, великий герой острова, который, по мнению Плена, является эпонимом оккупационной расы, называемой Макарами: гомеровский гимн Аполлону объединяет Макара с эолийскими жителями, называя его сыном Эола, а местный историк Мирсил, похоже, также относился к нему как к эолийцу.[Но когда мы начинаем искать историю Лесбоса, то обнаруживаем, что у нас нет никаких подлинных материалов не только за период до эолийской оккупации, но и за долгое время после нее: мы также не можем претендовать на то, чтобы определить, когда произошла эта оккупация. Мы можем обоснованно полагать, что это произошло до 776 года до н. э., и поэтому она становится частью самых ранних проявлений реальной греческой истории: и Кима с одиннадцатью городами-побратимами на континенте, и острова Лесбос и Тенедос были тогда эолийскими; и я уже отмечал, что переселение отца поэта Гесиода из эолийской Кимы в Аскру в Беотии - самый ранний достоверный факт, известный нам по современным свидетельствам, - предположительно между 776 и 700 годами до нашей эры.]

Но помимо этих островов и полосы континента между Кимком и Питаной (которая составляла территорию, правильно называемую Эолидой), существовало множество других эолийских поселений в районе горы Ида, на Троаде, в Геллеспонте и даже в европейской Фракии. Все эти учреждения, по-видимому, происходили с Лесбоса, Кима и Тенедоса, но о том, в какое время они были образованы, у нас нет никаких сведений. Говорят, что эти города основали тридцать различных городов[349], и почти вся область горы Ида (под этим термином подразумевается территория к западу от линии, проведенной от города Адрамиттион на север до Приапоса на Пропонтисе) была эолизирована. Так образовался новый Эолис[350], совершенно отличный от Эолиса у Элейского залива и отделенный от него частично территорией Атарнея, частично частью Мисии и Лидии между Атарнеем и Адрамитионом, включая плодородную равнину Феб: часть земель на этом побережье, похоже, действительно была занята Лесбосом, но гораздо большая часть никогда не была эолийской. Не был точен и Эфор, когда говорил о всей территории между Кимком и Абидосом, известной под названием Эолис[351].

Жители Тенедоса занимали противоположную их острову полосу Троады к северу от мыса Лектон, жители Лесбоса основали Ассус, Гаргару, Лампонию, Антандр,[352] и др, между

Лектоном и северо-восточным углом Адрамитского залива, - в то время как киммерийцы, похоже, обосновались в Кебрене и других местах во внутренней части Идэи.[353] Насколько мы можем судить, этот северо-западный угол (к западу от линии, проведенной от Смирны до восточного угла Пропонтиды), кажется, был занят, до эллинских поселений, мисийцами и теукрийцами, которые упоминаются вместе, таким образом, чтобы показать, что между ними не было большого этнического различия.[354] Поэт-элегик Каллинос, в середине седьмого века до нашей эры, первым упомянул теукрийцев: он считал их эмигрантами из Крета, хотя другие авторы представляли их как коренных жителей или как выходцев из Аттики: как бы ни обстояли дела с их происхождением, мы можем заключить, что во времена Каллина они все еще были главными обитателями Трояды.[Постепенно южное и западное побережья, а также внутренние районы этого региона стали проникать в колонии греков-эолийцев, для которых железо и корабельная древесина горы Ида были ценным приобретением; Таким образом, небольшие теукрийские поселения (поскольку там не было крупных городов) стали эолизованными; в то время как на побережье к северу от Иды, вдоль Геллеспонта и Пропонтиды, образовались ионические поселения из Милета и Фокеи, а милезийские колонисты были приняты во внутреннем городе Скеписис.[356] Во времена Каллина теукрийцы, по-видимому, владели Хамакситом и Колоньей с поклонением Сминтийскому Аполлону в юго-западном регионе Трояды: полтора века спустя, во время восстания ионийцев, Геродот отмечает жителей Горгиса, занимающих часть северной области Иды в направлении на восток от Дардануса и Офриниона, как "остаток древних теукрийцев". "[357] Мы также находим митиленцев и афинян, склоняющихся к вооруженной борьбе около 600-580 гг. до н.э, за обладание Сигеем у входа в Геллеспонт:[358] вероятно, поселения лесбиян на южном побережье Трояды, расположенные ближе к острову, а также поселения тенедей на западном побережье напротив Тенедоса возникли за некоторое время до этой эпохи. Далее мы читаем о жителях Эолии, владевших Сестосом на европейской стороне Геллеспонта.[359] Название теукрийцев постепенно вышло из употребления и стало принадлежать только легендам прошлого; оно сохранилось либо в связи с поклонением Сминтийскому Аполлону, либо у таких писателей, как Эллиник и Кефалон из Горгиса, откуда перешло к поздним поэтам и в латинский эпос. По-видимому, родиной Кефалона был город Горгис или Горгитес близ Кима: было и другое место, называвшееся Горгета, на реке Кайкус, близ ее истоков, а значит, выше в Мисии. Именно из Горгитеса близ Кима (согласно Страбону) было заселено место под названием Горгис на горе Ида:[360] вероятно, неэллинические жители, как близ Кима, так и в районе Иды, были родственной расы, но поселенцы, которые перешли из Кима в Горгис на Иде, несомненно, были греками и таким образом способствовали превращению этого места из теукрийского в эллинское поселение. В ходе одного из тех насильственных перемещений жителей, которые были столь часты впоследствии среди преемников Александра в Малой Азии, теукро-эллинское население иддейского Горгиса, как говорят, было уведено Атталом из Пергама, чтобы заселить деревню Горгета у реки Кайкус.

Мы должны считать, что эолийские греки занимали не только свои двенадцать городов на континенте вокруг Эгейского залива и соседние острова, главными из которых были Лесбос и Тенедос, но и постепенно проникали и эллинизировали Идейскую область и Трояду. Последний процесс, вероятно, относится к периоду после 776 года до н. э., но Кимке и Лесбос, несомненно, считаются эолийскими с более раннего периода.

О Митилене, главном городе Лесбоса, мы слышим некоторые факты между 40-й и 50-й Олимпиадами (620-580 гг. до н. э.), которые, к сожалению, доходят до нас лишь слабым эхом. В то время этот город носил имена Питтака, Сапфо и Алкея: как и многие другие греческие общины того времени, он сильно страдал от беспорядков в кишечнике и пережил не одну

жестокую революцию. Старая олигархия, называемая Пентилидами (кажется, род с героическим происхождением), стала невыносимо несносной из-за самого безрассудного правления; за их жестокое использование дубины на общественных улицах отомстили Мегаклес и его друзья, которые убили их и свергли их правительство.^[361] Около 42-й Олимпиады (612 г. до н. э.) мы слышим о Меланхре, деспоте Митилены, который был убит в результате заговора Питтака, Кикиса и Антименида, - последние два были братьями поэта Алкей. Другие деспоты, Мирсил, Мегалагир и Клианактиды, которых мы знаем только по именам и которые, кажется, были увековечены главным образом горькими строфами Алкей, приобрели впоследствии власть над Митиленком. Однако среди всех граждан города самым удачливым и самым достойным был Питтакус, сын Гиррада, - чемпион, которому соотечественники доверяли как во внешней войне, так и в междоусобных схватках^[362].

Внешняя война, в которой участвовали митиленцы и которой командовал Питтак, была против афинян на континентальном побережье напротив Лесбоса, в Троаде, недалеко от Сигея. Митиленцы уже основали различные поселения вдоль Троады, самым северным из которых был Ахиллеум: они претендовали на владение этой линией побережья, и когда Афины (около 43-й Олимпиады, как говорят^[363]) попытались основать поселение в Сигее, они воспротивились этому силой. Во главе митиленских войск Питтак вступил в единоборство с афинским полководцем Фриноном и имел счастье убить его. Однако общая борьба продолжалась без особых результатов. В один памятный случай митиленцы бежали, и поэт Алкей, служивший гоплитом в их рядах, в одной из своих од запечатлел и свое бегство, и унижительную потерю своего щита, который победившие афиняне повесили в качестве трофея в храме Афины в Сигее. Его предшественник Архилох и подражатель Гораций были достаточно откровенны, чтобы признаться в аналогичном несчастье, которое Тиртеус, возможно, не смог бы пережить.^[364] В конце концов Митилены и Афины договорились передать спор на рассмотрение Периандра из Коринфа. В то время как митиленцы претендовали на всю линию побережья, афиняне утверждали, что, поскольку афинский контингент служил в войске Агамемнона против Трои, их потомки имеют такое же право на долю в завоеванной земле, как и все остальные греки. Судя по всему, Периандр не захотел решать этот деликатный вопрос по легендарному праву. Он постановил, чтобы каждая сторона оставила себе то, чем владеет, и его вердикт^[365] помнили и обжаловали даже во времена Аристотеля жители Тенедоса против жителей Сигея.

Хотя Питтакус и Алкей были в одном строю гоплитов против афинян в Сигее, во внутренней политике родного города они были злейшими врагами. Алкей и его брат Антименид пострадали в этой партийной вражде и были изгнаны: но даже в изгнании они были достаточно сильны, чтобы серьезно тревожить и огорчать своих сограждан, в то время как их партия дома и общий разлад в стенах привели Митилену в отчаяние. В таком бедственном положении митиленцы прибегли к помощи Питтака, который своим высоким положением в государстве (его жена принадлежала к старому роду Пентилидов), храбростью в поле и репутацией мудрого человека внушал больше доверия, чем любой другой гражданин своего времени. По всеобщему согласию он был назначен эсимнетом или диктатором на десять лет с неограниченными полномочиями^[366], и это назначение оказалось чрезвычайно успешным. Насколько эффективно он отгонял изгнанников и поддерживал спокойствие в стране, лучше всего показывают гневные излияния Алкея, чьи песни (к сожалению, утраченные) давали волю политической враждебности того времени, подобно речам афинских ораторов два века спустя, и который в своих энергичных инвективах против Питтака не жалел даже самых грубых прозвищ, основанных на предполагаемых личных уродствах.[О деятельности этого выдающегося диктатора, современника и друга Солона, мы знаем лишь в общих чертах, что ему удалось восстановить безопасность и мир и что в конце

своего срока он добровольно сложил свои полномочия[368], что свидетельствует не только о честности, превосходящей соблазны честолюбия, но и о сознательной умеренности в период его диктаторства, которая впоследствии не вызывала у него опасений как частного гражданина. Он принял различные законы для Митиленка, один из которых был достаточно любопытен, чтобы его сохранили и прокомментировали, - он предписывал двойное наказание за преступления, совершенные людьми в состоянии опьянения.[Но он не стал (подобно Солону в Афинах) вносить никаких конституционных изменений, не предоставил никаких новых формальных гарантий общественной свободы и хорошего правительства:[370] что иллюстрирует ранее сделанное замечание, что Солон, сделав это, вышел за рамки своего возраста и зажег новый свет для своих преемников, поскольку в отношении личного бескорыстия Питтакус и он одинаково безупречны. Каково было состояние Митиленка впоследствии, нам не могут сказать никакие авторитеты. Если верить хронологическим вычислениям более позднего времени, Питтакус умер в 52-ю Олимпиаду (572-568 гг. до н. э.). И он, и Солон причислены к семи мудрецам Греции, о которых будет сказано в одной из следующих глав. Различные анекдоты о нем - не более чем неподтвержденные примеры духа равноправного и великодушного гражданства: но его песни и элегические композиции были знакомы литературным грекам в эпоху Платона.

ГЛАВА XV. АЗИАТСКИЕ ДОРИЙЦЫ.

Острова Родос, Кос, Симе, Нисирос, Касус и Карпатус представлены в гомеровском каталоге как поставщики войск для греческого вооружения перед Троей. Исторический Родос и исторический Кос заняты дорийцами, причем первый - с тремя отдельными городами Линдус, Ялисус и Камейрус. Два других дорийских города, расположенных на соседнем континенте, соединяются с этими четырьмя, образуя амфикионию на Триопском мысе или юго-западном углу Малой Азии, таким образом, образуя гексаполис, включающий Галикарнас, Книд, Кос, Линд, Ялис и Камейрус. Книд располагался на самом Триопском мысе, Галикарнас - севернее, на северном побережье Керамического залива: ни один из этих двух городов не назван Гомером.

Легендарный рассказ о происхождении этих азиатских дорийцев уже приводился, и мы вынуждены принять их гексаполис как часть самой ранней греческой истории, о которой не сохранилось никаких сведений. То обстоятельство, что Родос и Кос включены в каталог "Илиады", заставляет нас предположить, что они были греческими в более ранний период, чем ионические или эолийские поселения. Можно отметить, что братья Антиф и Фидипп из Коса и Тлеподем из Родоса - Гераклиды, единственные Гераклиды, которые фигурируют в "Илиаде", а смертельная схватка между Тлеподемом и Сарпедоном, возможно, является героической копией, взятой из реальных состязаний, которые, несомненно, часто происходили между родосцами и их соседями ликийцами. В том, что Родос и Кос уже были дорийскими в период составления гомеровского каталога, я не вижу причин сомневаться. В этом каталоге они не названы дорийцами, но мы можем предположить, что в тот ранний период имя дорийцев еще не стало использоваться в качестве отличительного классового имени, как оно использовалось впоследствии для контраста с ионийцами и эолийцами. Рассказывая об истории Фидона Аргосского, я уже упоминал о различных причинах, позволяющих предположить, что торговля дорийцев на восточном побережье Пелопоннеса

была значительной в ранний период, и вполне возможно, что дорийцы мигрировали по морю в Крэт и Родос еще до времени "Илиады".

Геродот рассказывает, что шесть дорийских городов, установивших свою амфикионию на Триопском мысе, старались не допускать к ней никого из соседних дорийцев. Из этих соседних дорийцев мы выделяем острова Астипале и Калимне,^[371] Нисирус, Карпатус, Симк, Телус, Касус и Халкию, - на континентальном побережье, Минд, расположенный на одном полуострове с Галикарнасом, - Фасеклис, на восточном побережье Ликии в сторону Памфилии. Мощная береговая скала Иасус, расположенная на полпути между Милетом и Галикарнасом, как говорят, была первоначально основана аргейцами, но в результате разрушительных войн с карийцами была вынуждена принять новых поселенцев и нелеидского экиста из Милета.^[372] Баргилия и Карианда, похоже, были карийскими поселениями, более или менее эллинизированными. Вероятно, были и другие дорийские города, специально не известные нам, на которых распространялось это исключение из Триопийских торжеств. Шесть амфикионийских городов со временем сократились до пяти за счет исключения Галикарнаса: причиной этого (как нам говорят) было то, что гражданин Галикарнаса, получивший в качестве приза треножник, нарушил постановление, требовавшее, чтобы треножник всегда был освящен как жертва в Триопском храме, чтобы он мог унести его для украшения своего собственного дома.^[373] Таким образом, дорийская амфикиония была преобразована в пентаполис: в какое время произошел этот инцидент, мы не знаем, и, возможно, неразумно предполагать, что растущее преобладание карийского элемента в Галикарнасе оказало некоторое влияние на исключение, а также на индивидуальный проступок победителя Агасиклеса.

ГЛАВА XVI. ВЫХОДЦЫ ИЗ МАЛОЙ АЗИИ, С КОТОРЫМИ ГРЕКИ ВСТУПИЛИ В СВЯЗЬ.

От греческих поселений на побережье Малой Азии и на прилегающих островах мы должны перейти к тем неэллинским царствам и народам, с которыми они вступали в контакт.

Наши сведения обо всех них, к сожалению, очень скудны. Мы также не будем улучшать наше повествование, взяв представленный в Илиаде каталог союзников Трои и истолковав его так, как если бы это была глава географии: если бы требовалось какое-либо доказательство бесперспективности такого подхода, мы могли бы найти его в путанице, которая омрачает большую часть работы Страбона, - который постоянно отвлекается от фактического и достоверного состояния стран, которые он описывает, к предположениям о гомеровской древности, часто объявляемым как будто они являются неоспоримыми фактами. Если гомеровская география подтверждается другими свидетельствами, мы с удовлетворением отмечаем этот факт; если же она не подтверждается или трудно согласуется с другими утверждениями, мы не можем решиться рассуждать о ней как о существенном свидетельстве. Автор "Илиады", как он собрал вместе огромное количество представителей различных слоев греков для нападения на освященный холм Илиум, так он также созвал всех различных жителей Малой Азии для сотрудничества в его защите, и он посадил часть киликийцев и ликийцев, чье историческое существование происходит на южном побережье, в непосредственной близости от Трояды. На это будут жаловаться только те, кто привык считать его историком или географом: если мы будем довольствоваться тем, что читаем его

только как первого из поэтов, мы не больше будем ругаться с ним за географическую ошибку, чем с его преемником Арктином за то, что он привел на поле битвы при Илиуме амазонок или эфиопов.

География Малой Азии даже сейчас известна очень плохо,^[374] а выясненные вопросы о ее древних делениях и границах почти полностью относятся либо к поздним периодам Персидской империи, либо к временам после македонского и даже после римского завоевания. Изложить их в том виде, в каком они существовали во времена лидийского царя Крёза, до прихода Кира-завоевателя, - задача, в которой мы не находим достаточных оснований для поддержки. Великая горная цепь Тавра, которая начинается от Челидонского мыса на южном побережье Ликии и простирается северо-востока до Армении, была самой заметной границей во времена римлян, но Геродот ни разу не упоминает о ней; река Галис является, по его мнению, самым важным географическим пределом. К северу от Тавра, в верховьях рек Халыс и Сангарий, располагалась просторная и возвышенная центральная равнина Малой Азии. К северу, западу и югу от этой центральной равнины располагаются в основном горные районы, так как они подходят ко всем трем морям - Эвксинскому, Эгейскому и Памфилийскому, - наиболее гористые в случае последнего, не допускающего рек с длинным течением. Горы Кадмус, Мессогис, Тмолус тянутся на запад к Эгейскому морю, оставляя, однако, обширные пространства равнин и длинных долин, так что русло Мейандера, Кайстера и Гермуса имеет значительную протяженность. Северо-западная часть включает в себя горные районы Иды, Темнуса и Мисийского Олимпа, но с большой примесью плодородных и продуктивных земель. Возвышенности у Эвксинского моря, по-видимому, были наиболее лесистыми, особенно Киторус: Парфений, Сангарий, Халис и Ирис - все это значительные потоки, текущие на север к этому морю. Тем не менее, равнинные земли, перемежающиеся между этими многочисленными возвышенностями, часто отличались величайшим плодородием; в целом полуостров Малая Азия считался древними высокопродуктивным в отношении зерна, вина, фруктов, скота и во многих частях - масла; хотя на холодной центральной равнине оливы не произрастали^[375].

Вдоль западных берегов этого полуострова, где селились различные группы греческих эмигрантов, мы слышим о пеласгах, теукрийцах, мисийцах, вифинянах, фригийцах, лидийцах или меонийцах, карийцах, лелегах. Дальше на восток - ликийцы, писицийцы, киликиане, фригийцы, кападокийцы, пафлагонцы, мариандинцы и т. д. Говоря в целом, можно сказать, что фригийцы, теукрийцы и мисийцы обитают в северо-западной части, между рекой Гермус и Пропонтисом, карийцы и лелегиане - к югу от реки Меандр, а лидийцы - в центральной части между ними. Пеласги встречаются здесь и там, кажется, как в долине Гермуса, так и в долине Кайстера: даже во времена Геродота существовали пеласги в Плакии и Скилаке на Пропонтисе, к западу от Кизикуса; О. Мюллер даже прослеживает тирренских пеласгов до Тирры, внутреннего города Лидии, откуда, по его мнению, хотя и без особой вероятности, происходит название Тиррен.

В отношении коренного населения Малой Азии на момент начала этой истории следует отметить один важный факт: оно не было объединено ни в великие царства или конфедерации, ни даже в крупные или многолюдные города, но распределялось на множество незначительных племен, чтобы не оказывать непреодолимого сопротивления и не угрожать грозной опасностью сменяющим друг друга греческим эмигрантам. Единственным исключением из этого является лидийская монархия Сардиса, реальная сила которой начинается с Гигеса и династии Мермнада, около 700 г. до н. э. Хотя растущая сила этого царства в конечном итоге уничтожила независимость греков в Азии, она, похоже, нисколько не препятствовала их развитию, как это было во время их первого прибытия, так и

в течение долгого времени после этого. Ни карийцы, ни мисийцы не были объединены под властью одного царя, чтобы иметь возможности для агрессии или завоеваний.

Насколько можно судить по нашим скудным данным, оказывается, что все народы Малой Азии к западу от реки Галис были в значительной степени родственными друг другу, а также фракийцам по европейскую сторону Босфора и Геллеспонта. К востоку от Галиса жили люди сиро-арабской или семитской расы - ассирийцы, сирийцы и каппадокийцы, а также киликиане, памфилийцы и солийцы, вдоль его верхнего течения и далее на юг до Памфилийского моря. К западу от Халиса языки были не семитскими, а принадлежали к совершенно другой семье,^[376] - узнаваемые, но отличные один от другого, возможно, не взаимопонимаемые. Карийцы, лидийцы и мисийцы признавали определенную степень братства друг с другом, о чем свидетельствуют общие религиозные жертвоприношения в храме Зевса Кариоса в Миласе. [Но ни в коем случае нельзя быть уверенным, что каждый из этих народов взаимно понимал речь друг друга; Геродот, от которого мы получаем сведения об этих общих жертвоприношениях, в то же время сообщает нам, что кауниане в юго-западном углу полуострова не принимали в них участия, хотя говорили на том же языке, что и карийцы; однако он, похоже, не считает идентичность или различие языков критерием национальной близости.

Вдоль побережья Эвксинского моря, от Фракийского Босфора на восток до реки Галис, жили вифиняне или тинийцы, мариандины и пафлагонцы - все признанные ветви широко распространенной фракийской расы. О вифинянах, особенно в северо-западной части этой территории, простирающейся от Эвксинского моря до Пропонтиды, часто говорят как об азиатских фракийцах, в то время как различные племена среди фракийцев Европы называются тини, или тинийцами,^[378] - так мало было различий в населении по обе стороны Босфора, одинаково храбром, хищном и кровожадном. Вифинян Азии также иногда называют бебриками, под этим названием они простираются на юг до Киосского залива в Пропонтиде.^[379] Здесь они соприкасаются с мигами, мисийцами и фригийцами. Вдоль южного побережья Пропонтиды, между реками Риндакус и Исеп, в непосредственном соседстве с мощной греческой колонией Кизикус, появляются долийцы; далее, пеласги в Плакии и Скилаке; затем снова, вдоль побережья Геллеспонта у Абидуса и Лампсака, занимая часть Трояды, мы находим упоминание о других бебрикийцах.^[380] Во внутренней части Трояды, или области Ида, находятся теукрийцы и мисийцы: последние, по-видимому, простираются на юг до Пергама и области горы Сипилус, а на восток - до горной области, называемой Мисийским Олимпом, к югу от озера Асканий, возле которого они соединяются с фригийцами^[381].

Насколько можно составить положительное мнение о народах, о которых мы знаем так мало, представляется, что мисийцы и фригийцы являются своего рода связующим звеном между лидийцами и карийцами с одной стороны, и фракийцами (европейскими и азиатскими) с другой, - отдаленное этническое родство, пронизывающее все это. О древних миграциях говорят в обоих направлениях - через Геллеспонт и фракийский Босфор. Некоторые считают, что фригийцы, мисийцы и фракийцы эмигрировали в Азию из Европы, а лидийский историк Ксанф относит прибытие фригийцев к эпохе после Троянской войны. [С другой стороны, Геродот говорит об огромном количестве теукрийцев и мисийцев, которые еще до Троянской войны пересекли пролив из Азии в Европу, изгнали многих европейских фракийцев с их мест, пересекли реки Стримон и Македонию и проникли на юг до реки Пеней в Фессалии, а на запад - до Ионического залива. Эта теукро-мисийская миграция, говорит он, привела к двум последствиям: во-первых, к основанию у реки Стримон пеонийцев, которые называли себя теукрийскими колонистами;^[383] во-вторых, к переходу в Азию многих лишенных

собственности фракийских племен из окрестностей Стримона в северо-западную область Малой Азии, в результате чего образовался вифинский или азиатский фракийский народ. Фригийцы также, как полагают некоторые, первоначально занимали европейскую землю на границах Македонии, возле покрытой снегом горы Бермион, в то время они назывались бригами, что на лидийском языке означает "свободные люди" или "франки":[384] в то время как мисийцы, как говорят, пришли из северо-восточных районов европейской Фракии к югу от Дуная, известных в Римской империи под названием Moesia.[385] Но в отношении мисийцев существовала и другая история, согласно которой они описывались как колонисты, пришедшие из Лидии; они были созданы в соответствии с той системой посвящения торжественной клятвой десятой части жителей, выбранных по жребию, для поиска поселений в других местах, которая нередко встречается в историях ранних эмиграций, как следствие бедствий и голода. И это последнее мнение подкреплялось характером мисийского языка, наполовину лидийского, наполовину фригийского, о котором и лидийский историк Ксанф, и Менекратес из Эллеи[386], которым было объявлено это мнение, должны были быть очень компетентными судьями.

Из таких рассказов о ранних миграциях в обе стороны через Геллеспонт и Босфор мы можем с уверенностью сделать вывод лишь об определенной степени родства среди населения Фракии и Малой Азии, особенно заметной в случае фригийцев и мисийцев. Имя и легенды о фригийском герое Мидасе связаны с различными городами в обширной области Азиатской Фригии - Келене, Пессинусе, Анкире, Гордиуме, а также с окрестностями горы Бермион в Македонии: Приключение, в результате которого Мидас завладел Силеном, смешав вино с источником, из которого тот пил, было локализовано в последнем месте, а также в городе Тимбрион, почти на восточной оконечности Азиатской Фригии.[388] Название Мигдония и одноименный герой Мигдон относятся не столько к европейской территории у реки Аксий - впоследствии части Македонии, - сколько к азиатскому побережью восточного Пропонтиса, между Киосом и рекой Риндакус.[Отрей и Мигдон - полководцы фригийцев в "Илиаде"; а река Odrysês, протекавшая по территории азиатских мигдонян и впадавшая в Риндакус, дает еще один пример омонимии с одризийскими фракийцами[390] в Европе. И поскольку эти совпадения имен и легенд наводят нас на мысль об аналогии и родстве между фракийцами и фригийцами, мы находим Архилоха, самого раннего из оставшихся нам поэтов, который упоминает их как современников, соединяющего их в одном и том же уподоблении. 391] Для этого раннего парийского ямбиста население двух сторон Геллеспонта, по-видимому, представляло сходство черт и обычаев.

Установить с какой-либо точностью размеры и состояние этих азиатских народов в первые дни греческого поселения среди них невозможно; эту проблему не могли решить даже древние географы с их превосходными средствами познания. Раннее коренное распределение фригийского населения нам неизвестно, а деление на Большую и Малую Фригию относится к периоду, по крайней мере, после персидского завоевания, как и большинство признанных делений Малой Азии; следовательно, оно не может быть применено к периоду ранее Креза. Похоже, что название фригийцев, как и фракийцев, было родовым и охватывало племена или отдельные общины, которые также имели свои собственные названия. Мы находим фригийцев на больших расстояниях: на западном берегу реки Галис, в Келене, в глубине Малой Азии, в районе впадения реки Меандр, и на побережье Пропонтиды около Киоса; в обеих этих последних местностях есть соленое озеро под названием Асканий, которое является именем как предводителя фригийских союзников Трои, так и страны, откуда они, как говорится, пришли в Илиаде.[Таким образом, они занимают территорию, ограниченную с юга Писидийскими горами, с запада - лидийцами (на что указывает конечный столб, установленный Крезом в Кидраре),[393] с востока - рекой

Халис, по другую сторону которой жили каппадокийцы или сирийцы, с севера - пафлагонцы и мариандины. Но, кроме того, кажется, что они должны были простираться дальше на запад, чтобы занять большую часть области горы Ида и Трояды. Аполлодор считал, что и долиицы, и бебрики были включены в великое фригийское имя;^[394] и даже в древней поэме "Форонис", которая вряд ли может быть помещена позже 600 г. до н.э., Дактилы с горы Ида, великие первооткрыватели металлургии, прямо названы фригийцами.^[395] Обычай аттических трагических поэтов называть жителей Трояды фригийцами не обязательно подразумевает перевод жителей, но использование общего названия, как более известного аудитории, к которой они обращались, вместо менее известного конкретного названия, - точно так же, как жители Вифинии могут быть названы либо вифинянами, либо азиатскими фракийцами.

Если, как следует из языка Геродота и Эфора^[396], мы предположим, что фригийцы находились на значительном расстоянии от побережья и обитали только во внутренних районах, нам будет трудно объяснить, как и где ранние греческие колонисты оказались под их влиянием; тогда как предположение, что племена, населявшие Трояду и район Иды, были фригийцами, проясняет этот вопрос. Неоспорим и тот факт, что фригийцы и лидийцы не только изменили религиозные проявления азиатских греков, а через них и греческого мира в целом, но и оказали важную помощь в создании первой греческой музыкальной шкалы. Доказательством тому служат обозначения этой шкалы.

Три примитивных музыкальных лада использовались греческими поэтами в самые ранние времена, о которых более поздние авторы могли найти какие-либо сведения, - лидийский, который был самым острым, дорийский, который был самым серьезным, и фригийский, промежуточный между ними; высшая нота лидийского лада была на тон выше, а дорийского - на тон ниже, чем высшая нота фригийской шкалы.^[397] Таковы три лада или шкалы, каждый из которых включает только тетрахорд, на которых работали самые ранние греческие мастера: впоследствии было добавлено множество других шкал, как более высоких, так и более низких. Таким образом, оказывается, что самая ранняя греческая музыка была в значительной степени заимствована из Фригии и Лидии: А если учесть, что в восьмом и седьмом веках до христианской эры музыка и поэзия в сочетании - часто с танцами или ритмичной жестикulyацией - были единственным интеллектуальным проявлением, известным среди греков, - и, кроме того, по мнению всех древних писателей, каждый музыкальный лад имел свои особые эмоциональные влияния, сильно изменял темперамент слушателей и был тесно связан с национальным культом, - мы увидим, что эта передача музыкальных ладов подразумевает много общения и взаимообмена между азиатскими греками и коренным населением континента. Факт общения между ионическими и эолийскими греками и их восточными соседями, лидийцами, в целом легко понять, хотя у нас нет подробностей о том, как это происходило; но мы не видим, где именно греки так тесно соприкасались с фригийцами, кроме как в районе Иды, Трояды и южного побережья Пропонтиды. К этому региону принадлежали те ранние фригийские музыканты (под героическими именами Олимп, Гиагнис, Марсий), у которых греки делали заимствования.^[398] И мы можем заметить, что аналогия между фракийцами и фригийцами, кажется, частично сохраняется как в отношении музыки, так и религии, поскольку старый миф в Илиаде, где фракийский бард Фамирис, опрометчиво вступающий в песенный спор с Музами, побежден, ослеплен и лишен своего искусства, кажется прообразом очень похожей истории о споре Аполлона с фригийским Марсиасом,^[399] - кифара против флейты; В то время как фригийский Мидас далее характеризуется как религиозный ученик фракийского Орфея.

В предыдущей главе, посвященной легенде о Трое,^[400] уже упоминалось о раннем слиянии эолийских греков с коренным населением Трояды; вероятно, именно отсюда фригийская

музыка с флейтой в качестве инструмента, используемая в оргиастических обрядах и поклонении Великой Матери на горе Ида, в Мисийском Олимпе и других горных районах страны, и даже в греческом городе Лампсакус,[401] перешла к греческим композиторам. Ее появление соотносится с самыми ранними фактами, касающимися греческой музыки, и, должно быть, произошло в течение первого века записанных олимпиад. В гомеровских поэмах мы не находим никаких упоминаний о ней, но, возможно, она способствовала развитию лирической и элегической композиции, которая развивалась среди послегомеровских эолийцев и ионийцев, постепенно вытесняя старый эпос. Другой пример слияния фригийцев с греками можно найти в религиозных церемониях Кизикуса, Киуса и Прусы, на южном и юго-восточном побережье Пропонтиды; в первом из этих трех мест поклонение Великой Матери богов отмечалось с большой торжественностью на холме Диндимон, носящем то же название, что и та гора во внутренних районах, недалеко от Пессина, откуда Кибелка взяла свою главную фамилию Диндиманка.[402] Аналогия между критской и фригийской религиозной практикой часто замечается, и нередко возникает путаница между горой Ида в Крте и одноименной горой в Троаде; В то время как теукрийцы из Гергиса в Запределье, которые еще не были эллинизированы даже во время персидского вторжения и которые, как утверждает элегический поэт Каллину, эмигрировали из Крета, если они не были настоящими фригийцами, отличались от них настолько мало, что поэты называли их таковыми.

Геродот отмечает фригийцев за изобилие их стад и сельскохозяйственной продукции:[403] превосходная шерсть, которой всегда славился Милет, частично поступала из верхней долины реки Меандр, которую они населяли. В этом отношении он противопоставляет их лидийцам, у которых мы видим в основном признаки и способности людей, живущих в городах: много золота и серебра, розничная торговля, игры местных жителей, непорочность молодых женщин, но в сочетании с бережливостью и промышленностью.[404] Фригийский сыр и соленые продукты, лидийские приправы,[405] ковры и цветная обувь приобрели дурную славу. И фригийцы, и лидийцы упоминаются греческими авторами после создания Персидской империи как народ робкий, покорный, трудолюбивый и полезный в качестве рабов, чего нельзя сказать о мисийцах,[406] которых обычно описывают как храбрых и выносливых горцев, которых трудно удержать в подчинении; это не относится и к лидийцам в более ранние времена до полного свержения Киром Крёза; ведь тогда их почитали за воинственную доблесть. Различия в характере этих двух азиатских народов не исчезли и во втором веке после христианской эры. Ведь те же мисийцы, которые во времена Геродота и Ксенофонта доставляли столько хлопот персидским сатрапам, описаны ритором Аристеидесом как захватившие и разграбившие его владения в Ланейоне близ Адриана, - в то время как фригийцы, напротив, обычно приходят из внутренних районов к побережью, чтобы заняться сбором оливок. 407] Во времена греческой автономии и господства, в V веке до н. э., представление о фригийце или лидийце ассоциировалось в греческом сознании с идеями презрения и рабства,[408] к которым, несомненно, привыкли эти азиаты, поскольку в Римской империи у них было принято продавать в рабство собственных детей[409] - практика, безусловно, очень редкая среди греков, даже когда они тоже стали смешиваться с массой подданных императорского Рима. Но мы можем с уверенностью предположить, что эта ассоциация презрения с именем фригийца или лидийца не преобладала в ранний период заселения греками Азии или даже во времена Алкмены, Мимнермы или Сапфо, вплоть до 600 г. до н. э. Впервые мы находим свидетельства о нем во фрагменте Гиппонакса, а началось оно с подчинения Малой Азии в целом, сначала при Крёзе[410], а затем при Кире, и с чувства сравнительной гордости, которое выросло впоследствии в умах европейских греков. Фригийские племена вдоль Пропонтиды, с которыми греческие колонисты вступили в контакт, - бебрики, долионы, мигдоны и т. д. - были, по-видимому, земледельческими,

занимались скотоводством и коневодством, но были более жестокими и воинственными, чем фригийцы из внутренних районов, насколько можно судить по их легендам. Жестокий, но гигантский Амикус, сын Посейдона, вождь бебрикийцев, с которым Поллукс сражается в боксе, и его брат Мигдон, которому противостоит Гераклес, являются образцами народа, который греческие поэты считали свирепым и не покорным;[411] в то время как известность лошадей Эрихтония, Лаомедона и Асия Арисбского в Илиаде показывает, что коневодство было отличительным признаком региона Иды, не менее важным для Гомера, чем для Вергилия.[412]

Согласно легенде о фригийском городе Гордий на реке Сангарий, первобытный фригийский царь Гордий был бедным земледельцем, на ярмо упряжки которого, когда он однажды обрабатывал свое поле, сел орел и уселся на него. Удивленный этим предзнаменованием, он обратился к тельмисским авгурам, чтобы узнать, что оно означает, и дева из пророческого рода сообщила ему, что царство предназначено его семье. Он взял ее в жены, и потомком этого брака стал Мидас. После этого среди фригийцев начались волнения, и оракул предписал им, как единственное средство успокоения, выбрать себе в цари того, кого они первыми увидят приближающимся в повозке. Так случилось, что Гордий и Мидас въехали в город в своей повозке, и корона была возложена на них: их повозка была освящена в цитадели Гордия Зевсу Базилею и стала знаменитой благодаря неразрешимому узлу, которым было привязано ярмо, и его разрыву впоследствии мечом Александра Македонского. Кто мог развязать узел, тому предвещалось царство Азии, и Александр был первым, чей меч и выполнил условие, и осуществил пророчество[413].

Эти легендарные фригийские имена и анекдоты мы не можем использовать в исторических целях. Мы ничего не знаем о фригийских царях в исторические времена, но Геродот рассказывает нам о некоем Мидасе, сыне Гордия, царе Фригии, который был первым иностранным государем, когда-либо посылавшим подношения в Дельфийский храм, предшествовавший Гигесу Лидийскому. Этот Мидас посвятил дельфийскому богу трон, на котором он имел обыкновение восседать для отправления правосудия. Хронологи относят этот инцидент к фригийскому царю Мидасу, помещенному Евсевием в 10-ю Олимпиаду, - предположение, которое невозможно проверить.[414] Возможно, существовал реальный царь Гордий Мидас; но что когда-либо существовала великая объединенная фригийская монархия, у нас нет ни малейших оснований предполагать. Имя Гордий, сын Мидаса, снова появляется в легенде о Крёзе и Солоне, рассказанной Геродотом, как часть родословной злосчастного принца Адраста: здесь оно также, кажется, представляет скорее легендарную, чем реальную личность[415].

О лидийцах я расскажу в следующей главе.

ГЛАВА XVII.

ЛИДИЙЦЫ. - МЕДЕС. - ЦИММЕРИЙЦЫ. - СКИФЫ.

Ранние отношения между лидийцами и азиатскими греками, до правления Гигеса, известны нам не лучше, чем отношения фригийцев. Их родная музыка частично вошла в греческую, как и фригийская; она была очень похожа на нее как по инструментам, так и по характеру, хотя лидийский лад считался древними более низменным и извращенным. Флейта

одинаково использовалась фригийцами и лидийцами, перейдя от тех и других к грекам; а вот магадис или пектис (арфа, имеющая иногда до двадцати струн, звучащих по две в октаву), как говорят, был заимствован лесбийским Терпандером с лидийских пиршеств.[416] Флейтисты, которые пользовались уважением среди ранних азиатских греков, часто были фригийскими или лидийскими рабами; и даже поэт Алкман, который приобрел постоянную славу среди греческих лирических поэтов, хотя и не был рабом, родившимся в Сардах, как иногда говорят, но, вероятно, был лидийского происхождения.

Уже упоминалось, что Гомер ничего не знает о Лидии или лидийцах. Он называет мейонцев вперемежку с карийцами, а Геродот сообщает нам, что народ, некогда называвшийся мейонцами, получил новое название лидийцев от Лида, сына Атиса. Сарды, чья почти неуязвимая цитадель была расположена на обрывистой скале на северной стороне хребта Тмола, нависающего над равниной реки Гермус, были столицей лидийских царей: они не названы Гомером, хотя он упоминает и Тмол, и соседнее Гигейское озеро: укрепление их было приписано старому лидийскому царю по имени Мелес, и о нем рассказывали странные легенды.[417] Его владельцы обогащались благодаря соседству с рекой Пактолус, которая стекала с горы Тмолус к Гермусу и приносила с собой в песках значительное количество золота. Этой причине историки часто приписывают обильные сокровища, принадлежавшие Крёзу и его предшественникам; но у Крёза были, кроме того, и другие рудники близ Пергама;[418] а другую причину богатства следует искать в общей промышленности лидийцев, о чем свидетельствуют упомянутые обстоятельства. По словам Геродота, они были первыми людьми, которые занимались розничной торговлей, и первыми, кто стал чеканить деньги из золота и серебра[419].

Археологи Сардиса во времена Геродота, через столетие после персидского завоевания, очень далеко отстоят от древности лидийской монархии, используя ряд имен, которые в значительной степени, если не полностью, являются божественными и героическими. Геродот дает нам сначала Манеса, Атиса и Лидуса, а затем ряд царей, начиная с Геракла, в количестве двадцати двух, сменявших друг друга от отца к сыну и продолжавшихся 505 лет. Первым из этой линии царей Гераклидов был Агрон, происходивший от Геракла в четвертом поколении: Геракл, Алкей, Нинус, Белус и Агрон. Двадцать вторым принцем из рода Гераклидов, после непрерывного преемства отца и сына в течение 505 лет, был Кандаулес, которого греки называли Мирсилом, сыном Мирса: с ним династия закончилась, и закончилась одним из тех любопытных происшествий, о которых Геродот повествует со свойственной ему драматичностью, но без всякого напряжения. По божественной воле Кандаулес был уничтожен, лишившись здравого рассудка: имея жену, самую красивую женщину в Лидии, его тщеславие не могло быть удовлетворено, не выставив ее обнаженной перед Гигесом, сыном Даскила, его главным доверенным лицом и командиром его охраны. Несмотря на яростное неприятие Гигеса, это решение было исполнено; но жена, осознав неоправданную обиду, приняла меры, чтобы отомстить за нее. В окружении самых верных служанок она послала за Гигесом и обратилась к нему: "Два пути открыты перед тобой, Гигес: выбирай, какой хочешь. Либо убей Кандаулеса, женись на мне и получи Лидийское царство, либо сразу же погибни. Ибо ты видел запретное, и либо ты, либо тот, кто тебе это уготовил, должны умереть". Гигес тщетно умолял избавить его от столь ужасной альтернативы: его поставили перед выбором, и он выбрал тот, который сулил безопасность ему самому. 420] Царица усадила его в засаду за дверью опочивальни, на том самом месте, где Кандаулес поместил его в качестве зрителя, и вооружила кинжалом, который он вонзил в сердце спящего царя.

Так закончилась династия Гераклидов; но в Лидии было много людей, которые возмутились смертью Кандаулеса и выступили против Гигеса. Началась гражданская война, которую обе стороны в конце концов согласились прекратить, обратившись к Дельфийскому оракулу. Решение этого священного судьи было вынесено в пользу Гигеса, и Лидийское царство перешло к его династии, названной Мермнадской. Но оракул сопровождал свой вердикт предупреждением, что в лице пятого потомка Гигеса убийство Кандаулеса будет отомщено, - предупреждением, на которое, как невинно замечает Геродот, никто не обратил внимания, пока оно не исполнилось в лице Крёза[421].

В этой любопытной легенде, которая знаменует начало династии, называемой Мермнадæ, исторических царей Лидии, мы не можем определить, насколько она исторична и является ли таковой вообще. Гигес, вероятно, был реальным человеком, современником юности поэта Архилоха; но имя Гигес также является героическим именем в лидийской археологии. Он является эпонимом Гигесского озера близ Сард; из множества легенд, рассказываемых о нем, Платон сохранил одну, согласно которой Гигес - простой пастух лидийского царя: после страшной бури и землетрясения он видит вблизи пропасть в земле, в которую спускается и находит огромного медного коня, полого и частично открытого, в котором лежит гигантский труп с золотым кольцом. Это кольцо он уносит с собой и неожиданно обнаруживает, что оно обладает чудесным свойством делать его невидимым по желанию. Посланный с посланием к царю, он дает волшебное кольцо в распоряжение своему честолюбию: сначала он овладевает личностью царицы, затем с ее помощью убивает царя и, наконец, завладевает скипетром[422].

Пересказанная Платоном легенда, почти во всем отличающаяся от Геродотовой, имеет одно общее обстоятельство: авантюрист Гигес, благодаря благосклонности и помощи царицы, уничтожает царя и становится его преемником. Женское предпочтение и покровительство - причина его процветания. Клаузен показал[423], что это "афродизиатическое влияние" своеобразно проходит через многие азиатские легенды, как божественные, так и героические. Фригийский Мидас, или Гордий, как уже говорилось, обретает трон в результате брака с божественно привилегированной девой: благосклонность Афродиты к Анхисексу наделяет Энеадов суверенитетом на Троаде: более того, у великой фригийской и лидийской богини Реи или Кибелы всегда есть ее благосклонный и самоотверженный юноша Атис, которому поклоняются вместе с ней и который служит своего рода посредником между ней и человечеством. Женское начало преобладает в азиатских мифах: Мидас, Сарданапал, Сандон и даже Хераклес[424] описываются как одетые в женские одежды и работающие на ткацком станке; с другой стороны, амазонки и Семирамида добиваются великих завоеваний.

Признавая исторический характер лидийских царей, называемых Мермнадæ, начиная с Гигеса около 715-690 гг. до н. э. и заканчивая Крёзом, мы не находим ничего, кроме легенды, чтобы объяснить нам обстоятельства, которые привели к их воцарению. Еще меньше мы можем узнать о предыдущих царях или определить, была ли Лидия в прежние времена связана с Ассирийским царством или зависела от него, как утверждал Ктесий.[425] Мы также не можем подтвердить реальность или даты правления старых лидийских царей, названных местным историком Ксанфом, - Алкима, Камблеса, Адрамытеса.[426] Одна часть ценной информации, , однако, мы получаем от Ксанта, - распределение Лидии на две части, собственно Лидию и Торрхебию, которую он прослеживает до двух сыновей Атиса, Лида и Торрхеба; он утверждает, что диалект лидийцев и торребиев различался в той же степени, что и дорийский и ионический греков.[427] Торребия, по-видимому, включала долину Кайстера, к югу от Тмолуса и недалеко от границ Кари.

С Гигеса, мермнадского царя, начинается серия нападений Сардиса на азиатских греков, которые в конечном итоге закончились их подчинением. Гигес вторгся на территорию Милета и Смирны и даже взял город, возможно, не цитадель, Колофон. Хотя он, таким образом, вел войну с азиатскими греками, он был щедр в своих жертвоприношениях греческому богу в Дельфах, и его многочисленные и дорогие подношения были замечены в храме Геродотом. Элегические сочинения поэта Мимнермуса воспевали доблесть смиренцев в битве с Гигесом. [428\]](#) Мы также слышим в истории, которая носит отпечаток скорее лидийской, чем греческой фантазии, о прекрасном юноше из Смирны по имени Магнес, к которому был привязан Гигес, и который навлек на себя неудовольствие своих соотечественников за то, что сочинил стихи в честь побед лидийцев над амазонками. Чтобы отомстить за жестокое обращение с юношей, Гигес напал на территорию Магнесии (вероятно, Магнесии на Сипиле) и после продолжительной борьбы взял город[\[429\]](#).

Насколько далеко простиралось лидийское царство Сарды во время правления Гигеса, мы не можем установить. Страбон утверждает, что ему принадлежал весь Троад[\[430\]](#) и что греческое поселение Абидус на Геллеспонте было основано милезийцами только при его покровительстве. На каком основании сделано это утверждение, нам не сообщается, и оно представляется сомнительным, тем более что с именем Гигеса связано так много легендарных анекдотов. Этот принц царствовал (согласно Геродоту) тридцать восемь лет, и ему наследовал его сын Ардис, который правил сорок девять лет (около 678-629 гг. до н. э.). Мы узнаем, что он напал на милезийцев и взял ионический город Приенк, но это владение не могло быть удержано, так как впоследствии город представляется автономным. [431\]](#) Его долгое правление, однако, было отмечено двумя событиями, оба из которых имели большое значение для азиатских греков: вторжением киммерийцев и первым столкновением, по крайней мере первым, о котором мы имеем исторические сведения, между жителями Лидии и Верхней Азии при царях Медии.

Все авторы утверждают, что мидяне первоначально входили в число подданных великой Ассирийской империи, главным городом которой была Ниневия - или Нинос, как ее называют греки, - а Вавилон был одной из главных частей. В том, что население и могущество этих двух великих городов, а также некоторых других, которые десять тысяч греков во время своего похода нашли разрушенными и опустевшими в тех же регионах, имеют высокую древность,[\[432\]](#) сомневаться не приходится; но историк Греции ни в коем случае не должен запутываться в дебрях ассирийской хронологии или взвешивать степень доверия, на которую имеют право противоречивые заявления Геродота, Ктесия, Бероса, Абидена и т. д. С Ассирийской империей,[\[433\]](#)- которая длилась, согласно Геродоту, пятьсот двадцать лет, согласно Ктесию, тринадцать сто шестьдесят лет, - греки не имеют никакой достоверной связи: город Ниневия, похоже, был взят мидянами немного раньше 600 года до н. э. (насколько можно судить по хронологии), и не оказывал влияния на греческие дела. Жителями Верхней Азии, с которыми ранние греки поддерживали отношения, были мидяне и ассирийцы или халдеи Вавилона, - и те и другие первоначально подчинялись ассирийцам Ниневии, потом обрели независимость, а в конечном итоге вошли в состав Персидской империи. В какое время ни одна из них впервые стала независимой, мы не знаем:[\[434\]](#) астрономический канон, в котором приводится список царей Вавилона, начиная с того, что называется эрой Набонассара, или 747 г. до н. э., не доказывает, в какую эпоху эти вавилонские вожди стали независимыми от Ниневии: а каталог мидийских царей, который Геродот начинает с Деокеса, около 709-711 гг. до н. э., начинается Ктесиасом более чем на столетие раньше, - более того, имена в этих двух списках различаются почти от первого до последнего.

Для историка Греции меды впервые начинают приобретать значение около 656 года до н. э., при царе, которого Геродот называет Фраортесом, сыном Деокееса. Что касается самого Декиокаса, то Геродот рассказывает нам, как он стал первым избранным царем.[435] Семь племен медян жили разрозненно в отдельных деревнях, без какой-либо общей власти, и беды анархии болезненно ощущались среди них: Приобретя в своей деревне большую репутацию справедливого человека, Деиокес постепенно стал привлекаться всеми прилегающими деревнями для разрешения своих споров. Как только его эффективность в этом деле и улучшение, которого он добился, стали ощутимы во всех племенах, он ловко бросил свой пост и снова удалился в уединение, после чего зло анархии возродилось в еще более нестерпимой форме, чем прежде. Теперь у медян не было другого выбора, кроме как избрать царя, - друзья Деокееса горячо обсуждали его достоинства, и он был избран.[436] Первым шагом нового царя было требование от народа отборной стражи; затем он приказал им построить город Экбатану на холме, окруженном семью концентрическими кругами стен, причем его собственный дворец находился на вершине и в самом центре. Далее он организовал схему мидийской деспотии: царь, хотя его личность постоянно находилась в уединении в своем укрепленном дворце, приглашал к себе всех обиженных в письменном виде и выносил каждому требуемое решение или возмещение, - информируя себя, кроме того, о происходящих событиях с помощью вездесущих шпионов и чиновников, которые хватали всех провинившихся и приводили их во дворец для наказания. Далее Деокеес заставил мидийцев оставить свои отдельные жилища и сосредоточиться в Экбатане, откуда разветвлялась вся власть; а семь отдельных укрепленных кругов в городе, совпадающих с числом мидийских племен, вероятно, были задуманы Геродотом как предназначенные каждый для одного отдельного племени, - племя Деокееса занимало самый внутренний вместе с ним самим[437].

Кроме последовательных шагов этого хорошо продуманного политического плана, мы не слышим ни о каких других деяниях, приписываемых Декиокасу: говорят, что он удерживал власть в течение пятидесяти трех лет, а затем, умерев, был сменен своим сыном Фраортесом. Нельзя сказать, что нам что-то известно о реальной истории Деиокакса. Ведь интересное повествование Геродота, сокращенное изложение которого приведено выше, представляет нам во всех своих аспектах греческое общество и идеи, а не восточные: Оно похоже на дискуссию, которую историк приписывает семи персидским заговорщикам перед воцарением Дария, - примут ли они олигархическую, демократическую или монархическую форму правления;[438] или его можно сравнить, возможно, более точно, с "Киропедии" Ксенофонта, который прекрасно и тщательно разрабатывает идеал, который Геродот представляет в кратких очертаниях. История Деиокееса описывает то, что можно назвать прогрессом деспота, сначала как кандидата, а затем как полностью состоявшегося человека. Среди активных политических дискуссий, которые вели умные греки во времена Геродота, несомненно, было много рассказов об успешных деяниях честолюбивых деспотов и много замечаний о вероятных средствах, способствующих их успеху, по характеру сходных с теми, что содержатся в "Политике" Аристотеля: один из этих рассказов Геродот использовал для украшения рождения и младенчества Мидийской монархии. Его Деиокес начинает как умный грек среди других греков, равный, свободный и беспорядочный. Он с самого начала жаждет деспотизма и стремится проявить свою прямоту и справедливость, "как и подобает кандидату в полководцы";[439] он становится деспотом в результате всеобщего голосования и получает то, что для греков было великим символом и инструментом такого перехода, - личную гвардию; Он заканчивает тем, что организует механизм и этикет деспотии по восточному образцу, подобно Киру Ксенофонта,[440] только оба эти автора поддерживают превосходство своего греческого идеала над восточной реальностью, приписывая и Деокесу, и Си русу справедливое, систематическое и

трудоемкое управление, подобного которому их собственный опыт не представлял им в Азии. Вероятно, Геродот посетил Экбатаны (которые он описывает и измеряет как очевидец, сравнивая их с Афинами) и там услышал, что Деокес был строителем города, самым ранним из известных мидийских царей и первым автором тех общественных обычаев, которые показались ему особенными, после восстания из Ассирии: тогда промежуток между мидийской автономией и мидийским деспотизмом можно было легко заполнить промежуточными происшествиями, такими, которые сопровождали бы этот переход на долготу Греции. Черты этих жителей Верхней Азии на протяжении тысячи лет вперед от того времени, к которому мы пришли сейчас, - при потомках Деокеса, Кира, Арсакеса и Ардшира - настолько неизменны,^[441] что нам очень помогает выявление тех случаев, когда Геродот или другие авторы вливают в их историю исконно греческие идеи.

Фраортес (658-636 гг. до н. э.), распространив власть мидийцев на большую часть Верхней Азии и покорив персов и несколько других народов, в конце концов потерпел поражение и был убит в войне с ассирийцами из Ниневии, которые, хотя и лишились внешней зависимости, сами по себе были храбры и сильны. Его сын Киаксарес (636-595 гг. до н. э.) с еще большей энергией продолжил те же завоевательные планы и, как говорят, первым ввел какую-либо организацию в военную силу; до него лучники, копьеносцы и конница были смешаны вместе без разбора, пока этот монарх не создал отдельные подразделения для каждого. Он расширил владения мидян до восточного берега реки Халис, которая впоследствии, благодаря завоеваниям лидийского царя Крёза, стала границей между Лидийской и Мидийской империями; И он шесть лет вел войну с лидийским царем Аляттесом, из-за отказа последнего выдать отряд скифских кочевников, которые, покинув территорию Кяксареса, чтобы избежать жестокостей, которыми им угрожали, нашли убежище в Лидии в качестве сторонников.^[442] Война, нерешительная в отношении успеха, завершилась примечательным инцидентом: в разгар сражения между мидийской и лидийской армиями произошло полное затмение солнца, что вызвало одинаковую тревогу у обеих сторон и побудило их немедленно прекратить военные действия.^[443] Киликийский принц Сиеннесис и вавилонский принц Лабинет выступили посредниками и заключили примирение между Кяксаресом и Аляттесом, одним из условий которого было то, что Аляттес отдал свою дочь Арихнис в жены Астиагесу, сыну Кяксареса. Так началась связь между лидийскими и мидийскими царями, которая впоследствии оказалась столь губительной для Крёза. Утверждается, что греческий философ Талес предсказал это затмение; но мы можем с полным основанием считать это предполагаемое предсказание не менее апокрифическим, чем некоторые другие, приписываемые ему, и сомневаться, обладал ли в то время кто-либо из живущих греков знаниями или научными способностями, достаточными для такого расчета.^[444] Само затмение и его потрясающее воздействие на умы сражающихся - факты, не подлежащие сомнению; хотя разнообразие мнений хронологов относительно его даты поражает.^[445]

Именно после этого мира с Аляттесом, насколько мы можем судить о событиях по Геродоту, Кяксарес собрал все свои силы и осадил Ниневию, но был вынужден отступить из-за неожиданного вторжения скифов. Почти в то же время, когда Верхняя Азия была опустошена этими грозными кочевниками, Малая Азия тоже была захвачена другими кочевниками - киммерийцами, - Ардис был тогда царем Лидии; и эти два вторжения, оба приведшие к чрезвычайным бедствиям, представляются нам как косвенно связанные между собой причина и следствие.

Имя киммерийцев встречается в "Одиссее", в басне они описываются как обитатели за океанским потоком, погруженные во тьму и не обласканные лучами Гелиоса. Об этом народе

как о существовавшем мы не можем ничего сказать, так как он исчез или потерял свою идентичность и стал подданным до начала существования достоверных авторитетов: но, похоже, они были главными обитателями таврического Херсонеса (Крыма) и территории между этим полуостровом и рекой Тирас (Днестр) в то время, когда греки впервые начали свои постоянные поселения на этих берегах в седьмом веке до нашей эры. Многочисленные населенные пункты, носившие их имя, даже во времена Геродота,[446] после того, как они перестали существовать как народ, - а также гробницы киммерийских царей, найденные в то время у Тираса, - достаточно убедительно подтверждают этот факт; И есть основания полагать, что они, как и их завоеватели и преемники скифы, были кочевым народом, кобылицами, передвигавшимися со своими палатками и стадами, в соответствии с природой тех бескрайних степей, которые представляла их территория, и которые не предлагали ничего, кроме травы в изобилии. Страбон говорит нам[447] - на каком основании, мы не знаем, - что они, а также треры и другие фракийцы, не раз опустошали Малую Азию до времен Ардиса и даже раньше Гомера.

Таким образом, киммерийцы принадлежат частично к легенде, частично к истории; скифы же в течение нескольких столетий составляли важную часть современного греческого мира. Их имя, незамеченное Гомером, впервые встречается в поэмах Гесиода. Когда гомеровский Зевс в "Илиаде" обращает свой взор от Трои к Фракии, он видит, кроме фракийцев и мисийцев, другие племена, названия которых невозможно разобрать, но которых поэт знает как поедателей молока и доярок;[448] и те же характерные признаки, в сочетании с тем, что они "имеют повозки для своих жилищ", появляются у Гесиода в связи с именем скифов.[449] Плавание греков в Эвксинском море постепенно становилось все более частыми, и в последней половине седьмого века до н. э. на его берегах были основаны первые поселения. Основание Византия, как и понтийской Ираклии, расположенной на небольшом расстоянии к востоку от фракийского Босфора, мегарянами отнесено к 30-й Олимпиаде или 658 году до н. э.;[450] а череда колоний, основанных предприимчивыми милезийскими гражданами на западном побережье Эвксина, кажется, возникла вскоре после этой даты, по крайней мере, в течение следующего столетия. Истрия, Тирас и Ольвия, или Бористен, были основаны соответственно вблизи устьев трех великих рек - Дуная, Днестра и Болота: Круни, Одесус, Томи, Каллатис и Аполлония были также посажены на юго-западном или фракийском побережье, к северу от опасной земли Салмидесса, столь часто терпящей крушения, но к югу от Дуная.[451] Согласно греческой религиозной традиции, колонисты вывезли с собой поклонение герою Ахиллу (от которого, возможно, вели свое происхождение Экист и некоторые вожди изгнанников), которое они установили с большой торжественностью как в различных городах, так и на небольших прилегающих островах: и самое раннее доказательство того, что Скифия была территорией, знакомой с греческими идеями и чувствами, мы находим во фрагменте поэта Алкей (около 600 г. до н. э.), где он рассказывает о Скифии, как о территории, знакомой с греческими идеями и чувствами. 600 г. до н. э.), где он обращается к Ахиллу[452] как к "государю Скифии". Кроме того, на Херсонесе Таврическом (Крым) или вблизи него было еще несколько милезских городов, которые сближали греков со скифами: - Гераклея, Херсонес и Феодосия на южном побережье и юго-западном углу полуострова, - Пантикапей и тейская колония Фанагория (эти два на европейской и азиатской сторонах Киммерийского Босфора соответственно), а также Кекпи, Гермонасса и др. недалеко от Фанагории, на азиатском побережье Эвксинского моря: наконец, даже на оконечности Палус Мæотис (Азовского моря) находилось греческое поселение Танаис.[453] Все или большинство из них, по-видимому, были основаны в течение VI века до н. э., хотя точные даты большинства из них - в течение VI века до н. э., хотя точные даты основания большинства из них назвать невозможно; вероятно, некоторые из них возникли раньше времени поэта-мистика Аристея Проконнесского, около 540 г. до н. э. Его

длительное путешествие от Палус Мæотис (Азофское море) в глубь Азии до страны исседонов (описанное в поэме, ныне утраченной, под названием "Аримаспийские стихи"), подразумевает привычное общение между скифами и греками, которое не могло бы существовать без греческих поселений на Киммерийском Босфоре.

Гекатей Милетский,[454] похоже, дал много географических сведений о скифских племенах; но Геродот, который лично посетил город Ольвию вместе с прилегающими к нему внутренними районами и, вероятно, другими греческими поселениями на Эвксинском море (в период, который, как мы можем предположить, был около 450-440 гг. до н. э.), - и который общался как со скифами, так и с греками, компетентными дать ему информацию, - оставил нам гораздо более ценные высказывания относительно скифского народа, владычества и нравов, какими они были в его время. Его концепция скифов, как и концепция Гиппократы, точна и четко определена, сильно отличаясь от концепции более поздних авторов, которые используют это слово почти без разбора для обозначения всех варварских кочевников. Его территория, называемая Скифией, представляет собой квадратную область, находящуюся в двадцати днях пути или четырех тысячах стадий (несколько меньше пятисот английских миль) в каждом направлении, - ограниченную Дунаем (течение которого он представляет себе в направлении с северо-запада на юго-восток), Эвксином и Палус Мæотис с рекой Танаис, с трех сторон соответственно, - а с четвертой или северной стороны народами, называемыми Агатирси, Неври, Андрофаги и Меланхлæни.[455] Каким бы несовершенным ни было его представление об очертаниях этой территории, если сравнить его с хорошей современной картой, границы, которые он нам дает, не подлежат сомнению: от низовьев Дуная и гор к востоку от Трансильвании до низовьев Танаиса вся территория была либо занята скифами, либо подчинена им. И под этим названием скрывались племена, существенно отличавшиеся друг от друга по привычкам и цивилизации. Большая масса носителей этого названия, строго кочевые по своим привычкам, - не сеяли и не сажали, а жили только пищей, получаемой от животных, особенно кобыльим молоком и сыром, - переезжали с места на место, перевозя свои семьи в повозках, крытых плетнем и кожей, а сами всегда верхом со своими отарами и стадами, между Бoryстенесом и Палус Мæотис; Вряд ли они доходили даже до запада от Бoryстенеса, поскольку их границей была река (не легко определить), которую Геродот называет Пантикапес, впадающая в Бoryстенес с востока. Эти кочевники были настоящими скифами, обладавшими выраженными признаками расы и включавшими в свое число царственных скифов[456] - орды, которые были намного более многочисленными и более эффективными в войне, чем остальные, чтобы сохранять бесспорное превосходство и считать всех остальных скифов не лучше своих рабов. Именно к ним принадлежали скифские цари, благодаря которым сохранялось религиозное и политическое единство названия, - каждая орда имела своего отдельного вождя, а также в определенной степени отдельные культы и обычаи. Но кроме этих кочевников, были и земледельческие скифы, имевшие постоянные места жительства, жившие более или менее хлебопашеством и выращивавшие кукурузу на экспорт, по берегам Бoryстенеса и Гипаниса.[457] И таким было влияние греческого поселения Ольвии в устье последней реки в создании новых вкусов и привычек, что два племени на ее западных берегах, Каллипиды и Алазоны, полностью привыкли как к земледелию, так и к растительной пище, и в других отношениях настолько отошли от своей скифской грубости, что их стали называть эллино-скифами, многие греки, кажется, жили среди них. К северу от Алазона жили так называемые земледельческие скифы, которые сеяли кукурузу не для еды, а для продажи[458].

Такие неподвижные земледельцы, несомненно, рассматривались преобладающей массой скифов как вырождающиеся братья; некоторые историки утверждают, что они

принадлежали к чужой расе, находясь со скифами лишь в отношениях подданства[459] - гипотеза, неявно, если не прямо, опровергаемая словами Геродота, и никак не необходимая в данном случае. Однако не из них Геродот черпает свою яркую картину народа с его бесчеловечными обрядами и отталкивающими чертами характера. Это чисто кочевые скифы, которых он изображает, самые ранние образцы монгольской расы (так кажется вероятным)[460], известные истории, и прототипы гуннов и булгар более поздних веков. Меч, в прямом смысле этого слова, был их главным богом,[461] - железный скиметар, торжественно вознесенный на широкий и высокий помост, который опирался на груды фагот, сваленных внизу, - которому приносили в жертву овец, лошадей и часть пленных, взятых на войне: Геродот рассматривает этот меч как изображение бога Ареса, таким образом, придавая эллинскую интерпретацию тому, что он описывает буквально как варварский обряд. Скальпы и шкуры убитых врагов, а иногда и череп, превращенный в чашу для питья, составляли украшение скифского воина: тот, кто не убивал врага, исключался из участия в ежегодном празднике и чаше вина, которую готовил вождь каждой отдельной орды. Обряды, совершавшиеся во время болезни и похорон скифских царей (которых хоронили в Герри, в крайней точке, до которой простиралась навигация по Бoryстенесу), носили тот же кровавый характер. У скифов было принято выкалывать глаза всем своим рабам; а неуклюжесть скифского каркаса, часто перегруженного жиром, вместе с крайней грязью тела и отсутствием всякой отличительной черты между одним человеком и другим, завершают грубый портрет.[462] Кобылье молоко (с сыром из него), похоже, было их главной роскошью, и, вероятно, служило той же цели получения опьяняющего напитка под названием кумыс, что и сейчас у башкир и калмуков[463].

Если привычки скифов были таковы, что не вызывали у ближайшего наблюдателя иного чувства, кроме отвращения, то их сила, по крайней мере, внушала ужас. В глазах Фукидида они казались столь многочисленными и грозными, что он объявил их непреодолимыми, если бы они только могли объединиться, любым другим народом, о котором он знал. Геродот также представляет себе расу, среди которой каждый мужчина был воином и искусным стрелком из лука, и которая по своему образу жизни находилась вне досягаемости для вражеского нападения[464]. Более того, Геродот не говорит об их интеллекте, противопоставляя их в благоприятных выражениях общей тупости других народов, граничащих с Эвксином. В этом отношении Фукидид, по-видимому, отличается от него.

На востоке скифы времен Геродота были отделены только рекой Танаис от сарматов, которые занимали территорию в нескольких днях пути к северо-востоку от Палус Мæотис: на юге они были отделены Дунаем от фракийцев под названием геты. Оба эти народа были кочевниками, аналогичными скифам по привычкам, военной эффективности и свирепости: действительно, Геродот и Гиппократ ясно дают понять, что сарматы были не чем иным, как ветвью скифов,[465] говорящих на скифском диалекте, и отличались от своих соседей по ту сторону Танаиса, главным образом, этой особенностью - тем, что женщины среди них были воинами, едва ли менее смелыми и искусными, чем мужчины. Это свойство сарматских женщин, собственно говоря, хорошо засвидетельствовано, хотя Геродот и набросил на него подозрительность, не свойственную ему, своим пояснительным генеалогическим мифом, выводящим сарматов из смешанного рода скифов и амазонок.

Широкая степь к востоку и северо-востоку от Танаиса, между Уральскими горами и Каспием, и за пределами владений сарматов, была пройдена греческими торговцами даже на значительное расстояние в направлении Алтайских гор, - богатая добыча золота, как на Алтае, так и на Урале, была большим соблазном. Первым, согласно Геродоту, пришел коренной кочевой народ под названием будины, живший к северу от сарматов,[466] среди

которых была колония понтийских греков, смешанных с туземцами, и называвшихся гелонами; эти последние жили в просторном городе, построенном исключительно из дерева. За Будини на восток жили сагеты Тиса и Юркæ, племена охотников, и даже скифы, переселившиеся с территории царственных скифов. Исседоны были самым восточным народом, о котором до греков дошли какие-либо определенные сведения; за их пределами мы не находим ничего, кроме басен,[467] - одноглазых аримаспийцев, охраняющих золото грипов, или грифонов, и лысоголовых аргиппеев. Невозможно с точностью определить географию этих различных племен или сделать нечто большее, чем приблизительно понять их местное расположение и отношения друг к другу.

Но лучше всего известно положение тавров (возможно, остатков изгнанных киммерийцев), обитавших в южной части таврического Херсонеса (или Крыма) и приносивших человеческие жертвы своей родной богине-девственнице, которую греки отождествляли с Артемидой и которая послужила основой для поразительной легенды об Ифигении. Геродот отличает тавров от скифов,[468] но их нравы и уровень цивилизации, похоже, были весьма схожи. Похоже также, что могущественные и многочисленные массагеты, обитавшие в Азии на равнинах к востоку от Каспия и к югу от Искедона, были настолько схожи со скифами, что многие современники Геродота считали их представителями одной расы[469].

Это краткое перечисление различных племен у Эвксинского моря и Каспия, насколько мы можем судить, с седьмого по пятый век до н. э., необходимо для понимания того двойного вторжения скифов и киммерийцев, которое опустошило Азию между 630 и 610 годами до н. э. Мы не должны ожидать от Геродота, родившегося полтора века спустя, очень четких объяснений этого события, да и все его информаторы не были единодушны в отношении причин, которые привели к нему. Но это факт, вполне поддающийся исторической аналогии, что случайные скопления численности, развитие агрессивного духа или нехватка средств к существованию среди кочевых племен азиатских равнин привели к катастрофическим вторжениям на цивилизованные народы Южной Европы, главная движущая причина которых была отдаленной и неизвестной. Иногда более слабое племя, летящее впереди более сильного, таким образом, оказывалось на территории более богатого и менее военного населения, так что импульс, зародившийся на далеких равнинах Центральной Тартарии, распространялся до тех пор, пока не достиг южной оконечности Европы, через сменяющие друг друга промежуточные племена, что особенно ярко проявилось в четвертом и пятом веках христианской эры, в годы упадка Римской империи. Считается, что давление, передаваемое таким образом, обрушило киммерийцев и скифов на более южные регионы Азии. Самая древняя история, объясняющая этот инцидент, содержится в эпической поэме (ныне утраченной) под названием *"Аримаспия"* мистика Аристея Проконнеского, написанной, по-видимому, около 540 года до н. э. Этот поэт, вдохновленный Аполлоном,[470] предпринял паломничество, чтобы посетить священных гиперборейцев (особых почитателей этого бога) в их элизиуме за Рипейскими горами; но он не дошел дальше Искедонов. По его словам, движение, в результате которого киммерийцы были изгнаны из своих владений на Эвксинском море, началось с грипов или грифонов на крайнем севере, - священный характер гипербореев за его пределами был несовместим с агрессией или кровопролитием. Грипы вторглись к аримаспийцам, которые, в свою очередь, напали на своих соседей исседонов;[471] последние двинулись на юг или запад и изгнали скифов через Танаис, а скифы, увлеченные этим наступлением, изгнали киммерийцев с их территорий вдоль Палус Мæотис и Эвксинского моря.

Таким образом, мы видим, что Аристей объяснил нападение скифов на киммерийцев далеким импульсом, исходившим в первую очередь от грифов; но Геродот слышал другое

объяснение, которое он считает более правильным: скифы, первоначально населявшие Азию или области к востоку от Каспия, были переправлены через Араксес в результате неудачной войны с массагетами и набросились на киммерийцев в Европе.[472]

Когда скифское войско приблизилось, киммерийцы не пришли к единому мнению, сопротивляться им или отступить: большая часть народа была встревожена и пожелала покинуть территорию, а цари разных племен решили сражаться и погибнуть дома. Те, кто был воодушевлен этим жестоким отчаянием, разделились вместе с царями на два равных тела и погибли от рук друг друга у реки Тирас, где во времена Геродота еще показывали гробницы царей.[473] Основная масса киммерийцев бежала и оставила свою страну скифам, которые, однако, не довольствуясь владением страной, преследовали беглецов через Киммерийский Босфор с запада на восток под командованием своего князя Мадиеса, сына Прототиеса. Киммерийцы, плывя вдоль восточной части Эвксинского моря и проходя к западу от Кавказских гор, попали сначала в Колхиду, а затем в Малую Азию, где обосновались на полуострове на северном побережье, недалеко от места, где впоследствии находился греческий город Синопе. Но скифские преследователи, перепутав курс беглецов, пошли по более извилистому пути к востоку от Кавказских гор, вблизи Каспийского моря;[474] что привело их не в Малую Азию, а в Медию. Таким образом, и Малая Азия, и Медия почти в одно и то же время подверглись опустошительному воздействию северных кочевников.

Эти две истории, отражающие веру Геродота и Аристия, предполагают, что скифы были сравнительно недавними переселенцами на территорию между Истром и Палус Мейотис. Но легенды самих скифов, как и легенды понтийских греков, подразумевают обратное предположение; они описывают скифов как первобытных и коренных жителей страны. Обе легенды составлены таким образом, чтобы объяснить тройное деление, которое, вероятно, могло преобладать, совокупной национальности скифов, прослеживаемое до трех братьев-героев: обе также согласны в присуждении главенства младшему брату из трех,[475] хотя в других отношениях имена и происшествия этих двух народов совершенно различны, Скифы называют себя Сколотами.

Такие существенные различия в различных рассказах Геродота о вторжении скифов и киммерийцев в Азию отнюдь не удивительны, учитывая, что между этим событием и его визитом в Понт прошло почти два столетия. То, что киммерийцы - возможно, самая северная часть великой фракийской фамилии, сопредельная с гетами на Дунае - были прежними арендаторами большей части территории между Истром и Палус Мæотис, и что они были изгнаны в седьмом веке до нашей эры, Но Нибур показал, что в его рассказе о походе киммерийцев в Малую Азию и преследовании скифами этих беглецов есть большая внутренняя неправдоподобность. То, что последние вообще стали бы преследовать, когда обширная территория была оставлена им без сопротивления, трудно предположить: то, что они должны были преследовать и спутать свой путь, еще труднее поверить: мы не можем не учитывать большие трудности дороги и кавказских перевалов на маршруте, приписываемом киммерийцам.[476] Нибур полагает, что последние прошли в Малую Азию по западной стороне Эвксинского моря и через фракийский Босфор, после того как были разбиты в решающей битве скифами у реки Тирас, где пали и были погребены их последние цари.[477] Хотя это и более легкий путь, и более соответствующий аналогии с другими оккупантами, изгнанными с той же территории, мы должны, в отсутствие положительных доказательств, рассматривать этот пункт как неподтвержденный.

Вторжение киммерийцев в Малую Азию, несомненно, было связано с их изгнанием скифами с северного побережья Эвксинского моря, но мы можем сомневаться, что оно вообще было связано с вторжением скифов в Медию, как об этом говорили Геродоту, за исключением

того, что оно произошло примерно в одно и то же время. Одна и та же великая эволюция скифской силы или подталкивание других племен, оставшихся позади, могли стать причиной обоих событий, которые были вызваны разными группами скифов, но почти одновременными.

Геродот сообщает нам два факта о киммерийских эмигрантах в Малую Азию. Они совершили разрушительные, хотя и преходящие опустошения во многих частях Пафлагонии, Фригии, Лидии и Ионии, - и они заняли надолго северный полуостров,[478] где впоследствии был основан греческий город Синопе. Если бы сохранились элегии современного эфесского поэта Каллина, мы бы знали, как лучше оценить эти тяжелые времена: он старался сохранить энергию своих соотечественников в борьбе с грозными захватчиками.[479] От более поздних авторов, которые, вероятно, имели перед собой эти стихи, мы узнаем, что киммерийцы, заняв главный город лидийцев Сарды (недоступный акрополь бросил им вызов), с повозками вошли в плодородную долину Кайстера, взяли и разграбили Магнезию на Мæандре и даже угрожали храму Артемиды в Эфесе. Но богиня так хорошо защитила свой собственный город и святилище,[480] что Лигдамис, вождь киммерийцев, чье имя выдает в нем грека, после сезона успешных грабежей в Лидии и Ионии, ведя свое войско в горные районы Киликии, был там настигнут и убит. Но хотя эти мародеры погибли, киммерийские поселенцы на территории близ Синопа остались; и Амброн, первый милезиец-кистинец, пытавшийся колонизировать это место, был убит ими, если верить Скимну. В дальнейшем они не упоминаются, но небезосновательно полагать, что они появились под именем халибов, которых Геродот упоминает на побережье между мариандинами и пафлагонцами, и которых Мела отмечает как примыкающих к Синопе и Амису.[481] Другие авторы помещают Халевов в нескольких различных точках, более восточных, хотя и вдоль той же параллели широты, - между Мосинки и Тибарени, около реки Термодон, и на северной границе Армении, около истоков Аракса; но только Геродот и Мела признают Халевов к западу от реки Галис и пафлагонцев, около Синопа. Эти халибы были храбрыми горцами, хотя и дикарями по нраву; они выделялись как производители и работники железа, которое давали их горы. В представлениях греков, отраженных в различных сказочных повествованиях, они явно связаны со скифами или киммерийцами; поэтому представляется вероятным, что эта связь присутствовала в сознании Геродота в отношении населения внутренних районов близ Синопа[482].

Геродот, по-видимому, предполагал только одно вторжение киммерийцев в Азию, во время правления Ардиса в Лидии. Ардиса сменил его сын Садьяттес, который царствовал двенадцать лет; и именно Аляттес, сын и преемник Садьяттеса, согласно Геродоту, изгнал киммерийцев из Азии.[483] Но Страбон, похоже, говорит о нескольких вторжениях, в которых участвовали треры, фракийское племя, и которые четко не разграничены; а Каллистен утверждал, что Сарды были взяты трерами и ликийцами.[484] Мы видим только, что большая и справедливая часть Малой Азии в течение большей части седьмого века до н. э. находилась во владении этих разрушительных кочевников, которые, с одной стороны, причиняли страдания ионийским грекам, а с другой - косвенно помогали им, тормозя рост лидийской монархии.

Вторжение скифов в Верхнюю Азию, по-видимому, было почти одновременным с вторжением киммерийцев в Малую Азию, но более разрушительным и затяжным. Медийский царь Кяксарес, вызванный для противостояния им из осады Ниневии, потерпел полное поражение, и скифы стали полными хозяевами страны. Они распространились по всей Верхней Азии, вплоть до Палестины и границ Египта, где их встретил египетский царь Псамметих, который только молитвами и дорогими подарками избавил свое царство от

вторжения. Возвращаясь, их отряд разграбил храм Афродиты в Аскалоне; это было святотатство, за которое богиня отомстила и грабителям, и их потомкам, вплоть до третьего и четвертого поколения. Двадцать восемь лет продолжалось их владычество в Верхней Азии,[485] сопровождавшееся невыносимой жестокостью и угнетением, пока, наконец, Киаксарес и медяне не нашли способ заманить вождей на пир и не убили их в час опьянения. Изгнав скифов, медяне вернулись в свою империю. Геродот рассказывает, что скифы вернулись в Херсонес Таврический, где обнаружили, что за время их долгого отсутствия их жены совокупались с рабами, а выросшее потомство отказалось их принять. Через линию[486], по которой проходил их поход, была проложена глубокая траншея, и подросшая молодежь храбро защищала ее, пока, наконец, - так гласит история, - вернувшиеся хозяева не взяли в руки плети вместо оружия и бичами не заставили непокорных рабов подчиниться.

Как бы мало мы ни знали об особенностях этих киммерийских и скифских вторжений, они заслуживают внимания как первые - по крайней мере, первые исторически известные - среди многочисленных вторжений кочевников Тартарии в культивированные Азию и Европу. Гунны, авары, болгары, мадьяры, турки, монголы, татары и т.д. в последующие века повторяют те же самые нападения и устанавливают более прочное и не менее разрушительное господство, чем временный бич скифов во времена правления Кяксареса.

После изгнания скифов из Азии вновь установилась полномасштабная власть Медийской империи, и Кяксарекс получил возможность снова осадить Ниневию. Он взял этот великий город и подчинил своей власти всех ассирийцев, кроме тех, что составляли Вавилонское царство. Это завоевание было достигнуто к концу его царствования, и он завещал Медийскую империю, достигшую максимума своего величия, своему сыну Астиагесу в 595 году до н. э.[487]

Как господство скифов в Верхней Азии продолжалось двадцать восемь лет, прежде чем они были изгнаны Кяксаресом, так и вторжения киммерийцев в Малую Азию, начавшиеся в правление лидийского царя Ардиса, продолжались в течение двенадцати лет правления его сына Садьяттеса (629-617 гг. до н. э.) и, наконец, прекратились. Однако, несмотря на киммерийцев, Садьяттес был в состоянии вести войну против греческого города Милет, которая продолжалась в течение последних семи лет его правления и которую он завещал своему сыну и преемнику. Аляттес продолжал войну еще пять лет. Союзные чувства среди различных греческих городов на азиатском побережье были настолько слабы, что ни один из них не оказал Милету никакой помощи, кроме хианцев, которые были в особых обязательствах перед Милетом за предыдущую помощь в борьбе с Эритреей: И милезийцы без помощи не могли сравниться с лидийской армией в поле, хотя их огромная морская сила ставила их вне всякой опасности блокады; и мы должны предположить, что возведение этих земляных курганов у стен, с помощью которых перс Гарпаг победил ионийские города через полвека после этого, было тогда неизвестно лидийцам. В течение двенадцати лет подряд милезийская территория ежегодно подвергалась набегам и опустошениям, предшествующим сбору урожая. Жители, потерпев поражение в двух разорительных битвах, потеряли всякую надежду сопротивляться опустошению, так что задача захватчиков стала легкой, и лидийская армия продолжала свой разрушительный поход под звуки флейт и арф. Они уничтожали посевы и фруктовые деревья, но Аляттес не позволял сжигать хозяйственные постройки и дома, чтобы сохранить средства производства и снова уничтожить их в следующий сезон. В результате такого непрекращающегося опустошения милезийцы были доведены до бедствия и голода, несмотря на то, что владели морем; и судьба, постигшая их впоследствии, во время правления Крёза, - стать подданными Сардиса, - началась бы на полвека раньше, если бы Аляттес ненамеренно не совершил

осквернение богини Атене. Ее храм в Аскесе случайно загорелся и был уничтожен, когда его солдаты в ветреный день сжигали милезийскую кукурузу. Хотя в то время никто не обратил внимания на этот инцидент, Аляттес по возвращении в Сарды был поражен продолжительной болезнью. Не найдя облегчения, он отправил посланцев за смиренным советом к богу в Дельфы; но пифийская жрица отказалась дать какие-либо исцеляющие советы, пока он не восстановит сожженный храм Афон, и Периандр, в то время деспот Коринфа, узнав о сути этого ответа, передал частные сведения о нем Фрасибулу, деспоту Милета, с которым он был в тесном союзе. Вскоре в Милет прибыл вестник от Аляттеса с предложением о перемирии, чтобы дать ему возможность восстановить разрушенный храм, - лидийский монарх считал, что милезийцы так плохо обеспечены пропитанием, что с радостью примут это временное облегчение. Но по прибытии глашатай обнаружил, что на агоре в изобилии навалена кукуруза, а горожане заняты пиршеством и весельем: Фрасибул приказал вынести все запасы провизии в городе, как государственные, так и частные, чтобы глашатай увидел милезийцев в состоянии явного изобилия и донес об этом своему господину. Уловка удалась. Аляттес, убедившись, что его постоянные опустошения не причиняют милезийцам ощутимых лишений, отказался от своих враждебных замыслов и заключил с ними договор о дружбе и союзе. Первым делом он построил два храма Афине взамен разрушенного, после чего сразу же выздоровел от затянувшейся болезни. Его благодарность за исцеление была засвидетельствована передачей большой серебряной чаши с железной подставкой, сваренной вместе хианским художником Глаукусом, изобретателем искусства соединения кусков железа[489].

Говорят, что Аляттес проводил и другие операции против некоторых ионийских греков: он взял Смирну, но потерпел поражение при вторжении на территорию Клазомен.[490] Но в целом его долгое пятидесятилетнее правление было спокойным для греческих городов на побережье, хотя мы слышим об экспедиции, которую он предпринял против Карики.[491] Сообщается, что в молодости он отличался чрезмерной дерзостью, но впоследствии приобрел справедливый и улучшенный характер. От ионийской жены он стал отцом Крёза, которого еще при жизни назначил сатрапом города Адрамиттия и соседней равнины Феб. Но у него были и другие жены и другие сыновья, и один из них, Адрамит, считается основателем Адрамитиума. [492] Как далеко простиралось его владычество во внутренних районах Малой Азии, мы не знаем, но очень вероятно, что его долгое и сравнительно бездейственное правление способствовало накоплению тех сокровищ, которые впоследствии сделали богатство Крёза столь известным. Его памятник, огромный пирамидальный курган на каменном основании, воздвигнутый близ Сард совместными усилиями всего сардийского населения, был самой запоминающейся диковинкой в Лидии во времена Геродота; он уступал только гигантским сооружениям Египта и Вавилона[493].

Крёс получил трон после смерти своего отца по назначению последнего. Но среди лидийцев была партия, которая поддерживала притязания его брата Панталеона; один из самых богатых вождей этой партии был впоследствии предан смерти новым царем под жестокой пыткой шипованной чесальной машины, а его имущество конфисковано.[494] Агрессивное правление Крёза, длившееся четырнадцать лет (559-545 гг. до н. э.), составляло заметный контраст с долгим спокойствием его отца в течение пятидесяти семи лет правления.

Легко найдя предлог для войны с азиатскими греками, Крёйс нападал на них один за другим. К сожалению, мы не знаем ни подробностей этих последовательных нападений, ни предыдущей истории ионических городов, чтобы объяснить, как получилось, что пятый из мермнадских царей Сардиса добился такого безоговорочного успеха в предприятии,

которое тщетно пытались осуществить его предшественники. Один только Милет с помощью Хиоса в течение одиннадцати лет противостоял Аляттесу и Садьяттесу, а Крёс не обладал морскими силами, как его отец и дед. Но в этом случае ни один из городов не мог проявить такую же индивидуальную энергию. Что касается милезийцев, то можно предположить, что рассматриваемый нами период входил в тот длительный кишечный конфликт, который, по словам Геродота (хотя и без точного определения времени его возникновения), на протяжении двух поколений калечил силы города, и который в конце концов был умиротворен памятным решением арбитров, приглашенных с Пароса. Эти арбитры, вызванные по взаимному согласию измученных враждующих сторон в Милет, нашли и город, и его территорию в состоянии всеобщего запустения и разрухи. Но, осмотрев земли, они обнаружили некоторые из них, которые, как оказалось, все еще обрабатывались с неизменным усердием и мастерством; владельцам этих земель они передали управление городом, полагая, что они будут управлять общественными делами с таким же успехом, как и своими собственными.^[495] Такое состояние слабости кишечника отчасти объясняет легкое подчинение милетян Крёзом; в то время как в привычках ионических городов было мало шансов на объединение усилий против общего врага. Эти города, далекие от поддержания какой-либо эффективной политической конфедерации, находились в состоянии привычной ревности друг к другу и нередко вели настоящую войну.^[496] Общие религиозные праздники - Делийский фестиваль, а также Пан-Иония, а затем Эфесия вместо Делии, - похоже, регулярно посещались всеми городами в самые тяжелые времена. Но эти собрания не имели прямой политической функции, и им не разрешалось управлять теми чувствами отдельного города-автономии, которые были главными в греческом сознании, - хотя их влияние было чрезвычайно ценным для вызова социальных симпатий. Кроме периодических праздников, в храме Пан-Ионики проводились собрания по особым случаям; но от таких собраний любой город, не вовлеченный в них напрямую, держался в стороне.^[497] Как и в этом случае, так и в других, не менее критических, на протяжении всего исторического периода неспособность крупных политических объединений была источником постоянной опасности и в конечном счете стала причиной гибели независимости всех греческих государств. Геродот горячо приветствует совет, данный Талесом своим ионийским соотечественникам, - и данный, по его замечательному выражению, "до разорения Ионии"^[498], - о том, что общий сенат, наделенный властью над всеми двенадцатью городами, должен быть сформирован в стенах Теоса, как наиболее центрального по положению; и что все остальные города должны считать себя просто владениями этого aggregate содружества, или полиса. Не приходится сомневаться, что именно к этому безуспешно стремились многие патриоты Милета или Эфеса еще до того, как против них развернулись окончательные действия Крёза.

Этот князь последовательно нападал на греческие города, находя или выдвигая различные поводы для вражды с каждым из них. Он начал с Эфеса, которым, как говорят, в то время управлял суровый и деспотичный деспот по имени Пиндарус, чей отец Мелас женился на дочери Аляттеса и который, следовательно, сам был племянником Крёза.^{[Последний, тщетно предлагая Пиндару и эфесцам сдать город, собрал свои силы и напал на стены: одна из башен была низвергнута, эфесцы оставили всякую надежду защитить свой город и искали безопасности, отдав его под опеку Артемиды, в храм которой они перенесли веревку со стен, - расстояние не менее семи футов. В то же время они отправили прошение к Хрису, который, как говорят, дал им возможность сохранить свободу из почтения к защите Артемиды, потребовав в то же время, чтобы Пиндарус покинул это место. Такова история, о которой мы находим сбивчивое упоминание у Илиана и Полиэна; но Геродот, хотя и отмечает факт длинной веревки, с помощью которой эфесцы пытались установить контакт со своей божественной покровительницей, не указывает, что Крёс был вынужден относиться к ним более благосклонно. Эфес, как и все остальные греческие города на побережье, был}

подчинен и обложен данью.^[500] Как он с ними обращался и какую степень принудительных мер предосторожности применял, чтобы обеспечить подчинение или собрать дань, краткость историка нам не сообщает. Но им пришлось частично, если не полностью, разрушить свои укрепления, так как из-за опасности, нависшей над ними через несколько лет после Кира, они оказались практически не укрепленными^[501].

Добившись полного успеха в своих нападениях на континентальных азиатских греков, Крёс задумал собрать флот для нападения на жителей островов Хиос и Самос, но был убежден, как говорили некоторые, язвительным замечанием одного из семи греческих мудрецов, Биаса или Питтака, в неосуществимости этого проекта. Однако он с полным успехом пронес свое оружие по другим частям континента Малой Азии, пока не покорил всю территорию в пределах реки Галис, за исключением киликийцев и ликийцев. Таким образом, Лидийская империя достигла максимума своего могущества и включала в себя, помимо эолийских, ионийских и дорийских греков на побережье Малой Азии, фригийцев, мисийцев, мариандинов, халибов, пафлагонцев, тинийских и вифинийских фракийцев, карийцев и памфилийцев. А сокровища, собранные Крёзом в Сардах, частично от этого огромного числа притоков, частично от рудников в различных местах, а также от аврийных песков Пактола, превосходили все, что греки когда-либо знали.

Из кратких, но ценных замечаний Геродота мы узнаем, насколько велико значение этих завоеваний Крёза, причем не только для греческих городов, но и косвенно для всего греческого мира.

"До правления Крёза, - отмечает историк, - все греки были свободны; именно при нем греки впервые были покорены данью". И он рассматривает это событие как начальное явление ряда, из которого выросли враждебные отношения между греками, с одной стороны, и Азией в лице персов, с другой, которые были на первом месте в сознании его самого и его современников.

Именно в случае с Крёзом грекам впервые пришлось иметь дело с довольно крупным варварским сообществом под руководством воинственного и предприимчивого князя, и результат был таким, чтобы продемонстрировать слабость, присущую их политической системе, из-за ее неспособности к крупным объединениям. Отделившиеся автономные города могли сохранить свою независимость только благодаря аналогичному объединению со стороны варварских противников или благодаря превосходству в военной организации и географическом положении. Положение самой Греции и островов благоприятствовало поддержанию такой системы, но не берегов Азии с обширной внутренней территорией. Ионические греки в это время отличались от тех, кем они стали в течение последующего столетия, мало уступая в энергии Афинам или общей массе европейских греков, и, несомненно, могли бы сохранить свою независимость, если бы они сердечно объединились. Но далее будет показано, что греческие колонии, основанные как изолированные поселения и не склонные к политическому союзу, даже будучи соседями, - все они попадали в зависимость, как только нападение изнутри становилось мощно организованным; особенно если эта организация осуществлялась лидерами, частично усовершенствованными благодаря контактам с самими греками. Небольшие автономные города сохраняются до тех пор, пока им приходится иметь дело только с врагами такой же силы: но для сопротивления более крупным скоплениям требуется такое стечение благоприятных обстоятельств, которое вряд ли может долго сохраняться без перерыва. И окончательное подчинение всей Греции под властью македонских царей было лишь иллюстрацией этого же принципа в самом широком масштабе.

Лидийская монархия при Крёзе, самая крупная из тех, с которыми греки вступали в контакт до этого момента, очень скоро была поглощена еще более крупной - Персидской, подданными которой, после безуспешного сопротивления, стали ионийские греки. Частичное сочувствие и помощь, которые они получили от независимых или европейских греков, своих западных соседей, а затем бесплодная попытка персидского царя присоединить этих последних к своей империи, придали совершенно новый поворот истории и делам Греции. Во-первых, это вызвало необходимость централизованных действий против персов, что было чуждо греческому политическому инстинкту; во-вторых, это открыло для самой благородной и предприимчивой части эллинской фамилии - афинян - возможность поставить себя во главе этой централизующей тенденции; в то время как стечение обстоятельств, внешних и внутренних, придавало им в то же время тот необычный и многосторонний импульс, сочетающий действие с организацией, который придавал такое величие периоду Геродота и Фукидида. Таким образом, большинство великих явлений греческой истории прямо или косвенно выросло из той неохотной зависимости, в которой азиатские греки находились от внутренних варварских держав, начиная с Крёза.

Этих нескольких замечаний достаточно, чтобы понять, что сейчас открывается новая фаза греческой истории. Вплоть до времени Крёза почти все, что делается или претерпевается греческими городами, касается только одного или другого из них в отдельности: инстинкт греков отвергает даже измененные формы политической централизации, и нет никаких действующих обстоятельств, которые могли бы принудить их к этому. Отношения власти и подчинения существуют между сильным и слабым государством, но нет тенденции к постоянному политическому координированию. С этого времени мы будем наблюдать частичные причины, действующие в этом направлении, и не без значительного влияния; хотя они всегда находятся в состоянии войны с несокрушимым инстинктом нации и часто противодействуются эгоизмом и неправильным поведением ведущих городов.

ГЛАВА XVIII. ФЕНИКИ.

О феникийцах, ассирийцах и египтянах я должен рассказать в той мере, в какой они влияли на состояние или занимали мысли ранних греков, не берясь тщательно исследовать их предыдущую историю. Как и лидийцы, все трое были поглощены огромной массой Персидской империи, сохранив, однако, в значительной степени свой социальный характер и особенности после того, как были лишены политической независимости.

Персы и меды - представители арийской расы и члены той великой индоевропейской семьи, которую классифицируют по языку, - занимали часть огромного пространства между Индом на востоке и линией горы Загрос (идущей к востоку от Тигра и почти параллельной этой реке) на западе. Феники, как и ассирийцы, принадлежали к семитской, арамейской или сиро-аравийской семье, включавшей в себя, кроме того, сирийцев, евреев, аравийцев и частично абиссинцев. Вопрос о том, к какому именно семейству человеческой расы следует отнести смуглых и курчавоволосых египтян, вызывает много споров; мы не можем отнести их ни к одному из двух предыдущих, и самые тщательные исследования позволяют предположить,

что их физический тип был чем-то чисто африканским, во многих отношениях приближающимся к негритянскому.[502]

Уже отмечалось, что феникийский купец и торговое судно фигурируют в гомеровских поэмах как хорошо известный гость, и что пестрые одежды и золотые украшения, изготовленные в Сидоне, ценятся среди ценных украшений, принадлежащих вождям.[503] В целом мы имеем основания заключить, что в эти ранние времена финикийцы постоянно путешествовали по Эгейскому морю и даже основали поселения для торговли и добычи полезных ископаемых на некоторых из его островов: на Фасосе, особенно у побережья Фракии, следы их заброшенных золотых рудников были видны еще во времена Геродота, что свидетельствует об упорном труде и значительной продолжительности их деятельности. Но в то время, когда открывается историческая эпоха, они, по-видимому, постепенно уходили из этих регионов,[504] и их торговля приняла другое направление. Об этих изменениях мы не можем предоставить никаких подробностей; но мы можем легко понять, что увеличение греческого флота, как военного, так и торгового, сделало бы неудобным для феникийцев столкновение с такими предприимчивыми соперниками, - пиратство (или частная война на море) было тогда обычным делом, особенно в отношении иностранцев.

Феникийские города занимали узкую полосу побережья Сирии и Палестины, около ста двадцати миль в длину, но никогда не больше, а обычно гораздо меньше, чем двадцать миль в ширину, - между горой Либанус и морем. Арадус, расположенный на островке, с Антарадусом и Маратусом напротив него на основной суше, был самым северным, а Тир - самым южным (также на маленьком островке, с Пале-Тиром и плодородной прилегающей равниной напротив него). Между ними располагались Сидон, Берит, Триполис и Библ, а также несколько небольших городов, примыкавших то к одному, то к другому из этих городов, и несколько островов, расположенных недалеко от побережья и занятых подобным образом; колония Мириандр находилась дальше к северу, у границ Киликии. Кто был древнее - Сидон или Тир - определить невозможно: если верно утверждение некоторых властей, что Тир был первоначально основан из Сидона, то колония должна была расти так быстро, что превзошла свою метрополию по силе и значимости, став главным из всех феникийских городов.[506] Арадус, следующий по значимости после этих двух, был основан изгнанниками из Сидона, а все остальные - либо тирийскими, либо сидонскими поселенцами. На этой ограниченной территории была сосредоточена большая степень коммерческого богатства и предприимчивости, а также производственной изобретательности, чем в любой другой части современного мира. Каждый город был независимой общиной, с собственной территорией и политическим устройством, со своим наследственным князем,[507] хотя в летописях Тира есть много случаев убийства князей людьми, сменившими их на троне. Тир, по-видимому, пользовался определенной руководящей, возможно, контролирующей властью над всеми городами, которой не всегда охотно подчинялись; встречаются примеры, когда нижестоящие города, когда Тир был потеснен иностранным врагом,[508] использовали возможность восстать или, по крайней мере, держались в стороне. Та же трудность удовлетворительного урегулирования отношений между городом-председателем и его единомышленниками, которую демонстрирует греческая история, обнаруживается и в Феникии, и в дальнейшем будет отмечена в отношении Карфагена; в то же время прослеживаются те же последствия автономного городского управления для сохранения индивидуальной энергии и регулируемых устремлений жителей. Преобладающие настроения ревнивой городской изоляции убедительно иллюстрируются обстоятельствами Триполиса, основанного совместно Тиром, Сидоном и Арадусом. Он состоял из трех отдельных городов, каждый из которых находился на расстоянии одной аршинной длины от двух других и имел свои

отдельные стены, хотя, вероятно, в определенной степени представлял собой единое политическое сообщество и служил местом общих собраний и совещаний для всего феникийского рода.[509] Выступающие мысы Либанус и Антилибанус касались моря вдоль феникийского побережья, и эти горные хребты, хотя и делали значительную часть очень ограниченной территории непригодной для выращивания кукурузы, обеспечивали то, что, возможно, было еще более необходимым, - обильные запасы древесины для строительства кораблей: полное отсутствие любой древесины в Вавилонии, кроме финиковой пальмы, ограничивало ассирийцев этой территории от морских перевозок по Персидскому заливу. Однако, судя по всему, горы Ливана давали приют и племенам хищных арабов, которые непрерывно проникали как на территорию Феникии, так и на богатую соседнюю равнину Келе-Сирии[510].

Великолепный храм того великого феникийского бога (Мелькарта), которого греки называли Гераклесом,[511] находился в Тире, и тирийцы утверждали, что его основание совпало с первым основанием города, за две тысячи триста лет до времен Геродота. Этот бог - спутник и покровитель их колониальных поселений и предок фенико-ливийских царей: мы находим его, в частности, в Карфагене, Гадесе и на Фасосе.[512] Некоторые предполагали, что они переселились на свое место на побережье Средиземного моря из прежних мест обитания близ устья Евфрата[513] или на островах (названных Тилус и Арадус) Персидского залива, другие же считали средиземноморских феников исконными, а остальных - колонистами. Так это или нет, но история не знает их ни в одной другой части Азии ранее, чем в самой Феникии.

Хотя непобедимая промышленность и предприимчивость феникийцев сохраняли их как важный народ вплоть до периода Римской империи, период их самого широкого распространения и наибольшей эффективности следует искать гораздо раньше - до 700 г. до н. э. В эти отдаленные времена они и их колонисты были исключительными мореплавателями Средиземноморья: рост греческих морских поселений в значительной степени изгнал их торговлю из Эгейского моря и затруднил ее даже в более западных водах. Их колонии были созданы в Африке, Сицилии, Сардинии, на Балеарских островах и в Испании: величие и древность Карфагена, Утики и Гадеса свидетельствуют о дальновидных планах феникийских торговцев даже во времена, предшествовавшие 1-й Олимпиаде. Богатство и промышленность Тира, а также дальнейшее плавание его кораблей через Красное море и вдоль побережья Аравии мы прослеживаем еще во времена Давида и Соломона. И поскольку ни египтяне, ни ассирийцы, ни персы, ни индийцы не занимались мореплаванием, похоже, что и ввоз, и распространение продуктов Индии и Аравии в Западной Азии и Европе осуществляли идумейские арабы, между Петрой и Красным морем, - арабами Герры на Персидском заливе, к которым в более поздние времена присоединились халдейские изгнанники из Вавилонии, - и более предприимчивыми финикийцами из Тира и Сидона на этих двух морях, а также в Средиземном море.[514]

Древнейшими феникийскими колониями были Утика, расположенная почти на самой северной точке побережья Африки и в том же заливе (ныне известном как Тунисский залив), что и Карфаген, напротив мыса Лилибеум на Сицилии, и Гадес, или Гадейра, на юго-западном побережье Испании; город, основанный, возможно, за тысячу лет до христианской эры,[515] сохранил непрерывное процветание и название (Кадис), практически не изменившееся, дольше, чем любой другой город в Европе. Насколько местоположение Утики соответствовало условиям жизни феникийских колонистов, можно судить по тому факту, что впоследствии в том же заливе и недалеко от того же места был основан Карфаген, и оба эти города достигли высокого уровня процветания. Расстояние Гадеса от Тира кажется

удивительным, и если считать по времени, а не по пространству, то тирийцев отделял от их тартессийских колонистов интервал, больший, чем тот, который сегодня отделяет англичанина от Бомбея; Ведь древние мореплаватели всегда плыли вдоль суши, а Скилакс считает семьдесят пять дней[516] плавания от Канопического (самого западного) устья Нила до Столбов Геракла (Гибралтарского пролива); к этому следует добавить еще несколько дней, чтобы представить полное расстояние между Тиром и Гадесом. Но предприимчивость этих первых мореплавателей преодолела все трудности, согласующиеся с принципом никогда не терять из виду берега. Продвигаясь вдоль северного побережья Ливии в то время, когда устья Нила были еще закрыты египетской ревностью от всех иностранных кораблей, они, похоже, не нашли особого соблазна колонизировать[517] опасное побережье вблизи двух заливов, называемых Большим и Малым Сиртисом, - на территории, по большей части лишенной воды и занятой грубыми ливийскими кочевниками, которые были рассеяны по широкому пространству между западным Нилом[518] и мысом Гермесия, называемым теперь мысом Бона. Последующие греческие города Кирена и Барка, чье удачно выбранное место составляет исключение из общего характера региона, были основаны не с целью торговли,[519] а феникийский город Лептис, расположенный у залива, называемого Великим Сиртисом, был основан изгнанниками из Сидона, а не в результате целенаправленной колонизации. Место расположения Утики и Карфагена, в заливе им к западу от мыса Бона, было удобно для торговли с Сицилией, Италией и Сардинией; а другие феникийские колонии, Адруметум, Неаполис, Гиппо (два города с таким названием), Малый Лептис и т. д., были основаны на побережье недалеко от восточных или западных мысов, включавших Тунисский залив, общий для Карфагена и Утики.

Эти ранние феникийские поселения были основаны на территории, известной сегодня как королевство Тунис и западная часть французской провинции Константина. Оттуда до Гераклевых столбов (Гибралтарского пролива) мы не слышим о других; но колония Гадес за пределами пролива была центром процветающей и обширной торговли, которая простиралась, с одной стороны, далеко на юг, не менее чем на тридцать дней плавания вдоль западного побережья Африки,[520] а с другой стороны - в Британию и на острова Скилли. Вдоль западного побережья нынешней Марокканской империи располагались многочисленные феникийские фактории и небольшие торговые города, а остров Керне, расположенный в двенадцати днях плавания вдоль побережья от Гибралтарского пролива, служил надежным пунктом для торговли феникийскими товарами с внутренними районами. Кроме того, недалеко от побережья находились города ливийцев или эфиопов, куда прибегали жители центральных областей и привозили свои леопардовые шкуры и слоновьи зубы для обмена на тирские благовония и афинскую керамику.[521] Столь далекая торговля, ограниченная навигация того времени, не могла охватить очень громоздкие товары.

Но эта торговля, хотя и казалась ценной, составляла лишь малую часть источников богатства, открытых для фенийцев из Гадеса. Турдитанцы и турдули, занимавшие юго-западную часть Испании, между рекой Анас (Гвадиана) и Средиземным морем, были, по-видимому, наиболее цивилизованной и импровизированной частью иберийских племен, хорошо приспособленной для торговых отношений с поселенцами, которые заняли остров Леон и основали храм тирийского Геракла, впоследствии столь богатый и посещаемый. Исключительная продуктивность южной части Испании в выращивании кукурузы, рыбы, скота и вина, а также серебра и железа - тема, по которой мы находим лишь один язык среди древних писателей. Территория вокруг Гадеса, Картеи и других феникийских поселений в этом районе была известна грекам в шестом веке до нашей эры под названием Тартесс и рассматривалась ими примерно в том же свете, в каком Мексика и Перу предстали перед испанцами шестнадцатого века. В течение трех или четырех столетий фенийцы обладали

полной монополией на тартесскую торговлю без какого-либо соперничества со стороны греков; вероятно, добываемые там металлы были в те дни их самым ценным приобретением, и племена, занимавшие горнодобывающие районы внутренних областей, нашли новый рынок и ценный спрос на продукцию, получаемую тогда с преувеличенной до басни степенью удобства.^[522] Именно из Гадеса как центра эти предприимчивые торговцы, продвинувшись в своем каботажном плавании еще дальше, установили отношения с оловянными рудниками Корнуолла, а возможно, и со сборщиками янтаря с берегов Балтики. Требуется некоторое усилие, чтобы перенестись в своем воображении в то время, когда на всем огромном пространстве страны от Тира и Сидона до побережья Корнуолла не было ни одного торгового судна, которое бы покупало или продавало товары, кроме этих фенианцев. Самые грубые племена находят выгоду в таких посетителях; и мы не можем сомневаться, что люди, чья решительная любовь к выгоде преодолела столько опасностей и трудностей, должны были быть вознаграждены прибылью в самом большом масштабе монополии.

Феникийские поселенцы на побережье Испании постепенно становились все более и более многочисленными и, по-видимому, были распределены либо отдельными поселениями, либо смешивались с местным населением между устьем Анаса (Гвадиана) и городом Малака (Малага) на Средиземном море. К сожалению, мы очень мало осведомлены об их точном местонахождении и деталях, но мы не находим сведений о феникийских поселениях на средиземноморском побережье Испании к северу от Малаки; ведь Карфагена, или Новый Карфаген, была карфагенским поселением, основанным только в третьем веке до нашей эры, Греческое слово "феники" используется для обозначения как жителей Карфагена, так и жителей Тира и Сидона, поэтому нелегко определить, что относится к каждому из них; тем не менее, мы можем заметить большую и важную разницу в характере их поселений, особенно в Иберии. Карфагеняне совмещали свои торговые проекты с крупными планами завоевания и создания империи: так, независимые феникийские поселения в Тунисском заливе и вблизи него в Африке были поставлены в зависимость от них, в то время как множество новых небольших городов, прямо из самого Карфагена, были основаны на средиземноморском побережье Африки, и все это побережье от большого Сиртиса на запад до Гераклеидских столбов (Гибралтарский пролив) описывается как их территория в Перипле Скилакса (до н. э. 360). С. 360). В Иберии в течение III века до н. э. они держали большие армии,^[524] подчинили себе внутренние племена и приобрели господство, которому ничто, кроме превосходящей силы Рима, не помешало стать прочным: в Сицилии сопротивление греков также предотвратило подобное завершение. Но иностранные поселения Тира и Сидона создавались с чисто торговыми целями. В районе Тартесса, как и на западном побережье Африки за Гибралтарским проливом, мы слышим только о мирном обмене и металлургии; а число феникийцев, которые постепенно приобретали поселения во внутренних районах, было так велико, что Страбон описывает эти города - не менее двухсот в количестве - как полностью феникизированные.^[525] В его время обстоятельства, благоприятствовавшие новым эмиграциям феникийцев, были уже давно в прошлом, и можно без колебаний приписать перевес, который приобрел этот иноземный элемент, периоду несколькими столетиями ранее, начиная с того времени, когда Тир и Сидон пользовались как неоспоримой автономией внутри страны, так и полной монополией на иберийскую торговлю без вмешательства греков.

Самой ранней греческой колонией, основанной на Сицилии, был Наксос, основанный халкидцами в 735 году до нашей эры: Сиракузы последовали за ним в следующем году, и в течение последующего столетия на острове появилось множество процветающих греческих городов. Эти греки обнаружили, что фенийцы уже владели многими отдаленными островами и мысами по всему острову, которые служили им для торговли с сикелами и

сиканами, занимавшими внутренние районы. Безопасность и удобства этой налаженной торговли были в такой степени нарушены новоприбывшими, что фенийцы, отказавшись от своих многочисленных мелких поселений по всему острову, сосредоточились в трех значительных городах у юго-западного угла близ Лилибея,[526] - Мотике, Солоисе и Панорме, - и на острове Мальта, где они были наименее удалены от Утики и Карфагена. Тирийцы того времени были сильно потеснены ассирийцами при Салманезере, а могущество Карфагена еще не достигло своего апогея, иначе, вероятно, это отступление сицилийских феников перед греками не прошло бы без борьбы. Но ранние феники, превосходившие греков в меркантильности и не желавшие соперничать, кроме как при обстоятельствах очень большого превосходства сил, с воинственными авантюристами, стремящимися к постоянному поселению, благоразумно ограничили сферу своих действий. Похоже, что аналогичные изменения произошли и на Кипре, другом острове, где греки и фенийцы вступили в тесный контакт. Если верить тирийским анналам, с которыми ознакомился историк Менандр, Кипр был подвластен тирийцам еще во времена Соломона.[527] Нам неизвестны даты основания Пафоса, Саламиса, Китиума и других греческих городов, но несомненно, что они произошли позже этого периода, и что значительная часть земли и торговли Кипра таким образом перешла от феников к грекам; которые, со своей стороны, частично приняли и распространили обряды, иногда жестокие, иногда сладострастные, воплощенные в феникской религии.[528] В Киликии, особенно в Тарсе, вторжение греческих поселенцев, похоже, постепенно эллинизировало город, который изначально был финикийским и ассирийским; вместе с другими греческими поселениями - Фасеклисом, Аспендом и Сиде - на южном побережье Малой Азии, это способствовало сужению ареала приключений финикийцев в этом направлении[529].

Именно таким образом финикийцы оказались затронуты распространением греческих поселений; и если бы ионийцы Малой Азии, впервые завоеванные Гарпагом и персами, последовали совету приенисейского Биаса эмигрировать всем телом и основать одну большую пан-ионийскую колонию на острове Сардиния, эти ранние купцы испытали бы аналогичные препятствия[530], оказавшись еще дальше на западе, - возможно, вся последующая история Карфагена претерпела бы значительные изменения. Но Иберия и золотая область Тартесса оставались сравнительно мало посещаемыми и еще менее колонизированными греками; они стали известны им лишь спустя более века после того, как на Сицилии появились их первые поселения. Каким бы легким ни казалось нам сейчас путешествие из Коринфа в Кадис, для грека седьмого-шестого веков до нашей эры оно было грозным предприятием. Ему было необходимо сначала проплыть вдоль Аккарнаний и Эпира, затем пересечь сначала остров Коркира, а затем Тарентумский залив; затем он удваивал самый южный мыс Италии и следовал по изгибам средиземноморского побережья через Тиррению, Лигурию, южную Галлию и восточную Иберию к Геракловым столбам или Гибралтарскому проливу: Или, если он этого не сделает, у него была альтернатива - пересечь открытое море от Крета или Пелопоннеса до Ливии, а затем плыть на запад вдоль опасного побережья Сирты, пока не прибудет в ту же точку. Оба путешествия были сопряжены с трудностями, но наиболее серьезную опасность представлял прямой переход через открытое море из Крета в Ливию. Примерно в 630 году до н. э. жители острова Фера, измученные семилетней засухой, получили от дельфийского бога повеление основать колонию в Ливии. Ничто, кроме божественного повеления, не могло побудить их подчиниться столь страшному приговору об изгнании; ведь названный регион был им не только совершенно неизвестен, но и при самых тщательных поисках среди опытных греческих мореплавателей они не смогли обнаружить ни одного человека, который когда-либо намеренно совершал путешествие в Ливию. [531] Они нашли только одного критянина -

рыбака по имени Коробий, - которого случайно занесло туда сильными штормами, и он служил им проводником.

В это время Египет только недавно был открыт для греческой торговли - Псамметих был первым царем, который частично ослабил ревностное запрещение кораблям входить в Нил, навязанное всеми его предшественниками; и возбуждение столь выгодной торговли воодушевило некоторых ионийских торговцев совершить прямое путешествие из Крета к устью этой реки. Именно во время одного из таких путешествий и в связи с основанием Кирена (о чем будет рассказано в одной из следующих глав) мы познакомились с памятным приключением саамского купца Колеуса. Направляясь в Египет, он был сбит с курса встречными ветрами и нашел убежище на необитаемом островке Платея у берегов Ливии - месте, где вскоре после этого обосновались эмигранты, направлявшиеся в Кирену. Отсюда он снова отправился в Египет, но опять без успеха; сильные и непрерывные восточные ветры постоянно гнали его на запад, пока он, наконец, не миновал Столбы Гераклеи и не оказался, под провидческим руководством богов,[532] неожиданным гостем среди феникийцев и иберийцев Тартесса. Что это был за груз, который он вез в Египет, нам не известно, но он продавался на этом еще девственном рынке по самым непомерным ценам: он и его команда (говорит Геродот)[533] "получили прибыль, большую, чем когда-либо выпадала на долю любого известного грека, кроме Сострата Эгинетского, с которым никто не мог соперничать". О величине их прибыли можно судить по жертвенному подношению, которое они воздвигли по возвращении в священном храме Геры на Самосе в благодарность за защиту богини во время путешествия, - большой бронзовой вазе, украшенной выступающими головами грифонов и поддерживаемой тремя бронзовыми коленопреклоненными фигурами колоссального роста: она стоила шесть талантов и составляла десятину от их прибыли. Совокупность шестидесяти талантов[534] (около шестнадцати тысяч фунтов стерлингов, если говорить приблизительно), соответствующая этой десятина, была суммой, которой могли похвастаться не многие даже из богатых людей Афин в их самое богатое время.

Счастливой случайности этой огромной вазы и надписи, несомненно, прикрепленной к ней, которую Геродот увидел в Херæоне на Самосе, и впечатлению, которое такое чудесное обогащение произвело на его воображение, мы обязаны тем, что знаем точный период, когда секрет феникийской торговли в Тартессе впервые стал известен грекам. Путешествие Колеуса открыло для греков того времени новый мир, едва ли менее значимый - с учетом их прежней совокупности знаний - чем открытие Америки для европейцев последней половины пятнадцатого века. Но Колеус не более чем сообщил о существовании этого далекого и прибыльного региона: нельзя сказать, что он указал путь к нему: несмотря на основание Кирена и Барки, благодаря которым греки стали гораздо лучше знать побережье Ливии, чем прежде, мы не находим, что греческие торговцы когда-либо целенаправленно следовали маршрутом, по которому он был перевезен против своей воли.

Вероятно, карфагеняне, совершенно беспринципные в делах против торговых конкурентов,[535] усугубили бы его естественные морские трудности ложной информацией и враждебными действиями. Однако простое сообщение о таких успехах должно было послужить стимулом для других предприимчивых мореплавателей; и фокейцы в течение следующего полувека, продвигаясь в своих исследовательских плаваниях вдоль Адриатики и Тирренского побережья и основав Массалию в 600 году до н. э., в конце концов достигли Гераклейского и Тартесского столбов вдоль восточного побережья Испании. Эти люди были самыми отважными мореплавателями[536], которых Греция когда-либо производила на свет, вызывая ревнивое беспокойство даже у своих ионийских соседей:[537] их плавания совершались не на круглых и громоздких торговых кораблях, рассчитанных только на

максимальный груз, а на вооруженных пентеконтерах, - и таким образом они могли бросить вызов каперам тирренских городов Средиземноморья, которые долгое время удерживали греческого торговца от любых привычных перевозок вблизи Мессинского пролива [\[538\]](#) Можно не сомневаться, что продвижение фокейцев было очень медленным, и основание Массалии (Марселя), одной из самых отдаленных греческих колоний, возможно, на какое-то время поглотило их внимание: кроме того, им приходилось собирать информацию по мере продвижения, и путешествие было открытием в строгом смысле этого слова. Время, когда они достигли Тартесса, можно отнести к 570-560 гг. до н. э. Они настолько понравились Аргантонию - царю Тартесса или, по крайней мере, царю части этого региона, - что он предложил им отказаться от своего города Фокея и обосноваться на его территории, предложив им любое место, которое они захотят занять. Хотя они отклонили это заманчивое предложение, он все же продолжал стремиться помочь им в борьбе с опасностями на родине и дал им большое денежное пожертвование, благодаря которому они смогли в критический момент завершить строительство своих укреплений. Аргантоний умер вскоре после этого, прожив, как нам говорят, до необычайного возраста в сто двадцать лет, из которых он царствовал восемьдесят. Фокейцы, вероятно, имели основания раскаиваться в своем отказе, так как в скором времени их город был взят персами, половина граждан стала изгнанниками и была вынуждена искать ненадежное пристанище на Корсике, вместо выгодного поселения, которое старый Аргантоний предложил им в Тартессе [\[539\]](#).

Такими шагами греки постепенно проследили линии феникийской торговли в Средиземноморье и достигли того огромного улучшения в своих географических знаниях - кругосветного путешествия, которое Эратосфен и Страбон называли "нашим морем", в отличие от внешнего океана [\[540\]](#) Однако практической пользы от этого открытия, которое было сделано только в последние годы ионийской независимости, было мало. Ионические города стали подданными Персии, а Фокея, в особенности, была искалечена и наполовину заселена в ходе борьбы. Если бы период ионийского предпринимательства затянулся, мы, вероятно, услышали бы о других греческих поселениях в Иберии и Тартессе, помимо Эмпории и Родуса, образованных массалиотами между Пиренеями и Эбро, - а также о растущем греческом трафике с этими регионами. Несчастья Фокеи и других ионических городов спасли феникийцев Тартесса от греческого вмешательства и конкуренции, подобной той, которую уже полтора столетия испытывали их соотечественники на Сицилии.

Но хотя эфесской Артемиде, божественной покровительнице фокейской эмиграции, и не позволили стать посвященной в Тартессе вместе с тирийским Гераклесом, не менее мощный импульс был дан воображению философов вроде Талеса и поэтов вроде Стесихора, чья жизнь охватывает промежуток между сверхъестественным переносом Колеуса на крыльях ветра и настойчивым, хорошо спланированным исследованием, которое исходило от Фокея. Если, с одной стороны, тирийский Геракл с его почитаемым храмом в Гадесе дал новое место и подробности для мифов о греческом Геракле, то, с другой стороны, умные греки впервые узнали, что воды, окружающие их острова и Пелопоннес, являются частью моря, очерченного определенными границами; Постоянное плавание фокейцев вокруг берегов, сначала Адриатики, затем Лионского залива до Гераклеяского и Тартесского столбов, впервые выявило этот важный факт. Слушатели Архилоха, Симонида Аморгусского и Каллина, жившие до или одновременно с путешествием Колеуса, не знали морских границ ни к северу от Коркиры, ни к западу от Сицилии: Анакреон и Гиппонакс, жившие столетие спустя, обнаружили Эвксинский канал, Палус Мейотис, Адриатику, западное Средиземноморье и ливийские Сирты, которые были настолько изучены, что представляли собой определенную концепцию и могли быть наглядно представлены Анаксимандром на карте. Какими бы привычными ни стали для нас эти знания, в то время, о котором сейчас

идет речь, они были огромным достижением. Столбы Гераклеи, в особенности, оставались глубоко запечатленными в греческом сознании, как конечная точка человеческих приключений и стремлений: об океане за его пределами люди по большей части оставались в неведении.

Уже говорилось, что фенийцы, как исследователи побережья, были даже более предприимчивы, чем фокейцы; но их ревнивый торговый дух побуждал их скрывать свой путь, - давать заведомо ложную информацию[541] об опасностях и трудностях, - и даже топить любых торговых конкурентов, когда они могли сделать это с безопасностью.[542] Одно замечательное достижение фенийцев, однако, современное периоду фокейских исследований, не должно быть обойдено вниманием. Где-то около 600 г. до н. э. они обогнули Африку, отправившись от Красного моря по указанию египетского царя Некоса, сына Псамметиха, - обогнули мыс Доброй Надежды до Гадеса, а оттуда вернулись к Нилу.

Похоже, что Некос, желая обеспечить водное сообщение между Красным морем и Средиземным, начал рыть канал от первого до Нила, но, добившись значительного прогресса, отказался от этой затеи. Преследуя ту же цель, он отправил феникийцев в экспериментальное плавание вокруг Ливии, которое было успешно завершено, хотя и за срок не менее трех лет; ведь каждую осень мореплаватели высаживались на берег и оставались на нем достаточное время, чтобы посеять семена и вырастить урожай кукурузы. На третий год они снова достигли Египта через Гибралтарский пролив и рассказали историю, "которой (говорит Геродот) другие могут верить, если захотят, но я не могу поверить", о том, что, плывя вокруг Ливии, они держали солнце по правую руку, *то есть* на севере[543].

Реальность этого кругосветного путешествия была подтверждена Геродоту различными карфагенскими информаторами,[544] и он сам полностью в это верит. Кажется, есть все основания разделять его веру, хотя несколько компетентных критиков отвергают эту историю как невероятную. Феники были опытными и смелыми мастерами прибрежного плавания, и, обогнув Африку, им не приходилось терять землю из виду: мы можем предположить, что их суда были снабжены достаточными запасами, чтобы они могли не торопиться и лежать в непогоду; мы также можем принять как данность, что вознаграждение за успех было значительным. Для других мореплавателей, существовавших в то время, эта задача, возможно, была бы слишком трудной, но не для них, и именно поэтому Некос выбрал их. К этим причинам, которые показывают, что в этой истории нет ничего невероятного (об этом, правда, едва ли утверждают даже Маннерт и другие, кто в нее не верит), мы можем добавить еще одну, которая доказывает ее достоверность. Они утверждали, что во время их кругосветки солнце находилось по правую руку от них (*то есть* на севере); и это явление, наблюдаемое в зависимости от времени года, даже когда они находились в тропиках, не могло не привлечь их внимание как постоянное, когда они достигли южной умеренной зоны. Но Геродот сразу же объявляет эту часть истории неправдоподобной, и так же, вероятно, она должна была показаться каждому греку[545], фенисийцу или египтянину не только эпохи Некоса, но даже эпохи Геродота, который ее слышал; Поскольку никто из них не обладал ни реальным опытом феномена южных широт, ни достаточно правильной теорией отношений между солнцем и землей, чтобы понять меняющееся направление теней; и мало кто согласился бы отбросить принятые идеи относительно солнечных движений, исходя из чистой уверенности в правдивости этих феникийских рассказчиков. В таких обстоятельствах выдумать эту историю крайне маловероятно, и если они не находились в , то должны были испытать это явление во время южной части своего транзита.

Некоторые критики не верят в это кругосветное путешествие, полагая, что если столь выдающееся достижение действительно имело место однажды, то оно должно было быть повторено, и из него должно было быть сделано практическое применение. Но хотя такое подозрение не является неестественным для тех, кто помнит, какой великий переворот произошел, когда проход был заново открыт в пятнадцатом веке, все же эти рассуждения нельзя считать применимыми к шестому веку до христианской эры.

Чистое научное любопытство в ту эпоху не имело никакого значения: мотив, побудивший Некоса к этому предприятию, был тот же, что и при рытье канала, - чтобы обеспечить наилучшее сообщение между Средиземным и Красным морями. Но, как и в случае с северо-западным проходом в наше время, так и в случае с кругосветным плаванием вокруг Африки в его время, доказательство его практической осуществимости в то же время показало, что он не был доступен для целей движения или коммуникации, учитывая ресурсы, которыми тогда располагали мореплаватели, - факт, который, однако, не мог быть известен, пока не был проведен эксперимент. Пройти от Средиземного до Красного моря по Нилу по-прежнему оставалось самым простым способом; либо с помощью сухопутного путешествия, которое во времена Птолемея обычно совершалось от Коптоса на Ниле до Береники на Красном море, либо с помощью канала Некос, который впоследствии достроил Дарий, хотя, похоже, им пренебрегли во время персидского правления в Египте, а впоследствии отремонтировали и ввели в эксплуатацию при Птолемеях. Без сомнения, удачливые феникийские мореплаватели пережили и суровые трудности, и большие реальные опасности, помимо тех еще больших предполагаемых опасностей, предчувствие которых так постоянно тревожило умы даже опытных и решительных людей в неизвестном океане. Эти ужасы и трудности, которым не было конца, так сильно подействовали на разум ахеменида Сатаспеса (на которого кругосветное плавание по Африке было наложено Ксерксом в качестве наказания "хуже смерти" в качестве замены смертного приговора), что он вернулся, не завершив круга, хотя тем самым лишил себя жизни. Он утверждал, что плыл, "пока его судно не застряло и не смогло двигаться дальше" - убеждение, нередкое в древние времена и даже до Колумба, что существует точка, за которой океан - либо из-за грязи, песков, мелей, туманов или скоплений морских водорослей - больше не судоходен[546].

Отсюда мы узнаем, что даже те, кто верил рассказу капитанов Некоса, считали это предприятие одновременно отчаянным и невыгодным; несомненно, многие относились к нему как к "фенианской лжи"[547] (если воспользоваться выражением *pro verbi* в древние времена). Кругосветное плавание по Ливии, как говорят, было одним из проектов, задуманных Александром Великим,[548] и мы можем с готовностью поверить, что, если бы он прожил дольше, оно было бы поручено Неарху или другому офицеру с подобной компетенцией: нет никаких причин, почему бы оно не увенчалось успехом, тем более что оно было бы предпринято с востока, к большой пользе для географических знаний древних, но с небольшой выгодой для их коммерции. Таким образом, есть достаточные основания признать, что эти фенианцы обогнули мыс Доброй Надежды с востока около 600 года до н. э., более чем на две тысячи лет раньше, чем Васко де Гама сделал то же самое с запада: хотя это открытие в первом случае не принесло пользы ни для торговли, ни для географической науки.

Помимо морской торговли Тира и Сидона, большое значение имела их сухопутная торговля во внутренних районах Азии. Именно они, спекулятивные купцы, направляли караваны с ассирийскими и египетскими товарами через пустыни, отделявшие их от внутренней Азии[549], - операция, которая, учитывая арабских хищников, с которыми им приходилось мириться и даже нанимать в качестве перевозчиков, представляла едва ли меньше

трудностей, чем самое длинное путешествие по побережью. Похоже, они были единственными в древности, кто готов был отважиться и преодолеть опасности далекого сухопутного путешествия;^[550] и их потомки в Карфагене и Утике были не менее активны в продвижении караванов далеко вглубь Африки.

ГЛАВА XIX. АССИРИЙЦЫ. - ВАВИЛОН.

Имя ассирийцев, составлявших одно из крыльев этой ранней системы сношений и торговли, связано главным образом с великими городами Ниневией и Вавилоном. Ассирийцам из Ниневии (как уже упоминалось) в ранние времена приписывалась очень обширная империя, охватывавшая большую часть Верхней Азии, а также Месопотамию или страну между Евфратом и Тигром. Относительно этой империи - ее начала, масштабов или даже способа, которым она была уничтожена, - ничего определенного утверждать нельзя; но кажется неоспоримым, что на Евфрате и Тигре во времена до первой Олимпиады можно было найти много великих и процветающих городов и население, уступавшее феникам в предприимчивости, но не в промышленности. Из этих городов главными были Ниневия на Тигре и Вавилон на Евфрате;^[551] последний находился в некоторой зависимости, вероятно, от ниневийских государей, но управлялся царями или собственными вождями и включал в себя наследственный орден жрецов, называемых халдеями, мастеров всех наук и литературы, а также религиозных церемоний, распространенных среди народа, и с ранних времен преданных привычке к астрономическим наблюдениям, которым так благоприятствовало их блестящее небо.

Народ, называемый ассирийцами или сирийцами - у греческих авторов нет постоянного различия между этими двумя - был распространен на обширной территории, ограниченной на востоке горой Загрос и ее северо-западным продолжением к горе Арарат, которым они были отделены от мидийцев, - и простиралась оттуда на запад и на юг до Эвксинского моря, реки Халыс, Средиземного моря и Персидского залива, - таким образом, охватывая все течение Тигра и Евфрата к югу от Армении, а также Сирию и Сирию-Паллестину, и территорию к востоку от Халыса, называемую Каппадокией. Но халдейский орден жрецов, по-видимому, был характерен для Вавилона и других городов на его территории, особенно между этим городом и Персидским заливом. Огромный, богатый и возвышенный храм Белуса в этом городе служил им одновременно местом поклонения и астрономической обсерваторией; именно главенство этого ордена, по-видимому, стало причиной того, что вавилонский народ обычно называют халдейцами, хотя некоторые авторы без каких-либо веских доказательств предполагают завоевание ассирийского Вавилона варварами, называемыми халдейцами, с гор близ Эвксинского моря^[553].

Были преувеличены и древность их астрономических наблюдений, которые нельзя отнести к определенному и зафиксированному времени, более чем к эпохе Набонассара^[554] (747 г. до н. э.), а также объем приобретенных ими знаний, в значительной степени смешанных с астрологическими фантазиями и оккультными влияниями небесных тел на человеческие дела. Но какими бы неполными ни казались их знания, если судить по стандартам последующего времени, нет сомнений, что по сравнению с любым из их современников VI

века до н. э. - египтянами, греками или азиатами - они занимали видное место и могли многому научить не только Талеса и Пифагора, но даже более поздних исследователей, таких как Евдокс и Аристотель. Концепция вращающейся небесной сферы, гномон и деление дня на двенадцать частей, по утверждению Геродота[555], были впервые преподаны грекам вавилонянами; а постоянные наблюдения за небесами египетскими и халдейскими жрецами с большой точностью определили продолжительность солнечного года и других более длительных периодов астрономической повторяемости; Таким образом, умные греки убедились в несовершенстве своих собственных календарей и получили основу не только для расширенных собственных наблюдений, но и для открытия и применения математических теорий, благодаря которым астрономия впервые стала наукой.

Не только астрономические приобретения жреческой касты отличали ранних вавилонян. Социальное положение, плодородие страны, густота населения и упорное трудолюбие жителей были не менее примечательны. О Ниневии,[556] некогда величайшем из ассирийских городов, у нас нет достоверных сведений, и мы не можем с уверенностью рассуждать по аналогии с Вавилоном, поскольку особенности последнего полностью определялись Евфратом, тогда как Ниневия располагалась значительно дальше к северу и на восточном берегу Тигра: Но Геродот дает нам ценные сведения о Вавилоне как очевидец, и мы можем судить по его рассказу о его состоянии после долгих страданий от персидского завоевания, каким он был столетием раньше, в дни своего полного великолепия.

Соседние территории, получавшие мало дождей,[557] были полностью обязаны своим плодородием ежегодному разливу Евфрата, на который были затрачены огромные усилия, чтобы ограничить, упорядочить и распределить его запасы воды. Насыпи вдоль реки, искусственные водохранилища в связи с ней, чтобы принять чрезмерное увеличение, новые криволинейные каналы, прорытые для воды в местах, где поток был слишком прямым и быстрым, широкие и глубокие каналы, пересекающие все пространство между Евфратом и Тигром и питающие многочисленные речушки[558] или канавы, которые позволяли орошать всю широту земли, - все эти трудоемкие работы были необходимы для обеспечения должной влаги для вавилонской земли; Но они были вознаграждены изобилием продукции, в различных описаниях зерновых, таких, что Геродот едва ли осмелится их описать. В стране не росло ни одного дерева, кроме финиковой пальмы, которую использовали в самых разных целях, а из плодов которой, обильных и необычайно крупных, делали вино и хлеб. 559] Кроме того, Вавилония была еще более бесплодной в отношении камня, чем дерева, так что здания и стены возводились почти полностью из кирпича, для чего земля была хорошо приспособлена; а поток минерального битума, найденный возле города и реки Ис, выше по Евфрату, служил цементом. Такой упорный и систематический труд, примененный для орошения, вызывает наше удивление; но описание того, что было сделано для обороны, еще более впечатляет. Вавилон, пересеченный посередине Евфратом, был окружен стенами высотой в триста футов, толщиной в семьдесят пять футов и представлял собой квадрат, каждая сторона которого имела сто двадцать стадий (или почти пятнадцать английских миль) в длину: вокруг внешней стороны стен был широкий и глубокий ров, откуда добывался материал для кирпичей, составляющих эти стены; сто медных ворот служили для входа и выхода. Кроме того, была внутренняя стена, менее толстая, но все же очень прочная; а чтобы еще больше препятствовать захватчикам с севера и северо-востока, в нескольких милях от города была построена еще одна высокая и толстая стена, пересекающая большую часть пространства между Евфратом и Тигром, называемая стеной Медии, расположенная немного севернее того места, где эти две реки наиболее близко подходят друг к другу, и соединяющаяся с Тигром на его западном берегу. Многие дома были высотой в три или четыре этажа, а широкие и прямые улицы, неизвестные в греческих городах до

распространения пира Гипподамом во время Пелопоннесской войны, усиливали изумление, вызванное всем этим зрелищем у такого посетителя, как Геродот. Царский дворец с его незабываемыми террасами или висячими садами занимал центральное место в одной половине города, а храм Белуса - в другой.

Этот знаменитый храм, стоявший на фундаменте площадью в один квадратный стадион и окруженный участком размером в две квадратные стадии, состоял из восьми массивных башен, построенных одна над другой, и, как утверждает Страбон, был высотой до стадиона или фулонга (высота не уточняется Геродотом):[560] он был полон дорогих украшений и обладал обширной земельной собственностью. Вдоль берегов реки, при ее прохождении через город, были построены просторные набережные и мост на каменных сваях, для возведения которого, как рассказывал Геродот, Семирамида заставила реку Евфрат стечь в большое боковое водохранилище и озеро, построенное выше по ее течению[561].

Кроме этого великого города Вавилона, в окрестностях, между каналами, соединявшими Евфрат и Тигр, находилось множество богатых и многолюдных деревень, а Борсиппа и другие значительные города располагались ниже по течению Евфрата. И промышленность, как сельскохозяйственная, так и производственная, коллективного населения была не менее упорной, чем продуктивной: их льняные, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, а также богато украшенные ковры славились во всех восточных регионах. Их хлопок частично привозили с островов в Персидском заливе, а стада овец, за которыми ухаживали аравийские кочевники, давали им шерсть даже более тонкую, чем милетская или тарентумская. Кроме халдейского ордена жрецов, среди них, по-видимому, существовали и другие племена с особыми наследственными обычаями: так, вблизи устья реки, вероятно, было три племени, которые ограничивали себя в питании только рыбой; но у нас нет свидетельств о существовании военной касты (как в Египте) или какой-либо другой наследственной профессии.

Чтобы составить представление о том, чем была Ассирия в начале греческой истории и в течение двух столетий, предшествовавших завоеванию Вавилона Киром в 536 году до н. э, К сожалению, у нас нет свидетелей раньше Геродота, который увидел Вавилон лишь спустя почти столетие после этого события, - примерно через семьдесят лет после своего еще более катастрофического восстания и второго покорения Дарием Вавилония стала одной из двадцати сатрапий Персидской империи и, помимо регулярной выплаты большей дани, чем все остальные девятнадцать, обеспечивала из своих обильных земель провизию для великого царя и его бесчисленной свиты в течение трети года.[562] Однако в то время он находился в состоянии сравнительного упадка: его огромные стены были разрушены Дарием, а затем он подвергся дурному обращению Ксеркса, который, поскольку он лишил его храмы, и особенно почитаемый храм Белуса, некоторых из их богатейших украшений, вероятно, был бы еще более безрассудным в своем обращении с гражданскими зданиями.[563] Если, несмотря на такие разрушения и явные признаки нищеты и страданий народа, которые прямо отмечает Геродот, он продолжал оставаться тем, что он описывает, все еще считаясь почти главным городом Персидской империи, как во времена младшего Кира, так и Александра,[564]- мы можем судить, каким он должен был быть когда-то, без иностранного сатрапа или иностранной дани,[565] при его ассирийских царях и халдейских жрецах, в течение последних двух веков, промежуточных между эпохой Набонассара и взятием города Киром Великим. Хотя несколько царей в течение первого из этих двух веков внесли большой вклад в великие дела Вавилона, именно во втором веке из этих двух, после захвата Ниневии мидянами, при Навуходоносоре и Нитокрисе, цари достигли максимума своей власти, а город - наибольшего расширения. Именно Навуходоносор построил морской

порт Теркедон в устье Евфрата и, вероятно, прорыл длинный корабельный канал протяженностью около четырехсот миль, который присоединился к нему, - возможно, он был частично образован из естественного западного ответвления Евфрата. [Брат поэта Алкея, Антименид, служивший в вавилонской армии и отличившийся личной доблестью (600-580 гг. до н. э.), должен был видеть его во всей красе: [567] он - самый ранний грек, о котором мы слышим отдельные упоминания в связи с вавилонянами. Поразительный контраст между персидскими царями и вавилонскими царями, на гибели которых они поднялись, заключается в том, что в то время как последние несли огромные расходы, чтобы облегчить сообщение между Вавилоном и морем, первые искусственно перекрыли нижнее течение Тигра, чтобы их резиденция в Сузах была недоступна для нападавших.

Больше всего нас поражает, и, должно быть, гораздо больше поразило первых греческих посетителей, как в Ассирии, так и в Египте, беспредельное владение голой человеческой силой, которой обладали эти ранние цари, и эффект простой массы и неутомимого упорства, не подкрепленного ни теорией, ни искусством, в достижении гигантских результатов. [569] В Ассирии результаты были в значительной степени преувеличены в отношении предприятий, которые сами по себе были полезны народу для ирригации и обороны: религиозное поклонение служило таким же образом, как и личные прихоти и пышность их царей: в то время как в Египте последний класс преобладает над первым. Ни в одном из них мы почти не обнаруживаем высших чувств искусства, которое обязано своим первым заметным развитием греческой восприимчивости и гению. Но человеческий разум на всех этапах своего развития, и прежде всего в его грубый и неосмысленный период, испытывает сильное впечатление от видимых и осязаемых величин и благоговеет перед свидетельствами великой силы. К этому чувству, к тому, что превышало требования практического удобства и безопасности, в первую очередь апеллировали чудеса в Египте и Ассирии; а выполнение таких колоссальных работ демонстрирует привычку к регулярной промышленности, концентрацию населения под одним правительством и, прежде всего, беспрекословное подчинение царской и жреческой власти, - что резко контрастирует с небольшими автономными общинами Греции и Западной Европы, где воля отдельного гражданина была гораздо более энергичной и бесконтрольной. Приобретение привычек к регулярному труду, столь чуждых естественному нраву человека, было осуществлено в Египте и Ассирии, в Китае и Индостане, прежде чем оно получило какую-либо опору в Европе; но оно было куплено либо безропотным повиновением деспотическому правлению, либо заточением в цепи освященного института каст. Даже в гомеровский период Греции эти страны достигли определенной цивилизации в массе, без приобретения каких-либо высоких умственных качеств или развития индивидуального гения: религиозные и политические санкции, иногда объединенные, а иногда отдельные, определяли для каждого его образ жизни, его вероисповедание, его обязанности и его место в обществе, не оставляя никакого простора для воли или разума самого субъекта. Фенианцы и карфагеняне демонстрируют такую степень индивидуального импульса и энергии, которая ставит их значительно выше этого типа цивилизации, хотя по своим вкусам, социальным чувствам и религии они все еще остаются азиатами. И даже вавилонская община, хотя их халдейские жрецы являются параллелью египетских жрецов, но с меньшей степенью возвышения, сочетает в себе с их промышленными способностями и постоянством цели нечто от той напряженной свирепости характера, которая отличает столь многих представителей семитской расы, - иудеев, фениев и карфагенян. Эти семитские люди отличаются от египтян, поработанных детскими капризами и антипатиями, бесконечными фривольностями церемониальных деталей, как и от гибких, многогранных и самоорганизующихся греков; не только способный открыть для себя и для человечества высочайшие возможности интеллекта и все творческие способности искусства, но и более мягкий в своих личных симпатиях и отношениях, чем его

современники на Евфрате, Иордане или Ниле, - разумеется, мы не будем сравнивать его с требованиями Западной Европы XVIII и XIX веков.

И в Вавилонии, и в Египте огромные монументы, насыпи и каналы, созданные коллективным трудом, казались древнему путешественнику тем более примечательными, что контрастировали с пустынными районами и хищными племенами, непосредственно окружавшими их. К западу от Евфрата пески Аравии простирались на север, почти не прерываясь, до широты Иссусского залива; они даже покрывали большую часть Месопотамии,[570] или страны между Евфратом и Тигром, начинаясь в нескольких днях пути к северу от стены, называемой вышеупомянутой стеной Мидии, которая, простираясь на запад от Тигра до одного из каналов, соединяющих Евфрат, была возведена для защиты Вавилона от вторжения мидян.[571] К востоку от Тигра, вдоль горы Загрос, но не на большом расстоянии от реки, были найдены Элимæй, Косæй, Уксий, Парæтаккæни и т.д., племена, которые, по выражению Страбона,[572] "как обитатели бедной страны, были вынуждены жить за счет грабежа своих соседей". Такие грубые группы хищников с одной стороны и такие широкие песчаные участки с двух других, без растительности и воды, сильно контрастировали с промышленностью и продуктивностью Вавилонии. Сам Вавилон следует рассматривать не как один сплошной город, а как город вместе с окружающей его местностью, заключенный в огромные стены, высота и толщина которых сами по себе были достаточной защитой, так что место было доступно только для нападения у своих ворот. В случае необходимости он служил убежищем для людей и имущества деревенских жителей Вавилонии; и мы увидим в дальнейшем, насколько полезным в сложных обстоятельствах был такой ресурс, когда будем рассматривать вторжения пелопоннесцев в Аттику и беды, вызванные временным наплывом толпы из страны, чтобы перегрузить внутренние помещения Афин. Однако, как бы ни был велик Вавилон, Страбон утверждает, что Нинус или Ниневия были значительно больше.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Со времени первого издания этих томов была опубликована интересная работа мистера Лэйарда "Ниневия и ее остатки", а также его иллюстративные рисунки "Памятники Ниневии". Благодаря его неослабевающим усилиям по преодолению всех трудностей, связанных с раскопками на месте, Британский музей обогатился ценной коллекцией настоящих ассирийских скульптур и других памятников. количество подобных реликвий ассирийской древности, добытых М. Ботта и другими, также было передано на хранение в музей Лувра в Париже.

Для ассирийского искусства, как и для истории искусства в целом, открылся новый мир, который обещает быть плодотворным для обучения, особенно если учесть, что почва, из которой были получены недавние приобретения, еще очень плохо изучена, и можно ожидать, что в будущем, при благоприятных для исследования обстоятельствах, урожай будет гораздо больше. Скульптуры, с которыми мы сейчас знакомимся, со всеми их замечательными особенностями стиля и идеи, несомненно, должны датироваться не позднее восьмого или седьмого века до нашей эры, а может быть, и гораздо раньше. Стиль, который они демонстрируют, является параллелью и предметом сравнения, хотя во многих моментах чрезвычайно отличается от стиля раннего Египта, в то время, когда идеальные сочетания греков были, насколько нам известно, воплощены только в эпической и лирической поэзии.

Но что касается ранней ассирийской истории, то нам еще предстоит выяснить, много ли новой информации можно с уверенностью извлечь из этих интересных памятников. Клинописные надписи, которые теперь стали известны, действительно очень многочисленны: и если их удастся расшифровать, руководствуясь рациональными и надежными принципами, мы вряд ли сможем не получить больше или меньше положительных знаний о периоде, который сейчас погружен в полную темноту. Но на основании одних только памятников искусства делать исторические выводы было бы небезопасно. Например, когда мы находим скульптуры, изображающие царя, берущего город штурмом, или принимающего пленников, приведенных к нему, и т.д., мы не должны заключать, что это памятник какого-либо реального и позитивного завоевания, недавно совершенного ассирийцами. Наши знания о сюжетах греческой скульптуры на храмах вполне достаточны для того, чтобы отвергнуть любой подобный вывод, если только не существует какого-то подтверждающего доказательства. Сначала необходимо найти средство, позволяющее отличать исторические сюжеты от мифических: различие, на которое я обращаю внимание, тем более что мистер Лэйард периодически проявляет склонность упускать его из виду в своих интересных замечаниях и объяснениях: см. особенно том ii, гл. vi, с. 409.

На основании богатых и обильных открытий, сделанных в Нимруде, в сочетании с открытиями в Куюнджике и Хорсабаде, г-н Лэйард склонен считать все эти три города в пределах древней Ниневии; он признает за эту область огромное пространство, указанное Диодором из Ктесия, четыреста восемьдесят стадий или около шестидесяти английских миль. (См. Ниневия и ее остатки, т. ii, гл. ii, стр. 242-253.) Г-н Лэйард считает, что северо-западная часть Нимруда демонстрирует памятники более древние и в то же время лучшие по стилю и исполнению, чем юго-западная часть, или чем Куюнджик и Хорсабад (т. ii, гл. i, стр. 204; гл. iii, стр. 305). Если эта гипотеза относительно территории, занимаемой Ниневией, верна, то, вероятно, будущие раскопки подтвердят ее или, если неверна, опровергнут. Но я вовсе не отвергаю это предположение на основании чрезмерной величины: напротив, я бы сразу поверил утверждению, если бы оно было сообщено Геродотом после посещения этого места, как и величина Вавилона. Свидетельство Ктесия, действительно, сильно уступает по ценности свидетельству Геродота: однако оно должно едва ли перевешивать предполагаемую невероятность столь огромного пространства, обнесенного стеной, если учесть, как мало мы знаем о границах власти ассирийских царей в отношении распоряжения человеческим трудом для любого процесса, простого и трудоемкого, с материалами близкими и неисчерпаемыми. Не говоря уже о великой китайской стене, нам достаточно взглянуть на Пиктскую стену и другие стены, построенные римлянами в Британии, чтобы убедиться, что огромная протяженность укреплений при обстоятельствах, гораздо менее благоприятных, чем положение древних ассирийских царей, ничуть не является чем-то невероятным. Хотя стены Ниневии и Вавилона были гораздо *больше*, чем стены Парижа в его нынешнем виде, но если сравнить их не только по размеру, но и по стоимости, проработанности и продуманности, то окажется, что последние представляют собой бесконечно больший *объем работ*.

Лариса и Меспила, те заброшенные города и стены, которые Ксенофонт видел во время отступления Десяти тысяч (Anab. iii, 4, 6-10), совпадают по расстоянию и положению с Нимрудом и Куюнджиком, согласно замечанию г-на Лэйарда. Не является неправдоподобным и его предположение, что оба они были образованы мидянами из руин завоеванного города Ниневии. Ни один из них в отдельности не соответствует репутации этого древнего города, точнее, его окружения. Согласно рассказу Геродота, Фраortes, второй медийский царь, напал на Ниневию, но был убит при этом и потерял почти все свое

войско. Отчасти для того, чтобы отомстить за этот позор, Киаксарес, сын Фраортеса, напал на Ниневию (Herod. i, 102-103): таким образом, мы можем видеть особую причину, помимо его собственного жестокого нрава (i, 73), почему он разрушил город после того, как взял его (Nívous ἀναστάτου γενομένης, i, 178). Легко предположить, что это обширное пространство, обнесенное стеной, могло быть разбито и превращено в два мединских города, оба на Тигре. При последующем переходе от мединского к персидскому владычеству эти города также обезлюдели, насколько можно доверять странным рассказам, которые Ксенофонт слышал в своем отступлении. Возникновение этих двух медийских городов, несомненно, способствовало тому, что на время исчезли предания о старом Нинусе, который до этого стоял на их месте. Но эти традиции никогда не исчезали, и впоследствии на этом месте должен был возникнуть новый город со старым именем Нинус. Этот второй Нинус признается Тацитом, Птолемеем и Аммианом не только как существующий, но и как претендующий на непрерывную преемственность от древнего "caput Assyriæ".

Мистер Лэйард отмечает, с какой легкостью здания, построенные из обожженного кирпича в Ассирии, погибают, когда ими пренебрегают, и рассыпаются в прах, не оставляя практически никаких следов.

ГЛАВА XX. ЕГИПЕТЯНЕ.

Если с одной стороны феникийцев отделяла от плодородной Вавилонии Аравийская пустыня, то с другой стороны западная часть той же пустыни отделяла их от не менее плодородной долины Нила. В те ранние времена, которые предшествовали возникновению греческой цивилизации, их сухопутная торговля охватывала оба региона, и они служили единственными агентами международных перевозок между ними. Поскольку их города были удобно расположены для морской торговли с Нилом, египетская ревность не позволяла феникийским судам, не меньшим, чем греческие, входить в устья этой реки вплоть до правления Псамметиха (672-618 гг. до н. э.); и поэтому даже купцы Тира могли тогда достичь Мемфиса только с помощью караванов, используя в качестве своих орудий, как я уже отмечал, арабские племена,^[573] попеременно грабителей и перевозчиков. О Египте, как и об Ассирии, поскольку труды Гекатея, к сожалению, утрачены, самые ранние сведения мы получаем от Геродота, который посетил Египет примерно через два века после правления Псамметиха, когда он входил в состав одной из двадцати персидских сатрапий. Египетские чудеса и особенности, о которых он рассказывает, более многочисленны, а также более разнообразны, чем ассирийские, и если бы в первом случае остатки были стерты так же полностью, как и во втором, его рассказ, вероятно, встретил бы равную степень подозрения. Но твердый камень в сочетании с сухим климатом Верхнего Египта (где и ливень считался чудачеством) придал такое постоянство памятникам в долине Нила, что осталось достаточно, чтобы подтвердить слова отца греческой истории и показать, что, описывая то, что он, по его словам, видел, он является проводником, заслуживающим полного доверия. Что касается того, что он слышал, то он предстает лишь в образе репортера, причем часто недоверчивого репортера; но хотя это различие между его слухами и его зрительными свидетельствами не только очевидно, но и имеет самое важное значение,^[574] им слишком часто пренебрегают те, кто обесценивает его как свидетеля.

Таинственная река Нил, бог[575] в глазах древних египтян, до сих пор сохранившая и свой объем, и свою полезность без изменений на фоне общей деградации страны, во времена Геродота достигала моря пятью естественными устьями, а также двумя искусственно вырытыми; Пелусийский рукав образовывал восточную границу Египта, Канопийский - на расстоянии ста семидесяти миль - западную; Себеннийский рукав был продолжением прямой линии верховьев реки: от него ответвлялись Саитский и Мендесский рукава.[576] Его разливы гораздо более плодотворны, чем Евфрата в Ассирии, - отчасти из-за их более равномерной повторяемости как по времени, так и по количеству, отчасти из-за богатого ила, который он приносит и откладывает, тогда как Евфрат служил только для увлажнения. Терпение египтян привело к раскопкам в среднем Египте огромного водохранилища, частично, как кажется, естественного и существовавшего ранее, называемого озером Мёрис, а в Дельте - к сети многочисленных каналов; но в целом рука человека приложила меньше усилий, чем в Вавилонии; в то время как почва, ежегодно обогащаемая, давала обильные плоды без плуга или лопаты, чтобы помочь семенам, брошенным земледельцем.[577] То, что при этих обстоятельствах плотное и регулярно организованное население должно было быть сосредоточено в постоянных жилищах вдоль долины, занимаемой этой замечательной рекой, не вызывает удивления; выраженные особенности местности, похоже, привели к такому результату в самые ранние периоды, до которых можно проследить человеческое общество. На протяжении пятисот пятидесяти миль ее неразделенного русла от Сиенка до Мемфиса, где горы по большей части оставляют лишь сравнительно узкую полосу на каждом берегу, а также на широком пространстве между Мемфисом и Средиземным морем, господствовала особая форма теократической цивилизации, начиная с даты, которая даже во времена Геродота была беспмятно древней. Но когда мы ищем какую-то меру этой древности (более раннюю, чем время, когда греки впервые были допущены в Египет в царствование Псамметиха), мы находим только расчеты жрецов, простирающиеся на многие тысячи лет назад, сначала о правлении непосредственных и нынешних богов, затем о человеческих царях. Такие вычисления были переданы нам Геродотом, Манефой и Диодором,[578] - согласными в их существенном представлении о времени, с богами в первой части серии и людьми во второй, но существенно отличающимися в событиях, именах и эпохах: вероятно, если бы мы обладали списками из других египетских храмов, кроме тех, которые Манефой составил в Гелиополе или Геродот узнал в Мемфисе, мы бы нашли расхождения с обоими этими. Сравнение этих списков и их примирение, насколько они могут быть примирены, интересно, поскольку позволяет нам понять египетский ум, но не приводит к достоверным хронологическим результатам и не входит в задачу историка Греции.

Для греков Египет был закрытым миром до правления Псамметиха, хотя после этого времени он постепенно стал важной частью их поля как для наблюдений, так и для действий. Об изумлении, которое вызвала эта страна у первых греческих гостей, можно судить даже по рассказу Геродота, который, несомненно, знал о ней по рассказам задолго до того, как побывал там. Как физические, так и моральные особенности Египта сильно контрастировали с греческим опытом: "Не только (говорит Геродот) климат отличается от всех других климатов, и река от всех других рек, но египетские законы и обычаи почти по всем пунктам противоположны обычаям других людей."[579] В то время дельта была полна больших и многолюдных городов,[580] построенных на искусственных возвышенностях и, по-видимому, не сильно уступавших самому Мемфису, который располагался на левом берегу Нила (напротив места современного Каира), немного выше того места, где начинается дельта. С того времени, когда греки впервые узнали о Египте, до постройки Александрии и правления Птолемея, Мемфис был первым городом в Египте, но, похоже, так было не всегда - был более ранний период, когда Фивы были резиденцией египетской власти, а Верхний Египет

имел гораздо большее значение, чем Средний Египет. Близость к дельте, где, должно быть, всегда находилось наибольшее количество городов и самая обширная продуктивная территория, вероятно, позволила Мемфису отнять эту честь у Фив, а преобладание нижнего Египта еще более укрепилось, когда Псамметих ввел ионийские и карийские войска в качестве своих помощников в управлении страной. Но огромные размеры храмов и дворцов, обилие декоративной скульптуры и живописи, неизмеримое количество скульптур, высеченных в скалах, которые до сих пор остаются свидетельством величия Фив, - не говоря уже об Омби, Эдфу и Элефантине, - показывают, что Верхний Египет когда-то был местом, куда платили налог на землю с плодородной дельты, и где жили цари и жрецы, использовавшие его. Утверждается даже, что сами Фивы были первоначально заселены эмигрантами из более высоких районов реки, а останки, найденные вдоль Нила в Нубии, аналогичны по стилю и величию фиванским[581]. Примечательно то, что и те, и другие разительно отличаются от пирамид, которые одни остались для иллюстрации места древнего Мемфиса. Пирамид нет ни в верхнем Египте, ни в Нубии; но на Ниле, выше Нубии, вблизи эфиопского Метрополя, снова обнаружены пирамиды в большом количестве, хотя и меньших размеров. Откуда и каким образом впервые возникли египетские институты, мы не можем определить: но, похоже, мало что подтверждает предположение Херона, и других выдающихся авторов, что они были переданы вниз по Нилу эфиопскими колонистами из Метрополя. Геродот, безусловно, представлял египтян и эфиопов (которые в его время совместно занимали пограничный остров Элефантина, который он сам посетил) как совершенно отличных друг от друга, по расе и обычаям не менее, чем по языку, - последние, как правило, имели самые грубые привычки, большой рост и еще большую физическую силу, - большая часть их питалась мясом и молоком и была наделена необыкновенным долголетием. Он знал о Метрополе, как о метрополии Эфиопии и значительном городе, расположенном в пятидесяти двух днях пути вверх по реке, чем Элефантина, но его информаторы не дали ему никакого представления об аналогии между его институтами и институтами Египта;[583] именно переселение большого числа египетских военных каст во время правления Псамметиха в Эфиопию, по его мнению, впервые передало цивилизованные обычаи этим южным варварам. Если между социальными явлениями Египта и Метрополя действительно есть какая-то связь, то представляется более разумным рассматривать последние как производные от первых[584].

Население Египта делилось на определенные касты или наследственные профессии, число которых не было точно определено, и разные авторы представляют их по-разному. Жрецы четко выделяются как орден, наиболее богатый, могущественный и почитаемый, - распределенный по всей стране и обладающий исключительно средствами чтения и письма,[585] кроме огромного количества повествовательной информации, хранящейся в памяти, всего запаса медицинских и физических знаний, доступных в то время, и тех зачатков геометрии, или, скорее, землемерного дела, которые так часто использовались в стране, ежегодно подвергавшейся наводнениям. Каждому богу и каждому храму по всему Египту принадлежали земли и другие владения, с помощью которых содержалась многочисленная группа жрецов, прикрепленных к нему: похоже, что еще большая часть земель царства была выделена для них в индивидуальную собственность, хотя в этом вопросе нет никакой уверенности. Их прямое и косвенное влияние на умы людей было огромным; они предписывали тот мельчайший ритуал, в соответствии с которым проходила жизнь каждого египтянина, за исключением самого царя[586], и который для них самих был полон досадных подробностей, как ни для кого другого.[587] Каждый день в году принадлежал какому-то определенному богу, и только жрецы знали, какому. В каждом номе были свои боги, хотя Исида и Осирис были общими для всех, - и жрецы каждого бога составляли отдельное общество, более или менее значительное, в зависимости от

сравнительной известности храма: Верховные жрецы Гефеста, чье достоинство, как говорили, передавалось от отца к сыну в течение трехсот сорока одного поколения[588] (о чем свидетельствует такое же количество колоссальных статуй, которые видел сам Геродот), по значимости уступали только царю. В собственность каждого храма входили войска иждивенцев и рабов, отмеченных "священными знаками"[589], которые должны были быть многочисленными, чтобы хватало на большие здания и их постоянных посетителей.

Следующими по значимости после священнослужителей были военные касты или ордена, чье родное название[590] указывало на то, что они стояли по левую руку от царя, в то время как жрецы занимали правую. Они делились на каласириев и гермотибиев, которые занимали земли в восемнадцати определенных номах или провинциях, главным образом в нижнем Египте. Когда-то каласирии составляли сто шестьдесят тысяч человек, гермотибии - двести пятьдесят тысяч, когда их численность была максимальной; но во времена Геродота высшая точка была уже давно пройдена. Каждому мужчине из этой касты воинов был выделен участок земли, равный примерно шести с половиной английским акрам, свободный от всяких налогов; какие меры принимались для поддержания участков земли в надлежащей гармонии с колеблющимся числом владельцев, мы не знаем. Заявление Геродота относится к давно прошедшему и ушедшему времени и описывает то, что, по мнению жрецов, с которыми он беседовал, было первобытной конституцией их страны до персидского завоевания: то же самое можно сказать и о заявлении Диодора.[Последний говорит, что территория Египта была разделена на три части: одна часть принадлежала царю, другая - жрецам, а оставшаяся - воинам;[592] его язык, кажется, намекает на то, что каждый ном был так разделен, и даже на то, что эти три части были равны, хотя он и не говорит об этом прямо. Результат этих заявлений в сочетании с историей Иосифа в книге Бытия, похоже, заключается в том, что земли священников и воинов считались привилегированной собственностью и освобождались от всех тягот, а остальная земля считалась собственностью царя, который, однако, получал от нее фиксированную долю, одну пятую часть от общего объема продукции, оставляя остальное в руках земледельцев.[593] Нам рассказывают, что Сетос, жрец бога Фта (или Хефестоса) в Мемфисе, а затем названный царем, притеснял воинскую касту и лишил их земель, в отместку за что они отказали ему в помощи, когда Египет захватил Сеннахериб, - а также что в правление Псамметиха большое число (двести сорок тысяч) этих солдат из чувства недовольства переселилось в Эфиопию, оставив своих жен и детей.[594] Именно Псамметих впервые ввел в страну ионийских и карийских наемников и начал вносить новшества в древнеегипетскую конституцию; поэтому недовольство им со стороны туземных солдат, которым больше не разрешалось служить исключительно в качестве охранников царя, нетрудно объяснить. Каласириям и гермотибиям было запрещено заниматься любыми видами искусства и торговли. Не приходится сомневаться, что при персах их земли были обложены данью, и этим можно отчасти объяснить частые восстания, которые они с немалой храбростью поддерживали против персидских царей.

Геродот перечисляет еще пять *рас* (так он их называет), или каст, помимо жрецов и воинов,[595] - пастухов, свиноводов, торговцев, переводчиков и лоцманов; это перечисление вызывает у нас недоумение, поскольку в нем не учитываются земледельцы, которые всегда должны были составлять большинство населения. Возможно, именно по этой причине они не включены в список, не выделяясь особо и не собираясь вместе, как пять вышеупомянутых, и, следовательно, не представляя собой отдельную расу. Распределение Диодора, который указывает (помимо жрецов и воинов) земледельцев, пастухов и

ремесленников, гораздо полнее охватывает все население.[596] Оно кажется скорее высказыванием размышляющего человека, доводящего принцип наследственных занятий до его последствий; (а комментарии, которые историк так обильно вплетает в свое повествование, показывают, что таков был характер авторитетов, которым он следовал); в то время как список, приведенный Геродотом, включает в себя то, что поразило его наблюдательность. Похоже, что определенная часть почвы дельты состояла из болот, включая участки пригодной для жизни земли, но непроницаемой для вторгшегося врага и благоприятной только для роста папируса и других водных растений: другие части дельты, а также верхняя долина, в тех местах, где она расширялась к востоку, были слишком влажными для выращивания зерновых, хотя и давали богатейшую траву и прекрасно подходили для расы египетских пастухов, которые таким образом делили землю с земледельцами.[597] Пастухи в целом пользовались уважением, но свинопасы были ненавистны и презираемы из-за крайней антипатии всех остальных египтян к свиньям, которые, однако, не могли быть полностью запрещены, поскольку существовали определенные особые случаи, когда было необходимо принести их в жертву Селене или Дионису. Геродот сообщает нам, что свинопасам было запрещено посещать все храмы, и что они всегда вступали в браки между собой, поскольку другие египтяне презирали такой союз, - утверждение, которое косвенно намекает на то, что не существовало постоянного возражения против браков остальных каст друг с другом. Каста или раса толкователей зародилась только в правление Псамметиха, с приходом греческих поселенцев, которых тогда впервые допустили в страну. Хотя они были наполовину греками, историк не отмечает их как низших, если не сравнивать с двумя возвышающимися кастами - воинов и жрецов; более того, создание новой касты показывает, что не было освященного или неизменного общего числа.

Те, кого Геродот называет торговцами (καπηλοί), несомненно, идентичны ремесленникам (τεχνῖται), указанным Диодором, - городское население в целом, в отличие от сельского. В течение трех месяцев в году, когда Египет был покрыт водой, дни праздников были многочисленными, люди сотнями тысяч стекались на огромных баржах к одному или другому из многочисленных святым мест, сочетая поклонение с развлечениями.[598] В Египте ткачество было ремеслом, тогда как в Греции оно было домашним занятием женщин; и Геродот рассматривает это как одно из тех изменений в порядке природы, которые наблюдались только в Египте,[599] что ткач оставался дома, занимаясь своим ткачеством, пока его жена ходила на рынок. Процесс бальзамирования тел был сложным и универсальным, давая работу большому специальному классу людей: обилие сооружений, обелисков, скульптуры и живописи, выполненных местными мастерами, требовало большого количества обученных скульпторов,[600] которые в механической части своего дела достигли высокого совершенства. Большинство животных в Египте были объектами религиозного почитания, и многие из них самым тесным образом отождествлялись с определенными богами. В орден жрецов входило большое число потомственных кормильцев и ухаживателей за этими священными животными.[601] Среди священнослужителей также встречались составители родословных, бесконечно делимые на группы специалисты по искусству врачевания и т. д.,[602] которые пользовались хорошей репутацией, и были посланы в качестве хирургов к Киру и Дарию. Таким образом, население египетских городов было чрезвычайно многочисленным, так что царь Сетон, когда ему пришлось противостоять вторжению без помощи военной касты, вполне мог предположить, что он сформировал армию из "торговцев, ремесленников и рыночного люда"[603], а Александрия в начале правления династии Птолемеев приобрела своих многочисленных и активных жителей за счет Мемфиса и древних городов нижнего Египта.

Механическое послушание и постоянные привычки основной массы египетского населения (не жрецов или солдат) произвели большое впечатление на греческих наблюдателей; так, Солон, как говорят, ввел в Афинах обычай, распространенный в Египте, согласно которому номарх или начальник каждого нома должен был выяснять средства к существованию каждого человека и наказывать смертью тех, кто не предоставил доказательства какого-либо признанного занятия.^[604] Не похоже, что институт каст в Египте, хотя и обеспечивал неприступное возвышение жрецам и большое внимание солдатам, сопровождался таким глубоким унижением остальных, как то, которое выпадает на долю низшей касты или судра в Индии, - между ними не было такой пропасти, как между дважды рожденными и единожды рожденными в религии Брахмы. И все же эти грандиозные произведения, которые являются постоянным памятником страны, остаются в то же время доказательством деспотичных поборов царей и безрассудной капризности, с которой тратились жизни и жертвования людей. Сто двадцать тысяч египтян погибли при прокладке канала, который царь Некос начал, но не закончил, между Пелусийским рукавом Нила и Красным морем;^[605] в то время как строительство двух великих пирамид, приписываемых царям Хеопсу и Хефрену, было описано Геродоту жрецами как период изнурительного труда и крайних страданий для всего египетского народа, - и все же великий Лабиринт,^[606] построенный додекархами, показался ему более грандиозной работой, чем пирамиды, так что труд, затраченный на него, не мог быть менее разрушительным. Перемещение таких огромных каменных масс, как в древних сооружениях Верхнего и Нижнего Египта, при несовершенных механических средствах, существовавших в то время, должно было потребовать от людей более серьезных усилий, чем рытье полузаконченного канала Некоса. Действительно, ассоциации, с которыми были связаны пирамиды, в сознании тех, с кем общался Геродот, носили самый одиозный характер. Такие грандиозные сооружения, замечает Аристотель, подходят для князей, желающих истощить силы и сломить дух своего народа. Возможно, у греческих деспотов такое намерение иногда было осознанным; но можно предположить, что египетские цари руководствовались главным образом капризом или любовью к помпезности, - иногда представлениями о постоянном благе, которое должно быть достигнуто, - как в случае с каналом Некоса и огромным водохранилищем Мёриса,^[607] соединяющимся с рекой, - когда они таким образом тратили физические силы и даже жизни своих подданных.

Святость животного мира в целом, почитание определенных животных в отдельных номах и воздержание по религиозным соображениям от некоторых овощей были характерными чертами египетской жизни и в значительной степени определяли ту необычность страны, которую отмечали в ней иностранцы, такие как Геродот. Два особо отмеченных быка, называемые апис в Мемфисе и мневис в Гелиополе, похоже, пользовались своего рода национальным поклонением:^[608] ибис, кошка и собака в большинстве номов почитались при жизни, после смерти бальзамировались как люди, а в случае убийства мстили самым суровым наказанием обидчика; но почитание крокодила ограничивалось окрестностями Фив и озером Мёрис. Подобные жилки религиозных чувств, отличавшие Египет от Феникии и Ассирии, не меньше, чем от Греции, были объяснены туземными жрецами по их примеру Геродоту, хотя он отказывается из благочестивых побуждений передавать то, что ему было сказано.^[609] Они кажутся пережитками, сохранившимися от очень ранней стадии фетишизма, - и попытки разных лиц, отмеченные Диодором и Плутархом, объяснить их происхождение, частично легендами, частично теорией, мало кого удовлетворяют.^[610]

Хотя Фивы сначала и Мемфис потом, несомненно, были главными городами Египта, но если династии Манефо заслуживают доверия даже в общих чертах, египетские цари не были взяты единообразно ни от одного, ни от другого. Манефо перечисляет в целом двадцать

шесть различных династий или семей царей, предшествовавших завоеванию страны Камбисесом, - персидские цари между Камбисесом и восстанием египтянина Амиртея в 405 году до н. э. составляют его двадцать седьмую династию. Из этих двадцати шести династий, начиная с 5702 года до нашей эры, первые две - тиниты, третья и четвертая - мемфиты, пятая - с острова Элефантина, шестая, седьмая и восьмая - опять мемфиты, девятая и десятая - ираклеополиты, одиннадцатая, двенадцатая, и тринадцатый, Диосполиты или Фивы, - четырнадцатый, Хоиты, - пятнадцатый и шестнадцатый, Гиксосы, или пастушеские цари, - семнадцатый, пастушеские цари, свергнутые и смененные Диосполитами, - восемнадцатый (до н. э.). С. 1655-1327, к которым относится Рамсес, великий египетский завоеватель, отождествляемый многими авторами с Сесострисом, 1411 г. до н. э.), девятнадцатый и двадцатый - диосполиты, двадцать первый - таниты, двадцать второй - бубаститы, двадцать третий - опять таниты, двадцать четвертый - саиты, двадцать пятый - эфиопы, начиная с Сабакона, о котором упоминает и Геродот, двадцать шестой - саиты, включая Псамметиха, Некоса, Априса или Уафриса и Амасиса или Амоса. Из этих списков мы видим, что, согласно тому, как Манефо излагал древности своей страны, несколько других городов Египта, кроме Фив и Мемфиса, поставляли царей на всю территорию; но мы не можем проследить никакого соответствия между номами, которые поставляли царей, и теми, которые, по словам Геродота, были заняты исключительно военной кастой. Многие из отдельных номов имели существенное значение и обладали выраженным местным характером, как религиозным, так и политическим; хотя весь Египет, от Элефантины до Пеласия и Канопы, как говорят, всегда составлял одно царство, с самых ранних времен, которые могли представить себе местные жрецы.

Мы должны рассматривать это царство как вовлеченное, задолго до того, как в него были допущены греки,^[611] в постоянную караван-торговлю с Феницией, Палестиной, Аравией и Ассирией. Древний Египет, не имея ни виноградных лоз, ни оливок, импортировал вино и масло,^[612] в то время как для своих сложных религиозных церемоний он особенно нуждался в ладане и ароматических продуктах, свойственных Аравии. В последней четверти VIII века до н. э. (немного раньше того времени, когда в Лидии началась династия Мермнадов в лице Гигеса) происходят события, направленные на изменение отношений, существовавших ранее между этими странами, в результате постоянных агрессий со стороны ассирийских монархов Ниневии - Салманесера и Сеннахериба. Первый, завоевав и уведя в плен десять колен Израилевых, напал также на финикийские города на прилегающем побережье: Сидон, Пале-Тир и Акк уступили ему, но сам Тир устоял и, выдержав в течение пяти лет тяготы блокады с частичным перекрытием континентальных акведуков, смог благодаря своему островному положению сохранить независимость. Как раз в этот период формировались греческие учреждения в Сицилии, и я уже отмечал, что давление ассирийцев на Феникию, вероятно, оказало определенное влияние на сокращение финикийских владений в Сицилии, которое действительно имело место (730-720 гг. до н. э.). Что касается Сеннахериба, то Ветхий Завет сообщает нам, что он вторгся в Иудею, а Геродот (который называет его царем ассирийцев и аравийцев) - что он напал на благочестивого царя Сетоса в Египте: в обоих случаях его армия была чудесным образом отбита и уничтожена. После этого ассирийцы из Девяти ве, то ли раздираемые внутренними разногласиями, то ли сотрясаемые нападениями медяков, перестают действовать; но около 630 года до н. э. ассирийцы или халдеи Вавилона проявляют грозную и растущую силу. Кроме того, именно в этом веке была нарушена старая рутина египетских царей, и Псамметих начал новую политику по отношению к иностранцам, которая, сделав Египет более грозным для Иудеи и Феникии, открыла греческим кораблям и поселенцам доселе недоступный Нил.

Геродот проводит заметное различие между историей Египта до Псамметиха и последующим периодом: первую он выдает за рассказ жрецов, не берясь ее подтверждать, а вторую, очевидно, считает достоверно установленной.^[613] И мы видим, что, начиная с Псамметиха и далее, Геродот и Манефо находятся в терпимом согласии, тогда как даже в отношении государей, занимавших последние пятьдесят лет до Псамметиха, между ними есть много непримиримых расхождений; ^[614] но оба они согласны в том, что Псамметих царствовал пятьдесят четыре года. Столь важное событие, как первый приход греков в Египет, по мнению информаторов Геродота, было связано с двумя пророчествами. После смерти Сетоса, царя и жреца Гефеста, не оставившего сына, Египет был разделен между двенадцатью царями, одним из которых был Псамметих: именно при этом додекархе, по словам Геродота, был построен чудесный лабиринт у озера Мёрис. Некоторое время двенадцать жили и царствовали в полном согласии, но тут им стало известно пророчество о том, что тот, кто совершит возлияния в храме Гефеста из медного кубка, будет царствовать над всем Египтом. Случилось так, что однажды, когда все они явились вооруженными в этот храм, чтобы принести жертву, первосвященник по ошибке принес только одиннадцать золотых кубков вместо двенадцати, и Псамметих, оставшись без кубка, воспользовался своим медным шлемом в качестве замены. Таким образом, он, хотя и неумышленно, выполнил условие пророчества, совершив возлияние в медном кубке, и стал объектом ужаса для своих одиннадцати коллег, которые объединились, чтобы лишить его сана, и загнали его в недоступные болота. В таком крайнем положении он послал за советом к оракулу Лэто в Буто и получил в ответ заверение, что "месть придет к нему от рук медных людей, показавшихся из-за моря". Его вера на мгновение пошатнулась от столь поразительного предположения о том, что его союзниками будут медные люди: но пророческая правдивость жреца из Буто была быстро доказана, когда изумленный слуга пришел сообщить ему в его укроном месте, что медные люди опустошают морское побережье дельты. Это были ионийские и карийские солдаты, высадившиеся на берег для грабежа, и гонец, пришедший сообщить Псамметиху, никогда прежде не видел людей в целых медных доспехах. Убедившись, что это те самые союзники, которых ему указал оракул, царевич немедленно вступил в переговоры с ионийцами и карийцами, взял их на службу и с их помощью вместе с другими своими партизанами одолел остальных одиннадцать царей, тем самым сделав себя единым правителем Египта^[615].

Такова была история, с помощью которой объяснялся и оправдывался первоначальный союз египетского царя с греческими наемниками и первое введение греков в Египет. То, что последовало за этим, более достоверно и более важно. Псамметих предоставил своим новым союзникам поселение и земли на Пелусийском или восточном рукаве Нила, немного ниже Бубастиса. Ионийцы были поселены на одном берегу реки, карийцы - на другом; это место должно было служить военной позицией не только для защиты восточной границы, но и для поддержки самого царя против недовольных внутри страны: оно называлось Стратопеда, или Лагерь. [Кроме того, он позаботился о том, чтобы облегчить общение между ними и соседними жителями, поселив с ними несколько египетских детей, чтобы они изучали греческий язык; так появились переводчики, которые во времена Геродота составляли постоянную наследственную касту или род.

Хотя главной целью этого первого иностранного поселения в Египте, между Пелусием и Бубастисом, было создание независимой военной силы, а вместе с ней и флота для царя, оно, конечно, открыло доступ к общению и торговле для всех греков и всех феников, чего раньше никогда не было. Вскоре за этим последовало открытие Канопика, или самого западного рукава реки, специально для целей торговли. Согласно сообщению Страбона, именно в правление Псамметиха милезийцы с флотом из тридцати кораблей прибыли на этот

участок побережья, сначала построили форт в непосредственной близости, а затем основали город Наукратис на правом берегу Канопического Нила. Многие в этом утверждении Страбона вызывает недоумение, но в целом я склонен думать, что основание греческих факторий и купцов в Наукратисе можно отнести к правлению Псамметиха[617] - Наукратис был городом египетского происхождения, в котором этим иностранцам было разрешено поселиться, а не греческой колонией, как хотел бы заставить нас поверить Страбон. Язык Геродота, скорее, подразумевает, что именно царь Амасис - между которым и смертью Псамметиха прошло почти полвека - впервые позволил грекам поселиться в Наукратисе; но если сравнить то, что историк рассказывает нам о придворном Родописе и брате поэтессы Сапфо, становится очевидным, что в этом городе задолго до вступления Амасиса на престол существовали и греческая торговля, и греческие заведения. Таким образом, мы можем считать, что и восточное, и западное устья Нила стали открыты для греков во времена Псамметиха; первое - как ведущее к штаб-квартире наемных греческих войск на египетском жаловании, второе - для целей торговли.

В то время как это событие позволило грекам значительно расширить как свои перевозки, так и поле для наблюдения, оно, похоже, вызвало внутренний переворот в Египте. Ном Бубастис, в котором было основано новое военное поселение иностранцев, числится среди тех, которые занимала египетская военная каста:[618] были ли у них частично отняты земли, мы не знаем; но само введение таких иностранцев должно было казаться отвратительным для сильного консервативного чувства Древнего Египта. А Псамметих обращался с местными солдатами так, чтобы показать, насколько меньше они стали считаться с тех пор, как "медные шлемы" закрепились на земле. До сих пор было принято распределять ту часть солдат, которая находилась на действительной службе, по трем различным постам: в Дафне, близ Пелусия, на северо-восточной границе, в Марее, на северо-западной границе, недалеко от места, где впоследствии была построена Александрия, и в Элефантине, на южной, или эфиопской, границе. Псамметих, не имея более повода для их услуг на восточной границе, со времени образования лагеря наемников, собрал их в большем количестве и задержал на необычное время на двух других станциях, особенно в Элефантине. Здесь, как рассказывает Геродот, они оставались в течение трех лет без отдыха, а Диодор добавляет, что Псамметих назначил тем туземным войскам, которые сражались вместе с наемниками, наименее почетную должность в строю; пока наконец недовольство не заставило их эмигрировать в составе двухсот сорока тысяч человек в Эфиопию, оставив своих жен и детей в Египте, - и никакие меры со стороны Псамметиха не могли побудить их вернуться. Этот памятный инцидент,[619] который, как говорят, привел к возникновению поселения в самых южных областях Эфиопии, названного греками Автомоли (хотя солдаты-эмигранты по-прежнему называли себя своим старым египетским именем), свидетельствует о том, что введение иностранных наемников понизило положение местных военных. Однако на численность эмигрантов полагаться не стоит: в скором времени мы увидим, что их осталось достаточно, чтобы возобновить эффективную борьбу за свое утраченное достоинство.

Вероятно, именно со своими ионийскими и карийскими войсками Псамметих вел те военные действия в Сирии, которые составили столь значительную часть его долгого и благополучного правления, длившегося пятьдесят четыре года.[Он осаждал город Азот в Сирии в течение двадцати девяти лет, пока не взял его, - самая долгая блокада, о которой когда-либо слышал историк: более того, он был в этой стране, когда уничтожающие скифов кочевники, которые победили медийского царя Кяксареса и овладели Верхней Азией, собирались вторгнуться в Египет, от чего Псамметих большими подарками заставил их отказаться[621].

Однако были и более могущественные враги, чем скифы, против которых ему и его сыну Некосу, сменившему его, кажется, около 604 года до н. э. [622], пришлось сражаться в Сирии и прилегающих землях. Именно в этот период, во время правления Набополассара и его сына Навуходоносора (625-561 гг. до н. э.), халдеи или ассирийцы Вавилона достигают максимума своей мощи и агрессивности, а ассирийцы Нинуса или Ниневии теряют свои основные позиции из-за взятия этого города Кяксаресом (около 600 г. до н. э.), что является наибольшей высотой, которой когда-либо достигала Медийская держава. Между египетским Некосом и его внуком Априесом - фараоном Нехо и фараоном Хофрой из Ветхого Завета - с одной стороны, и вавилонским Навуходоносором - с другой, Иудея и Фения становятся промежуточным предметом ссоры, а политическая независимость феникийских городов уничтожена и больше не восстановлена. В начале своего правления Некос, судя по всему, стремился расширить египетскую торговлю, для чего предпринял две меры, поразительные по смелости для того времени, - канал между нижней частью восточного или Пелусийского Нила и самым краем Красного моря, и кругосветное плавание по Африке; его главной целью было обеспечить водное сообщение между Средиземным и Красным морями. Он начал строительство канала - примерно в то же время, когда Навуходоносор провел свой канал из Вавилона в Тередон - с такой безрассудной решимостью, что сто двадцать тысяч египтян, как говорят, погибли во время работ; но либо из-за этого катастрофического доказательства трудности, либо, как говорит Геродот, из-за ужасов угрожающего пророчества, которое дошло до него, он был вынужден остановиться. Затем он совершил кругосветное плавание по Африке, о котором уже говорилось выше; но и в этом случае он оказался не в состоянии обеспечить доступные коммуникации, как он того желал. [623] Совершенно очевидно, что в обоих этих предприятиях он действовал по наущению феникийцев и греков; и мы можем отметить, что точка Нила, откуда отходил канал, находилась вблизи лагерей наемников или стратопедов. Не имея возможности соединить два моря, он построил и оснастил вооруженный флот как на одном, так и на другом море, и начал агрессивные действия, как морские, так и военные. Его армия, шедшая в Сирию, была встречена в Мегиддо - Геродот говорит Магдолум - иудейским царем Иосией, который был сам убит и так сильно пострадал, что Иерусалим перешел под власть завоевателя и стал данником Египта. Следует отметить, что Некос послал одежду, в которую он облачился в день своей победы, в качестве подношения в священный храм Аполлона в Бранхиде близ Милета, [624] - первый зафиксированный случай пожертвования египетского царя греческому храму и доказательство того, что эллинское родство начало сказываться на нем: вероятно, мы можем заключить, что значительная часть его войска была милетянами.

Но победоносная карьера Некоса была полностью остановлена поражением, которое он потерпел при Кархемише, или Цирцее, на Евфрате от Навуходоносора и вавилонян, которые не только изгнали его из Иудеи и Сирии, но и взяли Иерусалим и увели в плен царя и главных евреев. [625] Далее Навуходоносор напал на феникийские города, и только осада Тира стоила ему тяжелых трудов в течение тринадцати лет. После столь долгого и доблестного сопротивления тирийцы были вынуждены покориться, и их постигла та же участь, что и иудеев: их князья и вожди были уведены в плен на вавилонскую территорию, а феникийские города стали числиться среди данников Навуходоносора. Так они, по-видимому, и оставались до свержения Вавилона Киrom: Ибо среди тех отрывков, к несчастью, очень кратких, которые Иосиф привел из тирийских анналов, мы находим, что в этот период в управлении Тиром происходили споры и нарушения [626] - судьи на время заменяли царей; В то время как Мербал и Хиром, два принца из царственного тирского рода, находившиеся в плену в Вавилонии, по особому ходатайству тирийцев были последовательно отправлены вниз и правили в Тире; первый - четыре года, второй - двадцать лет, вплоть до завоевания Вавилона Киrom. Египетский царь Априс, сын Псаммиса и внук Некоса, напал на Сидон и

Тир как по суше, так и по морю, но, похоже, безрезультатно.[627] Персидской империи, как только Кир завоевал Вавилон, они радостно и спонтанно подчинились,[628] и восстановление плененных тирийцев в их доме, вероятно, было уступлено им, как и пленным евреям.

Некоса в Египте сменил его сын Псаммис, а после шестилетнего царствования - его сын Априс; о могуществе и процветании которого Геродот говорит в очень высоких общих выражениях, хотя те немногие подробности, о которых он рассказывает, имеют противоположный характер. Только после двадцатипятилетнего царствования Априкс предпринял экспедицию против греческих колоний в Ливии - Кирена и Барки, - которая стала его гибелью. Ливийские племена, проживавшие вблизи этих городов, прислали к нему с просьбой сдаться и о помощи против греческих поселенцев, и Априкс отправил к ним большой отряд, состоявший из местных египтян, которые, как уже говорилось, находились на северо-западной границе Египта и поэтому были наиболее пригодны для похода на Кирену. Киренейцы выступили против них, и завязалась битва, в которой египтяне были полностью разгромлены с большими потерями. Утверждается, что они были приведены в беспорядок из-за отсутствия практических знаний о греческой войне,[629] - замечательное доказательство полной изоляции греческих наемников (которые уже давно служили Псамметиху и его преемникам) от коренных египтян.

Это катастрофическое поражение вызвало в Египте мятеж против Априеса: солдаты утверждали, что он отправил их в это предприятие с намеренной целью уничтожить их, чтобы обеспечить себе власть над остальными египтянами. Недовольные нашли такое сочувствие среди населения, что Амасис, саисский египтянин низкого происхождения, но большого ума, которого Априс послал примирить их, был либо убежден, либо вынужден стать их лидером и приготовился немедленно выступить в поход против царя в Саисе. Беспредельное и благоговейное подчинение царской власти было привычкой, так глубоко укоренившейся в сознании египтян, что Априес не мог поверить в серьезность сопротивления. Он послал офицера по имени Патарбекмис привести к нему Амасиса, и когда тот вернулся, принес от мятежника лишь презрительный отказ появляться на публике иначе как во главе армии, разгневанный царь приказал отрезать ему нос и уши. Этот зверский акт вызвал такое возмущение среди окружавших его египтян, что большинство из них дезертировали и присоединились к восставшим, которые таким образом стали непреодолимо грозными в численном отношении. У Априеса оставались еще иностранные наемники - тридцать тысяч ионийцев и карийцев, которых он вызвал из своей стратопедии на Пелусийском берегу Нила в свою резиденцию в Саисе; и эта сила, творение его предка Псамметиха и главная опора его семьи, все еще внушала ему такую непоколебимую уверенность, что он выступил в поход, чтобы напасть на значительно превосходящий его по численности отряд Амасиса в Момемфисе. Хотя его войска вели себя храбро, неравенство численности в сочетании с возбужденными чувствами повстанцев одолели его: он был разбит и доставлен в плен в Саис, где Амасис поначалу не только пощадил его жизнь, но и обошелся с ним великодушно.[630] Однако антипатия египтян была столь велика, что они заставили Амасиса отдать пленника в их руки и тут же задушили его.

Нетрудно проследить в этих действиях вспышку долго сдерживаемой ненависти египетской солдатской касты к династии Псамметиха, которой они были обязаны своим сравнительным упадком и благодаря которой в Египет хлынул поток эллинизма, что, несомненно, было воспринято без большого отвращения. Также может показаться, что в этой династии было слишком мало чистого египтизма, чтобы найти расположение у жрецов. По крайней мере, Геродот не упоминает ни о каких религиозных сооружениях, возведенных Некосом,

Псаммисом или Априсом, хотя он описывает много подобных трат со стороны Псамметиха, который построил великолепные пропилеи к храму Гефеста в Мемфисе[631] и новую великолепную камеру или хлев для священного быка Аписа, и еще больше со стороны Амасиса.

Тем не менее Амасис, хотя и получил корону в результате этого взрыва антипатии туземцев, нашел иностранные дополнения как уже существующими, так и чрезвычайно выгодными. Он не только поддерживал, но и расширял их, и Египет при нем пользовался такой властью и уважением, какими не обладал ни прежде, ни впоследствии, - ведь его долгое сорокачетырехлетнее правление (570-526 гг. до н. э.) завершилось всего за шесть месяцев до персидского завоевания страны. Он был в высшей степени филэллином, и греческие купцы в Наукратисе - как постоянные поселенцы, так и случайные гости - получили от него ценные привилегии. Помимо разрешения различным греческим городам возводить религиозные учреждения для тех граждан, которые посещали это место, он также санкционировал создание официального и организованного эмпориума или фабрики, наделенной торговыми привилегиями и вооруженной властью, осуществляемой регулярно избираемыми председателями. Эта фабрика была связана с большим религиозным сооружением и участком, построенным на совместные средства девяти греческих городов: четырех ионических - Хиоса, Теоса, Фокеи и Клазомен; четырех дорических - Родоса, Книда, Галикарнаса и Фазелиса; и одного эолийского - Митиленка. Эти девять городов содержали совместный храм и завод и выбирали его председателей; но его назначение, для удобства греческой торговли в целом, кажется, раскрывается внушительным названием "*Эллада*" (*Hellênion*). Самос, Милет и Эгина основали по отдельному храму в Наукратисе для поклонения тех своих граждан, которые отправлялись туда; вероятно, как и Эллион, он был связан с защитой и возможностями для торговых целей. Но хотя эти три могущественных города, таким образом, создали каждый сам для себя фабрику, гарантирующую товар и отвечающую за поведение своих граждан по отдельности, корпорация Эллады служила и защитой, и контролем для всех остальных греческих купцов. И такова была польза, известность и, вероятно, денежная прибыль корпорации, что другие греческие города выдвигали претензии на долю в ней и ложно притворялись, что внесли свой вклад в ее первоначальное основание[632].

Наукратис долгое время был привилегированным портом для греческой торговли с Египтом. Ни одному греческому купцу не разрешалось доставлять товары в любую другую часть или входить в любое другое из устьев Нила, кроме Канопика. Если погода вынуждала его зайти в одно из них, он должен был принести клятву, что его прибытие было вызвано необходимостью, и перевезти свои товары в обход по морю в Канопическое устье в Наукратис; если же погода все равно не позволяла сделать это, товары грузились на баржи и доставлялись в Наукратис по внутренним каналам дельты. Такой монополии, которая делала Наукратис в Египте чем-то вроде Кантона в Китае или Нангасаки в Японии, во времена Геродота уже не существовало.[633] Но фабрика Эллиниона действовала в полную силу и с достоинством, и очень возможно, что он сам, будучи уроженцем одного из городов-вкладчиков, Галикарнаса, мог пользоваться ее преимуществами. В какое именно время Наукратис впервые получил лицензию на греческую торговлю, мы не можем точно сказать; но есть основания полагать, что это был порт, в который греческие купцы отправились первыми, как только им была предоставлена общая свобода торговли с этой страной; а это означает, что он был основан по крайней мере до основания Кирена и путешествия удачливого Колеуса, который направлялся с грузом в Египет, когда его настигли бури, - около 630 года до н. э., во время правления Псамметиха. А во времена поэтессы Сапфо и ее брата Харакса, кажется, очевидно, что греки уже некоторое время жили в Наукратисе.[634] Но

Амасис, хотя его предшественники и разрешили такое поселение, несомненно, может считаться тем, кто придал фактории организованность и поставил греков на более удобную основу безопасности, чем они когда-либо пользовались прежде.

Этот египетский царь проявил и другие признаки своего фило-греческого расположения, сделав пожертвования в Дельфы и другие греческие храмы, и даже женился на греческой жене из города Кирена.[635] Кроме того, он состоял в тесном союзе и гостеприимных отношениях как с Поликратесом, деспотом Самоса, так и с Крёзом, царем Лидии.[636] Он завоевал остров Кипр и сделал его подданным египетского престола: его флот и армия поддерживались в хорошем состоянии, а иностранные наемники, большая сила династии, которую он вытеснил, были не только сохранены, но даже переведены из своего лагеря под Пелусием в главный город Мемфис, где они служили в качестве специальной охраны Амасиса.[637] При нем Египет наслаждался могуществом за границей и процветанием внутри страны - река была обильной в своем разливе, - что еще сильнее запомнилось из-за периода бедствий и порабощения, последовавшего сразу за его смертью. А его вклад в архитектуру и скульптуру храмов Саиса[638] и Мемфиса по своим масштабам превосходил все, что было известно до него в нижнем Египте.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Археология Египта, приведенная в первой книге Диодора, настолько смешана с греческими мифами, настолько окрашена греческими мотивами, философией и чувствами, что не может служить для иллюстрации исконно египетского образа мыслей. Даже у Геродота, хотя его истории в основном подлинно египетские, мы находим определенный налет эллинизма, который приобрели в его время сами жрецы и которого, вероятно, не было бы в их общении с Солоном или поэтом Алкей, полутора веками ранее. Тем не менее, его рассказы (за тон которых Диодор неоправданно порицает его, i, 69) действительно иллюстрируют национальный ум; но повествования, придуманные греческой фантазией из египетских материалов и идеализирующие египетских царей и жрецов так, чтобы сформировать приятную картину для греческого читателя, являются просто романтикой, которая редко имеет даже достоинство забавлять. У большинства интеллектуальных греков была некоторая тенденция приукрашивать египетскую историю, и у Платона она проявилась в значительной степени; но греки, которые толпились в Египте при Птолемах, пошли еще дальше. Гекатей из Абдеры, у которого Диодор много копировал (i, 46), должен быть причислен к ним, и от него, возможно, происходят одноименные цари *Ægyptus* (i, 51) и *Neileus* (i, 63), последний из которых, как говорят, дал реке название *Нил*, тогда как до этого она называлась *Ægyptus* (это для того, чтобы сохранить доверие Гомера, который называет ее Αἴγυπτος ποταμός, *Odyss.* xiv, 258): также Македон, Прометей, Триптолем и т. д., в значительной степени смешанные с египетскими древностями, у Диодора (i, 18, 19 и т. д.). Похоже, что имя царя Нилоса встречается в списке египетских царей у Дикеарха (ap. Schol. *Apoll. Rhod.* iv, 272; *Dikæarch. Fragment*, p. 100, ed. Fuhr).

В том, что ἀναγραφαὶ в храмах Египта достигли огромной древности и содержали список имен, человеческих, полубожественных и божественных, очень длинный, нет никаких оснований сомневаться. Геродот, называя число лет между Дионисом и Амасисом в 1500, прямо говорит, что "жрецы сказали ему, что знают это точно, так как они всегда вели счет и всегда записывали число лет", "-καὶ ταῦτα Αἰγύπτιοι ἀτρεκέως φασὶν ἐπίστασθαι, αἰεὶ τε λογιζόμενοι καὶ αἰεὶ ἀπογράφόμενοι τὰ ἔτηα (ii. 145): ср. *Diodor.* i, 44. Он рассказывает, что жрецы прочитали ему из рукописи папируса (ἔκ βύβλου, ii, 100) имена 330 сменявших друг

друга царей от отца к сыну, между Меном или Менесом и Мёрисом; и 341 колоссальная статуя главных жрецов, каждый из которых сменял своего отца, вплоть до Сетоса, жреца Гефеста и царя (ii, 142), которые были показаны ему в храме Гефеста в Мемфисе, представляют собой своего рода монументальные свидетельства, аналогичные по своей природе письменным спискам. Так же и длинный период в 23 000 лет, указанный Диодором, от правления Хельоса до экспедиции Александра в Азию, 18 000 из которых были заняты правлением богов и полубогов (i, 26, 24, 44, - его цифры не все согласуются друг с другом), вероятно, может быть взят из ἀναγραφῆ. Многие храмы в Египте, вероятно, имели такие таблички или надписи, некоторые отличались от других. Но это только показывает нам, что такие ἀναγραφαὶ или другие храмовые памятники сами по себе не имеют никакого авторитета, за исключением тех случаев, когда есть достаточные основания предполагать их почти современными фактам или лицам, о которых они свидетельствуют. Совершенно очевидно, что храмовые надписи отражают представления египетских жрецов (неизвестной даты до Геродота) относительно всего диапазона истории и хронологии египетского прошлого.

Какова может быть доля исторических элементов, включенных в эту совокупность, мы не имеем возможности проверить, и памятники в египетских храмах сами по себе не являются доказательством реальности лиц или событий, в память о которых они помещены, в той же мере, как кентавромахия или амазономмахия на фризе греческого храма доказывает, что кентавры или амазонки действительно существовали. Но интересно проникнуть, насколько это возможно, в схему, по которой сами египтяне задумывали и строили свою историю прошлого, в которой боги составляют столь же существенный элемент, как и человеческие цари; ведь мы отходим от египетской точки зрения, когда рассматриваем богов как принадлежащих к египетской религии, а человеческих царей - к египетской истории, - и те и другие являются частями одного и того же ряда.

Трудно проследить информацию, полученную Геродотом от египетских жрецов, до какой-либо внятной схемы хронологии; но это можно сделать в отношении Манефо с большим правдоподобием, как показал недавний ценный и подробный анализ Бозка ("Manetho und die Hundssternperiode", Berlin, 1845). Он дает веские основания полагать, что династии Манефо были расположены таким образом, чтобы заполнить точное количество циклов Сотиака (или периодов звезды Сириус, каждый из которых охватывает 1460 юлианских лет = 1461 египетский год). Египетский календарь признавал год, состоящий из 365 дней, не принимая во внимание шесть дополнительных часов, из которых состоит солнечный год: у них было двенадцать месяцев по тридцать дней с пятью эпагоменами или дополнительными днями, и их год всегда начинался с первого числа месяца Тот (Soth, Sothis). Таким образом, их год был на шесть часов короче (или на один день за каждые четыре года), чем юлианский год с его повторяющимися високосными годами, и первое число египетского месяца Тот каждые четыре года отодвигалось на один день назад в юлианском календаре, а в течение 1460 лет оно последовательно выпадало на каждый день юлианского года, возвращаясь в тот же день, с которого началось. Этот период в 1460 лет назывался сотийским и отсчитывался от года, в котором первое число египетского месяца Тот совпадало с гелиакальным восходом Сириуса в Египте, то есть (для интервала с 2700 года до н. э. и до христианской эры) 20 июля юлианского года. Мы знаем от Цензорина, что конкретная революция софийского периода, в который были включены Геродот и Манефо, закончилась в 139 году после христианской эры, в этом году первое число египетского месяца Тот выпало на 20 июля, или совпало с гелиакическим восходом Сириуса в Египте: зная, в каком году закончился этот период, мы также знаем, что он должен был начаться в 1322 году до н. э., и что период, непосредственно предшествующий ему, должен был начаться в 2782 году до н.

э. (Censorinus, De Die Natali, c. 21; Ideler, Handbuch der Chronologie, vol. i, Abschn. 1, pp. 125-138.) Имя Сотис, или Тот, было египетским названием Сириуса или Собачьей звезды, гелиакальный восход которой был важным явлением в этой стране, так как почти совпадал с началом разлива Нила.

Бозех с большой тщательностью и умением проанализировал дошедшие до нас фрагментарные, частичные и во многом противоречащие друг другу версии династий Мането: в конце концов, мы знаем их очень несовершенно, и очевидно, что они были сильно фальсифицированы и интерполированы. Он предпочитает, в основном, версию Африкана. Число лет, включенных в египетскую хронологию, всегда было трудностью для критиков, некоторые из которых уклонялись от нее, предполагая, что династии, упомянутые как последовательные, на самом деле были одновременными, - в то время как другие предполагали, что перечисленные годы были не полными годами, а годами одного месяца или трех месяцев; не было недостатка и в других попытках изобретательности, чтобы примирить Манефо с библейской хронологией.

Манефо строит свою историю прошлого на чисто египетских представлениях, применяя к прошлому времени меру сотийского периода или 1460 юлианских лет (= 1461 египетский год), и начиная как божественную историю Египта, так и человеческую историю, которая ее сменяет, каждый раз в начале одного из этих сотийских периодов. Зная, как мы знаем из Цензорина, что софийский период закончился в 139 году н. э. и, конечно же, начался в 1322 году до н. э., мы также знаем, что третий предшествующий софийский период должен был начаться в 5702 году до н. э. ($1322 + 1460 + 1460 + 1460 = 5702$). Теперь 5702 год до н. э. совпадает с тем, в который Манефо помещает Менеса, первого человеческого царя Египта; ведь его тридцать одна династия заканчивается первым годом Александра Македонского, 332 годом до н. э., и включают в себя 5366 лет, что дает начало серии династий, или воцарение Менеса, датой 5702 г. до н. э. До Менеса он дает длинный ряд лет как время правления богов и полубогов; это длинное время охватывает 24 837 лет, или семнадцать сотийских периодов по 1461 египетскому году каждый. Таким образом, мы видим, что Манефо (или, возможно, священнослужители ἀναγράφαι, которым он следовал) построил систему египетской истории и хронологии из двадцати полных софийских периодов, в дополнение к той части двадцать первого, которая истекла до времени Александра, - примерно на три четверти века раньше самого Манефо, если предположить, что он жил во времена Птолемея Филадельфа, что, хотя и не точно, но все же вероятно (Воескh, p. 11). Эти результаты были получены не без некоторых поправок к цифрам Мането, - поправок, которые в большинстве случаев оправданы разумными основаниями, а там, где не оправданы, незначительны по сумме; так что сближение вполне достаточно, чтобы придать гипотезе Бозэция высокую степень правдоподобия: см. с. 142-145.

Хотя нет сомнений в том, что во времена Манефо сотийский период был знаком египетским жрецам, о времени, когда он впервые стал известен, у нас нет определенных сведений: мы не знаем, когда они впервые начали обращать внимание на то, что их год, состоящий из 365 дней, был на шесть часов короче. Согласно утверждению Геродота (ii, 4), жрецы Гелиополя представляли 365-дневный год (который, по их словам, впервые открыли египтяне) как точное повторение времен года, без какой-либо ссылки на оставшиеся шесть часов. Этот отрывок Геродота, нашего древнейшего информатора, вызывает недоумение. Геминус (Isagogê in Arati Phænomena, c. 6) говорит, что египтяне намеренно воздерживались от добавления шести часов путем интеркаляции, поскольку предпочитали, чтобы их месяцы и связанные с ними религиозные церемонии время от времени приходились на разное время года, - и это больше похоже на гениальную догадку, чем на определяющую причину.

Относительно принципа, по которому составлена египетская хронология Геродота, см. замечания М. Бунзена, *Ægyptens Stellung in der Welt-geschichte*, vol. i, p. 145.

ГЛАВА XXI. УПАДОК ФЕНИКОВ. - РОСТ КАРФАГЕНА.

Предшествующий очерк этой важной системы иностранных народов - феников, ассирийцев и египтян, - которые занимали юго-восточную часть (οἰκουμένη) обитаемого мира ранней Греции, доводит их почти до того времени, когда все они были поглощены могущественной Персидской империей. Прослеживая череду событий, произошедших между 700 и 530 годами до н. э., мы наблюдаем существенный рост могущества халдеев и египтян, огромное расширение греческой морской деятельности и торговли, но в то же время отмечаем упадок Тира и Сидона, как в плане могущества, так и в плане торговли. Оружие Навуходоносора привело финикийские города в такое же состояние зависимости, в какое попали ионические города полвека спустя от Крёза и Кира, а корабли Милета, Фокеи и Самоса постепенно распространились по всем тем водам Леванта, которые когда-то были исключительно финикийскими. В 704 году до н. э. у саамитян еще не было ни одной триремы, [639] до 630 года до н. э. ни одно греческое судно еще не посещало Ливию; но когда мы достигаем 550 года до н. э., мы видим ионические корабли, преобладающие в Эгейском море, и корабли Коринфа и Коркиры, действующие к западу от Пелопоннеса, - мы видим процветающие города Кирена и Барка, уже укоренившиеся в Ливии, и порт Наукратис - оживленный центр греческой торговли с Египтом. Сухопутная торговля, которой Египет пользовался до Псамметиха и которую вели исключительно феники, сменяется морской торговлей, в которой феники имеют лишь долю, и, похоже, меньшую, чем греки; а завоевание Амасисом острова Кипр, наполовину заполненного феникскими поселениями и некогда находившегося в зависимости от Тира, служит одним из признаков сравнительного упадка этого великого города. В торговле с Красным морем и Персидским заливом у нее по-прежнему не было конкурентов, планы египетского царя Некоса оказались неудачными; и даже во времена Геродота пряности и ладан из Аравии по-прежнему привозил и распространял только финикийский купец. [640] Но в целом, как политическое, так и промышленное развитие страны теперь сдерживается препятствиями и конкурентами, не действовавшими ранее; и роль, которую она будет играть в Средиземноморье на протяжении всей этой истории, является подчиненной и менее важной.

На ход греческой истории эти страны прямого влияния не оказали, однако их воздействие на греческий ум было весьма значительным, а открытие Нила Псамметихом представляет собой эпоху в эллинской мысли. Он предоставил их наблюдениям обширное и разнообразное поле современной реальности, и в то же время он был одним из великих источников тех мистических тенденций, которые развратили столь многие из их спекулятивных умов. Но Феникии и Ассирии греки обязаны двумя приобретениями, заслуживающими особого упоминания, - алфавитом, первым стандартом и весами, а также чеканными деньгами. Ни одно из этих приобретений мы не можем точно определить. То, что греческий алфавит произошел от финикийского, не вызывает сомнений, хотя мы не знаем, как и где был передан этот неоценимый подарок, следов которого не найти в гомеровских поэмах. [641] Латинский алфавит, почти идентичный древнейшей дорической разновидности греческого, был получен из того же источника, как и этрусский, хотя - если О. Мюллер прав в своей догадке - только из вторых рук, благодаря вмешательству греков. [642] Если мы не можем выяснить, в

какое время феники передали грекам эту ценную информацию, то тем более мы не можем определить, когда и как они сами приобрели ее - была ли она семитским изобретением или получена в результате усовершенствования фонетических иероглифов египтян.[643]

Кроме букв алфавита, из Феникии и Ассирии в Грецию перешли весы и весы для чеканки денег. Бёх в своей "Метрологии" показал, что эгинейские весы[644] с их делениями, талантом, мна и оболон, идентичны вавилонским и фенским, и что слово *мна*, которое образует центральную точку весов, имеет халдейское происхождение. Этого я уже касался в одной из предыдущих глав, рассказывая об истории Фидона Аргосского, который впервые ввел в обиход то, что называется эгинейскими весами.

Прослеживая, таким образом, влияние на греческий ум раннего общения с различными азиатскими народами, мы обнаруживаем, что, как греки составили свою музыкальную шкалу, столь важный элемент их ранней умственной культуры, частично заимствовав ее у лидийцев и фригийцев, так и их денежная и статическая системы, их алфавитное письмо и их двенадцатиричное деление дня, измеряемое гномоном и тенью, были заимствованы у ассирийцев и фенийцев. Таким образом, ранняя промышленность и торговля этих стран была во многом доступна грекам, и, вероятно, стала бы еще более доступной, если бы великий и быстрый подъем варварских персов не привел их всех к рабству. Феники, хотя и были недобрыми соперниками, в то же время служили примером и стимулом для морских устремлений греков; а феникское поклонение богине, которую греки знали под именем Афродита, передалось последним на Кипре, в Кифаре, на Сицилии, возможно, также в Коринфе.

Шестой век до н. э., хотя и был периодом упадка для Тира и Сидона, стал периодом роста для их африканской колонии Карфагена, который в течение этого века ведет значительную торговлю с тирренскими городами на южном побережье Италии и вытесняет фокейских поселенцев из Алалии на Корсике. Войны карфагенян с греческими колониями на Сицилии, насколько они нам известны, начинаются вскоре после 500 года до н. э. и продолжаются с переменным успехом в течение двух с половиной веков.

Основание Карфагена тирийцами датируется разными датами, самой низкой из которых, однако, является 819 год до н. э.: другие власти относят его к 878 году до н. э., и у нас нет возможности определиться между ними. Я уже отмечал, что это не самая древняя из тирийских колоний; но хотя Утика и Гадес, возможно, были древнее Карфагена,[645] последний значительно превзошел их по богатству и могуществу и приобрел своего рода федеральное главенство над всеми феникийскими колониями на побережье Африки. В те поздние времена, когда владычество карфагенян достигло своего максимума, оно включало в себя города Утику, Гиппо, Адруметум и Лептис, - все изначально основанные фениками и, вероятно, пользовавшиеся, даже будучи зависимыми от Карфагена, определенной квалифицированной автономией, - а также множество более мелких городов, основанных ими самими и населенных смешанным населением, называемым либийцами-фениками. Триста таких городов, зависимая территория, занимающая половину пространства между Малым и Большим Сиртом и во многих частях необычайно плодородная, город с семьями тысячами жителей, активных, богатых и внешне однородных, и иностранные зависимости в Сицилии, Сардинии, на Балеарских островах и в Испании - все эти совокупности власти под единым политическим управлением были достаточны, чтобы на некоторое время сделать сомнительным соперничество Карфагена даже с Римом.

Но какими путями карфагеняне подняли себя до такого уровня величия, мы не знаем, и нам остается только гадать, насколько оно уже было приобретено в шестом веке до н. э. Как и в

случае со многими другими городами, мы имеем легенду об основании, украшающую момент рождения, и ничего более. Тирская принцесса Дидо или Элиза, дочь Белуса, сестра Пигмалиона, царя Тира, и жена богатого Сихея, жреца Геракла в этом городе, - говорят, осталась вдовой в результате убийства Сихея Пигмалионом, который захватил сокровища, принадлежавшие его жертве. Но Дидо нашла способ лишить его добычи, завладела золотом, искушавшим Пигмалиона, и тайно эмигрировала, унеся с собой священные знаки отличия Геракла: за ней последовало значительное число тирийцев. Она поселилась в Карфагене на небольшом холмистом полуострове, соединенном узкой полосой земли с континентом, купив у туземцев столько земли, сколько можно было обтянуть бычьей шкурой, которую она разрезала на тончайшие полосы и таким образом сделала ее достаточной для строительства своей первой цитадели, Бирсы, которая впоследствии выросла в великий город Карфаген. Как только ее новое поселение укрепилось, к ней стали обращаться с просьбами о замужестве несколько князей местных племен, особенно гетульский Джарбас, который угрожал войной в случае отказа. Под давлением криков своего народа, желавшего вступить в союз с туземцами, но твердо решив хранить исключительную верность своему первому мужу, она избежала конфликта, покончив с жизнью. Она сделала вид, что согласна на предложение о втором браке, требуя лишь отсрочки, достаточной для того, чтобы принести искупительную жертву манам Сихея: была воздвигнута огромная погребальная куча, на ней заклали множество жертв, среди которых Дидо пронзила мечом собственное лоно и погибла в пламени. Такова легенда, которой Вергилий придал новую окраску, вплетя в нее приключения Энея и соединив таким образом основополагающие легенды Карфагена и Рима, не заботясь об отклонении от принятой мифической хронологии. Дидоне поклонялись как богине в Карфагене до разрушения города:[646] и с некоторой вероятностью предполагали, что она идентична Астарте, божественной покровительнице, под чьим покровительством была первоначально основана колония, как Гадес и Тарс были основаны под покровительством Геракла, - история о погребальной куче и самосожжении фигурирует в религиозных церемониях других киликийских и сирийских городов.[647] Феникская религия и культ распространялись вместе с феникскими колониями по большей части Средиземноморья.

Фокейцы из Ионии, которые во время своих авантурных путешествий на запад основали колонию Массалия (уже в 600 году до н. э.), смогли добиться этого только благодаря морской победе над карфагенянами - самый ранний пример столкновения греков и карфагенян, дошедший до нас. Карфагеняне ревностно относились к торговому соперничеству, и их торговля с тосканцами и латинянами в Италии, а также прибыльные рудники в Испании относятся к тому периоду, когда греческая торговля в этих регионах была едва известна. У греческих авторов название "феникийцы" часто используется для обозначения карфагенян, а также жителей Тира и Сидона, так что мы не всегда можем определить, кто из них имеется в виду; но примечательно, что далекое поселение Гадес и многочисленные поселения, основанные для торговых целей вдоль западного побережья Африки и без Гибралтарского пролива, прямо приписываются тирийцам.[648] Многие из других феникийских поселений на южном побережье Испании, похоже, были обязаны своим происхождением скорее Карфагену, чем Тиру. Но отношения между ними, насколько нам известно, были постоянно дружественными, и Карфаген, даже в период своей наивысшей славы, посылал Теори с данью религиозного признания тирийскому Гераклу: визит этих посланников совпал с осадой города Александром Македонским. В этот критический момент жены и дети тирийцев были отправлены искать убежища в Карфагене: за два столетия до этого, когда Персидская империя переживала период своего роста и расширения, тирийцы отказались помочь Камбисесу своим флотом в его планах по завоеванию Карфагена и таким образом, вероятно, сохранили свою колонию от порабощения[649].

ГЛАВА XXII.

ЗАПАДНЫЕ КОЛОНИИ ГРЕКОВ - В ЭПИРЕ, ИТАЛИИ, СИЦИЛИИ И ГАЛЛИИ.

Поток греческой колонизации на запад, насколько мы можем судить о нем достоверно, с именами и датами, начинается с 11-й Олимпиады. Но есть основания полагать, что были и другие попытки, более ранние, хотя мы должны довольствоваться тем, что признаем их в целом вероятными. Несомненно, существовали отдельные группы добровольцев-эмигрантов или мародеров, которые, обосновываясь в местах, благоприятных для торговли или пиратства, либо смешивались с туземными племенами, либо вырастали путем последовательного усиления в признанный город. Не имея возможности похвастаться происхождением от пританея известного греческого города, эти искатели приключений часто были склонны опираться на неисчерпаемые легенды о Троянской войне и приписывать свое происхождение одному из победоносных героев из войска Агамемнона, отличавшихся как своей доблестью, так и повсеместным рассеянием после осады. Таких предполагаемых поселений беглых греческих или троянских героев было великое множество, в разных точках по всему побережью Средиземного моря; на такое же почетное происхождение претендовали даже многие неэллинские города.

В VIII веке до н. э., когда этот западный поток греческой колонизации начинает принимать достоверные очертания (735 г. до н. э.), население Сицилии - насколько позволяют определить наши скудные сведения - состояло из двух совершенно отличных друг от друга рас - сикелов и сиканов - помимо элимов, смешанной расы, очевидно отличной от обеих, и занимавшей Эрикс и Эгесту, близ самого западного угла острова, - и феникийских колоний и прибрежных поселений, образованных для целей торговли. По мнению Фукидида и Филиста, эти сиканы, хотя и выдавали себя за коренных жителей, все же были иберийского происхождения^[650] и эмигрантами более раннего времени, чем сикелы, - которыми они были захвачены и ограничены меньшей западной половиной острова, и которые, как говорят, перешли первоначально из юго-западного угла Калабрийского полуострова, где часть народа все еще жила во времена Фукидида. Территория, известная греческим писателям V века до н.э. под названиями *Σενωτρία* на побережье Средиземного моря и *Italia* на побережье Тарентумского и Сквилльского заливов, включала в себя все, что лежало к югу от линии, проведенной через всю страну, от залива Посейдония (Пестум) и реки Силарус на Средиземном море до северо-западного угла Тарентумского залива; Кроме того, с севера ее ограничивали иапиги и мессапийцы, занимавшие Салентинский полуостров и страну, непосредственно примыкавшую к Тарентуму, а с ионического залива - пеукеты. Согласно логографам Ферекидесу и Эллануку,^[651] *Σενωτρис* и *Peuketius* были сыновьями *Λυκάων*, внуками *Pelagus*, и эмигрировали в очень ранние времена из Аркадии на эту территорию. Важное сообщение Стефана Византийского^[652] знакомит нас с тем, что крепостное население, которое великие эллинские города в этой части Италии использовали для обработки своих земель, называлось пеласгами, по-видимому, даже в исторические времена: именно на этом имени, вероятно, построена мифическая генеалогия Ферекидеса. Это *Σενωτриан* или *Pelasgian* раса была тем населением, которое греческие колонисты нашли там по прибытии. Они были известны, по-видимому, под другими именами, такими как

сикелы, упомянутые даже в "Одиссее", хотя их точное местонахождение в этой поэме не может быть установлено, италийцы, или итали, правильно называемые, - моргеты и хаоны, - все они являются названиями племен, либо однокоренных, либо подразделенных. [Хаоны или хаонийцы также встречаются не только в Италии, но и в Эпире, как одно из самых значительных эпирских племен, а Пандосия, древняя резиденция CEnotrian царей в южном углу Италии, [654] была также названием города или местности в Эпире, с соседней рекой Ахерон в обоих: Отсюда, а также из некоторых других сходств в названиях, было сделано предположение, что эпироты, CEnotrians, Sikels и т.д., были именами одного народа, и все они могли быть объединены под общим названием пеласги. Есть все основания предполагать, что они принадлежали к одному этническому роду, а также что по языку, манерам и характеру они не очень сильно отличались от более грубых ветвей эллинской расы.

Также представляется, насколько можно судить по этому неясному вопросу, что CEnotrians были этнически схожи с первобытным населением Рима и Лациума с одной стороны, [655] как и с эпиротами с другой; и что племена этой расы, включающие сикелов и италиков, правильно называемых секторами, в свое время занимали большую часть территории от левого берега реки Тибр на юг между Апеннинскими и Средиземным морем. Геродот и его младший современник, сиракузец Антиох, относят CEnotria к северу до реки Силарус, [656] а Софокл включает все побережье Средиземного моря от Мессинского пролива до Генуэзского залива под тремя последовательными названиями CEnotria, Тирренский залив и Лигурия. [657] До или в течение V века до н. э. Однако другое население, называемое опиками, осканами или аусонийцами, спустилось со своих исконных мест на Апеннинских или к северу от них [658] и завоевало территорию между Лациумом и Силаром, изгнав или подчинив себе жителей CEnotrian, и основало поселения вплоть до Мессинского пролива и Липарских островов. Поэтому более точный Фукидид называет кампанскую территорию, на которой стояли Кумæ, страной опиков; это название Аристотель распространяет на реку Тибр, чтобы включить в него Рим и Лаций. [659] Не только Кампания, но в более ранние времена даже Лаций, первоначально занятый сикельским или CEnotrian населением, кажется, был частично захвачен и покорен более свирепыми племенами с Апеннин, и таким образом получил определенную смесь осканской расы. Но в областях к югу от Лациума эти осканские завоевания были еще более ошеломляющими; и именно этой причине (по мнению пытливых греков V века до н. э.) [660] были обязаны первые миграции CEnotrian из Южной Италии, которые отвоевали большую часть Сицилии у существовавших ранее сиканийцев.

Этот несовершенный рассказ, отражающий представления греков V века до н. э. о раннем населении Южной Италии, подтверждается самым полным сравнением, которое можно сделать между греческим, латинским и осканским языками, - первые два, безусловно, и третий, вероятно, сестры одной и той же индоевропейской семьи языков. Хотя аналогия, структурная и радикальная, между греческим и латинским, полностью устанавливает такую общность семьи, и хотя сравнительная филология доказывает, что по многим пунктам латынь меньше отходит от предполагаемого общего типа и родного языка, чем греческий, в первом также существует негреческий элемент и негреческие классы слов, которые, кажется, подразумевают слияние двух или более различных людей с разными языками; и тот же негреческий элемент, прослеживаемый в латыни, кажется, представляет себя еще более развитым в скудных остатках осканского языка. [661] Более того, греческие колонии в Италии и Сицилии переняли несколько особых слов от общения с сикелами, которые в большинстве случаев очень близки к латыни, - так что появляется сходство между языком Лациума, с одной стороны, и языком CEnotrians и сикелов (в южной Италии и Сицилии), с другой, до

прихода греков. Это две крайние точки сикельского населения; между ними, в промежуточной стране, появляются осканские или авзонийские племена и язык; и эти последние, похоже, были в значительной степени завоевателями и вторженцами с центральных гор. Подобные языковые аналогии подтверждают предположение Фукидида и Антиоха, что сикелы когда-то были распространены на большей части южной Италии и мигрировали оттуда в Сицилию в результате осканских вторжений. Элемент родства, существующий между латинами, *Ænotrians* и сикелами - в определенной степени также между всеми ними вместе и греками, но не распространяющийся на опиков или осканов, или на иапигов - можно назвать пеласгическим, за неимением лучшего названия; но, как бы его ни называли, признание его существования связывает и объясняет многие отдельные обстоятельства в ранней истории Рима, а также в истории итальянских и сицилийских греков.

Самая ранняя греческая колония в Италии или Сицилии, о которой мы знаем точную дату, находится около 735 года до н. э., восемнадцать лет спустя после Варроновской эры Рима; таким образом, причины, склоняющие к подчинению и эллинизации сикельского населения в южном регионе, начинают действовать почти в то же время, что и те, которые постепенно склоняют к возвышению и возвеличиванию измененной разновидности, существовавшей в Лациуме. В то время, согласно информации, предоставленной Фукидиду, сикелы уже три столетия обосновались на Сицилии: Элланик и Филист, которые оба признают аналогичную миграцию на этот остров из Италии, хотя и дают разные имена как эмигрантам, так и тем, кто их изгнал, относят эту миграцию к трем поколениям до Троянской войны[662], однако, хотя мы не знаем точной эпохи его основания, существовало одно одиночное греческое поселение в Тирренском море - Кампанские Кумы, близ мыса Мизенум; которое, по более распространенному мнению хронологов, было основано в 1050 году до н. э., и который даже был перенесен некоторыми авторами в 1139 год до н.э.[663] Не доверяя этой ранней хронологии, мы, по крайней мере, можем быть уверены, что это самое древнее греческое поселение в любой части Италии, и что прошло немало времени, прежде чем другие греческие колонисты отважились отрезать себя от эллинского мира, заняв места по другую сторону Мессинского пролива,[664] со всеми опасностями тирренского пиратства, а также Сциллы и Харибды. Кампанские Кумæ - почти полностью известные под этим латинским названием - получили свое имя и часть жителей от эолийского Кима в Малой Азии. Объединенная группа поселенцев, частично из этого последнего города, частично из Халкиса на Эвбее, - первые под руководством киммерийского Гиппоклаза, вторые под руководством халкидского Мегастенеса, - объединившись в новый город, по соглашению решили, что Кимке следует дать название, а Халкис должен пользоваться титулом и почестями материнского города[665].

Кумæ, расположенный на оконечности полуострова, который заканчивается мысом Мизенум, занимал возвышенный и скалистый холм, нависающий над морем,[666] и труднодоступный со стороны суши. Небывалое плодородие флегрейских равнин в непосредственной близости от города, обильный запас рыбы в Лукринском озере[667] и золотые прииски на соседнем острове Питекусæ - все это давало колонистам пропитание и обогащало их. К ним присоединились свежие поселенцы из Халкиса, Эретрии и даже Самоса; они стали достаточно многочисленными, чтобы образовать отдельные города в Дикеархии и Неаполисе, распространившись таким образом на большую часть Неаполитанского залива. В пологой скале под самыми стенами города находилась пещера пророческой Сибиллы - параллель и воспроизведение гергитской Сибиллы, близ Кима в Эолиде: в непосредственной близости также находились дикие леса и темное озеро Авернус, посвященные подземным богам и предлагавшие учреждение жрецов с церемониями вызывания мертвых для целей пророчества или разрешения сомнений и

загадок. Именно здесь греческое воображение локализовало киммерийцев и басню об Одиссее; а кумæйцы извлекали выгоду из посещения этого священного места,[668] возможно, едва ли меньшую, чем жители Криссы из окрестностей Дельф. Об отношениях этих кумейцев с эллинским миром в целом мы, к сожалению, ничего не знаем; Но, похоже, они были в тесной связи с Римом во времена царей, особенно последнего царя Тарквина,[669] образуя промежуточное звено между греческим и латинским миром, благодаря которому чувства теукрийцев и гергитов у эолийского Кима и легендарные истории о троянских и греческих героях - Энее и Одиссее - проникали в античное воображение Рима и Лациума.[670] Писатели эпохи Августа знали Кумæ только в период ее упадка и удивлялись обширности ее древних стен, еще сохранившихся к их времени. Но в течение двух столетий до 500 г. до н. э. эти стены окружали полный и процветающий населенный пункт, находящийся в изобилии, - с обширной и плодородной территорией,[671] к которой прибегали покупатели кукурузы из Рима в годы дефицита, и не подвергавшейся нападению грозных соседей, - и с побережьем и гаванями, хорошо приспособленными для морской торговли. В тот период город Капуя, если он вообще существовал, имел очень низкое значение, а большая часть богатой равнины вокруг него входила во владения Кумæ[672], недостойные, вероятно, в шестом веке до н. э. быть причисленными к Сибарису и Кротону.

Упадок Кумæ начинается в первой половине V века до н. э. (500-450 гг. до н. э.), во-первых, из-за усиления враждебных сил внутри страны - тосканцев и самнитов, - во-вторых, из-за жестоких междоусобных распр и разрушительного деспотизма. Город подвергся нападению грозного войска захватчиков из внутренних районов, тосканцев, усиленных умбрийскими и даунийскими союзниками; это событие Дионисий относит к 64-й Олимпиаде (524-520 гг. до н. э.), хотя на каком хронологическом основании, мы не знаем, и хотя это же время отмечено Евсевием как дата основания Дикеархии из Кумæ. Захватчики, несмотря на значительную численность, были храбро отражены кумцами, в основном благодаря героическому примеру известного и выдающегося гражданина - Аристодема Малакуса. Правительство города было олигархическим, и олигархия с того дня стала ревновать к Аристоклему, который, со своей стороны, приобрел необычайную популярность и влияние в народе. Через двадцать лет после этого латинский город Ариция, древний союзник Кумæ, подвергся нападению тосканского войска и попросил помощи у кумæйцев. Олигархия последних посчитала это хорошей возможностью избавиться от Аристодема, которого они отправили морем в Арицию с прогнившими судами и недостаточным количеством войск. Но их уловка провалилась и оказалась гибельной, так как мастерства и бесстрашия Аристодема хватило для спасения Арикии, и он вернул свои войска победоносными и преданными лично себе. Частично силой, частично хитростью он ниспроверг олигархию, предал смерти главных правителей и стал деспотом: с ревностной энергией, разоружив народ и набрав наемников, он сохранял эту власть в течение двадцати лет, занимаясь похотью и беззакониями до глубокой старости. В конце концов заговор угнетенного населения увенчался успехом; он был убит со всей своей семьей и многими главными приверженцами, и прежнее правительство было восстановлено[673].

Деспотия Аристодема приходится на время изгнания из Рима изгнанного Тарквина[674] (которому он дал приют) и правления Гелона в Сиракузах; этот бедственный период раздоров и злоупотреблений стал одной из главных причин упадка Кумæ. Почти в то же время тосканское могущество, как сухопутное, так и морское, достигает своего максимума, и начинается тосканское основание в Капуе, если мы примем эпоху этого города, указанную Катонem.[675] Таким образом, за счет Кумæ был создан мощный город, который еще больше возрос впоследствии, когда был завоеван и оккупирован самнитами; чьи племена,

вторгшиеся под своим именем или именем луканцев, распространились в течение пятого и четвертого веков до н. э., Кумæ подвергалась грозным опасностям и со стороны моря: в 474 году до н. э. на нее напал флот, состоявший то ли из одних тосканцев, то ли из тосканцев и карфагенян, и он был спасен только благодаря активному вмешательству Иеро, деспота Сиракуз; чьи морские силы отразили захватчиков с резней.^[677] Эти происшествия отчасти указывают, отчасти объясняют упадок древнейшего эллинского поселения в Италии, - упадок, от которого оно так и не оправилось.

После краткого очерка истории Кумæ мы естественно переходим к серии мощных колоний, которые были основаны в Сицилии и Италии, начиная с 735 года до н. э. - предприятиям, в которых участвовали Халкис, Коринф, Мегара, Спарта, ахейцы в Пелопоннесе и локрийцы из Пелопоннеса. Халкис, метрополия Кумæ, стал также метрополией Наксоса, древнейшей греческой колонии на Сицилии, на восточном побережье острова, между Мессинским проливом и горой Итна.

Огромное количество греческих поселений из разных городов-колонизаторов, которые, судя по всему, возникли в течение нескольких лет на восточном побережье Италии и Сицилии - от Иапигийского мыса до мыса Пахинус, - заставляет нас предположить, что необычные возможности страны по приему новых поселенцев стали известны лишь внезапно. Колонии следуют друг за другом так близко, что пример первой не мог быть единственным определяющим мотивом для последующих. Мне еще предстоит случай указать, даже столетие спустя (по случаю поселения Кирена), на узкий диапазон греческого мореплавания; так что предполагаемое ранее незнание не было бы совсем уж невероятным, если бы не факт существования колонии Кумæ. Согласно практике, распространенной на греческих кораблях, которые редко позволяли себе терять из виду берег, за исключением случаев крайней необходимости, каждый, кто плыл из Греции в Италию или Сицилию, сначала плыл вдоль берегов Акарнании и Эпира, пока не достигал широты Коркиры; Затем он переправлялся сначала на этот остров, расположенный рядом с Иапигийским мысом, откуда следовал вдоль восточного побережья Италии (Тарентумский и Сквилльский заливы) к южному мысу Калабрии и Сицилийскому проливу; затем он плыл, продолжая двигаться вдоль берега, либо в Сиракузы, либо в Кумæ, в зависимости от цели. Морские обычаи сейчас настолько отличаются, что этот факт требует особого внимания; кроме того, мы должны помнить, что в 735 году до н. э. еще не было греческих поселений ни в Эпире, ни в Коркире: за пределами Коринфского залива весь мир был неэллинским, за единственным исключением отдаленных Кумæ. Немного раньше упомянутого периода Феокл (афинянин или халкидец - вероятнее всего, последний) был выброшен бурей на побережье Сицилии и познакомился с заманчивым характером почвы, а также с разрозненным и полуорганизованным состоянием мелких сикельских общин, которые ее занимали.^{[Олигархия Халкиса, основываясь на привезенных им сведениях, отправила под его руководством поселенцев,}^[679] халкидцев и наксийцев, которые основали сицилийский Наксос. Феоклис и его спутники, высадившись на берег, сначала заняли возвышенность Тавр, посредственно нависающую над морем (на ней четыре века спустя был основан город Тауромениум, после того как Наксос был разрушен сиракузским деспотом Дионисием); ведь им нужно было укрепить свои позиции против сикелов, которые занимали окрестности и которых нужно было либо отбить, либо подчинить себе. После того как они надежно завладели территорией, место для города было перенесено на удобное место по соседству, но холм, который они заняли первым, навсегда остался памятным как для греков, так и для сикелов. На нем был воздвигнут алтарь Аполлона Архигетеса, божественного покровителя, который (через свой оракул в Дельфах) санкционировал и определил эллинскую колонизацию на острове. Алтарь навсегда остался общим для всех сицилийских греков

святилищем, и теоры, или священные посланники из разных городов, посещая Олимпийские и другие праздники Греции, всегда имели обыкновение приносить на нем жертвы непосредственно перед отъездом. Для автономных сикелов, с другой стороны, холм был объектом долговременного, но одиозного воспоминания, как место, где впервые началось греческое завоевание и вторжение; и на расстоянии трех с половиной веков от этого события мы находим их все еще воодушевленными этим чувством, препятствующим основанию Тауромениума[680].

К моменту высадки Феокла сикелы владели большей половиной острова, лежащей в основном к востоку от Герейских гор[681] - цепи холмов, тянущейся в южном направлении от главной цепи, называемой Невродой или Небродой, которая идет с востока на запад по большей части параллельно северному берегу. К западу от Герейских холмов располагались Сиканы, а к западу от них - Эрикс и Эгесты, владения элимийцев: вдоль западной части северного побережья также располагались Мотик, Солокис и Панормус (ныне Палермо), феникийские или карфагенские морские порты. Образование, или, по крайней мере, расширение, этих трех последних портов, однако, было следствием умножения греческих колоний; ведь до этого времени феникийцы не основывали никаких территориальных или постоянных учреждений, а довольствовались временным занятием различных мысов или прилегающих островков для торговли с внутренними районами. Прибытие грозных греческих поселенцев, таких же морских, как и они сами, побудило их оставить эти отдаленные фактории и сосредоточить свои силы в трех значительных городах, названных выше, расположенных в том углу острова, который наиболее близко подходил к Карфагену. Восточная часть Сицилии и большая часть юга были открыты для греков, не встречая никакого сопротивления, кроме сопротивления коренных жителей - сикелов и сиканов, которые постепенно были изгнаны из всех мест, прилегающих к морскому побережью, за исключением северной части острова, - и которые, действительно, были настолько непрактичны в море, а также лишены судоходства, что в рассказе об их давнем переселении из Италии в Сицилию утверждалось, что сикелы пересекли узкий пролив на плотах в момент благоприятного ветра.[682]

Уже в следующем году[683] после основания Наксоса Коринф начал участвовать в колонизации острова. Группа поселенцев под командованием экиста Архиаса высадилась на островке Ортыгия, расположенном дальше к югу на восточном побережье, изгнала сикельских жителей и заложила первый камень в основание могущественных Сиракуз. Ортыгия, две английские мили в окружности, была отделена от главного острова лишь узким каналом, который был переброшен, когда город был захвачен и расширен Гелоном в 72-ю Олимпиаду, если не раньше. Он составлял лишь небольшую, хотя и наиболее защищенную и укрепленную часть огромного пространства, которое занимал город впоследствии; но его хватало для жителей в течение значительного времени, и нынешний город в своем современном упадке снова вернулся к тем же скромным пределам. Кроме того, у Ортыгии было еще одно не менее ценное преимущество: она лежала напротив входа в просторную гавань, к которой подходило узкое устье, а ее фонтан Аретузы был памятен в древности как обилием, так и добротой своей воды. Мы были бы рады узнать что-нибудь о численности, характере, положении, происхождении и т. д. этих первобытных эмигрантов, основателей города, который, как мы увидим в дальнейшем, состоял из обширного обнесенного стеной круга, который Страбон оценивает в сто восемьдесят стадий, но который по современным наблюдениям полковника Лика составляет четырнадцать английских миль[684], или около ста двадцати двух стадий. Нам говорят только, что многие из них пришли из коринфской деревни Теней и что один из них продал товарищу по путешествию свой участок земли в перспективе по цене медового пряника: то небольшое, что мы слышим об определяющих

мотивах[685] колонии, относится к личному характеру экиста. Архиас, сын Евгата, один из правящих родов Вакхиад в Коринфе, в жестоком порыве необузданной похоти стал причиной, хотя и неумышленной, смерти свободного юноши по имени Актеон, отец которого Мелисс, тщетно пытаясь добиться возмещения ущерба, покончил с собой на Истмийских играх, призвав месть Посейдона на обидчика.[686] Таковы были разрушительные последствия этого отцовского проклятия, что Архиас был вынужден эмигрировать, и вакхиады поставили его во главе эмигрантов в Ортыгию в 734 году до н. э.: в то время, вероятно, это был приговор к изгнанию, которому ни один человек, занимающий командный пост, не подчинился бы иначе как под давлением необходимости.

Между Наксосом и Сиракузами еще оставалось место для новых поселений, и Феоклис, экист Наксоса, оказался в ситуации, чтобы занять часть этого пространства всего через пять лет после основания Сиракуз: возможно, к нему присоединились новые поселенцы. Он атаковал и изгнал сикелов[687] из плодородного места под названием Леонтины, расположенного, кажется, на полпути к восточному побережью между горой Этна и Сиракузами; а также из Катаны, непосредственно примыкающей к горе Этна, которая до сих пор сохраняет свое название и значение. Таким образом, были основаны две новые халкидские колонии: Феоклис стал кистиком Леонтины, а Еварх, избранный самими катанийскими поселенцами, - Катаны.

Город Мегара не отставал от Коринфа и Халкиса в деле обеспечения эмигрантов на Сицилию. Ламис мегарянин, прибывший с группой колонистов, сначала завладел новым местом под названием Тротилус, а затем присоединился к недавнему халкидскому поселению в Леонтины. Однако эти две группы поселенцев не могли жить в гармонии, и Ламис со своими спутниками был вскоре изгнан; затем он занял Фапсус,[688] расположенный на небольшом расстоянии к северу от Ортыгии или Сиракуз, и вскоре после этого умер. Его последователи заключили союз с Гиблоном, царем соседнего племени сикелов, который предложил им поселиться на его территории; они приняли это предложение, отказались от Фапса и основали вместе с Гиблоном город под названием Гиблонова Мегара, расположенный между Леонтины и Сиракузами. Этот случай тем более заслуживает внимания, что он является одним из примеров того, как греческая колония возникла в результате дружественного слияния с уже существовавшими жителями: Фукидид, кажется, представляет себе принца Гиблона как предавшего свой народ грекам против его желания[689].

Таким образом, в течение пяти лет несколько отдельных групп греческих эмигрантов быстро сменяли друг друга в Сицилии: в течение следующих сорока лет мы не слышим о новых прибытиях, что тем легче понять, что в этот период на побережье Италии было несколько значительных оснований, которые, вероятно, унесли с собой одноразовых греческих поселенцев. Наконец, через сорок пять лет после основания Сиракуз, прибыла новая группа переселенцев, частично с Родоса под командованием Антифема, частично с Крета под командованием Энтима, и основала город Гела на юго-западной стороне острова, между мысом Пахинус и Лилибеем (690 г. до н. э.) - все еще на территории сикелов, хотя в конечном счете и на части территории сиканов[690].

Остается упомянуть еще об одном новом переселении из Греции в Сицилию, хотя мы не можем назвать точную дату его возникновения. Город Занкле (ныне Мессина), расположенный в проливе между Италией и Сицилией, сначала был занят некоторыми каперами или пиратами из Кумæ, - положение было очень удобным для их операций. Но успех других халкидских поселений придал этому пиратскому гнезду более обширный и почетный характер: к ним присоединились новые поселенцы из Халкиса и других городов

Эвбеи, земля была регулярно разделена, и для причисления города к эллинскому сообществу были выделены два общих экиста - Перикрес из Халкиса и Кратæменес из Кумæ. Название Занкл было дано первобытными сикелами, населявшими это место, и означало на их языке *серп*; но впоследствии оно было изменено на Мессенк Анаксиласом, деспотом Регия, который, завоевав город, ввел в него новых жителей, о чем будет сказано далее[691].

Помимо этих эмиграций непосредственно из Греции, эллинские колонии на Сицилии сами становились основателями субколоний. Так, сиракузяне через семьдесят лет после своего поселения (664 г. до н. э.) основали Акрæ-Касменæ, через двадцать лет после этого (644 г. до н. э.), а Камарина - через сорок пять лет после Касменæ (599 г. до н. э.): Даскон и Менеколус были экистами последнего, который со временем стал независимым и значительным городом, в то время как Акрæ и Касменæ, по-видимому, оставались под властью Сиракуз. Камарина находилась на юго-западной стороне острова, образуя границу сиракузской территории в направлении Гелы. Каллиполис был основан из Наксоса, а Эвбея (город с таким названием) - из Леонтины.[692]

До сих пор греки колонизировали исключительно сикелов; три города, которые осталось упомянуть, все были основаны сиканами: Агригентум или Акрагас, Селинус и Гимера. Два первых находились на юго-западном побережье: Агригентум граничил с Гелой с одной стороны, а Селинус - с другой. Гимера располагалась на западной части северного побережья - единственное эллинское поселение во времена Фукидида, которое представляло собой длинную линию побережья. Жители гиблесской Мегары были основателями Селинуса около 630 года до н. э., спустя столетие после их собственного основания: экист Памилл, согласно обычной эллинской практике, был приглашен из их метрополии Мегары в самой Греции, но нам не сообщают, сколько новых поселенцев прибыло с ним: язык Фукидида заставляет нас предположить, что новый город был заселен в основном самими гиблесскими мегарянами. Город Акрагас, или Агригентум, названный так по соседней реке с прежним названием, был основан из Гелы в 582 г. до н. э.. Его кистинцами были Аристонус и Пистилус, и он получил уставы и религиозные особенности Гелы. Гимера, напротив, была основана из Занкле при трех экистах - Эвклиде, Симусе и Саконе. Большая часть его жителей принадлежала к халкидской расе, и его правовые и религиозные особенности были халкидскими; но часть поселенцев были сиракузскими изгнанниками, называемыми *Mylêtidæ*, которые были изгнаны из дома в результате мятежа, так что гимерский диалект представлял собой смесь дорийского и халкидского. Гимера находилась недалеко от городов элимийцев - Эйркса и Эгеста.

Таковы были главные поселения, основанные греками на Сицилии в течение двух столетий после их первого поселения в 735 году до н. э. Немногочисленные сведения о них заслуживают всяческого доверия, поскольку дошли до нас от Фукидида, но их, к сожалению, слишком мало, чтобы хоть как-то удовлетворить наше любопытство. Нельзя сомневаться в том, что первые два века были периодом стабильного роста и процветания сицилийских греков, не нарушаемого теми смутами и бедствиями, которые происходили впоследствии и привели, правда, к необычайному возвышению некоторых из их общин, но также и к разорению некоторых других: более того, кажется, что карфагеняне в Сицилии не доставляли им никаких хлопот до времени Гелона. Их положение действительно кажется необычайно выгодным, если принять во внимание необычайное плодородие почвы на этом прекрасном острове, особенно вблизи моря, - его способность выращивать кукурузу, вино и масло, к которым греческие земледельцы привыкли при менее благоприятных обстоятельствах, - его обильный рыбный промысел на побережье, столь важный для греческой диеты, и , не уменьшающийся даже в наши дни, вместе с овцами, крупным рогатым скотом, шкурами,

шерстью и древесиной от местного населения во внутренних районах. Эти туземцы, по-видимому, имели грубые пастушеские привычки, рассеянные либо среди мелких холмистых деревень, либо в пещерах, вырубленных в скале, как первобытные жители Балеарских островов и Сардинии; так что Сицилия, как и Новая Зеландия в наше время, впервые приблизилась к организованной промышленности и земледелию.^[694] Их прогресс, хотя и очень большой, в течение этого наиболее процветающего периода (между основанием Наксоса в 735 году до н. э. и правлением Гелона в Сиракузах в 485 году до н. э.), нельзя сравнить с английскими колониями в Америке; тем не менее, он был очень большим, и кажется более значительным из-за того, что был сосредоточен в нескольких городах и вокруг них. Индивидуальное расселение и раздельное проживание были редкостью, и они не были связаны ни с безопасностью, ни с социальными чувствами греческого колониста. Город, к которому он принадлежал, был центральной точкой его существования, куда привозили выращенную им продукцию для хранения или продажи, и где только и проходила его активная жизнь, политическая, бытовая, религиозная, развлекательная и т. д. По всей территории города были разбросаны небольшие укрепленные пункты и гарнизоны,^[695] служившие временной защитой земледельцам в случае внезапного вторжения; но постоянного места жительства для свободного горожанина, кроме самого города, не существовало. Возможно, это было даже более характерно для колониального поселения, где все начиналось и распространялось из одной центральной точки, чем в Аттике, где отдельные деревни когда-то питали население политически независимое. Поэтому именно в городе ощутимо сконцентрировался совокупный рост колонии - как имущества, так и населения, как частного комфорта и роскоши, так и общественной силы и величия. Такой рост и улучшение, конечно же, поддерживались за счет возделывания территории, но признаки этого проявлялись в городе; и многочисленное население, которое мы будем иметь случай отметить как принадлежащее к Агригентуму, Сибарису и другим городам, проиллюстрирует это положение.

В связи с сицилийскими и итальянскими городами следует упомянуть еще один важный момент. Население самого города могло быть в основном, хотя и не полностью, греческим; но население территории, принадлежащей городу, или зависимых деревень, которые его покрывали, должно было быть в значительной степени сикельским или сиканским. Доказательством тому служит обстоятельство, общее для всех сицилийских и итальянских греков, - особенность их веса, меры, денежной системы и языка. Фунт и унция - это деления и номиналы, принадлежащие Италии и Сицилии, и неизвестные изначально грекам, чья шкала состояла из обола, драхмы, мины и таланта: у греков также первым и наиболее часто используемым металлом для денег было серебро, в то время как в Италии и Сицилии медь была самым первым металлом, который использовался. Теперь среди всех итальянских и сицилийских греков возникла шкала веса и денег, совершенно отличная от той, что была у греков на родине, и образованная путем сочетания и приспособления одной из этих систем к другой; она во многих отношениях сложна и трудна для понимания, но в конечном итоге туземная система кажется преобладающей, а греческая - подчиненной.^[696] Такой результат не мог бы возникнуть, если бы греческие поселенцы в Италии и Сицилии держались отдельно как общины и просто вели торговлю и бартер с общинами сикелов: он подразумевает слияние двух рас в одном сообществе, хотя, несомненно, в отношениях начальника и подчиненного, а не равных. Прибыв в страну, греки изгнали туземцев из города, а возможно, и с земель, непосредственно прилегающих к городу; но когда они постепенно расширили свою территорию, это, вероятно, было сделано не путем изгнания, а

путем подчинения тех сикельских племен и деревень, сильно разделенных и каждая в отдельности мелкая, которых их агрессия коснулась последовательно.

В то время, когда Феоклис высадился на холме близ Наксоса, а Архиас - на островке Ортыгия, и когда каждый из них изгнал сикелов из этого места, по всей соседней стране были разбросаны сикельские деревни или маленькие общины. Постепенное вторжение колонии могло лишить некоторых из них собственности и вытеснить с равнин у побережья в более гористые области внутренних районов, но многие из них, несомненно, нашли удобным подчиниться, отдать часть своих земель, а остальное держать в качестве подчиненных жителей эллинского города-общины:[697] и мы находим даже во времена афинского вторжения (414 г. до н. э.) деревни, существующие в отдельности. до н. э.) деревни, существующие в качестве сикелов, но подчиненные Сиракузам. Более того, влияние, которое оказывали греки, хотя вначале и было по сути принудительным, отчасти стало и самодействующим, - восхождение более высокой цивилизации над более низкой. Это была работа сосредоточенных горожан, защищенных друг от друга стенами и взаимным доверием, окруженных большим или меньшим количеством украшений, как общественных, так и частных, - на рассеянных, незащищенных, бесхитростных сельских жителей, которые не могли быть нечувствительны к очарованию того превосходного интеллекта, воображения и ганизации, что так мощно воздействовало на весь современный мир. Чтобы понять действие этих превосходных эмигрантов на местных, но низших сикелов в течение трех первых веков (730-430 гг. до н. э.), последовавших за прибытием Архия и Феокла, нам достаточно изучить продолжение того же действия в течение трех последующих веков, предшествовавших эпохе Цицерона. В период, когда Афины взяли в осаду Сиракузы (415 г. до н. э.), внутренняя часть острова была занята сикелами и сиканами, автономными общинами, сохранившими свои родные обычаи и язык:[698] но во времена Верреса и Цицерона (три с половиной века спустя) внутренняя часть острова, равно как и приморские районы, стали эллинизированными: города во внутренней части были едва ли менее греческими, чем на побережье. Цицерон выгодно отличает характер сицилийцев от характера греков вообще (*то есть* греков вне Сицилии), но он нигде не отличает греков в Сицилии от местных сикелов:[699] ни Энны и Центурии от Катаны и Агригентума. Маленькие сикельские деревушки постепенно полуэллинизировались и сливались в субъекты греческого города в течение первых трех веков, это изменение происходило в регионах побережья, - в течение следующих трех веков, в регионах внутренних; и, вероятно, с большей скоростью и эффектом в более ранний период, не только потому, что действия греческих общин были тогда ближе, более концентрированными, и более обязательными, но и потому, что упрямые племена могли тогда уйти во внутренние районы.

Таким образом, греков на Сицилии следует рассматривать не как чисто греков, а как модифицированных смесью сикельского и сикского языка, обычаев и характера. Каждый город включал в свое непривилегированное население некоторое количество полуэллинизированных сикелов (или сиканов, в зависимости от обстоятельств), которые, хотя и находились в зависимом положении, способствовали смешению пород и влиянию на всю массу. У нас нет оснований предполагать, что сикельский или Enotrian язык когда-либо стал письменным, как латинский, осканский или умбрийский:[700] все надписи Сегеста и Халесуса сделаны на дорическом греческом, который вытеснил родной язык для общественных целей как отдельный язык, но не без изменений в процессе слияния. Следя за непрекращающейся чередой бурных политических перемен, неспособностью к регулируемому и мирному народному управлению и более необузданной и сладострастной свободой, которую демонстрируют сицилийские и итальянские греки[701] по сравнению с Афинами и городами самой Греции, мы должны помнить, что имеем дело не с чистым

эллинизмом; И что туземный элемент, хотя и не был неблагоприятен для деятельности или роста богатства, не позволил греческому колонисту в полной мере участвовать в той улучшенной организации, которую мы так отчетливо прослеживаем в Афинах от Солона и ниже. Насколько вкус, привычки, идеи, религия и местные мифы коренных сикелов перешли в сознание сикелиотов или сицилийских греков, показывает характер их литературы и поэзии. Сицилия была родиной того деревенского веселья и деревенской буффонады, которые породили первобытную комедию, - политизированную и измененную в Афинах так, чтобы подходить людям рыночной площади, экклесии и дикастерии, - слившуюся в комедиях сиракузца Эпихарма, с пифагорейской философией и моральными наставлениями, - но со всей обнаженной простотой обычной жизни, в своеобразной ритмической прозе, без ограничений фиксированного метра, сиракузянин Софрон в своих утраченных "Мимах", а после палаты отполированный и идеализированный в буколической поэзии Феокрита.^[702] То, что обычно называют дорической комедией, было в значительной степени, по крайней мере, сикельской комедией, взятой на вооружение дорийскими композиторами, - дорийская раса и диалект решительно преобладали в Сицилии: нравы, драматизированные таким образом, принадлежали к той более грубой жилке юмора, которую дорийские греки города имели общую с полуэллинизированными сикелами из прилегающих деревень. Более того, кажется вероятным, что это деревенское население позволяло деспотам греко-сицилийских городов легко и дешево формировать те отряды наемников, с помощью которых поддерживалась их власть^[703] и присутствие которых делало продолжение народного правления, даже если бы оно и началось, практически невозможным.

Судьба большинства греческих колоний была такова, что они погибли в результате роста и агрессии тех внутренних держав, на побережье которых они были высажены, - держав, которые постепенно обрели, благодаря соседству с греками, военную и политическую организацию и силу концентрированных действий, какими они не обладали изначально. Но на Сицилии сикелы были недостаточно многочисленны даже для того, чтобы постоянно сохранять свою национальность, и в конце концов были со всех сторон проникнуты эллинским превосходством и нравами. Тем не менее, мы перейдем к одной замечательной попытке, предпринятой местным сикельским князем в 82-ю Олимпиаду (455 г. до н. э.), - предприимчивым Дукетом, - объединить множество мелких сикельских деревень в один значительный город и таким образом поднять своих соплеменников на греческую ступень политики и организации. Если бы в то время, когда греки впервые поселились на Сицилии, был какой-нибудь сикельский князь, наделенный этими превосходными идеями, последующая история острова, вероятно, была бы совсем иной; но Дукетий черпал свои проекты в зрелище окружающих его греческих городов, и эти последние приобрели слишком большую силу, чтобы позволить ему добиться успеха. Однако описание его неудачной попытки, которое мы находим у Диодора,^[704] как бы скудно оно ни было, представляет собой интересный момент в истории острова.

Греческая колонизация в Италии началась почти в то же время, что и на Сицилии, и была отмечена теми же общими обстоятельствами. Остановившись в Реджиуме (ныне Реджио) на берегу Сицилийского пролива, мы проследим, как греческие города постепенно возникают на различных участках побережья вплоть до Кумæ на одном море и Тарентума (Таранто) на другом. Между двумя морями тянется возвышенная цепь Апеннин, известняковая в верхней части своего течения, по всей средней Италии, - гранитная и сланцевая в нижней части, где она пересекает территории, ныне называемые Верхней и Дальней Калабрией. Равнины и долины по обе стороны Калабрийских Апеннин отличаются роскошью растительности, восхваляемой всеми наблюдателями и превосходящей даже Сицилию;^[705] и как ни велики производительные силы этой территории сейчас, есть все основания полагать, что в

древности они должны были быть гораздо больше. Ведь ее неоднократно посещали землетрясения, каждое из которых оставляло катастрофические следы разрушений: 1638 и 1783 годы - особенно последнее, чьи разрушительные последствия были ужасающими, как для жизни, так и для имущества[706] - достаточно недавние, чтобы можно было зафиксировать и измерить ущерб, нанесенный каждым из них; и этот ущерб, во многих частях юго-западного побережья, был большим и непоправимым. Поэтому, как бы ни были одушевлены эпитеты, которыми современный путешественник рисует нынешнее плодородие Калабрии, мы вправе расширить их значение, когда представляем себе страну такой, какой она была в период между 720-320 гг. до н. э., в период греческой оккупации и независимости; в то время как нездоровый воздух, который сейчас опустошает равнины в целом, тогда, кажется, ощущался лишь в ограниченной степени и над отдельными местностями. Основатели Тарентума, Сибариса, Кротона, Локри и Регия обосновались в местах, представляющих собой беспрецедентные перспективы для трудолюбивого земледельца, которые предыдущие жители использовали не по назначению: после покорения греческих городов эти некогда богатые владения погрузились в нищету и обезлюдели, особенно в последние три столетия, из-за неумеренности, праздности, плохого управления и страха перед барбарийскими корсарами.

Итрийцы, сикелы или италийцы, владевшие этими территориями в 720 году до н. э., были, по-видимому, грубыми мелкими общинами, обеспечивавшими себе безопасность проживанием на возвышенностях, больше пастушескими, чем сельскохозяйственными, и некоторые из них потребляли продукцию своих полей в общей каше по принципу, аналогичному сисситиям Спарты или Крета. Считается, что царь Итал ввел эту особенность[707] среди самой южной части населения *Oenotrian* и одновременно дал им название италийцев, хотя они также были известны под именем сикелов. Через центр Калабрии между морем и морем, высокая цепь Апеннин обеспечивала определенную защиту как их независимости, так и их пастушеских привычек. Но эти высоты созданы для того, чтобы пользоваться ими вместе с равнинами, расположенными под ними, чтобы чередовать зимние и летние пастбища для скота: именно таким образом становится доступным богатство страны, поскольку значительная часть горного массива в зимние месяцы погребена под снегом. Такое замечательное разнообразие почвы и климата сделало Калабрию многообещающей землей для греческого поселения: равнины и нижние возвышенности столь же продуктивны для выращивания кукурузы, вина, масла и льна, как горы для летних пастбищ и древесины, - и обилие дождей падает на возвышенности, что требует только промышленности и заботы, чтобы придать максимальную плодородность нижним землям: Кроме того, к преимуществам почвы добавлялась длинная линия морского побережья, хотя и не очень хорошо обставленная гаванями, и обильное предложение рыбы. В то время как более бедные свободные жители греческих городов могли получить небольшие участки плодородной земли поблизости, чтобы обрабатывать их своими руками и обеспечивать себя пищей и одеждой, более богатые владельцы выгодно использовали более отдаленные участки территории с помощью своего скота, овец и рабов.

Из греческих городов на этом благоприятном побережье самыми ранними и наиболее процветающими были Сибарис и Кротон: оба в Тарентумском заливе, оба ахейского происхождения и сопредельные друг с другом по территории. Кротон располагался недалеко к западу от юго-восточной оконечности залива, называвшейся в древности Лакинским мысом и облагороженной храмом Лакинского Героя, который одинаково почитался и украшался как греческими жителями, так и проплывающими мореплавателями: одна одинокая колонна храма, скромный остаток его бывшего великолепия, все еще отмечает оконечность этого некогда знаменитого мыса. Сибарис, кажется, был посажен в 720 году до

н. э., Кротон - в 710 году до н. э.: Иселикей был экистом первого,[708] Мискелл - второго. Эта большая ахейская эмиграция, по-видимому, была связана с предыдущим изгнанием ахейцев из более южной части Пелопоннеса дорийцами, хотя мы не можем понять, каким именно образом: ахейские города в Пелопоннесе в более поздние времена кажутся слишком незначительными, чтобы поставлять эмигрантов, но, вероятно, в VIII веке до н. э. их население могло быть больше. Город Сибарис располагался между двумя реками, Сибарисом и Кратисом,[709] название последнего заимствовано от одной из рек Ахайи - города Кротон, находящегося примерно в двадцати пяти милях от него, на реке Изарус. Первоначальные поселенцы Сибариса состояли частично из тризенцев, которые, однако, были впоследствии изгнаны более многочисленными ахейцами, что было истолковано религиозными чувствами Антиоха и некоторых других греческих историков как навлечение на них гнева богов в окончательном разрушении города кротониатами[710].

Роковое состязание между этими двумя городами, закончившееся гибелью Сибариса, произошло в 510 году до н. э., после того как последний просуществовал в своем процветании двести десять лет. И поразительное процветание, которого достигли оба города, является достаточным доказательством того, что на протяжении большей части этого периода они оставались если не в мире, то, по крайней мере, в союзе и общем ахейском братстве. К сожалению, общий факт их огромных размеров, богатства и могущества - это все, что нам позволено знать. Стены Сибариса охватывали окружность в пятьдесят стадий, или более шести миль, а стены Кротона были еще больше и составляли не менее двенадцати миль:[711] большая окружность стен была выгодна для укрытия движимого имущества на прилегающей территории, которое перевозилось при появлении вторгшегося врага. Оба города обладали обширным владением на Калабрийском полуострове от моря до моря; но территория Сибариса, по-видимому, была больше, а ее колонии шире и более удалены, - что, возможно, объясняет меньшую площадь города.

Сибариты были основателями Лауса и Скидруса, расположенных на Средиземном море в заливе Поликастро, и даже более отдаленной Посейдонии, известной сегодня под латинским названием Пестум, а также по храмам, до сих пор украшающим ее заброшенное место. Они владели двадцатью пятью зависимыми городами и управляли четырьмя отдельными местными племенами или народами. Что это были за народы, мы не знаем,[712] но, вероятно, это были различные части *Ænotrian*. Кротониаты дошли также до Средиземного моря и основали (на берегу залива, который сейчас называется Святой Евфимией) город Терина, а также, по-видимому, город Ламетини.[713] Жители эпизефирийского Локри, расположенного в более южной части Калабрии Ультра, недалеко от современного города Гераче, таким же образом распространились по полуострову и основали на побережье Средиземного моря города Гиппониум, Медма и Матаурум,[714] а также Меле и Итонею, в местах, которые сейчас точно не установлены.

Мискелл из Рипса в Ахайе, основатель Кротона по прямому указанию Дельфийского оракула, как говорят, считал местоположение Сибариса более предпочтительным и просил оракула разрешить ему основать там свою колонию, но ему было рекомендовано строго следовать указаниям, данным сначала.[715] Далее утверждается, что основанию Кротона способствовал Архиас, который в то время проезжал вдоль побережья со своими поселенцами в Сиракузы; его также связывают подобным образом с основанием Локри: но ни одно из этих утверждений не представляется хронологически приемлемым. Итальянский Локри (называемый Эпизефирийским, по соседству с мысом Зефирий) был основан в 683 году до н. э. переселенцами из Локрии - либо озолийскими локрийцами в Крисском заливе, либо локрийцами из Опуса на Эвбейском проливе. Этот вопрос оспаривался еще в

античности, и, возможно, как те, так и другие внесли свой вклад: Еванф был экистом этого места.[716] Первые годы правления Эпизефира Локрийского, как говорят, были годами смут и раздоров. И гнусный характер, который мы слышим, приписывая первобытным колонистам, а также их вероломное отношение к туземцам, тем более следует отметить, что локрийцы времен Аристотеля и Полибия полностью верили этим утверждениям в отношении своих собственных предков.

По словам Аристотеля, первоначальные эмигранты в Локри были беглыми рабами, похитителями мужчин и прелюбодеями, чья единственная законная связь с почтенным эллинским корнем проистекала из некоторого количества хорошо рожденных локрийских женщин, которые их сопровождали. Эти женщины принадлежали к избранным семьям, называемым "Сотней домов", которые составляли то, что можно назвать аристократией локрийцев в самой Греции, и их потомки продолжали пользоваться определенным рангом и преобладанием в колонии даже во времена Полибия. Эмиграция, как говорят, была вызвана беспорядочными связями между этими знатными локрийскими женщинами и их рабами, - возможно, из-за браков с лицами более низкого положения, где не существовало познанного *connubium*;^[718]Этот факт информаторы Аристотеля связывают с длительностью первой Мессенской войны: локрийские воины по большей части оставались на мессенской территории в качестве помощников спартанцев в течение двадцати лет этой войны, позволяя себе лишь редкие и короткие визиты в родные места. Это история, похожая на ту, которую мы найдем в объяснении колонии Тарентум. Она дошла до нас в слишком несовершенном виде, чтобы допускать критику или проверку; но нечестный характер первых эмигрантов - утверждение, заслуживающее доверия, и очень маловероятно, что оно было выдумано. Их первые действия при поселении в Италии демонстрируют вероломство, соответствующее приписываемому им характеру. Они обнаружили, что территория южной части Калабрийского полуострова принадлежит туземцам-сикелам, которые, встревоженные их силой и боясь испытать опасность сопротивления, согласились принять их в участие и совместно жить. Соглашение было заключено и скреплено клятвой обеих сторон в следующих выражениях: "Между нами будет дружба, и мы будем пользоваться землей совместно, пока мы стоим на этой земле и имеем головы на плечах". В то время, когда давалась клятва, локрийцы насыпали землю в обувь и прятали на плечах головки чеснока; поэтому, когда они избавлялись от этих приспособлений, клятва считалась уже необязательной. Воспользовавшись первым удобным случаем, они напали на сикелов врасплох и изгнали их с территории, которой они таким образом получили исключительное владение.[719] Их первое поселение было основано на самом мысе Зефириум (ныне Бруццано); но через три или четыре года город был перенесен на возвышенность на соседней равнине, в чем им, как говорят, помогли сиракузяне.[720]

Описывая греческих поселенцев на Сицилии, я уже говорил, что их следует рассматривать как греков со значительным вкраплением крови, привычек и нравов местных сикелов: то же самое происходит с италиотами, или италийскими греками, а в отношении этих эпизефирийских локрийцев, в особенности, мы находим это прямо отмеченным Полибием. Так как их группа состояла из ничтожных и никчемных людей, не связанных между собой сильными племенными чувствами или традиционными обычаями, они были тем более готовы перенять новые обычаи, как религиозные, так и гражданские,[721] от сикелов. В частности, историк отмечает религиозный сан "фиалекфор", или кадильщик, которым у сикелов пользовался юноша благородного происхождения, исполнявший связанные с ним обязанности во время жертвоприношений; но локрийцы, отождествив себя с религиозной церемонией и приняв как имя, так и сан, изменили пол и присвоили его одной из тех женщин благородной крови, которые составляли украшение их поселения. Даже до времен Полибия

какая-нибудь девица, происходившая из одного из этих избранных домов, продолжала носить титул и выполнять церемониальные обязанности Фиалокфора. Из этих высказываний мы узнаем, как велика была доля сикелов, вошедших в качестве иждивенцев в колонию эпизефирийских Локри, и как сильно было заметно смешение их привычек с привычками греческих поселенцев; в то время как отслеживание среди них всех родословных до нескольких эмигранток знатного происхождения является особенностью, принадлежащей исключительно их городу.

То, что колонисты, сформированные из столь неперспективных материалов, должны были впасть в беззаконие и беспорядок, ничуть не удивительно; но эти беды, похоже, стали настолько невыносимыми в первые годы существования колонии, что заставили всех задуматься о необходимости какого-то исправления. Отсюда возникло новое явление в греческом обществе - первая промывка писаных законов. Эпизефирийские локрийцы, обратившись к дельфийскому оракулу за исцеляющим внушением в их бедственном положении, получили указание создать для себя законы;^[722] и получили предписания пастуха по имени Залевкус, которые он, по его словам, узнал во сне от богини Athênê. Считается, что его законы были записаны и обнародованы в 664 году до н. э., на сорок лет раньше, чем законы Драко в Афинах.

В том, что эти первые греческие письменные законы были немногочисленны и просты, мы можем быть уверены. Единственное, что можно сказать о них с уверенностью, - это их необычайная строгость:^[723] они, похоже, предписывали применять *lex talionis* в качестве наказания за личные обиды. В этом общем характере своих законов Залеука был аналогом Драко. Но о нем было так мало известно и так много ложно утверждалось, что историк Тимей зашел так далеко, что поставил под сомнение его реальное существование^[724] - вопреки авторитету не только Эфора, но и Аристотеля и Теофраста. Однако законы, должно быть, долгое время оставались формально неизменными, поскольку, как нам рассказывают, локрийцы настолько не любили никаких новых законов, что человек, осмелившийся предложить их, появлялся на публике с веревкой на шее, которую тут же затягивали, если он не убеждал собрание в необходимости своего предложения.^[725] О правительстве эпизефирийских Локри мы знаем только, что в более поздние времена оно включало большой совет из тысячи членов и главного исполнительного магистрата по имени Космополис: о нем говорят как о строго и тщательно управляемом.

Дата основания Региума (Реджио), отделенного от территории эпизефирийского Локри рекой Халекс, должна была быть не только раньше Локри, но даже раньше Сибариса, - если верно утверждение Антиоха, что к колонистам присоединились те мессенцы, которые перед первой Мессенской войной хотели возместить спартанцам ущерб, нанесенный спартанским девам в храме Артемиды Лимнатис, но были побеждены своими соотечественниками и вынуждены были уйти в изгнание. Однако Павсаний приводит другую версию переселения мессенцев в Региум, но при этом признает факт миграции в конце первой Мессенской войны, что позволяет отнести основание города к более раннему времени, чем 720 год до н. э. Хотя Региум был халкидской колонией, часть его жителей, несомненно, была мессенского происхождения, и среди них Анаксилас, деспот города в 500-470 гг. до н. э., который проследил свое происхождение через два столетия от мессенского эмигранта по имени Алкидамид.^[726] Знаменитость и власть Анаксиласа, как раз в то время, когда древняя история греческих городов начала излагаться в прозе и с некоторой степенью систематичности, заставили обратить внимание на мессенский элемент в населении Региума; но город был по сути халкидским, связанным колониальным родством с халкидскими поселениями на Сицилии, - Занкле, Наксосом, Катаной и Леонтини.

Первоначально эмигранты отправились из Халкиса, как десятая часть граждан, посвятивших себя Аполлону по обету из-за голода; указания бога, а также приглашение занклейцев направили их в Региум. Город процветал и обзавелся значительным числом зависимых деревень вокруг,^[727] населенных, несомненно, земледельцами из числа коренного населения. Но, похоже, он часто враждовал со смежными локрийцами и потерпел одно тяжелое поражение вместе с тарентинцами, о котором будет рассказано далее.

Между Локри и Лакинским мысом располагались ахейская колония Каулония и Скиллеция; последняя, по-видимому, входила во владения Кротона, хотя и утверждала, что первоначально была основана Менестеем, предводителем афинян при осаде Трои: Петилия, крепость на северо-западе от Лакинийского мыса, а также Макалла, входящие в территорию Кротона, были основаны, как утверждают, Филоктетом. Вдоль всего побережья Тарентумского залива располагались различные учреждения, приписываемые героям Троянской войны^[728] - Эпею, Филоктету, Нестору - или их вернувшимся войскам. Вероятно, эти заведения были небольшими, разношерстными, непризнанными группами греческих авантюристов^[729], которые присвоили себе самое почетное происхождение, какое только можно себе представить, и впоследствии влились в более крупные колониальные заведения, которые последовали за ними; последние переняли и взяли на себя героическое поклонение Филоктету или другим воинам из Трои, которое начали предыдущие эмигранты.

Во времена расцвета Сибариса и Кротона эти два великих города, похоже, делили между собой все побережье Тарентинского залива, от места, которое сейчас называется Рокка Империял, до юга Лакинийского мыса. Между точкой, где владения Сибариса заканчивались на тарентинской стороне, и самим Тарентумом находились два значительных греческих поселения - Сирус, впоследствии названный Ираклием, и Метапontiум. Плодородие и привлекательность территории Сируса с его двумя реками, Акирис и Сирус, были хорошо известны еще поэту Архилоху^[730] (660 г. до н. э.), но мы не знаем даты, когда она перешла от коренных хонийцев или хаонийцев в руки греческих поселенцев. Гражданин Сируса упоминается среди женихов дочери сикионца Клейстенеса (580-560 гг. до н. э.) Нам рассказывают, что некоторые колофонские беглецы, эмигрировавшие, чтобы избежать власти лидийских царей, напали на и овладели этим местом, дав ему название Полизон. Хонцы из Сируса приписывали себе троянское происхождение, выставляя деревянное изображение илийской Афины, которое, как они утверждали, было привезено их беглыми предками после взятия Трои. Когда город штурмовали ионийцы, многие жители прижались к этой реликвии для защиты, но были утащены и убиты победителями,^[731] чье святотатство, как предполагалось, стало причиной того, что их поселение не было прочным. Во время вторжения Ксеркса в Грецию плодородная территория Сиритиса считалась все еще открытой для колонизации; афиняне, когда их дела казались отчаянными, держали эту схему эмиграции в резерве как возможное средство^[732], и были вдохновенные заявления некоторых современных пророков, которые побуждали их предпринять ее. В конце концов, после того как Афины основали город Фурии по соседству с разрушенным Сибарисом, фурийцы попытались завладеть сиритидской территорией, но им воспротивились тарентинцы.^[733] Согласно заключенному между ними компромиссу, Тарентум был признан метрополией колонии, но совместное владение было разрешено и тарентинцам, и фурийцам. Первые перенесли местоположение города под новым названием Гераклея в трех милях от моря, оставив Сирус местом морского доступа к нему^[734].

Примерно в двадцати пяти милях к востоку от Сируса, на берегу Тарентинского залива, находился Метапontiум, греческий город, который, как утверждали одни, ведет свое

происхождение от пилийских спутников Нестора, а другие - от фокийских воинов из Эпей, возвращавшихся из Трои. Доказательством первого служило поклонение героям-нелеидам, доказательством второго - сохранение предполагаемых идентичных инструментов, с помощью которых Эпей построил троянского коня.[735] Метапонтинум был основан на территории хонийцев или CEnotrians, но первая колония, как говорят, была уничтожена нападением самнитов,[736] в какой период, мы не знаем. Ее основали несколько ахейцев - под руководством экиста Даулия, деспота фокийской Криссы, и по приглашению жителей Сибариса, которые опасались, что это место может быть захвачено соседними тарентинцами, колонистами из Спарты и наследственными врагами ахейской расы в Пелопоннесе. Однако до прибытия новых поселенцев это место, по-видимому, уже было присвоено тарентинцами, так как ахейский Левкипп получил разрешение на высадку только обманным обещанием и в конце концов был вынужден вести силовую борьбу как с ними, так и с соседними CEnotrians, которая завершилась разделом территории. Плодородие территории Метапонтинии было едва ли менее знаменито, чем Сиритиды[737].

Дальше к востоку от Метапонтинии, опять же на расстоянии около двадцати пяти миль, находился великий город Тарас, или Тарентум, колония Спарты, основанная после первой Мессенской войны, кажется, около 707 года до нашей эры. Кист Фалант, который, как говорят, был Гераклидом, был поставлен во главе спартанских эмигрантов, состоявших в основном из граждан Эпеунакта и юношей Парфения, которые были опозорены своими соотечественниками из-за своего происхождения и были близки к тому, чтобы начать восстание. Утверждается, что эта эмиграция возникла в результате Мессенской войны, что аналогично тому, что было сказано об эпизефирийских локрийцах. Лакедемоняне, прежде чем войти в Мессению для продолжения войны, дали обет не возвращаться, пока не завершат завоевание; похоже, что некоторые из них отказались принимать участие в войне и стояли в стороне от экспедиции. Когда отсутствующие солдаты вернулись после долгих лет отсутствия, проведенных на войне, они обнаружили многочисленное потомство, которое родилось у их жен и дочерей за это время от общения с теми (эпунактæ), кто остался дома. Эпеунакты были наказаны тем, что были низведены до ранга и рабства гелотов; рожденные таким образом дети, называемые партенитами,[738] также были лишены всех прав гражданства и находились в бесчестье. Но наказанные были достаточно многочисленны, чтобы стать грозными, и среди них был задуман заговор, который должен был разразиться во время великого религиозного праздника Гиацинтии в храме Амиклеи Аполлона. Тайным вождем заговорщиков стал Фалант, который договорился начать нападение на власти в тот момент, когда он наденет шлем. Однако главарь, так и не дождавшись исполнения задуманного, заранее выдал его, оговорив безопасность всех причастных к нему. В начале праздника, когда народ уже собрался, глашатаю было приказано громко провозгласить, что Фалант в этот день не наденет шлем, - провозглашение, которое сразу же показало заговорщикам, что их предали. Некоторые из них пытались спастись бегством, другие приняли позу сторонников; но их просто держали в заключении, гарантируя безопасность, в то время как Фалант был послан к дельфийскому оракулу, чтобы спросить совета относительно эмиграции. Говорят, он поинтересовался, можно ли ему присвоить плодородную равнину Сикиона, но пифийская жрица решительно отговорила его и велела направить своих эмигрантов в Сатирию и Тарентум, где они "принесут вред иапигийцам". Фалант послушался и отправил обнаруженных заговорщиков в качестве эмигрантов к Тарентскому заливу,[739] которого он достиг через несколько лет после основания ахейцами Сибариса и Кротона. Согласно Эфору, он застал этих переселенцев в состоянии войны с местными жителями, помог им в борьбе и получил взамен их помощь для создания собственного поселения. Но это вряд ли согласуется с рассказом Антиоха, который представляет ахейцев Сибариса как сохранивших даже в своих колониях ненависть к

дорийскому имени, которую они зародили в Пелопоннесе.[740] Антиох утверждает, что Фалант и его колонисты были дружелюбно приняты местными жителями и получили возможность спокойно основать свой новый город.

Если это действительно так, то это доказывает, что коренные жители этой земли должны были иметь чисто внутренние привычки, не используя море ни для торговли, ни для рыболовства, иначе они вряд ли отказались бы от такого места, как Тарентум, который, хотя и был благоприятным и продуктивным, даже в отношении прилегающих земель, в отношении морских преимуществ не имел аналогов в греческой Италии.[741] Это было единственное место в заливе, которое обладало совершенно безопасной и удобной гаванью - здесь образовался просторный вход в море, защищенный перешейком и выступающим полуостровом, так что остался только узкий вход. Этот залив, все еще известный как Маре Пикколо, хотя его берега и прилегающий язык суши, кажется, претерпели значительные изменения, обеспечивает в настоящее время постоянное, неисчерпаемое и разнообразное снабжение рыбой, особенно ракушечной, которая служит и пищей, и работой для значительной части жителей современного Таранто, как когда-то она служила той же цели для многочисленного, живого и веселого населения могущественного Тарентума. Концентрированное население рыбаков составляло преобладающий элемент в характере тарентинской демократии.[742] Тарентум находился как раз на границах страны, первоначально известной как Италия, в которую Геродот включает его, а Антиох относит его к Иапии и считает Метапontiум последним греческим городом в Италии.

Его непосредственными соседями были иапии, которые под разными названиями и диалектами занимали большую часть юго-восточной Италии, включая полуостров, названный в их честь, но иногда называемый также Салентинским, между Адриатикой и Тарентинским заливом, и даже, как утверждается, одно время занимали некоторую территорию на юго-востоке от этого залива, недалеко от местечка Кротон. Под именем иапигов, по-видимому, скрывались мессапийцы, салентинцы и калабрийцы; по некоторым данным, даже пеукеты и дауны, вплоть до горы Гарганус, или Дрион; Скилакс отмечает в свое время (около 360 года до н. э. О мессапийцах и саленах говорят как об эмигрантах из Крета, сродни минойцам или первобытным критянам; мы находим национальную генеалогию, в которой Иапикс, сын Дедала, назван эмигрантом из Сицилии. Но история, рассказанная Геродоту, гласит, что критские солдаты, сопровождавшие Миноса в его экспедиции по возвращению Дедала из Камикуса в Сицилию, по возвращении домой были выброшены на берега Иапии и стали основателями Гирии и других мессапских городов в глубине страны.[Брундизий, или Брентесион, как называли его греки,[745] незначительный во времена Геродота, но знаменитый в последующие римские времена как самый посещаемый морской порт для плавания в Эпир, был мессапийским городом. Родным языком мессапийцев была разновидность осканского: латинский поэт Энний, уроженец Рудии на Иапигском полуострове, говорил на греческом, латыни и осканском и даже выводил свою родословную от древнего национального князя или героя Мессапа[746].

Нам рассказывают, что при жизни Фаланта тарентинские поселенцы одержали победы над мессапийцами и пеукетянами, которые они потом отметили вотивными жертвоприношениями в Дельфах, и что они даже сделали приобретения за счет жителей Брундизия[747] - в это утверждение трудно поверить, если принять во внимание удаленность этого места и то обстоятельство, что Геродот даже в свое время называет его только гаванью. Фалант, отправленный в изгнание, тоже, как говорят, нашел гостеприимный прием в Брундизии и там же умер. Однако об истории Тарентума в течение первых двухсот тридцати лет его существования мы не имеем никаких подробностей; у нас есть основания полагать,

что он участвовал в общем процветании итальянских греков в течение этих двух веков, хотя и уступал как Сибарису, так и Кротону. Примерно в 510 году до н. э. эти две республики вступили в войну, и Сибарис был почти уничтожен; в последующие полвека кротониаты потерпели страшное поражение в Сагре от локрийцев, а тарентинцы - от иапигийских мессапийцев. Однако после этих поражений тарентинцы, по-видимому, оправились полнее, чем кротониаты; первые занимают первое место среди италиков, или итальянских греков, с 400 года до н. э. и вплоть до господства римлян, и лучше противостоят росту луканов и бруттиев во внутренних областях.

Таковы были главные города итальянских греков от Тарентума на верхнем берегу моря до Посейдонии на нижнем; и если мы возьмем их в период, предшествующий разорению Сибариса (в 510 году до н. э.), то окажется, что они пользовались степенью процветания, даже превосходящей сицилийских греков. Владычество Сибариса, Кротона и Локри простиралось по всему полуострову от моря до моря, а горные районы внутренней Калабрии находились в дружеской связи с городами и земледельцами на равнине и в долине у моря - к обоюдной выгоде тех и других. Мелкие туземные племена *Ænotrians*, *Sikels* или *Italians*, как их правильно называть, были частично эллинизированы и приведены в состояние деревенских земледельцев и пастухов, зависимых от Сибариса и других городов; часть из них жила в городе, вероятно, в качестве домашних рабов богатых людей, но большинство оставалось в стране в качестве крепостных, *penestæ* или *coloni*, смешиваясь с греческими поселенцами и выплачивая часть своей продукции греческим владельцам.

Но эта зависимость, хотя и была достигнута в первом случае силой, все же не поддерживалась исключительно силой - в значительной степени она была результатом организованного образа жизни и более продуктивного земледелия, оказавшегося в пределах их досягаемости, - новых потребностей, как созданных, так и обеспечиваемых, - храмов, праздников, кораблей, стен, колесниц и т. д., которые навязывались воображению грубого земледельца и пастуха. Против простой силы туземцы могли найти убежище в непобедимых лесах и ущельях Калабрийских Апеннин, а также в обширной горной области Сила, лежащей сразу за равнинами Сибариса, где даже французская армия с ее прекрасной организацией в 1807 году с таким трудом добралась до разбойничьих деревень. [Сибариты и кротониаты приобрели и сохранили свое превосходство над туземцами внутренних районов не только благодаря оружию, но и благодаря оружию и искусству, - смешанному влиянию, которое позволило императорскому Риму усмирить свирепость грубых германцев и британцев. Пастух с берегов реки Сибарис или Кратис не только нашел новую меновую стоимость для своего скота и других продуктов, став знакомым с лучшей диетой и одеждой, и улучшенным выращиванием оливы и винограда, - но он также получил возможность показать свою доблесть, если он сильный и храбрый, в общественных играх на празднике лакинийского *Hêrê*, или даже на Олимпийских играх в Пелопоннесе. [749] Именно этим мы должны объяснить обширность владений, многочисленность населения, богатство и роскошь сибаритов и кротониатов, - населения, сведения о котором в цифрах недостоверны, но которое, как мы можем полагать, было очень многочисленным. Туземцы *Ænotrians*, хотя и не могли объединиться в сопротивлении греческой силе, в то же время менее отличались от греков по расе и языку, чем осканцы средней Италии, и поэтому были более доступны греческому мирному влиянию; в то время как осканцы, похоже, были как более яростными в отражении нападений греков, так и более неподатливыми к их соблазнам. Иапиги также не были изменены соседством с Тарентумом в той же степени, в какой племена, примыкающие к Сибарису и Кротону, были изменены контактом с этими городами. Диалект Тарентума, [750] как и Гераклеи, хотя и был выраженным дорийским, допускал много местных особенностей, а

фарсы тарентинского поэта Ринтона, как и сиракузского Софрона, похоже, смешивали эллинское с итальянским как в языке, так и в характере.

Примерно в 560 году до н. э., во время воцарения Пейсистрата в Афинах, в конце того периода греческой истории, который правильно называть первым, Сибарис и Кротон достигли максимума своего могущества, которое каждый из них сохранял в течение полувека после этого, до фатального разрыва между ними. Нам говорят, что сибариты в этом финальном поединке выступили против Кротона с армией в триста тысяч человек: как ни баснословно это число, мы не можем сомневаться, что для подобного вторжения на прилегающую территорию можно было бы собрать огромную армию полуэллинизированных местных жителей. Немногочисленные сведения о них, дошедшие до нас, к сожалению, касаются не более чем их роскоши, фантастического самообольщения и экстравагантной праздности, за которые они стали известны как в современности, так и в древности. Анекдоты, иллюстрирующие эти качества, были актуальны и служили не одной цели в античности. Философ пересказывал их, чтобы опорочить и осудить характер, который они олицетворяли, а среди веселых компаний "сибаритские рассказы", или рассказы о высказываниях и поступках древних сибаритов, составляли отдельный и особый класс превосходных историй, которые рассказывались просто для развлечения,^[751] - и с этой точки зрения остроумные романтики умножали их до бесконечности. Вполне вероятно, что пифагорейские философы (которые первоначально принадлежали к Кротону, но постоянно существовали как философская секта в Италии и Сицилии, с сильным оттенком показного аскетизма и мистицизма) в своих призывах к воздержанию и обличениях роскошных привычек, могли предпочесть примеры из Сибариса, древнего врага кротонцев, чтобы указать на их мораль, - и таким образом преувеличенная репутация этого города впервые стала предметом общих разговоров во всем греческом мире; Ведь о Сибарисе мало что можно было узнать в деталях, поскольку его унижение датируется первым началом современной греческой истории. Возможно, Гекатей Милетский посетил его в полном великолепии, но даже Геродот знал о нем только из прошлых отчетов, а основные анекдоты о нем приводятся от авторов значительно более поздних, чем он, которые следуют тону мысли, столь распространенному в античности, приписывая разорение сибаритов их чрезмерной коррупции и роскоши^[752].

Однако, если допустить преувеличения во всех этих случаях, нет причин сомневаться в том, что Сибарис в 560 году до н.э. был одним из самых богатых, многолюдных и могущественных городов Эллады; и что он также представлял собой как комфортное изобилие среди массы граждан, возникающее из-за легкого получения свежих участков плодородной земли, так и чрезмерные поблажки среди богатых, - в степени, составляющей заметный контраст с собственно Элладой, которую Геродот характеризовал как приемную сестру бедности.^[753] Необычайная продуктивность соседней территории, которую Варро в свое время, когда культура, должно быть, была гораздо хуже, чем при старом Сибарисе, утверждал, что она дает обычный урожай в сто раз,^[754] и которую восхваляют современные путешественники, даже при ее нынешней, еще более запущенной культуре, уже затрагивалась. Река Кратис - все еще самая значительная река этого региона - при наличии трудолюбивого населения, способного поддерживать ее водоток в порядке, позволила бы обширным полям Сибариса обеспечить обильным питанием население, превосходящее по численности любой другой греческий город. Но хотя природа и была щедрой, для того чтобы обратить ее щедрость на пользу, требовались промышленность, хорошее управление и упорядоченное правительство: если этого не хватает, последующий опыт работы на той же территории показывает, что ее неисчерпаемые возможности могут существовать впустую. Та роскошь, которую греческие моралисты осуждали в ведущих сибаритах между 560 и 510 годами до н.

э., была результатом приобретений, энергично и трудолюбиво продвигаемых и удерживаемых вместе упорядоченной центральной силой в течение полутора веков существования колонии. Хотя тризенские поселенцы, составлявшие часть первоначальных эмигрантов, были изгнаны, когда ахейцы стали более многочисленными, нам говорят, что в целом Сибарис был либерален в принятии новых эмигрантов в гражданство[755], и это было одной из причин его замечательного прогресса. Можно предположить, что многие из них отправились создавать колонии на Средиземном море, а некоторые - селиться как среди четырех зависимых внутренних государств, так и среди двадцати пяти подвластных городов. Пять тысяч всадников, как нам рассказывают, одетых в роскошные наряды, составляли процессию на некоторых сибаритских праздниках, - число, которое лучше всего оценить в сравнении с тем фактом, что рыцари или всадники Афин в их лучшие дни не превышали двенадцати сотен. Сибаритские лошади, если верить истории, якобы идущей от Аристотеля, были обучены двигаться под звуки флейты; а одежда этих богатых граждан состояла из тончайшей шерсти из Милета в Ионии,[756] - тарентинская шерсть тогда еще не приобрела той известности, которой она пользовалась пять веков спустя, к концу Римской республики. Помимо огромного изобилия домашней продукции - кукурузы, вина, масла, льна, скота, рыбы, древесины и т. д., - следующий по важности факт, который мы слышим о Сибарисе, - это большой трафик, осуществляемый с Милетом: эти два города были связаны между собой более тесно и дружелюбно, чем любые два эллинских города, известные Геродоту.[757] Связь между Тарентумом и Книдом также была очень тесной,[758] так что большое взаимодействие, как личное, так и торговое, между азиатскими и итальянскими греками, предстает как заметный факт в истории шестого века до христианской эры.

В этом отношении, как и в ряде других, эллинский мир в 560 году до н. э. предстает в совершенно ином свете, чем тот, который он принял столетие спустя и в котором он наиболее известен современному читателю. В первый период ионические и итальянские греки были великим украшением эллинского имени и вели более выгодную торговлю друг с другом, чем с Грецией, которую они признавали своей страной, хотя и не признавали ничего в природе установленного главенства. Военная мощь Спарты в это время действительно велика и преобладает в Пелопоннесе, но у нее нет флота, и она только пробует свои силы, не без неохоты, в ультрамариновом вмешательстве. По прошествии столетия эти обстоятельства существенно меняются. Независимость азиатских греков уничтожена, могущество итальянских греков сильно подорвано, а Спарта и Афины не только становятся выдающимися и ведущими эллинскими государствами, но и представляют собой центры действия для меньших городов, доселе неизвестные.

Именно в период своего расцвета, по-видимому, в шестом веке до нашей эры, итальянские греки либо приобрели, либо присвоили своей территории название Magna Græcia, которое в то время она вполне заслуживала; ведь не только Сибарис и Кротон были тогда величайшими греческими городами, расположенными недалеко друг от друга, но и весь полуостров Калабрия может считаться присоединенным к греческим городам на побережье. Туземные жители Oenotrians и Sikels, занимавшие внутренние районы, стали эллинизированными или полуэллинизированными, с примесью греков среди них, - обычными подданными этих великих городов; так что вся территория Калабрийского полуострова, в пределах линии, соединяющей Сибарис с Посейдонией, могла тогда справедливо рассматриваться как эллинская территория. Сибарис поддерживал большую торговлю с тосканскими городами Средиземноморья, а связь между Грецией и Римом через Калабрийский перешеек[759], возможно, была легче во времена римских царей, изгнание которых почти совпало с разрушением Сибариса, чем первые два века Римской республики. Но все эти отношения полностью изменились после распада власти Сибариса в 510 году до

н. э. и постепенного продвижения осковского населения из средней Италии на юг. Кумæ была захвачена самнитами, Посейдония - луканами, которые овладели не только этими приморскими городами, но и всей внутренней территорией - теперь называемой Базиликатой с частью Калабрии - через Посейдонию до Тарентумского залива: В то время как бруттийцы - смесь луканов с греко-лотрийским населением, некогда подчинявшимся Сибарису, говорившие на греческом и осканском языках[760], - стали хозяевами внутренних гор в дальней Калабрии, от Консенции почти до Сицилийского пролива. Таким образом, разорение Сибариса в сочетании с распространением луканов и бруттиев лишило италийских греков той внутренней территории, которой они наслаждались в VI веке до н. э., и ограничило их окрестностями побережья. Чтобы понять необычайное могущество и процветание Сибариса и Кротона в VI веке до н. э., когда им подчинялась вся эта внутренняя территория, до прихода луканов и бруттиев и когда впервые было дано название Magna Græcia, необходимо по контрасту взглянуть на эти последние периоды; тем более что это название все еще продолжало применяться римлянами к Итальянской Греции после того, как сокращение территории сделало его менее подходящим.

О Кротоне в этот ранний период его могущества и процветания мы знаем еще меньше, чем о Сибарисе. Он отличался как количеством граждан, получавших призы на Олимпийских играх, так и мастерством хирургов и врачей. И что может показаться еще более удивительным, если принять во внимание крайнюю нынешнюю неухоженность места, на котором он стоял, он был в древности по преданию здоровым,[761] чего нельзя сказать о более плодородном Сибарисе. Ко всем этим городам италийских греков применимо то же замечание, что и к сицилийским грекам, - что смешение с местным населением ощутимо сказалось на их характере и привычках. У нас нет никакой информации об их правительстве в этот ранний период процветания, за исключением того, что мы находим упоминание в Кротоне, как и в эпизефирийском Локри, о сенате из тысячи членов, не исключая при этом иногда экклесию, или общее собрание.[762] Вероятно, постоянное увеличение их владений во внутренних районах и возможность обеспечить содержание нового населения, во многом способствовали тому, что их политические системы, какими бы они ни были, работали удовлетворительным образом. Попытка Пифагора и его последователей стать правящей фракцией, а также философской сектой будет описана в одной из последующих глав. События, связанные с этой попыткой, покажут, что между различными городами италийской Греции существовала значительная аналогия и симпатия, так что они могли действовать под влиянием одних и тех же причин. Но хотя праздники лакинийской херы, проводимые кротонитами, с ранних времен служили общим местом религиозных собраний для всех[763], попытки учредить периодические собрания депутатов с целью поддержания политической гармонии начались только после разрушения Сибариса и никогда не были более чем частично успешными.

Осталось упомянуть еще один город, самую отдаленную колонию, основанную греками в западных регионах; и мы не можем сделать ничего другого, кроме как упомянуть его, поскольку у нас нет фактов для составления его истории. Массалия, современный Марсель, была основана ионийскими фокейцами в 45-ю Олимпиаду, около 597 года до н. э.,[764] в то время, когда Сибарис и Кротон были близки к максимуму своего могущества, - когда полуостров Калабрия был полностью эллинским, и когда Кумæ также еще не посетили те бедствия, которые привели к ее упадку. Такое количество эллинизма на юге Италии, несомненно, способствовало продвижению на запад авантюрного фокейского мореплавателя. Похоже, что Массалия была основана в результате дружественного слияния фокейских колонистов с коренными галлами, если судить по романтической легенде о Протиаде, массалиотической семье или роде, существовавшей во времена Аристотеля.

Фокейский купец Евксен вступил в дружеские отношения с Нанусом, туземным вождем на юге Галлии, и был приглашен на праздник, на котором тот собирался отпраздновать свадьбу своей дочери Петты. По обычаю страны, дева должна была выбрать себе мужа среди гостей, преподнеся ему чашу: случайно или по желанию Петта преподнесла ее Эвксену и стала его женой. Протис из Массалии, отпрыск этого брака, был первобытным предком и эпонимом Протиады. Согласно другой версии происхождения этого рода, Протис был вождем фокейцев, который женился на Гиптис, дочери Нанна, царя сегобригийских галлов[765].

Об истории Массалии мы ничего не знаем, да и не похоже, чтобы она была связана с общим движением греческого мира. В целом мы узнаем, что массалиоты управляли своими делами с благоразумием и единодушием, а в своих личных привычках проявляли образцовую скромность, - что, сохраняя союз с жителями внутренних районов, они тщательно оберегали свой город от неожиданностей, не допуская в него вооруженных чужаков, - что они ввели культуру винограда и оливок и постепенно распространили греческий алфавит, язык и цивилизацию среди соседних галлов, - что они владели и укрепили многие позиции вдоль побережья Лионского залива и основали пять колоний на восточном побережье Испании, - что их правительство было олигархическим, состоящим из вечного сената из шестисот человек, но иногда принимающего новых членов извне, и малого совета из пятнадцати членов, - что дельфийский Аполлон и эфесская Артемида были их главными божествами, посаженными как хранители их отдаленных постов и переданными их колониям.[766] Хотя принято представлять обдуманый поход и устойчивое господство правящих немногих, с довольным повиновением многих, как характеристику дорийских государств, и нестабильность, не менее чем беспорядок, как преобладающую тенденцию в Ионии, - все же нет греческого сообщества, которому первые атрибуты были бы приписаны более остро, чем ионической Массалии. Торговля массалиотов, по-видимому, была обширной, а их вооруженные морские силы достаточно мощными, чтобы защищать их от агрессии Карфагена - их главного врага в западном Средиземноморье.

ГЛАВА XXIII. ГРЕЧЕСКИЕ КОЛОНИИ В ЭПИРЕ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ.

На восточном берегу Ионического моря располагались греческие колонии Коркира, Леукас, Анакторий, Амбракия, Аполлония и Эпидамн.

Среди них, безусловно, самой выдающейся по положению, богатству и могуществу была Коркира - ныне известная как Корфу, причем это название, как и в древности, принадлежало и городу, и острову, который отделен от побережья Эпира проливом шириной от двух до семи миль. Коркира была основана коринфянами в то же время, когда, как нам говорят, были основаны Сиракузы. Говорят, что Херсикратес, вакхиец, сопровождал Архия в его путешествии из Коринфа в Сиракузы и был оставлен с компанией эмигрантов на острове Коркира, где он основал поселение.[767] Каких жителей он там нашел и как с ними обращался, мы не можем точно сказать. В древности остров обычно считался местом жительства гомеровских фейкийцев, и именно этому факту Фукидид частично приписывает возвышенность Коркирского моря.[768] Согласно другому рассказу, там поселились эретрийцы из Эвбеи, которые были вынуждены уйти. Третье утверждение представляет либурнийцев[769] как прежних жителей, и это, пожалуй, наиболее вероятно, поскольку либурнийцы были предприимчивой, морской, пиратской расой, которая долгое время

продолжала занимать более северные острова в Адриатике вдоль Иллирийского и Далматинского побережья. Та морская активность и количество кораблей, как военных, так и торговых, которые мы находим в ранний период у коркирян и по которым они отличаются от италийских и сицилийских греков, могут быть с полным основанием приписаны их частичному слиянию с существовавшими ранее либурнами; ведь доэллинские уроженцы Магна-Греции и Сицилии, как уже было замечено, были так же непрактичны на море, как и либурны.

В то время, когда коринфяне собирались колонизировать Сицилию, вполне естественно, что они захотели основать поселение и в Коркире, которая была очень важным пунктом для облегчения плавания из Пелопоннеса в Италию, а также была удобна для сообщения с Эпиром, в тот период совсем не эллинским. Выбор места был полностью оправдан процветанием и могуществом колонии, которая, однако, хотя иногда и объединялась с городом-матерью, чаще была отчуждена от нее и враждебна, и так продолжалось с раннего периода на протяжении большей части трех веков с 700 по 400 год до н. э. Возможно, также Моликрея и Халкис^[771] на юго-западном побережье Этолии, недалеко от устья Коринфского залива, были основаны Коринфом едва ли не раньше, чем Коркира.

Именно в Коринфе появились самые ранние усовершенствования в греческом кораблестроении и первая конструкция триремы или военного корабля с тройной осью весел, и, вероятно, именно из Коринфа это усовершенствование перешло на Коркиру, как и на Самос. В ранние времена коркирский флот был в состоянии справиться с коринфским, а древнейшее морское сражение, известное Фукидиду^[772], произошло между этими двумя государствами в 664 году до н. э. Насколько мы можем судить, Коркира сохраняла свою независимость не только во время правления Вакхидов в Коринфе, но и в течение долгого правления деспота Кипсела и части царствования его сына Периандра. Но к концу правления этого последнего мы видим, что Коркира подчиняется Коринфу; о варварском обращении, которому Периандр подверг триста коркирских юношей в отместку за смерть своего сына, уже рассказывалось в одной из предыдущих глав.^[773] После смерти Периандра остров, похоже, вновь обрел независимость, но у нас нет никаких сведений о нем с 585 года до н. э. до периода, незадолго до вторжения в Грецию Ксеркса, - почти столетие. В эту позднюю эпоху коркирцы обладали военно-морскими силами, едва ли уступавшими любому государству в Греции. Изгнание Кипселидов из Коринфа и восстановление прежней олигархии или чего-то похожего на нее, похоже, не примирило коркирцев с их городом-матерью; ведь именно накануне Пелопоннесской войны коринфяне предпочли самые горькие жалобы на них,^[774] сводя на нет те обязательства, которые колония, по общему мнению, должна была выполнять. На общественных праздниках Коркиры не отводилось почетного места для коринфских гостей, не было принято предлагать им первыми отвеждать жертвы, принесенные в жертву, - соблюдение которых, несомненно, было почтительным в Амбракии и Леукасе. Тем не менее коркирцы совместно с коринфянами выступили в поддержку Сиракуз, когда этому городу грозила опасность быть завоеванным и поработленным Гиппократом, деспотом Гелы (около 492 г. до н. э.), - случай, который показывает, что они не были лишены великодушного сочувствия к братским государствам, и заставляет нас предположить, что их отчуждение от Коринфа было в такой же степени виной города-матери, как и их собственной.

Причиной ссоры, вероятно, стала торговая ревность, особенно торговля с эпиротами и иллирийскими племенами, в которой они в значительной степени соперничали. Находясь в безопасности у себя дома и усердно занимаясь культурой своего плодородного острова, коркирцы могли поставлять вино и масло эпиротам на материк в обмен на скот, овец, шкуры

и шерсть последних - проще и дешевле, чем коринфский купец. Для целей этой торговли они завладели персеей или полосой главной земли по другую сторону пролива, где укрепили различные посты для защиты своего имущества.[Коринфяне были лично более популярны среди эпиротов, чем коркирцы;[776] но только спустя долгое время после основания Коркиры они основали свое первое поселение на основной земле - Амбракию, на северной стороне Амбракийского залива, недалеко от устья реки Арахт. Именно во время правления Кипсела и под руководством его сына Горгуса было основано это поселение, которое впоследствии стало густонаселенным и значительным. Мы ничего не знаем о его росте и слышим только о том, что в нем правил деспот по имени Периандр, вероятно, связанный с одноименным деспотом в Коринфе.[778] Периандр Амбракийский был свергнут в результате частного заговора, спровоцированного его собственной жестокостью и горячо поддержанного гражданами, которые после этого постоянно жили под народным правлением.[779]

Несмотря на длительные разногласия между Коркирой и Коринфом, оказывается, что четыре значительных поселения на этом же побережье были образованы совместными усилиями обоих государств: Лукас и Анакторий, к югу от устья Амбракийского залива, и Аполлония и Эпидамн, оба на территории иллирийцев, на некотором расстоянии к северу от Акрокераунского мыса. В заселении двух последних коркирцы, по-видимому, были главными, а в заселении двух первых - лишь вспомогательными; вероятно, их политике не отвечало создание новой колонии на промежуточном побережье, противоположном их собственному острову, между мысом и вышеупомянутым заливом. Леукас, Анакторий и Амбракия принадлежат Кипселу Коринфскому, и спокойствие, которое Аристотель приписывает его правлению, можно отчасти приписать новым домам, предоставленным таким образом бедным или недовольным коринфским гражданам. Леукас располагался недалеко от современной Санта-Мауры: нынешний остров изначально был полуостровом и оставался таковым до времен Фукидида; но в последующие полвека леукадийцы прорубили перешеек и возвели мост через узкий пролив, соединяющий их с основной землей. Когда-то это было акарнанское поселение под названием Эпилеукадий, жители которого, впад в гражданский разлад, пригласили к себе тысячу коринфских поселенцев. Новоприбывшие, выбрав удобный момент для нападения, убили или изгнали пригласивших их, стали хозяевами места с его землями и превратили его из акарнанской деревни в греческий город.[780] Анакторий был расположен на небольшом расстоянии от устья Амбракийского залива, - основанный, как и Леукас, на акарнанской земле и с примесью акарнанских жителей колонистами под покровительством Кипсела или Периандра. В обоих этих поселениях участвовали коркирские поселенцы;[781] в обоих также проявились обычные религиозные чувства, связанные с греческой эмиграцией, благодаря соседству почитаемого храма Аполлона с видом на море, - Аполлона Актиуса возле Анакториума и Аполлона Леукатаса возле Леукаса.[782]

Между этими тремя поселениями - Амбракией, Анакториумом и Леукасом - и акарнанским населением внутренних районов существовали постоянные враждебные чувства; возможно, они возникли из-за насилия, которым было отмечено первое основание Леукаса. Коринфяне, хотя и пользовались популярностью у эпиротов, были безразличны или безуспешны в примирении с акарнанцами. Скорее всего, акарнанцы были против присутствия или соседства любого мощного морского порта; несмотря на свою ненависть к амбракиотам, они больше боялись, что Амбракия окажется в руках афинян, чем в руках своих собственных граждан[783].

Две колонии к северу от Акрокераунского мыса, на побережье иллирийских племен, - Аполлония и Эпидамн - были образованы в основном коркирянами, но с некоторой помощью и частью поселенцев из Коринфа, а также из других дорийских городов. Особенно следует отметить, что экистом был коринфянин и гераклид, Фалий, сын Эратоклейдеса, ибо, согласно обычной греческой практике, всякий раз, когда город, сам являющийся колонией, основывал подколонию, экист последней заимствовался у города-матери первой.[784] Таким образом, коринфяне получили частичное право контроля и вмешательства в дела Эпидамна, что, как мы увидим в дальнейшем, привело к важным практическим последствиям. Эпидамн, более известный под своим последующим названием Диррахий, был расположен на перешейке на территории иллирийского племени Таулантий или рядом с ним, и, как говорят, был заселен около 627 года до н.э. Аполлония, экистом которой, похоже, был признан сам бог Аполлон,[785] была основана при схожих обстоятельствах, во времена правления Периандра Коринфского, на приморской равнине, обширной и плодородной, недалеко от реки Аос, в двух днях пути к югу от Эпидамна.

Как один, так и другой из этих двух городов, по-видимому, процветали и получали жителей из Трифилии в Пелопоннесе, когда эта страна была покорена элейцами. Об Эпидамне, в частности, нам говорят, что он приобрел большое богатство и население в течение столетия, предшествовавшего Пелопоннесской войне.[786] Несколько ссылок, которые мы находим у Аристотеля, слишком кратких, чтобы дать много поучительного, заставляют нас предположить, что правительства обоих городов вначале были тесными олигархиями, под управлением первобытных лидеров колонии, - что в Эпидамне ремесленники и торговцы в городе рассматривались в свете рабов, принадлежащих обществу, - но со временем, кажется, несколько раньше Пелопоннесской войны, междоусобные распри разрушили эту олигархию,[787] заменив периодический сенат с периодическими публичными собраниями на место постоянных филархов, или вождей племен, и таким образом введя форму более или менее демократическую, но все еще сохраняя первоначального одноглавого архонта. Эпидамнийское правительство либерально относилось к приему метисов, или иностранцев-резидентов, - факт, который делает вероятным, что предполагаемое общественное рабство ремесленников в этом городе было статусом, не несущим никаких тягот реального рабства. Все торговые операции между Эпидамном и соседними иллирийцами осуществлялись через уполномоченного агента, или *polêtês*, - индивидуальные сделки с ними были запрещены.[788] В одном отношении Аполлония заметно отличалась от Эпидамна, поскольку она исключала метисов, или чужеземцев, с такой строгостью, которая едва ли уступала Спарте. Эти несколько фактов - все, что нам позволено услышать о колониях, важных самих по себе и интересных тем, что они вводили греков в связь с далекими народами и регионами.

Шесть только что названных колоний - Коркира, Амбракия, Анакторий, Леука, Аполлония и Эпидамн - образуют совокупность, лежащую отдельно от остальных эллинских колоний, и связаны друг с другом, хотя и не всегда поддерживают гармонию, по аналогии расы и положения, а также благодаря их общему происхождению из Коринфа. В том, что торговля, которую коринфские купцы вели с ними и через них с племенами во внутренних областях, была прибыльной, мы не сомневаемся; а Леукас и Амбракия долгое время оставались не только верными союзниками, но и подражателями своей матери-города. Торговля Коркиры также представлена как очень обширная и доходила даже до северной оконечности Ионического залива. Похоже, что они были первыми греками, открывшими торговлю и основавшими различные поселения на иллирийском и далматинском побережьях, как фокейцы были первыми, кто осуществлял свои перевозки вдоль Адриатического побережья Италии: кувшины и керамика Коркиры пользовались большой репутацией во всех частях

залива.[789] Общая торговля острова и поощрение его судоходства, вероятно, были более значительными в шестом веке до нашей эры, когда города Магна-Греции находились на пике своего процветания, чем в последующее столетие, когда они пришли в относительный упадок. Нельзя сомневаться и в том, что посетители и подарки оракулу Додоны в Эпире, который находился в двух днях пути от Коркиры и значение которого было наиболее ощутимо в ранние периоды греческой истории, способствовали росту трафика коркирцев.

Стоит отметить, что денежная система, установленная в Коркире, была полностью греческой и коринфской, градуированной по обычной шкале обол, драхм, мин и талантов, без включения каких-либо исконно италийских или сицилийских элементов, которые были приняты городами в Магна-Греции и Сицилии. Тип коринфских монет, похоже, перешел и на монеты Леукаса и Амбракии[790].

Об островах Закинф и Кефаллония, Занте и Кефалония мы слышим очень мало: об Итаке, столь интересной по рассказу Одиссея, у нас вообще нет никаких исторических сведений. Жителями Закинфа были ахейцы из Пелопоннеса: Кефаллония была распределена между четырьмя отдельными городскими правительствами.[791] Ни один из этих островов не играет никакой роли в греческой истории до времен Афинской морской империи, после Персидской войны.

ГЛАВА XXIV. АКАРНАНЦЫ. - ЭПИРОТЫ.

Необходимо обратить внимание на те варварские или неэллинские народы, которые были непосредственными соседями Эллады к западу от Пинда и к северу от того хребта, который соединяет Пинд с Олимпом, а также на другие племена, которые, хотя и лежали на большем расстоянии от Эллады, все же были втянуты в отношения сотрудничества или вражды с эллинскими колониями.

Между греками и этими иностранными соседями акарнанцы, о которых я уже кратко рассказывал в предыдущем томе, образуют надлежащее переходное звено. Они занимали территорию между рекой Ачелоус, Ионическим морем и Амбракийским заливом: они были греками и допускались в качестве таковых к участию в панэллинских играх,[792] но при этом были тесно связаны с амфилохийцами и агреями, которые не были греками. По манерам, чувствам и интеллекту они были наполовину эллинами, наполовину эпиротами, как итолийцы и озолийские локрийцы. Вплоть до времен Фукидида эти народы делились на многочисленные мелкие общины, жили в неукрепленных деревнях, часто грабили друг друга и никогда не позволяли себе быть безоружными: в случае нападения они уводили свои семьи и скучный скот в укрытие в труднодоступные горы или болота. В большинстве своем они были легковооруженными, лишь немногие из них были обучены панораме греческого гоплита; но они были храбры и искусны в своем собственном способе ведения войны, а праща в руках акарнанца была грозным оружием[793].

Однако, несмотря на такое состояние разобщенности и незащищенности, акарнанцы поддерживали между собой свободную политическую лигу, а холм возле амфилохийского Аргоса, на берегу Амбракийского залива, был укреплен, чтобы служить судебным местом

или местом встречи для разрешения споров. Похоже, что к началу Пелопоннесской войны Стратус и Иниада были в той или иной степени укреплены. Первый, самый значительный город Акарнании, располагался на Акелосе, довольно высоко в его русле, а второй находился в устье реки и был труднодоступен из-за ее наводнений.[794] Астакус, Солиум, Палерус и Ализия лежали на побережье Ионического моря или вблизи него, между Иниадой и Леукасом: Фития, Коронта, Медеон, Лимнея и Тирий находились между южным берегом Амбракийского залива и рекой Акелоус.

Акарнанцы, похоже, произвели на свет множество пророков. Они, как и их соседи амфилохийцы, вели свою мифическую родословную от самого известного пророческого рода греческих героев - Амфиарая с сыновьями Алкмæном и Амфилохом: Сыновьями Алкмæна считались Акарнан, одноименный герой народа, и другие одноименные герои отдельных городов.[795] Лирический поэт Алкман говорит о них, вместе с этолийцами, как о простых грубых пастухах, и так, по-видимому, продолжалось с небольшими изменениями до начала Пелопоннесской войны, когда мы впервые слышим о них, как о союзниках Афин и злейших врагах коринфских колоний на их побережье. Однако контакт этих колоний и широкое распространение акарнанского побережья не могли не произвести определенного эффекта в социализации и оздоровлении народа. И вполне вероятно, что этот эффект был бы более ощутим, если бы акарнанцев не сдерживало роковое соседство с этолийцами, с которыми они находились в вечной вражде, - народом самым беспринципным и неидеальным из всех, кто носил эллинское имя, и чье привычное безверие составляло заметный контраст с прямоотой и стойкостью акарнанского характера.[796] Именно для того, чтобы укрепить акарнанцев против этих хищных соседей, македонец Кассандр призвал их объединить свои многочисленные мелкие поселения в несколько крупных городов. По крайней мере, частично эта рекомендация была выполнена, что привело к возвышению Стратуса и еще одного или двух городов; но в следующем столетии город Леукас, похоже, утрачивает свое первоначальное положение отдельной коринфской колонии и переходит в статус главного города Акарнании,[797] который теряется только по приговору римских завоевателей.

Пересекая границы Акарнании, мы находим небольшие народы или племена, не считавшиеся греками, но известные, начиная с IV века до н. э., под общим названием эпиротов. Это слово означает, собственно, жителей континента, в отличие от жителей острова или полуострова, и лишь постепенно стало применяться греками как всеобъемлющее обозначение всех тех разнообразных племен, что живут между Амбракийским заливом на юге и западе, Пиндом на востоке, иллирийцами и македонцами на севере и северо-востоке. Из этих эпиротов главными были хаонийцы, феспротийцы, касопийцы и молосцы,[798] занимавшие как внутреннюю, так и морскую территорию вдоль Ионического моря, от Акрокераунских гор до границ Амбракии в глубине Амбракийского залива. Агрæаны и амфилохийцы жили к востоку от упомянутого залива, гранича с Акарнанией: атаманы, тимфеи и талары - вдоль западной окраины и высокого хребта Пинда. Среди этих различных племен трудно отличить полуэллинов от неэллинов; ведь Геродот считает эллинами и молоссов, и феспротийцев, а оракул Додоны, как и Некиомантейон, или священная пещера для вызывания мертвых, в Ахероне, находились на территории феспротийцев, и оба во времена историка были эллинскими. С другой стороны, Фукидид считает молоссов и феспротийцев варварами, а Страбон говорит то же самое об атаманцах, которых Платон причисляет к эллинам.[799] Как эпироты были смешаны с эллинскими общинами на юге, так они смешались с македонскими и иллирийскими племенами на севере. Македонские Орестæ, к северу от Камбунских гор и к востоку от Пинда, Гекатæй называет молосским племенем; а Страбон даже распространяет название эпиротов на

иллирийские Парорæй и Атинтан, к западу от Пинда, почти на одной параллели широты с Орестæ.^[800] Следует помнить, как отмечалось выше, что в то время как обозначения иллирийцев и македонцев являются собственно этническими, даются для обозначения аналогий языка, привычек, чувств и предполагаемого происхождения, и, вероятно, признаются самими людьми, - название эпиротов принадлежит греческому языку, дается только греками и не обозначает ничего, кроме проживания на определенной части континента. Теопомп (около 340 года до н. э.) насчитывал четырнадцать отдельных эпиротов, среди которых главными были молоссы и хаонийцы. Возможно, некоторые из них были полуиллирийскими, другие - полумакедонскими, хотя все они были объединены им под общим названием эпироты^[801].

Из этих различных племен, обитавших между Акрокераунским мысом и Амбракийским заливом, некоторые, по крайней мере, были этнически родственны некоторым жителям Южной Италии. На Тарентумском заливе до прихода греческих поселенцев, а также в Эпире жили хаонийцы; мы не находим в Италии названия феспротийцев, но находим там город Пандосию и реку Ахерон, такую же, как у эпиротийских феспротийцев: повсеместное название пеласги связано как с одним, так и с другим. Это этническое родство, отдаленное или близкое, между *Ænotrians* и *Epirots*, которое мы должны принять как факт, не будучи в состоянии проследить его в деталях, состоит в то же время из того обстоятельства, - что оба, кажется, были восприимчивы к эллинскому влиянию в необычной степени, и были сформированы, со сравнительно небольшими трудностями, в несовершенный эллинизм, как у *Ætolians* и *Akarnanians*. Фессалийские завоеватели Фессалии превратились таким образом в фессалийских греков, а амфилохийцы, населявшие Аргос на берегу Амбракийского залива, были эллинизированы в результате приема греков из Амбракии, хотя амфилохийцы, жившие без города, все еще оставались варварами во времена Фукидида:^[802] столетие спустя, возможно, они будут эллинизированы, как и остальные, в результате более длительного воздействия тех же факторов, как это произошло с сикелами в Сицилии.

Определить названия и точные границы различных племен, населявших Эпир, как они выглядели в седьмом и шестом веках до н. э., в то время, когда шел западный поток греческой колонизации и когда вновь основанные амбракиоты должны были заниматься подчинением или изгнанием прежних обитателей их ценного участка, - это не в наших силах. У нас нет информации до Геродота и Фукидида, а то, что они рассказывают, нельзя с уверенностью отнести ко времени, как гораздо более раннему, так и гораздо более позднему, чем их собственное. О том, что между внутренними македонцами и эпиротами, от горы Бермиус через весь континент до побережья напротив Коркиры, существовала большая аналогия в военном снаряжении, в манере стричь волосы и в речи, мы узнаем из ценного отрывка Страбона; который далее говорит нам, что многие племена говорили на двух разных языках^[803] - факт, который, по крайней мере, доказывает очень тесное общение, если не двойное происхождение и инкорпорацию. Войны или добровольные отделения и новые союзы изменили бы границы и относительное положение различных племен. И это было бы тем легче осуществить, что весь Эпир даже в IV веке до н. э. был разделен на множество деревень, без каких-либо больших центральных городов; так что отделение деревни от молосского союза и соединение ее с феспротийским (абстрагируясь от чувств, с которыми она могла быть связана) мало что изменило бы в ее состоянии или производстве. Постепенное усиление эллинского влияния привело к частичной централизации этого политического разброса, увеличив некоторые из деревень в небольшие города за счет присоединения некоторых из их соседей; и таким образом, вероятно, были образованы семьдесят эпиротических городов, которые были разрушены и преданы разграблению в тот же день Павлом Эмилием и римским сенатом. Феспротийская Эфирка называется городом

даже у Фукидида.[804] Тем не менее, ситуация была неблагоприятной для образования значительных городов, как на побережье, так и во внутренних районах, поскольку физический характер территории преувеличен по сравнению с Грецией, - почти везде дикая, пересеченная и гористая местность. Долины и низины, хотя и часты, но никогда не бывают обширными, а почва редко подходит для выращивания кукурузы: так что мука для потребления в Янине в настоящее время доставляется из Фессалии через возвышенный хребет Пинда с помощью ослов и мулов;[805] а фрукты и овощи привозят из Арты, территории Амбракии. Эпир - по сути своей пастушеская страна: его скот, а также его пастухи и пастушьи собаки славились во все времена; и его население тогда, как и сейчас, находило раздельное проживание в деревне наиболее подходящим для своих средств и занятий. Однако, несмотря на эту естественную тенденцию, эллинское влияние было в определенной степени действенным, и именно ему мы должны приписать образование таких городов, как Финик (Phœnikê), - внутреннего города в нескольких милях от моря, в широте, несколько севернее самой северной точки Коркиры, который Полибий отмечает как самый процветающий[806] из эпирских городов в то время, когда он был разграблен иллирийцами в 230 г. до н.э. Пассарон, древнее место, где молосские цари имели обыкновение при вступлении на престол приносить коронационную клятву, превратился в значительный город в этом последнем столетии перед римским завоеванием; Текмон, Филакка и Хорреум также стали известны нам в тот же период.[807] Но самым важным шагом этих царей на пути к расширению было приобретение греческого города Амбракия, который стал столицей царства Пирра и, таким образом, предоставил ему единственное место, пригодное для сосредоточения населения, которое могла предложить страна.

Если мы проследим побережье Эпира от входа в Амбракийский залив на север до Акрокераунского мыса, то обнаружим, что оно не располагает к греческой колонизации. Здесь нет ни одной из тех обширных приморских равнин, которые можно увидеть на побережье Тарентумского залива и которые поддерживали величие Сибариса и Кротона. На всем протяжении к морю подступает горная местность, обрывистая и мало пригодная для обработки земли,[808] а ровная земля, где бы она ни была, должна быть под контролем и во владении, как и сейчас, жителей деревень на холмах, всегда труднодоступных и часто неприступных. Отсюда и из соседства с Коркирой, хорошо расположенной для торговли с Эпиром и ревниво относящейся к соседним конкурентам, мы можем понять, почему греческие эмигранты избегали этого невыгодного района и шли либо на север, к приморским равнинам Иллирии, либо на запад, в Италию. Во времена Геродота и Фукидида между Амбракией и Аполлонией, похоже, не было эллинского поселения. Гавань, называемая Гликис-Лимен, и прилегающая к ней долина и равнина, самая значительная в Эпире, рядом с Амбракией, у слияния озера и реки Ахерон с морем, принадлежали феспротийскому городу Эфире, расположенному на соседней возвышенности; возможно, также, частично, древнему феспротийскому городу Пандосии, так прочно связанному, как в Италии, так и в Эпире, с рекой Ахерон.[Среди почти непреодолимых гор и ущелий, отмечающих течение этой феспротийской реки, располагалась памятная недавняя община Сули, державшая в зависимости множество окрестных деревень в низинах и на равнине, - аналог первобытных эпирских правителей по положению, свирепости и лености, но значительно превосходивший их в энергичной храбрости и выносливости. Похоже, что после времен Фукидида некоторые греческие поселенцы должны были попасть в эпиротические города в этом регионе. Так, Деместенес[810] упоминает Пандосию, Бухетию и Елею как поселения из Элиса, который Филипп Македонский завоевал и передал своему шурина, царю молосских эпиротов; а Страбон сообщает нам, что название Эфирка было изменено на Кихиру, что, по-видимому, подразумевает присоединение новых жителей.

Как хаонийцы, так и феспротийцы во времена Фукидида не имели царей: существовал привилегированный царский род, но председательствующий вождь менялся из года в год. Однако у молоссов была линия царей, передававшаяся от отца к сыну, которая, как утверждалось, прослеживала свое происхождение через пятнадцать поколений вниз, от Ахилла и Неоптолема до Тарипа около 400 года до н. э.; таким образом, они были отпрысками великого рода Эакидов. Адмет, молосский царь, к которому Фемистоклос явился в качестве просителя, жил в простоте деревенского вожды. Но Аррибас, его сын или внук, как говорят, получил образование в Афинах и ввел улучшенную социальную регулярность в своей родной стране: последующие цари, подражая амбициям и получая помощь Филиппа Македонского, распространили свое господство[811] на большую часть других эпиротов: даже во времена Скилакса они занимали большую внутреннюю территорию, хотя их часть морского побережья была ограничена. Из рассказа Фукидида мы узнаем, что все эпироты, хотя и не были объединены политическим союзом, все же были готовы объединяться для агрессии и грабежа. Хаонийцы пользовались более высокой военной репутацией, чем остальные, но рассказ Фукидида об их походе на Акарнанию демонстрирует слепую, безрассудную, хвастливую стремительность, которая разительно контрастирует с методичным и упорядоченным маршем их греческих союзников и товарищей.[812] Здесь мы можем заметить, что касопейцы, которых Скилакс помещает в юго-западную часть Эпира между Ахероном и Амбракийским заливом, не упоминаются ни Геродотом, ни Фукидидом: первый, действительно, считает реку Ахерон и феспротийцев смежными с амбракийской территорией.

Собрать те немногие сведения, которые известны об этих более грубых сообществах, примыкающих к Греции, - задача, необходимая для справедливого понимания греческого мира и для оценки самих греков в сравнении или контрасте с их современниками. Однако, как бы ни была она необходима, сама по себе она вряд ли может быть интересна читателю, чье терпение я вынужден испытывать, заверяя его, что факты греческой истории, которые будут изложены далее, были бы поняты лишь наполовину без этого предварительного обзора окружающих земель.

ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ

[1] Thucyd. i, 13.

[2] Thucyd. i, 13.

[3] Plutarch, Amator. Narrat. c. 2, p. 772; Diodor. Fragm. lib. viii, p. 26. Александр, Ætolus (Fragm. i, 5, ed. Schneidewin), и схолиаст ad Apollon. Rhod. iv, 1212, по-видимому, связывают этот акт возмущения с изгнанием вакхиадов из Коринфа, которое произошло лишь спустя долгое время.

[4] Первый рассказ, по-видимому, относится к Демонам (автор около 280 г. до н. э. и собиратель аттической археологии, или того, что называется Ἀτθιδόγραφος. См. Phanodêmi, Dêmonis, Clitodêmi, atque Istri, Ἀτθίδων, Fragmenta, ed. Siebelis, Præfatio, pp. viii-xi), и приводится как объяснение локуции-ὁ Διὸς Κόρινθος. См. Schol. ad Pindar. Nem. vii, ad finem; Schol. Aristophan. Ran. 440: коринфяне, похоже, представляли своего одноименного героя как сына Зевса, хотя другие греки им не верили (Pausan. ii, 1, 1). То, что мегаряне были вынуждены приезжать в Коринф для демонстрации траура по случаю смерти любого из

членов вакхической олигархии, - это, возможно, история, скопированная с правил Спарты в отношении перизков и гелотов (Herod. vi, 57; Pausan. iv, 14, 3; Tyrtæus, Fragm.). Павсаний считает, что победа мегарян над коринфянами, которую он видел в мегарийском $\theta\eta\sigma\alpha\iota\rho\acute{o}\varsigma$ в Олимпии, произошла до 1-й Олимпиады, когда Форбас был пожизненным архонтом в Афинах: Хорбас помещается хронологами пятым в ряду от Медона, сына Кодра (Pausan. i, 39, 4; vi, 19, 9). О ранней вражде между Коринфом и Мегарой упоминается в Плутархе, De Malignitate Herodoti, p. 868, с. 35.

Вторая история, отмеченная в тексте, приводится у Плутарха, Quæstion. Græc. с. 17, p. 295, в качестве иллюстрации значения слова $\Delta\omicron\rho\acute{\upsilon}\xi\epsilon\nu\omicron\varsigma$.

[5] Pausanias, i, 44, 1, и эпиграмма на Орсиппа в Boeckh, Corpus Inscript. Gr. No. 1050, с комментарием Бёкха.

[6] См. поразительный отрывок в Plutarch. Præcept. Reipubl. Gerend. с. 5, p. 801.

[7] Plutarch, Pyrrh. с. 5. Aristot. Polit. v, 9, 1.

[8] Aristot. Polit. v, 9, 1.

[9] См. эту тему в замечательном сборнике писем под названием "Федералист", написанном в 1787 году, во время обсуждения федеральной конституции Соединенных Штатов Америки - Письма 9, 10, 14 г-на Мэдисона.

"Il est de la nature d'une république (says Montesquieu, Esprit des Loix, viii, 16) de n'avoir qu'un petit territoire: sans cela, elle ne peut guère subsister."

[10] Дэвид Юм в своем "Эссе xii" (т. i, с. 159, изд. 1760 г.), заметив, "что все виды правления, свободные и деспотические, по-видимому, претерпели в современное время (*т. е.* по сравнению с древним) большие изменения к лучшему, как в отношении внешнего, так и внутреннего управления", продолжает: - "Но, хотя все виды правления бывают свободными и деспотическими, они претерпели большие изменения к лучшему".

"Но хотя в наше время все виды правления улучшились, все же монархическое правление, кажется, сделало наибольшие успехи на пути к совершенству. Теперь можно утверждать о цивилизованных монархиях то, что раньше говорили в похвалу только республикам, - что они являются правительством законов, а не людей. Оказалось, что они в удивительной степени способны к порядку, методам и постоянству. Там собственность находится в безопасности, промышленность поощряется, искусства процветают, а князь живет в безопасности среди своих подданных, как отец среди своих детей. В Европе существует, возможно, и существовало в течение двух столетий, около двухсот абсолютных принцев, великих и малых; а если учесть двадцать лет каждого правления, можно предположить, что в целом было две тысячи монархов, или тиранов, как их называли греки; однако среди них не было ни одного, даже Филиппа Второго Испанского, настолько плохого, как Тиберий, Калигула, Нерон, Домициан, которых было четыре из двенадцати среди римских императоров. Однако следует признать, что хотя монархические правительства и приблизились к народным по мягкости и стабильности, они все же значительно уступают им. Наше современное образование и обычаи прививают больше гуманности и умеренности, чем древние, но пока не смогли полностью преодолеть недостатки этой формы правления".

[11] См. Лекции М. Гизо, "Курс современной истории", выпуск 30, том iii, стр. 187, изд. 1829.

[12] M. Augustin Thierry отмечает, *Lettres sur l'Histoire de France*, Lettre xvi, p. 235: - "Sans aucun souvenir".

"Не имея ни одного сувенира из греческой или римской истории, буржуа первого и второго десятилетий, если их город находился под властью короля, графа, герцога, эвека или аббатства, имели право на республику: но реакция на установленную власть нередко отбрасывала их в сторону. Баланс этих двух противоположных сил приводил к тому, что город получал смешанное правление, и именно это в целом происходило на севере Франции, как и в картах коммуны".

Даже среди итальянских городов, которые стали практически самоуправляемыми и породили деспотов, столь же многочисленных и беспринципных по характеру, как и греческие (я подробнее коснусь этого сравнения ниже), г-н Халлам замечает, что "суверенитет императоров, хотя и не очень эффективный, теоретически всегда признавался: их имя использовалось в государственных актах и появлялось на монете". "Взгляд на Средние века, часть i, гл. 3, с. 346, шестое издание.

См. также M. Raynouard, *Histoire du Droit Municipal en France*, book iii, ch. 12, vol. ii. p. 156: "Это сущностное и основополагающее разделение между актами, агентами правительства и актами, агентами местной администрации по местным делам - эта политическая демаркация, примером которой может служить Римская империя, и которая объединяет монархическое правительство с народной администрацией, сохранялась более или менее выраженным образом в период правления трех династий".

М. Райнуар слишком далеко задвигает свою теорию о непрерывном сохранении муниципальной власти в городах со времен Римской империи до третьей французской династии; но для моей цели нет необходимости вдаваться в этот вопрос.

[13] Говоря об итальянских республиках Средневековья, М. Сисмонди замечает, говоря о Филиппе делла Торре, которого жители Комо, Верчелли и Бергамо называли *синьором*: "В этих деревнях, не больше, чем в тех, где его брат до этого был в повиновении, народ не мог отказаться от своей свободы: он не хотел выбирать себе мэтра, а только защитника от знати, капитулянта военных, и вершителя правосудия. Опыт подсказал ему слишком поздно, что эти объединенные прерогативы составляют суверена" - *Républiques Italiennes*, vol. iii, ch. 20, p. 273.

[14] Herod. iii, 80. Νόμαιά τε κινεῖ πατρία, καὶ βιάται γυναῖκας, κτείνει τε ἀκρίτους.

[15] Еврипид (*Supplices*, 429) ясно излагает идею τύραννος, как принятую в Греции антитезу законам: -

Οὐδὲν τυράννου δυσμενέστερον πόλει-.

Ὅπου, τὸ μὲν πρῶτιστον, οὐκ εἰσιν νόμοι

Κοινοὶ, κρατεῖ δ' εἷς, τὸν νόμον κεκτημένος

Αὐτὸς παρ' αὐτῷ.

Сравните Soph. *Antigon*. 737. См. также обсуждение в Aristot. *Polit*. iii, sect. 10 и 11, в которых правление царя обсуждается в сравнении с правлением законов; ср. также iv, 8, 2-3.

Человек, называемый "царем по закону", по его мнению, вообще не является царем: Ὁ μὲν γὰρ κατὰ νόμον λεγόμενος βασιλεὺς οὐκ ἐστὶν εἶδος καθάπερ εἴπομεν βασιλείας (iii, 11, 1).

Относительно *ἰσονομίῃ, ἰσηγορίῃ, παρρόησία*, - равных законов и равной речи, - в противоположность монархии, см. Herodot. iii, 142, v. 78-92; Thucyd. iii, 62; Demosthen. ad Leptin. c. 6, p. 461; Eurip. Ion. 671.

О Тимолеоне говорится, что в благодарственном голосовании, принятом после его смерти сиракузским собранием, - ὅτι τοὺς τυράννους καταλύσας, ἀπέδωκε τοὺς νόμους τοῖς Σικελιώταις (Plutarch. Тимoleon. c. 39).

См. Karl Fried. Hermann, Griech. Staatsalterthümer, sect. 61-65.

[16] См. рассказ о Дейокесе, первом медийском царе, в Геродоте, i, 98, очевидно, набросок, нарисованный греческим воображением: также Киропедия Ксенофонта, viii, 1, 40; viii, 3, 1-14; vii, 5, 37 ... οὐ τοῦτω μόνῳ ἐνόμιζε (Κῦρος) χρῆναι τοὺς ἄρχοντας τῶν ἀρχομένων διαφέρειν τῷ βελτίονας αὐτῶν εἶναι, ἀλλὰ καὶ καταγοητεύειν ὥετο χρῆναι αὐτοὺς, etc.

[17] David Hume, Essay xvii, On the Rise and Progress of the Arts and Sciences, p. 198, ed. 1760. Влияние большей или меньшей протяженности территории на характер правительства также хорошо рассмотрено в Destutt Tracy, Commentaire sur l'Esprit des Loix de Montesquieu, ch. viii.

[18] Aristot. Polit. iii, 9, 7; iii, 10, 7-8.

М. Огюстен Тьерри замечает в том же духе, что великие политические изменения, характерные для столь значительной части средневековой Европы в XII и XIII веках, в результате которых образовалось множество различных *коммун* или городских конституций, происходили при большом разнообразии способов и обстоятельств; иногда с помощью насилия, иногда в результате гармоничного согласия.

"Это противоречие, которое должно быть завершено, как противоречие между муниципальными франшизами, полученными в результате восстания, и муниципальными франшизами, полученными по соглашению". При всей сложности проблемы, которую мы видим, остается очевидным, что городские конституции XII и XIII веков, как и все другие политические институты в любое время, могли создаваться с применением силы, в результате военных действий или войны, быть арестованными или уединенными, продаваться или дариться безвозмездно: les grandes révolutions sociales s'accomplissent par tous ces moyens à la fois." - (Aug. Thierry, Récits des Temps Mérovingiens, Préface, p. 19, 2^{de}édit.)

[19] Aristot. Polit. iii, 10, 7. Ἐπεὶ δὲ (*т. е.* после того, как первые цари получили свой день) συνέβαινε γίγνεσθαι πολλοὺς ὁμοίους πρὸς ἀρετὴν, οὐκεὶ ὑπέμενον (τὴν Βασιλείαν), ἀλλ' ἐζήτουν κοινόν τι, καὶ πολιτείαν καθίστασαν.

Κοινόν τι, *коммуна*, великий объект, за который европейские города в средние века, в двенадцатом веке, боролись с такой энергией, и в конечном итоге получили: грамоту о регистрации, и квалифицированную привилегию внутреннего самоуправления.

[20] Определение деспота дается в Корнелиусе Непосе, Vit. Miltiadis, c. 8: "Omnes habentur et dicuntur tyranni, qui potestate sunt perpetuâ in eâ civitate, quæ libertate usa est:" compare Cicero de Republicâ, ii, 26, 27; iii, 14.

Слово *τύραννος*, по словам софиста Гиппия, впервые вошло в греческий язык во времена Архилоха (660 г. до н. э.): Бозэций считает, что оно пришло от лидийцев или фирг (Comment. ad Corp. Inscrip. No. 3439).

[21] Aristot. Polit. v, 8, 2, 3, 4. Τύραννος-ἐκ προστατικῆς ρίξης καὶ οὐκ ἄλλοθεν ἐκβλαστάνει (Plato, Repub. viii, c. 17, p. 565). Οὐδενὶ γὰρ δὴ ἄδηλον, ὅτι πᾶς τύραννος ἐκ δημοκόλακος φύεται (Dionys. Halic. vi, 60): предложение решительно слишком общее.

[22] Aristot. iii, 9, 5; iii, 10, 1-10; iv, 8, 2. Αἰσυμνήται-αὐτοκράτορες μονάρχοι ἐν τοῖς ἀρχαίοις Ἑλλήσι-αἰρετὴ τυραννίς: ср. Theophrastus, fragment. περὶ Βασιλείας, и Dionys. Hal. A. R. v, 73-74; Strabo, xiii, p. 617; и Aristot. Фрагмент. Rerum Publicarum, ed. Neumann, p. 122, Κυραίων Πολιτεία.

[23] Aristot. Polit. v, 8, 2, 3, 4; v, 4, 5. Аристотель ссылается на одну из песен Алкея в качестве доказательства возвышения Питтака: несомненно, очень достаточное доказательство, но мы видим, что у него не было других информаторов, кроме поэтов, об этих ранних временах.

[24] Dionys. Hal. A. R. vii, 2, 12. Правление Аристодема приходится на 510 г. до н. э.

[25] Thucyd. i, 17. Τύραννοι δὲ ὅσοι ἦσαν ἐν ταῖς Ἑλληνικαῖς πόλεσι, τὸ ἐφ' ἑαυτῶν μόνον προορώμενοι ἔς τε τὸ σῶμα καὶ ἔς τὸ τὸν ἴδιον οἶκον αὔξειν δι' ἀσφαλείας ὅσον ἐδύναντο μάλιστα, τὰς πόλεις ὥκουν.

[26] Вахсмут (Hellenische Alterthumskunde, sect. 49-51) и Титтманн (Griechisch. Staatsverfassungen, pp. 527-533) слишком много говорят о предполагаемой дружеской связи и взаимной доброжелательности между деспотом и беднейшими свободными людьми. Общность антипатии к старой олигархии была связью по сути временной, распавшейся, как только эта олигархия была свергнута.

[27] Aristot. Polit. v, 4, 4; 7, 3. Ἐπὶ δὲ τῶν ἀρχαίων, ὅτε γένοιτο ὁ αὐτὸς δημαγωγὸς καὶ στρατηγὸς, εἰς τυραννίδα μετέβαλλον- σχεδὸν γὰρ οἱ πλεῖστοι τῶν ἀρχαίων τυράννων ἐκ δημαγωγῶν γεγόνασι. Αἵτιον δὲ τοῦ τότε μὲν γενέσθαι, νῦν δὲ μὴ, ὅτι τότε μὲν, οἱ δημαγωγοὶ ἦσαν ἐκ τῶν στρατηγούντων- οὐ γάρ πω δεινοὶ ἦσαν λέγειν- νῦν δὲ, τῆς ῥητορικῆς ὑψημένης, οἱ δυνάμενοι λέγειν δημαγωγοῦσι μὲν, δι' ἀπειρίαν δὲ τῶν πολεμικῶν οὐκ ἐπιτίθενται, πλὴν εἴ που βραχὺ τι γέγονε τοιοῦτον.

[28] Aristot. Polit. v, 8, 20. Весь смысл этой восьмой главы (пятой книги) показывает, насколько необузданными были личные страсти, - похоть и гнев, - греческого τύραννος.

Τόν τοι τύραννον εὐσεβεῖν οὐ ῥᾶδιον (Sophokles ap. Schol. Aristides, vol. iii, p. 291, ed. Dindorf).

[29] Aristot. Polit. iii, 8, 3; v, 8, 7. Herodot. v, 92. Геродот рассказывает историю так, будто Фрасибул сам предложил этот намек, заведя посланца Периандра на кукурузное поле и отбив там своей палкой самые высокие колосья: Аристотель меняет их местами и делает советником Периандра: Ливий (i, 54) переносит сцену в Габии и Рим, а Секст Тарквиний выступает в роли человека, посылающего за советом к своему отцу в Рим. Сравните Платон, Repub. viii, c. 17, p. 565; Eurip. Supplic. 444-455.

Дискуссия, которую Геродот приписывает персидским заговорщикам после убийства магийского царя, о том, должно ли персидское правительство быть монархией, олигархией или демократией, демонстрирует чисто греческие идеи, совершенно чуждые восточному представлению о правительстве: но в ней кратко, но с большой проницательностью и проникновенностью излагаются преимущества и недостатки всех трех вариантов. Доводы против монархии, безусловно, самые сильные, в то время как советник, выступающий за монархию, предполагает в качестве части своей аргументации, что отдельный монарх должен быть лучшим человеком в государстве. Поборник антимонархии Отанес завершает длинный ряд обвинений против деспота такими словами, о которых мы уже упоминали выше:

"Он нарушает обычаи страны, он насилует женщин, он предает смерти мужчин без суда". (Herod. iii, 80-82.)

[30] Thucyd. ii, 63. Сравните еще речь Клеона, iii, 37-40, -ὥς τυραννίδα γὰρ ἔχετε αὐτὴν, ἣν λαβεῖν μὲν ἄδικον δοκεῖ εἶναι, ἀφεῖναι δὲ ἐπικίνδυνον.

Горькое настроение против деспотов, по-видимому, было столь же древним, как и Алкей, и мы находим его следы у Солона и Феогниса (Theognis, 38-50; Solon, Fragm. vii, p. 32, ed. Schneidewin). Фаний Эресский собрал в книгу "Убийства деспотов из мести". (Τυράννων ἀναιρέσεις ἐκ τιμωρίας, -Athenæus, iii, p. 90; x, p. 438.)

[31] См. историю Мæандрия, министра и преемника Поликрата Самосского, в Herodotus, iii, 142, 143.

[32] Thucyd. vi, 54. Эпитафия Арчедике, дочери Гиппия (которая была начертана в Лампсакусе, где она умерла), хотя и написанная большим другом Гиппия, передает самую резкую подразумеваемую инвективу против обычных действий деспотов:...

Ἦ πατρός τε καὶ ἀνδρὸς ἀδελφῶν τ' οὔσα τυράννων

Παιδῶν τ' , οὐχ ἥρθη νοῦν ἐς ἀτασθαλίην (Thuc. vi, 59).

Положение Августа в Риме и Писистрата в Афинах можно проиллюстрировать отрывком из Sismondi, Républiques Italiennes, vol. iv, ch. 26, p. 208:-

"Мелкие монархи каждого города выступали против того, чтобы им приписывали право на наследство, потому что наследство, как правило, все время отменялось против них. Те, кто добился успеха в республике, уступили дворянам, более древним и более известным, чем они: те, кто добился успеха у других сеньоров, не считались с правами своих предшественников и были заинтересованы в том, чтобы их убивать. Они считали себя мандатариями народа: они ни разу не получали права на управление городом, даже если он был захвачен оружием, без приписки со стороны древних или собрания народа, в зависимости от того, кто из них или кто из других будет иметь больше документов, титул и полномочия генерального сеньора, на один год, на девять лет или на всю свою жизнь, с фиксированным паем, который должен быть наложен на отрицателей общины."

[33] Обратитесь, в частности, к трактату Ксенофонта под названием Нίηρο, или Τυραννικὸς, в котором поразительно изложены внутренняя жизнь и чувства греческого деспота в предполагаемом диалоге с поэтом Симонидом. Тенор высказываний Платона в восьмой и девятой книгах "Республики" и Аристотеля в пятой книге (гл. 8 и 9) "Политики" отображает ту же картину, хотя и не с такой полнотой деталей. Речь одного из убийц Эвфрона (деспота Сикиона) замечательна как образец греческого чувства (Xenoph. Hellen. vii, 3, 7-12). Выражения Платона и Тацита, касающиеся душевной убогости деспота, являются самыми сильными из всех, которые может предложить язык: Καὶ πένης τῇ ἀληθείᾳ φαίνεται, ἐάν τις ὅλην ψυχὴν ἐπίστηται θεάσασθαι, καὶ φόβου γέμων διὰ παντὸς τοῦ βίου, σφαδασμῶν τε καὶ ὁδυνῶν πλήρης ... Ἀνάγκη καὶ εἶναι, καὶ ἔτι μᾶλλον γίνεσθαι αὐτῷ ἢ πρότερον διὰ τὴν ἀρχὴν, φθονερῶ, ἀπίστῳ, ἀδίκῳ, ἀφίλῳ, ἀνοσίῳ, καὶ πάσης κακίας πανδοκεῖ τε καὶ τροφεῖ, καὶ ἐξ ἀπάντων τούτων μάλιστα μὲν αὐτῷ δυστυχεῖ εἶναι, ἔπειτα δὲ καὶ τοὺς πλησίον αὐτῷ τοιούτους ἀπεργάζεσθαι (Republic, ix, p. 580).

И Тацит, в известном отрывке (Annal. vi, 6): "Neque frustra præstantissimus sapientiæ firmare solitus est, si recludantur tyrannorum mentes, posse aspici laniatus et ictus: quando ut corpora

verberibus, ita sævitiâ, libidine, malis consultis, animus dilaceretur. Quippe Tiberium non fortuna, non solitudines, protegebant, quin tormenta pectoris suasque ipse pœnas fateretur."

Нелегко представить себе власть, более окруженную всеми обстоятельствами, чтобы сделать ее отталкивающей для человека обычной доброжелательности: у греческого деспота было много средств, чтобы причинить вред, - почти не было средств, чтобы сделать добро. Однако приобретение власти над другими при любых условиях - мотив настолько всепоглощающий, что даже этот шаткий и антиобщественный скипетр всегда был очень желанным, - *Τυραννίς, χρῆμα σφαλερὸν, πολλοὶ δὲ αὐτῆς ἐρασταὶ εἰσὶ* (Herod. iii, 53). См. поразительные строки Солона (Фрагмент, vii, изд. Schneidewin), а также высказывание Ясона Ферейского, который заявлял, что испытывает постоянный голод, пока не станет деспотом, - *πεινῆν, ὅτε μὴ τυραννοῖ- ὡς οὐκ ἐπιστάμενος ἰδιώτης εἶναι* (Aristot. Polit. iii, 2, 6).

[34] См. прекрасный Сколион Каллистрата, столь популярный в Афинах, xxvii, p. 456, apud Schneidewin, Poet. Græc.-'Εν μύρτου κλαδί τὸ ξίφος φορήσω, etc.

Ксенофонт, Hiero, ii, 8. *Οἱ τύραννοι πάντες πανταχῇ ὡς διὰ πολεμίας πορεύονται*. Сравните Исократ, Or. viii (De Pace), p. 182; Полибий, ii, 59; Цицерон, Orat. pro Milone, c. 29.

Аристотель. Polit. ii, 4, 8. *Επεὶ ἀδικοῦσί γε τὰ μέγιστα διὰ τὰς ὑπερβολὰς, ἄλλ' οὐ διὰ τὰναγκαῖα οἷον τυραννοῦσιν, οὐχ ἵνα μὴ ῥιγῶσι- διὸ καὶ αἱ τιμαὶ μεγάλαι, ἂν ἀποκτείνῃ τις, οὐ κλέπτῃν, ἀλλὰ τύραννον*.

Невозможно найти более яркое проявление чувства, испытываемого к деспоту в древнем мире, чем замечания Плутарха о Тимолеоне за его поведение, когда он помог предать смерти своего брата, деспота Тимофана (Плутарх, Тимoleon, с. 4-7, и Сравнение Тимолеона с Павлом Эмилием, с. 2). См. также Плутарх, Сравнение Диона и Брута, с. 3, и Плутарх, *Præcepta Reipublicæ Gerendæ*, с. 11, с. 805; с. 17, с. 813; с. 32, с. 824, - он говорит о низложении деспота (*τυραννίδων κατάλυσις*) как о самом великолепном из человеческих подвигов, - и рассказ Ксенофонта об убийстве Ясона Ферейского, Hellenic. vi, 4, 32.

[35] Livy, xxxviii, 50. "Qui jus æquum pati non possit, in eum vim haud injustam esse".

[36] Плутарх, Sept. Sapient. Conviv. с. 2, p. 147, -ὡς ἐρωτηθεὶς ὑπὸ Μολπαγόρου τοῦ Ἰωνος, τί παραδοξότατον εἴης ἑωρακῶς, ἀποκρίναίω, τύραννον γέροντα.- Сравните ответ Фалеса, в том же трактате, с. 7, p. 152.

Оратор Лисий, присутствовавший на Олимпийских играх и увидевший, что в шатрах, украшенных позолотой и пурпуром, присутствуют также и театры сиракузского деспота Дионисия, произнес речь, в которой подстрекал собравшихся греков разрушить шатры (*Λυσιᾶ Λόγος Ὀλυμπιακός*, Fragn. p. 911, ed. Reisk.; Dionys. Halicar. De Lysiâ Judicium, с. 29-30). Теофраст приписывает Фемистоклу аналогичную рекомендацию, касающуюся теоров и призовых колесниц сиракузского деспота Гиеро (Плутарх, Фемистокл, с. 25).

Общие места риторов служат лучшим доказательством того, насколько единодушным было в греческом сознании стремление причислить деспота к самым одиозным преступникам, а человека, предавшего его смерти, - к благодетелям человечества. Ритор Теон, рассуждая об *общих местах*, говорит: *Τόπος ἐστὶ λόγος αὐξητικὸς ὁμολογουμένου πράγματος, ἥτοι ἀμαρτήματος, ἢ ἀνδραγαθήματος. Ἐστὶ γὰρ διττὸς ὁ τόπος- ὁ μὲν τις, κατὰ τῶν πεπονηρευμένων, οἷον κατὰ τυράννου, προδότου, ἀνδροφόνου, ἀσώτου- ὁ δὲ τις, ὑπὲρ τῶν χρηστὸν τι διαπεπραγμένων- οἷον ὑπὲρ τυραννοκτόνου, ἀριστέως, νομοθέτου*. (Theon, Progymnasmata, с. vii, ap. Walz. Coll. Rhett. vol. i, p. 222. Сравните Aphthonius, Progymn. с. vii, p. 82 того же тома, и Dionysius Halikarn. Ars Rhetorica, x, 15, p. 390, ed. Reiske).

[37] Thucyd. i, 13.

[38] Aristot. Polit. iv, 3, 2; 11, 10. Aristot. Rerum Public. Fragm. ed. Neumann. Fragm. v. Εὐβοέων πολιτεῖαι, p. 112; Strabo, x, p. 447.

[39] Aristot. Polit. v, 9, 21. Оракул, как говорят, предсказал сикионцам, что они будут подвергнуты в течение столетия руке бичевателя (Diodor. Fragm. lib. vii-x; Fragm. xiv, ed. Maii).

[40] Herodot. vi, 126; Pausan. ii, 8, 1. Существует некоторая путаница в именах Ортагора и Андреаса; последний называется *поваром* у Диодора (Fragment. Excerpt. Vatic. lib. vii-x, Fragm. xiv). Сравните Либания в Sever. vol. iii, p. 251, Reisk. С некоторой вероятностью предполагается, что под обоими именами обозначен один и тот же человек: эти два имени, похоже, не встречаются у одного и того же автора. См. Плутарх, Ser. Numin. Vind. c. 7, p. 553.

Аристотель (Polit. v, 10, 3), по-видимому, считал, что власть перешла непосредственно от Мирона к Клейстенесу, опуская Аристонида.

[41] Pausan. vi, 19, 2. Элейцы сообщили Павсанию, что медь в этих альковах привезена из Тартесса (юго-западное побережье Испании от Гибралтарского пролива до территории за Кадисом): он отказывается гарантировать это утверждение. Но О. Мюллер считает это несомненным: "Два апартамента инкрустированы тартесской латунью и украшены дорическими и ионическими колоннами. Как архитектурные ордера, использованные в этом здании, так и тартесская латунь, которую фокейцы в то время в большом количестве привезли в Грецию от гостеприимного царя Аргантония, свидетельствуют о сношениях Мирона с азиатами". (Dorians, i, 8, 2.) Также д-р Тирлуолл сообщает: "Медь из Тартесса, которая не так давно была завезена в Грецию". (Hist. Gr. ch. x, p. 483, 2d ed.) Однако, если мы рассмотрим хронологию дела, то увидим, что 33-я Олимпиада (648 г. до н. э.) должна быть раньше, чем первое открытие Тартесса греками, - до того, как случайное путешествие саамского купца Колея впервые сделало этот регион известным для них, и более чем на полвека (по крайней мере) раньше, чем торговля фокейцев с Аргантониусом. Сравните Herod. iv. 152; i, 163, 167.

[42] Herodot. v. 67.

[43] См. выше, т. ii, с. 129, ч. i, гл. 21.

[44] Herod. v, 67. Τοῦτον ἐπεθύμησε ὁ Κλεισθένης, ἔοντα Ἀργεῖον, ἐκβαλεῖν ἐκ τῆς χώρας.

[45] Herod. v, 67. Ἐφρόντιζε μηχανὴν τῇ αὐτὸς ὁ Ἀδρηστος ἀπαλλάξεσθαι.

[46] Ἐπαγαγόμενος δὲ ὁ Κλεισθένης τὸν Μελάνιππον, τέμενος οἱ ἀπέδεξε ἐν αὐτῷ τῷ πρυτανηῖῳ, καὶ μιν ἐνθαῦτα ἴδρυσεν ἐν τῷ ἰσχυροτάτῳ. (Herod. ib.)

[47] Julius Pollux, iii, 83; Plutarch, Quæst. Græc. c. 1, p. 291; Theopompus ap. Athenæum, vi, p. 271; Welcker, Prolegomen. ad Theognid. c. 19, p. xxxiv.

В качестве аналогии к этому названию Кониподов можно привести древние суды правосудия, называвшиеся в Англии судами *пирожников*, *Pieds Poudrés*.

[48] Aristot. Polit. v, 9, 21; Pausan. x, 7, 3.

[49] Herod. v, 68. Τοῦτοις τοῖσι οὐνόμασι τῶν φυλέων ἐχρέωντο οἱ Σικυῶνιοι, καὶ ἐπὶ Κλεισθένης ἄρχοντος, καὶ ἐκείνου τεθνεῶτος ἔτι ἐπ' ἔτεα ἐξήκοντα- μετέπειτα μέντοι λόγον σφισι δόντες, μετέβαλον ἐς τοὺς Ὑλλέας καὶ Παμφύλους καὶ Δυμανάτας- τετάρτους δὲ αὐτοῖσι προσέθεντο ἐπὶ τοῦ Ἀδρήστου παιδὸς Αἰγιαλέος τὴν ἐπωνυμίην ποιούμενοι κεκληθῆσθαι Αἰγιαλέας.

[50] Хронология Ортагора и его династии вызывает недоумение. Памятное жертвоприношение Мирона в Олимпии отмечено 648 годом до н. э., и это должно отбросить начало правления Ортагора к периоду между 680-670 годами. Затем Аристотель говорит нам, что вся династия продолжалась сто лет; но она должна была длиться, вероятно, несколько дольше, так как смерть Клейстенеса вряд ли может быть помещена ранее 560 года до н. э. Война с Киррой (595 год до н. э.) и пифийская победа (582 год до н. э.) относятся к его правлению: но брак его дочери Агаристе с Мегаклесом вряд ли может быть помещен ранее 570 года до н. э., ибо афинянин Клейстенес, сын от этого брака, совершил демократическую революцию в Афинах в 509 или 508 году до н. э. Была ли дочь, которую Мегаклес выдал замуж за Писистрата около 554 года до н. э., также потомком этого брака, как утверждает Ларчер, мы не знаем.

Мегаклес был сыном того Алкмеона, который помогал депутатам, посланным Крёзом Лидийским в Грецию для консультации с различными оракулами, и которого Крёз награждал так щедро, что тот сколотил себе состояние (ср. Herod. i, 46; vi, 125): и брак Мегаклеса был в следующем поколении после этого обогащения Алкмеона, - μετὰ δὲ, γενεῇ δευτέρῃ ὕστερον (Herod. vi, 126). Теперь правление Крёза длилось с 560 по 546 г. до н. э., а его отправление к оракулам в Греции, по-видимому, произошло около 556 г. до н. э.; и если принять эту хронологию, то брак Мегаклеса с дочерью сикионца Клейстенеса не мог состояться значительно позже 556 г. до н. э. См. длинное, но не очень удовлетворительное примечание Ларше, ad Herodot. v, 66.

Но я покажу основания полагать, когда буду рассказывать о беседе Солона и Крёза, что Геродот в своей концепции событий значительно искажает время правления и деятельности Крёза, а также Пейсистрата: это предположение Нибура, которое я считаю очень справедливым, и которое становится еще более вероятным из-за того, что мы находим здесь о преемственности Алкмеонидов. Ведь очевидно, что Геродот представляет себе приключение между Алкмеоном и Крёзом как произошедшее на одно поколение (примерно на двадцать пять или тридцать лет) раньше брака Мегаклеса с дочерью Клейстенеса. Таким образом, это приключение относится к 590-585 гг. до н. э., то есть примерно ко времени предполагаемого собеседования (если оно было реальным) между Солоном и Крёзом, описывающего максимум могущества и процветания последнего.

[51] Müller, Dorians, book i, 8, 2; Thirlwall, Hist. of Greece, vol. i, ch. x, p. 486, 2d ed.

[52] Herod. vi, 127-131. Локуция объясняется так: -Οὐ φροντὶς Ἰπποκλείδῃ: сравните ссылки на нее в Paroemiographi, Zenob. v, 31; Diogenian. vii, 21; Suidas, xi, 45, ed. Шотт.

Красиво рассказано о созыве женихов по приглашению Клистенеса из всех частей Греции, об отличительных чертах и характере каждого из них, а также о пьяном уродстве, в результате которого Гиппоклейдес лишается как благосклонности Клистенеса, так и руки Агаристики, которую он был готов получить. Кажется, что это история, созданная по образцу различных происшествий в старом эпосе, особенно о женихах Елены.

Однако в одном вопросе автор рассказа, похоже, не учел ни хронологических требований, ни исторического положения и чувств своего героя Клейстенеса. Ведь среди женихов, явившихся к Сикиону по приглашению последнего, есть и Леокадес, сын Фидона, аргосского деспота. Враждебность и яростная антипатия к Аргосу, которую Геродот в другом месте приписывает сикионскому Клейстенесу, делает практически невозможным, чтобы сын какого-либо аргосского царя мог стать претендентом на руку Агаристека. Я уже рассказывал о насилии, которое Клейстенес совершил над легендарными чувствами своего родного города, и об оскорбительных именах, которыми он наделил сикионских дорийцев, - все это

было сделано под влиянием сильного антиаргейского чувства. Далее, что касается хронологии: Фейдон, царь Аргоса, жил где-то между 760-730 годами; и его сын никак не мог быть кандидатом в дочери Клейстенеса, чье правление приходится на 600-500 годы до н. э. Хронологи прибегают здесь к обычному средству в затруднительных случаях: они признают второго и более позднего Фейдона, которого, как они утверждают, Геродот спутал с первым: или они изменяют текст Геродота и вместо "сына Фейдона" читают "потомка Фейдона". Но ни одна из этих догадок не имеет под собой никаких оснований: текст Геродота гладкий и четкий, а второй Фейдон нигде больше не засвидетельствован. См. Larcher и Wesseling, *ad loc.*; сравните также том ii, p. 419, часть ii, гл. 4, этой Истории.

[53] Плутарх, De Herod. Malign. с. 21, p. 859.

[54] Pausan. ii, 4, 9.

[55] Aristot. Polit. v, 9, 22; Herodot. v, 92. Рассказ о Кипселе и его оптовых поборах с народа, содержащийся в поддельной второй книге *Σεconomica* Аристотеля, совпадает с общим мнением Геродота (Aristot. *Σεconom.* ii, 2); но я не доверяю утверждениям этого трактата относительно фактов шестого или седьмого веков до нашей эры.

[56] Aristot. Polit. v, 9, 2-22; iii, 8, 3; Herodot. v, 92.

[57] Ephorus, Frag. 106, ed. Marx.; Herakleidês Ponticus, Frag. v, ed. Köhler; Nicolaus Damasc. p. 50, ed. Orell.; Diogen. Laërt. i, 96-98; Suidas, v. Κυψελίδων ἀνάθημα.

[58] Herodot. iii, 47-54. Он подробно описывает эту трагическую историю. Сравните Плутарх, De Herodoti Malignitat. с. 22, p. 860.

[59] Aristot. Polit. v, 3, 6; 8, 9. Плутарх, Amatorius, с. 23, p. 768, и De Serâ Numinis Vindictâ, с. 7, p. 553. Страбон, vii, p. 325; x, p. 452. Scymnus Chius, v, 454, и Antoninus Liberalis, с. iv, который цитирует утраченное произведение под названием Ἀμβρακικὰ Αἴφαναδаса.

[60] См. Mr. Clinton, Fasti Hellenici, ad ann. 625-585 ГГ. ДО Н. Э.

[61] Pausan. v, 2, 4; 17, 2. Strabo, viii, p. 353. Сравните Schneider, Epimetrum ad Xenophon. Anab. p. 570. Сундук видели в Олимпии и Павсаний, и Дио Хризостом (Or. xi, p. 325, Reiske).

[62] Плутарх, De Herodot. Malign. с. 21, p. 859. Если бы Геродот знал или верил, что династия Кипселидов в Коринфе была свергнута Спартой, он не мог бы не упомянуть об этом факте в длинной речи, которую он приписывает коринфскому Сосиклесу (v, 92). Тот, кто читал эту речь, поймет, что вывод от молчания к невежеству в данном случае почти неотразим.

О. Мюллер приписывает Периандру намеренно антидорийскую политику, "продиктованную желанием полностью искоренить особенности дорийской расы. По этой причине он упразднил общественные столы и запретил античное образование". (O. Müller, Dorians, iii, 8, 3.)

Но невозможно доказать, что в Коринфе когда-либо существовали *общественные столы* (συσσίτια) или какое-либо особое образование, аналогичное спартанскому. Если под этими συσσίτια подразумевается не что иное, как общественные банкеты по особым праздничным случаям (см. Welcker, Prolegom. ad Theognid. с. 20, p. xxxvii), то они ни в коем случае не свойственны дорийским городам. Также Феогнид, v, 270, не подтверждает утверждение Велькера о "syssitiorum vetus institutum" в Мегаре.

[63] Aristot. Polit. v, 4, 5; Rhetor. i, 2, 7.

[64] Плутарх, Quæst. Græc. c. 18, p. 295.

[65] Aristot. Polit. iv, 12, 10; v, 2, 6; 4, 3.

[66] Theognis, vv. 682, 715, 720, 750, 816, 914, Welcker's edition:-.

Τῶν εἴη μέλαν αἶμα πιεῖν и т. д.

[67] Theognis, v, 20.-

Κύρνε, πόλις μὲν ἔθ' ἥδε πόλις, λαοὶ δὲ δὴ ἄλλοι,

Οἱ πρόσθ' οὔτε δίκας ἥδεσαν οὔτε νόμους,

Ἀλλ' ἀμφὶ πλευρῇσι δορὰς αἰγῶν κατέτριβον,

Ἔξω δ' ὥστ' ἔλαφοι τῇσδ' ἐνέμοντο πόλεος.

[68] См. особенно строки 500-560, 816-830 в издании Велькера.

[69] Обратитесь к Прологоменам к изданию Феогниса Велькера; также к Прологоменам Шнейдевина (Delectus Elegiac. Poetar. pp. 46-55).

Прологомены Велькера особенно ценны и полны наставлений. Он подробно иллюстрирует тенденцию, характерную для Феогниса и других ранних греческих поэтов, применять слова "хорошо" и "плохо" не по отношению к какому-либо этическому стандарту, а к богатству, противопоставляя его бедности, - знатности и низкому происхождению, - силе и слабости, - консервативной и олигархической политике в противовес новаторству (разделы 10-18). Этический смысл этих слов не совсем неизвестен, но встречается у Феогниса редко: он постепенно вырос в Афинах и стал популяризироваться философской школой Сократа, а также ораторами. Но ранний или политический смысл всегда оставался, и колебания между ними приводили к частым недоразумениям. Постоянное внимание необходимо, когда мы читаем выражения οἱ ἀγαθοὶ, ἐσθλοὶ, βέλτιστοι, καλοκάγαθοι, χρηστοὶ и т. д., или, с другой стороны, οἱ κακοὶ, δεῖλοὶ и т. д., чтобы исследовать, является ли контекст таким, чтобы придать им этический или политический смысл. Велькер, кажется, заходит слишком далеко, когда говорит, что последний смысл "впал в уныние под влиянием сократической философии" (Proleg. sect. 11). (Proleg. sect. 11, p. xxv.) Оба значения сохранились в одно и то же время, как мы видим у Аристотеля (Polit. iv, 8, 2), -σχεδὸν γὰρ παρὰ τοῖς πλείστοις οἱ εὐποροὶ, τῶν καλῶν κάγαθων δοκοῦσι κατέχειν χώραν. Тщательное разграничение иногда встречается у Платона и Фукидида, которые говорят об олигархах как о "лицах, называемых сверхпревосходными", -τοὺς καλοὺς κάγαθοὺς ὀνομαζομένους (Thucyd. viii, 48), -ὑπὸ τῶν πλουσίων τε καὶ καλῶν κάγαθων λεγομένων ἐν τῇ πόλει (Plato, Rep. viii, p. 569).

Такое же двойное значение распространено и в латинском языке: "*Bonique et mali cives appellati, non ob merita in rempublicam, omnibus pariter corruptis: sed uti quisque locupletissimus, et injuriâ validior, quia præsentia defendebat, pro bono habebatur.*" (Sallust, Hist. Fragment. lib. i, p. 935, Cort.) И снова Цицерон (De Republ. i, 34): "Hoc errore vulgi cum rempublicam opes paucorum, non virtutes, tenere cœperunt, nomen illi principes *optimatum* mordicus tenent, re autem carent eo nomine." В "Орациях к Секстиону" Цицерона (ок. 45) эти два значения намеренно смешиваются, когда он дает свое определение *optimus quisque*. Велькер (Welcker, Proleg. s. 12) приводит еще несколько примеров подобного двусмысленного значения. Также нет недостатка в примерах такого же использования языка

в законах и обычаях ранних германцев, -boni homines, probi homines, Rachinburgi, Gudemänner. См. Savigny, Geschichte des Römisch. Rechts im Mittelalter, vol. i, p. 184; vol. ii, p. xxii.

[70] Herod. vi. 128.

[71] Justin. ii, 7.

[72] Pausan. i, 3, 2; Suidas, Ἰππομένης; Diogenian. Centur. Притч. iii, 1. Ἀσεβέστερον Ἰππομένους.

[73] См. Бозех о парианском мраморе в Corp. Inscript. Græc. part 12, sect. 6, pp. 307, 310, 332.

От начала правления Медона, сына Кодруса, до первого годового архонта Креона на Парийском мраморе исчисляется 407 лет, Евсевий 387.

[74] Philochorus ap. Strabo, ix, p. 396. См. Schömann, Antiq. J. P. Græc. b. v, sect. 2-5.

[75] Strabo, ix, p. 392. Филохор и Андрон распространили царство Нисуса от Коринфского перешейка до Пифии (около Ὀenoê) и Элевсиса (Str. ib.); но существует множество различных историй.

[76] Pollux, viii, c. 9, 109-111.

[77] Ион, отец четырех героев, в честь которых были названы эти племена, по одной из версий, был первобытным цивилизационным законодателем Аттики, подобно Ликургу, Нуме или Деукалиону (Plutarch. adv. Kolôten, c. 31, p. 1125).

[78] Таким образом, Еврипид выводит Αἰῡκορεῖς не от αἶξ, козла, а от Αἰῡς, эгиды Athênê (Ion. 1581): он также дает *Телеонта*, происходящего от одноименного *Телеона*, сына Иона, в то время как надписи в Кизикусе согласны с Геродотом и другими, давая Гелеонта. Плутарх (Solon, 25) называет Гедеонта. В афинской надписи, недавно опубликованной профессором Россом (датируемой, по-видимому, первым веком после христианской эры), поклонение Зевсу Гелеону в Афинах было впервые подтверждено, -Διὸς Γελέοντος ἱεροκήρυξ (Ross, *Die Attischen Demen*, pp. vii-ix. Halle 1846).

[79] Плутарх (Solon, c. 25); Страбон, viii, p. 383. Сравните Платон, Крития, стр. 110.

[80] Воескh, Corp. Inscr. Nos. 3078, 3079, 3665. Подробный комментарий к этой последней надписи, в котором Бозех доказывает раннюю историческую реальность классификации по профессиям, на мой взгляд, не является удовлетворительным.

К. Ф. Герман (Lehrbuch der Griechischen Staats Alterthümer, sect. 91-96) дает краткое изложение всего, что можно узнать об этих старых афинских племенах. Сравните Ilgen, De Tribubus Atticis, p. 9, seq.; Tittmann, Griechische Staats Verfassungen, pp. 570-582; Wachsmuth, Hellenische Alterthumskunde, sect. 43, 44.

[81] О науках см. Аристотель. Фрагмент. Rerum Public., p. 89, ed. Neumann; Harpokration, v. Δήμαρχος, Науκράρις; Photius, v. Науκράρις; Pollux, viii, 108; Schol. ad Aristoph. Nubes, 37.

Οἱ πρυτάνεις τῶν Науκράρων, Herodot. v, 71: они вели военные действия, сопротивляясь узурпации Килона.

Утверждение о том, что каждый наварх был обязан предоставить один корабль, вряд ли может быть справедливо для времени до Солона: поскольку Поллукс излагает это, мы

должны думать, что он только выводит это из названия ναύκραρος (Pollux, viii, 108), хотя реальная этимология, скорее, от ναίω (Wachsmuth, Hellen. Alt. sect. 44, p. 240). Возможно, есть основания полагать, что старое значение слова ναύτης также связывало его с ναίω; такое предположение сгладило бы трудности, связанные с функциями ναυτοδίκαι в качестве судей в случаях незаконного приема во фратрии. См. Hesychius and Harpokration, v. Ναυτοδίκαι; и Baumstark, De Curatoribus Emporii, Friburg, 1828, p. 67, seq.: сравните также фрагмент солонийского закона, ἡ ἱερῶν ὀργίων ἡ ναῦται, который Niebuhr предположительно исправляет. Rom. Gesch. v. i, p. 323, 2d ed.; Hesychius, Ναυστήρες-οἱ οἰκέται. См. Pollux, Ναῦλον, и Lobeck, Ῥηματικόν, sect. 3, p. 7; Ἀειναῦται παρὰ Μιλησίοις? Плутарх, Quæst. Græc. c. 32, p. 298.

[82] Meier, De Gentilitate Atticâ, pp. 22-24, полагает, что эта числовая полнота была введена Солоном; но доказательств этому нет, и это не согласуется с общими тенденциями законодательства Солона.

[83] Так и в отношении англосаксонских *тайтинг*ов и *сотен*, а также еще более широко распространенного деления *на сотни*, которое, кажется, пронизывает всю тевтонскую и скандинавскую древность гораздо шире, чем *тайтинг*; нет никаких оснований полагать, что эти точные числовые пропорции были в общей практике реализованы: систематическая номенклатура служила своей цели, обозначая идею градации и тип, к которому фактически было сделано определенное приближение. Мистер Торп замечает по поводу сотни в своем Глоссарии к "Древним законам и институтам Англии", т. 1, *ст. Сотня, тинг, фрид-борг* и т. д. "В Dialogus de Scaccario говорится, что сотня "ex hydarum aliquot centenariis, sed non determinatis, constat: quidam enim ex pluribus, quidam ex paucioribus constat. По одним данным, она состояла именно из ста гидов, по другим - из ста тифлингов, по третьим - из ста свободных семей. Несомненно, что какой бы ни была его первоначальная организация, Сотня, в то время, когда она стала нам известна, сильно отличалась по размерам в различных частях Англии."

[84] См. поучительную надпись в работе профессора Росса (Über die Deme von Attika, p. 26) ο γένος Ἀμυνανδριδῶν, в которой упоминается архонт этого рода, священник Кекропс, Ταμίас, или казначей, и имена членов с указанием дема и племени каждого человека. Сравните Босслер, De Gent. Atticis, p. 53. О своеобразных религиозных обрядах генов, называемых гефиреями, см. Herodot. v, 61.

[85] Φυλαὶ γενικαί, противоположное φυλαὶ τοπικαί.-Dionys. Hal. Ant. Rom. iv, 14.

[86] Plato, Euthydem. p. 302; Aristot. ap. Schol. in Platon. Axioch. p. 465, ed. Bek. Ἀριστοτέλης φησί- τοῦ ὅλου πλήθους διηρημένου Ἀθήνησιν εἶς τε τοὺς γεωργοὺς καὶ τοὺς δημιουργοὺς, φυλὰς αὐτῶν εἶναι τέσσαρας, τῶν δὲ φυλῶν ἐκάστις μοιρὰς εἶναι τρεῖς, ἃς τριττύας τε καλοῦσι καὶ φρατρίας- ἐκάστης δὲ τούτων τριάκοντα εἶναι γένη, τὸ δὲ γένος ἐκ τριάκοντα ἀνδρῶν συνιστάναι- τούτους δὴ τοὺς εἶς τα γένη τεταγμένοις γεννήτας καλοῦσι. Pollux, viii, 3. Οἱ μετέχοντες τοῦ γένους, γεννῆται καὶ ὁμογάλακτες- γένει μὲν οὐ προσήκοντες, ἐκ δὲ τῆς συνόδου οὕτω προσαγορευόμενοι: сравни также iii, 52; Mæris. Atticist. p. 108.

Harpokrat. v. Ἀπόλλων Πατρώος, Θεοίνιον, Γεννῆται, Ὀργεῶνες и др. Etymol. Magn. v. Γεννῆται; Suidas, v. Ὀργεῶνες; Pollux, viii, 85; Demosthen. cont. Eubulid. p. 1319, εἶτα φράτορες, εἶτα Ἀπόλλωνος πατρώου καὶ Διὸς ἐκρίου γεννῆται; и cont. Neæram, p. 1365. Исей использует Ὀργεῶνες как синоним γεννῆται (см. Orat. ii, pp. 19, 20-28, ed. Bek.). Шеманн (Antiq. J. P. Græc. § xxvi) считает их принципиально разными. Φρήτρη и φύλον встречаются в Илиаде, ii, 362. См. диссертацию Буттманна "О значении термина φρατρία" (Mythologus, c. 24, p. 305); а также

работу Мейера "De Gentilitate Atticâ", где хорошо сведены воедино и обсуждены моменты знания, достижимые в отношении гентов.

В Тернейской надписи (№ 2448 ap. Boeckh. Corp. Inscr, см. его комментарий, стр. 310), содержащей завещание Эпиктета, где завещано οἱ συγγενεῖς-ὁ ἀνδρεῖος τῶν συγγενῶν, - это последнее слово означает не родственные или кровные отношения, а разновидность языческого союза - "тиас" или "содалитиум". Boeckh.

[87] Herodot. ii, 143. Ἐκαταίῳ-γενεηλογήσαντί τε ἑωυτὸν καὶ ἀναδῆσαντι τὴν πατριὴν ἐς ἑκκαίδεκατον θεόν. Опять же, γενεηλογήσαντι ἑωυτὸν, καὶ ἀναδῆσαντι ἐς ἑκκαίδεκατον θεόν. Аттическое выражение, -ἀγχίστεια ἱερῶν καὶ ὀσίῳν, - показывает тесную связь между семейными отношениями и общими религиозными привилегиями.- Isæus, Orat. vi, p. 89, ed. Bek.

[88] Isæus, Or. vi, p. 61; ii, p. 38; Demosth. adv. Makartatum, pp. 1053-1075; adv. Leochar. p. 1093. Что касается увековечивания семейных священных обрядов, то среди афинян преобладало то же чувство, что и сейчас в Китае.

Мистер Дэвис замечает: "Сыновья рассматриваются в этой стране, где власть над ними столь абсолютна на протяжении всей жизни, как надежная опора, а также как вероятный источник богатства и достоинства, если они преуспеют в учебе. Но главная цель - увековечение рода, жертвоприношение на семейных могилах. Не имея сыновей, человек живет без почета и удовлетворения и умирает несчастным; и как единственное средство, ему разрешается усыновлять сыновей своих младших братьев.

"Не только в течение жизни человек ищет службы у своих сыновей. Утешением для него в угасающие годы является мысль о том, что они продолжат исполнение предписанных обрядов в зале предков и на семейных могилах, когда его уже не будет; и именно отсутствие этой перспективы делает бездетных вдвойне несчастными. Суеверие проистекает из важности, придаваемой правительством этому виду посмертного долга, пренебрежение которым, как мы видели, карается законами. Действительно, среди всех предметов их заботы нет ни одного, к которому китайцы относились бы столь религиозно, как к гробницам своих предков, полагая, что за любым пренебрежением непременно последует земное несчастье" ("Китайцы", Джон Фрэнсис Дэвис, глава ix, с. 131-134. изд. Knight, 1840).

Г-н Милль отмечает такое же состояние чувств среди индусов: (History of British India, book ii, chap. vii. p. 381, ed. 8vo.)

[89] Xenoph. Hellen. i, 5, 8; Herodot. i, 147; Suidas, Ἀπατοῦρία-Ζεὺς Φράτριος-Ἀθηναία φρατρία, the presiding god of the phratric union.-Plato, Euthydem. c. 28, p. 302; Demosth. adv. Makart. p. 1054. См. Meier, De Gentilitate Atticâ, pp. 11-14.

πάτρια в Византии, которые отличались от θίασοι и обладали корпоративной собственностью (τά τε θιασωτικά καὶ τὰ πατριωτικά, Aristot. Œconomic. ii, 4), несомненно, являются параллелью афинских фратрий.

[90] Dikæarchus ap. Stephan. Byz. v. Πατρά; Aristot. Polit. i, 1, 6: Ὀμοσπίους и ὁμοκάπνους - старые слова, приводимые последним у Харондаса и Эпименида.

[91] Niebuhr, Römische Geschichte, vol. i, pp. 317-337. Язык Varro по этому поводу ясен: "Ut in hominibus quædam sunt cognationes et gentilitates, sic in verbis. Ut enim ab Æmilio homines orti Æmilii et gentiles, sic ab Æmilii nomine declinatæ voces in gentilitate nominali." Paul. Diacon. p.

94. "Gentilis dicitur ex eodem genere ortus, et is qui simili nomine appellatur," etc. См. Becker, Handbuch der Römischen Alterthümer, part 2, abth. 2, p. 36.

Последняя часть определения должна быть вычеркнута для греческих gentes. Отрывок Варро не доказывает историческую реальность первобытного отца, или генара, Эмилия, но он доказывает, что члены рода верили в него.

Д-р Вильда в своем научном труде "Немецкое право" (Галле, 1842) расходится с Нибуром в противоположном направлении и, похоже, утверждает, что греческие и римские генты были действительно дальними кровными родственниками (стр. 123). Как это можно доказать, я не знаю: и это не согласуется с мнением, которое он очень справедливо выдвигает на предыдущей странице (стр. 122), - что эти квазисемьи являются первобытными фактами в раннем человеческом обществе, за пределы которых мы не можем вывести наши исследования. "Чем дальше мы уходим в историю, тем больше сообщество проявляет форму семьи, хотя на самом деле это не просто семья. Это предел исторического исследования, который ни один человек не может преступить безнаказанно" (с. 122).

[92] Diogen. Laërt. v, 1.

[93] См. "Путешествия полковника Лика по Северной Греции", гл. 2, с. 85 (греческое слово φράτρια, по-видимому, было принято в Албании); Boué, La Turquie en Europe, vol. ii, ch. 1, pp. 15-17; chap. 4, p. 530; "Взгляд Спенсера на состояние Ирландии" (т. VI, с. 1542-1543, издание Тонсона "Сочинений Спенсера", 1715 г.); Cyprien Robert, Die Slaven in Turkey, p. 1, гл. 1 и 2.

Так же и в законах короля Альфреда в Англии, касающихся убийства, братья по гильдии или члены одной гильдии приравниваются к дальним родственникам, если нет кровных родственников: "Если человек, не имеющий родственных связей, не может быть убит, то он не может быть убит.

"Если человек, не имеющий родственников по отцовской линии, сразится и убьет человека, то, если у него есть родственники по материнской линии, пусть они заплатят третью часть веры; его братья по гильдии - третью часть; за третью часть пусть бежит. Если у него нет родственников по материнской линии, то пусть его братья по гильдии заплатят половину: за половину пусть бежит..... Если человек убьет человека, находящегося в таком положении, если у него нет родственников, пусть половина будет выплачена королем, половина - его гильдии-братству". (Thorpe, Ancient Laws and Institutes of England, vol. i, pp. 79-81.) Опять же, в той же работе, Leges Henrici Primi, vol. i, p. 596, идеи родства и гильдии сходятся самым тесным образом: "Si quis hominem occidat, - Si eum tunc *cognatio sua* deserat, et pro eo *gildare* nolit" и т. д. В салическом праве члены *контубернуума* были наделены одинаковыми правами и обязанностями по отношению друг к другу (Rogge, Gerichtswesen der Germanen, ch. iii, p. 62). Сравните Вильда, Deutsches Strafrecht, p. 389, и ценный специальный трактат того же автора (Das Gildenwesen im Mittelalter. Berlin, 1831), где раскрывается происхождение и развитие гильдий с первобытных времен германского язычества. Он показывает, что эти ассоциации имеют свою основу в самых ранних чувствах и привычках тевтонской расы, - семья была, как бы, естественной гильдией, гильдия - фиктивной семьей. Общие религиозные жертвоприношения и праздники, взаимная защита и помощь, а также взаимная ответственность были признанными узами среди *конгильдонов*: они были *сороритатами*, а также *братствами*, охватывающими как мужчин, так и женщин (deren Genossen wie die Glieder einer Familie enge unter einander verbunden waren, p. 145). Вильда объясняет, как эта примитивная социальная и религиозная *фратрия* (иногда используется именно это выражение *fratria*, см. с. 109) перешла в нечто вроде более политического племени, или *phylê* (см. с. 43, 57, 60, 116, 126, 129, 344). Клятвенная коммуна, которая так

распространилась по Европе в начале двенадцатого века, является частью и того, и другого, -*conjuratio*, -*amicitia jurata* (стр. 148, 169).

Члены албанской *фары* все вместе обязаны требовать, а каждый в отдельности - страдать от кровной мести в случае убийства, совершенного любым из них (Boué, *ut supra*).

[94] См. ценную главу Niebuhr, *Röm. Gesch.* vol. i, pp. 317, 350, 2d edit.

Альберги Генуи в Средние века были расширенными семьями, созданными на основе добровольного договора: "В течение всего времени (отмечает Сисмонди) могущественные семьи в Генуе имели обыкновение увеличивать свое могущество за счет усыновления других семей, менее богатых, менее известных, или менее многочисленными, - которым они сообщали свое имя и оружие, которые они хотели защищать, - и которые при возвращении ассоциировались со всеми их семьями. Дома, в которые вселялись путем усыновления, назывались альберги, и было не так уж много домов, которые не были перестроены при помощи какой-либо чужой семьи". (*Républiques Italiennes*, t. xv, ch. 120, p. 366.)

Эйххорн (*Deutsche Staats und Rechts-Geschichte*, sect. 18, vol. i, p. 84, 5th edit.) замечает в отношении древних германцев, что германские "*familiæ et propinquitates*", упоминаемые Тацитом (*Germ.* с. 7), и "*gentibus cognationibusque hominum*" Цезаря (*B. G.* vi. 22), имели больше сходства с римским *gens*, чем с кровным или брачным родством. Согласно представлениям некоторых германских племен, даже кровное родство могло быть формально отменено и разорвано со всеми связанными с ним правами и обязанностями по желанию человека: он мог объявить себя *ἐκτοῖντος*, выражаясь греческим языком. См. Титул. 63 Салического закона, цитируемый Эйхгорном, *l. c.*

Профессор Коуторга из Санкт-Петербурга (в своем *Essai sur l'Organisation de la Tribu dans l'Antiquité*, переведенном с русского на французский М. Шопеном, Париж, 1839) проследил и проиллюстрировал фундаментальную аналогию между социальной классификацией в ранние времена греков, римлян, германцев и русских (см. особенно pp. 47, 213). Однако в отношении ранней истории Аттики многие его положения выдвигаются на основе весьма недостоверных свидетельств (см. с. 123 и далее).

[95] Пиндар, *Pyth.* viii, 53; *Isthm.* vi, 92; *Nem.* vii, 103; Страбон, ix, p. 421; *Stephan. Byz.* v. Κῶς; *Herodot.* v, 44; vii, 134; ix, 37; *Pausan.* x, 1, 4; *Kallimachus*, *Lavacr. Pallad.* 33; *Schol.* Пиндар. *Pyth.* ii. 27; *Aristot.* *Pol.* v, 8, 13: Ἀλευάδων τοὺς πρῶτους, Платон, Менон. 1, что обозначает их как многочисленный род. См. *Buttmann*, *Dissert. on the Aleuadæ in the Mythologus*, vol. ii, p. 246. Βακχιάδæ в Коринфе, ἐδίδοσαν καὶ ἤγοντο ἐξ ἀλλήλων (*Herod.* v, 92).

[96] *Harpokration*, v. Ἑτεροβουτάδαι, Βουτάδαι; *Thucyd.* viii, 53; *Plutarch*, *Theseus*, 12; *Themistoklès*, 1; *Demosth.* cont. *Neær.* p. 1365: *Polemo* ap. *Schol.* ad *Soph. Œdip. Kol.* 489; *Плутарх*, *Vit.* x, *Orator.* pp. 841-844. См. диссертацию О. Мюллера, *De Minervâ Poliade*, с. 2.

[97] *Demosth.* cont. *Neær.* p. 1365. Титтманн (*Griechische Staatsverfass*, p. 277) считает, что каждый гражданин после клейстенской революции обязательно был членом какой-то фратрии, а также какого-то дема: но доказательства, которые он приводит, на мой взгляд, недостаточны. Идеи фратрии и племени часто смешиваются вместе; так, эгеиды Спарты, которых Геродот (iv, 149) называет племенем, Аристотель называет фратрией фиванцев (*ap. Schol.* ad *Pindar. Isthm.* vii, 18). Сравните *Wachsmuth*, *Hellenische Alterthumskunde*, sect. 83, p. 17.

Многие демы, по-видимому, получили свои названия от кустарников или растений, которые росли по соседству (*Schol.* ad *Aristophan. Plutus*, 586, Μυρρινούς, Ῥαμνοῦς и т. д.).

[98] Например, Æthalidæ, Butadæ, Kothôkidæ, Dædalidæ, Eiresidæ, Epieikidæ, Eroeadæ, Eupyridæ, Echelidæ, Keiriadæ, Kydantidæ, Lakiadæ, Памботада, Перитеида, Персидæ, Семахидæ, Скамбонидæ, Сибридæ, Титакида, Тиргонидæ, Хибада, Тимæтада, Пæонидæ, Филаида, Чоллида: все эти названия демонов, носящие форму отчества, встречаются только в Гарпократионе и Стефане Византийском. только.

Мы не знаем, что Κεραμεῖς когда-либо составлял γένος, но название дема Κεραμεῖς, очевидно, дано по тому же принципу месту, занятому в основном гончарами. Gens Κοιρώνιδαι, как говорят, назывались Φιλιεῖς (? Φλυεῖς) и Περιθοῖδαι, а также Κοιρώνιδαι: названия gentes и demes, кажется, не всегда можно различить.

Бутады, хотя и были весьма почтенным родом, также относились к демам (см. псефизм о Ликурге у Плутарха, Vit. х. Orator, p. 852): однако мы не знаем, что существовала какая-либо местность под названием Бутады. Возможно, некоторые из вышеупомянутых названий являются просто названиями gentes, зачисленных в демы, но не подразумевающих никакого сообщества проживания между членами.

Члены римского gens в некоторых случаях занимали соседние дома - в какой степени, мы не знаем (Heiberg, De Familiari Patriciorum Nexu, ch. 24, 25. Sleswic, 1829).

Такие же патронимические названия имений и деревень мы находим и в других местах: в Косе и на Родосе (Ross, Inscr. Gr. ined, Nos. 15-26. Halle, 1846); *Lêstadæ* на Наксосе (Aristotle ap. Athenæ. viii, p. 348); *Botachidæ* в Терее (Steph. Byz. in v); *Branchidæ*, около Милета, и т.д.; и интересной иллюстрацией является частота окончания *ikon* в деревнях около Цюриха в Швейцарии, - *Mezikon*, *Nennikon*, *Wezikon*, и т.д. Блюнчли в своей истории Цюриха показывает, что эти окончания являются сокращением *inghoven*, включающим первоначальный элемент отчества, - что указывает на первичное поселение членов семьи или группы, носящей имя своего капитана, на одном и том же месте (Blüntschli, Staats und Rechts Geschichte der Stadt Zurich, vol. i, p. 26).

В других надписях с острова Кос, опубликованных профессором Россом, упоминается дем (без названия), состоящий из трех объединяющихся родов: "In hoc et sequente titulo alium jamprehendimus *demum Coum*, e tribus gentibus appellatione patronymicâ conflatum, Antimachidarum, Ægiliensium, Archidarum." (Ross, Inscript. Græc. Ined. Fascic. iii, No. 307, p. 44. Berlin, 1845.) Это пример процесса, систематически введенного Клейстенесом в Аттике.

[99] Плутарх, Солон. 21. Мы находим общее кладбище, принадлежащее исключительно роду и упорно сохраняющееся (Demosth. cont. Eubulid. p. 1307; Cicero, Legg. ii, 26).

[100] Demosth. cont. Makartat. p. 1068. См. единственное дополнительное условие у Плутарха, Солон, с. 20.

[101] См. Meursius, Themis Attica, i, 13.

[102] Что это был первобытный обычай, и что ограничение μέχρις ἀνεψιαδῶν (Meier, De Bonis Damnat. p. 23, цитирует ἀνεψιαδῶν καὶ φρατέρων) был введен впоследствии (Demosth. cont. Euerg. et Mnesib. p. 1161), мы можем понять из закона, как он изложен в Demosth. cont. Makartat. p. 1069, который включает в себя фразеологизмы, а значит, *à fortiori*, и gennêtes, или язычников.

Одним и тем же словом γένος обозначается как круг поименованных родственников, братьев, первородных (ἀγχιστεῖς, Demosth. cont. Makartat. с. 9, p. 1058) и т. д., выходящий за пределы οἶκος, - так и квазисемья, или gens. По мере того как языческая связь ослабевала, первый

смысл слова становился все более и более актуальным, к исчезновению второго. Οἱ ἐν γένει, или οἱ προσήκοντες, имели бы более широкий смысл во времена Драко, чем во времена Демосфена: Συγγενῆς обычно относится к γένος в более узком смысле, γεννήτης - к γένος в более широком; но Исей иногда использует первое слово как точный эквивалент второго (Orat. vii, pp. 95, 99, 102, 103, Bekker). Τριάκς, кажется, отмечен у Поллукса как эквивалент γένος, или gens (viii, 111), но это слово не встречается у аттических ораторов, и мы не можем с уверенностью определить его значение: надпись деми Пейреев, приведенная у Бёкха (Corp. Insc. No. 101, p. 140,) скорее усугубляет путаницу, показывая существование τριάκς, составляющего дробную часть дема и не связанного с родом: сравните комментарий Боэция *ad loc.* и его "Дополнения и исправления", p. 900.

Д-р Тирлуолл переводит γένος как "дом", что я не могу не считать неудобным, поскольку это слово является естественным эквивалентом οἶκος, - очень важного слова в отношении аттических чувств, и совершенно отличного от γένος (Hist. of Greece, vol. ii, p. 14, ch. 11). Невозможно перевести его каким-либо известным английским словом, которое в то же время не наводило бы на ошибочные мысли, что, я надеюсь, будет принято как оправдание за то, что я включил его без перевода в эту Историю.

[103] Demosthen. cont. Makartat l. c.

[104] См. Æschines de Falsâ Legat. p. 292, c. 46; Lysias cont. Andokid. p. 108; Andokid. de Mysteriis, p. 63, Reiske; Deinarchus and Hellanikus ap. Harpokration. v. ἱεροφάντης.

В случае преступлений нечестия, в особенности преступлений против святости мистерий, у эвмолпидов был особый трибунал из их числа, перед которым преступники представляли по приказу царя-архонта. Часто ли он использовался, представляется сомнительным; у них были также некоторые неписанные обычаи большой древности, согласно которым они произносили (Demosthen. cont. Androtion. p. 601; Schol. ad Demosth. vol. ii, p. 137, Reiske: ср. Meier and Schömann, Der Attische Prozess, p. 117). У бутадцев также были некоторые старые неписанные максимы (Androtion ap. Athenæ. ix, p. 374).

Сравните Bossler, De Gentibus et Familiis Atticæ, p. 20, и Ostermann, De Præconibus Græcor. sect. 2 и 3 (Марбург, 1845).

[105] Оратор Ликург описывается как τὸν δῆμον Βουτάδης, γένους τοῦ τῶν Ἐτεοβουταδῶν (Plutarch, Vit. x. Orator. p. 841).

[106] В надписи (apud Boeckh. Corpus Inscrit. No. 465).

Сохранились четыре имени фратрий в греческом городе Неаполис и шесть имен из тридцати римских курий (Becker, Handbuch der Römischen Alterthümer, p. 32; Boeckh, Corp. Inscript. ii, p. 650).

Каждая аттическая фратрия, по-видимому, имела свои собственные законы и обычаи, отличные от остальных, τοῖς φράτορι, κατὰ τοὺς ἐκείνων νόμους (Isæus, Or. vii, p. 115, ed. Bek.; vii, p. 99; iii, p. 49).

Босслер (De Gentibus et Familiis Atticæ, Darmstadt, 1833) и Мейер (De Gentilitate Atticâ, pp. 41-54) дали названия тех аттических гентов, которые известны: список Мейера насчитывает семьдесят девять (см. Koutorga, Organis. Trib. p. 122).

[107] Титтманн (Griech. Staats Alterthümer, p. 271) считает, что Клейстенес увеличил число фратрий, но приводимый в поддержку этого мнения отрывок Аристотеля не является

достаточным доказательством (Polit. vi, 2, 11). Тем более мы не можем согласиться с Платнером (Beyträge zur Kenntniss des Attischen Rechts, pp. 74-77), что каждому из новых племен Клейстена было назначено по три новых фратрии.

У Гесихия, Ἀτριάκαστοι, Ἐξω τριακάδος, упоминаются лица, не включенные ни в один род, но это вряд ли можно понимать как относящееся к временам до Клейстенеса, как утверждает Вахсмут (стр. 238).

[108] Язык Фотия по этому вопросу (v. Ναυκραρία μὲν ὁποῖόν τι ἡ συμμορία καὶ ὁ δῆμος-ναύκραρος δὲ ὁποῖόν τι ὁ δῆμαρχος) точнее, чем у Гарпократия, который полностью отождествляет эти два понятия, - v. Δήμαρχος. Если верно, что наукрарии были сохранены при Клейстене, с тем изменением, что их число было увеличено до пятидесяти, по пять на каждое племя Клейстена, то они, вероятно, были сохранены только в названии, без какой-либо реальной эффективности или функции. Клейдекмус делает такое заявление, и Боехх следует ему ("Общественное хозяйство Афин", т. ii, гл. 21, с. 256): однако я не могу не сомневаться в его правильности. Ведь τριττὺς (одна треть клейстенского племени), безусловно, сохранялась и была рабочим и доступным делением (см. Dêmosthenês de Symmoriis, с. 7, p. 184), и вряд ли возможно, чтобы существовало два сосуществующих деления, одно из которых представляло бы третью часть, а другое - пятую часть одних и тех же племен.

[109] Strabo, ix, p. 396.

[110] Strabo, ix, p. 396, πετρὰ ἐν πεδίῳ περιεκουμένη κύκλῳ. Эврипид. Ion, 1578, σκόπελον οἱ ναίουσ' ἐμόν (Athênê).

[111] Thucyd. ii, 15; Theophrast. Charact. 29, 4. Плутарх (Тесей, 24) описывает действия Тесея более подробно и с более сильным оттенком демократизма.

[112] Pausan. i, 2, 4; 38, 2; Diodor. Sicul. iv, 2; Schol. ad Aristophan. Acharn. 242.

Афиняне перенесли из Элевтеры в Афины и почтенную статую Диониса, и религиозную церемонию в честь этого бога. Павсаний утверждает, что присоединение города к Афинам произошло из-за ненависти его жителей к Фивам, и, должно быть, до 509 года до н. э.; примерно в этот период мы находим Гизис пограничным демом Аттики (Herodot. v, 72; vi, 108).

[113] Thucyd. ii, 15, 16. οὐδὲν ἄλλο ἢ πόλιν τὴν ἑαυτοῦ ἀπολείπων ἕκαστος,- относящийся к афинянам из этой страны, которые были изгнаны в Афины при первом вторжении во время Пелопоннесской войны.

[114] Etymologicon Magn. v. Ἐπακρία χωρά; Strabo, viii, p. 383; Stephan. Byz. v. Τετράπολις.

В состав τετράκωμοι входили четыре дема: Πειραιεῖς, Φαληρεῖς, Ξυπετεῶνες, Θυμοίταδαι (Pollux, iv, 105): в том, что это старое деление, однако, есть сомнения (см. Ilgen, De Tribubus Atticis, p. 51).

Ἐπακρέων τριττὺς упоминается в надписи apud Ross (Die Demen von Attika, p. vi). Сравните Voeckh ad Corp. Inscr. No. 82: среди прочих владений в него входил дем Плотея. Μεσογᾶ также (или, скорее, Месогей, οἱ Μεσόγειοι) представляется как община для жертвоприношений и религиозных целей, и как содержащая дем Батк. См. Inscriptiones Atticæ nuper repertæ duodecim, by Ern. Curtius; Berlin, 1843; Inscript. i, p. 3. Точное местоположение дема Батэ в Аттике неизвестно (Ross, Die Demen von Attika, p. 64); а в

отношении вопроса, какая часть Аттики называлась Месогей, выдвигались самые разные предположения, которые, похоже, нет возможности проверить. Сравните Schömann de Comitiiis, p. 343, и Wordsworth, Athens and Attica, p. 229, 2d edit.

[115] Dikæarchus, Fragm. p. 109, ed. Fuhr; Plutarch, Theseus, c. 33.

[116] Например, между палленейцами и агнусийцами (Plutarch, Theseus, 12).

Ахарнаэ был самым большим и многолюдным демом в Аттике (см. Ross, Die Deme von Attika, p. 62; Thucyd. ii, 21); однако Филохор не упоминает его как когда-либо составлявший существенный πόλις.

Некоторые из демонов, по-видимому, пользовались известностью благодаря особым качествам, хорошим или плохим: см. Aristophan. Acharn. 177, с примечанием Элмсли.

[117] Strabo, ix, p. 396; Plutarch, Theseus, 14. Полемон написал книгу специально об одноименных героях аттических демонов и племен (Preller. Polemonis Fragm. p. 42): аттидографы были богаты на ту же тему: см. фрагменты Аттиса Элланика (p. 24, ed. Preller), а также Истра, Филохора и др.

[118] J. H. Voss, Erläuterungen, p. 1: см. Гимн, 96-106, 451-475: ср. Hermesianax ap. Athen. xiii, p. 597.

[119] Herodot. i, 30.

[120] Dikæarch. Vita Græciæ, p. 141, Fragm. ed. Fuhr.

[121] Плутарх, Тесей, с. 25: Dionys. Hal. ii, 8.

[122] Этимологический. Магн. Εὐπατρίδαι-οἱ αὐτὸ τὸ ἄστυ οἰκοῦντες, καὶ μετέχοντες τοῦ βασιλικοῦ γένους, καὶ τὴν τῶν ἱερῶν ἐπιμέλειαν ποιοῦμενοι. К βασιλικὸν γένος относятся не только Кодриды, но и Эрехтеиды, Пандиониды, Паллантиды и т. д. См. также Плутарх, Тесей, с. 24; Исихий, Ἀγροῖται.

Однако Исократес, похоже, говорит о большом роде Алкмæонидов как о не входящем в число евпатридов. (Orat. xvi, De Bigis, p. 351, p. 506, Bek.)

[123] Meier und Schömann, Der Attische Prozess. Einleitung, p. 10.

[124] Plutarch, Solon, c. 19; Aristotle, Polit. ii. 9, 2; Cicero, De Offic. i. 22. Поллукс, по-видимому, придерживается мнения, что Солон впервые учредил сенат ареопага (viii, 125).

[125] Pollux, viii, 89-91.

[126] Мы читаем θεσμοθέτων ἀνάκρισις в Demosthen. cont. Eubulidem, c. 17, p. 1319, и Pollux, viii, 85; ряд вопросов, на которые они должны были ответить, прежде чем их допустят к исполнению своих обязанностей. Подобные вопросы должны были задаваться архонту, басилею и полемарху: Так что слова θεσμοθέτων ἀνάκρισις можно с полным основанием отнести ко всем девяти архонтам, как, впрочем, и слова τοὺς ἐννέα ἄρχοντας ἀνακρίνετε вскоре после этого, с. 1320.

[127] О слове θέμιςτες в гомеровском смысле см. выше, т. ii, гл. xx.

И Аристотель (Polit. ii, 9, 9), и Демостенес (contr. Euerg. et Mnêsibul. с. 18, р. 1161) называют таинства Драко νόμοι, а не θεσμοί. Андокидес различает θεσμοί Драко и νόμοι Солона (De Mysteriis, р. 11). Это сравнительно современное выражение; Солон называл свои законы θεσμοί. Клятва περίπολοι ἔφηβοι (молодых людей, составлявших вооруженную полицию Аттики в течение первых двух лет их военного возраста), приведенная у Поллукса (viii, 106), кажется, содержит по крайней мере много древних фраз: Эта фраза, -καὶ τοῖς θεσμοῖς τοῖς ἰδρυμένοις πείσομαι, - замечательна, так как она указывает на древнюю ассоциацию религиозной санкции, которая прикреплялась к слову θεσμοί; Ибо ἰδρύεσθαι - это слово, используемое для обозначения установления и обитания богов, защищавших страну, - θέσθαι νόμους является более поздним выражением для создания законов. Сравните Stobæus De Republic. xliii, 48, ed. Gaisford, и Dêmosthen. cont. Makartat. с. 13, р. 1069.

[128] Ὅτε θεσμός ἐφάνη ὅδε, - таково точное выражение закона Солона (Плутарх, Солон, с. 19); слово θεσμός встречается в стихах самого Солона, θεσμούς δ' ὁμοίους τῷ κακῷ τε κάγαθῷ.

[129] Aristot. Polit. ii, 9, 9; Rhetoric. ii. 25, 1; Aulus Gell. N. A. xi, 18; Pausanias, ix, 36, 4; Plutarch, Solon, с. 19; хотя Pollux (viii, 42) с ним не согласен. Тейлор, Lectt. Lysiacæ, ch. 10.

Относительно θεσμοί Драко см. Kuhn. ad Ælian. V. II. viii, 10. Предварительное предложение, которое Порфирий (De Abstinentiâ, iv, 22) приписывает Драко, вряд ли может быть подлинным.

[130] Pausanias, ix, 36, 4. Δράκοντος Ἀθηναίοις θεσμοθετήσαντος ἐκ τῶν ἐκείνου κατέστη νόμων οὓς ἔγραφεν ἐπὶ τῆς ἀρχῆς, ἄλλων τε ὁπόσων ἄδειαν εἶναι χρή, καὶ δὴ καὶ τιμωρίας μοιχοῦ: compare Dêmosthen. cont. Aristokrat. р. 637; Lysias de Cæde Eratosthen. р. 31.

[131] Harpokration, vv. Ἐφέται, Ἐπὶ Δελφίνῳ, Ἐπὶ Παλλαδίῳ, Ἐν Φρεαττοῖ; Pollux, viii, 119, 124, 125; Photius, v. Ἐφέται; Hesychius, ἐς Φρέατου; Dêmosthen. cont. Aristokrat. с. 15-18, pp. 642-645; cont. Makartat. с. 13, р. 1068. Когда Поллукс говорит о пяти судах, в которых судили эфеты, он, вероятно, включает ареопаг (см. Dêmosth. cont. Aristokrat. с. 14, р. 641).

О судьях ἐν Φρεαττοῖ см. Aristot. Polit. iv, 13, 2. Об общем предмете этого древнего и неясного уголовного процесса см. Matthiæ, De Judiciis Atheniensium (в Miscellan. Philologie, vol. i, р. 143, seq.); также Schömann, Antiq. Jur. Pub. Att. sect. 61, р. 288; Platner, Prozess und Klagen bey den Attikern, b. i, ch. 1; и E. W. Weber, Comment. ad Dêmosthen. cont. Aristokrat. pp. 627, 641; Meier und Schömann, Attisch. Prozess, pp. 14-19.

Я не могу считать эфетов судьями в апелляции, и я согласен с теми (Schömann, Antiq. Jur. Pub. Gr. р. 171; Meier und Schömann, Attisch. Prozess, р. 16; Platner, Prozess und Klagen, t. i, р. 18), которые не доверяют этимологии, связывающей это слово с ἐφέσιμος. Активный смысл слова, родственный ἐφίεμαι (Æsch. Prom. 4) и ἐφετμή, подходит лучше: см. O. Müller, Prolegg. ad Mythol. р. 424 (хотя нет оснований считать, что эфет старше Драко): сравните, однако, K. F. Hermann, Lehrbuch der Griechischen Staats Alterthümer, sects. 103, 104, который считает иначе.

Суд, осуждение и изгнание неодушевленных предметов, ставших причиной смерти, были основаны на чувствах, широко распространенных в греческом мире (см. Pausan. vi, 11, 2; и Theokritus, Idyll, xxiii, 60): аналогично английскому закону в отношении deodand и духу, пронизывающему древнегерманские кодексы в целом (см. Dr. C. Trümmer, Die Lehre von der Zurechnung, с. 28-38. Hamburg, 1845).

Германские кодексы не ограничиваются общим обязательством умиротворить родственников и язычников убитого, но заранее определяют сумму, достаточную для этой цели, которая в случае невольного убийства выплачивается оставшимся в живых родственникам в качестве компенсации; о различии между виновным убийством, оправданным убийством и случайным убийством см. подробный трактат Вильды, *Das Deutsche Strafrecht*, ch. viii, pp. 544-559, доктрина которого, однако, оспаривается д-ром Трюммером в вышеупомянутом трактате.

В Риме, согласно Двенадцати таблицам и ранее, невольное убийство должно было быть искуплено жертвоприношением барана (Walter, *Geschichte des Römisch. Rechts*, sect. 768).

[132] Dêmosthen. cont. Euerg. et Mnêsib. p. 1161.

[133] Dêmosthen. cont. Aristokrat. p. 647. τοσοῦτοις δικάστηρίοις, ἃ θεοὶ κατέδειξαν, καὶ μετὰ ταῦτα ἄνθρωποι χρῶνται πάντα τὸν χρόνον, p. 643. -οἱ ταῦτ' ἐξαρχῆς τὰ νόμισμα διαθέντες, οἵτινές ποθ' ἦσαν, εἴθ' ἦρωες, εἴτε θεοί. См. также Oration cont. Makartat. p. 1069; Æschin. cont. Ktesiphon. p. 636; Antiph. De Cæde Herodis, c. 14.

В народном дикастерии в эпоху Исократа и Деместенека проводились заседания ἐπὶ Παλλαδίῳ для рассмотрения обвинений в непреднамеренном убийстве - яркое свидетельство особой святости места для этой цели (см. Isokrat. cont. Kallimachum, Or. xviii, p. 381; Dêmosth. cont. Neær. p. 1348).

Утверждение Поллукса (viii, 125), что эфеты стали презираемы, не подтверждается языком Демостенеса.

[134] Плутарх, Солон, с. 19; Aristot. Polit. ii, 9, 2.

[135] Читайте по этому вопросу максимы, изложенные Платоном (Legg. xii, p. 941). Тем не менее, в своих положениях об убийстве Платон в значительной степени копирует порядки эфесских трибуналов (Legg. ix. pp. 865-873).

[136] Я не знаю места, где бы так мощно подчеркивалась особая пригодность отдельных местностей, освященных каждая для своей цели, как в речи Камилла против переноса Рима в Вейи (Livy, v, 52).

[137] Повествование приводится в Thucyd. i, 126; Herod. v, 71; Plutarch, Solon, 12.

[138] Aristophan. Equit. 445, и Схолии; Herodot. v, 70.

[139] Плутарх, Солон, с. 12. Если бы история о разрыве шнура была правдой, Фукидид вряд ли мог бы не заметить ее; но нет причин сомневаться, что это была настоящая защита, на которой настаивали Алкмеониды.

Когда Эфес был осажден Крёзом, жители искали защиты для своего города, посвятив его Артемиде: они пронесли шнур от стен города до святилища богини, которое находилось за стенами (Herod. i, 26). Саамский деспот Поликратес, посвящая Делийскому Аполлону соседний остров Реней, соединил его с островом Делос с помощью цепи (Thucyd. iii, 104).

Эти аналогии иллюстрируют мощное воздействие видимой или материальной непрерывности на греческое воображение.

[140] Herodot. i, 61.

[141] См. Thucyd. v, 16, и его высказывания о Плейстоанаксе из Спарты.

[142] Плутарх, Солон, с. 12. Καὶ φόβοι τινὲς ἐκ δεισιδαιμονίας ἅμα καὶ φάσματα κατεῖχε τὴν πόλιν, etc.

[143] Lobeck, Aglaophamus, ii, p. 313; Hoesckh, Kreta, iii, 2, p. 252.

[144] Утверждения, касающиеся Эпименидеса, собраны и обсуждены в трактате Генриха, Epimenides aus Kreta. Leipsic, 1801.

[145] Диоген. Laërt. i, 114, 115.

[146] Плутарх, Солон, с. 12; Диоген. Laërt. i, 109-115; Плиний, Н. N. vii, 52. Θεοφιλὴς καὶ σοφὸς περὶ τὰ θεῖα τὴν ἐνθουσιαστικὴν καὶ τελεστικὴν σοφίαν, etc. Максим. Tyrius, xxxviii, 3, δεινὸς τὰ θεῖα, οὐ μαθὼν ἀλλ' ὕπνον αὐτῷ διηγείτο μακρὸν καὶ ὄνειρον διδάσκαλον.

Ἰατρόμαντις, Æschyl. Supplic. 277; Καθαρτὴς, Iamblichus, Vit. Pythagor. c. 28.

Плутарх (Sept. Sapient. Conviv. p. 157) рассматривает Эпименида просто как жившего в соответствии с предписаниями орфической жизни или растительной диеты: к этому обстоятельству, я полагаю, следует отнести Платона (Legg. iii, p. 677), хотя это не очень ясно. См. фрагмент утраченного "Кртемеса" Еврипида, стр. 98, изд. Диндорф.

Карманор из Тарры в Кретах очистил самого Аполлона за убийство Пифона (Pausan. ii, 30, 3).

[147] Plutarch, De Musicâ, pp. 1134-1146; Pausanias, i, 14, 3.

[148] Цицерон (Legg. ii, 11) утверждает, что Эпименидес приказал воздвигнуть в Афинах храм Ὑβρις и Ἀναίδεια (насилию и дерзости): Клеменс говорит, что он воздвиг *алтари* тем же двум богиням (Protrepticon, p. 22): Теофраст говорит, что в Афинах были *алтари* (не упоминая Эпименидес) им же (ap. Zenobium, Proverb. Cent. iv, 36). Истер говорит о ἱερὸν Ἀναιδείας в Афинах (Istri Fragm. ed. Siebelis, p. 62). Я сомневаюсь, что эта история имеет какое-либо другое основание, кроме факта, указанного Павсанием, что камни, которые ставились перед трибуналом ареопага, чтобы обвинитель и обвиняемый могли стоять на них, назывались этими именами: Ὑβρεως - обвиняемый; Ἀναιδείας - обвинитель (i, 28, 5). Путаницу между камнями и алтарями нетрудно понять. Другая история, рассказанная Неантесом Кизикским об Эпимениде, что он принес двух юношей в человеческую жертву, была ясно признана Полемою неправдою: она читается совершенно как роман (Athenæus, xiii, p. 602).

[149] Плутарх. Præcept. Reipubl. Gerend. c. 27, p. 820.

[150] Diogen. Laërt. I. c.

[151] Plato, Legg. i, p. 642; Cicero, De Divinat. i, 18; Aristot. Rhet. iii, 17.

Платон помещает Эпименида за десять лет до персидского вторжения в Грецию, тогда как его реальная дата близка к 600 г. до н. э.; замечательный пример небрежности в отношении хронологии.

[152] О характеристиках этой эпохи см. вторую главу трактата Генриха, на который мы уже ссылались, "Крета и Грехенланд в образе чудес".

[153] Plato, Kratylus, p. 405; Phædr. p. 244.

[154] Eurip. Hippolyt. 957; Plato, Republ. ii, p. 364; Theophrast. Charact. c. 16.

[155] Herodot. i, 60.

[156] Плутарх, Солон, i; Диоген. Laërt. iii, 1; Aristot. Polit. iv, 9, 10.

[157] Плутарх, Солон, v.

[158] Plutarch, Solon, viii. Это была поэма из ста строк, χαριέντως πάνυ πεποιεμένων.

Диоген говорит нам, что "Солон читал стихи народу через глашатая" - утверждение, не лишённое вкуса и точности, и которое портит весь эффект энергичного экзордизма, Ἀυτὸς κήρυξ ἦλθον ἀφ' ἱμερτῆς Σαλαμῖνος, и т.д.

[159] Плутарх, l. c.; Диоген. Laërt. i, 47. И Геродот (i, 59), и некоторые авторы, которых читает Плутарх, приписывают Пейсистрату активное участие в войне с мегарянами и даже захват Ниссеи, порта Мегары. Первая узурпация Писистрата произошла в 560 году до н. э., и мы с трудом можем поверить, что он мог быть заметным и известным в войне, которая велась не менее чем за сорок лет до этого.

Далее будет видно - см. [примечание](#) о беседе Солона с Крёзом в конце этой главы, - что Геродот, а возможно, и другие авторы, считали солоновское законодательство более поздним, чем оно есть на самом деле; вместо 594 года до н. э. они поместили его ближе к узурпации Писистрата.

[160] Плутарх, Солон, κυρίου εἶναι τοῦ πολιτεύματος. Строгое значение этих слов относится только к *управлению* островом; но почти наверняка подразумевается, что они будут основаны на нем как клерухи, или владельцы земли, не имея в виду, что *все* существовавшие ранее владельцы будут изгнаны.

[161] Плутарх, Солон, 8, 9, 10. Однако Даймах из Платеи отрицает личную причастность Солона к Саламинской войне (Плутарх, сб. "Солон и общество", с. 4).

Полиэн (i, 20) приписывает Солону другую хитрость: ср. Илиан, V. H. vii, 19. Вряд ли стоит говорить, что мегарцы рассказывали о том, как они потеряли остров, совершенно иначе: они приписывали это вероломству некоторых изгнанников (Pausan. i, 40, 4): ср. Юстин, ii, 7.

[162] Aristot. Rhet. i, 16, 3.

[163] Плутарх, Солон, 10: ср. Aristot. Rhet. i, 16. Алкивиад вел свой γένος от Эврисакеса (Плутарх, Алкивиад. с. 1); Мильтиад вел свой от Филея (Herodot. vi, 35).

Согласно утверждению Херея Мегарийского, и у его соотечественников, и у афинян был один и тот же способ погребения: и те, и другие хоронили умерших лицом на запад. Это утверждение, таким образом, не является доказательством каких-либо особенностей афинского обычая погребения.

Эврисакей, или участок, посвященный герою Эврисаксу, находился в деме Мелиток (Harpokrat. ad v), который составлял часть города Афины.

[164] Æschin. Fals. Legat. p. 250, с. 14.

[165] Плутарх, Солон, с. 13. Язык Плутарха, в котором он говорит о педях как о представителях олигархической тенденции, а о диакриях как о представителях демократической, не совсем точен в применении к временам Солона. Вряд ли можно сказать, что демократические притязания как таковые тогда существовали.

[166] Плутарх, Солон, 13. Ἄπας μὲν γὰρ ὁ δῆμος ἦν ὑπόχρεως τῶν πλουσίων- ἢ γὰρ ἐγεώργουν ἐκείνοις ἔκτα τῶν γινομένων τελοῦντες, ἐκτημόριοι προσαγορευόμενοι καὶ θῆτες- ἢ χρέα λαμβάνοντες

ἐπὶ τοῖς σώμασιν, ἀγώγιμοι τοῖς δανείζουσιν ἦσαν- οἱ μὲν αὐτοῦ δουλεύοντες, οἱ δὲ ἐπὶ τῇ ξένῃ πιπρασκόμενοι. Πολλοὶ δὲ καὶ παῖδας ἰδίους ἠναγκάζοντο πωλεῖν, καὶ τὴν πόλιν φεύγειν διὰ τὴν χαλεπότητα τῶν δανειστῶν. Οἱ δὲ πλεῖστοι καὶ ῥωμαλεώτατοι συνίσταντο καὶ παρεκάλουν ἀλλήλους μὴ περιορᾶν, и т. д.

Об этих hektêmorî, "арендаторах, платящих одну шестую часть", мы не находим почти никаких сведений: они только упоминаются у Исихия (ст. Ἑκτὴμοροι, Ἐπίμωρτος) и у Поллукса, vii, 151; от него мы узнаем, что ἐπίμωρτος γῆ было выражением, встречающимся в одном из солонийских законов. Сомневались ли они, платили ли они домовладельцу шестую часть или оставляли себе только шестую часть (см. Фотий, Πελάται).

Дионисий Хал. (A. R. ii, 9) сравнивает фетов в Аттике с римскими клиентами: то, что и те, и другие сходились в отношениях личной и имущественной зависимости, несомненно; но мы вряд ли можем продолжить сравнение, и в Аттике нет никаких доказательств той святости обязательств, которая, как говорят, связывала римского патрона с его клиентом.

[167] Так фризы, когда не могли платить дань, наложенную Римской империей, "primo boves ipsos, mox agros, postremo corpora conjugum et liberorum, servitio tradebant". (Tacit. Annal. iv, 72.) О продаже родителями детей для уплаты налогов в поздние времена Римской империи см. Zosimus, ii, 38; Libanius, t. ii, p. 427, ed. Paris, 1627.

[168] См. фрагмент περὶ τῆς Ἀθηναίων πολιτείας, № 2, Schneidewin.

Δήμου θ' ἡγεμόνων ἄδικος νόος, οἷσιν ἔτοιμος

ὕβριος ἐκ μεγάλης ἄλγεα πολλὰ παθεῖν.

... Οὐθ' ἱερῶν κτεάνων οὔτε τι δημοσίων

Φειδόμενοι, κλέπτουσιν ἐφ' ἀρπαγῇ ἄλλοθεν ἄλλος,

Οὐδὲ φυλάσσονται σεμνὰ δίκης θέμεθλα.

... Ταῦτα μὲν ἐν δήμῳ στρέφεται κακά- τῶν δὲ πενιχρῶν

ἴκνεῦνται πολλοὶ γαῖαν ἐς ἄλλοδαπὴν

Πραθέντες, δεσμοῖσι τ' ἀεικελίοισι δεθέντες.

[169] Aristot. Polit. γίνονται δὲ αἱ στάσεις οὐ περὶ μικρῶν, ἀλλ' ἐκ μικρῶν.

[170] Livy, ii, 23; Dionys. Hal. A. R. vi, 26: ср. Livy, vi, 34-36.

"An placeret, fœnore circumventam plebem, potius quam sorte creditum solvat, corpus in nervum ac supplicia dare? et gregatim quotidie de foro addictos duci, et repleti vinctis nobiles domos? et ubicumque patricius habitet, ibi carcerem privatum esse?".

Изложение Нибура, касающееся старого римского права должника и кредитора (Röm. Gesch. i, p. 602, seq.; Arnold's Roman Hist, ch. viii, vol. i, p. 135), и объяснение, которое он там дает нехί, в отличие от addicti, было показано неверным М. фон Савиньи в превосходной диссертации "Об альтромском школьном праве" (Abhandlungen Berlin Academ. 1833, pp. 70-73), резюме которой можно найти в [Приложении](#), в конце этой главы.

[171] См. Плутарх, Солон, 14; и прежде всего трохаические тетраметры самого Солона, обращенные к Фокусу, фр. 24-26, Schneidewin:-.

Οὐκ ἔφου Σόλων βαθύφρων, οὐδὲ βουλήεις ἀνήρ,

Ἔσθλ' ἀ γὰρ θεοῦ δίδοντας, αὐτὸς οὐκ ἐδέξατο.

Περιβαλὼν δ' ἄγραν, ἀγασθεὶς οὐκ ἀνέσπασεν μέγα

Δίκτυον, θυμοῦ θ' ἀμαρτῇ καὶ φρενῶν ἀποσφαλεῖς.

[172] Aristides, Περὶ τοῦ Παραφθέγματος, ii, p. 397; и Fragm. 29, Schn. of the Iambics of Solon:-...

... εἰ γὰρ ἤθελον

Ἄ τοῖς ἐναντίοισιν ἦνδανεν τότε,

Αὔθις δ' ἄ τοῖσιν ἀτέροις δρᾶσαι ...

Πολλῶν ἂν ἀνδρῶν ἥδ' ἐχηρώθη πόλις.

[173] См. ценный фрагмент его ямбик, сохраненный Плутархом и Аристидесом, выражение которого становится более эмпатичным благодаря обращению к *личной Земле*, как перешедшей по его меркам из рабства в свободу (ср. Платон, Legg. v, pp. 740-741):-.

Συμμαρτυροίη ταῦτ' ἂν ἐν δίκη Χρόνου

Μήτηρ, μεγίστη δαιμόνων Ὀλυμπίων,

Ἄριστα, Γῇ μέλαινα, τῆς ἐγὼ ποτε

Ὅρους ἀνεῖλον πολλαχῇ πεπηγότας,

Πρόσθεν δὲ δουλεύουσα, νῦν ἐλευθέρα.

Πολλοὺς δ' Ἀθήνας, πατρίδ' εἰς θεόκτιτον

Ἀνήγαγον πραθέντας, ἄλλον ἐκδίκως,

Ἄλλον δικαίως- τοὺς δ' ἀναγκαίης ὑπο

Χρειοῦς φυγόντας, γλῶσσαν οὔκετ' Ἀττικὴν

Ἴέντας, ὥς ἂν πολλαχῇ πλανωμένους-.

Τοὺς δ' ἐνθάδ' αὐτοῦ δουλίην ἀεικέα

Ἔχοντας, ἤδη δεσπότης τρομευμένους,

Ἐλευθέρους ἔθηκα.

также Плутарх, Солон, с. 15.

[174] Плутарх, Солон, с. 23: ср. с. 13. Утверждение Секста Эмпирика (Pyrrhon. Hypot. iii, 24, 211), что Солон издал закон, разрешающий отцам убивать (φονεύειν) своих детей, не может быть правдой и должно быть скопировано с какого-то недостоверного авторитета: сравните Dionys. Hal. A. R. ii, 26, где он противопоставляет огромные масштабы *patria potestas* у ранних римлян с ограничениями, которые все греческие законодатели - Солон, Питтак, Харондас - либо нашли, либо ввели: он, однако, говорит, что афинскому отцу разрешалось лишать наследства законных детей мужского пола, что не представляется верным.

Майер (Der Attische Prozess, iii, 2, p. 427) отвергает вышеупомянутое заявление Секста Эмпирика и далее утверждает, что обнажение новорожденных было не только редкостью, но и отрицалось как законом, так и мнением; свидетельства в латинских комедиях об обратном он считает проявлениями римских, а не афинских нравов. В этом последнем мнении я не думаю, что он прав, и согласен с утверждением Шеманна (Ant. J. P. Græc. sect. 82), что практика и чувство Афин, как и Греции в целом, оставляли на усмотрение отца, соглашаться или нет на воспитание новорожденного ребенка.

[175] Плутарх, Солон, с. 15. См. полное изложение этой девальвации монеты в "Метрологии" Боэция, гл. ix, с. 115.

М. Боэций считает (гл. xv, с. 2), что Солон не только испортил монету, но и изменил меры и веса. Я не согласен с его мнением по этому последнему пункту и изложил свои причины в рецензии на его ценный трактат в "Классическом музее", № 1.

[176] Плутарх, Солон, с. 19. При общем восстановлении изгнанников по всем греческим городам, провозглашенном сначала по приказу Александра Македонского, а затем Полисперхона, исключение составляют люди, изгнанные за святотатство или убийство (Diodor. xvii, 109; xviii, 8-46).

[177] Плутарх, Солон, с. 15. οὐδὲ μαλακῶς, οὐδ' ὑπείκων τοῖς δυναμένοις, οὐδὲ πρὸς ἡδονὴν τῶν ἐλομένων, ἔθετο τοὺς νόμους, etc.

[178] Plutarch, Solon, с. 16.

[179] См. выше, т. ii, ч. ii, гл. vi.

[180] Plutarch, I. с. ἔθυσάν τε κοινῇ, Σεισάχθειαν τὴν θυσίαν ὀνομάζοντες, etc.

[181] Анекдот снова приводится, но без указания имен друзей, у Плутарха, Reipub. Gerend. Præsep. p. 807.

[182] Plutarch, Solon, с. 15. Утверждение Дионисия из Хал., в отношении несения сейсахтеи, в основном точно, - χρῆων ἄφεσιν ψηφισαμένην τοῖς ἀπόροις (v, 65), - к должникам, которые были обязаны залогом своего тела и земли, и которые были в основном бедны, - не ко *всем* должникам.

Ираклидес понтийский. (Πολιτ. с. 1) и Дион Хризостом (Or. xxxi, p. 331) выражаются неточно.

И Вахсмут (Hell. Alterth. v. i, p. 249), и К. Ф. Герман (Gr. Staats Alter. с. s. 106) приводят гелиастическую клятву и ее энергичный протест против отречения в качестве доказательства того, что она относится к солоновской сейсактерии. Но эта клятва относится только к более позднему периоду; ее нельзя привести в доказательство какого-либо вопроса, относящегося ко времени Солона; одно лишь упоминание в ней сената пятисот показывает, что она относится к временам, последовавшим за клейстенской революцией. Не применим к данному случаю и отрывок из Платона (Legg. iii, p. 684).

И Вахсмут, и Германн, как мне кажется, слишком сужают рамки меры Солона в отношении освобождения должников. Но, с другой стороны, они расширяют действие его мер и другим способом, без достаточных доказательств, - они считают, что он возвел *холопов-арендаторов* в *свободные собственники*. Я не вижу доказательств и считаю это маловероятным. Значительная часть мелких должников, которых Солон освободил от ответственности, вероятно, и раньше были свободными собственниками; существование ὄροι, или закладных столбов, на их земле доказывает это.

[183] То, что Солон сделал для афинского народа в отношении долгов, меньше того, что было *обещано* римскому плебсу (во время его отделения от Mons Sacer в 491 году до н. э.) Менением Агриппой, посланником сената, чтобы успокоить его, но которое, похоже, так и не было *выполнено* (Dionys. Hal. vi, 83). Он обещал отменить все без исключения долги неспособных платить должников, - если верить языку Дионисия, что, вероятно, невозможно.

Доктор Тирлуолл справедливо замечает по поводу Солона: "Его следует рассматривать как арбитра, которому все заинтересованные стороны предъявляли свои претензии с явным намерением, чтобы он решал их не на основе законного права, а в соответствии с его собственным видением общественных интересов. Именно в таком свете он сам рассматривал свою должность, и, судя по всему, исполнял ее честно и осмотрительно". (История Греции, гл. xi. т. ii, с. 42).

[184] Dêmosthen. cont. Timokrat. p. 746. οὐδὲ τῶν χρηῶν τῶν ἰδίων ἀποκοπὰς, οὐδὲ γῆς ἀναδασμὸν τῆς Ἀθηναίων, οὐδ' οἰκιῶν (ψηφιοῦμαι): ср. Dio Chrysostom, Orat. xxxi, p. 332, который также останавливается на стремлении различных греческих городов наложить проклятие на все пропозиции за χρηῶν ἀποκοπή и γῆς ἀναδασμός. Не менее примечательно и то, что Дио, похоже, не знает ни одного достоверного случая в греческой истории, когда бы передел земель действительно имел место - ὃ μὴδ' ὅλως ἴσμεν εἶ ποτε συνέβη. (l. c.).

О праве должника и кредитора, как оно существовало во времена ораторов в Афинах, см. Heraldus, Animadv. ad Salmasium, pp. 174-286; Meier und Schömann, Der Attische Prozess, b. iii, c. 2, p. 497, *seqq.* (хотя я сомневаюсь в различии, которое они там проводят между χρέος и δανεῖον); Platner, Prozess und Klagen, b. ii, absch. 11, pp. 349, 361.

Был один исключительный случай, когда аттический закон всегда сохранял за кредитором ту власть над личностью несостоятельного должника, которой изначально обладали все кредиторы, - это когда кредитор ссужал деньги с явной целью выкупить должника из плена (Dêmosthen. cont. Nikostr. p. 1249), - аналог actio depensi в старом римском праве.

Гражданин, задолжавший деньги в государственную казну и просрочивший долг, лишался на время всех гражданских прав, пока не погасит его.

Диодор (i, 79) приводит предполагаемый закон египетского царя Бокхориса, освобождающий от ответственности лиц должников и налагающий ответственность только на их имущество, который, как утверждается, послужил примером для копирования Солоном. Если мы можем доверять этому историку, законодатели в других частях Греции все еще сохраняли старый суровый закон, порабощающий личность должника: сравните отрывок из Исократеса (Orat. xiv, Plataicus, p. 305; p. 414, Bek.).

[185] Aristot. Polit. i, 4, 23; Cato ap. Cicero. de Offic. ii, 25. Платон в своем "Трактате о ногах" (Plato, in his Treatise de Legg. (v, p. 742) запрещает всякое кредитование под проценты: более того, он запрещает любому частному лицу иметь золото или серебро.

Чтобы проиллюстрировать заметное различие между требованием основного долга и требованием процентов в раннем римском праве, я помещаю в [Приложении](#) в конце этой главы объяснение, данное М. фон Савиньи, по поводу обращения с nexi и addicti, - связанное по аналогии с солоновской seisachtheia.

[186] Aristot. Polit. i, 4, 23. Τῆς δὲ μεταβλητικῆς ψευδομένης διακίως (οὐ γὰρ κατὰ φύσιν, ἀλλ' ἀπ' ἀλλήλων ἔστιν), εὐλογώτατα μισεῖται ἢ ὀβολοστατική, и т. д. Сравните Ethic. Nikom. iv, 1.

Плутарх заимствует у Аристотеля придирку, происходящую от слова τόκος (греческое выражение, обозначающее интерес), которая породила известную сентенцию Аристотеля, что деньги по природе бесплодны, и извлекать из них *потомство* непременно должно *противоречить природе* (см. Plutarch, De Vit. Aër. Al. p. 829).

[187] Tacit. Germ. 26. "Fœnus agitare et in usuras extendere, ignotum: ideoque magis servatur quam si vetitum esset," (с. 21.) "Gaudent muneribus: sed nec data imputant, nec acceptis obligantur."

[188] Hesiod, Opp. Di. 647, 404. Βούλῃαι χρέα τε προφυγεῖν, καὶ λιπὼν ἀτερπῆ. Несколько хороших наблюдений по этому вопросу можно найти в превосходном трактате М. Тюрго, написанном в 1763 году, "Mémoire sur les Prêts d'Argent".

"Les causes qui avoient autrefois rendu odieux le prêt à intérêt, ont cessé d'agir avec tant de force..... Из всех этих обстоятельств, объединенных вместе, вытекает, что расходы, совершаемые бедняком для пропитания, не являются чем-то большим, чем предметом, имеющим значение для общей суммы расходов: большая часть этих расходов приходится на человека богатого или, в меньшей степени, на человека промышленного, который стремится получить большую прибыль за счет использования средств, которые он тратит..... Les prêteurs sur gage à gros intérêt, les seuls qui prêtent véritablement au pauvre pour ses besoins journaliers et non pour le mettre en état de gagner, ne font point le même mal que les anciens usuriers qui conduisoient par degrés à la misère et à l'esclavage les pauvres citoyens auxquels ils avoient procuré des secours funestes.... Крестьянин, который мог избавить своего обидчика от эсклаважа, получал прибыль: это был эсклав, который он приобрел: но сегодня крестьянин знает, что, лишив своего обидчика свободы, он не получит ничего другого, кроме обязательства питаться в тюрьме: Также не рекомендуется заключать договор с человеком, у которого ничего нет, и который вынужден отстраняться от работы, чтобы жить, на выполнение обязательств, которые вынуждают его быть связанным по рукам и ногам. Единственная надежная защита от нищего человека - это охрана: и нищий человек радуется, что может найти себе охрану на время, не подвергаясь никакой опасности, кроме как потерять эту охрану. Aussi le peuple a-t-il plutôt de la reconnaissance pour ces petits usuriers qui le secourent dans son besoin, quoiqu'ils lui vendent assez cher ce secours." (Mémoire sur les Prêts d'Argent, в сборнике Œuvres de Turgot, by Dupont de Nemours, vol. v, sects. xxx, xxxi, pp. 326, 327, 329, написано в 1763 году).

[189] "В Бенгалии (отмечает Адам Смит, "Богатство народов", т. I, гл. 9, с. 143, изд. 1812 г.) деньги часто ссужаются фермерам под 40, 50 и 60 процентов, а последующий урожай закладывается для выплаты".

Относительно этой торговли во Флоренции в Средние века М. Деппинг замечает: "Il semblait que l'esprit commercial fût inné chez les Florentins: déjà aux 12me et 13me siècles, on les voit tenir des banques et prêter de l'argent aux princes. Они открыли по всему миру свои дома, маршировали в паре с лангобардами, и, надо сказать, часто бывали убиты, как и они сами, своими обидчиками, из-за своей жестокости. Vingt pour cent par an était le taux ordinaire des prêteurs Florentins: et il n'était pas rare qu'ils en prissent trente et quarante." Depping, Histoire du Commerce entre le Levant et l'Europe, vol. i, p. 235.

Бозех (Общественная экономика Афин, кн. I, гл. 22) называет от 12 до 18 процентов годовых в качестве обычной процентной ставки в Афинах во времена ораторов.

Ценная надпись (№ 1845, в его Corpus Inser. Pars viii, p. 23, sect. 3) доказывает, что в Коркире ставка в 2 процента в месяц, или 24 процента годовых, могла быть получена от совершенно платежеспособных и ответственных заемщиков. Ибо это указ коркирского правительства, предписывающий, что делать с денежной суммой, выделенной государству на дионисийские

праздники, - передать эти деньги под опеку определенных людей с имуществом и характером и поручить им выдавать их в долг точно под 2 процента в месяц, *ни больше, ни меньше*, пока не накопится определенная сумма. Эта надпись датируется третьим или вторым веком до нашей эры, согласно предположению Бозция.

Орхоменская надпись, № 1569, на которую Бозкх ссылается в вышеупомянутом отрывке, к сожалению, имеет дефекты в словах, определяющих процентную ставку, выплачиваемую Эвбулу: но есть другая, Тернейская надпись (№ 2446), содержащая Завещание Эпиктета, где ежегодная сумма, выплачиваемая вместо основной завещанной суммы, рассчитывается в 7 процентов ; ставка, которую Бозкх справедливо считает умеренной по отношению к Древней Греции.

[190] Cæsar, B. G. i, 4, относительно галльских вождей и плебеев: "Die constitutâ causæ dictionis, Orgetorix ad iudicium omnem suam familiam, ad hominum millia decem, undique coëgit: et omnes clientes, *oboeratosque* suos, quorum magnum numerum habebat, eodem conduxit: per eos, ne caussam diceret, se eripuit." Ibid. vi, 13: "Plerique, cum aut ære *alieno*, aut magnitudine tributorum, aut injuriâ potentiorum, premuntur, sese in servitutem dicant nobilibus. In hos eadem omnia sunt jura, quæ dominis in servos". Во времена Колумеллы (i, 3, 14) богатые римляне обрабатывали свои большие владения отчасти руками судебных должников: "More præpotentium, qui possident fines gentium, quos ... aut occupatos nexu civium, aut ergastulis, tenent".

Согласно тевтонским кодексам, составленным несколькими столетиями позже Тацита, несостоятельный должник попадает под власть своего кредитора и подвергается личным оковам и наказаниям (Grimm, Deutsche Rechts Alterthümer, pp. 612-615): и он, и фон Савиньи уподобляют это ужасному процессу личной казни и зависимости в старом римском праве против несостоятельного должника по кредиту. Король Альфред увещевает кредитора к снисходительности (Законы короля Альфреда, Thorpe, Ancient Laws of England, vol. i, p. 53, law 35).

Ярким свидетельством изменения характера и обстоятельств должников между эпохой Солона и эпохой Плутарха служит трактат последнего "De Vitando Ære Alieno", в котором он самым яростным образом описывает плачевные последствия влезания в долги. "*Бедняки*, - говорит он, - *не влезают в долги, ибо никто не одолжит им денег* (τοῖς γὰρ ἀπόροις οὐ δανείζουσιν, ἀλλὰ βουλομένοις εὐπορίαν τινὰ ἑαυτοῖς κτᾶσθαι καὶ μάρτυρα δίδωσι καὶ βεβαιώτην ἄξιον, ὅτι ἔχει πιστεύεσθαι): заемщики - это люди, у которых еще есть какое-то имущество и какое-то обеспечение, но которые хотят продолжать расходы сверх того, что они могут себе позволить, и становятся совершенно разоренными, влезая в долги." (Plut. pp. 827, 830.) Это показывает, насколько тесно умножение бедных должников было связано с ответственностью их лиц за рабство. Сравните Плутарх, De Cupidine Divitiarum, c. 2, p. 523.

[191] Левит. 25: 35-36; Второзаконие. 23:20. Это постановление кажется достаточно понятным; однако М. Сальвадор (Histoire des Institutions de Moïse, liv. iii, гл. 6) много размышляет, чтобы приписать ему какую-то дальновидную коммерческую цель. "Брату твоему не давай займы по *ростовщичесству*, а чужеземцу можешь давать по *ростовщичесству*" - важнее отметить, что слово, переведенное здесь как *ростовщичесство*, на самом деле означает *любой процент* за деньги, большие или малые; см. мнение Синедриона из семидесяти еврейских врачей, собравшихся в Париже в 1807 году, приведенное в работе М. Сальвадора, *l. c.*

Таким образом, Моисеев закон (в отношениях между евреем и иудеем или даже между евреем и *μέτοικος*, или *чужеземцем, живущим в стране*, в отличие от *иностранца*) заходил так же далеко, как и Коран, запрещая всякое получение процентов. То, что его постановления соблюдались не более, чем постановления Корана, мы можем доказать, по крайней мере, на примере действий

Неемии при строительстве второго храма, которые представляют собой столь любопытную параллель во многих отношениях с солоновской сейсахтеей, что я привожу рассказ о них из Prideaux, Connection of Sacred and Profane History, part i, b. 6, p. 290:-

"Бремя, которое люди несли, зарабатывая на эту работу, и непрестанный труд, который они были вынуждены претерпевать, чтобы довести ее до столь быстрого завершения, были очень велики, ... была принята мера, чтобы освободить их от гораздо большего бремени, гнета ростовщиков; под которым они тогда в большом несчастье лежали, и имели гораздо больше оснований жаловаться. Ибо богачи, пользуясь нуждой низших слоев населения, взимали с них тяжелое ростовщичество, заставляя их платить центурию за все деньги, которые они им ссужали, то есть 1 процент за каждый месяц, что составляло 12 процентов. Так что они были вынуждены закладывать свои земли и продавать своих детей в рабство, чтобы иметь средства для покупки хлеба на содержание себя и своих семей; что было явным нарушением закона Божьего, данного им Моисеем (ибо тот запрещает всему роду Израильскому брать ростовщичество с кого-либо из своих братьев), Неемия, услышав об этом, решил немедленно устранить столь великое беззаконие; Для этого он созвал общее собрание всего народа, где изложил им суть преступления, насколько оно нарушает Божественный закон, насколько тяжко угнетает их братьев, и насколько оно может вызвать гнев Божий против них, Он постановил общим голосованием всего собрания, чтобы все вернули своим братьям все, что было взято с них за ростовщичество, а также *освободили все земли, виноградники, оливковые сады и дома*, которые были взяты у них в залог по этой причине."

Таким образом, мера Неемии, по-видимому, была не просто сейсахтеей, как у Солона, но и παλιντοκία, или возвратом процентов, уплаченных должником в прошлые времена, - аналогично тому, как поступили мегаряне, освободившись от своей олигархии, о чем рассказывалось выше, глава ix, с. 44.

[192] В каждом законе об ограничении процентной ставки, конечно, подразумевается, что закон не только должен, но и может установить максимальную ставку, по которой можно давать деньги в долг. Трибуны в Риме следовали этому предложению с совершенной последовательностью: они принимали один за другим законы о снижении процентной ставки, пока в конце концов не сделали незаконным получение любых процентов вообще: "Gemecium, tribunum plebis, tulisse ad populum, ne fœnerari liceret." (Liv. vii, 42.) История показывает, что закон, хотя и был принят, не был приведен в исполнение.

[193] Боэций (Public Econ. of Athens, b. i, ch. 22, p. 128) думает иначе, - по моему мнению, вопреки доказательствам: отрывки, на которые он ссылается, особенно отрывок Теофраста, недостаточны для поддержания его мнения, и есть другие отрывки, которые далеко противоречат ему.

[194] Lysias cont. Theomnêst. A. c. 5, p. 360.

[195] Cicero, De Officiis, i, 42.

[196] Plato, Legg. iii, p. 684. ὡς ἐπιχειροῦντι δὴ νομοθέτῃ κινεῖν τῶν τοιοῦτων τι πᾶς ἀπαντᾷ, λέγων, μὴ κινεῖν τὰ ἀκίνητα, καὶ ἐπαρᾷται γῆς τε ἀναδασμοὺς εἰσηγούμενον καὶ χρεῶν ἀποκοπὰς, ὥστ' εἰς ἀπορίαν καθίστασθαι πάντα ἄνδρα, и т. д.: ср. также v, pp. 736-737, где подобные чувства выражены не менее категорично.

Цицерон излагает очень хорошие принципы о вреде разрушения веры в договоры; но его предостережения на этот счет, кажется, сопровождаются невыполнимым условием: законодатель должен заботиться о том, чтобы долги не были заключены в размере, вредном для государства: "Quamobrem ne sit æs alienum, quod reipublicæ noceat, providendum est (quod multis rationibus caveri potest): non, si fuerit, ut locupletes suum perdant, debitores lucrentur alienum," etc. Что это

были за *multæ rationes*, которые Цицерон имел в виду, я не знаю: сравните его мнение о *fœneratores*, Offic. i, 42 ii, 25.

[197] См. "Жизнь Агиса" Плутарха, особенно гл. 13, о костре, в котором были сожжены все κλάρια, или закладные, кредиторов, на агоре в Спарте: сравните также сравнение Агиса с Гракхом, с. 2.

[198] "*Græcâ fide mercari*". Полибий ставит греков значительно ниже римлян по правдивости и добросовестности (vi, 56); в другом отрывке он высказывается не столь уверенно (xviii, 17). Даже свидетельства римских писателей иногда приводятся в пользу аттической добросовестности, а не против нее - "*ut semper et in omni re, quicquid sincerâ fide gereretur, id Romani, Atticâ fieri, prædicarent.*" (Velleius Paterc. ii, 23.)

Язык Хеффтера ("*Athenäische Gerichts Verfassung*", p. 466), особенно, незаслуженно унижает состояние добросовестности и кредита в Афинах.

Весь тон и аргументация оратории Деместенека против Лептинека - замечательное доказательство уважения афинского дикастерия к корыстным интересам, даже в менее очевидных формах, чем денежное владение. К этому можно добавить поразительный отрывок из "Против Деместенека" (Dêmosthenês cont. Тимократа, где он осуждает отмену прошлых сделок (τὰ πεπραγμένα λύσαι, в отличие от перспективного законодательства) как несправедливость, свойственную олигархии и противную чувствам демократии (Cont. Timokrat. с. 20, p. 724; с. 36, 747).

[199] Аналогичная заслуга в отношении денежной честности может быть поставлена и Флорентийской республике. М. Сисмонди говорит: "В эпоху государственных революций во всех соседних странах и в то время, когда плохое состояние правителей не позволяет им выбирать номинал для разных стран Европы, флорин или секира Флоренции остается неизменным: он имеет тот же вес, тот же титр: он имеет ту же эмпрайнт, что и тот, что был выпущен в 1252 году." (Républiques Italiennes, vol. iii, ch. 18, p. 176.)

М. Боекх (Public Econ. of Athens, i, 6; iv, 19), справедливо и определенно утверждая, что Афинская республика всегда придавала большое значение сохранению целостности своих серебряных денег, все же считает, что золотые монеты, которые были отчеканены в Олимп. 93, 2 (408 г. до н. э.) при архонте Антигене (из золотых украшений в акрополе и в период общественных затруднений), были обесценены и стали стоить больше, чем их стоимость. Единственным свидетельством в поддержку этой позиции является отрывок из Аристофана (Ран. 719-737) со Схолиями; но именно этот отрывок, как мне кажется, скорее доказывает обратное. "Афинский народ (говорит Аристофан) относится к своим государственным служащим так же, как к своим монетам: он предпочитает новые и плохие монеты старым и хорошим". Если народ так сильно, даже экстравагантно, желал получить новые монеты, то это убедительное доказательство того, что они не обесценились и что не было никаких потерь, когда в обмен на них давали старые монеты.

[200] "*Sane vetus Urbi fœnebre malum* (говорит Тацит, Ann. vi, 16) et seditionum discordiarumque creberrima causa," etc: compare Appian, Bell. Civil. Præfat.; и Монтескье, Esprit des Lois, l. xxii, с. 22.

Постоянные надежды и интриги должников в Риме избавиться от своих долгов с помощью какого-нибудь политического движения нигде так убедительно не показаны, как во второй катилиновской оратории Цицерона, с. 8-9: читайте также поразительную речь Катилина к своим соратникам (Sallust, B. Catilin. с. 20-21).

[201] В некоторых беотийских городах несостоятельного должника приговаривали к публичному сидению на агоре с корзиной на голове, а затем лишали гражданских прав (Николай Дамаскин, Фрагм. с. 152, изд. Орелли).

Согласно Диодору, старый суровый закон против тела должника, давно отмененный Солоном в Афинах, сохранялся и в других частях Греции (i, 79).

[202] Solon, Frag. 27, ed. Schneid.-

Ἄ μὲν ἄελπτα σὺν θεοῖσιν ἦνυσ', ἄλλα δ' οὐ μάτην

ἔρδον.

[203] Плутарх, Солон, 18-23; Поллукс, viii. 130; Aristot. Polit. ii, 9, 4; Aristot. Fragm. περὶ Πολιτεῖων, Fr. 51, ed. Neumann; Harpokration and Photius, v. Ἰππᾶς; Etymolog. Mag. Ζευγίσιον, Θητικόν; Этим. маг. Ζευγίσιον, и Schol. Aristoph. Equit. 627, признают только три класса.

Он принимал медимн (пшеницы или ячменя?) за эквивалент драхмы, а овцу - за ту же стоимость (ib. с. 23).

Медимн, по-видимому, равен примерно $1 \frac{2}{5}$ (1-4) английского имперского бушеля: следовательно, 500 медимнов = 700 английских имперских бушелей, или $87 \frac{1}{2}$ четвертей.

[204] Прекрасное объяснение солонийской (τίμημα) шкалы собственности и градуированной квалификации, впервые данное Бёкхом в его Staatshaushaltung der Athener (b. iii, с. 5), прояснило предмет, который до него был лишь мраком и тайной. Утверждение Поллукса (viii, 130), изложенное очень вольным языком, до Бёкха воспринималось ошибочно; ἀνήλικον εἰς τὸ δημόσιον означает не те суммы, которые пентакосиомедимн, гиппеус или зеугит *действительно платили* государству, а те, на которые каждый из них был оценен, или которые каждый был *обязан* заплатить, если бы к нему обратились: Разумеется, государство не требует от человека *всего* его оцененного имущества, но взыскивает с каждого равную долю.

В одном вопросе я не могу согласиться с Бокхом. Он устанавливает денежный ценз третьего класса, или цеугитов, в сто пятьдесят драхм, а не в двести. Все положительные свидетельства (как он сам допускает, с. 31) согласны с тем, что он устанавливает двести, а не сто пятьдесят; а вывод, сделанный из старого закона, процитированный в Dêmosthenês (cont. Makartat. p. 1067), слишком неопределенный, чтобы перевесить это совпадение авторитетов.

Более того, вся солоновская система становится более ясной и симметричной, если мы придерживаемся утверждения о двухстах драхмах, а не о ста пятидесяти, как о самой низкой шкале дохода цеугита; ибо тогда запланированный капитал во всех трех шкалах определенно и точно кратен возвращаемому доходу, - в самом богатом классе он в двенадцать раз, в среднем классе - в десять раз, в самом бедном - в пять раз больше дохода. Но это соответствие прекращается, если мы примем предположение Боэция, что самый низкий доход цеугита составлял сто пятьдесят драхм; ведь сумма в тысячу драхм (в которую оценивался самый низкий цеугит в расписании) не является точным кратным ста пятидесяти драхм. Чтобы обойти эту трудность, Бёкх предполагает, что корректировка дохода на плановый капитал производилась окольным путем и с использованием красивых дробей: Он считает, что доход каждого был превращен в капитал путем умножения на двенадцать, и что в случае самого богатого класса, или пентакосиомедимни, *вся* полученная сумма была внесена в расписание, - в случае второго класса, или гиппеи, пять шестых суммы, - и в случае третьего класса, или зеугиты, пять девятых суммы. Этот процесс кажется мне довольно сложным, а использование такой дроби, как пять девятых (и сложной, и не намного превышающей простую дробь в одну половину), очень маловероятным:

кроме того, в таблице самого Бёкха, стр. 41, приведены дробные суммы в третьем классе, когда в первом или втором их нет.

Такие возражения, конечно, были бы неприемлемы, если бы существовали какие-либо положительные доказательства. Но в данном случае они согласуются со всеми положительными доказательствами и, по моему мнению, вполне достаточны, чтобы опровергнуть презумпцию, вытекающую из старого закона, на которую опирается Бёэх.

[205] См. Boeckh, *Staatshaushaltung der Athener, ut suprâ*. Поллукс приводит надпись, описывающую Антемиона, сына Дифила, -Θητικοῦ ἀντὶ τέλους ἱππᾶδ' ἀμειψάμενος. Слово τελεῖν не обязательно означает *фактическую* оплату, но "включение в класс с определенной совокупностью обязанностей и обязательств", что эквивалентно *censeri* (Boeckh, p. 36).

Платон в своем трактате *De Legibus* допускает четырехчастную перепись граждан, в зависимости от большего или меньшего имущества (Legg. v, p. 744; vi, p. 756). Сравните Tittmann, *Griechische Staats Verfassungen* pp. 648, 653; K. F. Hermann, *Lehrbuch der Gr. Staats Alt.* § 108.

[206] Plutarch, Solon, 18, 19, 23; Philochorus, Frag. 60, ed. Didot. Athenæus, iv, p. 168; Valer. Maxim. ii, 6.

[207] Meursius, Solon, *passim*; Sigonius, *De Republ. Athen.* i, p. 39 (хотя в некоторых отрывках он делает заметное различие между временем до и после Клейстенеса, p. 28). См. Wachsmuth, *Hellenische Alterthumskunde*, vol. i, sects. 46, 47; Tittmann, *Griechische Staatsverfassungen*, p. 146; Platner, *Der Attische Prozess*, book ii, ch. 5, pp 28-38; Dr. Thirlwall, *History of Greece*, vol. ii, ch. xi, pp. 46-57.

Нибур в своих кратких ссылках на законодательство Солона должным образом учитывает существенную разницу между Афинами, созданными Солоном, и Афинами, ставшими таковыми после Клейстенеса; но он предполагает более тесную аналогию между римскими патрициями и афинскими евпатридами, чем мы вправе рассчитывать.

[208] Dêmosthen. cont. Timokrat. p. 746. Эскинес приписывает эту клятву ὁ νομοθέτης (с. Ktesiphon. p. 389).

Д-р Тирлуолл отмечает, что клятва была предписана Солоном (*History of Greece*, vol. ii, ch. xi, p. 47).

Также Деместенес и Эскинес в орациях против Лептинеса (с. 21, p. 486) и против Тимократа (pp. 706-707, - ср. Æschin. с. Ktesiph. p. 429, - комментируя формальности, предписываемые при отмене существующего и принятии нового закона, и приписывая все это Солону, говорит, среди прочего, что Солон предписывал предлагающему "вывесить свой проект закона перед эпонимами" (ἐκθεῖναι πρόσθεν τῶν ἑπωνύμων): теперь эпонимы были (статуями) героев, от которых десять клейстенских племен получили свои имена, и закон, упоминающий об этих статуях, провозглашает себя датой после Клейстенеса. Даже закон, определяющий обращение с осужденным убийцей, вернувшимся из изгнания, который и Демостенес, и Доксопатер (ар. Walz. Collect. Rhetor. vol. ii, p. 223) называют законом Драко, на самом деле является более поздним, чем Солон, как видно из упоминания о ᾧζων (Dêmosth. cont. Aristok. p. 629).

Андокидес не менее либерален в использовании имени Солона (см. Orat. i, *De Mysteriis*, p. 13), где он приводит в качестве закона Солона постановление, содержащее упоминание племени Æantis и сената пятисот (очевидно, после революции Клейстенеса), а также другие моменты, которые доказывают, что оно было принято даже после олигархической революции четырехсот, ближе к концу Пелопоннесской войны. Пританы, проэдры и деление года на десять частей времени, каждая из которых называлась *пританом*, - столь тесно переплетенные со всеми общественными

процедурами Афин, - принадлежат не солоновским Афинам, а Афинам в том виде, в каком они существовали после десяти племен Клейстенеса.

Шеманн решительно утверждает, что клятвенные номотеты, как они существовали во времена Деместенека, были введены Солоном; но в то же время он признает, что все ссылки ораторов на этот институт включают как слова, так и вопросы, по сути, постсолоновские, так что изменения должны были быть внесены после Солона. Это признание кажется мне фатальным для убедительности его доказательства: см. Schömann, *De Comitiis*, ch. vii, pp. 266-268; и тот же автор, *Antiq. J. P. Att. sect. xxxii*. Его мнение разделяет К. Ф. Герман, *Lehrbuch der Griech. Staats Alterth. sect. 131*; и Platner, *Attischer Prozess*, vol. ii, p. 38.

Мейер, *De Bonis Damnatorum*, p. 2, отмечает небрежность, с которой ораторы используют имя Солона: "*Oratores Solonis nomine sæpe utuntur, ubi omnino legislatorem quemquam significare volunt, etiamsi a Solone ipso lex lata non est.*" Герман Шеллинг, в своей диссертации *De Solonis Legibus ap. Oratt. Attic.* (Berlin, 1842), собрал и обсудил ссылки на Солона и его законы у ораторов. Он оспаривает только что приведенное мнение Мейера, но на основании аргументов, которые меня не удовлетворяют (стр. 6-8); тем более, что он сам признает, что диалект, на котором солонские законы появляются в цитатах ораторов, никогда не мог быть первоначальным диалектом самого Солона (стр. 3-5), и делает по существу то же признание, что и Шеманн, в отношении присутствия постсолонских вопросов в предполагаемых солонских законах (стр. 23-27).

[209] См. Boeckh, *Public Economy of Athens*, book ii, c. 15.

[210] Demosthen. cont. Timokrat. c. 26, p. 731: cp. Aristophanês *Ekklesiazus*. 302.

[211] Herodot. i, 29; Plutarch, Solon, c. 25. Аулус Геллий утверждает, что афиняне поклялись, под сильными религиозными наказаниями, соблюдать их вечно (ii, 12).

[212] Livy iii, 34.

[213] Solon, *Fragm.* ii, 3, ed. Schneidewin:-

Δήμῳ μὲν γὰρ ἔδωκα τόσον κράτος, ὅσον ἐπαρκεῖ,

Τιμῆς οὐτ' ἀφελὼν, οὐτ' ἐπορεξάμενος-.

Οἱ δ' εἶχον δύμαμιν καὶ χρήμασιν ἦσαν ἀγῆτοῖ,

Καὶ τοῖς ἐφρασάμην μηδὲν ἀεὶ κέεσ' ἔχειν.

Ἔστην δ' ἀμφιβαλὼν κρατερὸν σάκος ἀμφοτέροισι,

Νικᾶν δ' οὐκ εἶας' οὐδετέρους ἀδίκως.

Чтение ἐπαρκεῖ в первой строке не является общепринятым: Брунк принимает ἐπαρκεῖν, которое одобряет Нибур. Последний толкует его так: "Я дал народу только столько власти, сколько от него нельзя было удержать". (*Röm. Geschicht.* t. ii, p. 346, 2d ed.) Если взять первые две строки вместе, то я думаю, что смысл Нибура в основном верен, хотя сам я даю более буквальный перевод. Солон, кажется, защищает себя от упреков в излишнем демократизме, которые, несомненно, адресовались ему на всех языках.

[214] Aristot. *Polit.* ii, 9, 4. Ἐπεὶ Σόλων γ' εἰοικε τὴν ἀναγκαιοτάτην ἀποδιδόναι τῷ δήμῳ δύναμιν, τὸ τὰς ἀρχὰς αἰρεῖσθαι καὶ εὐθύνειν- μηδὲ γὰρ τούτου κύριος ὢν ὁ δῆμος, δοῦλος ἂν εἴη λαὶ πολέμιος.

В этом отрывке о Солоне (содержащем разделы 2, 3, 4 издания М. Бартелеми Сент-Илера) Аристотель сначала приводит мнение некоторых критиков, восхвалявших Солона, с указанием причин, на которых оно основано; затем мнение некоторых критиков, порицавших его, с указанием их причин; в-третьих, свое собственное суждение. Первая из этих трех частей содержит разд. 2 (от Σόλωνα δ' ἔνιοι, до τὰ δικάστηρια ποιήσας ἐκ πάντων). Вторая содержит большую часть разд. 3 (от Διὸ καὶ μέμφονται τινες αὐτῷ, вплоть до τὴν νῦν δημοκρατίαν). Остальное - его собственное суждение. Я обращаю на это внимание, потому что разделы 2 и 3 следует воспринимать не как мнение самого Аристотеля, а тех, кого он комментировал, которые считали Солона автором дикастерий, выбранных по жребию.

[215] Herodot. v, 69. τὸν Ἀθηναίων δῆμον, πρότερον ἀπωσμένον πάντων, etc.

[216] Herodot. v, 66-69. Οὗτοι οἱ ἄνδρες (Клейстенес и Исагор) ἐστασίασαν περὶ δυνάμεως-ἐσσοῦμενος δὲ ὁ Κλεισθένης τὸν δῆμον προσεταιρίζεται ...

... Ὡς γὰρ δὴ τὸν Ἀθηναίων δῆμον, πρότερον ἀπωσμένον πάντων, τότε πρὸς τὴν ἐωῦτοῦ μοίρην προσεθήκατο, (Kleisthenês) τὰς φυλὰς μετωνόμασε ἥν δὲ, τὸν δῆμον προσθέμενος πολλῶ κατύπερθε τῶν ἀντιστασιώτεων.

Что касается выраженной демократической тенденции в судопроизводстве Клейстенеса, см. Aristot. Polit. vi, 2, 11; iii, 1, 10.

[217] Lysias cont. Theomnest. A. с. 5, р. 357, который приводит ἐὰν μὴ προσιμῆσῃ ἡ Ἥλιαια как солоновскую фразу; хотя нас заставляет усомниться в том, что Солон вообще мог его использовать, когда мы находим у Поллукса (vii, 5, 22) четкое утверждение, что Солон использовал слово ἐπαίτια для обозначения того, что ораторы называли проотсимῆματα.

Первоначальное и правильное значение слова Ἥλιαια - общественное собрание (см. Tittmann, Griech. Staatsverfass. pp. 215-216); в последующие времена мы находим, что в Афинах оно означало: 1. совокупность шести тысяч дикастов, ежегодно выбираемых по жребию и приводимых к присяге, или весь народ, рассматриваемый как осуществляющий судебные функции; 2. каждую из отдельных фракций, на которые этот совокупный орган на практике подразделялся для осуществления реальных судебных дел. Ἐκκλησία стала термином для обозначения так называемого публичного совещательного собрания, которое никогда не могло проводиться в тот же день, когда заседали дикастерии (Dêmosthen. cont. Timokrat. с. 21, р. 726): к каждой дикастерии фактически всегда обращаются так, как если бы это был народ, собравшийся для выполнения определенной обязанности.

Я полагаю, что термин Ἥλιαια во времена Солона использовался в своем первоначальном значении - общественное собрание, возможно, с оттенком занятости в судебных процессах. Фиксированное число в шесть тысяч датируется не ранее времени Клейстенеса, так как оно в основном связано с десятью коленами; в то время как подразделение этого тела в шесть тысяч на различные органы присяжных для различных судов и целей началось, вероятно, только после первых реформ Клейстенеса. Я вернусь к этому вопросу, когда буду касаться последнего и его времени.

[218] Утверждение Плутарха, что Солон дал возможность обжаловать решение архонта в народном дикастерии (Plutarch, Solon, 18), вызывает недоверие у большинства толкователей, хотя д-р Тирлуолл, кажется, признает его, оправдывая аналогией с эфетами, или апелляционными судьями, учрежденными Драко (Hist. of Greece, vol. ii, ch. xi, р. 46).

Мне кажется, что драконийские эфеты не были настоящими *апелляционными* судьями: но как бы то ни было, предположение об апелляции к решению архонта не согласуется с известным ходом

аттической процедуры и, очевидно, возникло в голове Плутарха из-за путаницы с римской *provocatio*, которая действительно была апелляцией к решению консула и народа. Сравнение Плутархом Солона с Публиколой наводит на такие подозрения: -Καὶ τοῖς φεύγουσι δίκην, ἐπικαλεῖσθαι τὸν δῆμον, ὥσπερ ὁ Σόλων τοὺς δικαστὰς, ἔδωκε (Публикола). Афинский архонт сначала был судьей без права апелляции; затем, перестав быть судьей, он стал президентом дикастерии, выполняя только те подготовительные действия, которые приводили дело к вопросу, пригодному для решения: но он, кажется, никогда не был судьей, подлежащим апелляции.

Вряд ли справедливо по отношению к Плутарху делать его ответственным за абсурдное замечание, что Солон сделал свои законы намеренно неясными, чтобы дикасты могли иметь больше дел и больше власти: он сам дает это замечание только со спасительным выражением λέγεται, "говорят"; и мы вполне можем сомневаться, было ли оно когда-либо серьезно задумано даже его автором, кем бы он ни был.

[219] Kratinus ap. Plutarch. Solon. 25.-

Πρὸς τοῦ Σόλωνος καὶ Δράκοντος, οἷσι νῦν

Φρύγουσιν ἤδη τὰς κάχρυσ τοῖς κύρβεσιν.

Исократес хвалит умеренную демократию в ранних Афинах по сравнению с той, при которой он жил; но в оратории vii (Ареопагитик.) он связывает первую с именами Солона и Клистенеса, тогда как в оратории xii (Панафинейск.) он считает, что первая длилась со времен Тесея до времен Солона и Пейсистрата. В этой последней оратории он довольно точно описывает власть, которой обладал народ при солоновской конституции, - τοῦ τὰς ἀρχὰς καταστήσαι καὶ λαβεῖν δίκην παρὰ τῶν ἑξαμαρτανόντων, что совпадает с фразой Аристотеля - τὰς ἀρχὰς αἰρεῖσθαι καὶ εὐθύνειν, - предполагая, что ἀρχόντων следует понимать как субстантив ἑξαμαρτανόντων.

Сравните Isokratês, Or. vii, p. 143 (p. 192 Bek.) и p. 150 (202 Bek.) и Orat. xii, pp. 260-264 (351-356 Bek.).

[220] Цицерон, Orat. pro Sext. Roscio, с. 25; Ælian, V. Н. viii, 10.

[221] Это, кажется, мнение д-ра Тирлуолла, против Вахсмута, хотя он говорит с сомнением. (History of Greece, vol. ii, ch. 11, p. 48, 2d ed.).

[222] Plutarch, Solon, 23-25. Он особенно упоминает шестнадцатый ἄξων: мы узнаем также, что тринадцатый ἄξων содержал восьмой закон (с. 19): двадцать первый закон упоминается в "Гарпократионе", ст. "Ὅτι οἱ ποιητοί.

Некоторые остатки этих деревянных валиков существовали во времена Плутарха в афинских пританеях. См. Harpokration и Photius, v. Κύρβεις; Aristot. περὶ Πολιτειῶν, Frag. 35, ed. Neumann; Euphorion ap. Harpokrat. Ὁ κάτωθεν νόμος. Bekker, Anecdota, p. 413.

То, что мы читаем о ἄξωνες и κύρβεις, не дает ясного представления о них. Кроме Аристотеля, Селевк и Дидим названы как написавшие комментарии непосредственно о них (Плутарх, Солон, i; Suidas, v. Ὁργεῶνες; ср. также Meursius, Solon, с. 24; Vit. Aristotelis ap. Westermann. Vit. Aristotelis ap. Westermann. Vitarum Scriptt. Græc. p. 404), а также сборник в Stephan. Thesaur. p. 1095.

[223] Плутарх, Солон, с. 17; Cyrill. cont. Julian, v, p. 169, ed. Spanheim. Перечисление различных допустимых оправданий убийства, которое мы находим у Dêmosth. cont. Aristokrat. p. 637, кажется слишком обширным и систематическим для эпохи Драко; возможно, оно было изменено Солоном или, возможно, в эпоху, последовавшую за Солоном.

[224] См. Boeckh, *Public Economy of the Athenians*, book iii, sect. 5. Титтманн (Griechisch. Staatsverfass. p. 651) и другие предполагали (на основании Aristot. Polit. ii, 4, 4), что Солон издал закон, ограничивающий количество земли, которое мог приобрести каждый отдельный гражданин. Но этот отрывок, как мне кажется, не подтверждает такого мнения.

[225] Плутарх, Солон, 24. *Первый закон*, однако, как говорят, был связан с обеспечением содержания жен и сирот (Harpokration, v. Σῖτος).

По афинскому закону (который по полноте положений и количеству названных в нем ступеней и официальных лиц относится к веку после Солона), в Аттике запрещалось вырывать с корнем оливковые деревья под страхом штрафа в двести драхм за каждое уничтоженное дерево, за исключением священных целей или в размере двух деревьев в год для удобства владельца (Dêmosthen. cont. Makartat c. 16, p. 1074).

[226] Плутарх, Солон, 22. ταῖς τέχναις ἀξίωμα περιέθηκε.

[227] Плутарх, Солон, 22-24. Согласно Геродоту, Солон постановил, что власти должны наказывать смертью каждого человека, который не может показать регулярный образ трудовой жизни (Herod. ii, 177; Diodor. i, 77).

Столь суровое наказание не внушает доверия; маловероятно и то, что Солон позаимствовал свою идею из Египта.

Согласно Поллуксу (viii, 6), при Драко безделье наказывалось атимией (лишением гражданских прав), а при Солоне это наказание применялось только к тому, кто был осужден за него в трех последовательных случаях. См. Meursius, *Solon*, c. 17; и "Ареопаг" того же автора, с. 8 и 9; и Taylor, *Lysiac. cap. 10*.

[228] Xenophon, *De Vectigalibus*, iii, 2.

[229] Thucyd. ii, 40 (погребальная речь, произнесенная Периклесом), -καὶ τὸ πένεσθαι οὐχ ὁμολογεῖν τινὶ αἰσχρὸν, ἀλλὰ μὴ διαφεύγειν ἔργῳ αἴσχιον.

[230] Herodot. ii, 167-177: сравните Xenophon, *Economic*. iv, 3.

Однако беспредельные насмешки, которые Аристофан обрушивает на Клеона как на кожевника и на Гипербола как на ламповщика, доказывают, что, если какой-либо производитель занимался политикой, его противники по партии находили в нем достаточно старых чувств, чтобы обратить их на пользу.

[231] Это, кажется, справедливое значение слов, ἐν τῷ γένει τοῦ τεθνηκότος ἔδει τὰ χρήματα καὶ τὸν οἶκον καταμένειν, для того раннего времени (Plutarch, *Solon*, 21): сравни Meier, *De Gentilitate Atticâ*, p. 33.

[232] Tacitus, *German*, c. 20; Halhed, *Preface to Gentoo Code*, p. i, iii; *Mill's History of British India*, b. ii, ch. iv, p. 214.

[233] См. диссертацию Бунзена, *De Jure Hereditario Atheniensium*. pp. 28, 29; и Германа Шеллинга. *De Solonis Legibus ap. Oratt. Atticos*, ch. xvii.

Приемному сыну не разрешалось завещать по завещанию то имущество, обладателем которого он становился в результате усыновления: если он не оставлял законных детей, наследники по закону усыновителя претендовали на него по праву (Dêmosthen. cont. Leochar p. 1100; cont. Stephan. B. p. 1133; Bunsen, *ut sup.* pp. 55-58).

[234] Плутарх, Солон, 21. τὰ χρήματα, κτήματα τῶν ἐχόντων ἐποίησεν.

[235] Согласно Эскинесу (Cont. Timarch. pp. 16-78), наказание, введенное Солоном против προαυυός, или сводника, в таких случаях соблазнения, было смертью.

[236] Плутарх, Солон, 20. Эти φερναὶ были независимы от приданого невесты, за которое муж, получая его, обычно давал залог и выплачивал его в случае смерти жены: см. Bunsen, De Jure Hered. Ath. p. 43.

[237] Плутарх, I. c. Солонские ограничения в отношении похорон были в значительной степени скопированы в двенадцати таблицах в Риме: см. Цицерон, De Legg. ii, 23, 24. Он считает правильным уравнивать богатых и бедных в отношении погребальных церемоний. Платон придерживается противоположной идеи и ограничивает расходы на похороны по градуированной шкале, в зависимости от переписи умершего (Legg. xii, p. 959).

Деместенес (cont. Makartat. p. 1071) дает так называемый солонический закон о похоронах, отличающийся от Плутарха по нескольким пунктам.

В греческих городах иногда упоминается неуправляемый избыток горя среди женского пола: см. μαυικὸν πένθος среди милезийских женщин (Polyæn. viii, 63): милезийские женщины, однако, имели оттенок карийского чувства.

Сравните поучительную надпись, фиксирующую закон греческого города Гамбрейон в Малой Азии, где строго предписаны одежда, порядок действий и время разрешенного траура для мужчин, женщин и детей, потерявших своих родственников, под угрозой суровых наказаний (Franz, Fünf Inschriften und fünf Städte in Kleinasien, Berlin, 1840, p. 17). Дорогие церемонии при праздновании брака запрещены некоторыми старыми скандинавскими законами (Wilda, Das Gildenwesen im Mittelalter, p. 18).

[238] Плутарх, Солон, 23. Xenophanês, Frag. 2, ed. Schneidewin. Если верить Диогену, до Солона вознаграждения были еще больше: он их уменьшил (Diog. I. i, 55).

[239] Плутарх, Солон, с. 23. См. Suidas, v. Φεισόμεθα.

[240] См. законы в Dêmosthen. cont. Timokrat. pp. 733-736. Несмотря на мнение Геральда (Animadversion. in Salmas. iv, 8) и Мейера (Meier, Attischer Prozess, p. 356), я не могу представить, что в основе этих законов лежит что-то более чем солоновское, - они указывают на слишком развитое для того времени состояние аттической процедуры (Lysias c. Theomn. p. 356). Слово ποδοκάκη принадлежит Солону и, вероятно, означает наказание в виде пяти дней заключения в колодках для вора, который не вернул украденное.

Аулус Гелл. (xi, 18) упоминает о простой *ρæna dupli*: у авторов, у которых он копировал, очевидно, что Солон, как утверждается, ввел этот закон вообще для *всех* краж: мы не можем сказать, у кого он копировал, но в другой части своего труда он копирует солоновский закон из деревянного ἄξονες по авторитету Аристотеля (ii, 12).

Платон в своих "Законах" предписывает *ρæna dupli* во всех случаях кражи, без различия обстоятельств (Legg. ix, p. 857; xii, p. 941); это был также первобытный закон Рима: "Posuerunt furem duplo condemnari, fœneratorem quadruplo". (Cato, De Re Rusticâ, Proœmium), то есть в случаях *furtum nec manifestum* (Walter, Geschichte des Römisch. Rechts. sect. 757).

[241] Плутарх, Солон, 24; Athenæ. iv, p. 137; Diogen. Laërt. i, 58: καὶ πρῶτος τὴν συναγωγὴν τῶν ἐννέα ἄρχόντων ἐποίησεν, εἰς τὸ συνεπεῖν,- где, возможно, συνεπεινῆν является правильным чтением.

[242] Плутарх, Солон, 20, и De Serâ Numinis Vindictâ, p. 550; Aulus Gell. ii, 12.

[243] См. случай такого безразличия, проявленного жителями Аргоса, в "Жизни Арата" Плутарха, с. 27.

[244] Плутарх, Солон, 29; Диоген. Laërt. i, 59.

[245] Плутарх, Солон, 15.

[246] Herodot. i, 29. Σόλων, ἀνὴρ Ἀθηναῖος, ὃς Ἀθηναίοισι νόμους κελεύσας ποιήσας, ἀπεδήμησε ἕτεα δέκα, ἵνα δὴ μὴ τίνα τῶν νόμων ἀναγκάσθῃ λῦσαι τῶν ἕθετο- αὐτοὶ γὰρ οὐκ οἴοι τε ἦσαν αὐτὸ ποιῆσαι Ἀθηναῖοι- ὀρκίοισι γὰρ μεγάλοισι κατεῖχοντο, δέκα ἕτεα χρῆσθαι νόμοισι τοὺς ἄν σφι Σόλων θῆται.

Сто лет - срок, указанный Плутархом (Solon, 25).

[247] Плутарх, Солон, 26; Геродот. v, 113. Утверждения Диогена о том, что Солон основал Соли в Киликии и что он умер на Кипре, не заслуживают доверия (Diog. Laërt. i, 51-62).

[248] Плутарх сообщает нам, что несколько авторов отвергали реальность этого интервью как хронологически невозможную. Следует помнить, что вопрос упирается в беседу, *описанную Геродотом*, и ее предполагаемое продолжение; ведь то, что между Солоном и Крёзом в Сардах в какой-то период между 594 и 560 годами до н. э. могла состояться беседа, вполне возможно, хотя и не доказано.

Очевидно, что Солон не упоминал о беседе с Крёзом в своих стихах; в противном случае спор был бы сразу же разрешен. А это для такого человека, как Солон, равносильно отрицательному доказательству некоторой ценности, поскольку он упоминал в своих стихах и Египет, и принца Филокипра на Кипре, и если бы между ним и Крёзом состоялся какой-либо разговор, столь впечатляющий, как тот, о котором повествует Геродот, он вряд ли мог бы не упомянуть о нем.

Весселинг, Ларчер, Вольней и мистер Клинтон пытаются устранить хронологические трудности и сохранить исторический характер этой беседы, но, на мой взгляд, безуспешно. См. книгу г-на Клинтона "F. H. ad ann. 546 до н. э., и Приложение, с. 17, р. 298. Хронологические данные таковы: Крёс родился в 595 году до н. э., за год до принятия закона Солона; он наследовал своему отцу в возрасте тридцати пяти лет, в 560 году до н. э.; он был свергнут, а Сарды захвачены в 546 году до н. э. Киром.

Г-н Клинтон, вслед за Весселингом и другими, полагает, что Крёс был царем совместно со своим отцом Халиаттесом при жизни последнего, и что Солон посетил Лидию и беседовал с Крёсом во время этого совместного правления в 570 году до н. э. "Мы можем предположить, что Солон покинул Афины в 575 году до н. э., примерно через двадцать лет после своего архонства, и вернулся туда в 565 году до н. э., примерно за пять лет до узурпации Писистрата". (р. 300.) В соответствии с этой гипотезой мы можем отметить следующее.

1. Аргументы, с помощью которых Весселинг и мистер Клинтон пытаются показать, что Крёс был царем совместно со своим отцом, не подтверждают этот вывод. Отрывок Николая Дамаскена, который приводится, чтобы показать, что именно Халяттес (а не Крёс) завоевал Карию, свидетельствует только о том, что Халяттес *вошел* в Карию с вооруженным отрядом (ἐπὶ Καρίαν στρατεύων): тот же автор утверждает, что Крёс был назначен Халиаттесом управлять *Адрамитией и равниной Фебека* (ἄρχεῖν ἀποδεδειγμένος), но г-н Клинтон растягивает это свидетельство до недопустимых пределов, когда делает его равнозначным завоеванию *Иолиса* Халяттесом ("так что Иолис уже завоеван"). В этом отрывке Николая ничего не говорится ни об Иолисе, ни о городах эолийских греков, который представляет Крёза как управляющего своего рода сатрапией

при своем отце Халяттесе, как Кир Младший в последующие времена при Артаксерксе. А выражение Геродота, ἐλεῖ τε, δόντος τοῦ πατρὸς, ἐκράτησε τῆς ἀλχῆς ὁ Κροῖσος, кажется мне, если брать его вместе с контекстом, указывает на завещание или назначение преемника, а не на дарение при жизни.

2. Таким образом, гипотеза о том, что Крѣс был царем в 570 году до н. э., при жизни своего отца, является чисто случайной, к которой прибегают из-за хронологических трудностей, связанных с рассказом Геродота. Но она совершенно недостаточна для такой цели; она не избавляет нас от необходимости противоречить Геродоту в большинстве его частных фактов; возможно, в 570 году до н. э. имела место беседа между Солоном и Крѣзом, но это не может быть беседа, описанная Геродотом. Эта беседа происходит в течение десяти лет после обнародования законов Солона, в период максимального могущества Крѣза и после многочисленных завоеваний, совершенных им как царем, в то время, когда у Крѣза был достаточно взрослый сын, чтобы жениться и командовать армией (Herod, i, 35), - в то время, к тому же, непосредственно предшествовавшее повороту его судьбы от процветания к несчастью, сначала в смерти сына, сопровождавшейся двумя годами траура, который был прекращен (πένθος ἀπέλαυσε, Herod. i, 46) толчком к войне с персами. Эта война, если мы читаем события, описанные Геродотом, не могла длиться более трех или четырех лет, - так что беседа между Солоном и Крѣзом, как ее представлял Геродот, может быть справедливо признана состоявшейся в течение семи лет до взятия Сард.

Если сложить все эти условия, то окажется, что беседа, о которой рассказывает Геродот, хронологически невозможна: и Нибур (Rom. Gesch. vol. i, p. 579) прав, говоря, что историк ошибся на десять олимпиад, или сорок лет; его рассказ соответствовал бы хронологии, если предположить, что солоновское законодательство относится к 554 году до н. э., а не к 594.

По моему мнению, это иллюстративная история, в которой некоторые реальные персонажи - Крѣс и Солон - и некоторые реальные факты - великое могущество и последующее разорение первого победоносной рукой Кира - вместе с некоторыми фактами, возможно, полностью вымышленными, такими как два сына Крѣса, фирянин Адраст и его история, охота на озорного вепря на горе Олимп, окончательное спасение Крѣса и т. д. собраны вместе, чтобы передать впечатляющий моральный урок. Все приключение Адраста и сына Крѣза описано языком необычайно красивым и поэтичным.

Плутарх рассматривает впечатляемость и уместность этого повествования как лучшее доказательство его исторической достоверности и отбрасывает хронологические таблицы как недостойные доверия. По поводу этих рассуждений г-н Клинтон высказывает следующие весьма справедливые замечания: "Плутарх, должно быть, имел весьма несовершенное представление о природе исторических свидетельств, если мог вообразить, что соответствие истории характеру Солона является лучшим аргументом в пользу ее подлинности, чем количество свидетелей, которыми она подтверждается. Те, кто придумал эту сцену (если предположить, что это вымысел), несомненно, обладали достаточным мастерством, чтобы адаптировать речь к характеру действующих лиц". (p. 300.)

Чтобы сделать это замечание полным, необходимо добавить слова "достоверность и средства познания" в дополнение к "числу" свидетелей. И это замечание тем более достойно внимания, что мистер Клинтон здесь явно указывает на существование правдоподобного вымысла, как полностью отличного от подтвержденного факта, - различие, которого он не учитывал в своем обосновании исторической достоверности ранних греческих легенд.

[249] Herod, i, 32. Ὡς Κροῖσε, ἐπιστάμενόν με τὸ θεῖον, πᾶν ἐὸν φθονερόν τε καὶ ταραχώδες, ἐπειρωτᾷς με ἀνθρωπῆϊων πρηγμάτων πέρι. i, 34. Μετὰ δὲ Σόλωνα οἰχόμενον, ἔλαβεν ἐκ θεοῦ νέμεσις μεγάλη Κροῖσον, ὡς εἰκάσαι ὅτι ἐνόμισε ἐωϋτὸν εἶναι ἀνθρώπων ἀπάντων ὀλβιώτατον.

Охотничий поединок и страшный вепрь, с которым не могут справиться мисийцы, заимствованы, по-видимому, из легенды о Калидоне. Вся сцена, когда Адраст, вернувшись после несчастного случая в состоянии отчаянного раскаяния, молит о смерти с расprostертыми руками, пощаженный Крёзом, а затем убивает себя на могиле юного принца, глубоко трагична (Herod. i, 44-45).

[250] Herodot. i, 85.

[251] Herodot. i, 86, 87: сравните Plutarch, Solon, 27-28. См. аналогичный рассказ о лидийском царе Гигесе (Valerius Maxim. vii, 1, 2).

[252] Ксеноф. Memorab. ii, 1, 21. Πρόδικος ὁ σοφὸς ἐν τῷ συγγράμματι τῷ περὶ Ἡρακλέους, ὅπερ δὴ καὶ πλείστοις ἐπιδείκνυται и др.

[253] Herodot. vii, 10. φιλέει γὰρ ὁ θεὸς τὰ ὑπερέχοντα πάντα κολοῦειν.... οὐ γὰρ ἔῃ φρονέειν μέγα ὁ θεὸς ἄλλον ἢ ἐωϋτόν.

[254] Herodot. i, 59. Я записываю этот намек на Ниссею и Мегарскую войну, потому что нахожу его четко выраженным у Геродота; и потому, что он, возможно, относится к какой-то другой *более поздней* войне между Афинами и Мегарой, чем та, которая упоминается в "Жизни Солона" Плутарха как имевшая место до Солонова законодательства (то есть до 594 г. до н. э.), а значит, почти за сорок лет до этого движения Пейсистрата к деспотизму. Тогда Писистрат, должно быть, был настолько молод, что о нем нельзя было с полным основанием сказать, что он "захватил Ниссею" (Νισσαίαν τε ἐλὼν): более того, общественная репутация, которая оказалась полезной для честолюбия Писистрата в 560 году до н. э, должна была основываться на чем-то более позднем, чем его храбрость, проявленная в 597 году до н. э.; точно так же, как известность, позволившая Наполеону играть в игру успешного честолюбия 18 брюмера (ноябрь 1799 года), была получена благодаря победам, одержанным в течение предшествующих пяти лет, и не могла быть представлена каким-либо историком как опирающаяся на победы, одержанные в Семилетней войне, между 1756-1763 годами.

В то же время я считаю, что слова Геродота о Писистрате действительно относятся к Мегарийской войне, упомянутой в "Жизни Солона" Плутарха, и что Геродот предполагал, что Мегарийская война была гораздо ближе к деспотизму Писистрата, чем это было на самом деле. В концепции Геродота и благодаря тому, что (вслед за Нибуром) я осмеливаюсь назвать ошибкой в его хронологии, интервал между 600-560 гг. до н. э. сокращается с сорока лет до малого или нуля. Такая ошибка проявляется не только в данном случае, но и в двух других: во-первых, в отношении предполагаемого диалога между Солоном и Крезом, описанного и прокомментированного несколькими страницами выше; во-вторых, в отношении поэта Алкея и его бесславного отступления перед афинскими войсками в Сигее и Ахиллее, где он потерял свой щит, когда митиленцы были разбиты. Реальность этого инцидента не вызывает сомнений, так как о нем упоминает сам Алкей в одной из своих песен; но Геродот представляет его как произошедший в афинской экспедиции *под руководством Пейсистрата*. Теперь война, в которой Алкей понес это несчастье и которая была завершена при посредничестве Периандра из Коринфа, должна была произойти раньше 584 года до н. э., и, вероятно, произошло до принятия закона Солона; задолго до того времени, когда Писистрат руководил афинскими делами, - хотя последний мог вести и, вероятно, вел *другую и более позднюю войну* против митиленцев в тех краях, что привело к введению его незаконнорожденного сына Гегезистрата в качестве деспота Сигея (Herod. v. 94-95).

Если мы проследим за тем, как Геродот описывает эти три различные череды событий, то увидим, что все они сопровождаются одной и той же хронологической ошибкой - он перескакивает почти через десять олимпиад, или сорок лет. Алкей - современник Питтака и Солона.

В предыдущей главе, посвященной сикионским деспотам (гл. ix.), я уже отмечал еще один случай путаницы в хронологии Геродота в отношении событий этого периода - в отношении Крёза, Мегаклеса, Алкмена и Клейстенеса Сикионского.

[255] Aristot. Politic. v, 4, 5; Плутарх, Солон, 29.

[256] Plato, Republic, viii, p. 565. τὸ τυραννικὸν αἶτημα τὸ πολυθруλλητὸν ... αἰτεῖν τὸν δῆμον φύλακας τινὰς τοῦ σώματος, ἵνα σῶς αὐτοῖς ᾖ ὁ τοῦ δήμου βοηθός.

[257] Diog. Laërt. i, 49. ἡ βουλή, Πεισιστατίδαι ὄντες и т. д.

[258] Плутарх, Солон, 29-30; Diog. Laërt. i, 50-51.

[259] Плутарх, Солон, 30; Diogen. Laërt. i, 49; Diodor. Excerpta., lib. vii-x, ed. Maii. Fr. xix-xxiv.

[260] Солон, фрагмент 22, изд. Bergk. Исократес утверждает, что Солон был первым человеком, к которому было применено название "софист" - в более поздние времена вызывавшее столько злословия (Isokratês, Or. xv, De Permutatione, p. 344; p. 496, Bek.).

[261] Plutarch, Solon, 32; Kratinus ap. Diogen. Laërt. i, 62.

[262] Аристидес, обращая внимание на этот рассказ о развеивании праха Солона в Саламине, рассматривает его как Ἀρχηγέτης острова (Orat. xlvī, Ὑπὲρ τῶν τεττάρων, p. 172; p. 230, Dindorf). Надпись на его статуе, которая описывает его как родившегося в Саламине, вряд ли могла быть буквальной правдой: ведь когда он родился, Саламин еще не был включен в состав Аттики; но она могла быть правдой в результате своего рода усыновления (см. Diogen. Laërt. i, 62). Статуя, по-видимому, была воздвигнута самими саламинянами, спустя долгое время после Солона: см. Menage ad Diogen. Laërt. I. с.

[263] См. Fiedler, Reisen durch Griechenland, vol. ii, p. 87.

[264] Herodot. viii, 46; Thucyd. vii, 57.

[265] Diodor. xiii, 47.

[266] Kallimachus, Hymn. ad Delum, 289, с примечанием Спанхейма; Theognis, v, 888; Theophrast. Hist. Plant. 8, 5.

См. Leake, Travels in Northern Greece, vol. ii, ch. 14, p. 254, seq. Пассаж Феогниса приводит к убеждению, что Кекринф составлял часть территории Халкиса.

[267] Скилак (с. 59) рассматривает остров Скирус как противоположный Эретрии, территория которого, следовательно, должна была включать часть восточного побережья Эвбеи, а также западного. Он признает только четыре города на острове: Карыстус, Эретрию, Халкис и Эстезию.

[268] Mannert, Geograph. Gr. Röm. part viii, book i, с. 16, p. 248; Strabo, x, pp. 445-449.

[269] Седьмая оратория Дио Хризостома, в которой описывается его кораблекрушение у мыса Кафарей на острове Эвбея, а также приют и доброта, которые он получил от бедного горного егеря, представляет собой одну из самых интересных сохранившихся картин этой чисто деревенской части греческого населения (Or. vii, p. 221, seq.), - людей, никогда не входивших в город и чуждых царившим там привычкам, нравам и одежде, - людей, пивших молоко и одетых в

шкура (γαλακτοπότας ἀνὴρ, οὐρεϊβάτας, Eurip. Elektr. 169), но тем не менее (как кажется) обладавших правом гражданства (стр. 238), которым они никогда не пользовались. Благодаря трудолюбию бедняков, которых посетил Дион, в пустынном месте близ Кафарея были возделаны небольшой сад и поле.

Две трети территории этого эвбейского города составляли бесплодные горы (с. 232); вероятно, это был Карыстус.

Высокие земли Эвбеи были необитаемы и труднодоступны даже во время Марафонской битвы, когда Халкис и Эретрия еще не сильно уменьшились от максимума своего могущества: жители Эретрии смотрели на τὰ ἄρκα τῆς Εὐβοίης как на убежище против персидских войск под командованием Датиса (Herod. vi, 100).

[270] Strabo, x, p. 445.

[271] Плутарх, Quæst. Græc. p. 296; Strab. x, p. 446 (чьи утверждения очень запутанны); Velleius Patercul. i, 4.

Согласно Скимну Хианскому (v. 572), Халкис был основан Пандором, сыном Эрехтея, а Кринф - Котоном, выходцем из Афин.

[272] Strabo, x, p. 446, -Πὰρ δὲ Χαλκιδικαὶ σπάθαι (Alkæus, Fragm. 7, Schneidewin), -Χαλκιδικὸν ποτήριον (Aristophan. Equit. 237), - несомненно, относится к эвбейскому Халкису, а не к фракийскому Халкидику. Boeckh, Staatshaushalt. der Athener, vol. ii, p. 284, App. xi, приводит Χαλκιδικὰ ποτήρια в одной надписи: сравните Steph. Byz. Χαλκίς.-Ναυσικλείτης Εὐβοίης, Гомер, Hymn. Apoll. 219.

[273] См. минералогический отчет об островах у Фидлера (Reisen, vol. ii, pp. 88, 118, 562).

Медная и железная руда вблизи Халкиса перестала разрабатываться еще во времена Страбона: Фидлер указывает вероятное место (vol. i, p. 443).

[274] Herodot. iii. 57. Сифнийцы, однако, в злой час совершили ошибку, утаив эту десятину: море вскоре нахлынуло и сделало рудники впоследствии непригодными для работы (Pausan. x, 11, 2).

[275] Strabo, x, p. 448.

[276] Herodot. v, 31. Сравните рассказы об этих различных островах в недавних путешествиях профессора Росса, Reisen auf den Griechischen Inseln, т. i, письмо 2; т. ii, письмо 15.

Население Наксоса в настоящее время составляет около одиннадцати тысяч душ, Андроса - пятнадцать тысяч (Ross, vol. i, p. 28; vol. ii, p. 22).

Но протяженность и плодородие наксийской равнины вполне позволяют обеспечить совокупное население в сто тысяч душ, что, по-видимому, подразумевается в рассказе Геродота.

[277] Strabo, l. c.

[278] Herodot. v, 77; Aristoteles, Fragment. περὶ Πολιτειῶν, ed. Neumann, pp. 111-112: ср. Aristot. Polit. iv, 3, 2.

[279] Hom. Hymn. Apoll. Del. 146-176; Thucyd. iii, 104:-.

Φαίη κ' ἀθανάτους καὶ ἀγήρως ἔμμεναι αἰεὶ,

Ἵος τότε' ἐπαντιάσει', ὅτ' Ἰάονες ἄθροοι εἶεν-.

Πάντων γάρ κεν ἴδοιτο χάριν, τέρψαιτο δὲ θυμὸν,

Ἄνδρας τ' εἰσορόων καλλιζώνους τε γυναῖκας,

Νῆας τ' ὠκείας ἡδ' αὐτῶν κρήματα πολλά.

[280] Thucyd. iii, 104.

[281] Thucyd. i, 6. διὰ τὸ ἀβροδίατον, etc.

[282] Herodot. i, 143. Οἱ μὲν νυν ἄλλοι Ἴωνες καὶ οἱ Ἀθηναῖοι ἔφυγον τὸ οὔνομα, οὐ βουλόμενοι Ἴωνες κεκληῖσθαι, -утверждение, совершенно неоспоримое в отношении времен, непосредственно предшествующих Геродоту, но не столь же приемлемое в отношении более ранних времен. Сравните Thucyd. i, 124 (с Scholium), а также v, 9; viii, 25.

[283] Thucyd. i, 15. Вторая Мессенская война не могла показаться Фукидиду столь многочисленной, чтобы привлечь на каждую сторону столько союзников, как это представляет Павсаний.

[284] Strabo, viii, p. 448; Herodot. v, 99; Plutarch, Amator, p. 760, - ценно тем, что ссылается на Аристотеля.

Гесиод перешел из Аскры в Халкис по случаю погребальных игр, устроенных сыновьями Амфидама в честь их умершего отца, и получил треножник в качестве приза за свою песню или рассказ (Opp. Di. 656). Согласно "Схолии", Амфидамас был царем Халкиса, погибшим в войне с Эретрией из-за Леланта. Но, похоже, Плутарх выбросил эти строки как поддельные, хотя и признает Амфидамаса энергичным защитником Халкиса в этой войне. См. Septem Sapient. Conviv. c. 10, p. 153.

Этот визит Гесиода в Халкис был представлен как сцена его поэтического состязания с Гомером и победы над ним. (См. Certamen Hom. et Hes. p. 315, ed. Göttl.)

[285] См. поразительное описание Халкиса, данное Дикеархом в Βίος Ἑλλάδος (Fragment. p. 146, ed. Fuhr).

[286] Herodot. i, 94.

[287] См. "Метрологию" Бёкха, с. 8 и 9.

[288] Euripid. Ion, 1546. κτίστωρ' Ἀσίαδος χθονός.

[289] Pausan. vii, 4, 6. Τοσαῦτα εἰρηκότα ἐς Χίους Ἴωνα εὐρίσκω- οὐ μέντοι ἐκεῖνός γε εἶρηκε, καθ' ἣντινα αἰτίαν Χῖοι τελοῦσιν ἐς Ἴῶνας.

О Самосе и его первобытных карийских жителях, вытесненных Патроклесом, и Тембрионе во главе греческих эмигрантов, см. Etymol. Mag. v. Ἀστυπάλαια.

[290] Herod. i, 146. ἐπεὶ, ὥς γε ἔτι μᾶλλον οὗτοι (*m. e.* жители пан-ионического Додекаполиса) Ἴωνές εἰσι τῶν ἄλλων Ἴωνων ἢ κάλλιον τι γεγόνασι, μωρὴ πολλὴ λέγειν- τῶν Ἀβαντες ἐξ Εὐβοίης εἰσὶν οὐκ ἐλαχίστη μοῖρα, τοῖσι Ἴωνίης μετὰ οὐδὲ τοῦ οὐνόματος οὐδέν- Μίνυαι δὲ Ὀρχομένιοι ἀναμεμίχεται, καὶ Καδμεῖοι, καὶ Δρύοπες, καὶ Φωκῆες ἀποδάσμιοι, καὶ Μολοσσοί, καὶ Ἀρκάδες Πελασγοί, καὶ Δωριεῖς Ἐπιδαύριοι, ἄλλα τε ἔθνεα πολλὰ ἀναμεμίχεται. Οἱ δὲ αὐτέων ἀπὸ τοῦ

Πρυτανῆϊοι τοῦ Ἀθηναίων ὀρμηθέντες, καὶ νομίζοντες γενναιότατοι εἶναι Ἰώνων, οὗτοι δὲ οὐ γυναῖκας ἤγαγον εἰς τὴν ἀποικίην, ἀλλὰ Καείρας ἔσχον, τῶν ἐφόνευσαν τοὺς γονέας ... Ταῦτα δὲ ἦν γινόμενα ἐν Μιλήτῳ.

Полемический тон, в котором выдержано это замечание Геродота, Дальманн объясняет тем, что оно было призвано опровергнуть некоторые хвастливые притязания милезийского Гекатэя (см. Bähr, *ad loc.*, и Klausen *ad Hekataei Frag.* 225).

Согласно утверждению Геродота, критерием *ионизма* является то, что город должен вести свое происхождение от Афин и отмечать торжество Апатурии (i. 147). Но мы должны трактовать оба этих теста со снисхождением. Эфес и Колофон были ионическими, хотя ни один из них не праздновал Апатурию. И колония могла быть образована под эгидой Афин, хотя поселенцы не были ни уроженцами, ни даже родственниками уроженцев Аттики.

[291] Herod. i, 142. Ephesus, Kolophôn, Lebedus, Teôs, Klazomenæ, Phokæa-αὗται αἱ πόλεις τῇσι πρότερον λεχθείησι ὁμολογέουσι κατὰ γλῶσσαν οὐδὲν, σφὶ δὲ ὁμοφωνέουσι.

[292] Herodot. i, 146.

[293] Thucyd. vi, 17, ο σιцилийских греках-ὄχλοις τε γὰρ ξυμμικτοῖς πολυανδροῦσιν αἱ πόλεις, καὶ ῥαδίας ἔχουσι τῶν πολιτείων τὰς μεταβολὰς καὶ ἐπιδοχάς.

[294] См. Raoul Rochette, *Histoire des Colonies Grecques*, b. iv, c. 10, p. 93.

[295] Herodot. i, 170.

[Диодор (xv, 49) и Дионисий Галикарнасский (A. R. iv, 25) говорят, будто созыв или фестиваль был формально перенесен в Эфес из-за небезопасности собраний в Микале: Страбон, напротив, говорит о Пан-Ионии так, будто в его время они все еще праздновались на прежнем месте (xiv, pp. 636-638), под присмотром прикнейцев. Формальный перенос не является вероятным: Фукидид (iii, 104) доказывает, что в его время праздник в Эфесе был практически пан-ионическим, хотя Геродот, похоже, не считал его таковым. См. Guhl, *Ephesiaca*, part iii, p. 117; и K. F. Hermann, *Gottesdienstliche Alterthümer der Griechen*, c. 66, p. 343.

[297] Местонахождение Милета лучше всего указано Аррианом, i, 19-20; см. местонахождение Фокеи, Эритреи, Мионнеса, Клазомен, Колофона, Теоса (Strabo, xiv, pp. 644-645; Pausan. vii, 3, 2; Livy, xxxvii, 27-31; Thucyd. viii, 31).

[298] Strabo. xiv, p. 635.

[299] Strabo, xiv, p. 633; Herod. ix, 97-99. Τὸ Ποσειδῖον τῶν Μιλησίων. Strabo, xiv, p. 651.

[300] Strabo, xiv, p. 636; Vitruvius, iv, 1; Polyæn. viii, 35.

[301] Strabo, xiv, pp. 636-638.

[302] Thucyd. i, 116.

[303] Conon, *Narrat.* 29; Strabo, xiv, pp. 636-647.

Рассказ Парфения о Левкиппе, вожде τῶν δεκατευθέντων ἐκ Φέρης υπ' Ἀδμήτου, который пришел в Эфесскую область и овладел местом, называемым Кретинаэон, в результате предательства Лейкофрики, дочери Мандролитоса, - правда или роман, но это одно из свидетельств о переселении фессалийцев в те края (Parthen. *Narrat.* 6).

[304] Strabo, xiii, p. 621. См. Niebuhr, Kleine Historische Schriften, p. 371, O. Müller, Etrusker, Einleitung ii, 5, p. 80. Однако доказательства, на которых строится предположение Мюллера, кажутся необычайно слабыми, а идентичность Тирреноса и Торрхобоса или предполагаемая путаница одного с другим никак не подтверждается. О пеласгах говорят в Траллесе и Афродисии, а также в Ниноке (Steph. Byz. v. Νινόη), но это имя, похоже, обречено представлять собой лишь проблемы и заблуждения.

Что касается Магнезии на Мæандре, то обратитесь к Aristot. ap. Athen. iv, p. 173, который называет этот город колонией из Дельф. Но промежуточное поселение этих колонистов в Крте, или даже реальность какого-либо города под названием Магнесия в Крте, представляется весьма сомнительной: Заявление Платона (Legg. iv, 702; xi, 919) вряд ли может быть принято в качестве доказательства. Сравните О. Мюллер, История дорийцев, кн. II, гл. 3; Хокх, Крета, кн. III, т. II, с. 413. Мюллер преподносит эти "сагены" слишком в стиле реальных фактов: поклонение Аполлону в Магнезии на Месандре (Paus. x, 32, 4) не может считаться большим доказательством, учитывая, насколько широко этому богу поклонялись на азиатском побережье, от Ликийи до Троады.

Великая древность этого греческого сооружения была признана во времена римских императоров; см. Inscript. No. 2910 в Boeckh, Corp. Ins.

[305] Ἰωνίης πρόσχημα (Herodot. v, 28).

[306] Strabo, xiv, p. 635. Икарус, или Икария, однако, в более поздние времена представляется как принадлежащий Самосу и используемый только для пастбищ (Strabo, p. 639; x, p. 488).

[307] Kreophylus ap. Athen. viii, p. 361; Ephor. Fragm. 32, ed Marx; Stephan. Byz. v. Βέννα: см. Guhl, Ephesiaca, p. 29.

[308] Pausan. vii, 4, 3.

[309] Рассказ Ephorus ap. Steph. Byz. v. Βέννα, свидетельствует, по крайней мере, о существовании пяти племен в Эфесе, независимо от того, обоснован его рассказ об их происхождении и первобытной истории или нет. См. также Strabo, xiv, p. 633; Steph. Byz. v. Εὐωνυμία. Karênê или Karinê находится в Æolis, недалеко от Pitana и Gryneium (Herod. vii, 42; Steph. Byz. Καρήνη).

[310] Stephan. Byz. v. Σάμορνα; Heysch. Σαμόνια; Athenæus, vi, p. 267; Hippônax, Fragm. 32, Schneid.; Strabo, xiv, p. 633. Некоторые, однако, утверждают, что *викус* Эфеса, называемый Смирной, получил свое название от амазонки.

[311] Strabo, xiv, p. 620.

[312] Bato ap. Suidas, v. Πυθαγόρας. В этой статье Суидаса, однако, говорится, что "эфесский Пифагор с помощью хитрого заговора уничтожил правительство тех, кого называли *василидами*". Аристотель говорит (Polit. v, 5, 4) об олигархии василидов в Эритрее. Вряд ли олигархия под тем же названием существовала и в Эритрее, и в Эфесе; здесь имеет место некоторая путаница между Эритреей и Эфесом, которую мы не в состоянии прояснить. Бато из Синопа написал книгу περὶ τῶν ἐν Ἐφέσῳ τυράννων (Athenæus, vii, p. 289).

[313] Guhl, Ephesiaca, cap. ii, s. 2, p. 28. Отрывок, который он цитирует в Aristeidês (Or. xlii, p. 523), относится не к Эфесу, а к Пергаму, и к мифу об Авре и Телифе: сравните *ibid.* p. 251.

[314] Mimnerm. Fragm. 9, Schneid. ap. Strab. xiv, p. 634:-.

Ἡμεῖς δ' αἰπὺ Πύλον Νηλήϊον ἄστυ λιπόντες

Ἰμερτὴν Ἀσίην νηυσὶν ἀφικόμεθα-

Ἐς δ' ἐρατὴν Κολοφῶνα, βίην ὑπέροπλον ἔχοντες,

Ἐζόμεθ' ἀργαλέης ὕβριος ἡγεμόνες.

Мимнермус в своей поэме под названием "Нанно" называет Андрæмона основателем (Strabo, p. 633). Сравните это поведение с рассказом Одиссея у Гомера (Odys. ix. 40):-.

Ἰλιόθεν με φέρων ἄνεμος Κικόνεσσι πέλασσευ

Ἰσμάρω- ἔνθα δ' ἐγὼ πόλιν ἔπραθον, ὤλεσα δ' αὐτούς-

Ἐκ πόλιος δ' ἀλόχους καὶ κτήματα πολλὰ λαβόντες

Δάσσαμεθ' , и т.д.

Мимнерм появился немного раньше Солона, 620-600 гг. до н. э.

[315] Aristot. Polit. v, 2, 12; Thucyd. iii, 34.

[316] Hesiod. ap. Strab. xiv, p. 643; Conon, Narrat. 6; Аргумент о поэме под названием Νόστοι (apud Düntzer), Epicc. Græc. Frag. p. 23; Pausan. ix, 33, 1.

[317] Tacit. Annal. ii, 54.

[318] Pausan. vii, 3, 1.

[319] См. Welcker, Epischer Kyklus, p. 285.

[320] Steph Byz. v. Τέως; Pausan. vii, 3, 3; Strabo, xiv, p. 633. Анакреон называл город Ἀθαμαντίδα Τέω. (Strab. l. c.)

[321] Pausan. vii, 3, 3. См. Inscript. No. 3064 в Bœckh's Corp. Ins., где перечислены двадцать восемь отдельных πύργοι: это список архонтов, с именем и гражданским назначением каждого: Я не замечаю, чтобы имя одного и того же πύργος встречалось дважды: Ἀρτέμων, τοῦ Φιλαίου πύργου, Φιλαΐδης и т. д.: есть два πύργοι, имена которых стерты на надписи. В двух других надписях (№ 3065, 3066) встречается Ἐχίνου συμμορία-Ἐχίναδαι как название гражданского подразделения без указания на Ἐχίνου πύργος; но разумно предположить, что πύργος и συμμορία являются совпадающими подразделениями. Φιλαίου πύργος встречается и в другом инск. No. 3081. Филеус - афинский герой, сын Аякса, эпоним дема или рода Филаидов в Аттике, существовавшего, как мы видим, и в Теосе. В надписи № 3082 гражданина хвалят как νέον Ἀθάμαντα, по имени старого минийского героя. В № 3078 ионическое племя Γελέοντες названо существующим в Теосе.

Среди названий башен мы находим следующие:-τοῦ Κίδου πύργου, τοῦ Κιναβάλου πύργου, τοῦ Ἰέρου πύργου, τοῦ Δάδδου πύργου, τοῦ Σίντυος πύργου: эти имена кажутся скорее иностранными, чем эллинскими. Κίδυς, Ἰέρυς, Σίντυς, Δάδδος - азиатские, возможно, карийские или лидийские: что касается имени Δάδδος, сравните Steph. Byz. v. Τρέμισσος, где Δάδας представляется карийским именем: Bœckh (p. 651) высказывает свое мнение, что Δάδδος - карийское или лидийское. Тогда Κινάβαλος кажется явно не эллинским: это скорее финикийское имя (Аннибал, Асдрубал и т. д.), хотя Бёкх (в своем Вводном комментарии к Сарматским надписям, часть xi, стр. 109) говорит нам, что βαλος также является фракийским или гетским: "βαλος haud dubie Thracica aut Getica est radix finalis, quam tenes in Dacico nomine

Decebalus, et in nomine populi Triballorum." Имя τοῦ Κόθου πύργου, Κοθίδης, является ионическим: Ἀέκλος и Κοthus представлены как ионические экисты в Эвбее. Другое имя - Πάρμις, τοῦ Σθενέλου πύργου, Χαλκιδεῖος - дает случай, когда местный или языческий эпитет не происходит от башни; Ведь Χαλκιδεῖς, или Χαλκιδεύς, было обозначением деревни на тейской территории. По отношению к некоторым лицам эпитет "язычник" происходит от башни, - τοῦ Φιλαίου πύργου, Φιλαΐδης-τοῦ Γαλαΐσου πύργου, Γαλαισίδης-τοῦ Δάδδου πύργου, Δάδδεῖος-τοῦ πύργου τοῦ Κιζῶνος, Κίζων: в других случаях не-τοῦ Ἑκαδίου πύργου, Σκηβηΐδης-τοῦ Μηράδου πύργου, Βρυσκίδης-τοῦ Ἴσθμίου πύργου, Λεωνίδης и др. В инскриптах. 3065, 3066, есть формальное голосование Ἐχίνου συμμορία или Ἐχίναδαι (встречаются оба имени): Упоминается также βῶμος τῆς συμμορίας; также ежегодное торжество под названием Leukathea, по-видимому, языческое торжество эхинадеев, связывающее себя с мифическим родом Атамаса. В качестве аналогии с этими тейскими башнями можно сравнить πύργοι в греческом поселении Ольвия на Эвксинском море (Boesch, Inscr. 2058), πύργος Πόσιος, πύργος Ἐπιδαύρου, - они были частями укреплений. См. также Dio Chrysostom, Orat. xxxvi, pp. 76-77. Большая башня, принадлежавшая частному лицу по имени Агломах, упоминается в Кирене (Herod. iv, 164).

[322] Herod. i, 142: сравните Thucyd. viii, 5.

[323] Strabo, xiv, p. 633.

[324] Hippias ap. Athen. vi, p. 259; Polyæn. viii, 44, приводит другую историю о Кнопе. Эритрея, называемая Κνωπούπολις (Steph. Byz. v.).

История, рассказанная Полиэном о велении оракула и последующей хитрости, с помощью которой Кноп стал хозяином Эритреи, представляет этот город как могущественный до ионийской оккупации (Polyæn. viii, 43).

[325] Aristot. Polit. v, 5, 4.

[326] Pausan. vii, 3, 3. У Павсания имя стоит *Abartus*; но, вероятно, должно быть *Abarnus*, эпоним мыса Abarnis на территории Phôkæan: см. Stephan. Byz. v. Ἀβάρνις. Рауль Рошетт помещает Abarnus без каких-либо замечаний (Histoire des Colonies Grecques, b. iv, c. 13, p. 95).

[327] Herod. i, 150; Mimnermus, Fragm.

Θεῶν βουλῇ Σμύρνην εἵλομεν Αἰολίδα.

[328] См. Raoul Rochette, Histoire des Colonies Grecques, b. iv, ch. 5, p. 43; Aristeidês, Orat. xx-xxi, pp. 260, 267.

[329] Pausan. v, 8, 3.

[330] Vitruvius, iv, 1.

[331] Strabo, xiv, p. 646; Pindar, Frag. 155, Dissen.

[332] Thucyd. viii, 19.

[333] Skylax, c. 97; Thucyd. iii. 34.

[334] Herodot. i, 149. Геродот не называет Елею, в месяце Каика: с другой стороны, ни один другой автор не упоминает Игироэссу (см. Mannert, Geogr. der Gr. und Römer, b. viii, p. 396).

[335] Herod. *ut sup.*; Pseudo-Herodot. Vit. Homeri, с. 9. Σαρδῆνης πόδα νεῖατον ὑψικόμοιο.

[336] Strabo, xiii, p. 621.

[337] Xenoph. Hellen. iv, 8, 5. Ритор Аристеидес (Orat. Sacr. xxvii, p. 347, p. 535 D.) подробно описывает свое путешествие из Смирны в Пергам, пересекая Гермю и проходя через Лариссу, Кимку, Мирину, Гринею, Елею. Похоже, что он не проезжал через Темнос, по крайней мере, он его не называет: кроме того, из Павсания (v, 13, 3) мы знаем, что Темнос находился на северном берегу Гермуса. На лучших картах этого района он ошибочно помещен и на южном берегу, и как будто на большой дороге из Смирны в Киму. Из другого отрывка Аристеидеса (Or. xlviii, p. 351, p. 468 D.) можно сделать вывод, что Ларисса была ближе к устью Гермуса, чем указано на картах. Согласно Страбону (xiii, p. 622), Лариса, по-видимому, находилась на южном берегу Гермуса, но лучшее свидетельство Аристеидеса доказывает обратное; Скилакс (с. 94) не называет Темнос, что, по-видимому, указывает на то, что его территория находилась на некотором расстоянии от моря.

Исследования современных путешественников пока не пролили свет на положение Темноса или других эолийских городов: см. Arundel, Discoveries in Asia Minor, vol. ii, pp. 292-298.

[338] Плиний, Н. N. v, 30.

[339] Strabo, xiii, pp. 582-621, по сравнению с Псевдо-Геродотом, Vit. Homer, с. 1-38, который говорит, что Лесбос был занят эолийцами через сто тридцать лет после Троянской войны: Кима - через двадцать лет после Лесбоса; Смирна - через восемнадцать лет после Кимы.

Хронологические выкладки разных писателей собраны в книге г-на Клинтона "Fast. Hellen. с. 5, pp. 104, 105.

[340] Strabo, xiii, p. 621.

[341] Strabo, xiii, 621; Pseudo-Herodot. с. 14. Λαοὶ Φρίκωνος, по сравнению с с. 38.

В более поздние времена Φρίκων появляется как имя собственное у эйтолийцев; Φρίκος - у локрийцев. См. Anecdota Delphica, E. Curtius, Inscript. 40, p. 75 (Берлин, 1843).

[342] Ксеноф. Hellen. iii, 1, 6; Anab. vii, 8, 24.

[343] В коллекции Бёкха есть ценная надпись под № 3137, содержащая соглашение между жителями Смирны и Магнезии. Палæ-Магнезия, по-видимому, была сильным и важным постом.

"Magnêtes a Sipylo", Tacit. Annal. ii, 47; Плиний, Н. N. v, 29; Pausan. iii, 24, 2. πρὸς βόρρην τοῦ Σιπύλου.

Стефан. Byzantinus отмечает только Magnêsia ad Mæandrum, а не Magnêsia ad Sipyllum.

[344] Thucyd. ii, 9.

[345] Strabo, ix, p. 402; Thucyd. viii, 100; Pseudo-Herodot. Vit. Homer, i. Ἐπεὶ γὰρ ἡ πάλαι Αἰολιῶτις Κύμη ἐκτίζετο, συνῆλθοι ἐν ταύτῳ παντοδαπὰ ἔθνη Ἑλληνικὰ, καὶ δὴ καὶ ἐκ Μαγνησίας, etc. Etymolog. Magn. v, Αἰολεῖς.

[346] Herodot. i, 151; Strabo, xiii, p. 590.

[347] Diodor. xiii, 79; Strabo, xiii, p. 617; Thucyd. iii, 6.

[348] Hymn. ad Apollin. v, 37. Λέσβος τ' ἡγαθή, Μάκαρος ἔδος Αἰολίωνος. Myrsilus ap. Κλεμεν. Alexandr. Protreptic. p. 19; Diodor. v, 57-82; Dionys. Halik. A. R. i, 18; Stephan. Byz. v. Μυτιλήνη.

Plehn (Lesbiaca, c. 2, pp. 25-37) собрал все основные басни, касающиеся этой лесбийской археологии: сравните также Raoul Rochette (Histoire des Colonies Grecques, t. i, c. 5, p. 182 etc.).

[349] Strabo, xiii, pp. 621, 622. Μέγιστον δέ ἐστι τῶν Αἰολικῶν καὶ ἀρίστη Κύμη, καὶ σχεδὸν μητρόπολις αὐτῇ τε καὶ ἡ Λέσβος τῶν ἄλλων πόλεων τριάκοντά που τὸν ἀριθμὸν, etc.

[350] Xenophon, Hellen. iii, 1, 10. μέχρι τῆς Φαρναβάζου Αἰολίδος-ἡ Αἰολὶς αὕτη ἦν μὲν Φαρναβάζου.

Ксенофонт включает всю Троаду под названием Эолис. Скилакс отличает Троаду от Эолиды: Троадой он называет прибрежные города от Дардануса, кажется, до Лектона: к Эолиде он относит Кебрен, Скепсис, Неандрию и Питею, хотя как эти четыре города следует называть ἐπὶ θαλάσση, понять нелегко (Skylax, 94-95). Скилакс также не упоминает ни Персею Тенедоса, ни Ассос и Гаргару.

[351] Strabo, xiii, p. 583.

[352] Thucyd. iv, 52; viii, 108; Strabo, xiii, p. 610; Stephan. Byz. Ἄσσοι; Pausan. vi, 4, 5.

[353] Pseudo-Herod. Vit. Hom. c. 20:-

Ἴδης ἐν κορυφῇσι πολυπτύχου ἡνεμόεσης,

Ἐνθα σίδηρος Ἄρης ἐπιχθονίοισι βρότοισι

Ἔσσεται, εὖτ' ἂν μιν Κεβρήνιοι ἄνδρες ἔχωσι.

Τὰ δὲ Κεβρήνια τοῦτον τὸν χρόνον κτίζειν παρεσκευάζοντο οἱ Κυμαῖοι πρὸς τῇ Ἴδῃ, καὶ γίνεται αὐτόθι σίδηρος.

[354] Herodot. vii, 20.

[355] Kallinus ap. Strabo, xiii, p. 604: ср. p. 613, οὗς πρῶτος παρέδωκε Καλλῖνος, etc.

[356] Strabo, xiii, pp. 607-635.

[357] Herodot. v, 122, εἶλε μὲν Αἰολέας πάντας, ὅσοι τὴν Ἰλιάδα νέμονται, εἶλε δὲ Γέργιθας, τοὺς ὑπολειφθέντας τῶν ἀρχαίων Τευκρῶν, etc.

Тевкрийцы, в представлении Геродота, были троянцами, описанными в "Илиаде", - Τευκρὶς γῆ, кажется, то же самое, что Ἰλιάς γῆ (ii, 118).

[358] Herodot. v, 94.

[359] Herodot. ix, 115.

[360] Strabo, xiii, 589-616.

[361] Aristot. Polit. v, 8, 13.

[362] Diogen. Laërt. i, 74; Suidas, v. Κίκις, Πίττακος; Strabo, xiii, p. 617. Сохранились две строки Алкея, в которых он ликует по поводу смерти Мирсилия (Alkæus, Fragm. 12, ed. Schneidewin).

Меланхр также назван (Fragm. 13), а Питтакус, в третьем фрагменте (73, изд. Шнейд.), введен в связь с Мирсилом.

[363] Относительно хронологии этой войны см. [примечание](#) в конце моей предыдущей главы о солонийском законодательстве. Там я обратил внимание на то, что считаю хронологической ошибкой Геродота в отношении периода между 600-560 гг. до н. э. Геродот считает, что война между митиленцами и афинянами, в которой участвовали Питтак и Алкей, была начата Пейсистратом, чье правление началось не ранее 560 г. до н. э. (Herod. v, 94, 95).

Я подозреваю, что было две афинские экспедиции в эти регионы - одна во времена Алкея и Питтака; вторая, намного позже, предпринятая по приказу Пейсистрата, чей незаконнорожденный сын Гегезистрат стал, в результате, деспотом Сигея. Геродот, как мне кажется, объединил эти два дела в одно.

[364] См. трудный фрагмент Алкея (Fr. 24, ed. Schneidewin), сохранившийся в Strabo, xiii, p. 600; Herodot. v, 94, 95; Archilochus, Eleg. Fr. i, 5, ed. Schneidewin; Horat. Carm. ii, 7, 9; возможно, также Анакреон, но не точно (см. Fr. 81, ed. Schneidewin), должен считаться выбросившим свой щит.

[365] Aristot. Rhetoric. i, 16, 2, где ἔναυχος обозначает дату.

[366] Aristot. Polit. iii, 9, 5, 6; Dionys. Halik. Ant. Rom. v, 73; Plehn, Lesbiaca, pp. 46-50.

[367] Diogen. Laërt. i, 81.

[368] Strabo, xiii, p. 617; Diogen. Laërt. i, 75; Valer. Maxim. vi, 5, 1.

[369] Aristot. Polit. ii, 9, 9; Rhetoric ii, 27, 2.

Говорят, что эту частушку пели женщины-рабыни на Лесбосе, когда мельница работала с перебоями: Ἄλει, μύλα, ἄλει- καὶ γὰρ Πιττακὸς ἄλει, Τᾷς μεγάλας Μιτυλάνας βασιλεύων, - "Мельница, мельница, мельница; ведь и Питтак *мелет*, хозяин великого Митиленка." Это похоже на подлинное сочинение того времени, изложенное врагами Питтака и вменяющее ему в вину (через очень понятную метафору) тираническое поведение; хотя и Плутарх (Sept. Sap. Conv. c. 14, p. 157), и Диоген Лаэртский (Diogenes Laërt. (i, 81) толкуют это буквально, как если бы Питтак имел обыкновение заниматься телесными упражнениями на ручной мельнице.

[370] Aristot. Polit. ii, 9, 9. ἐγένετο δὲ καὶ Πιττακὸς νόμων δημιουργὸς, ἀλλ' οὐ πολιτείας.

[371] См. надписи в коллекции Боэция, 2483-2671: последняя - иасийская надпись, излагающая дорийское постановление жителей Калимне; также Ahrens, De Dialecto Doricâ, pp. 15, 553; Diodor. v, 53-54.

[372] Polyb. xvi, 5.

[373] Herodot. i, 144.

[374] Об общей географии Малой Азии см. Albert Forbiger, Handbuch der Alt. Geogr. part ii, sect. 61, а также поучительный небольшой трактат "Fünf Inschriften und fünf Städte in Klein Asien" Франца и Киперта, Берлин, 1840, с приложенной картой Фригии. Последняя особенно ценна тем, что показывает нам, как много еще предстоит выяснить: слишком часто составители географических руководств демонстрируют полное знание и скрывают несовершенство своих данных. Они также не всегда учитывают необходимость различать территориальные названия и деления одной эпохи и другой.

[375] Цицерон, *Pro Lege Maniliâ*, с. 6; Страбон, xii, р. 572; Геродот. v, 32. См. поучительный рассказ о распространении и культивировании оливкового дерева в Ritter, *Erdkunde, West-Asien*, b. iii, Abtheilung iii; Abschn. i, s. 50, pp. 522-537.

[376] Herodot. i, 72; Heeren, *Ideen über den Verkehr der Alten Welt*, part i, abth. i, pp. 142-145. Можно, однако, отметить, что армяне, живущие к востоку от Халиса, рассматриваются Геродотом как колонисты из Фригии (vii, 73): Стефан Византийский говорит то же самое, v. Ἀρμενία, добавляя также, καὶ τῇ φωνῇ πολλὰ φρουγίζουσι. Более тщательные исследования современных лингвистов, после многих необоснованных утверждений предшественников, показали, что армянский язык принадлежит по своей структуре к индогерманской семье и существенно отличается от семитского: см. Ritter, *Erdkunde, West-Asien*, b. iii, abth. iii; Abschn. i, 5, 36, pp. 577-582. Геродот редко обращает внимание на язык, на котором говорят, как и в данном случае, когда он говорит о реке Халис как о границе.

[377] Herodot. i, 170-171.

[378] Strabo, vii, pp. 295-303; xii, pp. 542, 564, 565, 572; Herodot. i, 28; vii, 74-75; Xenophon. *Hellenic*. i, 3, 2; *Anabasis*, vii, 2, 22-32. Mannert, *Geographie der Gr. und Römer*, b. viii, ch. ii, p. 403.

[379] Dionys. *Periegêt*. 805: Apollodôrus, i, 9, 20. Феокрит помещает бебрикийцев на побережье Эвксинского моря - Id. xxii, 29; Syncell. p. 340, Bonn. История в Аппиане, Bell. *Mithridat*. init. представляет собой необычный образец греческой фантазии и стремления связать древность народа с Троянской войной: греки, которым он следовал, приписывали происхождение вифинян фракийским последователям Рхеса, бежавшим из Трои после того, как последний был убит Диомедом: Долонкус, эпоним фракийцев в Херсонесе, называется братом Вифины (Стеф. Виз. Δόλογκος-Βιθυνία).

Имя Μαριαν-δυνοί, как и Βι-θυνοί, вероятно, может быть продолжением или соединением примитивного Θυνοί; возможно также, что Βέβρυκες стоит в том же отношении к Βριγῆς, или Φρυγῆς. Элланик писал Θύμβριον, Δύμβριον (Steph. Byz. in v.).

Киос - Мисия у Геродота, v, 122: согласно Скилаксу, побережье от залива Астака до Киоса - это Мисия (с. 93).

[380] Харон Лампсакский, фр. 7, изд. Didot. Χάρων δὲ φησὶ καὶ τὴν Λαμψακηνῶν χώραν προτέραν Βεβρυκίαν καλεῖσθαι ἀπὸ τῶν κατοικησάντων αὐτὴν Βεβρύκων- τὸ δὲ γένος αὐτῶν ἡφάνισται διὰ τοὺς γενομένους πολέμους. Strabo, xiii, p. 556; Conon, *Narr*. 12; Dionys. Hal. i, 54.

[381] Hekataëus, *Frag*. 204, ed. Didot; Apollodôr. i, 9, 18; Strabo, xii, pp. 564-575.

[382] Xanth. *Fragm*. 5, ed. Didot.

[383] Herodot. vii, 20-75.

[384] Strabo, vii, p. 295; xii, p. 550; Herodot. vii, 73; Hesych. v. Βρίγας.

[385] Strabo, vii, p. 295; xii, pp. 542, 564, 571, где он цитирует географа Artemidôrus. В отрывке из "Илиады" (xiii, 5) Μυσοὶ ἀγῆμαχοι, похоже, задумывались поэтом в европейской Фракии; но Аполлодорус, похоже, не так истолковал этот отрывок. Нибур (*Kleine Schriften*, p. 370) выражается более уверенно, чем того требуют факты.

[386] Strabo, xii, p. 572; Herodot. vii, 74.

[387] Diodor. iii, 59; Arrian, ii, 3, 1; Quint. Curt. iii, 1, 12; Athenæ. x, p. 415. Можно также отметить город Κουτάειον близ Μιδάειον во Фригии, как связанный с именем фракийской богини *Komus* (Strabo, x, p. 470; xii, p. 576).

[388] Herodot. viii, 138; Theopompus, Frag. 74, 75, 76, Дидот (он ввел длинный диалог между Мидасом и Силеном, -Dionys. Halik. Vett. Script. Censur. p. 70: Theon. Progymnas. с. 2); Страбон, xiv, p. 680; Ксенофонт, Anab. i, 2, 13.

[389] Strabo, xii, pp. 575-576; Steph. Byz. Территория Мигдонии и мигдонийцев в далекой Месопотамии, к востоку от реки Чаборас (Плутарх, Лукулл, 32; Полибий, v, 51; Ксенофонт, Анаб. iv, 3, 4), трудно понять, поскольку удивительно обнаружить ветвь этих более западных азиатов среди сиро-аравийского населения. Страбон (xv, p. 747) полагает, что оно относится только ко времени македонского завоевания Азии, что опровергается упоминанием этого имени у Ксенофонта; хотя это чтение в тексте Ксенофонта некоторые ставят под сомнение. См. Forbiger, Handbuch der Alten Geographie, part ii, sect. 98, p. 628.

[390] Iliad, iii, 188; Strabo, xii, p. 551. Город Отрея, эпонимом которого, по-видимому, является Отрей, находился во Фригии, на границе с Вифинией (Strabo, xii, p. 566).

[391] Archiloch. Fragm. 28 Schneid., 26 Gaisf.-

... ὥσπερ αὐλῶ βρῦτον ἢ Θρηϊξ ἀνῆρ

Ἦ Φρὺξ ἔβρυξε и т.д.

Отрывок слишком испорчен, чтобы поддерживать какие-либо выводы, кроме близкого сближения в сознании поэта фракийцев и фригийцев.

[392] Iliad, ii, 873; xiii, 792; Arrian, i, 29; Herodot. vii, 30. Граница фригийцев на юг к писидийцам и на запад, а также на северо-запад к лидийцам и мисийцам никогда не могла быть четко прослежена (Strabo, xii, pp. 564, 576, 628): вулканическая область под названием Катакекауменка относится во времена Ксенофонта к Мисии (Anab. i, 2, 10): сравните замечания Киперта в упомянутом выше трактате, Fünf Inschriften und fünf Städte, p. 27.

[393] Herodot. i, 72; vii, 30.

[394] Strabo, xiv, p. 678: сравните xiii, p. 586. По легенде, Долион был сыном Силена, которого так часто связывают с фригийским Мидасом (Alexand. Ætolus ap. Strabo, xiv, p. 681).

[395] Phorônis, Fragm. 5, ed. Düntzer, p. 57-

... ἔνθα γόητες

Ἰδαῖοι Φρυγὲς ἄνδρες, ὀρέστεροι, οἴκαδ' ἔναιον и т. д.

[396] Ephorus ap. Strabo, xiv, 678; Herodot. v, 49.

[397] См. научную и ценную диссертацию Боэция, De Metris Pindari, iii, 8, pp. 235-239.

[398] Plutarch, De Musicâ, с. 5, 7, p. 1132; Aristoxenus ap. Athenæ. xiv, p. 624; Alkman, Frag. 104, ed. Bergk.

Аристоксен, похоже, считал фригийского Олимпа великим изобретательным гением, положившим начало греческой музыке (Plutarch, ib. pp. 1135-1141): его музыка почти полностью использовалась для гимнов богам, религиозного культа, Mêtropa, или церемоний, в честь Великой Матери (p. 1140). Сравните Clemen. Alexand. Strom. i, p. 306.

Μαρσούας, возможно, имеет свою этимологию в карийском или лидийском языке. В карийском языке Σούας был эквивалентен τάφος (см. Steph. Byz. v. Σουαγέλα): Μᾶ было одним из различных имен Реи (Steph. Byz. v. Μάσταυρα). В эолийском греческом языке это слово было бы написано как Μαρσοῦας.

Дифирамбист Τелестес представляет Марсия как сатира, сына нимфы, -νυμφαγενεῖ χειροκτύπῳ φηρὶ Μαρσούα κλέος (Telestês ap. Athenæ xiv. p 617).

[399] Xenoph. Anab. i, 2, 8; Гомер, Илиада, ii, 595; Страбон, xii, p. 578: последний связывает Олимп с Κελᾶνᾶ, а также с Марсиадой. Юстин, xi, 7: "Mida, qui ab Orpheo sacrorum solemnibus initiatus, Phrygiam religionibus implevit."

На монетах Мидейона, Кади и Прымнеса, расположенных в более северной части Фригии, изображен фригийский герой Мидас (Eckhel, Doctrina Nummorum Vet. iii, pp. 143-168).

[400] Part i, ch. xv, p. 453.

[401] Фрагмент Гиппонакса, упоминающий евнуха Лампсака, богатого и сытого, открывает нам азиатское поклонение в этом месте (Fragm. 26, ed. Bergk):-.

Θύνναν τε καὶ μυττωτὸν ἡμέρας πάσας

Δαινύμενος, ὥσπερ Λαμψακηνὸς εὐνοῦχος и т.д.

[402] Strabo, xii, pp. 564-575; Herodot. iv, 76.

[403] Herodot. v, 49. πολυπροβατώτατοι καὶ πολυκαρπώτατοι.

[404] Herodot. i, 93-94.

[405] Τάριχος Φρύγιον (Eupolis, Marik. Fr. 23, p. 506, Meineke), -τυρὸς, Athenæ. xii, 516, -ἰσχάδες, Alexis ap. Athenæ. iii, 75: *некоторые* фригийцы, однако, никогда не видели смоковницы (Cicero pro Flacco, c. 17).

Ковры из Сард (Athenæ. v, 197); φοινικίδες Σαρδιανικαὶ (Платон, Comicus ap. Athenæ. ii, 48); Ἀεὶ φιλόμυρον πᾶν τὸ Σάρδεων γένος (Alexis ap. Athenæ. xv, p. 691, и снова ib. p. 690); Πόδας δὲ Ποίκιλος μάσθλης ἐκάλυπτε Λύδιον καλὸν ἔργον (Sappho, Fragn. 54, ed. Schneidewin; Schol. Aristoph. Pac. 1174).

[406] Ксенофонт, Анабас. i, 6, 7; iii, 2, 23; Memorab. iii, 5, 26. ἀκοντιστὰὶ Μυσοὶ; Æschyl. Pers. 40. ἀβροδίατοι Λύδοι.

[407] Aristeid. Orat. xxvi, p. 346. λόφος Ἰαυοῦς был очень близок к этому месту Ланейон, что показывает идентичность религиозных названий по всей Лидии и Мисии (Or. xxv, p. 318). О фригийцах Аристеидес, Orat. xlv, p. 308, τῶν δὲ πλουσίων ἕνεκα εἰς τὴν ὑπερορίαν ἀπαίρουσιν, ὥσπερ οἱ Φρυγὲς τῶν ἐλαῶν ἕνεκα τῆς συλλογῆς.

Декламаторский пролигизм Аристеидеса мало чем вознаграждает читателя, кроме этих случайных ценных свидетельств о существующем обычае.

[408] Hermippus ap. Athenæ. i, p. 27. Ἀνδράποδ' ἐκ Φρυγίας, etc., изречение, приписываемое Сократесу в Ælian, V. Н. x, 14; Euripid. Alcest. 691; Strabo, vii, p. 304; Polyb. iv. 38. Фракийцы продавали своих детей в рабство, - (Herod. v, 6), как это делают сейчас черкесы (Clarke's Travels, vol. i, p. 378).

Δειλότερος λάγω Φρυγὸς - греческая пословица (Strabo, i, p. 36: ср. Cicero pro Flacco, c. 27).

[409] Philostrat. Vit. Apollon. viii, 7, 12, p. 346. Работоторговцы, по-видимому, посещали Фессалию и покупали рабов в Пагасе; это были либо пенесты, проданные своими хозяевами из страны, либо, возможно, негреки, приобретенные у пограничников во внутренних районах (Aristoph. Plutus, 521; Hermippus ap. Athenæ. i, p. 27. Αἱ Παγασαὶ δούλους καὶ στιγματίας παρέχουσι).

[410] Фригийские рабы, по-видимому, были многочисленны в Милете во времена Гиппонакса, Frag. 36, ed. Bergk:-.

Καὶ τοὺς σολοίκους, ἧν λάβωτι, περνᾶσιν,
Φρυγὰς μὲν ἐς Μίλητον ἀλφιτεύσοντας.

[411] Theocrit. Idyll. xxii, 47-133; Apollon. Rhod. i, 937-954; ii, 5-140; Valer. Flacc. iv, 100; Apollodôr. ii, 5, 9.

[412] Илиада, ii, 138; xii, 97; xx, 219: Вергилий, Георгики, iii, 270:-.

"Illas ducit amor (equas) trans Gargara, transque sonantem

Ascanium" и т.д.

Клаузен (Æneas und die Penaten, vol. i, pp. 52-56, 102-107) с большой эрудицией собрал воедино все легендарные свидетельства, касающиеся этих регионов.

[413] Арриан, ii, 3; Юстин, xi, 7.

Согласно другому сказанию, Мидас был сыном самой Великой Матери (Плутарх, Cæsar, 9; Hygin. fab. 191).

[414] Herodot. i, 14, с примечанием Весселинга.

[415] Herodot. i, 34.

[416] Pindar. ap. Athenæ. xiv, p. 635: ср. Telestês ap. Athenæ. xiv, p. 626; Pausan. ix, 5, 4.

[417] Herodot. i, 84.

[418] Aristot. Mirabil. Auscultat. 52.

[419] Herodot. i, 94.

[420] Herodot. i, 11. αἰρέεται αὐτὸς περιεῖναι, - фраза, которой Гиббон приписывает намеренную иронию, которую трудно обнаружить у Геродота.

[421] Herodot. i, 13. τοῦτου τοῦ ἔπεος ... λόγον οὐδένα ἔποιεῦντο, πρὶν δὲ ἐπετελέσθῃ.

[422] Plato, Republ. ii, p. 360; Cicero, Offic. iii, 9. Платон (x, p. 612) очень удачно сравнивает кольчугу Гигеса со шлемом Хадеса.

[423] См. Klausen, Æneas und die Penaten, pp. 34, 110, etc: ср. Menke, Lydiaca, ch. 8, 9.

[424] См. статью О. Мюллера в Rheinisch. Museum für Philologie Jahrgang, iii, pp. 22-38; также Movers, Die Phönizier, ch. xii, pp. 452-470.

[425] Diodor. ii, 2. Niebuhr также считает, что Лидия в ранние времена была частью Ассирийской империи (Kleine Schriften, p. 371).

[426] Фрагмент Ксанти. 10, 12, 19, ed. Didot; Athenæ. x, p. 415; Nikolaus Damasc. p. 36, Orelli.

[427] Xanthi Fragm. 1, 2; Dionys. Halik. A. R. i, 28; Stephan. Byz. v. Τόρρηβος. Вся генеалогия, приведенная Дионисием, вероятно, заимствована у Ксанфа, - Зевс, Манес, Котис, Асиес и Атис, Лид и Торрхеб.

[428] Herod. i, 14; Pausan. ix, 29, 2.

[429] Nikolaus Damasc. p. 52, ed. Orelli.

[430] Strabo, xiii, p. 590.

[431] Herodot. i, 15.

[432] Xenophon, Anab. iii, 4, 7; 10, 11.

[433] Herodot. i, 95; Ktésias, Fragm. Assyr. xiii, p. 419, ed. Bahr; Diodor. ii, 21. Ктесий приводит тридцать поколений ассирийских царей от Ниния до Сарданапала: Веллеус, 33; Евсевий, 35; Синцелл, 40; Кастор, 27; Кефалион, 23. См. Bahr ad Ctesiam, p. 428. Вавилонская хронология Бероса (жреца Белуса, около 280 г. до н. э.) насчитывает 86 царей и 34 000 лет от потопа до захвата Вавилона мидянами; затем 1 453 года до правления ассирийского царя Фула (Berosi Fragmenta, p. 8, ed. Richter).

Г-н Клинтон излагает основные утверждения и расхождения в отношении ассирийской хронологии в своем Приложении, с. 4. Но предположения, к которым он прибегает, чтобы привести их в гармонию, кажутся мне неподтвержденными и необоснованными.

Сравните другой, но не более успешный путь, проделанный Ларше (Chronologie, с. 3, pp. 145-157).

[434] Здесь снова и Ларше, и г-н Клинтон представляют время, когда Меды стали независимыми от Ассирии, как совершенно установленное, хотя Ларше помещает его в 748 г. до н. э., а г-н Клинтон в 711 г. до н. э. "L'époque ne me paroît pas douteuse" (Chronologie, с. iv, p. 157), говорит Ларше. Г-н Клинтон рассматривает эпоху 711 года до н. э. для того же события как установленную "авторитетом Писания" и обосновывает ее более чем в одном месте как совершенно неоспоримый факт (Appendix, с. iii, p. 259): "Из Писания мы можем заключить, что мидяне стали независимыми только после смерти Сеннахериба; и, соответственно, Иосиф (Ant. x, 2), рассказав о смерти этого царя и чудесном выздоровлении Езекии от болезни, добавляет-ἐν τούτῳ τῷ χρόνῳ συνέβη τὴν τῶν Ἀσσυρίων ἀρχὴν ὑπὸ Μήδων καταλυθῆναι. Но смерть Сеннахериба, как будет показано далее, определяется началом 711 года до н. э. Восстание мидян, таким образом, произошло не ранее 711 года до н. э.; это опровергает Конрингиус, который возводит его к 715 году до н. э., и Валкенаер, который возводит его к 741 году до н. э. Геродот, действительно, подразумевает некоторый промежуток времени между восстанием мидийцев и избранием Деиока царем. Но эти ἀπὸ βασιλεῦσι не могли быть раньше пятидесяти трех лет правления Диокакса, поскольку восстание ограничено Писанием 711 г. до н. э.". И снова, с. 261, он говорит о четырех мидийских царях, упомянутых Евсеем до Дескиокса: "Если они вообще существовали, то управляли Медией во время империи ассирийцев, как мы знаем из Писания". И снова, стр. 280: "Точная дата окончания (Ассирийской империи) в 711 г. до н. э. указана в Писании, с которым согласен Геродот" и т. д.

Г-н Клинтон здесь неоднократно упоминает восстание мидян, как приуроченное Писанием к 711 году до н. э.; но он не приводит ни одного отрывка из Писания, чтобы обосновать свое

утверждение; а отрывок, который он цитирует из Иосифа, относится не к восстанию мидян, а к разрушению Ассирийской империи мидянами. Геродот представляет мидян как восставших из Ассирийской империи и сохранивших свою независимость в течение некоторого времени (неопределенного по объему) до избрания царем Деокееса; но он не дает нам возможности определить дату *восстания мидян*; и когда г-н Клинтон говорит (стр. 280, примечание О.): "Я полагаю, что Геродот помещает восстание мидян в Olymp. 17, 2, поскольку он помещает воцарение Деиока в Olymp. 17, 3" - это его собственная догадка: и повествование Геродота, кажется, явно подразумевает, что он предполагал интервал гораздо больший, чем один год, между этими двумя событиями. Диодор называет тот же промежуток "многими поколениями". (Diod. ii, 32.)

Мы знаем - как из Писания, так и из финикийских летописей, цитируемых Иосифом, - что ассирийцы из Ниневии были могущественными завоевателями в Сирии, Иудее и Финикии во времена правления Салманесера и Сеннахериба; из дальнейшего изложения Иосифа следует, что Медия была подчинена Салманесеру, который увел израильтян из их страны в Медию и Персис, а из Меди и Персиса привел кутеев в земли израильтян (Joseph. ix, 14, 1; x, 9, 7). Мы знаем также, что после Сеннахериба ассирийцы из Ниневии больше не упоминаются как захватчики или нарушители порядка в Сирии или Иудее; халдеи или вавилоняне становятся врагами, которых эти страны должны были бояться. Иосиф говорит нам, что в эту эпоху Ассирийская империя была разрушена мидянами, или, как он говорит в другом месте, мидянами и вавилонянами (x, 2, 2; x, 5, 1). Это веское доказательство того, что ассирийская империя Ниневии пережила в это время сильное потрясение и ослабление своего могущества; Но что касается характера этого ослабления и способа, которым оно было вызвано, мне представляется, что существует расхождение в авторитетах, которое мы не можем примирить: Иосиф придерживается того же мнения, что и Ктесий, о разрушении империи Ниневии объединенными мидянами и вавилонянами, тогда как Геродот представляет себе последовательные восстания зависимых от Ниневии территорий, начиная с восстания мидян и оставляя Ниневию процветающей и сильной на ее собственной территории: Далее он представляет себе Ниневию взятой Кяксаресом Медеем около 600 года до н.э. С., без какого-либо упоминания вавилонян, - напротив, в его представлении Нитокрис, вавилонская царица, боится мидийцев (i, 185), отчасти из-за общего роста их могущества, но особенно из-за того, что они взяли Ниневию (хотя г-н Клинтон говорит нам, стр. 275, что "Ниневия была разрушена до 606 г. до н. э., как мы видели из объединенных свидетельств Писания и Геродота, *мидийцами и вавилонянами*").

Если правильно истолковать текст Геродота, то окажется, что он представлял себе отношения этих восточных царств между 800 и 560 гг. до н. э. иначе по многим существенным пунктам, чем Ктесий, Берос или Иосиф: и он сам прямо говорит нам, что слышал "четыре разных рассказа" даже о Кире (i, 95); более того, о событиях, предшествовавших Киру более чем на столетие.

Хронология медов, вавилонян, лидийцев и греков в Азии, когда мы доходим до седьмого века до н. э., приобретает некоторые фиксированные точки, которые дают нам уверенность в правильности в определенных пределах; но выше 700 года до н. э. таких фиксированных точек обнаружить не удастся. Мы не можем отличить историческое от мифического в наших авторитетах, не можем примирить их друг с другом, кроме как путем насильственных изменений и предположений, и не можем определить, что из них должно быть отброшено в пользу другого. Имена и даты вавилонских царей, начиная с Набонассара, в каноне Птолемея, несомненно, достоверны, но это только имена и даты: когда мы начинаем применять их для иллюстрации реальных или предполагаемых фактов, взятых из других

источников, они только создают новую неловкость, поскольку даже *имена* царей, сообщаемые разными авторами, не совпадают, и мистер Клинтон сообщает нам (стр. 277): "При прослеживании личности восточных царей время и сделки являются лучшими проводниками, чем имена; ведь они, в силу многих известных причин (таких, как изменения, которые они претерпевают при переходе на греческий язык, и замена имени титулом или эпитетом), сообщаются по-разному, так что *один и тот же царь часто фигурирует под разными именами*". Таким образом, возникает новая проблема: мы должны использовать "время и сделки" для идентификации царей: но, к сожалению, *время* отмечено только сменой царей, а о *сделках* известно только по заявлениям, всегда скудным и часто не согласующимся друг с другом. Таким образом, наши средства идентификации королей совершенно недостаточны, и тот, кто изучит процесс идентификации, как он представлен в главах г-на Клинтона, увидит, что он в значительной степени произволен; еще более произвольными являются процессы, которые он использует для достижения принудительной гармонии между противоречивыми авторитетами. Вольней (Chronologie d'Hérodote, vol. i, pp. 383-429) также более удовлетворителен в своих хронологических результатах.

[435] Herodot. i, 96-100.

[436] Herodot. i, 97. ὡς δ' ἐγὼ δοκέω, μάλιστα ἔλεγον οἱ τοῦ Δηϊόκεω φίλοι, etc.

[437] Herodot. i, 98, 99, 100. Οἰκοδομηθέντων δὲ πάντων, κόσμον τόνδε Δηϊόκης πρῶτος ἐστὶν ὁ καταστησάμενος- μήτε ἐσιέναι παρὰ βασιλέα μηδένα, δι' ἀγγέλων δὲ πάντα χρέεσθαι, ὀρᾶσθαι δὲ βασιλέα ὑπὸ μηδενός- πρὸς δὲ τούτοις ἔτι γελαῖν τε καὶ πτύειν ἄντιον, καὶ ἅπασι εἶναι τοῦτο γε αἰσχρόν, и т.д. и... οἱ κατάσκοποι τε καὶ κατήκοοι ἦσαν ἀνὰ πᾶσαν τὴν χώραν τῆς ἡρχε.

[438] Herodot. iii, 80-82. Геродот, положительно утверждая подлинность этих обсуждений, опускает намек на то, что многие из его современников считали их греческой чеканкой.

[439] Herodot. i, 96. Ἐόντων δὲ αὐτονόμων πάντων ἀνὰ τὴν ἡπειρον, ὥδε αὖτις ἐς τυραννίδας περιῆλθον. Ἀνὴρ ἐν τοῖσι Μήδοισι ἐγένετο σοφός, τῷ οὖνομα ἦν Δηϊόκης.... Οὗτος ὁ Δηϊόκης, ἐρασθεὶς τυραννίδος, ἐποίηε τοιάδε, etc.... Ὁ δὲ δὴ, οἷα μνεώμενος ἀρχὴν, ἰθύς τε καὶ δίκαιος ἦν.

[440] Сравните вышеупомянутые главы Геродота с восьмой книгой Киропедии, где Ксенофонт описывает, как Кир привел в эффективный порядок и обратил на пользу мединский деспотизм, особенно меры по навязыванию воображения своим подданным (καταγοητεύειν, viii, 1, 40) - (это мелочь, но отмечает сходство планов Геродота и Ксенофонта). Деокес запрещает своим подданным смеяться или плевать в его присутствии. Кир также предписывает, чтобы никто не плевал, не вытирал нос и не оборачивался, чтобы посмотреть на что-нибудь, когда присутствует царь (Herodot. i, 99; Xen. Cyr. viii, 1, 42). Опять же, viii, 3, 1, о пышном шествии Кира, когда он выезжает верхом, -καὶ γὰρ αὐτῆς τῆς ἐξελάσεως ἡ σεμνότης ἡμῖν δοκεῖ μία τῶν τεχνῶν εἶναι τῶν μεμηχανημένων, τὴν ἀρχὴν μὴ εὐκαταφρόνητον εἶναι - аналог медийского Декиокеза у Геродота -Ταῦτα δὲ περὶ ἐωυτὸν ἐσέμνυνε τῶνδε εἵνεκεν и др. Cyrus-ἐμφανίζων δὲ καὶ τοῦτο ὅτι περὶ πολλοῦ ἐποιεῖτο, μηδένα μήτε φίλον ἀδικεῖν μήτε σύμμαχον, ἀλλὰ τὸ δίκαιον ἰσχυρῶς ὀρῶν (Cyr. viii, 1, 26). Dēiokēs-ἦν τὸ δίκαιον φυλάσσων χαλεπός (Herodot. i, 100). Кир предоставляет ему множество лиц, которые служат ему глазами и ушами по всей стране (Cyr. viii, 2, 12), Dēiokēs имеет много κατάσκοποι и κατήκοοι (Herodot. ib.).

[441] Когда римский император Клавдий посылает молодого парфянского принца Мегердатеса, который был заложником в Риме, занять царство, которое предлагали ему

парфянские посланники, он дает ему несколько хороших советов, задуманных в школе греческой и римской политики: "Addidit praecepta, ut non dominationem ac servos, sed rectorem et cives, cogitaret: clementiamque ac justitiam quanto ignara barbaris, tanto toleratiora, capesseret." (Tacit, Annal. xii, 11.)

[442] Переход таких кочевых орд от одного правительства на Востоке к другому всегда был и остается до сих пор частой причиной споров между различными правительствами: они ценны и как данники, и как солдаты. Туркоманские илаты - так теперь называются эти кочевые племена на северо-востоке Персии - часто переходят взад и вперед, в зависимости от своего удобства, с персидской территории на убеки Хивы и Бохары: войны между Персией и Россией были вызваны транзитом илатов через границу Персии в Грузию: так и племена курдов у горы Загрос своими перемещениями вызывали ссоры между персами и турками.

См. Morier, Account of the Iliyats, or Wandering Tribes of Persia, в Journal of the Geographical Society of London, 1837, vol. vii, p. 240, и Carl Ritter, Erdkunde von Asien, West-Asien, Band ii, Abtheilung ii, Abschnitt ii, sect. 8, p. 387.

[443] Herodot. i, 74-103.

[444] Сравните аналогичный случай с предсказанием урожая оливок, приписываемым Талесу (Aristot. Polit. i, 4, 5; Cicero, De Divinat. i, 3). Анаксагор, как утверждается, предсказал падение аэролита (Aristot. Meteorol. i, 7; Pliny, H. N. ii, 58; Plutarch, Lysand. c. 5).

По словам Геродота, Талес предсказал, что затмение произойдет "в тот год, в который оно действительно произошло", - утверждение настолько неопределенное, что усиливает сомнения.

Любовь ионийцев к демонстрации мудрости своего выдающегося философа Талеса в сочетании с историей лидийских царей можно проследить на примере истории о Талесе и Крёзе у реки Галис (Herod. i, 75) - истории, в которую сам Геродот не верит.

[445] Хронологические взгляды на эти события см. в Larcher ad Herodot. i, 74; Volney, Recherches sur l'Histoire Ancienne, vol. i, pp. 330-355; Mr. Fynes Clinton, Fasti Hellenici, vol. i, p. 418 (Note ad B. C. 617, 2); Des Vignoles, Chronologie de l'Histoire Sainte, vol. ii, p. 245; Ideler, Handbuch der Chronologie, vol. i, p. 209.

Не менее восьми различных дат были назначены разными хронологами для этого затмения, - древнейший 625 год до н. э., Вольней - 625 г. до н. э., Ларше - 597 г. до н. э., Де Виньоль - 585 г. до н. э., г-н Клинтон - 603 г. до н. э. Вольней справедливо замечает, что затмение по этому случаю "не является аксессуаром, бродерием факта, а *главным фактом*" (p. 347:), поэтому астрономические расчеты, касающиеся затмения, являются, безусловно, наиболее важными пунктами в хронологическом пересчете этого события. Теперь, что касается затмения 625 года до н. э., Вольней вынужден признать, что оно не подходит для данного случая; ведь оно было бы видно только в половине пятого утра 3 февраля, а солнце вряд ли бы взошло в этот час на широте Мидии и Лидии (p. 343). Он пытается избежать этой трудности, говоря, что данные для расчета, согласно астроному Пингре, не совсем точны для этих ранних затмений; но в конце концов, если и есть ошибка, то она может быть как в одну сторону, так и в другую, *то есть* истинный час, в который затмение было бы видно для этих широт, с такой же вероятностью был бы *раньше* половины пятого утра, как и позже, что еще больше исключает возможность этого затмения.

Хронология этого периода представляет трудности, которые наши средства познания вряд ли позволят нам прояснить. Вольней отмечает, и с ним согласен язык Геродота, что не только война между Кяксаресом и Аляттесом (длившаяся пять лет и закончившаяся затмением), но и завоевание Кяксаресом территории до реки Халис, произошло раньше (Herodot. i, 103: ср. i, 16) до *первой осады* Ниневии Кяксаресом - той осады, которую он был вынужден поднять из-за вторжения скифов. Это дает веские основания для предположения в пользу даты затмения, предложенной Вольнеем (625 г. до н. э.), если бы астрономические соображения допускали ее, а они не допускают. Г-н Клинтон, с другой стороны, помещает первую осаду Ниневии в первый же год правления Кяксареса, что не согласуется с языком Геродота. Поэтому, помещая затмение в 603 год до н. э., мы отходим от относительного расположения событий, которое Геродот задумал, руководствуясь астрономическими соображениями: а Геродот - наш единственный авторитет в отношении общей хронологии.

По мнению Иделера, однако (а его авторитет в этом вопросе, на мой взгляд, неоспорим), астрономические соображения решительно фиксируют это затмение на 30 сентября 610 года до н. э. и исключают все другие затмения, которые были названы. Недавние и более достоверные расчеты, сделанные Олтманнсом на основе новейших астрономических таблиц, показали, что затмение 610 года до н. э. удовлетворяет необходимым условиям, а другие названные затмения - нет. Для места, расположенного на 40° северной широты и 36° восточной долготы, это затмение было почти полным, только одна восьмидесятая часть солнечного диска оставалась светлой: наступившей темноты было бы достаточно, чтобы вызвать большой ужас". (Ideler, Handbuch, I. c.).

С момента публикации моего первого издания я узнал, что покойный мистер Фрэнсис Бейли уже определил дату этого затмения 30 сентября 610 года до н. э. в своем первом вкладе в журнал "Transactions of the Royal Society" еще в 1811 году - намного раньше даты публикации "Handbuch der Chronologie" Иделера. Сэр Джон Гершель (в своем мемуаре о мистере Фрэнсисе Бейли, опубликованном в Transactions of the Royal Astronomical Society, vol. xv, p. 311), полностью одоблив вычисления мистера Бейли и заявив, что он первым решил спорный вопрос, выражает удивление, что различные французские и немецкие астрономы, писавшие впоследствии на ту же тему, не обратили внимания на "эту замечательную работу". Хотя я и являюсь соотечественником мистера Бейли, мне жаль, что я должен признать себя виновным в подобном невежестве, пока этот вопрос не был специально доведен до моего сведения одним из друзей. Если бы я знал об этой статье и мемуарах, не было бы необходимости ссылаться на другие авторитеты, кроме мистера Бейли и сэра Джона Гершеля.

[446] Herodot. iv, 11-12. Гекатей также говорит о городе Κίμμερις (Strabo, vii, p. 294).

Что касается киммерийцев, обратитесь к Ukert, Skythien, p. 360, seqq.

[447] Strabo, i, pp. 6, 59, 61.

[448] Гомер, Илиада, xiii, 4.-

... Αὐτὸς δὲ πάλιν τρέπεν ὅσσε φαεῖνῳ,

Νόσφιν ἐφ' ἱπποπόλων Ὀρηκῶν καθορώμενος αἶαν

Μουσῶν τ' ἀγχεμάχων, καὶ ἀγαυῶν Ἴππημολγῶν,

Γλακτοφάγων, Ἀβίων τε, δικαιοτάτων ἀνθρώπων.

Сравните Страбон, xii, p. 553.

[449] Hesiod, *Fragm.* 63-64, Marktscheffel:-.

Γλακτοφάγων εἰς αἶαν, ἀπῆναις οἴκι' ἐχόντων ...

Αἰθίοπας, Δίγυας τε, ἰδὲ Σκύθας ἵππημολγούς.

Strabo, vii, pp. 300-302.

[450] Raoul Rochette, *Histoire des Colonies Grecques*, tom. iii, ch. xiv, p. 297. Даты этих греческих поселений у Дуная очень расплывчаты и не заслуживают доверия.

[451] Skymnus Chius, v, 730, *Fragm.* 2-25.

[452] Alkæus, *Fragm.* 49, Bergk; Eustath. ad Dionys. *Perieg.* 306.-

Ἀχιλλεῦ, ὃ τᾶς (γᾶς, Schneid.) Σκυθικᾶς μέδεις.

Алкман, несколько раньше, упоминает об исседонах (Alkm. *Frag.* 129, Bergk; Steph. Byz. v. Ἴσσηδῶνες, - он называл их Assêdones) и о Рипейских горах (Fr. 80).

В старом эпосе Арктина умерший Ахилл переносится в элизиум в λευκὴ νῆσος (см. аргумент Æthiopsis в Düntzer's Collection of Epicc. Poet. Græc. p. 15), но можно сомневаться, что λευκὴ νῆσος в его поэме был чем-то иным, кроме фантазии, - еще не локализованным на маленьком острове у устья Дуная.

Ранние упоминания о Понте Эвксинском и его соседних обитателях, встречающиеся у греческих поэтов, см. в Ukert, *Skythien*, pp. 15-18, 78; хотя, по моему мнению, он помещает ионийские колонии в Понт почти на столетие раньше.

[453] Сравните описание д-ром Кларком нынешней торговли между Таганроком - недалеко от древнего греческого поселения Танаис - и Архипелагом: помимо экспорта соленой рыбы, кукурузы, кожи и т. д. в обмен на вина, фрукты и т. д., он является большим хранилищем сибирских продуктов: из Оренбурга он получает сало, меха, железо и т. д.; это, несомненно, еще Геродот (Clarke's *Travels in Russia*, ch. xv, p. 330).

[454] Hekataei *Fragment.* Fr. 153, 168, ed. Клаузен. Гекатæй упоминает исседонов (Fr. 168; Steph. Byz. v. Ἴσσηδῶνες); и он, и Дамастес, похоже, были знакомы с поэмой Аристея: см. Klausen, *ad loc.*; Steph. Byz. v. Ὑπερβόρειοι. Сравните также Æschyl. *Prometh.* 409, 710, 805.

Элланик также, кажется, говорил о Скифии в целом в соответствии с Геродотом (Strabo, xii, p. 550). Не делает чести проницательности Страбона то, что он с пренебрежением относится к ценной скифской главе Геродота, - ἄπερ Ἑλλάνικος καὶ Ἡρόδοτος καὶ Εὐδοξος κατεφλυάρησαν ἡμῶν (ib.).

[455] Herodot. iv, 100-101. См. о Скифии Геродота превосходную диссертацию Нибура, содержащуюся в его *Kleine Historische Schriften*, "Ueber die Geschichte der Skythen, Geten, und Sarmaten", p. 360, одинаково поучительную как в отношении географии, так и истории. Также две главы в "Мифической географии" Фёлькера, гл. vii-viii, разделы. 23-26, касающиеся географических концепций, представленных Геродоту в его описании Скифии.

Однако в скифской географии Геродота есть много такого, что мы не можем понять без комментариев. По сравнению с его предшественниками, его географические представления очень сильно улучшились; но в ходе этой истории мы будем иметь случай заметить памятные

примеры крайнего заблуждения в отношении расстояний и ориентиров в этих отдаленных регионах, общие с ним не только у его современников, но и у его преемников.

[456] Herodot. iv, 17-21, 46-56; Hippokratēs, De Aëre, Locis et Aquis, c. vi; Æschyl. Prometh. 709; Юстин, ii, 2.

Нет необходимости умножать цитаты о кочевой жизни, одинаковой при таких больших различиях во времени и широте, - одинаковой у "armentarius Afer" Вергилия (Georgic, iii, 343) и "campestres Scythæ" Горация (Ode iii, 24, 12), и у татар в наши дни; см. "Путешествия по России" д-ра Кларка, гл. xiv, с. 310.

Четвертая книга Геродота, Tristia и Epistolæ ex Ponto Овидия, Toxaris Лукиана (см. с. 36, vol. i, p. 544 Hemst.) и надпись из Ольвии (№ 2058 в коллекции Боэция) передают подлинную картину скифских нравов, как их видел близкий наблюдатель и житель, весьма отличную от приятных фантазий далекого поэта о невинности пастушеской жизни. Отравленные стрелы, на которые так жалуется Овидий у сарматов и гетов (Trist. iii, 10, 60, среди прочих отрывков, и Lucan, iii, 270), не замечены Геродотом у скифов.

О господстве Золотой Орды среди татар во времена Зингисхана часто говорилось; а среди различных арабских племен, живущих сейчас в Алжире, одни знатны, другие поработаны; последние обычно и по наследству являются слугами первых, следуя везде, где им прикажут (Tableau de la Situation des Établissements Français en Algérie, p. 393, Paris, Mar. 1846).

[457] Эфор поместил Карпидæ сразу к северу от Дуная (Fragm. 78, Marx; Skymn. Chius, 102). Я согласен с Нибуром, что это, вероятно, неточное воспроизведение Каллиппид Геродота, хотя Бёкх придерживается другого мнения (Introduct. ad Inscriptt. Sarmatic. Corpus Inscript. part xi, p. 81). Расплывчатые и мечтательные высказывания Эфора, насколько мы знаем их из фрагментов, невыгодно отличаются от сравнительной точности Геродота. Последний прямо отделяет андрофагов от скифов, - ἔθνος ἐὼν ἰδιὸν καὶ οὐδαμῶς Σκυθικόν (iv, 18), тогда как при сравнении Страбона vii. p. 302 и Skymn. Chi. 105-115, мы видим, что Эфор говорил об андрофагах как о разновидности скифов, - ἔθνος ἀνδροφάγων Σκυθῶν.

Ценная надпись из Ольвии (№ 2058 Boesch) признает Μιξέλληνες около этого города.

[458] Herod. iv, 17. Мы можем проиллюстрировать это утверждение Геродота выдержкой из дневника Гебера, приведенной в "Путешествиях доктора Кларка", гл. xv, с. 337: "Нагайские татары начинаются к западу от Маринополя: они выращивают много кукурузы, но не любят хлеб как предмет питания".

[459] Нибур (Dissertat. ut sup. p. 360), Бёкх (Introduct. Inscript. ut sup. p. 110) и Риттер (Vorhalle der Geschichte, p. 316) поддерживают это мнение. Но мы не должны в этом случае отступать от авторитета Геродота, чьи сведения о жителях Скифии, собранные им самим на месте, являются одной из самых поучительных и ценных частей всего его труда. Он очень тщательно отличает скифское от нескифского: и эти племена, которые Нибур (вопреки мнению Геродота) считает не скифскими, были ближайшими и наиболее известными ему племенами; вероятно, он лично посещал их, поскольку мы знаем, что он поднимался по реке Гипанис (Бог) до самого Эсампфея, в четырех днях пути от моря (iv, 52-81).

То, что некоторые части одного и того же ἔθνος должны быть ἀροτῆρες, а другие νόμαδες, далеко не беспримерно; так было, например, у персов (Herodot. i, 126) и у иберийцев между Эвксином и Каспием (Strabo, xi, p. 500).

Понтийские греки путали Агатирса, Гелона и Скифа в одной генеалогии, считая их тремя братьями, сыновьями Геракла от $\mu\lambda\omicron\pi\acute{\alpha}\rho\theta\epsilon\nu\omicron\varsigma$ Ἐχιδνα из Хиллеи (iv, 7-10). Геродот более точен: он отличает и агафирсов, и гелонов от скифов.

[460] И Нибур, и Бёкх считают древних скифов монгольской расой (Нибур в упомянутой выше диссертации, *Untersuchungen über die Geschichte der Skythen, Geten, und Sarmaten*, среди *Kleine Historische Schriften*, p. 362; Бёкх, *Corpus Inscriptt. Græcarum, Introductio ad Inscriptt. Sarmatic.* part xi, p. 81). Пауль Йозеф Шафарик в своем подробном исследовании этнографии древних народов, описанных как обитатели Северной Европы и Азии, приходит к тому же результату (*Slavische Alterthümer*, Prag. 1843, vol. i, xiii, 6, p. 279).

Яркую иллюстрацию этой расовой аналогии отмечает Александр фон Гумбольдт, говоря о месте погребения и похоронных церемониях татарского Тчингиз-хана: - "Les cruautés lors de la Tartar Tchinghiz Khan...

"Les cruautés lors de la pompe funèbre des grands-khans ressemblent entièrement à celles que nous trouvons décrites par Hérodote (iv, 71) environ 1700 ans avant la mort de Tchinghiz, et 65° de longitude plus à l'ouest, chez les Scythes du Gerrhus et du Borysthène." (Humboldt, *Asie Centrale*, vol. i, p. 244.)

Тем не менее, М. Гумбольдт не согласен с мнением Нибура и Бёзка и считает, что скифы Геродота принадлежат к индогерманской, а не монгольской расе: Клапрот, похоже, придерживается того же мнения (см. Humboldt, *Asie Centrale*, vol. i, p. 401, и его ценную работу *Kosmos*, p. 491, прим. 383). Он считает несомненным фактом, на основании каких доказательств, мне неясно, что ни одно племя тюркской или монгольской расы не мигрировало на запад из Центральной Азии до времени, значительно более позднего, чем время Геродота. Выдвинуть такое отрицание, как мне кажется, невозможно: а признаки этнографической аналогии, насколько это возможно, решительно говорят в пользу мнения Нибура. Укерт также (*Skythien*, pp. 266-280) оспаривает мнение Нибура.

В то же время следует признать, что эти признаки не слишком убедительны и что многие кочевые орды, которых никто не отнесет к одной расе, могли, тем не менее, демонстрировать аналогии манер и характеристик, равную той, что существует между скифами и монголами.

Принцип, по которому определяется и разделяется индоевропейская семья человеческой расы, кажется мне неприменимым к любому конкретному случаю, когда *язык* народа нам неизвестен. У народов, составляющих эту семью, нет других точек сходства, кроме корней и структуры их языка; во всех остальных пунктах имеются самые широкие различия. Чтобы мы могли утверждать, что массагеты, скифы или аланы принадлежат к индоевропейской семье, необходимо было бы знать что-то об их языке. Но скифский язык, можно сказать, полностью неизвестен, а те немногие слова, которые дошли до нас, не способствуют индоевропейской гипотезе.

[461] См. историю о случайной находке этого скифского меча, потерянного Аттилой, вождем гуннов (*Priscus ap. Jornandem de Rebus Geticis*, c. 35, и в *Eclog. Legation.* p. 50).

Лукиан в "Токсарисе" (c. 38, vol. ii, p. 546, Hemst.) отмечает поклонение скифов акинакам, или скиметрам, в ясных выражениях, без вмешательства идеи бога Ареса: сравните Clemen. Alexand. *Protrept.* p. 25, Syl. Аммиан Марцеллин, говоря об аланах (xxxі, 2), а также Помпоний Мела (ii, 1) и Солин (c. 20), копируют Геродота. Аммиан более буквален в своем описании сарматского поклонения мечу (xvii, 12). "Eductisque mucronibus, quos pro numinibus colunt," etc.

[462] Herodot. iv, 3-62, 71-75; Sophoklēs, Œnomaus, -ap. Athenæ. ix, p. 410; Hippokratēs, De Aëre, Locis et Aquis, ch. vi, s. 91-99, etc.

Редко когда мы получаем, касаясь образа жизни древнего населения, двух таких прекрасных свидетелей, как Геродот и Гиппократес о скифах.

Гиппократ привык видеть обнаженную фигуру в ее наивысшем совершенстве на греческих играх: поэтому, он вынужден более категорично останавливаться на телесных недостатках скифов.

[463] См. Pallas, Reise durch Russland, и Dr. Clarke, Travels in Russia, ch. xii, p. 238.

[464] Thucyd. ii, 95; Herodot. ii, 46-47: его идея о грозной силе скифов, кажется, также подразумевается в его выражении (с. 81), καὶ ὀλίγους, ὡς Σκύθας εἶναι.

Однако Геродот говорит о фракийцах то же самое, что Фукидид о скифах, - они непреодолимы, если только действуют сообща (v, 3).

[465] Свидетельство Геродота на этот счет (iv, 110-117) кажется ясным и положительным, особенно в отношении языка. Гиппократ также называет савроматов ἔθνος Σκυθικόν (De Aëre, Locis et Aquis, c. vi, sect. 89, Petersen).

Я не думаю, что есть достаточные основания для заметного этнического различия, которое некоторые авторы проводят (вопреки Геродоту) между скифами и сарматами. Боэкс считает последних выходцами из Мидии или Персии, а также прародителями современной семьи Славянов: "Sarmatæ, Slavorum haud dubie parentes" (Introduct. ad Inscr. Sarmatic. Corp. Inscr. part xi, p. 83.) Многие другие авторы разделяют это мнение, которое отождествляет сарматов со славянами; но Пауль Йозеф Шафарик (Slavische Alterthümer, vol. i, c. 16) привел веские доводы против него.

Тем не менее, Шафарик признает, что сарматы имеют медийское происхождение и радикально отличаются от скифов. Но отрывки, которые приводятся в доказательство этой точки зрения у Диодора (ii, 43), у Мелы (i, 19) и у Плиния (H. N. vi. 7), кажутся мне гораздо менее авторитетными, чем утверждение Геродота. Ни у одного из этих авторов нет никаких следов расспросов соседей и компетентных информаторов, проведенных в реальном месте или поблизости от него, как это мы находим у Геродота. А глава Диодора, на которой Боэций и Шафарик делают особый акцент, представляется мне одной из самых недостоверных во всей книге. Поверить в существование скифских царей, которые правили всей Азией от восточного океана до Каспия и посылали большие колонии медяков и ассирийцев, конечно, невозможно; и Весселинг говорит гораздо ближе к истине, когда говорит: "Verum hæc dubia admodum atque incerta". Примечательно, что Боэкс рассматривает этот отрывок как убедительное свидетельство против Геродота и Гиппократа. М. Бёкс также дал подробный анализ имен, встречающихся в греческих надписях из скифских, сарматских и мейотийских местностей (*ut sup.* pp. 107-117), и он пытается установить аналогию между двумя последними классами и медийскими именами. Но аналогия в равной степени относится и к скифским именам.

[466] Местность, которую Геродот приписывает будинам, создает трудности. Согласно его собственному утверждению, казалось бы, они должны были находиться рядом с Невром (iv, 105), а на самом деле Птолемей помещает их (v, 9) рядом с Волынью и истоками Днестра.

Маннерт (Geographie der Griech. und Römer, Der Norden der Erde, v, iv, p. 138) считает будинов тевтонским племенем; но Пауль Йозеф Шафарик (Slavische Alterthümer, i, 10, pp. 185-195) показал более правдоподобные основания считать их и невов славянским родом. Кажется, что названия Будини и Невры имеют славянские корни; что деревянный город, описанный Геродотом посреди Будини, является точной параллелью примитивных славянских городов, вплоть до двенадцатого века; и что описание страны вокруг, с ее лесами и болотами, содержащими бобров, выдр и т.д., лучше гармонирует с южной Польшей и Россией, чем с окрестностями Уральских гор. Из цвета, приписываемого будинам, нельзя сделать никакого определенного вывода: γλαυκὸν τε πᾶν ἰσχυρῶς ἐστὶ καὶ πυρρόν (iv, 108). Маннерт толкует его в пользу тевтонской семьи, Шафарик - в пользу славянской; и следует заметить, что Гиппократ говорит о скифах вообще как о чрезвычайно πυρροί (De Aëre, Locis et Aquis, c. vi: ср. Aristot. Prob. xxxviii, 2).

Эти рассуждения правдоподобны, но мы вряд ли можем решиться изменить положение Будини, как его описывает Геродот, - к востоку от Танаиса. Ведь он самым недвусмысленным образом заявляет, что путь до Аргиппеи *досконально известен*, пройден как скифскими, так и греческими торговцами, и все народы на пути к нему известны (iv, 24): μέχρι μὲν τούτων πολλὴ περιφάνεια τῆς χώρας ἐστὶ καὶ τῶν ἔμπροσθεν ἐθνέων- καὶ γὰρ Σκυθέων τινες ἀπικνέονται ἐς αὐτοὺς, τῶν οὐ χαλεπὸν ἐστὶ πυθέσθαι, καὶ Ἑλλήνων τῶν ἐκ Βορουσθένεός τε ἐμπορίου καὶ τῶν ἄλλων Ποντικῶν ἐμπορίων. Эти греческие и скифские торговцы в своем путешествии из понтийских портов в глубь страны использовали семь различных языков и столько же переводчиков.

Фёлькер считает, что Геродот или его информаторы путали Дон с Волгой (Mythische Geographie, sect. 24, p. 190), полагая, что верхние части последней принадлежат первой; ошибка неестественная, поскольку две реки подходят довольно близко друг к другу в одном определенном месте, и поскольку нижние части Волги, вместе с северным берегом Каспия, где находится ее устье, похоже, были малопосещаемы и почти неизвестны в древности. Невозможно найти более яркое свидетельство того, насколько неизвестными были эти регионы, чем столь распространенное в древности убеждение, что Каспийское море было заливом океана, из которого Геродот, Аристотель и Птолемей являются почти единственными исключениями. У Александра фон Гумбольдта есть несколько ценных замечаний о тракте, проложенном Геродотом от Танаиса до Аргиппеи (Asie Centrale, vol. i, pp. 390-400).

[467] Herodot. iv, 80.

[468] Herodot. iv, 99-101. Дионисий Перизетт, по-видимому, отождествляет киммерийцев и тавров (v, 168: ср. v, 680, где киммерийцы помещены на азиатской стороне Киммерийского Босфора, по соседству с синдами).

[469] Herodot. i, 202. Страбон сравнивает набеги саков, так персы называли скифов, с набегами киммерийцев и треров (xi, pp. 511-512).

[470] Herodot. iv, 13. φοιβολαμπτὸς γενομένος.

[471] Herodot. iv, 13.

[472] Herodot. iv, 11. Ἐστὶ δὲ καὶ ἄλλος λόγος, ἔχων ὥδε, τῷ μάλιστα λεγομένῳ αὐτὸς προσκεῖμαι.

[473] Herodot. iv, 11.

[474] Herodot. iv, 1-12.

[475] Herodot. iv, 5-9. В наши дни три великих племени кочевников-туркоманов на северо-восточной границе Персии у Оксуса - ямуд, гокла и тука - утверждают для себя легендарную генеалогию, выведенную от трех братьев (Frazer, Narrative of a Journey in Khorasan, p. 258).

[476] Прочтите описание трудного бегства Митридата Евпатора с горсткой людей из Понта в Босфор этим путем, между западным краем Кавказа и Эвксинским морем (Strabo, xi, pp. 495-496), - ἡ τῶν Ἀχαιῶν καὶ Ζυγῶν καὶ Ἡνιόχων παραλία, - все пиратские и варварские племена, - τῇ παραλίᾳ χαλεπῶς ἦει, τὰ πολλὰ ἐμβαίνων ἐπὶ τὴν θάλασσαν: сравни Плутарх, Помпея, с. 34. Помпей считал этот маршрут непригодным для своего похода.

Чтобы предположить, что киммерийские племена со своими повозками прошли по такому пути, потребуются веские положительные доказательства. Однако, согласно Птолемею, через Кавказский хребет было два прохода - Кавказские или Албанские ворота, недалеко от Дербенда и Каспия, и Сарматские ворота, значительно западнее (Ptolemy, Geogr. v, 9; Forbiger, Handbuch der Alten Geographie, vol. ii, sect. 56, p. 55). Не исключено, что киммерийцы могли следовать по самому западному, а скифы - по самому восточному из этих двух перевалов; но вся эта история, конечно, очень неправдоподобна.

[477] См. вышеупомянутую диссертацию Нибура, стр. 366-367. Основанием для предположения, что киммерийцы пришли в Малую Азию с запада, а не с востока, является то, что мы находим их так часто смешиваемыми с фракийскими трерами, что указывает на совместное вторжение.

[478] Herodot. i, 6-15; iv, 12. φαίνονται δὲ οἱ Κιμμέριοι, φεύγοντες ἐς τὴν Ἀσίην τοὺς Σκύθας, καὶ τὴν Χερσόνησον κτίσαντες, ἐν τῇ νῦν Σινώπῃ πόλιν Ἑλληνὶς οἰκίσται.

[479] Kallinus, Fragment. 2, 3, ed. Bergk. Νῦν δ' ἐπὶ Κιμμερίων στρατὸς ἔρχεται ὀβριμοεργῶν (Strabo, xiii, p. 627; xiv, 633-647). С О. Мюллером (История литературы Древней Греции, гл. х, с. 4) и г-ном Клинтоном (Fasti Hellenici, В. С. 716-635) можно посоветоваться по поводу неясной хронологии этих событий. Скифо-киммерийское вторжение в Азию, о котором упоминает Геродот, по-видимому, фиксируется на какой-то дате в правлении Ардиса Лидийского, 640-629 гг. до н. э., и может означать 635 год до н. э., как утверждает г-н Клинтон; и я согласен с О. Мюллером, что приведенный выше фрагмент поэта Каллина указывает на *это* вторжение; поскольку предположение г-на Клинтона, что Каллин здесь указывает на вторжение в прошлом, а не в настоящем, исключается словом νῦν. Г-н Клинтон помещает и Каллина, и Архилоха (по моему мнению) на полвека выше; ибо я согласен с О. Мюллером в недоверии к истории, рассказанной Плинием о картине, проданной Булархом Кандаулесу. О. Мюллер вслед за Страбоном (i, p. 61) называет Мадиса киммерийским князем, который изгнал треров из Малой Азии; тогда как Геродот упоминает его как *скифского* князя, который *изгнал* киммерийцев с их собственной территории в Малую Азию (i, 103).

Хронология Геродота понятна и согласуется сама с собой: хронологию Страбона мы не можем установить, поскольку он говорит о множестве различных вторжений. Его язык не дает нам ни малейшего основания предполагать, что он владел какими-либо средствами определения дат для этих ранних времен, - вообще ничего, что могло бы оправдать положительную хронологию, которую выводит из него мистер Клинтон: сравните его Fasti Hellenici, В. С. 635, 629, 617. Страбон говорит, утверждая, что Гомер знал и имя, и реальность киммерийцев (i, p. 6; iii, p. 149), - καὶ γὰρ καθ' Ὅμηρον, ἢ πρὸ αὐτοῦ μικρὸν, λέγουσι τὴν τῶν Κιμμερίων ἔφοδον γενέσθαι τὴν μέχρι τῆς Αἰολίδος καὶ τῆς Ἰωνίας, - "что помещает первое появление киммерийцев в Малой Азии, по *крайней мере*, за столетие до Олимпиады Корэбуса" (говорит г-н. Но какие средства мог иметь Страбон, чтобы хронологизировать события, происходившие во времена Гомера *или немного раньше*? Ни одна дата в греческом мире не была столь спорной или столь неопределенной, как время Гомера: не стоит рассуждать так, как это делает г-н Клинтон, *то есть* брать самую позднюю дату,

установленную для Гомера из многих, а затем говорить, что вторжение киммерийцев *должно* быть *по крайней мере* до н. э. 876: таким образом, принимая за уверенность, что, будь дата Гомера на столетие раньше или позже, вторжение киммерийцев должно быть сделано, чтобы соответствовать ей. Когда Страбон использует такие ненадежные хронологические стандарты, он лишь показывает нам то, что подтверждает все остальное - что в греческом мире не существовало никаких ценностных тестов для событий столь раннего времени.

Мистер Клинтон объявляет это догомеровское вычисление хронологической уверенностью: "Киммерийцы впервые появились в Малой Азии примерно за столетие до 776 года до нашей эры. Их вторжение *зафиксировано* в 782 году до нашей эры. Их последнее вторжение произошло в 635 году до нашей эры. Поселение Амброн (милезийцев в Синопе) можно отнести к 782 году до н. э., за двадцать шесть лет до эпохи, назначенной для (милезийского или синопского поселения) Трапезус".

На каком основании г-н Клинтон утверждает, что киммерийское нашествие было *зафиксировано* в 782 году до н. э.? Просто на следующем отрывке из Орозия, который он приводит в 635 г. до н. э.: "Anno ante urbem conditam tricesimo, Tunc etiam *Amazonum gentis et Cimmeriorum* in Asiam repentinus incursus plurimum diu lateque vastationem et stragem intulit." Если доверять этому авторитету Орозия, то следует сказать, что вторжение амазонок было *зафиксированным* фактом. Рассматривать факт, упомянутый Орозием, автором четвертого века после Рождества Христова, и отнесенный к 782 году до н. э., как *зафиксированный* факт, - значит путать самые важные границы в оценке исторических свидетельств.

Фиксируя вторжение киммерийцев в Азию в 782 году до н. э., мистер Клинтон опирается на утверждение Орозия, чего бы оно ни стоило; но, фиксируя поселение Амброн Милезийского (в Синопе) в 782 году до н. э., я не знаю, чтобы он вообще имел какой-либо авторитет. Евсевий, правда, относит основание Трапезунда к 756 году до н. э., а Трапезунд, как говорят, был колонией из Синопа; поэтому мистер Клинтон стремится найти какую-то дату основания Синопа до 756 года до н. э.; но ничто не оправдывает его выбора 782 года до н. э., а не любого другого.

По моему мнению, основание милезской колонии в Эвксинском море в столь ранний период, как 756 год до н. э., крайне маловероятно: и когда мы обнаруживаем, что тот же Евсевий фиксирует основание Синопа (метрополии Трапезуса) на уровне 629 года до н. э., это является для меня аргументом в пользу того, что дата, которую он назначает для Трапезуса, является слишком ранней. Мистер Клинтон рассматривает дату, которую Евсевий приписывает Трапезунду, как определенную, и делает из нее вывод, что дата, которую тот же автор приписывает *Синопу*, на сто тридцать лет *позже*, чем в действительности: Я делаю обратный вывод, считая дату, которую он назначает *Синопу*, более достоверной из двух, и делаю вывод, что дата, которую он назначает *Трапезунду*, на сто тридцать лет, по крайней мере, *раньше*, чем в действительности.

По всем основаниям, авторитет хронологов в отношении более позднего из двух периодов выше, чем в отношении более раннего, и, кроме того, существует дополнительная вероятность, вытекающая из того, что это подходящая дата для миллийского поселения. К этому я добавлю, что Геродот помещает поселение киммерийцев около "того места, где *сейчас* стоит Синопе", в царствование Ардиса, вскоре после 635 г. до н. э. Синопе, следовательно, *не* был основан в то время, когда киммерийцы отправились туда, по мнению Геродота.

[480] Strabo i, p. 61; Kallimachus, Hymn. ad Dianam, 251-260-

... ἡλαίνων ἀλαπάξεμεν ἡπείλησε (Ἐφεσον)

Λύδαμις ὑβριστῆς, ἐπὶ δὲ στρατὸν ἱππημόλων

Ἦγαγε Κιμμερίων, ψαμάθῳ ἴσον, οἷ ῥα παρ' αὐτὸν

Κεκλίμενοι ναίουσι βοὸς πόρον Ἰναχιώνης.

Ἄ δειλὸς βασιλέων ὅσον ἤλιτεν- οὐ γὰρ ἔμελλε

Οὔτ' αὐτὸς Σκυθίηνδε παλίμπετες, οὔτε τις ἄλλος

Ὅσσων ἐν λειμῶνι Καῦστρίῳ ἦσαν ἄμαξαι,

Ἄψ ἀπονοστήσειν....

В объяснении пословицы Σκυθῶν ἐρημία делается ссылка на внезапную панику и бегство *скифов* из Эфеса (Гесихий, ст. Σκυθῶν ἐρημία), - вероятно, это должно относиться к какой-то истории о вмешательстве Артемиды для защиты города от этих киммерийцев. Путаница между киммерийцами и скифами очень часта.

[481] Herodot. i, 28; Mela, i, 19, 9; Skymn. Chi. Fragn. 207.

[482] Десять тысяч греков в своем обратном походе прошли через народ под названием халибы между Арменией и городом Трапезус, а также снова после восьмидневного похода на запад от Трапезуса, между Тибарени и Мосинеки: сравните Ксенофонт, Анабас. iv, 7, 15; v, 5, 1; вероятно, разные части одного и того же народа. Последние из упомянутых халибов, по-видимому, были наиболее известны благодаря своим железным заводам и близости к греческим портам: Эфор признавал их (см. Ephori Fragn. 80-82, ed. Marx); знал ли он о более восточных халибах, к северу от Армении, менее определенно: так же Дионисий Периегет, v, 768: сравните Евстафий, *ad loc.*

Идея, преобладавшая среди древних писателей, о связи между халибами в этих регионах и скифами или киммерийцами (Χάλυβος Σκυθῶν ἄποικος, Aeschyl. Sept. ad Thebas, 729; и Hesiod. ap. Clemen. Alex. Str. i, p. 132), и о котором предполагаемое местопребывание амазонок на реке Термодон кажется одним из проявлений, обсуждается в Hoesckh, Kreta, book i, pp. 294-305; и Mannert, Geographie der Griechen und Römer, vi, 2, pp. 408-416: сравните Stephan. Byz. v. Χάλυβες. Маннерт верит в раннюю скифскую эмиграцию в эти регионы. Десять тысяч греков прошли через территорию народа под названием Скитини, непосредственно граничащую с Халебом на севере; этот регион некоторые отождествляют с Сакасkenком Страбона (xi, 511), занятым, по мнению этого географа, захватчиками из Восточной Скифии.

Похоже, что Синопе был одним из самых значительных мест для экспорта железа, используемого в Греции: синопское, а также халибдское (или халибское) железо пользовалось особой репутацией (Stephan. Byz. v. Λακεδαίμων).

О халибах см. Ukert, Skythien, pp. 521-523.

[483] Herodot. i, 15-16.

[484] Strabo, xi, p. 511; xii, p. 552; xiii, p. 627.

Поэт Каллинос упоминал и киммерийцев, и треров (Fr. 2, 3, ed. Bergk; Strabo. xiv, pp. 633-647).

[485] Herodot. i, 105. Рассказ Геродота о наказаниях, которым оскорбленная Афродита подвергала скифских грабителей и детей их детей вплоть до его времени, становится особенно интересным, когда мы объединяем его с заявлением Гиппократов о специфических немощах, которые так часто

поражали скифов, и религиозным толкованием, которое придавали им страдальцы (De Aëre, Locis, et Aquis, c. vi, s. 106-109).

[486] См. о направлении этого рва у Фёлькера в упомянутой выше работе о Скифии Геродота (Mythische Geographie, ch. vii, p. 177).

В том, что ров существовал, не может быть никаких разумных сомнений; хотя рассказ, приведенный Геродотом, крайне неправдоподобен.

[487] Herodot. i. 106. Г-н Клинтон относит дату взятия Ниневии к 606 г. до н. э. (F. H. vol. i. p. 269) на основании, которое не кажется мне убедительным: самое большее, что можно предположить, это то, что она была взята в последние десять лет царствования Кяксареса.

[488] От кого Полиэн заимствовал свое утверждение, что Аляттес с успехом использовал диких собак против киммерийцев, я не знаю (Polyæn. vii, 2, 1).

[489] Herodot. i, 20-23.

[490] Herodot. i, 18. Полиэн (vii, 2, 2) упоминает о выступлении Аляттеса против колофонцев.

[491] Nikolaus Damasken. p. 54, ed. Orelli; Xanthi Fragment. p. 243, Creuzer.

Г-н Клинтон утверждает, что Аляттес *завоевал* Карию, а также Эолис, но я не нахожу достаточных оснований ни для того, ни для другого (Fasti Hellen. ch. xvii, p. 298).

[492] Aristoteles ap. Stephan. Byz. v. Ἀδραμυττεῖον.

[493] Herodot. i, 92-93.

[494] Herodot. i, 92.

[495] Herodot. v, 28. κατύπερθε δὲ τούτων, ἐπὶ δύο γενέας ἀνδρῶν νοσήσασα τὰ μάλιστα στάσει.

Аляттес царствовал пятьдесят семь лет, и энергичное сопротивление, которое оказали ему милезийцы, произошло в первые шесть лет его царствования. После правления Фрасибула вполне могли начаться "два поколения кишечных раздоров". Это, конечно, всего лишь предположение, однако можно заметить, что Геродот, говоря о времени восстания ионийцев (500 г. до н. э.) и намекая на то, что Милет, хотя и мирный в то время, в течение двух поколений в более ранний период был раздражаем кишечными распрями, вряд ли имел в виду, что эти "два поколения" относятся ко времени более раннему, чем 617 г. до н. э.

[496] Herodot. i, 17; v, 99; Athenæ. vi, p. 267. Сравните K. F. Hermann, Lehrbuch der Griech. Staats Alterthümer, sect. 77, прим. 28.

[497] См. примечательный случай, когда Милет не послал депутатов на собрание панихид, сам находясь в безопасности от опасности (Herodot. i, 141).

[498] Herodot. i, 141-170. χρηστή δὲ καὶ πρὶν ἢ διαφθαρῆναι Ἰωνίην, Θάλεω ἀνδρὸς Μιλησίου γνώμη ἐγένετο, etc.

О Пан-Ионии и Эфесе см. Thucyd. iii, 104; Dionys. Halik. iv, 25; Herodot. i, 143-148. Сравните также: Whitte, De Rebus Chiorum Publicis, sect. vii, pp. 22-26.

[499] Если верить рассказу Николая Дамаскина, Крѣз был в отношениях с Эфесом и эфесцами в то время, когда он был наследственным принцем, и при жизни Аляттеса. Он занял большую сумму денег у богатого эфесца по имени Памфаес, которая была необходима ему для выполнения

военного долга, возложенного на него отцом. Эта история довольно подробно описана Николаем, *Fragm.* p. 54, ed. Orell., - я не знаю, на каком основании.

[500] Herodot. i, 26; Ælian, V. H. iii, 26; Polyæn. vi, 50. История, содержащаяся у Илиана и Полиэна, по-видимому, происходит от Батона из Синопа; см. Guhl, *Ephesiaca.* ii, 3, p. 26, и iv, 5, p. 150.

Статья в Suidas, v. Ἀρίσταρχος, слишком расплывчата, чтобы быть вплетенной в эфесскую историю в качестве положительного факта, как вплет ее Гул, сразу после отставки Пиндара.

Что касается веревки, протянутой от города до Артемиды, то можно привести аналогичный случай с килонскими сторонниками в Афинах, которые пытались поддерживать связь с алтарем с помощью непрерывной веревки - к сожалению, она оборвалась (Плутарх, Солон, с. 12).

[501] Herodot. i, 141. Ἰωνες δὲ, ὡς ἤκουσαν-τείχεά τε περιεβάλλοντο ἕκαστοι и т. д.: сравните также высказывание о Фокее, с. 168.

[502] См. обсуждение в Dr. Prichard, *Natural History of Man*, sect. xvii, p. 152.

Μελαγχρόες καὶ οὐλότριχες (Herodot. ii, 104: ср. Ammian. Marcell. xxii, 16, "subfusculi, atrati" и т. д.) - это некоторые признаки древних египтян, зависящие от свидетельства очевидца.

"По цвету лица и многим физическим особенностям (отмечает д-р Причард, с. 138) египтяне принадлежали к африканской расе. В восточной и даже центральной частях Африки мы проследим существование различных племен, по физическим характеристикам почти напоминающих египтян; и не составит труда заметить среди многих народов этого континента постепенное отклонение от физического типа египтянина к сильно выраженному характеру негра, и это без какого-либо очень решительного перерыва или прерывания. Египетский язык, также, в основных принципах его грамматического построения, имеет гораздо больше сходства с идиомами Африки, чем с теми, которые распространены среди народов других регионов."

[503] Гомер, Илиада, vi, 290: xxiii, 740; Odyss. xv, 116:-...

... πέπλοι παμποίκιλοι, ἔργα γυναικῶν

Σιδονίων.

Тир не назван ни в "Илиаде", ни в "Одиссее", хотя отрывок из книги Пробуса (ad Virg. Georg. ii, 115), кажется, показывает, что он упоминается в одном из эпосов, прошедших под именем Гомера: "Tyrum Sarram appellatam esse, Homerus docet: quem etiam Ennius sequitur cum dicit, Pœnos Sarrâ oriundos".

Гесиодовский каталог, похоже, отметил и Библус, и Сидон: см. Hesiodi Fragment. xxx, ed. Marktscheffel, и Etymolog. Magnum, v. Βύβλος.

[504] Имя Адрамиттион или Атрамиттион - очень похожее на африканско-феникское имя *Адрумэту* - как говорят, феникского происхождения (Olshausen, *De Origine Alphabeti*, p. 7, in *Kieler Philologische Studien*, 1841). Вблизи Пергама находились ценные рудники, которые впоследствии разрабатывались за счет Крёза, и эти рудники могли склонить феникийских поселенцев к поселению в этих краях (Aristotel. *Mirab. Auscult.* с. 52).

Африканские надписи в "Monumenta Phœnic." Гезениуса признают Макара как однокоренное имя Ваала, и Моверс считает, что герой Макар, который часто фигурирует в мифологии Лесбоса, Хиоса, Самоса, Коса, Родоса и т. д., связан с этим феникийским богом и феникийскими ранними поселениями на этих островах (Movers, *Die Religion der Phönizier*, p. 420).

[505] Strabo, xiv, pp. 754-758; Skylax, Peripl. c. 104; Justin, xviii, 3; Arrian, Exp. Al. ii, 16-19; Ксенофонт, Anab. i, 4, 6.

К сожалению, текст Скилакса здесь крайне неполный, а рассказ Страбона во многих местах вызывает недоумение, поскольку он лично не путешествовал по Феникии, Сирии и Иудее: см. примечание Гроскерда на с. 755 и Einleitung к его переводу Страбона, разд. 6.

Что касается первоначальных отношений между Пале-Тиром и Тиром, то здесь возникает некоторая трудность в согласовании всех сведений, которыми мы располагаем. Название Пале-Тир (оно было принято как само собой разумеющееся: ср. Юстин, xi, 10) указывает на этот город как на первоначальное основание, откуда тирийцы впоследствии переселились на остров: на основной суше также существовало место под названием Пале-Библос (Plin. H. N. v, 20; Ptolem. v, 15), которое подобным образом истолковывалось как первоначальное место, откуда произошел город, правильно называемый Библом. Однако Геродот явно представляет островной Тир с его храмом Геракла как первоначальное основание (ii, 44), а тирийцы описываются как живущие на острове еще во времена их царя Хирама, современника Соломона (Joseph. Ant. Jud. viii, 2, 7). Арриан считает храм Геракла на острове Тир древнейшим храмом, сохранившимся в памяти человека (Exp. Al. ii, 16). Тирийцы жили на своем острове и во время нашествия ниневийского царя Салманесера, и их положение позволило им выстоять против него, в то время как Палæ-Тир на твердой земле был вынужден сдаться (Joseph. ib. ix, 14, 2). Город, взятый (или принужденный к капитуляции) Навуходоносором после долгой осады, был островным Тиром, а не континентальным или Пале-Тиром, который без сопротивления сдался Салманесеру. Поэтому неверно утверждать вместе с Вольнеем (Recherches sur l'Hist. Anc. ch. xiv, p. 249), Хереном (Ideen über den Verkehr der Alten Welt, part i, abth. 2, p. 11) и другие - что островной Тир назывался новым Тиром, и что местоположение Тира было изменено с континентального на островное, вследствие взятия Навуходоносором континентального Тира: местоположение осталось неизменным, а островные тирийцы стали подчиняться ему и его преемникам до разрушения Халдейской монархии Киром. Диссертация Хенгстенберга "De Rebus Tyrionum" (Берлин, 1832) поучительна по многим из этих вопросов: он достаточно убедительно показывает, что Тир с древнейших времен был островным городом; но в то же время он хочет показать, что с самого начала он был соединен с основной сушей перешейком (стр. 10-25), - что не согласуется с прежним положением и не подкреплено никакими вескими доказательствами. Он оставался островом, строго говоря, до осады Александром: мол, с помощью которого завоеватель штурмовал его, сохранился и после него, возможно, расширившись, чтобы с того времени образовать постоянную связь между островом и основной сушей (Plin. H. N. v, 19; Strabo, xvi, p. 757), и сделать островной Тир способным быть включенным Плинием в одно исчисление окружности вместе с Пале-Тиром, городом на основной земле.

Можно усомниться в том, что мы знаем истинное значение слова, которое греки называли Παλαι-Τύρος. Очевидно, что сами тирийцы не называли его этим именем: возможно, феникийское название, которое носил этот соседний с континентом город, было чем-то похоже на Палæ-Тирус по звучанию, но не совпадало по смыслу.

Сила Тира заключалась в его островном положении; ведь прилегающая к нему главная земля, на которой располагался Пале-Тир, представляла собой плодородную равнину, описанную Вильгельмом Тирским во времена крестоносцев: - "Erat prædicta

"Erat prædicta civitas non solum munitissima, sed etiam fertilitate præcipuâ et amœnitate quasi singularis: nam licet in medio mari sita est, et in modum insulæ tota fluctibus cincta; habet tamen pro foribus latifundium per omnia commendabile, et planitiem sibi continuam divitis glebæ et opimi soli, multas civibus ministrans commoditates. Quæ licet modica videatur respectu aliarum regionum,

exiguitatem suam multâ redimit ubertate, et infinita jugera multiplici fœcunditate compensat. Nec tamen tantis arctatur angustiis. Protenditur enim in Austrum versus Ptolemaidem usque ad eum locum, qui hodie vulgo dicitur districtum Scandarionis, milliaribus quatuor aut quinque: e regione in Septentrionem versus Sareptam et Sidonem iterum porrigitur totidem milliaribus. In latitudinem vero ubi minimum ad duo, ubi plurimum ad tria, habens milliaria." (Apud Hengstenberg, *ut sup.* p. 5.) Сравните Maundrell, *Journey from Aleppo to Jerusalem*, p. 50, ed. 1749; и Volney, *Travels in Egypt and Syria*, vol. ii, pp. 210-226.

[506] Юстин (xviii, 3) утверждает, что Сидон был метрополией Тира, но ряд событий, о которых он рассказывает, запутан и неясен. Страбон также в одном месте называет Сидон *μητρόπολις τῶν Φοινίκων* (i, p. 40); в другом месте он говорит об этом как о пункте, оспариваемом между двумя городами, который из них был *μητρόπολις τῶν Φοινίκων* (xvi, p. 756).

Квинт Курций утверждает, что и Тир, и Сидон были основаны Агенором (iv, 4, 15).

[507] См. интересные цитаты Иосифа из Дия и Менандра, которые имели доступ к тирийским ἀναγραφαί, или хроникам (Josephus cont. Apion. i, c. 17, 18, 21; Antiq. J. x, 11, 1).

[508] Joseph. Antiq. J. ix, 14, 2.

[509] Diodor. xvi, 41; Skylax, c. 104.

[510] Strabo, xvi, p. 756.

[511] Мальтийская надпись отождествляет тирийского Мелькарта с Ἡρακλῆς (Gesenius, Monument. Phœnic. tab. vi).

[512] Herodot. ii, 44; Sallust, Bell. Jug. c. 18; Pausan. x, 12, 2; Arrian, Exp. Al. ii, 16; Юстин, xlv, 5; Аппиан, vi, 2.

[513] Herodot. i, 2; Ephorus, Fragm. 40, ed. Marx; Strabo, xvi, pp. 766-784; Justin, xviii, 3. В оживленной дискуссии, которую вели гомеровские критики и великие географы древности, чтобы выяснить, где именно Менелай действительно побывал во время своего восьмилетнего скитания (Odys. iv, 85) - ...

... ἢ γὰρ πολλὰ παθὼν καὶ πόλλ' ἐπαληθεῖς

Ἥγαγόμεν ἐν νηυσὶ, καὶ ὀγδοάτῳ ἔτει ἦλθον,

Κύπρον, Φοινίκην τε, καὶ Αἰγυπτίους ἐπαληθεῖς,

Αἰθιοπὰς θ' ἰκόμην, καὶ Σιδονίους, καὶ Ἑρεμβοῦς,

καὶ Λιβύην и т. д.

возникла идея, что он посетил этих сидонян в Персидском заливе или в Эритрейском море (Strabo, i, p. 42). Различные мнения, которые приводит Страбон, включая мнения Эратосфена и Кратеса, а также его собственные комментарии, очень любопытны. Кратес полагал, что Менелай прошел Гибралтарский пролив, обогнул Ливию, добрался до Эфиопии и Индии, и этого путешествия, по его мнению, было бы достаточно, чтобы заполнить восемь лет. Другие полагали, что Менелай плыл сначала вверх по Нилу, а затем в Красное море по каналу (διωρὺς), который существовал во времена александрийских критян между Нилом и этим морем; на что Страбон отвечает, что этот канал был проложен только после Троянской войны. Эратосфенес выдвинул еще более замечательную идею: он считал, что во времена Гомера Гибралтарский пролив еще не был открыт, так что Средиземное море с этой стороны было закрытым; но, с другой стороны, его

уровень тогда был настолько выше, что оно покрывало Суэцкий перешеек и соединялось с Красным морем. По его мнению, именно разрушение Гибралтарского пролива впервые понизило уровень воды и оставило Суэцкий перешеек сухим; хотя Менелай в свое время без труда переплыл из Средиземного в Красное море. Это мнение Эратосфенес перенял от Стратона Лампсакского, преемника Теофраста: Гиппарх оспаривал его, как и многие другие мнения Эратосфена (см. Strabo, i, pp. 38, 49, 56; Seidel, Fragmenta Eratosthenis, p. 39).

Что касается мнения Кратеса о том, что Менелай плавал вокруг Африки, то следует отметить, что все географы того времени составляли для себя весьма недостаточное представление о протяженности этого континента, считая, что он не доходит даже до экватора на юге.

Сам Страбон не принимает ни одного из этих трех мнений, но истолковывает гомеровские слова, описывающие странствия Менелая, как относящиеся только к берегам Египта, Ливии, Фении и т. д.; он приводит различные причины, скорее любопытные, чем убедительные, чтобы доказать, что Менелай вполне мог провести восемь лет в этих поездках, смешанных с дружбой и пиратством.

[514] См. Ritter, Erdkunde von Asien, West-Asien, Buch iii, Abtheilung iii, Abschnitt i, s. 29, p. 50.

[515] Страбон говорит о самых ранних поселениях феников в Африке и Иберии как о *μικρὸν τῶν Τρωϊκῶν ὕστερον* (i, p. 48). Утверждается, что Утика была на двести восемьдесят семь лет раньше Карфагена (Aristot. Mirab. Auscult. c. 134): ср. Velleius Paterc. i, 2.

Архалей, сын Феникса, был указан как основатель Гадеса в феникийской истории Клавдия Юлия, ныне утраченной (Etymolog. Magn. v. Γαδεῖρα). Архалей - вариант имени Геракл, по мнению Моверса.

[516] Skylax, Periplus, c. 110. "Carteia, ut quidam putant, aliquando Tartessus; et quam transvecti ex Africâ Phœnices habitant, atque unde nos sumus, Tingentera." (Mela, ii, 6, 75.) Выражение "*transvecti ex Africâ*" относится как к фенийцам, так и к карфагенянам: "*uterque Pœnus*" (Horat. Od. ii, 11) означает карфагенян и фенийцев Гадеса.

[517] Strabo, xvii, p. 836.

[518] Мыс Солоис, рассматриваемый Геродотом как самый западный мыс Ливии, совпадает по названию с феникийским городом Солоис в западной Сицилии, а также, по-видимому, с феникийским поселением Суэль (Mela, ii, 6, 65) в южной Иберии или Тартессе. Мыс Гермæйя - название северо-восточного мыса Тунисского залива, а также мыса в Ливии, в двух днях плавания на запад от Гераклеиских столбов (Skylax, c. 111).

Вероятно, все примечательные мысы в этих морях получили свои названия от фенийцев. Маннерт (Geogr. d. Gr. und Röm. x, 2, p. 495) и Форбигер (Alte Geogr. sect. 111, p. 867) отождествляют мыс Солоэис с тем, что сейчас называется мысом Кантин; Херен считает его тем же, что и мыс Бланко; Бугенвиль - мысом Боядор.

[519] Саллюст, Bell. Jug. c. 78. Он был назван Лептис Магна, чтобы отличить его от другого Лептиса, более западного и более близкого к Карфагену, называемого Лептис Парва; но этот последний, кажется, был известен под именем Лептис (Forbiger, Alte Geogr. sect. 109, p. 844). В Лептис Магна доля феникийских колонистов была столь незначительной, что феникийский язык был утрачен, и на нем говорили туземцы, которых Саллюст называет нумидийцами: но эти люди восприняли сидонские институты и цивилизацию. (Sall. ib.)

[520] Strabo, xvii, pp. 825-826. Он обнаружил, что некоторые авторы утверждают, что на этом побережье, до которого от Тингиса или Ликсуса (Танжера) тридцать дней плавания на юг, когда-то

было триста торговых заведений, но они были в основном разрушены племенами из внутренних районов - фарийцами и нигритянами. Он подозревает, что это утверждение преувеличено, но, похоже, в нем нет ничего невероятного. Из языка Страбона следует, что Эратосфенес изложил это утверждение как истинное, по его мнению.

[521] Сравните Skylax, с. 111, и Periplus Ганно, ap. Hudson, Geogr. Græc. Min. vol. i, pp. 1-6. Я уже отмечал, что τάριχος (соленая провизия) из Гадейры в настоящее время продавалась на афинских рынках, начиная с Пелопоннесской войны и ниже.-Eurpolis, Fragm. 23; Μαρικᾶς, p. 506, ed. Meineke, Comic. Græc.

Πότερ' ἦν τὸ τάριχος; Φρύγιον ἢ Γαδειρικόν;

Сравните цитаты из других комических писателей, Антифана и Никострата (Antiphanês, Nikostratus ap. Athenæ. iii, p. 118. Феникийские купцы покупали в обмен аттическую керамику для своей африканской торговли.

[522] О продуктивности испанских рудников говорит Полибий (xxxiv, 9, 8) ap. Strabo, iii, p. 147; Aristot. Mirab. Ausc. с. 135.

[523] Strabo, iii, pp. 156, 158, 161; Polybius, iii, 10, 3-10.

[524] Polyb. i, 10; ii, 1.

[525] Strabo, iii, pp. 141-150. Οὗτοι γὰρ Φοίνιξιν οὕτως ἐγένοντο ὑποχείριοι, ὥστε τὰς πλείους τῶν ἐν τῇ Τουρδιτανίᾳ πολέων καὶ τῶν πλήσιον τόπων ὑπ' ἐκείνων νῦν οἰκεῖσθαι.

[526] Thucyd. vi, 3; Diodor. v, 12.

[527] См. ссылку в Joseph. Antiq. Jud. viii, 5, 3, и Joseph. cont. Apion. i, 18; аллюзию можно найти у Вергилия, Æneid, i, 642, в устах Дидо.

"Genitor tum Belus opimam

Vastabat Cyprum, et late ditione tenebat." (t. v.)

[528] Относительно поклонения в Саламине (на Кипре) и Пафосе см. Lactant. i, 21; Strabo, xiv, p. 683.

[529] Тарс упоминается Дионом Хризостомом как колония из феникийского Арадуса (Orat. Tarsens. ii, p. 20, ed. Reisk.), а Геродот делает Киликса братом Феникса и сыном Агенора (vii, 92).

Найдены феникийские монеты из города Тарса, датированные концом Персидской империи: см. Movers, Die Phönizier, i, p. 13.

[530] Herodot. i, 170.

[531] Herodot. iv, 151.

[532] Herodot. iv, 152. Θείῃ πομπῇ χρεώμενος.

[533] Herodot. iv, 152. Τὸ δὲ ἐμπόριον τοῦτο (Tartêssus) ἦν ἀκήρατον τοῦτον τὸν χρόνον- ὥστε ἀπονοστήσαντες οὗτοι ὀπίσω μέγιστα δὴ Ἑλλήνων πάντων, τῶν ἡμεῖς ἀτρεκέως ἴδμεν, ἐκ φορτίων ἐκέρδησαν, μετὰ γε Σώστρατον τὸν Λαοδάμαντος, Αἰγινήτην- τοῦτ' ἂν γὰρ οὐκ οἶά τε ἐρίσαι ἄλλον.

Аллюзии на огромное богатство Тартесса в Анакреоне, Fragm. 8, ed. Bergk; Stephan. Byz. Ταρτησσός; Eustath. ad Dionys. Periêgêt. 332, Ταρτησσός, ἦν καὶ ὁ Ἀνακρέων φησὶ πανευδαίμονα; Himerius ap. Photium, Cod. 243, p. 599, -Ταρτεσσοῦ βίον, Ἀμαλθείας κέρασ, πᾶν ὅσον εὐδαιμονίας κεφαλαῖον.

[534] Эти таланты не могли быть аттическими талантами; ведь аттический талант впервые возник в результате обесценивания афинского денежного знака Солоном, которое произошло не ранее, чем через поколение после путешествия Колея. Это могли быть либо эвбейские, либо эгинейские таланты; скорее всего, первые, поскольку дело относится к острову Самос. Шестьдесят эвбейских талантов были бы примерно эквивалентны сумме, указанной в тексте. О соотношении различных греческих денежных шкал см. выше, т. ii, ч. 2, гл. iv, с. 425 и гл. xii, с. 171 в настоящем томе.

[535] Strabo, xvii, p. 802; Aristot. Mirab. Ausc. с. 84-132.

[536] Herodot. i, 163. Οἱ δὲ Φωκαῖες οὗτοι ναυτιλίῃσι μακρῇσι πρῶτοι Ἑλλήνων ἐχρήσαντο, καὶ τὸν Ἀδρίην καὶ τὴν Τυρσηνίην καὶ τὴν Ἰβηρίην καὶ τὸν Ταρτησσὸν οὗτοί εἰσιν οἱ καταδείξαντες- ἐναυτίλλοντο δὲ οὐ στρογγύλῃσι νηυσὶν, ἀλλὰ πεντηκοντέροισιν,- выражения замечательные.

[537] Herodot. i, 164-165, приводит пример ревности хиан в отношении островов, называемых Ἐνυssa.

[538] Ephorus, Fragm. 52, ed. Маркс; Страбон, vi, p. 267.

[539] Herodot. i, 165.

[540] Ἡ καθ' ἡμᾶς θάλασσα (Страбон); τῇσδε τῆς θαλάττης (Herod. iv, 41).

[541] Географ Птолемей, с подлинным научным рвением, горько жалуется на запасливость и мошенничество, свойственные старым торговцам, в отношении стран, которые они посещали (Ptolem. Geogr. i, 11).

[542] Strabo, iii, pp. 175-176; xvii, p. 802.

[543] Herodot. iv, 42. Καὶ ἔλεγον, ἐμοὶ μὲν οὐ πιστὰ, ἄλλω δὲ δὴ τεῷ, ὡς περιπλῶντες τὴν Λιβύην, τὸν ἥλιον ἔσχον ἐς τὰ δεξιὰ.

[544] Herodot. Οὕτω μὲν αὐτὴ ἐγνώσθη τοπρῶτον- (*т. е. ἡ Λιβύη ἐγνώσθη ἐοῦσα περίρρυτος*)- μετὰ δὲ, Καρχηδόνιοι εἰσιν οἱ λέγοντες. Эти карфагеняне, на которых ссылается Геродот, сказали ему, что Ливию можно обогнуть; но не похоже, что они знали о каком-либо другом действительном кругосветном плавании, кроме плавания фенианцев, посланных Некосом; иначе Геродот сделал бы на него намек, а не перешел бы, как он делает сразу, к рассказу о персе Сатаспеке, который попытался и потерпел неудачу.

Свидетельство карфагенян тем и ценно, что свидетельствует об их убежденности в истинности утверждения, сделанного этими фенианцами.

Некоторые критики истолковывают слова, в которых Геродот упоминает карфагенян как своих информаторов, как будто они рассказали ему историю о бесплодной попытке Сатаспека. Но историк явно не это имел в виду: он приводит мнение карфагенян как подтверждение слов фенианцев, нанятых Некосом.

[545] Диодор (iii, 40) правильно говорит о направлении теней к югу от тропика Рака (сравните Плиния, Н. Н. vi, 29), что свидетельствует о расширении географических и астрономических наблюдений за четыре века, прошедшие между ним и Геродотом.

[546] Скилак, проследив линию побережья от Средиземного моря за Гибралтарским проливом, а затем на юго-запад вдоль Африки до острова Керне, продолжает, что "за Керне море больше не судоходно из-за мелей, ила и морских водорослей". Τῆς δὲ Κέρνης νήσου τὰ ἐπέκεινα οὐκέτι ἐστὶ πλωτὰ διὰ βραχύτητα θαλάττης καὶ πηλὸν καὶ φῦκος. Ἐστὶ δὲ τὸ φῦκος τῆς δοχμῆς τὸ πλάτος καὶ ἄνωθεν ὅζυ, ὥστε κεντεῖν (Skylax, с. 109). Неарх, отправляясь в путешествие вниз по Инду, а оттуда в

Персидский залив, не уверен, что внешнее море окажется судоходным -εἰ δὴ πλωτός γέ ἐστιν ὁ ταύτῃ πόντος (Nearchi Periplus, p. 2: ср. p. 40, ap. Geogr. Minor. vol. i, ed. Hudson). Пифей описывал окрестности Тулка как некий хаос - смесь земли, моря и воздуха, в которой нельзя было ни ходить, ни плавать: οὔτε γῆ καθ' αὐτὴν ὑπῆρχεν ἔτι οὔτε θάλασσα οὔτε ἀήρ, ἀλλὰ σύγκριμά τι ἐκ τούτων πλεύμονι θαλασσίῳ ἐοικὸς, ἐν ᾧ φησὶ τὴν γῆν καὶ τὴν θάλασσαν αἰωρεῖσθαι καὶ τὰ σύμπαντα, καὶ τοῦτον ὡς ἄν δεσμὸν εἶναι τῶν ὅλων, μήτε πορευτὸν μήτε πλωτὸν ὑπάρχοντα- τὸ μὲν οὖν τῷ πλεύμονι ἐοικὸς αὐτὸς (Pytheas) ἑωρακέναι, τᾶλλα δὲ λέγειν ἐξ ἀκοῆς. (Strabo, ii, p. 104). Опять же, жрецы Мемфиса рассказали Геродоту, что их герой-завоеватель Сесострис снарядил флот в Аравийском заливе и совершил путешествие в Эритрейское море, покоряя людей повсюду, "пока не пришел к морю, уже не судоходному с мелей" -οὐκέτι πλωτὴν ὑπὸ βραχέων (Herod. ii, 109). Платон представляет море без Геракловых столбов как непроницаемое и непригодное для судоходства из-за большой примеси земли, грязи или растительного покрова, возникшего в нем после разрушения великого острова или континента Атлантиды (Timæus, p. 25; и Kritias, p. 108); эти отрывки хорошо иллюстрируются Схолиастом, который, по-видимому, читал географические описания характера этого внешнего моря: τοῦτο καὶ οἱ τοὺς ἐκείνῃ τόπους ἱστοροῦντες λέγουσιν, ὡς πάντα τεναγῶδη τὸν ἐκεῖ εἶναι χῶρον- τέναγος δὲ ἐστὶν ἰλὺς τις, ἐπιπολάζοντος ὕδατος οὐ πολλοῦ, καὶ βοτάνης ἐπιφαινομένης τούτῳ. См. также выдумку Плутарха о плотном, земляном и вязком Кронийском море (несколько дней к западу от Британии), в котором корабль мог продвигаться с трудом и только с помощью сильной тяги веслами (Plutarch, De Facie in Orbe Lunæ, c. 26, p. 941). Так же и в двух географических произведениях в стихах Руфуса Феста Авиена (Hudson, Geogr. Minor. vol. iv, Descriptio Orbis Terræ, v, 57, и Ora Maritima, v, 406-415): в первом из них плотность воды западного океана объясняется тем, что она насыщена солью, - во втором мы видим мелководье, большое количество морских водорослей и плавающих диких зверей, которых, как утверждает карфагенянин Гимилько, он видел: - "Plumque porro ten ten".

"Plerumque porro tenue tenditur salum,

Ut vix arenas subiacentes occulat;

Exsuperat autem gurgitem fucus frequens

Atque impeditur æstus ex uligine:

Vis vel ferarum pelagus omne internatat,

Mutusque terror ex feris habitat freta.

Нæc olim Himilco Pœnus Oceano super

Spectasse semet et probasse rettulit:

Нæc nos, ab imis Punicorum annalibus

Prolata longo tempore, edidimus tibi".

Сравните также v, 115-130 той же поэмы, где автор снова приводит цитату из путешествия Гимилько, который провел четыре месяца в океане за Геркулесовыми столбами: - "Sic nulla late

"Sic nulla late flabra propellunt ratem,

Sic segnis humor æquoris pigri stupet.

Adjicit et illud, plurimum inter gurgites

Extare fucum, et sæpe virgulti vice

Retinere puppim" и т. д.

Мертвый штиль, тина и мелководье внешнего океана затрагиваются Аристотелем. Meteorolog. ii, 1, 14, и, похоже, были излюбленной темой для декламации у риториков эпохи Августа. См. Сенека, Suasoriar. i, 1.

Даже спутники и современники Колумба, когда мореплавание достигло такого сравнительного прогресса, все еще сохраняли значительную часть этих опасений относительно опасностей и трудностей неизвестного океана: "Le tableau exagéré (замечает А. фон Гумбольдт, Examen Critique de l'Histoire de la Géographie, t. iii, p. 95) que la ruse des Phéniciens avait tracé des difficultés qu'opposaient à la navigation au delà des Colonnes d'Hercule, de Cerné, et de l'Ile Sacrée (Ierné), le fucus, le limon, le manque de fond, et le calme perpétuel de la mer, ressemble d'une manière frappante aux récits animés des premiers compagnons de Colomb."

Колумб был первым человеком, который пересек Саргассово море, или область Атлантического океана к югу от Азорских островов, где оно покрыто огромной массой морских водорослей на пространстве, в шесть или семь раз превышающем площадь Франции: тревога его команды при этом неожиданном зрелище была значительной. Морские водоросли иногда так густо нагромождены, что требуется сильный ветер, чтобы протащить сквозь них судно. Замечания и сравнения М. фон Гумбольдта, касающиеся древней и современной навигации, весьма интересны. (Examen, *ut sup.* pp. 69, 88, 91 и др.).

Ј. М. Геснер (Dissertat. de Navigationibus extra Columnas Herculis, sects. 6 и 7) хорошо защищает историю, рассказанную Геродотом. Майор Реннелл также придерживается той же точки зрения и с помощью многочисленных аргументов показывает, насколько легче было совершить кругосветное плавание с востока, чем с запада (Geograph. System of Herodotus, p. 680); сравните Ukert, Geograph. der Griechen und Römer. vol. i, p. 61; Mannert, Geog. d. G. und Römer, vol. i, pp. 19-26. Госселин (Recherches sur la Géogr. des Anc., i, p. 149) и Маннерт отвергают эту историю как не заслуживающую доверия: Херен защищает ее (Ideen über den Verkehr der Alten Welt, i, 2, pp. 86-95).

Агатархид во II веке до н. э. считает восточное побережье Африки к югу от Красного моря до сих пор не исследованным: однако он считает несомненным, что море к юго-западу непрерывно соединяется с Западным океаном (De Rubro Mari, Geog. Minores, ed. Huds. v, i, p. 11).

[547] Strabo, iii, p. 170. Сатаспес (неудачливый персидский кругосветный путешественник по Ливии, упомянутый выше) совратил дочь другого персидского вельможи, Зопира, сына Мегабиза, и Ксеркс приказал распять его за этот поступок; его мать отговорила его, предложив осудить его на нечто "худшее, чем смерть" - кругосветное путешествие по Ливии (Herod. iv, 43). В связи с его путешествием следует отметить две вещи: 1. Он взял с собой корабль и моряков из Египта; нам не говорят, что это были финикийцы: вероятно, никакие другие мореплаватели, кроме финикийцев, не были компетентны для такого плавания, - и даже если бы команда Сатаспека была финикийской, он не мог бы предложить вознаграждение за успех, равное тому, что было в распоряжении Некоса. 2. Он начал свое предприятие из Гибралтарского пролива, а не из Красного моря; теперь кажется, что течение между Мадагаскаром и восточным побережьем Африки очень сильно направляется к мысу Доброй Надежды, так что, хотя оно значительно облегчает южное плавание, с другой стороны, оно делает возвращение тем же путем очень трудным. (См. Гумбольдт, Критический анализ истории географии, т. i, с. 343.) Страбон, однако, утверждает, что все, кто пытался обогнуть Африку как со стороны Красного моря, так и со стороны Гибралтарского пролива, были вынуждены безуспешно возвращаться обратно (i, с. 32), так что большинство людей считало, что существует непрерывный перешеек, делающий неосуществимым морское путешествие из одного пункта в другой: сам он, однако, убежден, что Атлантика - это οὐράριος по

обе стороны Африки, и поэтому кругосветное плавание возможно. Он, как и Посейдоний (ii, pp. 98-100), не верил в рассказ о фенианцах, посланных Некосом. Свою полную убежденность в том, что Ливию можно обогнуть, он, должно быть, почерпнул из географической теории, которая заставила его уменьшить размеры этого континента к югу, - поскольку, по его мнению, это никогда не удавалось сделать, хотя попытки предпринимались часто. Маннерт (Geog. d. G. und Röm. i, p. 24) ошибочно утверждает, что Страбон и другие основывали свою веру на повествовании Геродота.

Стоит отметить, что Страбон не мог читать историю Геродота с большим вниманием, поскольку он упоминает Дария как царя, который послал феникийцев вокруг Африки, а не Некоса; он также не обращает внимания на замечательное заявление этих мореплавателей относительно положения солнца. Несомненно, в его время существовало множество апокрифических рассказов о попытках, успешных и неудачных, обогнуть Африку, как мы можем видеть на примере рассказа Евдокса (Strabo, ii, 98; Cornel. Nep. ap. Plin. H. N. ii, 67, который передает эту историю совершенно иначе; и Pomp. Mela, iii, 9).

[548] Arrian, Exp. Al. vii, 1, 2.

[549] Herodot. i, 1. Φοίνικας-ἀπαγινέοντας φορτία Ἀσσύρια τε καὶ Αἰγύπτια.

[550] См. ценную главу в Heeren (Ueber den Verkehr der Alten Welt i, 2, Abschn. 4, p. 96) о сухопутной торговле фенийцев.

Двадцать седьмая глава пророка Иезекииля представляет поразительную картину общей торговли Тира.

[551] Herodot. i, 178. Τῆς δὲ Ἀσσυρίας ἐστὶ μὲν καὶ ἄλλα πόλεις μεγάλα πολλά- τὸ δὲ ὀνομαστότατον καὶ ἰσχυρότατον, καὶ ἔνθα σφι, τῆς Νίνου ἀναστάτου γενομένης, τὰ βασιλῆα κατεστήκεε, ἧν Βαβυλῶν.

Существование этих и нескольких других больших городов является важным пунктом в нашем представлении о старой Ассирии: Опис на Тигре и Ситтакэ на одном из каналов, расположенных недалеко от Тигра, могут быть идентифицированы (Xenoph. Anab. ii, 4, 13-25): сравните Diodor. ii, 11.

[552] Herodot. i, 72; iii, 90-91; vii, 63; Strabo, xvi, p. 736, также ii, p. 84, в котором он делает исключение из распределения οἰκουμένη (обитаемой части земного шара), сделанного Эратосфеном, потому что оно не включало в одно отделение (σφραγὶς) собственно Сирию и Месопотамию: он называет Нина и Семирамиду сирийцами. Геродот считает армян колонистами из фригийцев (vii, 73).

Гомеровские имена Ἀρίμοι, Ἑρεμβοὶ (первое в Илиаде, ii, 783, второе в Одиссее, iv, 84) совпадают с восточным названием этой расы *Aram*; оно кажется более древним, по греческому обычаю речи, чем *сирийцы* (см. Strabo, xvi, p. 785).

Гесиодовский каталог, а также Стесихор признают *Араба* сыном Гермеса от Троники, дочери Белуса (Гесиод, Fragm. 29, ed. Marktscheffel; Strabo, i, p. 42).

[553] Херен в своем рассказе о вавилонянах (Ideen über den Verkehr der Alten Welt, part i, Abtheilung 2, p. 168) говорит об этом завоевании Вавилона халдейскими варварами с северных гор как об определенном факте, объясняющем великое развитие Вавилонской империи при

Набополасаре и Навуходоносоре в 630-580 гг. до н. э.; по его мнению, именно новые халдейские завоеватели таким образом распространили свое господство на Иудею и Феникию.

Я согласен с Вольнеем (*Chronologie des Babylonien*, ch. x, p. 215) в том, что он считает это утверждение бездоказательным и неправдоподобным. Маннерт, похоже, полагает, что халдеи были аравийского происхождения (*Geogr. der Gr. und Röm.*, part v, s. 2, ch. xii, p. 419). Отрывки Страбона (xvi, p. 739) более благоприятны для этого мнения, чем для мнения Херена; Но мы не знаем ничего определенного о халдеях, кроме того, что они были священническим орденом среди ассирийцев Вавилона, как их прямо называет Геродот - ὡς λέγουσι οἱ Χαλδαῖοι, ἔόντες ἱερεὺς τοῦτο τοῦ θεοῦ (Зевса Белуса) (*Herodot.* i, 181).

О халибах и халдеях северных гор, кажется, известно только через Ксенофонта (*Anab.* iv, 3, 4; v, 5, 17; *Сугор.* iii, 2, 1); это грубые варвары, и об их подвигах или истории до нас не дошло никаких сведений.

[554] Самым ранним астрономическим наблюдением халдейцев, известным астроному Птолемею, точным и с установленной датой, достаточной для научного использования, было лунное затмение 19 марта 721 года до н. э. - 27-го года эры Набонассара (*Ideler, Ueber die Astronomischen Beobachtungen der Alten*, p. 19, Berlin, 1806). Если бы Птолемею были известны более древние наблюдения, соответствующие этим условиям, он не преминул бы обратить на них внимание: его собственные слова в "Альмагесте" свидетельствуют о том, как высоко он ценил знание и сравнение наблюдений, сделанных в отдаленные промежутки времени (*Almagest*, b. 3, p. 62, ap. *Ideler, l. c.* p. 1), и в то же время подразумевают, что у него не было более древних, чем эра Набонассара (*Alm.* iii, p. 77, ap. *Idel.* p. 169).

В том, что халдеи задолго до этого периода имели привычку наблюдать за небом, нет причин сомневаться; а точность наблюдений, приводимых Птолемею, предполагает (по мнению Иделера, стр. 167) длительную практику. Период в двести двадцать три луны, после которого Луна возвращается почти к тем же положениям относительно апсид и узлов, и после которого затмения возвращаются почти в том же порядке и величине, кажется, был открыт халдеями ("Defectus ducentis viginti tribus mensibus redire in suos orbes certum est", *Pliny, H. N.* ii, 13), и они вывели отсюда среднесуточные движения Луны с точностью, которая лишь на четыре секунды отличается от современных лунных таблиц (*Geminus, Isagoge in Arati Phænomena*, c. 15; *Ideler, l. c.* pp. 153, 154, и в его *Handbuch der Chronologie*, vol. i, Absch. ii, p. 207).

Похоже, что халдейские наблюдения, как сделанные, так и записанные, были гораздо более древними, чем эпоха Набонассара; хотя мы не можем придавать особого значения дате 1903 года до Александра Великого, которая упоминается Симплицием (*ad Aristot. de Cælo*, p. 123) как самый ранний период халдейских наблюдений, отправленных из Вавилона Каллистенесом Аристотелю. Иделер считает, что халдейские наблюдения до эпохи Набонассара были бесполезны для астрономов из-за отсутствия какой-либо фиксированной эры или определенного цикла, чтобы определить дату каждого из них. Общий гражданский год халдеев с самого начала (как и у греков) был лунным, поддерживаемым в определенной степени гармонии с солнцем с помощью циклов лунных лет и интеркаляций. Вплоть до эпохи Набонассара календарь был в замешательстве, и не было ничего, что могло бы подтвердить ни время воцарения царей, ни время астрономических наблюдений, кроме дней и месяцев этого лунного года. В царствование Набонассара астрономы Вавилона ввели (не для гражданского использования, а для собственных целей и записей) египетский солнечный год, состоящий из трехсот шестидесяти пяти дней, или двенадцати месяцев по тридцать дней каждый, с пятью добавленными днями, начиная с первого числа месяца Тот, начала египетского года, - и таким образом впервые получили непрерывный и точный способ обозначения даты событий. Имеется в виду не то, что халдеи тогда впервые получили от египтян

знание о солнечном годе в триста шестьдесят пять дней, а то, что они тогда впервые использовали его в своем обозначении времени для астрономических целей, фиксируя точный момент, с которого они начинали. Нет ни малейших оснований предполагать, что эра Набонассара совпала с какой-либо политической революцией или сменой династии. Иделер обсуждает этот момент (стр. 146-173, и Handbuch der Chronol. стр. 215-220). Синцелл мог бы правильно сказать - Ἀπὸ Ναβονασάρου τοὺς χρόνους τῆς τῶν ἁστρον παρατηρησέως Χαλδαῖοι ἠκρίβωσαν (Chronogr. p. 207).

Нам нет необходимости останавливаться на обратных подсчетах халдейцев для периодов в 720 000, 490 000, 470 000 лет, упоминаемых Цицероном, Диодором и Плинием (Cicero, De Divin. ii, 46; Diod. ii, 31; Pliny, H. N. vii, 57) и, по-видимому, представленных Берозом и другими в качестве предисловия к вавилонской истории.

Следует отметить, что Птолемей всегда ссылается на халдейские наблюдения как на сделанные "халдейцами", никогда не называя ни одного человека; хотя во всех других наблюдениях, на которые он ссылается, он очень скрупулезно указывает имя наблюдателя. Несомненно, он нашел халдейские наблюдения зарегистрированными именно таким образом; этот момент иллюстрирует сказанное в тексте о коллективном характере их цивилизации и отсутствии индивидуального развития или выдающегося гения.

О превосходстве халдейских жрецов над египетскими как астрономических наблюдателей говорит тот факт, что Птолемей, хотя и жил в Александрии, никогда не упоминает последних как астрономов и не приводит ни одного египетского наблюдения, в то время как он цитирует тринадцать халдейских наблюдений в годы до н. э. (721, 720, 52). С. 721, 720, 523, 502, 491, 383, 382, 245, 237, 229: первые десять были наблюдениями лунных затмений; последние три - соединений планет и неподвижных звезд (Ideler, Handbuch der Chronologie, vol. i, Ab. ii, pp. 195-199).

[555] Herodot. ii, 109.

[556] Древний Нинус или Ниневия располагался на восточном берегу Тигра, почти напротив современного города Мосул или Мосул. Геродот (i, 193) и Страбон (xvi, p. 737) говорят о том, что он был разрушен; но Тацит (Ann. xii, 13) и Аммиан (Ammian. Марцелл. (xviii, 7) упоминают его как сохранившийся. Его руины были давно замечены (см. Thevenot, Voyages, lib. i, ch. xi, p. 176, и Niebuhr, Reisen, vol. ii, p. 360), но никогда не были тщательно исследованы до недавнего времени Ричем, Эйнсвортом и другими: см. Ritter, West-Asien, b. iii, Abtheil. iii, Abschn. i, s. 45, pp. 171-221.

Ктесий, согласно Диодору (ii, 3), поместил Нинус или Ниневию на Евфрате, что мы должны предположить как непреднамеренность, - возможно, самого Диодора, поскольку Ктесий был менее склонен путать Евфрат и Тигр, чем он. Сравните Wesseling ad Diodor. ii, 3, и Bähr ad Ktesiae Fragm. ii, Assyr. p. 392.

Маннерт (Geographie der Gr. und Röm. part v, c. 14, pp. 439-448) оспаривает идентичность этих руин с древним городом Нинус или Ниневией, поскольку, если бы это было так, Ксенофонт и десять тысяч греков должны были бы пройти прямо над ними во время отступления по восточному берегу Тигра вверх: и Ксенофонт, который особенно отмечает опустевшие города Лариса и Меспила, ничего не говорит о больших руинах этой некогда процветавшей ассирийской столицы. Этот аргумент однажды показался мне настолько убедительным, что я пришел к тому же отрицательному выводу, что и Маннерт, хотя его предположения относительно реального местоположения города никогда не казались мне удовлетворительными. Но Риттер устранил эту трудность, показав, что руины напротив Мосула точно соответствуют положению того заброшенного города, который Ксенофонт называет Меспилой: разница в названиях в данном

случае не имеет большого значения (Ritter, *ut sup.* p. 175). См. также Forbiger, Handbuch der alten Geographie, sect. 96, p. 612.

Положение Ниневии, на которое здесь указывается, в точности соответствует тому, что мы должны были ожидать в связи с завоеваниями мединских царей: она находится в той части Ассирии, которая граничит с Медией, и в ходе завоеваний, которые царь Кяксарес впоследствии распространил дальше до Халиса. (См. [Приложение](#) в конце этой главы).

[557] Herodot. i, 193. Ἡ γὰρ τῶν Ἀσσυρίων ἔεται μὲν ὀλίγῳ - в то время как он говорит о дожде, выпавшем в Фивах в Египте как о чуде, который никогда не случался, кроме как в тот момент, когда страна была завоевана Камбизом, - οὐ γὰρ δὴ ἔεται τὰ ἄνω τῆς Αἰγύπτου τὸ παράπαν (iii, 10). Нелишне отметить это различие между *небольшим* дождем в Вавилонии и *отсутствием* дождя в Верхнем Египте - как признак взвешенного утверждения у историка, от которого мы так много знаем о греческой истории.

Случилось так, что в течение четырех дней, которые путешественник Нибур провел в пути от развалин Вавилона до Багдада, в конце ноября 1763 года шел сильный дождь (Reisen, vol. ii, p. 292).

[558] Herodot. i, 193; Xenophon, Anab. i, 7, 15; ii, 4, 13-22.

[559] О финиковых пальмах (φοίνικες) в древней Вавилонии см. Theophrastus, Hist. Plant. ii, 6, 2-6; Xenoph. Cyrop. vii, 5, 12; Anab. ii, 3, 15; Diodor. ii, 53: были и такие, которые не приносили плодов, но давали хорошую древесину для дома и мебели.

Теофраст дает такое же общее представление о плодородии и продуктивности почвы в Вавилонии, как и Геродот, хотя двухсоткратная, а иногда и трехсоткратная цифра, которую последний называл продукцией земли в виде зерна, в его изложении оказывается сокращенной до пятидесятикратной или стократной (Hist. Plant. viii, 7, 4).

О многочисленных полезных целях, для которых служила финиковая пальма (в персидской песне перечисляется триста шестьдесят), см. Страбон, xiv, p. 742; Аммиан. Marcell. xxiv, 3.

[560] Herodot. i, 178, Strabo, xiv, p. 738; Arrian, E. A. vii, 17, 7. Страбон не говорит, что это был стадион *перпендикулярной* высоты: мы можем предположить, что стадион представляет собой все расстояние в восходящем марше от низа до верха. Он, как и Арриан, говорит, что Ксеркс разрушил храм Белуса и все другие храмы в Вавилоне (καθεῖλεν, κατέσκαψεν, iii, 16, 6; vii, 17, 4); он говорит о намерении Александра восстановить его и о его указаниях выровнять новый фундамент, убрав рыхлую землю и развалины. Это невозможно согласовать ни с рассказом Геродота, ни с утверждением Плиния (vi, 30), и я не считаю это правдой. Ксеркс разграбил храм, забрав большую часть его богатств и украшений, но то, что он разрушил огромное здание и другие вавилонские храмы, невероятно. Вавилон всегда оставался одним из главных городов Персидской империи.

[561] То, что говорится в тексте о Вавилоне, почти полностью взято у Геродота: я кратко изложил наиболее яркие моменты в его интересном повествовании (i, 178-193), которое вполне заслуживает того, чтобы быть прочитанным в деталях.

Геродот, по сути, является нашим единственным оригинальным свидетелем, который рассказывает о чудесах Вавилона, основываясь на собственных наблюдениях и вдаваясь в подробности. Ктесий, если бы его труд сохранился, был бы еще одним оригинальным свидетелем; но у нас есть только несколько выдержек из него, сделанных Диодором. Страбон, похоже, не посещал Вавилон, и нельзя утверждать, что это сделал Клейтарх. Арриан копировал Аристобула, и его рассказ ценен в той мере, в какой он соответствует действительности; но он не вдаётся во

многие подробности, касающиеся величины города или его принадлежностей. Берос, если бы мы располагали его книгой, был бы очевидцем состояния Вавилона более чем на полтора века позже Геродота, но немногие сохранившиеся фрагменты почти ничего не описывают (см. Berosi Fragm. pp. 64-67, ed. Richter).

Масштабы произведений, описанных Геродотом, естественно, вызывают подозрения в преувеличении; но, по моему мнению, есть все основания доверять ему по всем пунктам, которые подпадали под его собственное видение и средства проверки, в отличие от прошлых фактов, о которых он мог рассказать не более чем то, что слышал. Он уделял много внимания Ассирии и ее явлениям, что видно из того факта, что он написал (или готовился написать, если допустимо подозрение, что работа так и не была завершена, - Fabricius, Biblioth. Græc. ii, 20, 5) специальную ассирийскую историю, которая до нас не дошла (Ἀσσυρίοισι λόγοισι, i, 106-184). Он очень точен в мерах, о которых говорит; так, описав размеры стен в "царских локтях", он тут же рассказывает, насколько эта мера отличается от обычного локтя. Он намеренно умалчивает часть того, что слышал о продуктах вавилонской земли, просто из опасения, что ему не поверят.

К этим причинам, заставляющим верить Геродоту, можно добавить еще одну, не менее заслуживающую внимания. То, что кажется невероятным в описанных им сооружениях, объясняется просто их огромной массой и ужасающим количеством человеческого труда, который должен был быть использован для их выполнения. Он не говорит нам, как Берозус (Fragm. p. 66), что эти замечательные укрепления были построены за пятнадцать дней, и не говорит, как Квинт Курций, что длина одного стадиона была завершена в каждый последующий день года (v, 1, 26). Довести до конца все, что описал Геродот, - вопрос времени, терпения, количества рабочих и затрат на их содержание, ведь материалы были и под рукой, и неисчерпаемы.

Каков же был предел власти и воли старых царей Вавилонии в этих вопросах? Вряд ли мы можем определить этот предел с такой уверенностью, чтобы осмелиться назвать утверждение Геродота невероятным, когда он рассказывает нам о том, что видел сам или подтвердил со слов очевидцев. Пирамиды и другие сооружения в Египте вполне достаточны, чтобы заставить нас с недоверием относиться к собственным средствам оценки; а великая китайская стена (протянувшаяся на двенадцать сотен английских миль вдоль того, что когда-то было всей северной границей Китайской империи, - от двадцати до двадцати пяти футов высотой, достаточно широкая, чтобы по ней могли пройти шесть лошадей, и снабженная соответствующим количеством ворот и бастионов) *содержит больше материала, чем все здания Британской империи вместе взятые*, согласно оценке Барроу (Transactions of the Royal Asiatic Society, vol. i, p. 7, t. v.; и Ideler, Ueber die Zeitrechnung der Chinesen, in the Abhandlungen of the Berlin Academy for 1837, ch. 3, p. 291).

Ктесий называет окружность стен Вавилона в триста шестьдесят стадий; Клейтарх - триста шестьдесят пять стадий; Квинт Курций - триста шестьдесят восемь стадий; Страбон - триста восемьдесят пять стадий; все они отличаются от Геродота, который дает четыреста восемьдесят стадий, квадрат со ста двадцатью стадиями в каждую сторону. Гроскурд (ad Strabon. xvi, p. 738), Летронн и Херен предполагают, что меньшее число должно быть правдой, и что Геродот должен быть дезинформирован; и Гроскурд далее настаивает, что Геродот не мог *видеть* стены, поскольку он сам говорит нам, что Дарий заставил их быть разрушенными после второй осады и повторного завоевания (Herodot. iii, 159). Но на это мы можем обратить внимание: Во-первых, выражение (τὸ τεῖχος περὶ ἔτε) не означает, что стена была разрушена Дарием настолько тщательно и полностью, что не осталось ни одной части, - тем более, что большой и широкий ров был засыпан и выровнен по всей длине. Это было бы очень трудоемкой операцией в отношении таких высоких и громоздких масс, к тому же не необходимой для того, чтобы сделать город беззащитным; для этой цели достаточно разрушения некоторых частей стены. Далее, Геродот четко говорит о стенах и рве, которые существовали в его время, когда он видел это место, что не

исключает возможности того, что в них были специально сделаны многочисленные проломы или просто оставлены отверстия в стенах без каких-либо реальных ворот, чтобы исключить всякую возможность восстания. Но, как бы ни обстояло дело с последним фактом, несомненно, что великие стены были либо сплошными, либо прерывистыми только в пределах этих предусмотренных проломов, когда их видел Геродот. Он описывает город и его явления в настоящем времени: κέεται ἐν πεδίῳ μεγάλῳ, μέγαθος ἐοῦσα μέτωπον ἕκαστον 120 σταδίων, ἐούσης τετραγώνου- οὗτοι στάδιοι τῆς περιόδου τῆς πόλιος γίνονται συνάπαντες 480. Τὸ μὲν νῦν μέγαθος τοσοῦτόν ἐστι τοῦ ἄστεος τοῦ Βαβυλωνίου. Ἐκεκόσμητο δὲ ὡς οὐδὲν ἄλλο πόλισμα τῶν ἡμεῖς ἴδμεν- ταφρὸς μὲν πρῶτά μιν βαθέα τε καὶ εὖρεα καὶ πλήρῃ ὕδατος περιθέει- μετὰ δὲ, τεῖχος πεντήκοντα μὲν πηχέων βασιλῆων ἐὼν τὸ εὖρος, ὕψος δὲ, διηκοσίῳ πηχέων. Ὁ δὲ βασιλῆϊος πηχὺς τοῦ μετρίου ἐστὶ πηχεὸς μέζων τρισὶ δακτυλίοισι (с. 178). И снова (с. 181), -Τοῦτο μὲν δὴ τὸ τεῖχος θώρηξ ἐστί- ἕτερον δὲ ἔσωθεν τεῖχος περιθεῖ, οὐ πολλῷ τέῳ ἀσθενέστερον τοῦ ἐτέρου τείχους, στεινότερον δέ. Затем он описывает храм Зевса Белы с его огромными размерами, -καὶ ἐς ἐμὲ τοῦτο ἔτι ἐὼν, δύο σταδίων πάντη, ἐὼν τετράγωνον, - языком того, кто сам поднимался на его вершину. Упомянув о поразительных современных явлениях храма, он упоминает статую из чистого золота высотой в двенадцать локтей, которая, по словам халдеев, когда-то была здесь, но которую он не видел, и он тщательно подчеркивает это различие в своем языке, -ἦν δὲ ἐν τῷ τεμένει τούτῳ ἔτι τὸν χρόνον ἐκεῖνον καὶ ἀνδριάς δυώδεκα πήχεων, χρύσεος στέρεος. Ἐγὼ μὲν μιν οὐκ εἶδον- τὰ δὲ λέγεται ὑπὸ Χαλδαίων, ταῦτα λέγω (с. 183).

Таким образом, аргумент, которым Гроскурд оправдывает отказ от утверждения Геродота, не согласуется с языком историка: Геродот, безусловно, видел и стены, и ров. Ктесий тоже видел их, и его утверждение об окружности в триста шестьдесят стадий противоречит утверждению Геродота о четырехстах восьмидесяти стадиях. Но авторитет Геродота, по моему мнению, настолько превосходит авторитет Ктесия, что я принимаю большую цифру как более достойную доверия, чем меньшую. Шестьдесят английских миль в окружности - это, несомненно, чудо, но и сорок пять миль в окружности - тоже чудо: предоставляя средства и волю для выполнения меньшего из этих двух, вавилонские цари вряд ли могут считаться неадекватными для большего.

Высота этих искусственных гор, называемых *стенами*, кажется мне еще более удивительной, чем их длина или ширина. Любопытно, что в этом вопросе оба очевидца, Геродот и Ктесий, сходятся во мнении, различая лишь царские и обычные локти. Геродот называет высоту в двести царских локтей: Ктесий - в пятьдесят сажений, которые равны двумстам обыкновенным локтям (Diod. ii, 7), -τὸ δὲ ὕψος, ὡς μὲν Κτησίας φησὶ, πεντήκοντα ὀργυιῶν, ὡς δὲ ἔνιοι τῶν νεωτέρων ἔγραψαν, πηχῶν πεντήκοντα. Олеарий (ad Philostratum Vit. Apollon. Tyan. i, 25) показывает убедительные основания полагать, что более поздние авторы (νεώτεροι) сократили размеры, указанные Ктесиасом, только потому, что считали такую огромную высоту невероятной. Разница между царским и обычным локтем, как сообщает нам Геродот по этому поводу, составляла три цифры в пользу первого; таким образом, его двести царских локтей равны тремстам тридцати семи футам восьми дюймам: Ктесий не обратил внимания на разницу между царскими и обычными локтями, и его оценка, таким образом, ниже, чем у Геродота, на тридцать семь футов восемь дюймов.

В целом, я не думаю, что мы оправданы, как авторитетом таких контрсвидетельств, которые могут быть получены, так и внутренней удивительностью случая, чтобы отвергнуть размеры стен Вавилона, приведенные Геродотом.

Квинт Курций утверждает, что значительная часть огороженного пространства была занята не жилищами, а посевами и посадками (v, 1, 26: ср. Diodor. ii, 9).

[562] Herodot. i, 196.

[563] Arrian, Exp. Al. iii, 16, 6; vii, 17, 3; Quint. Curtius, iii, 3, 16.

[564] Xenoph. Anab. i, 4, 11; Arrian. Exp. Al. iii. 16, 3. καὶ ἅμα τοῦ πολέμου τὸ ἄθλον ἢ Βαβυλῶν καὶ τὰ Σοῦσα ἐφαίνετο.

[565] См. сообщение о больших поступлениях сатрапа Тритантэхмеса и его огромном хозяйстве, состоявшем из лошадей и индийских собак (Herodot. i 192).

[566] Ценное исследование нижнего течения Евфрата, с изменениями, которые оно претерпело, есть в Ritter, West-Asien, b. iii. Abtheil. iii, Abschnitt i, sect. 29, pp. 45-49, и отрывок из Абиденуса на последней странице.

О расстоянии от Тередона или Диридотиса, в устье Евфрата (который оставался отдельным от Тигра до первого века христианской эры), до Вавилона см. Strabo, ii, p. 80; xvi, p. 739.

Важно помнить о предупреждении Риттера, что ни одной из карт течения реки Евфрат, подготовленных до публикации экспедиции полковника Чесни в 1836 году, нельзя доверять. Эта экспедиция дала первое полное и точное исследование русла реки и позволила выявить множество ошибок, допущенных ранее Маннертом, Рейхардом и другими способными географами и картографами. К огромному объему информации, содержащейся во всеобъемлющем и кропотливом труде Риттера, следует добавить еще одно достоинство: он всегда тщательно указывает на те места, где географические данные недостаточны и не дают уверенности. См. West-Asien, B. iii, Abtheilung iii, Abschnitt i, sect. 41, p 959.

[567] Strabo, xiii, p. 617, с искаженным фрагментом Алкея, который О Мюллер так изобретательно исправил (Rhenisch. Museum, i, 4, p. 287).

[568] Strabo, xvi, p. 740.

[569] Diodor. (i. 31) справедливо говорит об этом применительно к древним царям Египта -ἔργα μεγάλα καὶ θαυμαστά διὰ τὰς πολυχειρίας κατασκευάσαντας, ἀθάνατα τῆς ἐαυτῶν δόξης καταλιπεῖν ὑπομνήματα.

[570] См. описание этой пустыни в Xenoph. Anab. i, 5, 1-8.

[571] Десять тысяч греков перешли с внешней стороны на внутреннюю стену Мидии: она была высотой в сто футов, шириной в двадцать футов и, как им сообщили, простиралась на двадцать парасангов или шестьсот стадий (= семьдесят миль) в длину (Xenoph. Anab. ii, 4, 12). Эратосфенес называл ее τὸ Σεμράμιδος διατείχισμα (Strabo, ii, p. 80): она, по-видимому, находилась примерно в двадцати пяти милях к северу от Багдада.

Существует некоторая путаница относительно стены Мидии: Маннерт (Geogr. der G. und R. v. 2, p. 280) и Форбигер (Alte Geogr. sect. 97, p. 616, прим. 94), похоже, спутали ров, вырытый по специальному приказу Артаксеркса, чтобы противостоять походу младшего Кира, с Нахар-Малхой или царским каналом между Тигром и Евфратом: см. Xenoph. Anab. i, 7, 15.

Необычно, что Геродот не упоминает о стене Мидии, хотя его тема (i, 185) естественно ведет его к ней: он, кажется, плывал вниз по Евфрату в Вавилон и, следовательно, должен был видеть ее, если она действительно простиралась до Евфрата, как представляют себе некоторые авторы. Вероятно, однако, она не поддерживалась в надлежащем состоянии даже в его время, поскольку ее первоначальная польза была на исходе, после того как вся Азия от Эвксинского до Персидского залива перешла под власть персов.

[572] Strabo, xvi, p. 744.

[573] Strabo, xvi, pp. 766, 776, 778; Pliny, H. N. vi, 32. "Arabes, mirum dictu, ex innumeris populis pars æqua in commerciis aut latrociniiis degunt: in universum gentes ditissimæ, ut apud quas maximæ opes Romanorum Parthorumque subsistant,-vendentibus quæ a mari aut sylvis capiunt, nihil invicem redimentibus."

Последняя часть этого отрывка Плиния представляет собой достаточно отчетливое, хотя и косвенное, изложение того, что в политической экономии называется *меркантильной теорией*.

[574] Приведем один пример: Геродот упоминает мнение, высказанное ему γραμματιστῆς (контролером) имущества Athênê в Саисе, о том, что источники Нила находятся на неизмеримой глубине в недрах земли, между Syênê и Elephantinê, и что Псамметих тщетно пытался нащупать их с помощью веревки длиной в тысячу сажень (ii, 28). Упоминая эту историю (вполне заслуживающую *пересказа* хотя бы потому, что она исходила от человека, занимавшего значительное положение в стране), Геродот прямо заявляет: "Мне показалось, что этот контролер только шутил, хотя и утверждал, что знает все точно" - οὗτος δ' ἐμοίγε παίζειν ἐδόκει, φάμενος εἰδέναι ἀτρεκέως. Страбон (xvii, p. 819), ссылаясь на эту историю, представляет ее так, как если бы Геродот рассказал ее как факт, - Πολλὰ δ' Ἡρόδοτός τε καὶ ἄλλοι φλυαροῦσιν, οἷον, etc.

Можно привести множество других примеров, как у древних, так и у современных авторов, подобной небрежности или несправедливости по отношению к этому замечательному автору.

[575] Οἱ ἱρέες τοῦ Νείλου, Herod. ii, 90.

[576] Семь устьев Нила, столь печально известные в древности, не соответствуют современной географии страны: см. Mannert, Geogr. der Gr. und Röm. x, 1, p. 539.

Ширина основания Дельты, между Пелусием и Канопом, завышена Геродотом (ii, 6-9) на три тысячи шестьсот стадий; Диодором (i, 34) и Страбоном - на тринадцать сотен стадий, что близко к истине, хотя текст Страбона в различных отрывках не единообразен в этом вопросе и требует исправления. См. примечание Гроскурда к Страбону, ii, p. 64 (примечание 3, p. 101), и xvii, p. 186 (примечание 9, p. 332). Плиний называет расстояние в сто семьдесят миль (H. N. v, 9).

[577] Herod, i, 193. Παραγίνεται ὁ σῖτος (в Вавилонии) οὐ, κατάπερ ἐν Αἰγύπτῳ, αὐτοῦ τοῦ ποταμοῦ ἀναβαίνοντος ἐς τὰς ἀρούρας, ἀλλὰ χερσὶ τε καὶ κηλωνητοῖσι ἀρδόμενος- ἢ γὰρ Βαβυλωνίῃ χώρῃ πᾶσα, κατάπερ ἡ Αἰγυπτία, κατατέμνεται ἐς διώρυγας, и т. д.

Геродоту сообщили, что каналы в Египте были прорыты трудом тех пленников, которых победоносный Сесострис привел домой после своих завоеваний (ii, 108). Каналы в Египте служили отчасти для сообщения между различными городами, отчасти для постоянного снабжения водой тех городов, которые не находились непосредственно на берегу Нила: "Эта огромная река, постоянно работающая" (говоря языком Геродота - ὑπὸ τοσούτου τε ποτάμου καὶ οὕτως ἐργατικόῦ, ii, 11), избавляла египтян от всех трудов по орошению, которым подвергался ассирийский земледелец (ii, 14).

Нижний Египет, как его видел Геродот, хотя и был продолговатой равниной, но не годился ни для лошади, ни для автомобиля из-за множества пересекающихся каналов, - ἀνίππος καὶ ἀναμάξευτος (ii, 108). Но Нижний Египет, по мнению Вольнея, был одной из стран мира, лучше всего приспособленных для действий кавалерии, поэтому он считает, что туземное население страны не имеет шансов противостоять мамелюкам (Volney, Travels in Egypt and Syria, vol. i, ch. 12, sect. 2, p. 199). Страна вернулась к тому состоянию, в котором она была

(ἵππασίμη καὶ ἄμαξευομένη πᾶσα) до проведения каналов, - одна из многих ярких иллюстраций разницы между Египтом, который посещает современный путешественник, и тем, который видел Геродот и даже Страбон, - ὅλην πλωτὴν διωρύγων ἐπὶ διώρυξι τμηθεῖσών (Strabo, xvii, p. 788).

Учитывая ранний возраст Геродота, его замечания о геологическом характере Египта как отложения накопленного Нилом ила кажутся мне наиболее примечательными (ii, 8-14). Не имея в своем религиозном представлении фиксированного числа лет, которым измеряется прошлое существование Земли, он без труда переносится мыслью назад, к тому, что могло произойти с этой рекой за десять или двадцать тысяч лет, или "за все время, прошедшее до моего рождения" (ii, 11).

Об озере Мёрис см. [примечание](#) чуть дальше.

[578] См. примечание в [Приложении](#) к этой главе.

[579] Herodot. ii, 35. Αἰγύπτιοι ἅμα τῷ οὐρανῷ τῷ κατὰ σφέας ἑόντι ἑτεροίῳ, καὶ τῷ ποτάμῳ φύσιν ἄλλοίην παρεχομένῳ ἢ οἱ ἄλλοι πόταμοι, τὰ πολλὰ πάντα ἔμπαλιν τοῖσι ἄλλοισι ἀνθρώποισι ἐστήσαντο ἥθηα καὶ νόμους.

[580] Феокрит (Idyll, xvii, 83) прославляет египетского царя Птолемея Филадельфа как правителя тридцати трех тысяч трехсот тридцати трех городов: способ, которым он соединяет эти цифры в трех гекзаметровых стихах, несколько изобретателен. Жрецы, описывая Геродоту непревзойденное процветание Египта при Амасисе, последнем царе перед персидским завоеванием, говорят, что тогда в стране было двадцать тысяч городов (ii, 177). Диодор сообщает нам, что в древности в египетской ἀναγραφαὶ было зарегистрировано восемнадцать тысяч различных городов и значительных селений (i, 31), а при Птолемеях их насчитывалось тридцать тысяч.

[581] Относительно памятников древнеегипетского искусства см. краткое изложение О. Мюллера, Archäologie der Kunst, разделы. 215-233, и еще лучший рассказ и оценку их в Carl Schnaase, Geschichte der bildenden Künste bei den Alten, Düsseldorf, 1843, vol. i, book ii, chs. 1 and 2.

Что касается достоверности и ценности египетской истории до Псамметиха, то г-н Кенрик в предисловии к своему труду "Египет Геродота" (вторая книга Геродота с примечаниями) сделал много прекрасных замечаний.) О последних открытиях, сделанных на основе иероглифов, он говорит: "Мы знаем, что у египетских царей был обычай надписывать храмы и обелиски, которые они воздвигали, своими именами или отличительными иероглифами; но ни в одном случае эти имена, прочитанные современными расшифровщиками иероглифов на памятниках, которые, как говорят, были воздвигнуты царями до Псамметиха, не совпадают с именами, данными Геродотом". (Preface, p. xlv.) Далее он добавляет в примечании: "Имя, которое читается фонетически *Мена*, было найдено в Фивах, и мистер Уилкинсон предполагает, что это Менес. Однако примечательно, что следующие за ним имена не написаны фонетически, так что вполне вероятно, что это имя не должно читаться как *Мена*. Кроме того, картуш, который следует сразу за ним, - это картуш царя восемнадцатой династии; так что, во всяком случае, он не мог быть выгравирован до многих веков после предполагаемого возраста Менеса; и появление этого имени решает вопрос об историческом существовании не больше, чем появление имени Кекропс в Парийской хронике."

[582] Heeren, *Ideen über den Verkehr der Alten Welt*, part ii, 1, p. 403. Однако мнение, высказанное Партеем (*De Philis Insulâ*, p. 100, Berlin, 1830), может быть справедливым: "Antiquissimâ ætate eundem populum, dicamus Ægyptiacum, Nili ripas inde a Meroë insulâ usque ad Ægyptum inferiorem occupâsse, e monumentorum congruentiâ apparet: posteriore tempore, tabulis et annalibus nostris longe superiore, alia stirps Æthiopica interiora terræ usque ad cataractam Syenensem obtinuit. Ex quâ ætate certa rerum notitia ad nos pervenit, Ægyptiorum et Æthiopum segregatio jam facta est. Herodotus cæterique scriptores Græci populos acute discernunt."

В этот момент Сиен и его катаракт обозначают границу двух народов и двух языков: египтяне и арабский язык на севере, нубийцы и берберский язык на юге. (Parthey, *ibid.*)

[583] Сравните Herodot. ii, 30-32; iii, 19-25; Strabo, xvi, p. 818. Геродот дает описание их доспехов и внешнего вида как части армии Ксеркса (vii, 69); они раскрашивали свои тела: ср. Plin. N. N. xxxiii, 36. Насколько мало Эфиопия была посещена в его время, можно судить по характеру его высказываний: согласно Диодору (i, 37), греки не посещали ее ранее экспедиции Птолемея Филадельфа, - οὕτως ἄξενα ἦν τὰ περὶ τοὺς τόπους τούτους, καὶ παντελῶς ἐπικίνδυνα. Диодор, однако, ошибается, утверждая, что ни один грек никогда не заходил так далеко на юг, как граница Египта: Геродот, несомненно, посетил Элефантину, возможно, и другие греки.

Утверждения о теократическом государстве Мерака и его превосходной цивилизации принадлежат Диодору (iii, 2, 5, 7), Страбону (xvii, p. 822) и Плинию (N. N. vi, 29-33), гораздо более позднему, чем Геродот. Диодор, похоже, не имел до него более древних информаторов об Эфиопии, чем Агатархидес и Артемидор, оба во втором веке до н. э. (Diod. iii, 10.)

[584] Wesseling ad Diodor. iii, 3.

[585] Herodot. ii, 37. Θεοσεβέες δὲ περισσῶς ἐόντες μάλιστα πάντων ἀνθρώπων, etc. Он удивляется сохранности их памяти; некоторые из них могли рассказать больше историй, чем все, кого он когда-либо видел (ii, 77-109; Diodor. i, 73).

Слово "жрец" вызывает у современного читателя представление, сильно отличающееся от представления о египетских ἱερεῖς, которые были не профессией, а орденом, включавшим множество занятий и профессий, - иудей Иосиф был таким же ἱερεὺς κατὰ γένος (cont. Apion. c. 3).

[586] Диодор (i, 70-73) дает подробное описание монашеской строгости, с которой жрецы отмеряли ежедневные обязанности египетского царя: сравните Плутарха, *De Isid. et Osirid.* p. 353, который ссылается на Гекатея (вероятно, Гекатея из Абдеры) и Евдокса. Жрецы представляли, что Псамметих был первым египетским царем, который нарушил жреческий канон, ограничивавший царскую норму вина: ср. Strabo, xvii, p. 790.

Эфиопские цари в Мераке, как говорят, содержались в подобном заточении жреческим орденом, пока царь по имени Эргаменес, во время правления Птолемея Филадельфа в Египте, не освободил себя и не предал смерти главных жрецов (Diodor. iii, 6).

[587] Herodot. ii, 82-83.

[588] Herodot. ii, 143.

[589] Herodot. ii, 113; στίγματα ἱρά.

[590] Herodot. ii, 30.

[591] Herodot. i, 165-166; Diodor. i, 73.

[592] Diodor. i, 73.

[593] Кроме этой общей ренты или земельного налога, получаемого египетскими царями, существовали, по-видимому, и особые коронные земли. Страбон упоминает об острове на Ниле (в Фиваиде), славившемся необыкновенным разнообразием своих финиковых пальм; весь этот остров принадлежал царям, без какого-либо другого владельца: он приносил большой доход и перешел в руки римского правительства во времена Страбона (xvii, p. 818).

[594] Herodot. ii, 30-141.

[595] Herodot. ii, 164.

[596] Diodor. i, 74. О египетских кастах в целом см. Heeren, *Ideen über den Verkehr der Alten Welt*, part ii, 2, pp. 572-595.

[597] См. цитату из "Путешествия по Египту" Мейллета в Heeren, *Ideen*, p. 590; также Volney's *Travels*, vol. i, ch. 6, p. 77.

Выражение Геродота - οἱ περὶ τὴν σπειρομένην Αἴγυπτον οἰκέουσι - указывает на то, что часть земли, используемая в качестве пастбища, была немалой.

Жители болот были самой воинственной частью населения (Thucyd. i, 110).

[598] Herodot. ii, 59-60.

[599] Herodot. ii, 35; Sophokl. *Oedip. Colon.* 332: где цитируемый схолиастом отрывок из Нимфодора является замечательным примером привычки изобретательных греков представлять все обычаи, которые они считали достойными внимания, как возникшие по замыслу какого-то великого государя: здесь Нимфодор представляет Сесостриса как автора обычая, о котором идет речь, чтобы египтяне стали женоподобными.

[600] Процесс бальзамирования подробно описан (Herod. ii, 85-90); слово, которое он использует для этого, то же самое, что и для засолки мяса и рыбы, - τὰρίχευσις: сравните Strabo, xvi, p. 764.

Совершенная точность исполнения, мастерское владение самым твердым камнем и неуклонное следование определенным правилам пропорций - вот общие характеристики египетской скульптуры. В их каменоломнях до сих пор можно увидеть обелиски, не отсеченные от скалы, но три их стороны уже украшены иероглифами; настолько они были уверены в точности отсечения четвертой стороны (Schnaase, *Gesch. der Bild. Künste*, i, p. 428).

Все номы Египта, однако, не были гармоничны в своих чувствах по отношению к животным: в одних номах поклонялись определенным животным, которые в других номах были объектами даже антипатии, особенно крокодилу (Herod. ii, 69; Strabo, xvii, p. 817: см. особенно пятнадцатую сатиру Ювенала).

[601] Herodot. ii, 65-72; Diodor. i, 83-90; Plutarch, *Isid. et Osir.* p. 380.

Хассельквист идентифицировал всех птиц, высеченных на обелиске возле Матарей (Гелиополь), (Путешествия по Египту, стр. 99).

[602] Herodot. ii, 82-83; iii, 1, 129. Одно из отличий египтян от вавилонян состоит в том, что у последних не было хирургов или ἰατροί: они выносили больных на рыночную площадь, чтобы воспользоваться сочувствием и советом прохожих (Herodot. i, 197).

[603] Herodot. ii, 141.

[604] Herodot. iii, 177.

[605] Herodot. ii, 158. Прочтите рассказ об основании Петербурга Петром Великим: "На фоне этих реформ, великих и малых, которые забавляли царя, и ужасной войны, которую он вел против Карла XII, в 1714 году он заложил фундамент важного города и порта Петербурга на берегу моря, где не было ни одной хижины. Пьер трудился над своим домом: ничего не отменялось, и все люди были вынуждены приходить на этот берег Балтийского моря, на границу Астрахани, на берега Нуарского и Каспийского морей. В нем погибло более ста миллионов человек от работы, которую приходится выполнять, и от усталости и недомогания, которые приходится испытывать: но, в конце концов, город существует". (Вольтер, Анекдоты о Пьере ле Гран, в Œuvres Complètes, изд. Paris, 1825, tom. xxxi, p. 491.)

[606] Herodot. ii, 124-129. τὸν λέων τετραμένον ἐς τὸ ἔσχατον какоῦ. (Diodor. i, 63-64.)

Περὶ τῶν Πυραμίδων (Диодор замечает) οὐδὲν ὅλως οὐδὲ παρὰ τοῖς ἐγχωρίοις, οὐδὲ παρὰ τοῖς συγγραφεῦσιν, συμφωνεῖται. Затем он ссылается на некоторые противоречивые истории о дате создания пирамид и именах их строителей. Это признание в полном отсутствии достоверной информации о самых замечательных сооружениях нижнего Египта составляет разительный контраст с утверждением Диодора (с. 44), что жрецы обладали записями, "непрерывно передававшимися из царствования в царствование о четырехстах семидесяти египетских царях".

[607] Похоже, что озеро Мёрис, по крайней мере в значительной части, является естественным водоемом, хотя и усовершенствованным искусством для нужных целей, и соединенным с рекой искусственным каналом, шлюзами и т. д. (Kenrick ad Herodot. ii, 149.)

"Озеро все еще существует, но уже в меньших размерах, его окружность составляет около шестидесяти миль, но сообщение с Нилом прекратилось". Геродот называет окружность в три тысячи шестьсот стадий, то есть между четырьмястами и четырьмястами пятьюдесятью милями.

Я склонен полагать, что в нем было больше руки человека, чем предполагает г-н Кенрик, хотя, несомненно, вместилище было естественным".

[608] Herodot. ii, 38-46, 65-72; iii, 27-30: Diodor. i, 83-90.

Удивительно, что Пиндар ввел в одну из своих од прямое упоминание о чудовищных обстоятельствах, связанных с поклонением козлу в Мендесском номе (Pindar, Fragm. Inc. 179, ed. Bergk). В одной из своих "Просодий" Пиндар также остановился на мифе о том, что боги переоделись в животных, когда пытались спастись от Тифона; это была одна из историй, рассказанных в качестве объяснения посвящения животных в Египте: см. Pindar, Fragm. Inc. p. 61, ed. Bergk; Porphyry. de Abstin. iii, p. 251, ed. Rhoer.

[609] Herodot. ii, 65. Диодор не испытывает такого же нежелания упоминать эти ἀπόρρητα (i, 86).

[610] Diodor. i, 86-87; Plutarch, De Isid. et Osirid. p. 377, seq.

[611] Об этой ранней торговле между Египтом, Феникией и Палестиной, предшествовавшей знакомству с греками, см. Josephus cont. Apion. i, 12.

[612] Геродот отмечает большой импорт вина в Египет в его время, из всей Греции, а также из Феникии, а также использование глиняных сосудов, в которых оно привозилось, для перевозки воды, в путешествиях через пустыню (iii, 6).

В более поздние времена Александрия снабжалась вином главным образом из Лаодикеи в Сирии, недалеко от устья Оронта (Strabo, xvi, p. 751).

[613] Herodot. ii, 147-154. ἀπὸ Ψαμμητίχου, -πάντα καὶ τὰ ὕστερον ἐπιστάμεθα ἀτρεκέως.

[614] См. эти различия, изложенные и рассмотренные в Boeckh, Manetho und die Hundssternperiode. pp. 326-336, некоторые сведения о которых приводятся в Приложении к этой главе.

[615] Herodot. ii, 149-152. Этот рассказ Геродота, как бы мало удовлетворителен он ни был с исторической точки зрения, имеет явные признаки подлинной истории, которую он слышал от жрецов Гефеста. Диодор дает более правдоподобный с исторической точки зрения рассказ, но у него не могло быть никаких положительных авторитетов для того периода, и он дает нам, похоже, представления греческих авторов времен Птолемеев. Псамметих (рассказывает он), как один из двенадцати царей, правил в Саисе и в соседней части дельты: он открыл торговлю, ранее неизвестную в Египте, с греками и финикийцами, настолько прибыльную, что его одиннадцать коллег позавидовали его богатству и объединились, чтобы напасть на него. Он собрал армию из иностранных наемников и разбил их (Diodor. i, 66-67). Полиэн рассказывает другую историю о Псамметихе и карийских наемниках (vii 3).

[616] Herodot. ii, 154.

[617] Strabo, xvii, p. 801. καὶ τὸ Μιλησίων τεῖχος- πλεύσαντες γὰρ ἐπὶ Ψαμμητίχου τριάκοντα ναυσὶν Μιλήσιοι κατὰ Κυαξάρη (οὗτος δὲ τῶν Μήδων) κάτεσχον εἰς τὸ στόμα τὸ Βολβίτινον- εἴτ' ἐκβάντες ἐτείχισαν τὸ λεχθὲν κτίσμα- χρόνῳ δ' ἀναπλεύσαντες εἰς τὸν Σαΐτικὸν νομὸν, καταναυμαχήσαντες Ἴναρον, πόλιν ἔκτισαν Ναύκρατιν οὐ πολὺ τῆς Σχεδίας ὑπερθεῖν.

Что означает намек на Кяксареса или Инара в этом отрывке, я не понимаю. Мы ничего не знаем ни о каких отношениях между Киаксаресом и Псамметихом, ни между Киаксаресом и милезийцами. Кроме того, если под κατὰ Κυαξάρη подразумевается *время Кяксареса*, как переводят переводчики, то сразу же за ним следует ἐπὶ Ψαμμητίχου-κατὰ Κυαξάρη с тем же значением, что, мягко говоря, очень неловкое предложение. Слова οὗτος δὲ τῶν Μήδων выглядят не иначе как комментарий, добавленный каким-то ранним читателем Страбона, который не мог понять, почему здесь упоминается Куахагêс, и отметил свое затруднение в словах, которые впоследствии попали в текст. С другой стороны, *Инар* относится к периоду между персидской и пелопоннесской войнами: по крайней мере, мы не знаем другого человека с таким именем, кроме вождя египетского восстания против Персии (Thucyd. i, 114), о котором говорится как о "ливийце, сыне Псамметиха". Поэтому упоминание Киаксареса здесь выглядит бессмысленным, а Инара - анахронизмом: возможно, история о том, что милезийцы основали Наукратис "после того, как победили Инара в морском походе", выросла из этимологии названия Наукратис в голове того, кто нашел Инара, сына Псамметиха, упомянутого два века спустя, и отождествил двух Псамметихов друг с другом.

Утверждение Страбона было скопировано Стефаном. Byz. v. Ναύκρατις. Евсевий также объявляет (Chron. i, p. 168) милезийцев основателями Наукратиса, но относит это событие к

753 г. до н. э., во время того, что он называет милезийской талассократией: см. Mr. Fynes Clinton ad ann. 732 г. до н. э. в Fasti Hellenici.

[618] Herodot. ii, 166

[619] Herodot. ii, 30; Diodor. i, 67.

[620] Ἀπρίης-ὃς μετὰ Ψαμμήτιχον τὸν ἐωϋτοῦ προπάτορα ἐγένετο εὐδαίμονέστατος τῶν πρότερον βασιλέων (Herodot. ii, 161).

[621] Herodot. i, 105; ii, 157.

[622] Хронология египетских царей от Псамметиха до Амасиса дается в некоторых пунктах по-разному Геродотом и Манефой:.

Согласно Геродоту,				Согласно Манефу ар. Африканский.			
Псамметих	царствовал	54	лет.	Псамметих	царствовал	54	лет.
Nekôs	"	16	"	Нечао II	"	6	"
Псаммис	"	6	"	Psammathis	"	6	"
Apriês	"	25	"	Uaphris	"	19	"
Амасис	"	44	"	Амосис	"	44	"

Диодор дает 22 года для Априеса и 55 лет для Амасиса (i, 68).

Теперь конец правления Амасиса фиксируется на 526 г. до н. э., а, следовательно, начало его правления (согласно Геродоту и Манефо) на 570 или 569 г. до н. э. Согласно хронологии Ветхого Завета, битвы при Мегиддо и Кархемише, которые вел Некос, приходятся на 609-605 гг. до н. э., и это совпадает с правлением Некоса, датированным Геродотом, но не Манефоном. С другой стороны, из недавно обнаруженных египетских надписей следует, что реальный интервал от начала правления Нехао до конца правления Уафриса составляет всего сорок лет, а не сорок семь лет, как это следует из дат Геродота (Boeckh, Manetho und die Hundsternperiode, pp. 341-348), что позволило бы отнести воцарение Некоса к 610 или 609 году до н. э. Боэкс довольно подробно обсуждает это расхождение дат и склоняется к предположению, что Некос царствовал девять или десять лет совместно со своим отцом, и что Геродот отсчитал эти девять или десять лет дважды, один раз в правление Псамметиха, другой раз в правление Некоса. Конечно, Псамметих вряд ли был очень молод, когда началось его правление, и если он царствовал пятьдесят четыре года, то, должно быть, достиг глубокой старости, и, возможно, ему очень помогал его сын. Принимая предположения, что последние десять лет правления Псамметиха можно считать как для него, так и для Некоса, - что для Некоса отдельно следует считать только шесть лет, - и что число лет от начала отдельного правления Некоса до конца правления Уафриса составляет сорок, - Боэкс помещает начало правления Псамметиха в 654 г. до н. э., а не в 670 г. до н. э., как это следует из данных Геродота (ib. pp. 342-350).

Мистер Клинтон, Fast. Hellen. В. С. 616, следует за Геродотом.

[623] Herodot. ii, 158. Относительно канала Некоса см. пояснения г-на Кенрика к этой главе Геродота. Длина канала от Бубастиса до Суэца составляет около девяноста миль.

[624] Herodot. ii, 159. Диодор не упоминает Некоса.

Рассказ Геродота в основном совпадает с ветхозаветной историей о фараоне Нехо и Иосии. Великий город Сирии, который он называет Κάδυτις, по-видимому, является Иерусалимом, хотя Весселинг (ad Herodot. iii, 5) и другие компетентные критики оспаривают эту идентичность. См. Volney, Recherches sur l'Hist. Anc. vol. ii, ch. 13, p. 239: "Арабы сохранили привычку называть Иерусалим Святым в превосходной степени, Эль-Кодс. Несомненно, халдеи и сирийцы называли его тем же именем, которое на их диалекте звучит как Кадута, а Херодот передает его орфографию, когда пишет Κάδυτις".

[625] Иеремия, xlvi, 2; 2-я книга Царств, xxiii и xxiv; Иосиф, Ant. J. x, 5, 1; x, 6, 1.

О Навуходоносоре см. фрагмент Berosus ap. Joseph. cont. Apion. i, 19-20, и Antiqq. J. x, 11, 1, и Фрагмент Бероса. ed. Richter pp. 65-67.

[626] Menander ap. Иосиф. Antiq. J. ix, 14, 2. Ἐπὶ Εἰθωβάλου τοῦ βασιλέως ἐπολιόρκησε Ναβουχοδονόσορος τὴν Τύρον ἐπ' ἕτε δεκάτρια. То, что эта тринадцатилетняя осада закончилась штурмом, капитуляцией или подчинением (мы не знаем, каким именно, и Вольней выходит за рамки доказательств, когда говорит: "Les Tyriens furent emportés d'assaut par le roi de Babylone", Recherches sur l'Histoire Ancienne, vol. ii, ch. 14, p. 250) Тира халдейскому царю, совершенно точно следует из последующего упоминания о пленении тирских князей в Вавилонии. Хенгстенберг (De Rebus Tyrionum, pp. 34-77) приводит массу аргументов, большинство из которых весьма неубедительны, чтобы доказать эту точку зрения, в которой цитируемый Иосифом отрывок из Менандра не оставляет сомнений. Что не соответствует действительности, так это то, что Тир был разрушен и опустошен Навуходоносором: еще меньше можно поверить в то, что этот царь завоевал Египет и Ливию, как хотели бы заставить нас поверить Мегасфен и даже Берос, если говорить о Египте, - аргумент Ларше ad Herodot. ii, 168, является каким угодно, но только не удовлетворительным. Поражение египетского царя при Кархемише и лишение его иностранных владений в Иудее и Сирии были преувеличены до завоевания самого Египта.

[627] Herodot. ii, 161. Он просто упоминает то, что я изложил в тексте; в то время как Диодор говорит нам (i, 68), что египетский царь взял Сидон штурмом, привел в ужас другие финикийские города и победил финикийцев и киприотов в большом морском сражении, получив огромную добычу.

Каким авторитетом руководствовался Диодор, я не знаю; но взвешенное изложение Геродота заслуживает наибольшего доверия.

[628] Herodot. iii, 19.

[629] Herodot. ii, 161; iv, 159.

[630] Herodot. ii, 162-169; Diodor. i, 68.

[631] Herodot. ii, 153.

[632] Herodot. ii, 178. Несколько слов историка об этих греческих учреждениях в Наукратисе очень ценны, и мы можем только пожелать, чтобы он рассказал нам больше: Он говорит о них в настоящем времени, из личного знания - τὸ μὲν νῦν μέγιστον αὐτέων τέμενος καὶ οὐνομαστότατον ἔδν καὶ χρησιμώτατον, καλεούμενον δὲ Ἑλλήνιον, αἵδε πόλις εἰσὶν αἱ ἰδρυμέναι-Τουτέων μὲν ἔστι τοῦτο τὸ τέμενος, καὶ προστάτας τοῦ ἐμπορίου αὗται αἱ πόλις εἰσὶν αἱ παρέχουσαι. Ὅσαι δὲ ἄλλαι πόλις μεταποιεῦνται, οὐδὲν σφί μετεδὸν μεταποιεῦνται.

Здесь мы вступаем в полосу торговой ревности между греческими городами, о которой мы были бы рады получить более подробную информацию.

[633] Herodot. ii, 179. Ἦν δὲ τοπαλαῖον μοῦνη ἢ Ναύκρατις ἐμπόριον, καὶ ἄλλο οὐδὲν Αἰγύπτου.... Οὕτω δὲ Ναύκρατις ἐτετίμητο.

[634] Прекрасная фракийская куртезанка Родопис была куплена саамским купцом по имени Ксантес и перевезена в Наукратис, чтобы он мог заработать на ней (κατ' ἐργασίην). Спекуляция оказалась удачной, так как Харакс, брат Сапфо, отправившись в Наукратис с грузом вина, так пленился Родопис, что купил ее за очень большую сумму денег и дал ей свободу. После этого она продолжала заниматься своим ремеслом в Наукратисе на собственные средства, сколотила большое состояние, десятину которого использовала для жертвоприношения в Дельфах, и приобрела такую известность, что египетские греки приписали ей строительство одной из пирамид - предположение, нелепость которого Геродот должным образом комментирует, но которое доказывает большую известность имени Родопис (Herodot. ii, 134). Афинея называет ее Dôrichê и отличает от Rhodôpis (xiii. p. 596, ср. Suidas, v. Ῥοδωπίδος ἀνάθημα). Когда Харакс вернулся в Митиленку, его сестра Сапфо сочинила песню, в которой сильно высмеивала его за этот поступок, - песню, которую, несомненно, знал Геродот, и которая придает всему анекдоту полную достоверность.

Теперь мы вряд ли сможем определить возраст Сапфо ниже 600-580 гг. до н. э. (см. Mr. Clinton, Fasti Hellen ad ann. 595 до н. э., и Ulrici, Geschichte der Griech. Lyrik, ch. xxiii, p. 360): Алкей, ее современник, тоже побывал в Египте. (Alcæi Fragm. 103, ed. Bergk; Strabo, i, p. 63). Греческое поселение в Наукратисе, таким образом, должно быть определено старше Амасиса, который начал царствовать в 570 г. до н. э., а проживание Родопис в этом городе, должно быть, началось раньше Амасиса, хотя Геродот называет ее κατ' Ἑμασιν ἀκράζουσα (ii, 134). Нельзя также строго толковать язык Геродота, когда он говорит, что именно Амасис разрешил проживание греков в Наукратисе (ii, 173).

[635] Herodot. ii, 181.

[636] Herodot. i, 77; iii, 39.

[637] Herodot. ii, 182, 154. κατοίκησε ἐς Μέμφιν, φυλακὴν ἑωῦτοῦ ποιεύμενος πρὸς Αἰγυπτίωιν.

[638] Herodot. ii, 175-177.

[639] Thucyd. i, 13.

[640] Herodot. iii, 107.

[641] Различные утверждения или предположения, которые можно найти у греческих авторов (все сравнительно недавние) относительно происхождения греческого алфавита, собраны Францем, Epigraphicê Græca, s. iii, pp. 12-20: "Omnino Græci alphabeti ut certa primordia sunt in origine Phœniciâ, ita certus terminus in litteraturâ Ionicâ seu Simonideâ. Quæ inter utrumque a veteribus ponuntur, incerta omnia et fabulosa.... Non commoramur in iis quæ de litterarum origine et propagatione ex fabulosâ Pelasgorum historiâ (cf. Knight, pp. 119-123; Raoul Rochette, pp. 67-87) neque in iis quæ de Cadmo narrantur quem unquam fuisse hodie jam nemo crediderit.... Alphabeti Phœnicii omnes 22 literas cum antiquis Græcis congruere, hodie nemo est qui ignoret." (Франц дает ценную информацию об изменениях, постепенно вносимых в греческий алфавит, и об ошибочных утверждениях Грамматиков о том, какие буквы были первоначальными, а какие добавлены впоследствии).

Крузе в своей "Элладе" (т. i, с. 13, и в первом Бейлаге, приложенном к этому тому) также приводит поучительное сравнение греческого, латинского и феникийского алфавитов.

Греческие авторы, как и следовало ожидать, обычно гораздо больше любили связывать происхождение букв с местными героями или богами, такими как Паламедес, Прометей, Мусей, Орфей, Линус и т. д., чем с фениками. Самое древнее из известных утверждений (у Стесихора, Schol. ap. Bekker. Anecd. ii, p. 786) приписывает их Паламедеку.

И Франц, и Крузе упорно отстаивают существование и привычку к письму у греков во времена, задолго до Гомера: в этом я с ними не согласен.

[642] См. O. Müller, *Die Etrusker* (iv, 6), где есть много указаний на тосканский алфавит.

[643] Этот вопрос поднимает и обсуждает Юстус Ольсхаузен, *Ueber den Ursprung des Alphabetes* (pp. 1-10), в *Kieler Philologische Studien*, 1841.

[644] См. Voeckh, *Metrologie*, гл. iv, v, vi; также предыдущий том этой Истории.

[645] Утика, как говорят, была основана на 287 лет раньше Карфагена; автор, который утверждает это, заявляет, что черпает свои сведения из феникийских историй (Aristot. *Mirab. Auscult.* с. 134). Веллий Патеркул утверждает, что Гадес старше Утики, и помещает основание Карфагена в 819 г. до н. э. (i, 2, 6). Похоже, что он в основном следует тому же авторитету, что и составитель вышеупомянутого аристотелевского сборника. Другие утверждения относят основание Карфагена к 878 году до н. э. (Heeren, *Ideen über den Verkehr*, etc., part ii, b. i, p. 29). Аппиан называет дату основания за пятьдесят лет до Троянской войны (*De Reb. Punic.* с. 1); Филист - за двадцать один год до того же события (*Philist. Fragm.* 50, ed. Göller); Тимей - за тридцать восемь лет до 1-й Олимпиады (*Timæi Fragm.* 21, ed. Didot); Юстин - за семьдесят два года до основания Рима (xviii, 6).

Цитата, которую Иосиф приводит из сочинения Менандра, извлеченного из тирийского ἀναγραφαί, помещает основание Карфагена через 143 года после постройки Иерусалимского храма (*Joseph. cont. Apion.* i, с. 17-18). Апион говорит, что Карфаген был основан в первый год 7-й Олимпиады (748 г. до н. э.), (*Joseph. c. Apion.* ii, 2.)

[646] "Quamdiu Carthago invicta fuit, pro Deâ culta est." (Justin. xviii, 6; Virgil, *Æneid*, i, 340-370.) Мы прослеживаем эту легенду о Дидо до Тимея (*Timæi Frag.* 23, ed. Didot): Филист, по-видимому, придерживался другой версии: он говорил, что Карфаген был основан Азором и Кархедоном (*Philist. Fr.* 50). Аппиан отмечает обе истории (*De Reb. Pun.* 1): история Дидоны была распространена как среди римлян, так и среди карфагенян: о Зоре (или Эзоре) и Кархдоне - вторая, очевидно, греческой чеканки, первая - подлинная феникийская: см. *Josephus cont. Apion.* i, с. 18-21.

[647] См. Movers, *Die Phönizier*, pp. 609-616.

[648] Strabo, xvii, p. 826.

[649] Herodot. iii, 19.

[650] Thucyd. vi, 2; Philistus, *Fragm.* 3, ed. Göller, ap. Тимей придерживался противоположного мнения (*Diodor. l.* с.), также Эфор, если судить по нечеткому отрывку Страбона (vi, p. 270). Дионисий Галикарнасский следует Фукидиду (*A. R.* i, 22).

Мнение Филиста имеет большую ценность в этом вопросе, поскольку он был или мог быть лично осведомлен об иберийских наемниках на службе у старшего Дионисия.

[651] Pherekyd. Fragn. 85, ed. Didot; Hellanik. Fr. 53, ed. Didot; Dionys. Halik. A. R. i, 11, 13, 22; Skyrmnus Chius, v. 362; Pausan. viii, 3, 5.

[652] Stephan. Byz. v. Χῖοι.

[653] Aristot. Polit. vii, 9, 3. Ὡκουv δὲ τὸ πρὸς τὴν Ἰαπυγίαν καὶ τὸν Ἰόνιον Χῶνες (или Χάονες) τὴν καλουμένην Σίριν- ἦσαν δὲ καὶ οἱ Χῶνες Οἰνωτροὶ τὸ γένος.

Antiochus Fr. 3, 4, 6, 7, ed. Didot; Strabo, vi, p. 254; Hesych. v. Χῶνην, Dionys. Hal. A. R. i, 12.

[654] Livy, viii, 24.

[655] О раннем обитании сикелов или сикулов в Лациуме и Кампании см. Dionys. Hal. A. R. i, 1-21: любопытно, что сикулы и сиканы, одинаковые или разные, первобытное доэллинское население Сицилии, также причисляются к доримскому населению Рима: см. Вергилий, *Æneid*, viii, 328, и Сервий ad *Æneid*. xi, 317.

Предполагаемая древняя эмиграция Эвандера из Аркадии в Лаций образует параллель с эмиграцией *Ænotrus* из Аркадии в южную Италию, о которой рассказывает Pherekydês: похоже, она упоминается еще в одной из поэм Гесиода (Servius ad Virg. *Æn*. viii, 138): сравните Steph. Byz. v. Παλλάντιον. Самые ранние латинские авторы, похоже, все признавали Эвандера и его аркадских эмигрантов: см. Dionys. Hal. i, 31-32, ii, 9, и его ссылки на Фабия Пиктора и Илию Туберо, i, 79-80; также Cato ap. Solinum, c. 2. Если сохранить старое чтение Ἀρκάδων в Thucyd. vi, 2 (которое Беккер теперь изменил на Σικελῶν), то Фукидид также будет свидетельствовать о миграции из Аркадии в Италию. Третья эмиграция пеласгов, из Пелопоннеса к реке Сарнус в южной Италии (около Помпеи), была упомянута Кононом (ap. Servium ap. Virg. *Æn*. vii, 730).

[656] Геродот (i, 24-167) включает Элею (или Велию) в *Ænotria*, а Тарентум в *Italia*; в то время как Антиох считает Тарентум в *Iapygia*, а южную границу тарентинской территории - северной границей *Italia*: Дионисий Галикарнасский (A. R. ii, 1), похоже, копирует Антиоха, когда распространяет *Ænotrians* на весь юго-западный угол Италии, в пределах линии, проведенной от Тарентума до Посейдонии, или Пестума. Отсюда название Οἰνωτρίδες νῆσοι для двух островов напротив Элеи (Strabo, vi, p. 253). Скимн Хиус (v. 247) признает те же границы.

Двенадцать *Ænotrian* городов названы по имени (у Стефана Византийского) из Εὐρώπῃ Гекатэуса (Fragn. 30-39, ed. Didot): Скилак в своем "Перипле" не называет *Ænotrians*; он перечисляет кампанцев, самнитов и луканцев (cap. 9-13). Тесная связь между Милетом и Сибарисом позволила бы Гекатею получить информацию о внутренней части страны *Ænotrian*.

По представлениям Антиоха и Геродота, *Ænotria* и *Italia* вместе составляли то, что столетие спустя было известно как *Lucania* и *Bruttium*: см. Mannert, *Geographie der Griech. und Römer*, part ix, b. 9, ch. i, p. 86. Ливий, говоря о 317 г. до н. э., когда луканский народ, как и бруттийцы, был в полном расцвете сил, называет греками только побережье нижнего моря, - "cum omni orâ Græcorum inferi maris a Thuriis Neapolim et Cumas" (ix, 19.) Веррий Флакк считал сикелов *греками* (Festus, v, Major Græcia, с примечанием Мюллера).

[657] Sophoklês, Triptolem. Fr. 527, ed. Диндорфа. Он помещает озеро Авернус, которое было близко к Кампанским Кумæ, в Тиррении: см. *Lexicon Sophocleum*, ad calc. ed. Brunck, v. Ἰαορνος. Еврипид (Медея, 1310-1326), кажется, распространяет Тиррению до Мессинского пролива.

[658] Aristot. Polit. vii, 9, 3. ὥκουν δὲ τὸ μὲν πρὸς τὴν Τυρρῶνίαν Ὀπικοὶ, καὶ πρότερον καὶ νῦν καλούμενοι τὴν ἐπὶ κλησὶν Αὔσονες. Фест: "*Ausoniam* appellavit Auson, Ulyssis et Calypsûs filius, eam primam partem Italiæ in quâ sunt urbes Beneventum et Cales: deinde paulatim tota quoque Italia quæ Apennino finitur, dicta est Ausonia," etc. Таким образом, первоначальная Авзония почти совпадает с территорией, называемой Самниум, после завоевания ее сабинскими эмигрантами: см. Livy, viii, 16; Strabo, v, p. 250; Virg. Æn. vii, 727, с Сервием. Скимн Хиус (v, 227) копирует из того же источника, что и Фест. О распространении авзониев по различным частям более южного побережья Италии, даже до Регия, а также до Липарских островов, см. Diodor. v, 7-8; Cato, Origg. Fr. lib. iii, ap. Probum ad Virg. Bucol. v, 2. Пифийская жрица, направляя халкидских эмигрантов в Регий, говорит им: - Ἐνθα πόλιν οἴκιζε, διδοῖ δέ σοι Αὔσωνα χώραν (Diodor. Fragm. xiii, p. 11, ap. Scriptt. Vatic. ed. Maii). Temesa - авзонийский язык у Страбона, vi, p. 255.

[659] Thucyd. vi. 3; Aristot. ap. Dionys. Hal. A. R. i, 72. Ἀχαιῶν τινὰς τῶν ἀπὸ Τροίης ἀνακομιζομένων, - ἔλθεῖν εἰς τὸν τόπον τοῦτον τῆς Ὀπικῆς, ὃς καλεῖται Λάτιον.

Еще во времена Катона Старшего греки объединяли римлян под общим и презрительным для них обозначением "опики" (Cato ap. Plin. H. N. xxii, 1: см. Antiochus ap. Strab. v, p. 242).

[660] Thucyd. vi, 2. Σικελοὶ δὲ ἐξ Ἰταλίας φεύγοντες Ὀπικοὺς διέβησαν ἐς Σικελίαν (см. фрагмент географа Мениппа Пергамского, в Hudson's Geogr. Minor. i, p. 76). Антиох утверждал, что сикелы были изгнаны из Италии в Сицилию опиками и Ænotrians; но сами сикелы, по его словам, также были Ænotrians (Dionys. H. i, 12-22). Примечательно, что Антиох (писавший в те времена, когда имя Рима еще не начало оказывать на умы людей того очарования, которое впоследствии вызвала римская власть), излагая мифическую древность сикелов и Ænotrians, представляет одноименного Сикела как изгнанника из Рима, который прибыл на юг Италии к царю Моргесу, преемнику Итала, - Ἐπεὶ δὲ Ἰταλὸς κατεγήρα, Μόργης ἐβασίλευσεν. Ἐπὶ τούτου δὲ ἀνὴρ ἀφίκετο ἐκ Ῥώμης φυγὰς, Σικελὸς ὄνομα αὐτῷ (Antiochus ap. Dionys. H. i, 73: ср. с. 12).

Филист считал Сикела сыном Итала: и он, и Элланик верили в ранние миграции из Италии в Сицилию, но описывали эмигрантов по-разному (Philistus, Frag. 2, ed. Didot).

[661] См. научные наблюдения о ранних языках Италии и Сицилии, которые Мюллер приложил к своей работе об этрусках (Einleitung, i, 12). Я привожу следующее краткое изложение его взглядов на ранние итальянские диалекты и расы: "Представления, которые мы таким образом получаем относительно ранних языков Италии, таковы: *сикельский* язык, родственный греческому или пеласгическому; *латинский*, образованный из сикельского и более грубого диалекта людей, называемых *аборигенами*; *осканский*, родственный латинскому в обоих его элементах; язык, на котором говорили сабинские эмигранты в различных завоеванных ими территориях, - *осканский*; *собственно сабинский*, отдельный и своеобразный язык, однако почти связанный с негреческим элементом в латинском и осканском, а также с языком древнейших авзонийцев и аборигенов."

[N. В. Это последнее утверждение, касающееся первоначального сабинского языка, очень несовершенно: кажется столь же вероятным, что сабеллины могли отличаться от осканцев не больше, чем дорийцы от ионийцев: см. Niebuhr, Röm. Gesch. tom. i, p. 69].

"Такое сравнение языков дает нам определенное представление, которое я кратко изложу, о самой ранней истории итальянских рас. В период, предшествующий всем записям, один народ, родственный грекам, обитал на юге Тосканы до Мессинского пролива, занимая в верхней части своей территории только долину Тибра, - ниже, занимая также горные районы,

и на юге, простираясь от моря до моря, - называемый сикелами, *Ænotrians*, или *Peucetians*. Другие горные племена, мощные, хотя и не очень распространенные, живут в северном Аbruццо и его окрестностях: на востоке - сабины, к югу от них - родственные марси, к западу - аборигены, а среди них, вероятно, старые аусонийцы или осканцы. Примерно за 1000 лет до христианской эры среди этих племен, от которых происходили почти все народные миграции в древней Италии, возникает движение, в результате которого аборигены, живущие севернее, и сикелы, живущие южнее, набрасываются на сикелов, живущих на равнинах под ними. Многие тысячи представителей великого народа сикелов уходят к своим братьям *Ænotrians*, а затем еще дальше через пролив на остров Сицилия. Другие остаются на своих местах жительства и образуют вместе с аборигенами народ латинов, а вместе с авзонами - народ осканов: последний распространяется на территорию, которая впоследствии была названа Самниумом и Кампанией. Тем не менее, население и сила этих горных племен, особенно сабинов, постоянно увеличивается: как они продвигались к Тибру в то время, когда Рим был всего лишь одним городом, так они продвинулись и на юг, завоевав сначала горную Опиду; затем, несколько веков спустя, Окийскую равнину, Кампанию; и, наконец, древнюю страну *Ænotrians*, впоследствии названную Луканией."

Сравните Niebuhr, *Römisch. Geschicht.* vol. i, p. 80, 2d edit., и первую главу книги г-на Дональдсона "*Varronianus*".

[662] Thucyd. vi, 2; Philistus, Frag. 2, ed. Didot.

[663] Strabo, v, p. 243; Velleius Patercul. i, 5; Eusebius, p. 121. М. Рауль Рошетт, принимая другое исчисление даты Троянской войны, отодвигает дату Кумæ еще дальше - до 1139 г. до н. э. ("*История греческих колоний*", кн. iv, с. 12, с. 100).

Мифы о Кумæ распространялись на период, предшествующий халкидскому поселению. См. рассказы Аристия и Дедала ап. Саллюст. Фрагмент. Incert. p. 204, ed. Delphin.; и Servius ad Virgil. *Æneid.* vi, 17. Сказочные Феспиады, или первобытные греческие поселенцы на Сардинии, как предполагается, в ранние века покинули этот остров и удалились в Кумæ (Diodor. v, 15).

[664] Ephorus, Frag. 52, ed. Didot.

[665] Strabo, v, p. 243; Velleius Paterc. i, 5.

[666] См. местоположение Кумæ, описанное Агафием (по случаю осады этого места Нарсесом в 552 г. н. э.), *Histor.* i, 8-10; также Страбон, v, p. 244.

[667] Диодор. iv, 21, v, 71; Полибий. iii, 91; Плиний, Н. N. iii, 5; Ливий, viii, 22. "In Baiano sinu Campaniæ contra Puteolanam civitatem lacus sunt duo, Avernus et Lucrinus: qui olim propter piscium copiam vectigalia magna præstabant," (Servius ad Virg. *Georgic.* ii, 161.)

[668] Strabo, v, p. 243. Καὶ εἰσέπλεόν γε οἱ προθυσόμενοι καὶ ἰλασόμενοι τοὺς καταχθονίους δαίμονας, ὄντων τῶν ὑφηγουμένων τὰ τοιάδε ἱερέων, ἡργολαβηκῶν τὸν τόπον.

[669] Dionys. H. iv, 61-62, vi, 21; Livy, ii, 34.

[670] О передаче идей и басен из эолийского Кима в Кумæ в Кампании см. первый том "*Истории*", гл. xv, с. 457.

Отец Гесиода был уроженцем эолийского Кима: мы находим в гесиодовской "Теогонии" (*ad fin.*) упоминание о Латине как о сыне Одиссея и Цирки: Сервий цитирует то же самое из Ἀσπίδοποιῶν Гесиода (Servius ad Virg. *Æn.* xii, 162; ср. Cato, Fragment. p. 33, ed. Lion). Великий род Мамилиев в Тускулуме также ведет свое происхождение от Одиссея и Цирки (Livy, i, 49).

Гробница Элпенора, потерянного спутника Одиссея, была показана в Цирцее во времена Теофраста (Hist. Plant. v, 8, 3) и Скилакса (с. 10).

Гесиод отмечает мыс Пелорус, Мессинский пролив и островок Ортигия близ Сиракуз (Diodor. iv, 85; Strabo, i, p. 23).

[671] Livy, ii. 9.

[672] Niebuhr, Römisch. Geschicht. vol. i. p. 76, 2d edit.

[673] История Аристодема Малака довольно подробно изложена Дионисием Галикарнасским (viii, 3-10).

[674] Livy, ii, 21.

[675] Velleius Patercul. i, 5.

[676] Сравните Страбон, v, p. 250; vi. p. 264. "Cumanos Osca mutavit vicinia", - говорит Веллеус, l. c.

[677] Diodor. xi, 51; Pindar, Pyth. i, 71.

[678] Thucyd. vi, 3; Strabo, vi, p. 267.

[679] Примесь наксийских колонистов может быть допущена, как на основании предположения, вытекающего из названия, так и из утверждения Элланика, ap. Stephan. Byz. v. Χαλκίς.

Эфор объединил в одно целое халкидские и мегарские миграции, которые Фукидид представляет как разные (Ephorus ap. Strabo, vi, p. 267).

[680] Thucyd. vi, 3; Diodor. xiv, 59-88.

[681] Маннерт помещает границу сикелов и сиканов на этих горах: Отто Зиферт (Akragas und sein Gebiet, Hamburg, 1845, p. 53) помещает ее на Gemelli Colles, скорее к западу, - таким образом сужая владения сиканов: сравните Diodor. iv, 82-83.

[682] Thucyd. vi, 2.

[683] Г-н Файнс Клинтон обсуждает эпоху Сиракуз, Fasti Hellenici, ad B. C. 734, и тот же труд, том ii. Appendix xi, p. 264.

[684] См. полковник Лик, заметки о топографии Сиракуз, с. 41.

[685] Athenæ. iv, 167; Strabo, ix, p. 380.

[686] Diodor. Frag. Lit. viii, p. 24; Плутарх, Narrat. Amator. p. 772; Schol. Apollon. Rhod. iv, 1212.

[687] Полиэн (v. 5. 1) описывает уловку Феоклеса по этому поводу.

[688] Полиэн подробно описывает коварную уловку, с помощью которой, как говорят, было совершено это изгнание (v, 5. 2).

[689] Thucyd. vi, 3. "Υβλωνος τοῦ βασιλέως προδόντος τὴν χώραν καὶ καθηγησαμένου.

[690] Thucyd. vi, 4; Diodor. Excerpt. Ватикан. изд. Maii, Fragm. xiii, p. 13; Pausanias, viii, 46, 2.

[691] Thucyd. vi, 4.

[692] Strabo, vi, p. 272.

[693] Stephanus Byz. Σικανία, ἡ περὶ χώρος Ἀκραγαντινῶν. Herodot. vii, 170; Diodor. iv, 78.

Весса, самый значительный из сиканских городов или деревень, со своим князем Тевтом, как говорят, была завоевана Фаларисом, деспотом Агригентума, благодаря сочетанию хитрости и силы (Polyæn. v, 1, 4).

[694] От этих сикельских или сиканских пещер до сих пор сохранилось много следов: см. Otto Siefert, Akragas und sein Gebiet, pp. 39, 45, 49, 55, и работу капитана W. H. Smyth, -Sicily and its Islands, London, 1824, p. 190.

"Эти склепы (отмечает последний), по-видимому, были самыми ранними попытками первобытных и пастушеских людей построить город, и в целом они не отличаются регулярностью формы и величины: в последующие эпохи они, возможно, служили убежищем во время опасности и местом безопасности в случае чрезвычайной тревоги для женщин, детей и ценностей. В этом свете меня особенно поразило сходство этих грубых жилищ с пещерами, которые я видел в Оувихи для аналогичных целей. Деревни троглодитов в Северной Африке, которых я видел несколько, также точно такие же".

О ранних пещерных жилищах на Сардинии и Балеарских островах см. Diodor. v, 15-17.

[695] Thucyd. vi, 45. τὰ περὶ πόλια τὰ ἐν τῇ χώρᾳ (из Сиракуз).

[696] О статической и денежной системе, распространенной среди итальянских и сицилийских греков, см. Аристотель. Фрагмент. περὶ Πολιτεῶν, ed. Neumann, p. 102; Pollux, iv, 174, ix, 80-87; и прежде всего Boeckh, Metrologie, ch. xviii, p. 292, и реферат и обзор этой работы в Classical Museum, No. 1; также O. Müller, Die Etrusker, vol. i, p. 309.

Сицилийские греки вели счет по талантам, каждый из которых состоял из 120 литр или либр: эгинейский обол был эквивалентом литры и равнялся стоимости фунта меди в серебре в то время, когда производилась оценка.

Общепринятые обозначения денег и веса, за исключением таланта, значение которого было изменено при сохранении слова, похоже, были заимствованы итальянскими и сицилийскими греками из сикельской или итальянской шкалы, а не из греческой, -νοῦμμος, λίτρα, δεκάλιτρον, πεντεκοντάλιτρον, πεντούγκιον, ἑξᾶς, τετράς, τριάς, ἥμινα, ἡμιλίτριον (см. Фрагменты Эпихарма и Софрона, ap. Ahrens de Dialecto Doricâ, Appendix, pp 435, 471, 472, и Athenæ. xi, p. 479).

[697] Thucyd. vi, 88.

[698] Thucyd. vi, 62-87; vii, 13.

[699] Cicero in Verrem, Act. ii, lib. iv, c. 26-51; Diodor. v. 6.

Напротив, Цицерон говорит об Агирии, Центурии и Энне, описывая эти места как населенные автономными сикелами в 396 г. до н. э., во время войн старшего Дионисия (Diodor. xiv, 55, 58, 78). И сиканы, и сикелы в то время полностью отличались от греков в центре острова.

О. Мюллер утверждает, что "Сиракузы через семьдесят лет после своего основания колонизировали Акрæ, а также Энну, расположенную в центре острова" (Hist. of Dorians, i, 6, 7). Энна упоминается Стефаном Византийским как сиракузское основание, но без указания даты его основания, которая должна была быть намного позже, чем утверждает Мюллер. Серра ди Фалько (Antichità di Sicilia, Introd. t. i, p. 9) считает, что Энна была основана позже Акрæ, но раньше Касменæ: для этой даты я не нахожу никаких оснований. Талария (см. Steph. Byz. *ad voc.*) также упоминается как другой сиракузский город, о котором мы не знаем ни даты, ни особенностей основания.

[700] Ahrens, De Dialecto Doricâ, sect. 1, p. 3.

[701] Plato, Epistol. vii, p. 326; Plautus, Rudens, Act i, Sc. 1, 56; Act ii. Sc. 6, 58.

[702] Тимокреон, фрагмент. 5 ap. Ahrens, De Dialecto Doricâ, p. 478, -Σικελὸς κομψὸς ἀνὴρ Ποτὶ τὰν μητέρα ἔφα.

Bernhardy, Grundriss der Geschichte der Griech. Litteratur, vol. ii, ch. 120, sects. 2-5; Gysar, De Doriensium Comœdia, Cologne, 1828, ch. i, pp. 41, 55, 57, 210; Boeckh, De Græcæ Tragœd. Princip. p. 52; Aristot. ap. Athenæ. xi, 505. По-видимому, κότταρος был исконно сикельской модой, заимствованной греками (Athenæus, xv, pp. 666-668).

Сицилийский βουκολιασμός был в моде у сицилийских пастухов раньше Эпихарма, который заметил предполагаемого изобретателя его, Диома, βούκολος Σικελιώτης (Athenæ. xiv, p. 619). Деревенские нравы и речь, представленные в сицилийской комедии, противопоставляются городским нравам и речи аттической комедии у Плавта, Persæ. Act. iii. Sc. 1, v, 31:-

"Librorum eccillum habeo plenum soracum.

Dabuntur dotis tibi inde sexcenti logi,

Atque Attici omnes, nullum Siculum acceperis".

Сравните начало пролога к "Менекми" Плавта.

Комический μῦθος начался в Сиракузах с Эпихарма и Формиса (Аристотель. Поэт, v, 5).

[703] Zenobius, Proverb. v, 84.-Σικελὸς στρατιώτης.

[704] Diodor. xi, 90-91; xii, 9.

[705] См. Dolomieu, Dissertation on the Earthquakes of Calabria Ultra, in 1783, in Pinkerton, Collection of Voyages and Travels, vol. v, p. 280.

"Невозможно (замечает он) составить адекватное представление о плодородии Калабрии Ультра, особенно той ее части, которая называется Равниной (к юго-западу от Апеннин, ниже залива Святой Евфемии). Поля, на которых растут оливковые деревья, превосходящие по размерам все, что можно увидеть в других местах, еще и урожайны на зерно. Виноградные лозы нагружают своими ветвями деревья, на которых они растут, но не уменьшают урожай. Здесь растет все, и природа словно предугадывает желания земледельца. Никогда не хватает рук, чтобы собрать все оливки, которые в конце концов падают и гниют у подножия деревьев, давших им урожай, в феврале и марте. Толпы иностранцев, в основном сицилийцев, приезжают сюда, чтобы помочь собрать их и разделить с хозяином урожай. Масло - главная статья их экспорта: во всех кварталах их вина хороши и ценны". Сравните стр. 278-282.

[706] Мистер Кеппел Крейвен замечает ("Путешествие по южным провинциям Неаполя", гл. xiii, стр. 254): "Землетрясение 1783 года, можно сказать, изменило облик всей Калабрии Ультра и распространило свои разрушения вплоть до Козенцы на север".

[707] Aristot. Polit. vii, 9, 3.

[708] Strabo, vi, p. 263. Крамер в своем новом издании Страбона следует за Кораем, подозревая правильность имени Ἰσελικεῦς, которое, безусловно, отходит от обычной аналогии греческих имен. Однако, если предположить, что оно неверно, то нет никаких средств для его исправления: Крамер печатает: -οἰκιστῆς δὲ αὐτῆς ὁ Ἴσ...Ἐλικεῦς: таким образом, Ἐλικεῦς является этническим названием ахейского города Гелике.

Существовали также легенды, связывающие основание Кротона с Гераклесом, которого, как утверждалось, гостеприимно приютил одноименный герой Кротон. Геракл был οἰκεῖος в Кротоне: см. Ovid, Metamorph. xv, 1-60; Jamblichus, Vit. Pythagor. c. 8, p. 30, c. 9, p. 37, ed Kuster.

[709] Herodot. i, 145.

[710] Strabo, vi, p. 262; Livy, xxiv, 3.

[711] Aristot. Polit. v, 2, 10

[712] Strabo, vi, p. 263, v, p. 251; Skymn. Chi. v, 244; Herodot. vi, 21.

[713] Stephan. Byz. v. Τέρινα-Λαμητῖνοι; Skymn. Chi. 305.

[714] Thucyd. v, 5; Strabo, vi, p. 256; Skymn. Chi. 307. Стеф. Визант. называет Матаурум πόλις Σικελίας.

[715] Herodot. viii, 47. Κροτωνιῆται, γένος εἰσὶν Ἀχαιοί: дату основания называет Дионисий Галикарнасский (A. R. ii, 59).

Прорицания, обращенные к Мискеллу, подробно изложены во фрагментах Диодора, опубликованных Майи (Scriptt. Vet. Fragm. x, p. 8): сравните Zenob. Proverb. Centur. iii, 42.

Хотя Мискеллус, таким образом, указан как оекист Кротона, мы находим кротонийскую монету с надписью Ἡρακλῆς Οἰκίστας (Eckhel, Doctrin. Numm. Vet. vol. i, p. 172): поклонение Хераклесу в Кротоне под этим названием аналогично поклонению Ἀπολλῶν Οἰκιστῆς καὶ Δωματίτης в Ægina (Pythænêtus ap. Schol. Pindar. Nem. v, 81). О Гераклесе, Эпониме Кротоне и Лакинии ходили различные легенды. Herakleidês Ponticus, Fragm. 30, ed. Köller; Diodor. iv, 24; Ovid, Metamorph. xv, 1-53.

[716] Strabo, vi, p. 259. Евантея, Гиантея или Οεανθεῖα - один из городов озолийских локрийцев на северной стороне Крисского залива, откуда, возможно, ушли эмигранты, унеся с собой имя и покровительство своего одноименного экиста (Плутарх, Quæst. Græc. c. 15; Skylax, p. 14).

[717] Polyb. xii, 5, 8, 9; Dionys. Perieget. v, 365.

[718] Этот факт может связывать основание колонии Локри со Спартой; но утверждение Павсания (iii, 3, 1), что спартанцы при царе Полидоре основали и Локри, и Кротон, кажется, относится к другой исторической концепции.

[719] Polyb. xii, 5-12.

[720] Strabo, vi, p. 259. Мы видим, что в рассказах об основании Коркиры, Кротона и Локри упоминаются сиракузские поселенцы, либо как современники, либо как помощники: возможно, все эти рассказы исходят от сиракузского историка Антиоха, который преувеличивал вмешательство своих собственных предков.

[721] "Nil patrium, nisi nomen, habet Romanus alumnus", замечает Проперций (iv, 37) о римлянах: повторено с еще большей горечью в послании Саллюстия от Митридатес к Арсакесу (p. 191, Delph. ed.) Замечание хорошо применимо к Локри.

[722] Aristot. ap. Schol. Pindar. Olymp. x, 17.

[723] Proverb. Zenob. Centur. iv, 20. Ζαλεύκου νόμος, ἐπὶ τῶν ἀποτόμων.

[724] Strabo, vi, p. 259; Skymnus Chius, v, 313; Cicero de Legg. ii, 6, и Epist. ad Atticum, vi, 1.

Heyne, Opuscula, vol. ii, Epimetrum ii, pp. 60-68; Göller ad Timæi Fragment, pp. 220-259. Бентли (о Посланиях Фалариса, гл. xii, стр. 274), кажется, без достаточных оснований допускает сомнение Тимея в существовании Залеука. Но утверждение Эфора, что Залевк собрал свои постановления из критских, лаконских и арейопагитских обычаев, в сравнении с простым и гораздо более достоверным утверждением, приведенным выше Аристотелем, показывает, насколько шаткими были утверждения относительно локрийского законодателя (ap. Strabo, vi, p. 260). Другие утверждения о нем, на которые ссылается Аристотель (Politic. ii, 9, 3), также явно расходятся с хронологией.

Харондас, законодатель халкидских городов в Италии и Сицилии, насколько мы можем судить среди путаницы свидетельств, кажется, принадлежит к эпохе гораздо более поздней, чем Залевк: я расскажу о нем позже.

[725] Dêmosthen. cont. Timokrat. p. 744; Polyb. xii, 10.

[726] Strabo, vi, p. 257; Pausan. iv, 23, 2.

[727] Strabo, vi, p. 258. Ἰσχυσε δὲ μάλιστα ἡ τῶν Ῥηγινῶν πόλις, καὶ περιοικίδας ἔσχε συχνὰς и т. д.

[728] Strabo, vi, p. 263; Aristot. Mirab. Ausc. c. 106; Athenæ. xii, p. 523. Именно на этих предполагаемых родосских спутников Тлеполема до Трои ссылается Страбон, говоря о родосских жителях около Сибариса (xiv, p. 655).

[729] См. Mannert, Geographie, part ix, b. 9, ch. 11, p. 234.

[730] Archiloch. Fragm. 17, ed. Schneidewin.

[731] Herodot. vi, 127; Strabo, vi, p. 263. Имя Polieion, кажется, читается как Πλεῖον в Aristot. Mirab. Auscult. 106.

Нибур относит это колофонское поселение в Сирисе ко времени правления Гигеса в Лидии; для этого я не знаю других доказательств, кроме утверждения, что Гигес взял τῶν Колоφωνίων τὸ ἄστυ (Herodot. i, 14); но это не является доказательством того, что жители тогда эмигрировали; ибо Колофон был очень цветущим и процветающим городом и после этого.

Юстин (xx, 2) приводит случай святотатственной резни, совершенной возле статуи Athênê в Сирисе, который, по-видимому, полностью отличается от рассказа о колофонцах.

[732] Herodot. viii, 62.

[733] Strabo, vi, p. 264.

[734] Strabo, vi, p. 264.

[735] Strabo, l. c.; Justin, xx, 2; Velleius Paterc. i, 1; Aristot. Mirab. Auscult. c. 108. Эта история о присутствии и орудиях Эпея могла возникнуть благодаря фокийским переселенцам из Криссы.

[736] Слова Страбона - ἡφανίσθη δ' ὑπὸ Σαυνιτῶν (vi, p. 264) вряд ли можно связать с непосредственно следующим рассказом, который он приводит от Антиоха, о возрождении этого места новыми ахейскими поселенцами, приглашенными ахейцами из Сибариса. Ибо последнее место было приведено в бессилие в 510 году до н. э.: приглашения ахейцев из Сибариса должны быть, следовательно, предшествовать этой дате. Если признать Даулия, деспота Криссы, экистом Метапontiума, то его насаждение следует отнести к первой половине VI века до н. э.; но очень трудно допустить распространение самнитских завоеваний на Тарентумский залив в столь ранний период. Поэтому я считаю, что слова Антиоха относятся к первоначальному заселению Метапontiума греками, а не к возрождению города после его разрушения самнитами".

[737] Strabo, l. c.; Stephanus Byz. (v. Μεταπόντιον) с недоумением отождествляет Метапontiум и Сирус.

Ливий (xxv, 15) признает Метапontiум ахейским: ср. Heyne Opuscula, vol. ii, Prolus. xii, p. 207.

[738] Partheniæ, *т.е. дети девственников*: описание иллирийских *девственников*, данное Варро, иллюстрирует эту фразу: "Quas *virgines ibi* appellant, nonnunquam annorum xx, quibus mos eorum non denegavit, ante nuptias ut succumberent quibus vellent, et in comitatus ut vagari liceret, et *liberos habere*." (Varro, De Re Rusticâ, ii, 10, 9.)

[739] Эту историю об основании Тарентума см. у Страбона, vi, pp. 278-280 (который приводит версии Антиоха и Эфора); Юстина, iii, 4; Диодора, xv, 66; Excerpta Vatican. lib. vii-x, ed. Maii, Fr. 12; Servius ad Virgil. Æneid. iii, 551.

Между Антиохом, Эфором и Сервием есть несколько точек расхождения; история, приведенная в тексте, следует за первой.

Утверждение Гесихия (v. Παρθενεῖαι) кажется в целом более понятным, чем приводимое Страбоном, -Οἱ κατὰ τὸν Μεσσηνιακὸν πόλεμον αὐτοῖς γενόμενοι ἐκ τῶν θεραπαίνων- καὶ οἱ ἐξ ἀνεκδότου λάθρα γεννώμενοι παῖδες. Юстин переводит Partheniæ, *Spurii*.

Местные герои-эпонимы Тарас и Сатир (от Satyrium) были знамениты и почитаемы среди тарентинцев. См. Цицерон, Verr. iv, 60, 13; Сервий ad Virg. Georg. ii, 197; Zumpt. ap. Orelli, Onomasticon Tullian. ii, p. 570.

[740] Сравните Strabo, vi, p. 264 и p. 280.

[741] Strabo, vi, p. 278; Polyb. x, 1.

[742] Juvenal, Sat. vi, 297. "Atque coronatum et petulans madidumque Tarentum:" сравните Платон, Legg. i, p. 637; и Horat. Satir. ii, 4, 34. Аристотель. Polit. iv, 4, 1. οἱ ἀλιεῖς ἐν Τάραντι καὶ Βυζαντίῳ. "Tarentina ostrea", Varro, Fragm. p. 301, ed. Bipont.

Чтобы проиллюстрировать это замечание Аристотеля о рыбаках Тарентума, как о преобладающем классе в демократии, я привожу отрывок из книги г-на Кеппеля Крейвена "Путешествие по южным провинциям Неаполя", гл. x, с. 182. "Суинберн приводит список из

девятина трех различных видов моллюсков, которые водятся в Тарантском заливе, но особенно в Маре Пикколо. Среди них в древние времена мурекс и пурпура занимали первое место по ценности; в наши деградирующие дни мидии и устрицы, кажется, узурпировали первенство, столь же признанное, но менее достойное; но есть и множество других племен, которые пропорционально ценятся за их изысканный вкус и столь же жадно разыскиваются в соответствующие сезоны. Аппетит к моллюскам всех видов, свойственный уроженцам этих регионов, настолько преувеличен, что иностранцу, привыкшему считать съедобными лишь некоторые из них, он покажется преувеличенным. Этот вкус в Таранто, если можно так выразиться, сильнее, чем в любой другой части королевства, и объясняет сравнительно большой доход, который правительство получает от этой отрасли торговли. Маре Пикколо разделено на несколько частей, которые сдаются в аренду различным обществам, которые таким образом становятся единственными привилегированными рыбаками; низшие классы почти все заняты в этих корпорациях, поскольку каждый сезон года дает им занятие, так что, кажется, сама природа предоставила исключительную торговлю, наиболее подходящую для жителей Таранто. Оба моря изобилуют разнообразиями тестацеи, но внутренний залив (Mare Piccolo) считается наиболее благоприятным для их роста и вкуса; песчаное дно буквально почернело от покрывающих его мидий; лодки, скользящие по его поверхности, нагружены ими; они украшают скалы, окаймляющие берег, и в таком же изобилии появляются на берегу, сваленные в кучи". Далее мистер Крейвен еще более подробно иллюстрирует удивительное изобилие этого промысла; но уже переписанное, хотя и иллюстрирует замеченное выше замечание Аристотеля, в то же время поможет объяснить процветание и физическое изобилие древнего Тарентума.

Подробный рассказ о состоянии земледелия, особенно оливкового, вблизи вырождающегося современного Таранто см. в "Путешествии М. де Салиса Маршлинса в Неаполитанское королевство" (перевод Офрера, Лондон, 1795), разд. 5, pp. 82-107, 163-178.

[743] Скилак вообще не упоминает название Италии; он дает всему побережью, от Регия до Посейдонии на Средиземном море и от того же пункта до границы между Фуриями и Гераклеей на Тарентумском заливе, название Лукания (с. 12-13). От этого пункта он расширяет Иапигию до горы Дрион, или Гарган, так что в Иапигию он включает не только Метапontiю, но и Ираклию.

Антиох проводит границу между Италией и Иапигией на краю территории Метапонтии, охватывая Метапontiю в Италии и Тарентум в Иапигии (Antiochus, Frag. 6, ed. Didot; ap. Strabo, vi, p. 254).

Геродот, однако, говорит не только о Метапонтии, но и о Тарентуме, как о находящемся в Италии (i, 24; iii, 136; iv, 15).

Я обращаю внимание на это расхождение в географической речи двух современников - Геродота и Антиоха - тем более, что Нибур впал в ошибку, следуя исключительно за Антиохом и утверждая, что *ни один писатель*, даже времен Платона, не стал бы говорить о Тарентуме как об *Италии* или о тарентинцах как об италиотах. Это совершенно верно по отношению к Антиоху, но, конечно, не верно по отношению к Геродоту; также нельзя показать, что верно по отношению к Фукидиду, - ибо отрывок из последнего, который приводит Нибур, не подтверждает его вывод. (Niebuhr, Römische Geschichte, vol. i. pp. 16-18, 2d edit.)

[744] Herodot. vii, 170; Плиний, Н. N. iii, 16; Athenæ. xii, p. 523; Servius ad Virgil. Æneid. viii, 9.

[745] Herodot. iv. 99.

[746] Servius ad Virgil. *Æneid.* vii, 691. Полибий отличает иапигийцев от мессапийцев (ii, 24).

[747] Павсаний, x, 10, 3; x, 13, 5; Страбон, vi, p. 282: Юстин, iii, 4.

[748] См. описание французских военных операций в этих почти недоступных регионах, содержащееся в ценной публикации французского генерала, прослужившего в этой стране три года, "Калабрия во время трехлетнего военного пребывания", Лондон, 1832, Письмо хх, стр. 201.

Вся картина Калабрии, содержащаяся в этом томе, интересна и поучительна: военные действия никогда прежде не велись, вероятно, в горах Силы".

[749] См. Феокрит, Идиллия, iv, 6-35, которая иллюстрирует изложенную здесь мысль.

[750] Suidas, v. Πίνθων; Stephan. Byz. v. Τάρας: сравните Bernhardt, Grundriss der Römischen Litteratur, Abschnitt ii, pt. 2, pp. 185-186, об аналогии этих φλύακες из Ринтона с родными итальянскими мимами.

Диалект других городов итальянской Греции очень мало известен: древняя надпись из Петилии - дорийская: см. Ahrens, De Dialecto Doricâ, sect. 49, p. 418.

[751] Aristophan. Vesp. 1260. Αἰσωπικὸν γελοῖον, ἢ Συβαριτικόν. То, что подразумевается под Συβαριτικὸν γελοῖον, плохо объясняется схолиастом, но прекрасно иллюстрируется самим Аристофаном в последующих стихах той же пьесы (1427-1436), где Филоклеон рассказывает две хорошие истории о "сибаритском мужчине" и "сибаритской женщине": "Ἀνὴρ Συβαρίτης ἐξέπεσεν ἐξ ἄρματος, etc.-ἐν Συβάρει γυνὴ ποτὲ Κατέαξ' ἐχῖνον и т. д.

Эти Συβάρια ἐπιφθέγματα древнее, чем Эпихарм, чей ум был сильно пропитан пифагорейской философией. См. Etymolog. Magn. Συβαρίζειν. Илиан также забавлялся ἱστορίαι Συβαριτικάι (V. Н. xiv, 20): сравните Гесихий, Συβαριτικοὶ λόγοι, и Суидас, Συβαριτικάς.

[752] Так, Геродот (vi, 127) сообщает нам, что в то время, когда Клейстенес из Сикиона пригласил из всей Греции достойных женихов на руку своей дочери, среди них был и Сминдиридес из Сибариса, "самый нежный и роскошный из всех, кого когда-либо знали" (ἐπὶ πλεῖστον δὴ χλιδῆς εἰς ἀνὴρ ἀφίκετο-Herodot. vi, 127), а Сибарис в это время (580-560 гг. до н. э.) переживал наибольшее процветание. У Хамелеона, Тимея и других писателей, написанных после Аристотеля, приводится больше подробностей. Сминдиридес, как говорят, взял с собой на свадьбу тысячу домашних слуг, рыбаков, ловцов птиц и поваров (Athenæ. vi, 271; xii, 541). Подробности сибаритской роскоши, приведенные Афинеем, в основном заимствованы у писателей послеаристотелевской эпохи - Гераклида Понтийского, Филарха, Клеарха, Тимея (Athenæ. xii, 519-522). Самым достоверным из всех примеров сибаритского богатства является великолепное одеяние длиной пятнадцать локтей, которое сибарит Алкименес принес в жертву в лакинском храме Геры. Дионисий Сиракузский разграбил этот храм, завладел одеянием и, как говорят, продал его карфагенянам за сто двадцать талантов: Полемон, перизет, кажется, видел ее в Карфагене (Aristot. Mirab. Ausc. 96; Athenæ. xii, 541). Правильно ли указана цена, мы не в состоянии определить.

[753] Herodot. vii, 102. τῇ Ἑλλάδι πενίη μὲν αἰεὶ κοτὲ σύντροφός ἐστι.

[754] Varro, De Re Rusticâ, i, 44. "In Sybaritano dicunt etiam cum centesimo redire solitum". Земля итальянских греков стоит на первом месте по пшеничному хлебу и говядине; сиракузская - по свинине и сыру (Hermippus ap. Athenæ. i, p. 27): о превосходной пшенице Италии сравни Sophoklês, Triptolem. Fragm. 529, ed. Диндорфа.

Теофраст рассказывает о превосходстве земли близ Миле, на территории сицилийского Мессене, которая давала, по его словам, тридцатикратный урожай. (Hist. Plant. ix, 2, 8, p. 259, ed. Schneid.) Это дает возможность для сравнения, как для реального превосходства древней сибаритской территории, так и для оценки, в которой она находилась; ее предполагаемая производительность была более чем в три раза выше, чем в Миле.

См. в книге г-на Кеппеля Крейвена "Путешествие по южным провинциям Неаполя" (главы xi, xii, стр. 212-218) описание богатой и плодородной равнины Кратис (посреди которой стоял древний Сибарис), простирающейся на шестнадцать миль от Кассано до Корильяно и на двенадцать миль от первого города до моря. Сравните также картину той же страны в работе французского офицера, упомянутой в [предыдущем примечании](#), "Калабрия во время трехлетнего военного пребывания", Лондон, 1832, Письмо xxii, стр. 219-226.

Гекатей (с. 39, изд. Клаузена) называет Козу -Κόσσα, πόλις Οἰνωτρῶν ἐν μεσογαίᾳ. Коса считается идентичной, казалось бы, на веских основаниях, с современным Кассано (Cæsar, Bell. Civ. iii, 22): если предположить, что это верно, то в пределах восьми миль от древнего города Сибарис должен был существовать зависимый от CEnotrian город.

[755] Диодор xii, 9.

[756] Athenæus, xii, p. 519.

[757] Herodot. vi, 21. О большом изобилии корабельной древесины на территории италиков (италийских греков) см. Thucyd. vi, 90; vii, 25.

Смола из сосновых лесов в Силе также была в изобилии и славилась (Strabo, vi, p. 261).

[758] Herodot. iii, 138.

[759] Athenæus, xii, p. 519.

[760] Festus, v. bilingues Brutates.

[761] Strabo, vi, p. 262.

[762] Jamblichus, Vit. Pythagor. c. 9, p. 33; c. 35, p. 210.

[763] Athenæus, xii, 541.

[764] Эта дата зависит от Тимея (цитируется Скимном Хиусом, 210) и Солина; кажется, нет причин не доверять ей, хотя Фукидид (i, 13) и Исократ (Архидам, стр. 316), кажется, считают, что Массалия была основана фокейцами примерно 60 лет спустя, когда Иония была завоевана Гарпагом (см. Bruckner, Historia Reip. Massiliensium, sect. 2, p. 9, Raoul Rochette, Histoire des Colonies Grecques, vol. iii, pp. 405-413, который, однако, помещает прибытие фокейцев в эти регионы и в Тартесс слишком рано).

[765] Aristotle, Μασσαλιῶτων πολιτεία, ap. Athenæum, xiii, p. 576; Юстин, xliii, 3. Плутарх (Solon, c. 2), кажется, следует той же истории, что и Юстин.

[766] Strabo, iv, pp. 179-182; Юстин, xliii, 4-5; Цицерон, Pro Flacco. 26. Из Аристотеля (Polit. v, 5, 2; vi, 4-5) скорее следует, что сенат изначально был органом совершенно закрытым, что порождало недовольство со стороны богатых людей, не входивших в него: смягчение происходило путем принятия в него время от времени людей, выбранных из последних.

Некоторые авторы, похоже, обвиняли массалиотов в роскоши и женоподобных привычках (см. Athenæus, xii, p. 523).

[767] Strabo, vi, p. 269: сравните Timæus, Fragm. 49, ed. Göller; Fr. 53, ed. Didot.

[768] Thucyd. i, 25.

[769] Strabo, l. c.; Plutarch, Quæst. Græc. c. 11; другая басня в Conon. Narrat. 3, ap. Photium Cod. 86.

[770] Herodot. iii, 49.

[771] Thucyd. i, 108; iii, 102.

[772] Thucyd. i, 13.

[773] Herodot. iii, 49-51: см. выше, гл. ix, с. 42 настоящего тома.

[774] Thucyd. i, 25-37.

[775] Herodot. vii. 155.

[776] Thucyd. iii, 85. Эти укрепления, вероятно, упоминаются также в i, 45-54. ἡ ἐς τῶν ἐκείνων χωρίων.

[777] Thucyd. i, 47.

[778] Strabo, vii, p. 325, x. p. 452; Skymn. Chi. 453, Raoul Rochette, Hist. des Colon. Grecq. vol. iii, p. 294.

[779] Aristot. Polit. v, 3, 5; v, 8, 9.

[780] О Леукасе см. Strabo, x, p. 452; Skylax, p. 34; Steph. Byz. v. Ἐπὶ Λευκάδιοι.

Страбон, по-видимому, приписывает прорезание перешейка первоначальным колонистам. Но Фукидид говорит об этом перешейке самым ясным образом (iii, 81), а коринфские военные корабли переправляются через него. Диориктос, или промежуточный фактический канал, всегда был мелким, достаточно глубоким для лодок, так что военные корабли приходилось переправлять вручную или с помощью машин (Polyb. v, 5): и Плутарх (De Serâ Num. Vind. p. 552), и Плиний рассматривают Леукадию как снова ставшую полуостровом из-за скопления песка (Н. N. iv, 1): сравните Ливий, xxxiii, 17.

Маннерт (Geograph. der Gr. und Röm. part viii, b. 1, p. 72) принимает утверждение Страбона и считает, что Диориктос уже был вырыт до времен Фукидида. Но более разумным кажется предположение, что Страбон был дезинформирован относительно даты, и что выемка произошла в какой-то период между эпохой Фукидида и эпохой Скилакса.

Боекх (ad Corp. Inscriptt. Gr. t. i, p. 58) и В. К. Мюллер (De Corcyraeor Republicâ, Götting. 1835, p. 18) согласны с Маннертом.

[781] Skymn. Chius, 458; Thucyd. i, 55; Plutarch, Themistoklês, c. 24.

[782] Thucyd. i, 46; Strabo, x, p. 452. До 220 г. до н. э. храм Аполлона Актія, который во времена Фукидида принадлежал Анакториуму, перешел к акарнанцам; похоже, что и сам город был влит в Акарнанскую лигу, так как Полибий не упоминает его отдельно (Polyb. iv, 63).

[783] Thucyd. iii, 94, 95, 115.

[784] Thucyd. i, 24-26.

[785] Ритор Аристеидес делает подобный комплимент Кизикусу в своем панегирическом обращении к этому городу, - бог Аполлон основал его лично и непосредственно сам, а не через какого-либо человека-кистика, как это было с другими колониями (Aristeidês, Λόγος περὶ Κυζίκου, Or. xvi, p. 414; vol. i, p. 384, Dindorf).

[786] Thucyd. i, 24. ἐγένετο μεγάλη καὶ πολυάνθρωπος; Strabo, vii, p. 316, viii, p. 357; Steph. Byz. v. Ἀπολλωνία; Plutarch, De Serâ Numin. Vind. p. 553; Pausan. v, 22, 2.

Относительно равнины вблизи места древней Аполлонии полковник Лик замечает: "Возделывание этой благородной равнины, способной снабжать зерном всю Иллирию и Эпир, а также изобилием других продуктов, ограничивается несколькими участками кукурузы возле деревень" (Путешествия по Северной Греции, т. i, гл. vii, с. 367.) Сравните с с. ii, с. 70.

Страна, окружающая Дураццо (древний Эпидамн), описывается другим прекрасным наблюдателем как весьма привлекательная, хотя сейчас и нездоровая. См. ценный топографический труд "Albanien, Rumelien, und die Oesterreichisch-montenegrinische Gränze," von Dr. Joseph Müller (Prag. 1844), p. 62.

[787] Thucyd. i, 25; Aristot. Polit. ii, 4, 13; iii, 11, 1; iv, 3, 8; v, 1, 6; v, 3, 4.

Аллюзии философа настолько кратки, что не передают практически никаких знаний: см. O. Müller, Dorians, b. iii, 9, 6; Tittmann, Griech. Staatsverfass. p. 491.

[788] Plutarch, Quæst. Græc. p. 297, с. 29; Ælian, V. H. xiii, 16.

[789] W. C. Müller. De Corcyræor. Repub. ch. 3, pp. 60-63; Aristot. Mirab. Ausc. с. 104; Hesychius, v. Κερκυραῖοι ἀμφορεῖς; Herodot. i, 145.

Историю, приведенную в вышеупомянутом отрывке Псевдо-Аристотеля, следует рассматривать в связи с последующей главой того же труда (105), где приводится утверждение, которому в значительной степени доверяли в античности, что река Дунай в определенном месте своего течения разветвлялась на два потока, один из которых впадал в Адриатику, а другой - в Эвксин.

[790] См. надписи № 1838 и № 1845 в коллекции Бёкха, а также "Метрологию" Бёкха, vii, 8, p. 97. Относительно коринфской чеканки наши сведения путаны и несовершенны.

[791] Thucyd. ii, 30-66.

[792] См. Aristot. Fragm. περὶ Πολιτεῶν, ed. Neumann: Fragm. 2, Ἀκαρνάνων πολιτεία.

[793] Pollux, i, 150; Thucyd. ii. 81.

[794] Thucyd. ii, 102; iii, 105.

[795] Thucyd. ii, 68-102; Stephan. Byz. v. Φοῖτιαι. См. дискуссию у Страбона (x, p. 462) о том, участвовали ли акарнанцы в экспедиции против Трои или нет; Эфор отвечает отрицательно и придумывает правдоподобный рассказ, чтобы объяснить, почему они этого не сделали. Наступило время, когда акарнанцы получили кредит доверия Рима за это предполагаемое отсутствие их предков.

[796] Polyb. iv, 30: сравните также ix, 40.

[797] Diodor. xix, 67; Livy, xxxiii, 16-17; xlv, 31.

[798] Skylax. c. 28-32.

[799] Herodot. ii, 56, v, 92, vi, 127; Thucyd. ii, 80; Plato, Minos, p. 315. Хаонийцев и феспротийцев разделяла река Тиамис (ныне Каламас), - Thucyd. i, 46; Stephanus Byz. v. Τροία.

[800] Hekataëus, Fr. 77, ed. Klausen; Strabo, vii, p. 326; Appian, Illyric. c. 7. Во времена Фукидида молоссы и атинтанцы находились под властью одного царя (ii, 80). Название Ἠπειρώται у Фукидида означает только жителей континента, -οἱ ταύτη ἡπειρώται (i, 47; ii, 80) включает эптолийцев и акарнанцев (iii, 94-95), и применяется к жителям Фракии (iv, 105).

Эпир используется в особом смысле для обозначения территории к западу от Пинда Ксенофонтom, Hellen. vi, 1, 7.

Сравните Маннерт. Geographie der Griech. und Römer, part vii, book 2 p. 283.

[801] Strabo, vii, p. 324.

[802] Thucyd. ii, 68.

[803] Strabo, vii, p. 324. В этих же регионах под турецким правительством в настоящее время происходит такое смешение и общение греков, албанцев, болгар-склавонцев, валахов и турок, что большинство местных жителей оказываются перед необходимостью овладеть двумя, а иногда и тремя языками: см. Dr. Grisebach, Reise durch Rumelien und nach Brussa, ch. xii, vol. ii, p. 68.

[804] Livy, xlv, 34; Thucyd. i, 47. Фанотек, в более северной части Эпира, называется только *кастеллумом*, хотя это был важный военный пост (Livy, xliii, 21).

[805] Leake's Travels in Northern Greece, ch. xxxviii, vol. iv, pp. 207, 210, 233; ch. ix. vol. i, p. 411; Cyprien Robert, Les Slaves de Turquie, book iv, ch. 2.

Βουβόται πρῶνες ἐξόχοι - Пиндар, Нем. iv, 81; Cæsar, Bell. Civil. iii, 47.

[806] Polybius, ii, 5, 8.

[807] Плутарх, Pyrrh. c. i; Ливий, xlv, 26.

[808] См. описание географических особенностей Эпира в Boué, La Turquie en Europe, Géographie Générale, vol. i, p. 57.

[809] См. рассказ об этой территории в "Путешествиях полковника Лика по Северной Греции", т. i, гл. v; его путешествие из Янины, через район Сули и русло Ахерона, на равнину Глики и к Ахерийскому озеру и болотам у моря. Сравните также: т. iv, гл. xxxv, с. 73.

"Для древних мест (замечает полковник Лик), которые так многочисленны в больших долинах, орошаемых нижним Ахероном, нижним Тиамисом и их притоками, для географа является ужасным разочарованием не иметь возможности применить одно название с абсолютной уверенностью".

Количество этих мест позволяет сделать одно из многих предположений, что каждое из них должно было быть незначительным.

[810] Dêmosthenês, De Haloneso, ch. 7, p. 84 R; Strabo, vii, p. 324.

[811] Skylax, c. 32; Pausanias, i, 11; Justin, xvii, 6.

То, что *Аррибас* Юстина - это тот же самый *Тарипас* Павсания, - возможно, также тот же самый *Тарипс* в Фукидиде, который был несовершеннолетним в начале Пелопоннесской войны, - кажется вероятным.

[812] Thucyd. ii, 81.

Примечание транскриптора

- Изображение обложки книги было создано транскриптором и является общественным достоянием.
 - Сноски были перенумерованы и перенесены в конец книги.
 - Пустые страницы пропущены.
 - Очевидные типографские ошибки были беззвучно исправлены после сравнения с более поздним изданием этой работы. Греческий текст также исправлен после сверки с этим более поздним изданием и с Персеем, когда была найдена ссылка.
 - Оригинальные орфография, дефис и пунктуация сохранены, но варианты написания приведены в соответствие, если было обнаружено преобладающее употребление.
 - Невзирая на это, не было предпринято никаких попыток нормализовать имена собственные (*например*, Rhegium и Rhêgium, Hêrakteia и Herakteia, Abydos и Abydus, Arsacês и Arsakês, Krêtê и Krête и Krete, Nabopolasar и Nabopolassar, Nanus и Nannus, Ninos и Ninus, Perieget. и Periegêt. и Periêgêt., и т. д.). В начале первого тома этой работы автор установил некоторые правила транскрипции имен собственных, но ни он, ни его издатель не следуют им последовательно.
 - В с. 63 слово "**разные**" было вставлено ("*члены одного рода могли принадлежать к разным демам*") после консультации с более поздними изданиями.
 - В р. 279, **п. 534**: ссылка на с. xii, р. 227 была заменена на "с. xii, **п. 171**", чтобы сохранить смысл примечания.
-